

Вера Анмут

Ливень в графстве Регенплатц

Вера Анмут

Ливень в графстве Регенплатц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70081210

SelfPub; 2023

Аннотация

Молодой правитель земель Регенплатца, ландграф Генрих, должен жениться на девушке, равной ему по статусу. Вот только сердце его принадлежит другой – простой горожанке. Однако влюбленным не суждено быть вместе: возлюбленная Генриха погибает от рук разбойников. На память о ней остается малыш Берхард – бастард, который по воле отца должен будет занять его трон. Вот только законный сын Генриха – Густав – растет с мыслью, что Берхард отбирает у него всё: титул, земли, уважение отца, а позже и возлюбленную Гретту. Ненависть к брату толкает Густава на преступление. Посмеет ли кто-нибудь его остановить? Или что-нибудь?

Вера Анмут

Ливень в графстве Регенплатц

ПРОЛОГ

Она стояла на самой высокой башне замка и смотрела вдаль. Холодный ветер спутывал её волосы, трепал подол чёрного плаща. И всё же он был ласков, с ней был ласков. Ветер дул с Рейна, слетал с его холмов. Он нёс с собой влагу, гнал из-за дальних гор тяжёлые тучи. На Регенплатц надвигался ливень.

Она подставила ветру своё лицо. Она не ощущала холод. Этот ветер был вестником не только стихии, но и грядущей радости. Её радости. Осталось подождать совсем немного.

Рейн потемнел, забурился, занервничал. О берег бились волны, предупреждая рыбаков о шторме. И люди торопились убрать подальше от наступающей воды свои лодки и свернуть сети. Лес у подножия замка шумел, взволнованный резкими порывами ветра, и гул его сливался с ворчанием Рейна. И только Стиллфлусс, скромная застенчивая речка, огибая равнину, продолжала тихо и покорно нести свои воды её господину, величественному Рейну, где они растворялись, навсегда исчезали в его глубинах, в его мощи. До Стиллфлусс стихия ещё не дошла.

Солнце нехотя собирало свои лучи, забирая тепло и уступая место грозе. Тени надвигающихся туч постепенно накрывали красные черепичные крыши города Крафтбурга, расположившегося на равнине в междуречье. В его уютном порту тревожно покачивались большие парусные корабли, нервничали торговые суда, суетились лодочки. Улицы опустели. Жители укрылись в домах, закрыли окна.

И люди, и природа трепетали перед стихией. Все и всё, но только не она. Фамилия Регентропф обязывала её быть сильной, стойкой, гордой. Сильной, как веками никем не покорённый Крафтбург, стойкой, как неприступные стены замка Регентропф, гордой, как могучий Рейн. Она стояла на самой высокой башне замка, вросшего в вершину самого высокого холма Регенплатца, она была ближе всех к небу, к тучам, стояла в самой гуще ветра. Она ждала ливень. Она ждала его, своего любимого. Она знала, что он скоро придёт. Осталось подождать совсем немного.

ГЛАВА 1

В дверь спальни негромко постучали, раз, другой. Этот звук без труда прервал некрепкий сон ландграфа фон Регентропфа. Мужчина открыл глаза и, прослушав очередной стук, недовольно нахмурился. Впрочем, недовольство быстро сменилось неясной тревогой. Генрих резко откинул одеяло, вскочил с кровати и быстро направился к двери.

– Что случилось, дорогой? – приподнялась в постели раз-

буженная Патриция.

Но Генрих проигнорировал беспокойство супруги. Он открыл дверь, за ней стоял слуга.

– Извините, ваше сиятельство, – с покорностью проговорил он. – Вы сами просили разбудить вас, если приедет гонец из Крафтбурга. Он прибыл и ожидает вас внизу.

– Ты правильно сделал, прервав мой сон. Я спущусь к гонцу немедленно.

Слуга с поклоном удалился.

– Что за гонец? Откуда он? Что произошло? – всё больше тревожилась Патриция.

– Ничего такого, о чём ты должна волноваться, – отмахнулся от неё супруг, торопливо одеваясь. – Продолжай спать. Это мои дела.

Генрих вынул из держателя в стене горящий факел, вышел из спальни и быстро спустился по лестнице. Грея озябшие руки у яркого огня в камине, в зале ожидал молодой человек. Его плащ промок от проливного дождя на улице, на сапоги налипла грязь.

– Какие вести ты мне привёз, друг Клос? – негромко спросил Генрих, приблизившись к гонцу.

Клос Кроненберг тут же повернулся и склонился в уважительном поклоне перед хозяином замка.

– Фройлен Эльза направила меня к вам, ландграф, и слёзно просила как можно скорее привезти вас к ней, – так же тихо проговорил молодой мужчина. – Я обещал, что на рас-

свете исполню её просьбу, но она настояла отправляться мне в путь немедленно.

– Неужели она настолько нездорова? – заволновался Генрих.

Клос опустил глаза.

– Не могу вам точно сказать... – неуверенно промолвил он. – Когда я собирался в путь, у фройлен Эльзы начинались роды...

– Что?!

– Я не видел её, меня не пустили... Мне лишь передали её просьбу привезти вас.

– Кто с ней рядом?

– Повитуха, служанки, моя жена Хармина, Хельга...

– Хельга? Зачем там эта старая ведьма?

– Третьего дня у фройлен начались боли, и она потребовала привезти Хельгу.

– Что ж, может, это и правильно, – пожав плечами, нехотя согласился Генрих. – Хельга многих излечила, возможно, поможет и бедной Эльзе. Но ты хоть слышал разговоры женщин?

– Да разве разберёшь в их суете хоть слово? Они всё больше громко причитали, да взывали к небесам за помощью, за милостью к бедняжке Эльзе.

Генрих слушал друга со скорбью на лице. Его рука была прижата к сердцу, в котором снова почувствовалась лёгкая боль.

– Я еду к ней немедленно. Вели седлать коня для меня.

– На улице ливень, и он усиливается, – предупредил Клос.

– Разве мне страшен ливень? – повысив голос, возмутился

Генрих. – Эльза зовёт меня, и я должен быть с ней! Особенно сейчас, в столь трудное для неё время. Сейчас же едем! Готовь коня моего! Да пошли за моим лекарем Гойербаргом!

Верный Клос Кроненберг поспешил выполнить распоряжения. Ландграф же позвал слугу и велел приготовить для него одежду для поездки в город.

– Куда ты собираешься? – вдруг окликнула его Патриция.

В одной нижней рубашке со свечой в руке она спешно спускалась по ступеням крутой лестницы.

– Мне надо срочно уехать, – бросил ей супруг и собрался идти по своим делам.

– Зачем?

– У меня дела.

– Ночью?

Генрих остановился и вонзил недовольный взгляд в жену.

– Патриция, иди спать, – приказал он ей. – Мои проблемы не нуждаются в твоём участии.

Ландграфиня приблизилась к супругу и заглянула ему в глаза.

– Твои проблемы, – горько усмехнулась она. – Что ты пытаешься скрыть от меня, от супруги твоей? То, о чём в нашем замке уже все знают? То, о чём открыто говорит весь город? О твоей бесстыдной связи с этой распутной Эльзой

Штаузенг известно уже всем. Всем! Неужели ты думал, что для меня это останется вечной тайной?

Генрих вполне спокойно отреагировал на осведомлённость своей жены. Не отвёл взгляда, не склонил головы, стыд не вспыхнул на его щеках.

– Я уже давно знаю, зачем ты так часто под вечер уезжаешь в город, – продолжала оскорблённая женщина. – Я даже знаю, что та девка ждёт от тебя ребёнка!

– Это хорошо, Патриция, что тебе всё известно, – невозмутимо отозвался Генрих. – Значит, отныне мне больше не придётся скрывать свои поездки.

– Ты позоришь меня перед всем народом и даже не хочешь извиниться?

– Мне не за что извиняться. И вообще, у меня сейчас совершенно нет времени обсуждать с тобой эту тему. Поговорим после моего возвращения.

И Генрих, равнодушно отвернувшись от супруги, пошёл прочь.

Он не любил Патрицию, и она об этом прекрасно знала. Их брак состоялся в результате обоюдного решения между покойным ландграфом Йоханом фон Регентропфом, отцом Генриха, и его другом графом Альфартом Бренденбругом. У молодых согласия никто не спрашивал, им нужно было просто повиноваться воле родителей. Впрочем, Патриция довольно быстро прониклась симпатией к сильному, красивому молодому голубоглазому мужчине с волосами цвета спе-

лой пшеницы, с характером гордого орла. А вскоре даже полюбить смогла его за ум, доброту и отвагу. Генрих же в своей молодой жене не увидел того идеала, который искал в женщинах. Патриция была хороша собой и прекрасно образована, однако ни дивный блеск её золотых волос, ни стройный стан, ни приятная слуху речь не смогли зажечь в сердце гордого ландграфа даже самой крохотной любви. И всё же он вёл себя уважительно по отношению к супруге, так что Патриции не на что было жаловаться. К тому же в ней жила уверенность, что как только она подарит мужу сына, тот просто не сможет не полюбить её за такое счастье. Генрих тоже надеялся, что его жена здорова и плодовита, что дерево его древнего рода пустит новые ветви. Но прошёл год, второй, третий, а его семья не пополнялась ни сыновьями, ни дочерьми. К нелюбви в душе Генриха добавилось разочарование.

И всё же мольбы Патриции были услышаны, и Бог вселил в её чрево новую жизнь. Правда, к тому времени Генрих уже успел увлечься юной черноокой красавицей Эльзой, дочерью уважаемого и преуспевающего бюргера Ахима Штаузенга, державшего сапожную мастерскую и при ней лавку. Генрих старательно скрывал от супруги свою страсть к девушке, но слухи всё равно достигли Патриции и ранили её до глубины души. Молодая женщина не высказала мужу ни слова упрёка. Она терпела его измены и ждала рождения своего ребёнка, уверенная в том, что малыш сумеет вернуть в

семью отца и зажечь в его сердце любовь и благодарность к матери.

Патриция вынашивала дитя тяжело и болезненно, а роды вообще едва не лишили её жизни. Лекарь Питер Гойербарг, который уже много лет прослужил в семье ландграфа фон Регентропфа и заслужил доверие к своему мастерству, запретил молодой ландграфине даже думать о втором ребёнке. А как Патриция могла о нём не думать? Ведь у неё родилась девочка, а нужен был мальчик.

Но Генрих влюбился в дочурку Маргарет с первого взгляда, с первого её крика. Он проводил с ней много времени, его отлучки из дома стали реже и короче, однако совсем не прекратились. Патрицию такое поведение супруга немного успокоило. И даже снова затеплилась надежда, что Генрих постепенно остынет к Эльзе и найдёт своё счастье в кругу семьи.

Но вот прошло чуть больше года, и до ландграфини долетели новые слухи о том, что Эльза ждёт ребёнка. Патриция не сомневалась, что это ребёнок Генриха. И она испугалась. А вдруг родиться мальчик? Тогда Генрих заберёт его в замок, будет растить как своего приемника. А вдруг он привезёт в замок и эту бесстыжую Эльзу? Тогда она станет здесь хозяйкой, займёт место Патриции и в замке, и в постели Генриха. А что станет с ней, с Патрицией и её дочерью? Ну, Маргарет Генрих любит и оставит с собой, а нелюбимую жену вполне сможет отправить обратно в её родовой замок, по-

дальше от себя и своей обожаемой Эльзы. Или ещё хуже, за-
прёт в монастырь. И неважно, что многие жители Регенплат-
ца осудят его поступок. После смерти отца Генрих стал пол-
ноправным правителем этого ландграфства, он устанавливал
здесь свои законы и порядки, стал королём Регенплатца, и
ему никто не посмеет противоречить, а значит, бедной Пат-
риции негде искать защиты и поддержки.

Такой представляла себе будущую жизнь молодая ланд-
графиня, рыдая от обиды и унижения на коленях у своей ма-
тери. Магда Бренденбург после того, как скончался её муж,
и графство перешло к его брату, с согласия ландграфа пе-
реехала жить к дочери в замок Регентропф. Не раздумывая
долго, она посоветовала Патриции как можно скорее уни-
чтожить Эльзу, а главное её ребёнка. Патриция сначала бы-
ла шокирована столь жестоким советом, но мать убедила её,
что это единственный выход спасти себя и свою честь.

Через верную молодую служанку Ханну Патриция наняла
двух бродяг и приказала им убить Эльзу Штаузенг. За хоро-
шую плату бродяги согласились на преступление. Они вы-
крали девушку и бросили её в Рейн. С Божьей помощью ей
удалось спастись и выжить, но побои и страхи, безусловно,
подорвали здоровье Эльзы, и приблизили срок рождения ре-
бёнка.

Лишь накануне Генрих узнал от болтливой прислуги, что
какие-то крестьяне нашли несчастную Эльзу Штаузенг на
берегу реки избитую и без сознания. Генрих так разволно-

вался, что сердце его едва не разорвалось от боли. Лекарь Гойербарг, опасаясь за жизнь ландграфа, настрого запретил ему куда-либо ехать. Да Генрих и сам чувствовал, что здоровье не позволит ему отдалиться дальше крепостной стены. Тогда он немедленно отправил к Эльзе своего верного друга рыцаря Клоса Кроненберга с просьбой узнать, что произошло, кто виновен, и в каком состоянии находится девушка. Патриция, остановившись за дверью, слышала этот разговор мужчин, и весть, что соперница выжила, её обеспокоила и даже разозлила. Однако ещё теплилась надежда, что потрясения, которые пережила молодая женщина, убьют её греховный плод.

Патриция не хотела отпускать мужа, да разве его удержать? Сейчас, когда жизнь его возлюбленной висела на волоске, когда хрупкая жизнь его ребёнка тоже вызывала сомнения, ни сердечный недуг, ни людское осуждение, ни дождливая ночь не могли остановить Генриха.

Выслушав неприятные реплики супруга, Патриция топнула ногой с досады, затем развернулась и отправилась обратно в свои покои. Впрочем, на полпути она свернула в другой коридор. Сейчас Патриция крайне нуждалась в совете матери, в разговоре с близким человеком. Она не боялась разбудить графиню Бренденбург, шум и суeta во дворе замка наверняка уже прервали её сон.

Патриция подошла к двери и осторожно постучала:
– Мама, вы спите?

Вместо ответа отворилась дверь, за которой показалась прямая худощавая фигура сорокалетней светловолосой женщины. Мать тревожно смотрела на свою дочь.

– Ничего не получилось, мама. Она осталась жива, и сегодня, сейчас её ребёнок появится на свет.

Графиня Бренденбург пропустила дочь в комнату и плотно прикрыла за ней дверь.

– Откуда такие вести?

– Их привёз из города Клос Кроненберг, – ответила Патриция и, оставив свечу на столе, подошла к окну. – Вон, Генрих собирается ехать к ней. Ночь, ливень, но всё равно он едет.

Ревность так и бурлила в её душе, всё больше увеличивая ненависть к сопернице.

– Да, любовь к Эльзе Штаузенг в нём сильна, – с горьким вздохом согласилась Магда.

– Но как же удалось выжить этой мерзавке?

– Не знаю.

– Что же делать мне теперь? – на глазах Патриции блеснули слёзы.

С задумчивым взглядом Магда прошла вглубь комнаты и присела на разостланную кровать.

– Пока мы можем только ждать. Быть может, Бог всё-таки не будет благосклонен к Эльзе и не пошлёт ей сына.

– Я буду молить его об этом. Горячо молить!

Мать взглянула на дочь, глаза которой уже были наполне-

ны влагой, и жалость сжала её сердце. Природа и судьба отнесли к Патриции жестоко и несправедливо. Одна запретила ей рожать детей, другая отдала её в руки неверного мужа. Магда с ласковой улыбкой протянула руки к дочери, и Патриция, дав волю рыданиям, бросилась в объятия матери.

– Мы что-нибудь придумаем, – успокаивала Магда, нежно поглаживая дочь. – Обязательно придумаем. Я не позволю, чтоб ты была несчастна, чтоб в дом твой вошла любовница мужа и тем более её зарождённый во грехе отпрыск. Она ещё не выиграла.

Разрезая ливень, сквозь ночь Генрих мчался на коне в город к своей любимой. Его сердце бешено колотилось, душу сковала тревога, мысли хаотично метались, смешивая надежды на будущее с полным их крахом, нежные воспоминания о любви с их потерей. Дождь водной пеленой покрывал лицо Генриха, застилал глаза, холодный ветер проникал под промокшую одежду, но всадник ехал по освещаемой молнией дороге, ничего этого не замечая, и лишь чаще прищипывал коня, заставляя мчаться его быстрее. Вслед за ландграфом, едва поспевая, следовал его верный рыцарь Клос Кроненберг.

И вот Генрих выехал на тёмные улицы Крафтбурга. Громкий цокот копыт по мостовой разбудил мирно спящих горожан, прокричав им, что где-то зародилась беда, и она грозит перерасти в огромное горе. И даже гром своими барабанами

не мог заглушить этого крика.

Очередная вспышка молнии осветила каменный дом бюргера Ахима Штаузенга. Оставив во дворе своего коня, Генрих быстро вбежал в здание.

– Эльза! Где моя Эльза?! – громко воззвал он.

На крик гостя из соседней комнаты вышел хозяин дома, высокий смуглый мужчина средних лет с тёмными, подёрнутыми на висках сединой волосами. Выражение лица его было трагично, меж густых бровей пролегла складка скорби. За Ахимом Штаузенгом следовали священник и старый седой слуга.

– Ваше сиятельство, как хорошо, что вы приехали! – спешно приблизился Ахим к ландграфу, его глаза покраснели от слёз. – Моя бедняжка Эльза очень плоха. Она звала вас...

– Где она?

– В спальне. С ней женщины, повитуха...

– Сейчас приедет мой лекарь Питер Гойербарг. Сразу проводите его к вашей дочери, – распорядился Генрих. – Ко всем этим доморощенным повитухам да ведьмам у меня нет доверия.

– Благодарю вас, ваше сиятельство. Прошу вас, снимите промокший плащ, присядьте к камину, у огня погрейтесь. Я сейчас велю принести вам горячее вино.

– Не до этого мне, – отмахнулся от предложения Генрих; он лишь снял капающий плащ да утёр рукавом своё мокрое

лицо и пропитавшуюся дождём короткую светлую бороду. – Я хочу видеть Эльзу.

– Она только-только родила перед вашим приходом и ещё не готова...

– Родила? – Тревога и опасение смешались в душе Генриха с радостью. – Кого? Кого подарила мне моя любимая?!

– Сына, ваше сиятельство! – Эта весть вызвала улыбку на горестном лице Ахима Штаузенга. – Моя дочь одарила вас сыном, а меня внуком.

– Сын! Сын! – возликовал Генрих. – Мой сын! Мой сынишка! Я должен немедленно увидеть его!

– Но, ваше сиятельство...

Но Генрих уже уверенно направлялся к покоям Эльзы, и пытаться остановить его уже было бесполезно. Дверь резко распахнулась, заставив присутствующих в комнате озабоченных женщин, обернуться и замереть от неожиданности. Впрочем, немая сцена длилась буквально долю секунды. Поприветствовав господина поклонами, прислужницы вернулись к своим делам. Лишь полненькая молодая женщина в тёмно-зелёном блио Хармина Кроненберг поспешила навстречу ландграфу.

– Ваше сиятельство, прошу вас... Сейчас не время заходить сюда мужчинам, – быстро заговорила она, останавливая вошедшего и пытаясь ему перегородить дорогу. – Подождите немного за дверью. Не пристало вам видеть женщину в таком состоянии...

Однако Генрих не слушал Хармину. Его взгляд был прикован к молодой девушке, что лежала на кровати, прикрытая испачканными в крови простынями. Лицо Эльзы бледно, смоляные волосы разметались по белым подушкам. Но на губах трепетала слабая улыбка, и в карих глазах горела любовь.

– Генрих, возлюбленный мой, – тихо и ласково произнесла Эльза. – Ты пришёл.

Отстранив Хармину Кроненберг, Генрих подошёл к своей возлюбленной и опустился на колени возле её кровати.

– Любовь моя, у меня сердце разрывается, глядя на тебя! – пылко заговорил Генрих, сжав в своих ладонях хрупкую бледную руку Эльзы. – Кто осмелился сотворить с тобой такое жестокое злодеяние? Ты их видела, ты их знаешь?

Эльза лишь слабо покачала головой.

– Я клянусь, что найду этих негодяев, они не уйдут от моей кары!

– Не надо, милый, – отвечала Эльза. – Это были обычные бродяги, воры, которые грабежом добывают хлеб свой насущный.

– Их преступление должно быть наказано!

– Ты лучше пообещай мне, Генрих, что позаботишься о нашем сыне.

– О сыне, – мысли ландграфа повернулись в более приятное русло. – Ты подарила мне счастье, любимая, родила мне сына! Я сделаю его моим наследником, вся страна будет пе-

ред ним преклоняться. И мы с тобой вместе вырастим его.

Но Эльза на это опять отрицательно покачала головой.

– Ты поедешь со мной в замок, – не унимался Генрих. – Как только ты поправишься, я заберу тебя и сына. Зачем ты продолжаешь качать головой, ты не хочешь жить в моём замке?

– Я не поправлюсь, – тихо ответила Эльза.

– Не говори так. Сейчас приедет Гойербург. Он хороший лекарь, он поможет тебе.

– Ей уже ничего не поможет, – вдруг раздался печальный женский голос.

Генрих обернулся – за его спиной стояла невысокая ещё не старая женщина в чёрных одеждах и с чёрными косами за плечами. Это была Хельга, ведьма-знахарка, что одиноко жила в лесу, вдали от поселений. Люди сторонились её, даже боялись, однако когда от недуга уже ничего не помогало, шли за помощью именно к ней. Ландграфу не понравились слова этой чёрной женщины, и в его глазах сверкнуло негодование.

– Что ты пророчишь, негодная! – рявкнул он. – Тебе, дьявольской прислужнице вообще нечего делать в доме честных людей.

– Не кричи на неё и не прогоняй, – заступилась Эльза. – Хельга помогла появиться на свет твоему сыну. Ему пришлось родиться раньше положенного срока. Он так слаб...

– А ты? – повернулся к возлюбленной Генрих. – Почему

же она не желает помочь тебе? Сыну нельзя без матери. Я не дам умереть тебе! Я призову лучших лекарей мира!..

– Хельга права, Генрих, я умираю...

– Нет, я не верю в это!..

– Я счастлива, что увидела тебя перед тем, как навечно расстаться.

Лицо Эльзы становилась всё бледнее, а голос слабел с каждым словом.

– Эльза, ты не можешь покинуть меня, покинуть сына! – кричал Генрих, мучаясь тем, что бессилён чем-либо помочь. – Хельга! Ты же ведьма! Отгони смерть, дай Эльзе живой воды, излечи её!

– Я с радостью отдала бы и жизнь свою, если б это помогло бедняжке, – со скорбью отозвалась Хельга. – Но, увы, моё мастерство здесь бессильно. Смерть уже стоит у её головы, уже приготовила белые одежды для души её...

– Молчи! – вскочив, приказал Генрих. – Тебе нужно вырвать твой глупый язык за такие слова!

Хельга уверенно смотрела в глаза ландграфа, она не боялась его. И взгляд её чёрных глаз был так тяжёл и твёрд, что Генрих первым почувствовал неловкость и отвёл взор в сторону. Он повернулся к Эльзе, вокруг которой уже суетились служанки, меняя простыни на кровати и стараясь переодеть свою госпожу. Её лицо стало совсем белым, и губы теряли нежный розовый оттенок; свет карих глаз скрылся под тёмными длинными ресницами, дыхание почти незаметно.

– Она жива ещё? – сдерживая стон от боли в сердце, тихо спросил Генрих.

– Конечно, жива, – подойдя к нему, ответила Хармина. – Не верьте вы этой Хельге, ваше сиятельство, Эльза обязательно поправится. Роды прошли трудно, она очень устала.

– А где мой сын?

– Он в другой комнате, повитуха им занята. Вы не волнуйтесь, с мальчиком всё в порядке.

Дверь в спальню отворилась, и вошёл длинный худой мужчина с кожаным сундучком в руках. Это был лекарь Гойербарг.

– Наконец-то вы пришли! – бросился навстречу ему Генрих. – Теперь вся надежда только на вас, гер Питер. Вы должны спасти Эльзу.

Питер Гойербарг молча склонил перед ландграфом свою худощавую фигуру и без лишних слов направился к кровати больной. Хлопотавшие вокруг госпожи прислужницы раступились, пропуская лекаря, и встали поодаль в ожидании указаний.

Понаблюдав немного за действиями Гойербарга, Генрих отвернулся и отошёл в сторону. Боль в сердце постепенно нарастала. Мужчина вспомнил, что не захватил с собой капли, успокаивающие физические страдания сердца. Ну, ничего, лекарь же рядом, и в его кожаном сундучке, что он всегда носил с собой, обязательно есть это лекарство. Однако сейчас отвлекать Питера Гойербарга не стоило, сейчас он был

нужнее другому пациенту.

Скрипнула дверь. Генрих заметил, как из комнаты вышла Хельга. От этой ведьмы никакого толка. Даже возникли сомнения в её лекарских способностях. Разве что, извлечь пользу от неё, как от провидицы? Генрих тоже покинул спальню.

– Хельга! – позвал он удаляющуюся женщину.

Хельга остановилась, обернулась, но не тронулась с места. Генриху пришлось самому подойти к ней.

– Если ты провидица, как говорят люди, то наверняка знаешь, кто совершил эту жестокость с Эльзой? – спросил он.

Ведьма утвердительно кивнула.

– Кто?

– Прости, ландграф, но Эльза просила меня не говорить тебе имени преступника.

– Почему? – удивился Генрих.

– Она не хочет, чтобы ты карал этого человека.

– Что за ерунду ты говоришь? Я знаю, что Эльза слишком добра, но разве она может не желать наказать того, кто хотел убить её?

Хельга молчала, и лишь невозмутимый взгляд её чёрных глаз говорил, что другого ответа собеседник не получит. Спокойствие и упрямство ведьмы нервировали Генриха.

– Говори! – приказал он. – Ты не имеешь права покрывать преступника! Говори, или я пытками вырву из тебя его имя!

– Я бы тебе сказала, но я уже обещала Эльзе молчать.

– Ты бестолковое существо. Тебя давно пора отправить на костёр, ведьма!

– Не выпускай злобу наружу, – не повышая голоса, возразила Хельга. – Она мучает твоё сердце.

– Моё сердце мучаешь ты!

Но Хельга всё с тем же спокойствием подошла к ландграфу совсем близко и положила ладонь на его грудь.

– Успокойся, – произнесла она. – Твои эмоции понятны, однако уже ничего не исправить. Ты должен хранить себя, хранить своё здоровье ради сына. Он потерял мать, не дай ему потерять и отца.

Генрих явственно почувствовал, как боль в его сердце стала затихать и скоро угасла совсем. Он был поражён этим чудом.

– Ты одним прикосновением сумела выгнать боль из груди моей, – проговорил Генрих. – Ты чудесным образом помогла мне. Так почему же ты не можешь помочь Эльзе?

– Я могу противостоять болезни, но не смерти.

Из спальни вышел лекарь Гойербарг. На его узком безбородом лице застыло выражение печали.

– Ну что? Что? – с нетерпением обратился к нему Генрих.

– Простите меня, ландграф, но я ничем не сумел помочь Эльзе Штаузенг. У неё большие внутренние повреждения... и слишком много крови она потеряла... Её жизнь угасает с каждой минутой.

Сражённый приговором, Генрих рукой отстранил лекаря

с пути и вернулся в спальню. Служанки уже переодели свою госпожу в чистые одежды, сменили на кровати простыни и теперь отошли в сторону, тихо утирая со щёк слёзы. Генрих вновь опустился на колени возле ложа и всмотрелся в бледное лицо любимой. Уже было заметно, как её тело медленно прощалось с душой.

– Эльза, – тихо позвал Генрих. – Моя милая Эльза. Не покидай меня.

Девушка открыла глаза и слабо улыбнулась.

– Любимый. Благодарю тебя за самые счастливые дни жизни моей... за любовь твою... Не забывай обо мне никогда...

– Ты всегда будешь жить в моём сердце, – пылко сквозь рвущиеся на свободу слёзы заверил Генрих. – Только ты одна.

– Но обещай... Если узнаешь имена моих обидчиков, ты не станешь их наказывать...

– Ты действительно знаешь, кто они?

– Да... Я понимаю, почему они так поступили... Я прощаю их. Прости и ты.

– Я не смогу. Ведь они тебя!..

– Заботься о нашем сыне, – прервала Эльза, чувствуя, что время её заканчивается. – Никогда не оставляй его милостью своей, своим благословением...

– Он не узнает горя, клянусь тебе.

– И ещё... Назови его Берхард, в честь твоего великого

прадеда... Пусть он станет таким же храбрым и мудрым. Дух
твоего предка защитит его...

– Да... да, это достойное имя для моего наследника.

– Когда он подрастёт, расскажи ему обо мне...

– Он обязательно узнает всю правду.

– Благодарю...

Эльза чуть подняла взгляд и вновь постаралась улыбнуться,
хотя это давалось ей всё труднее.

– Отец... – её голос совсем ослаб.

Генрих обернулся – за его спиной стоял несчастный Ахим
Штаузенг, он едва сдерживал рыдания. Эльза была его един-
ственной дочерью, любимой и любящей, его надеждой, его
опорой, и теперь он оставался один, совсем один. Генрих
поднялся с колен и отошёл, уступив место отцу умирающей.

– Доченька, родная моя, – заплакал Ахим, присев на кро-
вать. – Как же я теперь стану жить без тебя? Разве будет те-
перь смысл в моей жизни?

– Спасибо вам за всё, отец. Вы самый прекрасный человек
на свете... Простите мне все обиды, что причиняла я вам...
Мне тяжело оставлять вас одного... Я знаю, как вы любите
меня, и вы... вы совсем забыли о себе. Прошу, найдите себе
достойную добрую жену...

– Разве я могу об этом думать?.. – запротестовал Ахим.

– Я буду радоваться за вас там, на небе, зная, что вы не
один, что о вас есть кому заботиться... Пообещайте, отец...

– Обещаю, – смирился Ахим Штаузенг.

– Где мой сын?

Из тёмного угла комнаты к Эльзе вышла плачущая Хармина с завернутым в одеяльце младенцем на руках.

– Вот, Эльза, вот твой мальчик.

Мальчик ворочался, кряхтел, но не плакал. Эльза с большим усилием подняла руку и погладила малыша по его маленькой с чёрным пушком головке.

– Берхард, сыночек... Как жаль, что я не увижу, каким ты станешь мужчиной. Да благословит тебя Бог, мой мальчик.

Эльза тихо опустила руку, закрыла глаза и умерла. Ахим Штаузенг больше не мог сдерживать рыдания, да это уже и не нужно было. Склонившись над бездыханным телом дочери, он дал волю слезам. Священник, встав у изголовья, начал тихо читать молитву. Женщины вокруг заплакали, мужчины склонили головы. Скорбь.

Генрих приблизился к Хармине Кроненберг, по-прежнему державшей на руках младенца. Он ещё не видел своего сына и теперь внимательно разглядывал личико малыша. Волна счастья нахлынула на молодого отца от лицемерия родного сына, наследника. Но она тут же смешалась с горем от потери горячо любимой женщины.

– Мне кажется, малыш на вас похож, – прошептала Генриху Хармина, улыбнувшись ему сквозь слёзы.

– Нет, у него глаза, как у мамы, и волосы тёмные.

– Цвет волос может измениться с годами. Мы с Клосом хотим с вами поговорить по поводу младенца, ландграф.

– Что-то серьёзное?

– Да. Давайте выйдем.

Хармина подала знак своему мужу, и тот направился к двери. Ещё раз печально взглянув на Эльзу, Генрих тихо вышел вслед за Харминой из спальни.

– Ландграф, – начал разговор Клос Кроненберг. – Я понимаю и переживаю вашу горе. Прекрасно знаю, кем была для вас Эльза.

– Она была душой моей, – эхом отозвался Генрих. – Как теперь я стану жить без души?

– Сегодня странная ночь. Она принесла вам горе и в то же время одарила радостью. У вас теперь есть сын, о котором вы так долго мечтали.

– Да, Клос, ты прав, – Генрих нежно взглянул на малыша. – Эльза воплотила мою мечту в явь.

– Можно мне задать вопрос вам, ландграф? Как вы намерены поступить с ребёнком?

– Конечно, я заберу его с собой, Клос. Я перед всей страной признаю его сыном и наследником. Я воспитаю из него настоящего рыцаря.

– А ваша супруга?

– Уверен, Патриция не настолько зла, чтобы не пожалеть несчастное невинное дитя. В моём доме малыш Берхард будет купаться в любви. Дай мне его поддержать, Хармина.

Женщина осторожно передала младенца в крепкие руки отца. Малыш по-прежнему вёл себя тихо и лишь кряхтел,

поворачивая головку в разные стороны.

– Какой он маленький, – с улыбкой разглядывал Генрих сынишку. – Он должен был родиться в начале мая. Но его заставили покинуть чрево матери сейчас, в марте. Знаешь, Клос, ему нужна кормилица. Ты мне сможешь помочь в её поиске?

– Вот как раз об этом я и хотел поговорить с вами, – поддержал Клос Кроненберг. – Вы знаете, что месяц назад Хармина тоже осчастливила меня сыном...

– Как же мне не знать, ведь я стал его крёстным отцом!

– Так вот у моей жены много молока, так много, что его вполне хватит, чтоб прокормить двух младенцев.

– Это правда? – устремил Генрих взор на Хармину.

– Чистая правда, ландграф, – ответила молодая женщина. – Вы знаете, Эльза была моей хорошей подругой, её сын мне, как родной. Я попросила Клоса предложить вам нашу помощь.

– Но тогда вам придётся забрать Берхарда на время к себе...

– Клянусь, ваш сын у нас ни в чём нужды не узнает. Я буду лелеять и холить его не меньше, чем родное дитя. Берхард очень слаб, ему нужна забота уже сейчас в эти минуты. А пока вы будете искать кормилицу и няню, пройдут часы, малыш совсем ослабнет.

Генрих вновь задумчиво взглянул на сына. Клос Кроненберг и его супруга были не простыми вассалами, они стали

верными друзьями, Генрих доверял им как самому себе. А потому сомнений в том, что нужно принять их помощь и не возникало. Единственное, что немного расстраивало Генриха, это разлука с сыном. Да только она не будет долгой. К тому же имение Клоса расположено не далеко, на левом берегу речки Стиллфлусс, так что Генрих сможет часто навещать малыша Берхарда.

– Хорошо, Клос, я доверяю тебе и Хармине своего сына, причём делаю это с лёгким сердцем, так как знаю честность вашу и ваше благородство. Спасибо за участие, друзья, и прошу вас обоих стать крёстными родителями Берхарду.

– С радостью!

– Это большая честь для нас!

– У меня к тебе ещё просьба, Клос, – обратился к другу Генрих, передав ребёнка довольной Хармине. – Помогите мне найти убийц Эльзы. Они должны получить по заслугам.

– Вы правы, ландграф, их необходимо найти, – согласился Клос. – Однако вы обещали Эльзе не наказывать их.

– Обещал, но...

– Зато я не обещал, – приблизился к собеседникам Ахим Штаузенг; он только что вышел из покоев дочери и слышал последние слова Клоса. – Я с удовольствием помогу вам в поисках этих негодяев, рыцарь Кроненберг, а вам, ваше сиятельство, в их наказании.

Генрих вернулся в замок, когда солнце уже поднялось над

горизонтом. Дождь закончился, и на небе не осталось дождевой облачка в напоминание о нём. В замке вместе с солнцем проснулась жизнь, дворовые и слуги приступили к своим повседневным обязанностям.

Ландграфиня Патриция тоже встала рано, впрочем, она почти и не спала в эту ночь. Ханна, молоденькая симпатичная девушка с русыми косами, помогла своей госпоже одеться в новое бلىо цвета молодой травы, застегнула на нём украшенный янтарём пояс, заплела в косы прекрасные золотые волосы.

– Когда отдавала деньги этим бродягам, ты сказала им, чтобы они немедленно покинули Регенплатц? – спросила Патриция у служанки.

– Конечно, госпожа, – ответила Ханна. – Они и сами понимают, что им грозит, если вдруг раскроются их скверные дела.

– Свои скверные дела они выполнили плохо. Эта мерзавка выжила и даже родила ребёнка.

– Бродяги сказали, что сильно избили девушку, так что если даже она и выжила, то ребёнок может родиться уже мёртвым.

– Только на это и надеюсь. Что за шум во дворе?

Ханна подбежала к окну и сообщила:

– Ландграф вернулся.

– Оставь меня, – тут же потребовала Патриция.

Служанка поклонилась и вышла из комнаты.

Патриция подошла к окну и посмотрела во двор. Вот Генрих слез с коня, отдал поводья подошедшему конюху. Вот он вошёл в дверь замка. Патриция тяжело вздохнула, на душе у неё было беспокойно. Вот она услышала громкий голос супруга, отдающий распоряжения насчёт обеда. Сердце её сжималось от томительной неизвестности, какой приговор она услышит сейчас от мужа? Уезжая, Генрих был с ней очень груб и холоден, а каким-то он будет теперь? И как вообще отныне станет складываться их жизнь? Патриция любила Генриха, но с того дня, когда она узнала о его измене, в ней зародилась ревность, которая со временем становилась всё больше, злее и даже стала требовать мщения. Патриция боялась потерять супруга, а вместе с ним и дом, и своё доброе имя. Где же ей взять силы, чтоб в очередной раз простить его измену? Хватит ли доброты у любви, чтобы побороть зло ревности?

Вот раздались быстрые шаги по лестнице. Вот открылась дверь, и в комнату вошёл Генрих. Он взглянул на свою супругу красивую гордую и немного смутился. В глубине души он понимал, что поступал с ней несправедливо, но ничего не мог с собой поделать. Любовь к Эльзе Штаузенг оказалась сильнее его моральных устоев.

– Доброе утро, – наконец проговорил Генрих.

– Не уверена, что оно доброе, – холодно отозвалась Патриция.

– Ты сердишься на меня?

– Разве тебе интересны мои чувства?

Генрих тяжело вздохнул. Конечно, жена рассержена и обижена, и было на что. Измена супруга никому не по нраву. Но что поделаешь, она уже свершилась, и Генрих ни в чём не собирался оправдываться. Сейчас его занимал совсем другой вопрос, более серьёзный.

– Патриция, ты прекрасная женщина, добрая, умная...

– Не нужно столь приторных вступлений, – тут же прервала его супруга. – Говори самое главное. Какую участь ты уготовил мне? Отошлешь обратно к дяде? Запрёшь в монастырь? Или заставишь прислуживать любовнице своей? Тогда лучше сразу убей меня, чем унижать так!

– Ты никому не станешь прислуживать, и никуда я тебя не отправлю. У меня этого даже в мыслях не было! Ты по-прежнему моя жена и хозяйка моего замка. – Генрих приблизился к Патриции и заглянул в её заледенелые зелёные глаза. – Клянусь, отныне ты будешь единственной женщиной в моей жизни. Более ничем я не обижу твоих нежных чувств ко мне.

– А как же Эльза? Неужели ты смог её оставить ради меня?

– Больше не имеет смысла ревновать меня к ней. Эльза сегодня ночью умерла.

Патриция опустила глаза, дабы Генрих не заметил в них блеска радости, и даже отвернулась, так как с трудом сдерживала улыбку торжества. Итак, соперница повержена. Генрих поклялся, что отныне будет верным мужем, и эту клятву

можно расценивать, как просьбу о прощении. Что ж, Патриция будет великодушна и простит; раз муж хочет наладить в семье мир, то и жене война не нужна.

– Мне по-человечески жаль, что девушка в таком юном возрасте покинула этот мир, – повернувшись к Генриху, сказала Патриция. – И всё же я не стану кривить душой и лить по ней слёзы. Раз ты раскаялся, и между нами больше никто не стоит, я постараюсь вычеркнуть из памяти своей твою измену. Но и тебя прошу тоже не вспоминать о ней.

Патриция даже мило улыбнулась мужу, и взгляд её потеплел. Генриха обрадовало, что к супруге вернулось хорошее расположение духа, значит, спокойствие в его семье налажено.

– Обещаю, что все мои помыслы и заботы будут только о тебе и моих детях.

Последнее слово заставило Патрицию насторожиться.

– Детях? Генрих, к сожалению, у нас лишь одна дочь, но...

– Нет, Патриция, у нас теперь есть ещё и сын.

Колючий холод вернулся к женщине.

– Сын? Откуда? Уж не наследство ли это от драгоценной твоей Эльзы Штаузенг?

– Я не вижу здесь повода для иронии. Да, Эльза умерла, но родила от меня сына, и он войдёт в нашу семью. Ты заменишь ему мать.

Стать матерью ребёнку любовницы? Это предложение вызвало в Патриции новое негодование.

– Этот ребёнок – плод греха, и ему не место в нашем доме! – заявила она.

– Не думал, что ты скажешь такое, – разочарованно проговорил Генрих. – Я считал тебя доброй женщиной. Но как бы ты не смотрела на это, я не изменю своего решения. Я признаю Берхарда моим сыном перед всем королевством и объявлю его моим наследником.

– Наследником?! – возмутилась Патриция. – Незаконно-рожденный сын простолюдинки станет ландграфом? Не позорь свой великий род!

– Позор моему роду может принести не происхождение, а поступки моего сына, – возразил ей Генрих. – Я же приложу все старания, всю любовь мою, чтобы воспитать из Берхарда доблестного рыцаря, честного человека и достойного правителя Регенплатца. И ты, как моя супруга, как добрая христианка поможешь мне в этом.

– Стать матерью сыну падшей женщины? Никогда!

– Ты не права, дочь моя, – вдруг раздался голос графини Бренденбург.

Генрих и Патриция с удивлением обернулись.

– Младенец не виноват, что ему пришлось появиться на свет Божий вне законного брака, – продолжала говорить графиня, проходя в комнату. – Неужели, Патриция, тебе совсем не жаль его? Он такой слабый и маленький и, как и всякий ребёнок, нуждается в тепле и любви матери, которую, увы, потерял.

– Вы слышали наш разговор? – недоверчиво поинтересовался Генрих.

– О, прошу прощения, ландграф, я не специально. Дверь была приоткрыта, а вы спорили достаточно громко.

Генрих вспомнил, что действительно забыл закрыть за собой дверь, и его подозрения быстро рассеялись.

– Вы совершенно правы, графиня, малыш не должен страдать из-за грехов родителей. Я рад, что вы приняли мою сторону. Чувства Патриции понятны, но и я не могу отказываться от единственного сына.

– Естественно, зять мой. – На лице Магды, обрамлённым серым покрывалом расцвела улыбка полная доброты и поддержки.

– Но мама!

Слова матери вызывали в Патриции всё больше и больше удивления. Ещё вчера она призывала её избавиться от младенца, а сегодня заставляет принять его на воспитание.

– Ты должна стать матерью малышу, – говорила тем временем графиня Бренденбург своей изумлённой дочери. – Ему нужна забота, Генриху нужен наследник, тебе – покой и лад в доме. Своим поступком ты принесёшь радость всем. К тому же, это твой христианский долг – помочь сироте.

Магда приблизилась к дочери и пристально посмотрела ей в глаза. По этому взгляду Патриция поняла, что мать даёт ей такой совет вовсе не из сострадания к зятю и его сыну, что в её голове затаились совсем иные мысли, но что сейчас

лучше поступить именно так.

– Хорошо, матушка, – смирилась Патриция. – Вы правы, я слишком много даю волю злу. Я приму малыша и постараюсь стать ему хорошей матерью.

Генрих облегчённо выдохнул. Вот теперь действительно в его семью вернутся мир и согласие.

– Благодарю вас, графиня. Вы мудрая женщина.

– Я всего лишь человек, – скромно улыбнулась зятю Магда, – и стараюсь жить по законам Божиим, дабы не оставить после себя дурной славы на земле. А где же ваш сын, ландграф?

– Сейчас он в замке рыцаря Кроненберга, – охотно ответил Генрих. – Его супруга Хармина согласилась стать кормилицей Берхарда. Я назвал сына Берхардом в честь моего прадеда, великого человека.

– Прекрасное имя.

– До следующего года Берхард поживёт у Клоса, а потом я привезу его домой.

– Значит, ваш сын будет вскормлён молоком благородной женщины? Это хорошо. Слышишь, Патриция, Берхард вовсе не простолюдин. Уверена, он станет доблестным рыцарем. Но, ландграф, надеюсь, что любовь к сыну не перекроет любовь к вашей дочери Маргарет.

– Вы меня обижаете такими сомнениями. Я люблю и буду любить моих детей одинаково, – заверил Генрих. – Никто из них не будет обделён моей заботой и участием в их судьбе.

– Маргарет обязательно подружится со своим младшим братиком.

После обеда графиня Бренденбург уединилась с дочерью в своих покоях, что располагались в южном крыле замка. Верная Ханна осталась сторожить у двери. Предстоящий разговор не предназначался для посторонних ушей.

– Не понимаю, мама, зачем вы заставили меня принять под опеку ребёнка этой распутной Эльзы? – возмутилась Патриция.

– Сядь и успири эмоции свои, – попросила её мать. – Сейчас я тебе всё объясню.

Патриция удовлетворила просьбу и присела на стул, но негодование продолжало бурлить в ней.

– Этот ребёнок – родной сын твоего мужа, – заговорила Магда, сев напротив дочери. – Сын. Родной. Долгожданный наследник. Как бы ты не протестовала, Генрих от него не откажется. Скорее он откажется от тебя, поставив в упрёк жестокосердие и эгоизм. И что ты будешь тогда делать? Куда пойдёшь? Ты прекрасно знаешь, что в этой дикой стране женщина полностью зависит от мужчины. Какой бы титул она не носила, всё равно без поддержки мужчины она становится ничем. Понимаю, что тебе противно, но ты должна согласиться с Генрихом и принять его сына. Генрих будет благодарен тебе за доброту и понимание. Он сможет полюбить тебя.

– Какой мне толк с его любви, если моя уже иссякнет? – возразила Патриция. – Думаете, я смогу всю жизнь претворяться, будто заботы о его волчонке мне приносят радость? Думаете, моя жизнь обретёт спокойствие, когда я, едва завидев его, буду вспоминать измену мужа и женщину, принёсшую мне столько несчастья? Мама, вы обещали помочь мне избавиться от этого ребёнка, а сами советуете его усыновить.

– Успокойся, Патриция, ты меня не дослушала. Я знаю, что мальчишка принесёт тебе много страданий и, поверь, я тоже не хочу, чтобы однажды к нему перешли богатые земли его отца. Это неправильно и несправедливо по отношению к тебе. Но что мы сейчас можем сделать? Младенец в имении рыцаря Клоса Кроненберга, верного друга Генриха, наверняка там за ним присматривают лучше, чем за родным сыном. Сейчас нам до ребёнка не добраться. Но через год Генрих привезёт сына сюда, и тогда мы найдём способ стереть его из нашей жизни. Например, он может сильно простудиться, или ещё проще, упасть с лестницы и сломать себе шею. Но главное, Генрих к тому времени будет полностью доверять тебе и искренне верить, что ты не желаешь зла сыну его. Ты будешь вне подозрения.

– Ну, если так... – нерешительно пожала плечами Патриция.

– Именно так, – подтвердила Магда. – И ещё. Тебе нужен сын. Именно твой сын должен стать следующим правителем в Регенплатце.

Патриция вскинула на мать удивлённый взор.

– Но вы же знаете, что я больше не могу иметь детей.

– Приговор лекаря Гойербарга звучал не так. Ты можешь зачать ребёнка, но его рождение угрожает твоей жизни.

– Само зачатие тоже трудновыполнимо. Я не хуже вас помню слова его.

– Всё равно это ещё не безнадёжно, – уверяла мать. – Можно попытаться.

– Вы знаете, мама, как я хочу сына. Но у меня не получается! Несмотря на любовницу, Генрих добросовестно исполняет свой супружеский долг, и я всё время надеюсь, что во мне вновь зародится новая жизнь, да только этого не происходит. Я согласна на мучения и даже на смерть, лишь бы мой, а не её сын владел Регенплатцем!

– В этом деле тебе необходима помощь. И я знаю чья.

– Чья?

– Ханна мне рассказывала, что в лесу живёт ведьма по имени Хельга.

Патриция ахнула от неожиданности и быстро перекрестилась.

– Мне Ханна тоже про неё рассказывала, – сказала она. – Ходят слухи о её небывалой целебной силе, будто она лечит колдовскими зельями, рецепты которых ей нашёптывает сам сатана. Но связываться с ведьмой – затея очень опасная. Это же всё равно, что продать душу дьяволу в оплату за своё исцеление.

– Ты же сама только что признала, что готова на любые жертвы ради рождения сына.

– Признала. Но это очень страшное средство.

– Ничего страшного. Хельга – обыкновенная женщина, просто умеет общаться с миром теней. Ты должна решиться, – настаивала Магда. – У Генриха слабое сердце, он не будет жить долго. А что тебя ждёт после его смерти? Одинокое существование в дальнем поместье Регенплатца? На жалкие гроши? Хорошо, если твой зять окажется добрым человеком, и ты сможешь жить с дочерью...

– Вы слишком далеко забегаете, – прервала Патриция. – Даже если мне удастся зачать ребёнка, я могу умереть при родах.

– Ты всегда сразу думаешь о плохом, – упрекнула мать. – Может, всё обойдётся? Твой организм не так уж и слаб. А если всё-таки и случится такое (не дай Бог), то ведь ты оставишь после себя сына. А уж я сделаю всё для того, чтобы убрать с его пути препятствие по имени Берхард. На трон Регенплатца сядет только твой сын, законный правитель.

– А если родится дочь?

Магда нервно махнула рукой. Сомнения Патриции уже начинали выводить её из себя.

– Мы же пойдём к ведьме! Ты родишь только сына. Ханна!

Молодая служанка тут же вошла в комнату и, поклонившись, приготовилась слушать хозяйку.

– Ты знаешь, где живёт Хельга? – спросила у неё графиня

Бренденбург.

– Я сама к ней никогда не ходила, госпожа, но говорят, она живёт в лесу, там, где начинаются болота, – ответила Ханна.

– А ты с кем-либо знакома, кто обращался к ней?

– У тёти моей есть приятельница, которой Хельга исцелила огромную опухоль на шее. А ещё в деревне парень живёт; он как-то помогал отцу крышу чинить, и упал да так, что ходить перестал. Пять лет лежал, не вставал, забыл уж как ногами управлять. А Хельга три раза к нему пришла, поколдовала над ним, мазью какой-то натёрла его тело, и парень встал и пошёл. В прошлом году женился.

– Вот видишь, какие чудеса она творит, – обратилась Магда к дочери.

– Но она же ведьма, – тихо возразила Патриция. – Она же дьяволу служит.

– Это точно, госпожа. Истинная ведьма, – подтвердила Ханна. – Хельга может будущее видеть. Может ветер нагонять. А если её кто обидит, ей достаточно лишь взглянуть на человека и слово злое послать ему вдогонку.

– Нет, не пойду к ней.

– Так мы же не с дурными намерениями, – стала убеждать её мать. – Мы же будем просить об исцелении чрева твоего, о зарождении новой жизни для твоего счастья и для блага Регенплатца.

– Простите меня, госпожа, но госпожа графиня права, – присоединилась Ханна. – Если вы придёте к Хельге с доб-

ром, то и она вам ничего плохого не сделает. Она обязательно исцелит вас. Ей многие верят, и вы попробуйте, доверьтесь.

Патриция тяжело вздохнула и погрузилась в раздумья. Она очень боялась всего, что хоть как-то касалось колдовства и таинственных обрядов с заклинаниями, она боялась ведьм, веря, что они могут наслать проклятье. Но надежда, что Хельга действительно сможет помочь, уже закрепилась в душе Патриции. Ей нужен был сын, он был необходим, и она решилась рискнуть.

– Хорошо, я согласна, – уверенно ответила Патриция. – Если Бог не даёт мне сына, так попрошу его у дьявола.

– Ханна, разузнай точную дорогу к дому Хельги, – распорядилась Магда. – Узнай, какую плату она берёт. Сегодня же мы её навестим. Время терять не надо.

После полудня Генрих собрался в город. Он обещал помочь Ахиму Штаузенгу с похоронами Эльзы. Патриция не уточняла у мужа цели его отъезда, она и так о ней догадывалась. В другой бы день такие действия супруга её огорчили, но сегодня они ей были только на руку. Теперь без всяких объяснений и оправданий Патриция сможет спокойно на несколько часов отлучиться из замка. Как только Генрих уехал со двора, Патриция, графиня Бренденбург и Ханна тоже собрались на конную прогулку.

Ехать пришлось долго. Женщины устали от поездки по

тёмному промокшему от ночного ливня лесу. Они продрогли, нервно кутались в подбитые лисьим мехом плащи и натягивали поглубже капюшоны. С широкой дороги в самый лес сворачивала уже хорошо протоптанная тропинка. Она и вела к дому Хельги. Мокрые кусты, свесившие ветви над тропой быстро намочили длинные подола платьев, цеплялись за плащи, распахивая их и впуская под них холодный ветер. Патриция нервничала от нетерпения. Магда Бренденбург устала, однако стойко переносила тяготы пути. Но вот среди деревьев уж показался маленький серый деревянный домишко.

– Мы приехали, – произнесла Магда. – Сейчас отдохнём и согреемся.

Три усталые женщины слезли с коней, привязали их к ближайшему дереву и подошли к избе. Перекрестившись, Ханна постучала в дверь. На стук никто не откликнулся. Девушка постучала громче – опять тишина.

– Неужели её нет дома? – простонала Патриция. – Неужели мы зря проделали этот долгий ужасный путь? Неужели мы должны вернуться ни с чем?

– Можно подождать Хельгу, – предложила Ханна. – Только неизвестно, скоро ли придёт она.

– Вот именно, неизвестно, – подхватила Магда. – Вполне возможно она сегодня и вовсе не вернётся. Но мы очень устали, и хорошо бы нам просто немного передохнуть.

– Я не только устала, но и замёрзла, – чуть не плача, со-

общила Патриция.

Ханна снова сильно постучала по двери и даже громко позвала хозяйку по имени. Но из избы по-прежнему никто не отзывался. Зато девушка обнаружила, что дверь не заперта.

– Мы можем подождать Хельгу в доме, – вновь предложила Ханна, распахнув дверь. – По крайней мере, там есть лавка, и нет ветра.

– Ты права, – согласилась Магда. – Патриция, пошли в дом.

Но молодую женщину вдруг охватил страх:

– В дом к ведьме? Я не пойду.

– А для чего ты пришла сюда? Ты и с Хельгой разговаривала бы на улице?

– Я не пойду, – упрямо повторила Патриция. – А вдруг Хельге не понравится, что в её дом зашли посторонние, пока она отсутствовала? А вдруг это разозлит её, и она наслёт на нас проклятье?

– Не говори ерунды! – прикрикнула на неё мать. – Мы просто отдохнём, погреемся и уйдём. Мы ничего трогать не будем.

– Нет, я боюсь!

– Если ты так боишься бездушного дома, то как же ты сможешь разговаривать с его хозяйкой?

Три женщины замерли и одновременно повернули головы на раздавшийся со стороны голос. Этот вопрос задала женщина в чёрных одеждах, внезапно появившаяся возле серой

лачуги.

– Ты и есть Хельга? – спросила её графиня Бренденбург.

– Да, я Хельга. И я вовсе не такая страшная и злая. Я бы совсем на вас не обиделась, если б вы без спросу зашли в мой дом погреться.

Хельга приблизилась к оцепеневшей от испуга Патриции и окинула её внимательным взглядом.

– Если ты будешь так бояться меня, я не смогу тебе помочь, – произнесла она, – Пойдёмте в дом.

Следом за хозяйкой женщины с трепетом вошли в избу. В единственной комнате было сумрачно, пахло травами. Гости присели на деревянную лавку и осмотрелись. В доме царила обычная крестьянская обстановка: деревянная мебель, глиняная посуда, большая печь в углу комнаты. На широких полках вдоль стены расставлены разные горшочки и кувшинчики, другая стена была увешана пучками различных сухих трав, под ними выстроились мешки с зерном. Ничего страшного или неприятного не замечалось: ни черепов, ни костей, ни жаб, ни змей, ни летучих мышей. Да и сама хозяйка имела довольно приятную наружность и мягкий голос. Оценив всё это, Патриция немного успокоилась.

Хельга первым делом растопила печь, чтоб наполнить дом теплом, затем зажгла свечу на столе и села напротив гостей. Она прекрасно знала, кто решился посетить её. Патрицию и графиню Бренденбург ей доводилось видеть не раз, правда, издалека.

– Так какое горе привело тебя ко мне? – обратилась Хельга к Патриции.

– Я... я хочу родить ребёнка, – робко заговорила Патриция. – Мне нужен сын... Нам с мужем нужен сын. А мой организм... моё чрево не может...

– Понятно. Да ты не волнуйся так. Ничего плохого я тебе не сделаю. – И Хельга доброжелательно улыбнулась. – Прежде, чем дать тебе ответ, мне нужно осмотреть тебя.

– Как осмотреть? – вновь испугалась Патриция.

– Как лекарь осматривает больного. Сними своё облачение.

Патриция вскинула на мать взор, полный надежды на защиту. Но Магда тихо и твёрдо ответила:

– Так надо, дочь моя. И ничего не бойся, я с тобой, я рядом.

Обречённо вздохнув, Патриция покорилась и начала раздеваться.

Осматривая молодую женщину, Хельга понимала, что сумеет ей помочь, однако внутренний голос уверенно говорил, что этого делать не нужно. Может случиться беда. К тому же Хельга знала о причастности Патриции к убийству Эльзы Штаузенг, она видела это в своих видениях. Ещё одна причина отказаться выполнить просьбу.

– Зачем тебе сын? – спросила Хельга. – Ведь ты уже имеешь дочь.

Патриция была уверена, что ведьма её не знает, и потому

сильно удивилась её словам.

– Моему супругу нужен наследник, – ответила она.

– Одевайся. – Хельга подала Патриции одежду и отошла в сторону. – У твоего мужа уже есть наследник. И от тебя он сына не требует.

Патриция так и замерла от неожиданности.

– Откуда тебе всё это известно? Ты знаешь кто я?

– Конечно, знаю, – не стала скрывать Хельга. – Ты Патриция, жена нашего правителя ландграфа Генриха фон Регентропфа. Вашей дочери Маргарет почти два года. Твой муж знает, как тяжело прошли твои первые роды, а потому и не настаивает на вторых.

Сердце Патриции продолжало сильно биться, ему всё равно не верилось, что здесь не использовано колдовство. Разум порождал тревожные мысли. Патриция подозвала Ханну и стала одеваться.

– Я всё равно должна родить ему сына, – сказала она. – Да, у него появился сын, но он незаконный, он не может править Регенплатцем, вассалы его не поддержат. На этих землях не должно быть междоусобицы, а для этого нужен законный наследник.

Разговаривая, Патриция старалась не смотреть на Хельгу, боясь, что та сможет прочесть её истинные мысли. Уж очень пронзительны чёрные глаза ведьмы.

– Только для этого и нужен сын тебе? Тебя так сильно тревожит судьба Регенплатца?

– Конечно, не только из-за этого. Я просто хочу ещё детей. Хочу, как обыкновенная женщина. Лучше скажи, сможешь мне или нет?

Хельга задумалась, какое-то нехорошее предчувствие копошилось в груди её.

– Я могу тебе помочь, – наконец произнесла она. – Но беременность станет мучительной для тебя, а роды могут и жизни лишить.

Одевшись, Патриция повернулась к Хельге. Она уже всё решила. Хельга не отказала, а значит, сын родится, а значит, он займёт своё законное место на троне Регенплатца, а значит, Эльза проиграет во всём.

– Я согласна, – уверенно заявила Патриция.

Но Хельга всё ещё была неуверенна. Она в раздумьях обошла комнату, приблизилась к Магде.

– Ты тоже согласна, чтобы твоя дочь рисковала жизнью ради рождения ребёнка?

– О твоём мастерстве ходят легенды, Хельга, – ответила Магда. – И я возлагаю на него большие надежды. Моей дочери нужен сын. Иначе она не сможет вернуть в семью покой, а в душу счастье.

– Мастерством исцеления я действительно владею, но оно не всесильно. Если смерть встанет на моём пути, я не смогу её побороть.

Магда опустила глаза. Её сердце задало вопрос: «А может, и правда не стоит рисковать?» Но Патрицию он уже не вол-

новал. Она приблизилась к Хельге, смело посмотрела ей в глаза и пылко заговорила:

– Телом мой супруг рядом со мной, а душою он далеко, в объятиях другой женщины. Но я ничуть не хуже неё. Я хочу, чтоб муж любил меня, а не жалел. Хочу, чтоб у него исчезло разочарование во мне. Это несправедливо, что другая женщина дала ему то, что должна дать я!

На этот раз Патриция говорила искренне. Хельга поняла, эта женщина приложит все силы, чтобы воплотить в реальность свои мечты о счастье. Она пошла на преступление, теперь соглашалась вступить в сделку с дьяволом. Патриция не просто хотела повернуть Генриха к себе, но и навсегда отвернуть его от Эльзы, от воспоминаний о ней, от её сына. Соперницу она уже убила, теперь очередь за её сыном, а воспоминания исчезнут сами собой. Вот что сумела прочесть Хельга в глазах Патриции, и ясно ощутила опасность, нависшую над малышом Берхардом.

Хельга молча отвернулась и отошла к печке. Где-то там за пламенем она попыталась заглянуть в будущее. Но оно картины свои не раскрыло и спряталось за серым облаком неизвестности. Жаль. Машинально подбрасывая дрова, Хельга обдумывала, что же ей делать. Патриция не допустит, чтобы родившийся в грехе сын простолюдинки Эльзы стал наследником Генриха, она никогда его не примет и не полюбит, она даже не захочет терпеть его присутствия в замке. Она рано или поздно убьёт Берхарда. Но если у Патриции появится

свой сын, который и станет законным наследником, возможно, она не будет творить зла Берхарду. Конечно, он лишится трона Регенплатца, но зато останется жив. Он станет свободным рыцарем и уедет из этих земель.

– Хорошо, я помогу тебе, – наконец сказала Хельга.

Она подошла к полкам, взяла один из глиняных кувшинчиков и вернулась к Патриции.

– Я даю тебе снадобье, станешь пить его по два глотка в день. На тридцать дней запрети мужу приходить в твою постель. Это важно. Придешь ко мне ещё три раза через каждые семь дней. И лучше приходи одна.

– Почему? – тут же встрепенулась Патриция; страх перед ведьмой в ней ещё копошился.

– Если не будешь доверять мне, так и вообще не надо начинать это опасное дело, – равнодушно пожала плечами Хельга.

– Нет, надо. Я доверяю тебе. Я приду одна.

Хельга отдала кувшинчик Патриции и проводила гостей до порога. И всё-таки тревога её сердце не покинула, а беспокойство за жизнь Берхарда продолжало беречь душу. Необходимо защитить его, оградить от злых замыслов мачехи. И Хельга уже знала, как сделает это.

– Мне кажется, за эти пять дней Берхард поправился и даже немного вырос, – тихо заметил Генрих, умиленно разглядывая спящего в люльке малыша.

– Сейчас он будет быстро расти, – отозвалась стоящая рядом Хармина.

– Но в сравнении с вашим Кларком, Берхард совсем крошечный и такой худенький, – заглянул Генрих в соседнюю люльку.

– Кларк старше на целый месяц. К тому же Берхарду пришлось войти в этот мир раньше срока. Не волнуйтесь, ландграф, скоро и ваш сынишка станет крепким и розовощёким.

– Уверяю вас, Хармина опекает Берхарда, словно мать родная, – заверил Клос Кроненберг.

– Спасибо тебе, Хармина, – поблагодарил Генрих. – Берхард, наверное, добавил хлопот.

– Это приятные хлопоты. – Луноподобное лицо молодой женщины излучало умиление. – К тому же Берхард очень тихий ребёнок.

– Что ж, я рад и спокоен за моего сына. Но не будем мешать малышам, они так сладко спят.

– Да, пойдёмте. Верно, и обед уже готов.

Генрих вслед за друзьями вышел из комнаты, и Хармина закрыла за ним дверь.

Обед действительно уже был приготовлен и стоял на столе. Клос Кроненберг усадил гостя на почётное место, лично налил ему вина.

– Я наказал лекарю Гойербаргу следить за здоровьем моего сына, – завёл разговор Генрих, принимаясь за еду. – Он приходил к вам?

– Да, приходил, – ответил Клос. – Два дня назад и сегодня утром. Вам он разве не говорил?

– Мы не виделись с ним со дня похорон Эльзы. Но, надеюсь, сегодня с ним свижусь, он раз в неделю обязательно меня навещает. Гойербург великолепный лекарь, я полностью доверяю его знаниям и мастерству. Что сказал он о Берхарде?

– Что мальчик абсолютно здоров, никаких нарушений в его организме нет.

– Это хорошо. Эльзу сильно избили, я боялся, что и ребёнку от негодьяев тоже достанется.

– Слава Богу, всё обошлось.

– Кстати, разбойников ещё не поймали? – поинтересовался Генрих.

– Нет ещё. Но уже известны их приметы. Одна женщина видела издалека, как те бродяги сбрасывали со склона что-то большое в Рейн, ей даже показалось, что это был человек. Мои люди ищут преступников во всём Регенплатце. Более того, я приказал их искать и в соседних землях. Слишком далеко они не успеют уйти.

– Как найдёшь, скажи мне. Я сам буду судить их. Трусливые мерзавцы. Из-за жалкой добычи напасть на слабую беременную женщину! Их ждёт только смерть.

В воздухе повисла пауза печали и скорби. Все вспомнили несчастную Эльзу Штаузенг и ужасную причину её гибели. Молчаливая пауза становилась всё тяжелее, и Хармина пер-

вой решила её нарушить.

– Извините, ландграф, а вы сообщили супруге о том, что у вас появился сын? – спросила она.

– Конечно, – ответил Генрих. – Ведь через год я заберу Берхарда к себе. Мой наследник должен расти и воспитываться в родовом замке Регентропф.

– И как отнеслась она к новости этой?

– Сначала Патриция была недовольна и даже противилась тому, чтоб Берхард вошёл в семью нашу. Но, как ни странно, графиня Бренденбург встала на мою сторону и убедила дочь принять мальчика под свою опеку. Честно говоря, я не ожидал от тёщи такой поддержки. Возможно, она испугалась, что я могу разозлиться и выгнать её с Патрицией из замка, чего у меня, конечно, и в мыслях не было. А возможно, действительно пожалела малыша.

– Скорее всего, второе, – предположила Хармина. – Я не верю, что на свете есть женщины, у которых не дрогнуло бы сердце от жалости к маленькому ребёночку, оставшемуся сиротой.

– Наверное, так и есть. Патриция согласна воспитать Берхарда, как родного сына. Она так раскаивается в злобе своей к невинному младенцу, что решила месяц провести в молитвах, чтоб Бог простил ей грехи. По полдня проводит в молельне, принимает лишь постную пищу и мне на целых тридцать дней запретила приходить в её спальню.

– Патриция очень хорошая женщина. Её вспыхнувшее по

началу негодование вполне понятно и даже оправдано. Всё-таки, согласитесь, вы нечестно поступали по отношению к ней.

– Да, признаю, что был неправ и несправедлив, – опустив глаза, признался Генрих. – Зато у меня теперь есть сын, наследник. Патриция, к сожалению, не смогла и уже не сможет родить мне его.

– Но она не виновата в этом.

– Я знаю...

– А раз так, то постарайтесь дать ей хоть немного любви, ландграф. Мне кажется, Патриция заслужила её своим терпением, своей душевной болью. Если вы не можете сделать это ради неё, то сделайте это ради вашего сына, для которого Патриция станет матерью.

– Ты права, Хармина. Права во всём. Я сам всё прекрасно понимаю и, конечно, постараюсь больше не причинять ей обид. Я и Патриции уже пообещал это.

– А вы будете составлять гороскоп Берхарда? – повернул Клос разговор в другое русло, видя, что Генрих уже начинает чувствовать себя неловко.

– Нет. Регентропфы не живут по советам гороскопов, колдунов и предсказателей, – подхватил Генрих новую тему. – Это трусость, заглядывать в будущее, заранее знать о победах и поражениях, знать дату и причину смерти своей.

– Однако такие знания порой помогают избежать несчастий...

– Это всё ерунда, – махнул рукой Генрих. – Если тебе суждено проиграть бой, так набери ты ещё целую армию, бой будет проигран всё равно. Если суждено умереть от яда, так можешь голодать, а он найдёт способ проникнуть в твой организм. По гороскопам мы всего лишь читаем свою судьбу, но изменить написанное самим Богом мы не в состоянии. Я не хочу знать о моём будущем и о судьбе моего сына тоже.

– А мы с Харминой уже пригласили астролога из столицы, он составлял гороскоп самому королю.

– Это ваше право. И моё мнение ничуть не должно влиять на желания ваши. Вы составите гороскоп только Кларку или и себе тоже?

– Только сыну. О моём гороскопе отец позаботился. Мне и супругу по гороскопу выбирали.

– Ну уж, это совсем глупость.

– Я так не считаю. Мы с Харминой живём весьма слажено, в любви и уважении.

– Хорошо, хорошо. Останемся каждый при своём мнении. Если вы считаете, что вас соединил гороскоп, а не Господь Бог, пусть будет так. В любом случае я искренне рад за ваше счастье. – Генрих выдержал паузу, и широко улыбнувшись, добавил. – Кстати о браках. Мой брат Норберт наконец выбрал себе невесту.

– Какая хорошая новость! – воскликнула Хармина. – И кто эта девушка?

– Младшая дочь барона фон Фрейнера Герда.

– О, барон фон Фрейнер! Кажется, его владения у самых северных границ страны.

– Да, в Померании, далеко отсюда. Долго Норберт артачился, капризничал, кого бы я ему не предлагал, ни одна не нравилась.

– Наверное, он ещё очень молод.

– Восемнадцать лет? – вскинул брови Генрих. – Отец меня женил в семнадцать. И если бы он был жив сейчас, Норберт бы так не капризничал, какую бы невесту отец выбрал, на той бы и женился. А меня он не слушает, старший брат не указ ему.

– Где же он встретился с Гердой? – спросил Клос.

– Ездил по делам в те края. Познакомился с бароном, и тот пригласил его в гости. Ну а там Герда. Норберт говорит, что влюбился в неё с первого взгляда. Теперь вот поедет свататься.

– Ребсток опять остаётся под присмотром лишь управляющего?

– Конечно, я же не могу постоянно пересекать Рейн, чтобы следить за порядком в поместье. У меня и здесь хватает хлопот. Но у Норберта хороший управляющий, мы ему доверяем, да и поместье-то небольшое.

– Я рада за вашего брата, – сказала Хармина. – Он женится по любви, а не по выгоде. Не сомневаюсь, что столь красивый благородный мужчина девушке тоже пришёлся по сердцу.

– Что правда, то правда, братишка хорош собой, – согла-

сился Генрих. – Только в характере его сентиментальности много, сердце слишком мягкое, жалостливое. Совсем как у нашей покойной матушки.

– Разве это плохо?

– Для сильного правителя плохо.

– Ну, в его ведении всего лишь небольшое поместье, – заметил Клос. – В Регенплатце правите вы, а теперь и наследник у вас появился.

– Да, наследник, – довольно улыбнулся Генрих. – Уж я-то постараюсь воспитать из него настоящего короля Регенплатца, жёсткого, но справедливого, достойного уважения своего народа.

– Сегодня был уже третий визит мой к тебе, Хельга, – сказала Патриция, собираясь уходить. – Что мне делать дальше?

– Подождёшь ещё семь дней, а потом приглашай супруга к себе в спальню, – просто без эмоций ответила Хельга. – До полной луны тебе нужно зачать ребёнка, если хочешь, чтоб родился именно мальчик.

– До полной луны? А это скоро?

– Месяц только недавно родился, так что времени у тебя достаточно.

– Через неделю Генрих собрался уехать на несколько дней в Ребсток... – задумчиво произнесла Патриция. – Не так уж много времени остаётся в моём распоряжении.

– Ну, этот вопрос ты должна решать сама. Не колдовством

же останавливать Генриха от поездки.

– Да, конечно... А что будет, если ребёнок зародится после полнолуния?

– Ничего страшного, – пожала плечами Хельга. – Просто может родиться девочка.

– Нет, вторая дочь мне не нужна.

Патриция накинула плащ и подошла к двери.

– Значит, к тебе мне больше не приходиться? – уточнила она перед выходом.

– Нет, – ответила Хельга. – Моя работа завершена. Теперь всё лишь от тебя зависит. Только обязательно дай мне знать, когда в тебе зародится жизнь. Можешь с этим известием прислать служанку.

– Хорошо.

Патриция открыла дверь, но тут вспомнила.

– У меня ещё последний вопрос. Сколько просишь ты за свою помощь? Мне сказали, что ты сама цену назначаешь.

– Да, тебе сказали правильно, – согласилась Хельга. – Только сейчас ещё рано говорить о цене. Моя работа завершена, однако она ещё не дала результатов. Вот когда ты родишь сына, тогда я сама приду к тебе за оплатой.

В груди Патриции вновь запылаха тревога. Что надумала эта ведьма? Какой у неё странный голос, и взгляд странный, холодный. Может, помимо загубленной души матери она хочет и невинную душу будущего младенца загубить? Страшно. Но назад уже не повернуть и от оплаты не отка-

заться.

Солдат ввёл в зал двух мужчин со связанными руками и, с силой надавив им на плечи, заставил опуститься их на колени перед рыцарем Кроненбергом.

– Вот, господин, – доложил солдат, указывая на пленников. – Я заметил их у восточных границ Регенплатца. Бродяги покупали коней в деревне. Видимо, отсиделись в лесах, а теперь бежать решили. Увидав меня, они испугались и пытались скрыться, но мне удалось их настигнуть. Приметы их все совпадают: один маленького роста с лысиной, другой худой в синем камзоле. При них был кошелёк с золотом. Вот он. – Солдат отцепил от своего пояса увесистый кошелёк и подал его Клосу Кроненбергу. – В нём слишком много золотых монет для таких бродяг. Думаю, это их плата за преступление.

– Ты хорошо исполнил свою службу, – похвалил Клос, – и за это будешь щедро награждён.

– Благодарю, господин, – поклонился солдат.

Кроненберг приблизился к пленникам, которые от страха съёжились и низко опустили головы.

– Это вы убили фройлен Штаузенг? – грозно спросил у них Клаус.

– Мы нет... Никакой Штаузенг мы не знаем... – забубнил худощавый.

– Молодая беременная женщина. Вы избили её и сброси-

ли в Рейн!

– Не знаю... не помним... Мы многих грабим...

– И беззащитных женщин тоже? Признавайтесь, трусливые шакалы! – громко потребовал Кроненберг. – Зачем вы убили девушку? Откуда у вас столько денег? Вам кто-то заплатил за убийство?

– Пощади нас, благородный рыцарь! – слёзно завопил низкорослый. – Мы бедные нищие бродяги. Жестокая судьба заставляет нас таким способом добывать себе хлеб...

– Судьба? А может быть, это ваши мерзкие души не приемлют другой работы, как только грабить да убивать? Ведь это намного легче, чем пахать, растить виноград, заниматься ремеслом!

– Пощади нас, господин! Пощади! – рыдали бродяги.

– Мерзкие твари, – презрительно процедил Клос. – Виселица давно тоскует по вашим шеям! За что вы убили беременную женщину?

– Мы не хотели её убивать, – стал оправдываться худошавый. – Она громко кричала, и мы столкнули её в реку.

– Зачем же вы избивали её?

– Не знаю... Не помню. Наверно, мы были пьяны...

– Я вам не верю. Вы сбросили её вечером у окраины деревни, а фройлен Штаузенг никогда туда не ходила, особенно в поздние часы. Скажите лучше правду, иначе придётся познакомить вас с моим мастером пыточных дел.

– Пытки!! – ужаснулись бродяги. – За что, господин! Мы

правду говорим!

– Я не могу терять время на ваши бредни. Уведи их, – попросил Клос солдата.

– В пыточную? – уточнил тот.

– Конечно.

– Нет! Стойте! – закричал низкорослый и принялся энергично вырываться из крепких рук солдата. – Не надо пытаться! Не надо! Я скажу... Я всё скажу!

– Я тоже всё скажу, – присоединился к своему подельщику не менее трусливый худощавый.

Клос Кроненберг знаком попросил солдата отпустить пленников.

– Говорите, – приказал он. – Но если вы вновь начнёте лгать...

– Нет-нет, мы скажем чистую правду, – тут же заверил низкорослый. – Нам приказали украсть эту фройлен и убить. Нам заплатили за это.

– Кто приказал? – Клос был напряжён.

– Не знаем.

– Опять!

– Мы правда не знаем! – подхватил худощавый. – В кабаке к нам подседа молодая девушка и сказала, что если мы исполним эту работу, то нам щедро заплатят. Деньги потом тоже она приносила.

– То наверняка была служанка. И она ни разу не обмолвилась и не выдала имени своего хозяина?

– Нет. Она и своего имени не сказала.

– У неё не хозяин, а хозяйка, – уточнил низкорослый. – Мы тогда той девчонке в шутку предложили присоединиться к нам и шантажом потребовать ещё денег у этого кроважного заказчика, но она гордо заявила, что её хозяйка весьма влиятельная в Регенплатце особа, и нам до неё ни в шутку, ни всерьёз не добраться.

Клос Кроненберг задумался, услышанное породило в его голове страшные догадки. Он хотел сомневаться в них, но не получалось.

– Ну, вот видите, как хорошо говорить правду, – сказал он бродягам. – Вы избавили себя от пыток.

– А от виселицы? – с надеждой в глазах спросил низкорослый.

Клос усмехнулся – какие нахалы!

– Вам предстоит наказание пострашнее, – ответил он. – С вами хочет говорить отец той несчастной девушки, которую вы зверски загубили. Не думаю, что он будет добр с вами.

Как только увели пленников, Клос Кроненберг немедленно послал слугу за Ахимом Штаузенгом, и вскоре тот прибыл в замок поместья Кроненберг. Клос встретил его и проводил в свою комнату.

– У меня для вас новости, гер Штаузенг, – без лишних слов сообщил Клос. – Сегодня были пойманы убийцы вашей дочери Эльзы.

– Слава Богу! – выдохнул Ахим. – Разбойники не скры-

лись от наказания. Они у вас?

– Да, в подземелье.

– И они во всём признались?

– Угроза пытками быстро развязала им языки. А вот по поводу их признания, мне хотелось бы с вами серьёзно поговорить.

– Я весь во внимании.

– Бродяги признались, что убийство Эльзы им было заказано.

– Как заказано? – опешил Ахим. – Кем?

– Одной дамой, занимающей в Регенплатце весьма высокое положение.

– Дамой?.. Заказано дамой?.. – Ахим Штаузенг никак не мог в это поверить. – Да кому моя дочь могла столь сильно мешать, что её захотели убить?

– Имени той дамы бродяги не знают. Но вы подумайте сами...

Ахим нахмурил лоб в размышлениях, и довольно быстро его осенила догадка.

– Неужели?.. – Но нет, в его голове никак не приживалась эта мысль. – Неужели ландграфиня Патриция фон Регентропф?

– Я пришёл к такому же выводу.

– Но она такая милая добрая женщина... Нет, она бы на такое не пошла.

– Прежде всего, она оскорблённая изменой мужа жена, –

возразил Клос. – Ей Генрих предпочёл другую, и эта другая стала занимать слишком большое место в его жизни.

Ахим Штаузенг опустил на стул и удручённо склонил голову в ладони, запустив пальцы в седеющие тёмные волосы. Да, конечно, это она, Патриция. Больше никому. Эльза была тихой доброй девушкой, никогда никому не причиняла и даже не желала зла, но, полюбив женатого мужчину, она стала коварной соперницей в глазах обиженной жены.

– Ландграф говорил, что его супруга ничего не знает, – тихо произнёс он.

– О чём смолчал Генрих, о том поведал город.

– Это точно, разве такое можно скрыть? Бедная моя дочка. Я так просил Эльзу не потакать ухаживаниям ландграфа. Я как чувствовал, что добром это не закончится! Но она лишь твердила, что любит его, что счастлива. И я тоже не мог проявить достаточно строгости! Ведь любовь эта грешная, а за грехи всегда платить приходится.

– Ваше горе понятно, и я его разделяю, – посочувствовал Клос. – И всё же Эльза достойна Рая, ибо чувства её были чисты и искренни.

Но, уткнувшись в свои горестные думы, Ахим не слушал слова утешения. Он вновь видел счастливые глаза юной дочери, слышал её звонкий смех, в его памяти мелькали яркие картинки из тех времён, где Эльза ещё жива. Бедный Ахим, его любовь к дочери была велика. Он растил Эльзу один, лелеял, он посвятил ей всю жизнь свою, оберегал от

бед. И вот у него отняли его нежного ангела, его любимую девочку, кроткую, милую, добрую, которая просто хотела быть счастливой. И вдруг Ахим вскинул голову.

– Так вот почему Эльза просила Генриха не наказывать сурово её обидчиков! – воскликнул он. – Вот почему она сказала, что понимает причины их поступка, что прощает их! Она знала их имена. Знала, но промолчала, не желая мстить им.

Да только если месть так и не смогла ожесточить сердце юной Эльзы, то страдающий от горя отец широко распахнул перед ней двери своей души. Ахим вскочил с места и быстро приблизился к Клосу.

– Выполнит ли ландграф данное Эльзе обещание или не выполнит, простит преступников или нет, но он должен узнать имя истинного виновника убийства моей дочери! – потребовал он.

– Любовь Генриха к Эльзе была сильна и огромна, и потому он обязательно накажет виновного, даже если это окажется супруга его, – ответил Клос.

– И поделом ей!

– Только знаете, гер Штаузенг, – продолжал рыцарь Кроненберг, – Ландграф недавно приезжал ко мне и поведал, что Патриция искренне раскаивается в злобе своей на бедную девушку, и даже решила месяц провести в молитвах и покаянии. Мне кажется, она сама пришла в ужас от своего злодеяния и теперь терзается муками совести.

– Её молитвы не вернут мне дочь!

– Естественно. И видимо, графиня тоже это понимает, так как изъявила желание стать матерью для малыша Берхарда.

Ахим Штаузенг так и замер от неожиданности.

– Матерью? Мой бедный внук! И вы ей верите? Подумайте сами, как она сможет полюбить сына женщины, которую столь сильно ненавидела?

– Возможно, она пытается хоть как-то загладить вину свою перед мальчиком...

– Я ей не верю, – твёрдо подвёл черту Ахим и, отвернувшись, ушёл в другой угол комнаты.

Но Кроненберг ещё не окончил разговор, а потому последовал за собеседником.

– Быть может, гер Штаузенг, мои доводы вам покажутся неправильными и даже циничными, – негромко стал говорить Клос, приблизившись к бюргеру, – но я их всё-таки изложу. Я знаю графиню Патрицию уже несколько лет и могу заверить, что она не такая жестокая, просто ревность затуманила её разум. Да вы и сами не сразу поверили в её причастность к преступлению. Лично я верю, что её раскаяние искренне. Да, я с вами согласен, виновные должны быть наказаны. Однако в глазах закона и общественности Патриция невиновна. Она – обиженная предательством мужа жена, она защищала свою честь и честь семьи от коварной любовницы, дочери обычного бюргера, увлётшей в свою постель богатого ландграфа. Если Генрих решит наказать жену или прогнать

из Регенплатца, то общество, вассалы встанут на её сторону, а значит, против Генриха и против сына его. Имена вашей дочери и вашего внука будут втоптаны в грязь. А главное, подумайте о внуке. Генрих хочет сделать его своим наследником. Но ведь Берхард бастард, незаконнорожденный. Вассалы могут не принять его, восстать против его власти над ними. А если Патриция примет Берхарда, назовёт своим сыном (тем более что родных сыновей у неё нет, и уже вряд ли будут), преклонится перед ним, как перед будущим правителем, тогда ваш внук однажды уверенно сядет на трон Регенплатца. Представьте себе всё это, гер Штаузенг, и подумайте.

Ахим молчал. Услышанное тяжёлым грузом укладывалось в его разуме. Однако разложив все доводы Клоса Кроненберга, он увидел, что они верны. Как не хотелось Ахиму признавать правоту своего собеседника, он вынужден был сделать это.

– Значит, вы предлагаете мне скрыть от ландграфа истинного виновника в смерти Эльзы? – спросил он. – Тогда зачем вы вообще рассказали мне о признании бродяг?

– Вы потеряли родную дочь, – спокойно ответил Клос. – Ваше горе значительно больше, чем у остальных, даже чем у горячо любившего Эльзу Генриха фон Регентропфа. Вы как никто другой из нас вправе требовать заслуженного наказания виновных в горе вашем. Вот поэтому я и назвал вам их имена, чтобы именно вы решали их судьбу. Я ничего вам не предлагаю. Просто высказал, как я вижу сложившуюся си-

туацию. И если вы примите решение сообщить ландграфу о причастности его супруги к убийству Эльзы, я ни в коем случае не стану вас порицать и отговаривать. Я немедленно отвезу бродяг к ландграфу, чтобы он лично допросил этих убийц, произвёл над ними открытый суд и вынес приговор.

Ахим Штаузенг снова углубился в раздумья. Он походил по комнате, посмотрел в окно, вновь смерил комнату широкими шагами. Решение давалось ему нелегко. Жажда мести вела в его душе жестокую борьбу с выводами разума. Клос не мешал ему. Он отошёл к камину и молча помешивал кочергой угли. Наконец, взвесив все «за» и «против», Ахим сделал свой окончательный выбор.

– Рыцарь Кроненберг, – подойдя к Клосу, произнёс он. – Я вынужден с вами согласиться. Желание сохранить имя моей дочери чистым и мысли о великом будущем моего внука Берхарда убедили меня усмирить гнев против ландграфини Патриции фон Регентропф. Я и вы оставим в тайне участие её в этом убийстве. Генрих ничего не узнает. Но я всегда буду помнить о её поступке и проклинать её.

– А какова участь разбойников?

– Отдавать их в руки ландграфа нельзя. Хотя они и не знают имени заказчика, Генрих человек не глупый, и по их объяснениям и описаниям вполне сможет догадаться, кто это такой. Тем более в замке ландграфа они смогут увидеть и узнать ту самую служанку, через которую получили указания и деньги. А значит, убийц нужно казнить раньше. Вы сами

сказали, что я как никто другой имею право воздать им по заслугам. Отдайте их на растерзание мести моей. А ландграфу скажите, что бродяги оказали сопротивление вашим солдатам, и их пришлось убить. Хотя это не слишком похоже на правду. Ну, тогда, что они сами лишили себя жизни, испугавшись гнева повелителя. Придумайте что-нибудь.

– Хорошо, гер Штаузенг, так и мы с вами и поступим, – согласился Клос Кроненберг. – Пойдёмте, я провожу вас к пленникам.

Высококочтимые гости ещё почивали, а в замке Регентропф с первыми лучами солнца уже вовсю кипела жизнь. Слуги наводили чистоту после прошедшего накануне пира, начищали столовое серебро, повара с ещё большим усердием трудились на кухне, жарили, варили, кипятили, конюхи готовили к выезду лошадей – ни один человек не сидел без дела. Генрих озабоченно ходил по замку, отдавал распоряжения, проверял их исполнение. Наступал важный и ответственный день для семьи Регентропф – бракосочетание младшего брата ландграфа Норберта и прекрасной дочери барона фон Фрейнера Герды. А потому и хлопот предстояло много.

Генрих прошёл через рыцарский зал, поднялся по лестнице и заглянул в покои своей супруги. Патриция сидела перед небольшим зеркалом и, смотрясь в него, наблюдала, как Ханна красиво укладывала на её голове ярко-голубой платок, пряча под него великолепные волосы хозяйки.

– Патриция, ты уже оделась? – поинтересовался Генрих. – Мне не хватает твоей помощи. Скоро проснутся гости.

Молодая женщина отвернулась от зеркала и послала мужу ласковую улыбку.

– Ты создаёшь своим гостям прямо-таки райские условия. Предупреждаешь каждое их желание, позволяешь жить без забот...

– А как же? Регентропфы всегда славились гостеприимством. И я тоже хочу, чтобы мои гости чувствовали себя здесь лучше, чем в своём собственном доме. К тому же у нас не простые гости – сегодня они станут нашими родственниками. Тем более барон фон Фрейнер – родня королю.

– О-очень дальняя ... Двоюродная или троюродная племянница его жены вышла замуж за Гогенштауфена?

– Неважно. Главное, он уже не чужой человек королевской фамилии.

– И всё же это вовсе не значит, что надо так сильно переживать из-за всякой мелочи. Твоему сердцу, между прочим, это тоже не нравится.

Патриция встала, подошла к распахнутому окну и направила взор на утренний рассвет. Солнце не спеша поднималось над величественными горами, постепенно покрывая светом зелёные холмы и осыпая блеском тихие воды Стиллфлусс.

– Посмотри, какой прекрасный день зарождается, – призывала она супруга. – Какое яркое солнце встаёт над твоими

землями!

Генрих приблизился к окну и оглядел утренний пейзаж.

– Да, день будет жарким во всех отношениях, – вздохнул он.

Генрих обнял жену за плечи и прижал к себе. Патриция с удовольствием склонила голову к его сильной груди. За прошедшие два месяца Генрих изменил своё отношение к ней, он стал нежнее, внимательнее, добрее. Стал таким, каким и обещал. И в душе Патриции поселилась маленькая скромная надежда, что его новые чувства искренние или хотя бы станут таковыми в скором будущем.

– Ты сегодня особенно красива, – произнёс Генрих, переводя взор с рассвета на свою супругу. – Я вижу, что портной всё-таки успел дошить тебе платье.

– Да, он очень старался.

– Небесно-голубой цвет тебе необычайно идёт. Ты в этом наряде великолепна! Нужно будет наградить портного за усердие.

Генрих действительно старался стать лучше, пытаясь загладить свою вину перед женой, старался дать ей больше внимания, ласки, всего того, чего она недополучала раньше. Но всё равно он не смог полюбить Патрицию. Его несчастное сердце, принимая покой и тепло от одной женщины, продолжало тосковать по другой.

Генрих отвёл взгляд. Трудно было смотреть в сиявшие любовью глаза супруги, зная, что их чувства не найдут отклика.

– Проверь, пожалуйста, всё ли готово к завтраку, – попросил он, – а мне надо ещё в конюшни заглянуть...

Через несколько часов нарядный свадебный кортеж начал свой торжественный путь от замка Регентропф к величавому собору, выстроенному более трёх веков назад на холме за окраиной города. В замке имелась домовая церковь, но именно в этом соборе испокон веков проходили все самые важные события в жизни каждого члена фамилии Регентропф: венчания, крестины, поминальные службы.

Впереди всей процессии на белых лошадях, украшенных серебряными сбруями, ехали Норберт и Герда в великолепных белых одеждах расшитых серебром и жемчугом. Затем следовали не менее нарядные Генрих, Патриция, барон фон Фрейнер с супругой, их сопровождали достойные рыцари в сияющих на солнце начищенных доспехах, а за ними длинным хвостом тянулась разноцветная толпа свиты. Вдоль всего пути к дороге выходили жители Регенплатца, желая посмотреть на красивый свадебный кортеж. А в самом Крафтбурге, казалось, все горожане отложили дела и вышли из своих домов, дабы поприветствовать жениха и невесту. Отовсюду были слышны громкие и восторженные крики: «Да здравствуют молодые!», женщины осыпали дорогу цветами, мужчины подбрасывали в воздух шляпы.

Юная Герда фон Фрейнер была счастлива! Она с первого взгляда влюбилась в Регенплатц, в его горы, в его реки, в его высокое солнце, в покрытые виноградниками холмы. Всё во-

круг Герду восхищало: каждая птица, взлетающая в синеву неба, каждый цветок, посылающий в воздух своё благоухание, шелест каждого листа на дереве. Безусловно, долины её родного края тоже обладали красотой, но здесь юной девушке всё казалось особенным, чудесным и волшебным. Наверное, так было потому, что в этих краях жила её любовь, её прекрасный и благородный принц Норберт фон Регентропф.

Наблюдая за радостью девушки, Патриция с тоской вспоминала, как когда-то она сама впервые приехала в Регенплатц, какими надеждами была наполнена душа её, как она верила, что в сказочном замке Регентропф её ожидает сказочная счастливая жизнь. С тех пор прошло уже шесть лет, а жизнь в сказку так и не превратилась. Разочарования не позволили свершиться этому чуду. Вздохнув, Патриция перевела взгляд на супруга. В тёмно-синем сюрко с богатой золотой вышивкой, в синем берете, украшенном большой рубиновой брошью, он гордо восседал на своём любимом гнедом коне и королём взирал на ликующую толпу подданных, снисходительно улыбаясь её приветствиям. Таким же точно он был и в день свадьбы: великолепным, гордым и холодным. Генрих смотрел тогда на Патрицию с тем же равнодушием, что и на окружающий пейзаж. И теперь всё так же. Увы, но огонёк любви к супруге в его груди так и не зародился.

Патриция опустила взор и снова тяжело вздохнула. Вздох прозвучал настолько горько, что Генрих услышал его и обернулся.

– Тебя что-то беспокоит, дорогая? – мягко поинтересовался он, протянув к супруге руку.

Патриция подняла глаза на мужа – он был озабочен. Женщине это понравилось, значит, он к ней не так бесчувственен, как она думала.

– Нет, Генрих, всё хорошо, – улыбнувшись, ответила Патриция.

– Но ты тяжело вздыхаешь, и щёки твои бледны.

– У меня немного кружится голова. И очень жарко сегодня.

– Да, солнце сегодня палит нещадно. Может, хочешь воды?

– Нет-нет, не надо. Сейчас всё пройдет. Да мы уже и приедем скоро.

Генриха это мало успокоило, но он не стал перечить. Он обернулся назад и, приподнявшись в седле, внимательно всмотрелся в пёструю свиту, пытаясь взглядом отыскать лекаря Гойербарга. Да разве кого-нибудь отыщешь в таком количестве народа? Зато Генрих заметил едущего неподалёку рыцаря Клоса Кроненберга и жестом попросил его приблизиться. Пришпорив коня, Клос спешно подъехал к ландграфу.

– Отыщи, пожалуйста, моего лекаря, – тихо попросил Генрих друга своего. – Пусть он держится поближе к нам, Патриция не очень хорошо себя чувствует.

Патриция действительно с самого утра ощущала лёгкое

недомогание: болела голова и даже немного мутило. Впрочем, что тут удивительного, ведь накануне был шумный суматошный день, она поздно легла и рано утром встала. Поначалу на свежем воздухе Патриции стало лучше, однако вскоре монотонное покачивание на лошади и не по майски жаркое солнце снова ухудшили самочувствие. Да ещё эти грустные мысли о Генрихе.

Но вот кортеж добрался до собора, и Патриция с облегчением покинула седло. Наконец прекратилась качка, и она сможет отдохнуть на церковной скамье. Но нет, скамьи предназначались для гостей, а ей, как жене правителя Регенплата и родственницы жениха надлежало стоять рядом с мужем у церковной ризницы. Красиво украшенный цветами собор постепенно заполнился людьми. Помимо знатного общества пришли посмотреть на праздник и горожане, и крестьяне; кто не успел занять место внутри собора, кто не сумел протиснуться сквозь плотную стену толпы, тот остался у входа ожидать выхода молодожёнов после брачной церемонии. Народа собралось очень много.

Вскоре все заняли свои места, голоса смолкли, и торжественная церемония бракосочетания началась. Под восхищённые взгляды публики исполненный достоинством барон фон Фрейнер по центральному проходу степенно подвёл прелестную Герду к алтарю, где её поджидал счастливый жених, и, вложив в руку Норберта руку дочери своей, отошёл в сторону, заняв место возле супруги. Пастор в праздничных

одеяниях осенил молодых крестным знамением и повёл торжественную речь. Он благодарил Господа, который подарил людям чувство любви, он благословил горячее желание молодых вступить в брак, создать семью, он поведал, как много хорошего принесёт им этот шаг, но и призвал к ответственности... Новобрачные, стоя перед алтарём, терпеливо слушали пастора, равно как и все присутствующие. А красноречивый пастор, наслаждаясь вниманием, всё говорил и говорил, и бедной Патриции казалось, что его речь не закончится никогда. У женщины сильно разболелась голова, в переполненном людьми помещении не хватало воздуха, полумрак в глазах становился всё гуще. Патриция старалась держаться, надеясь, что сможет вытерпеть недомогание и достойно отстоять всю церемонию, но не получилось. Как раз в тот момент, когда пастор объявил Норберта и Герду мужем и женой, гости вдруг громко и тревожно ахнули. Патриция потеряла сознание и упала на пол. Испуганный обмороком жены, Генрих тут же наклонился к ней.

– Патриция, что с тобой? – вскричал он, приподняв голову супруги. – Боже, она без сознания! Ей плохо! Гойербарг!

– Лекаря! Лекаря скорей! – подхватила окружившая Генриха толпа, совсем забывшая об истинных виновниках торжества.

– Я здесь, ландграф, – пробрался сквозь народ Питер Гойербарг.

Он нащупал пульс на запястье женщины и распорядился:

– Её нужно немедленно вынести на воздух.

Генрих бережно поднял Патрицию на руки и быстро направился к выходу. Толпа как могла, расступалась, пропуская сквозь себя шедшего с драгоценной ношей ландграфа. На полпути Генрих остановился и обернулся.

– Прошу праздник продолжать! – громко призвал он. – Молодожёны сегодня достойны большего внимания.

Генрих и лекарь Гойербарг вышли на улицу и огляделись. Заметив в стороне стог сена под навесом, они направились к нему. Толпившийся у стен собора народ с любопытством и шушуканьем наблюдал за своим господином. «Что-то случилось, ваше сиятельство?» – рискнул поинтересоваться кто-то из мужчин. Но Генрих, не останавливаясь, лишь отрицательно покачал головой в ответ, даже не взглянув на спросившего.

Зайдя под навес, Генрих аккуратно положил Патрицию на сено и по просьбе Гойербарга расстегнул её корсаж. Поток свежего воздуха ворвавшегося в грудь и лёгкое похлопывание лекаря по щекам быстро привели Патрицию в чувство. Она глубоко вздохнула, потом ещё глубже, и открыла глаза.

– Патриция, ты очнулась, – облегчённо выдохнул Генрих. – Как же ты меня напугала.

– Генрих... извини, не знаю с чего это со мной, – тихо проговорила Патриция. – Я наверное... Наверное, весь праздник испортила...

– Ерунда. Не думай об этом.

Патриция приподнялась на локте. Головокружение вроде больше не чувствовалось, и Патриция попробовала сесть. Генрих заботливо поддерживал её. Вдруг раздался громкий колокольный звон.

– Церемония закончилась, – заметила Патриция. – Сейчас Норберт и Герда будут выходить из собора. Иди к ним, Генрих.

– Зачем мне одному возвращаться? – возразил Генрих. – Ты слаба... Я не пойду.

– Иди, ты должен встречать их...

– Вам действительно необходимо быть там, ландграф, – присоединился и лекарь Гойербарг. – Не волнуйтесь, я останусь с ландграфиней и помогу ей.

Генрих и сам понимал, что в данный момент его место рядом с братом, с новой роднёй, да только тяжело было оставлять супругу в таком состоянии.

– Хорошо, – всё же согласился он. – Я пойду. Но скоро вернусь. Ждите меня здесь.

И Генрих направился обратно к собору.

Колокол не жалея голоса кричал на весь Регенплатц о радостном событии, случившемся в этот солнечный майский день. Гордые и счастливые Норберт и Герда, осыпаемые цветами и поздравлениями, по широкой дороге проходили под восторженные возгласы гостей и горожан. А Генрих нервничал, его беспокоило состояние Патриции. Она ни разу не теряла сознание, даже могла стойко вытерпеть боль и вдруг та-

кая слабость. С чего вдруг? Уж не здоровье ли подвело её? Спустя короткое время Генрих, решив, что его присутствие на торжественном шествии больше не обязательно, поспешил вернуться к супруге.

Патриция уже чувствовала себя значительно лучше. Она вместе с лекарем сидела на сеновале и беседовала, видимо, о чём-то серьёзном, так как меж её бровями пролегла морщинка заботы. Завидев приближающегося Генриха, лекарь Гойербарг поднялся.

– Ну, как ты, Патриция? – поинтересовался Генрих. – Вижу, на щёчки твои румянец вернулся. Что с ней было такое, гер Питер?

– Я бы мог сказать, что у ландграфини случился обыкновенный обморок из-за духоты, – ответил лекарь, – но это не так. Я сейчас расспрашивал ландграфиню о её самочувствии в последние дни, выслушал все её жалобы на него и пришёл к выводу, что, скорее всего, недомогание вызвано зарождением в её чреве ребёнка.

– Ребёнка?! – одновременно воскликнули изумлённые Генрих и Патриция.

– Да. Не знаю, хорошо это или плохо...

– Конечно, хорошо! – заверил Генрих.

– Это замечательно! – обрадовалась Патриция и, подбежав к мужу, крепко обняла его. – У нас родится сын, Генрих. У нас обязательно родится сын!

– Безусловно, это событие замечательное, – проговорил

Гойербарг, – но при вашем здоровье...

– С вами мне ничего не страшно, гер Питер.

– Патриция права, – подхватил Генрих. – Ваши знания и мастерство помогут ей. И я прошу вас отныне чаще приходить в замок и внимательнее следить за здоровьем моей супруги.

– Я бы не смог поступать иначе, ландграф, – с уважительным поклоном ответил Гойербарг.

– А если понадобится, то можете и вообще переехать в Регентропф.

– Если обстоятельства потребуют, то я непременно воспользуюсь вашим приглашением.

– А теперь нам пора идти, – сказал Генрих. – Как ты, Патриция? Сможешь ехать на коне или приказать приготовить тебе паланкин?

Патриция подняла на супруга сверкающие счастьем зелёные глаза.

– Я люблю тебя, Генрих, очень люблю, – нежно произнесла она.

Генрих заглянул в эти глаза и отвернулся. Он способен был разделить радость, но не любовь Патриции. И ему даже стало стыдно за это.

– Я всё-таки велю приготовить для тебя паланкин, – проговорил он и отправился прочь.

Патриция никогда ещё не была так счастлива. У неё всё

получилось, в её чреве зародился сын Генриха, настоящий законный наследник Регенплатца. Эльза проиграла, её отпрыску не будет места в замке, а со временем Патриция сумеет выжить его и из сердца Генриха.

Как и было велено, узнав о беременности, Патриция в тот же день отправила Ханну с этим известием к Хельге. Ведьма передала со служанкой бутылочку со снадобьем, несколько капель которого способны были усмирить острую боль и физические страдания будущей матери. Но Хельга предупредила, что принимать его необходимо только в крайних случаях, когда терпеть мучения уже невыносимо, иначе лекарство станет отравой. Это снадобье очень пригодилось Патриции. Иногда действительно боль наступала такая, что хотелось кричать, она пронизывала всё тело, будто калёным железом. Но всего пять капель горького на вкус, но обладающего волшебной силой снадобья, и муки исчезали, уступая место свободе чувств и хорошему настроению.

Лекарь Гойербарг ничего не ведал об этом лекарстве. Патриция не признавалась ему в знакомстве с Хельгой, зная, что тот отнесётся к этому отрицательно. Гойербарг лечил своими методами, применял только свои лекарства, которые приготавливал сам лично. Он добросовестно почти ежедневно приходил в замок Регентропф и тщательно следил за здоровьем молодой ландграфини.

А здоровье её с каждым месяцем ухудшалось всё больше и больше. Ноги опухали, ходить становилось тяжело, появи-

лись острые боли в правом боку, и ныла спина, под глазами проступили серые круги. Однако мысли о смерти Патрицию не посещали, и это вселяло уверенность, что она всё выдержит и обязательно выживет. Магда Бренденбург помогала дочери во всём, ухаживала за ней и поддерживала силы. А в конце осени и лекарь Гойербарг переехал в замок. Теперь Патриция, окружённая со всех сторон заботой, больше не сомневалась в благополучном исходе своей беременности. Она успокоилась и терпеливо ожидала появления на свет сына.

Ахим Штаузенг сел за стол, приготовил перо, чернильницу и открыл домовую книгу, собираясь записать в неё очередные хозяйственные расходы. Но его работу прервали. В кабинет зашёл слуга.

– Пришла знахарка, господин, – сообщил он. – Сказала, что хочет с вами поговорить.

– Пригласи её сюда, – ответил Штаузенг.

Слуга с поклоном удалился, а в кабинет вошла закутанная в широкий чёрный плащ женщина.

– Здравствуй, Хельга, я рад видеть тебя, – приветствовал гостью добрый хозяин и, подойдя к ней, помог снять плащ.

Ахим не кривил душой, произнося эти слова. Он действительно хорошо относился к этой необычной женщине и всегда радушно принимал её в своём доме. Его не волновало, что общество называло Хельгу ведьмой и обходило её стороной, его не заботили косые взгляды соседей на него самого.

Для него Хельга была ничуть не хуже, а даже лучше остальных женщин.

– Здравствуй, Ахим, я пришла к тебе с просьбой.

Хельга прошла к камину и протянула к огню озябшие руки. Её голос как всегда был спокоен, движения неторопливы. Генрих отложил плащ на стоящий у стены большой сундук.

– Я весь во внимании, – ответил он, приблизившись к гостю.

– Мне нужна какая-нибудь вещь, ранее принадлежавшая Эльзе. Лучше, если это будет небольшой кулон или браслет. Ахима эта просьба немного удивила.

– Можно узнать для чего?

– Скрывать от тебя мне нечего. Я хочу сделать амулет для Берхарда, который оградил бы его от злых намерений других людей. И вообще от несчастий.

– А разве ему уже что-то угрожает? – забеспокоился Ахим.

– Пока не знаю, но меня одолевают тяжелые предчувствия. Берхарду нужна защита, а лучший защитник для ребёнка – это, конечно, его мать.

– К сожалению, мать Берхарда слишком далеко от него и помочь не сможет.

– Её душа намного ближе, чем мы думаем. Просто надо сделать так, чтобы она всегда была рядом с сыном. Так я могу взглянуть на вещи Эльзы?

– Да, конечно. Сейчас принесу ларец дочери.

Ахим Штаузенг вышел из кабинета и вскоре вернулся, неся в руках небольшой ларец, украшенный искусной серебряной инкрустацией.

– Вот здесь все украшения моей Эльзы. Выбирай.

Ахим поставил ларец на стол и открыл его. Подойдя, Хельга стала не спеша перебирать вещи. Украшений у Эльзы было много. Сначала отец баловал дочь подарками, а после влюблённый Генрих одаривал драгоценностями свою ненаглядную.

– Вот, какой интересный кулон. Я как-то видела его на Эльзе.

Хельга положила на ладонь золотую цепочку, на которой висела крупная вытянутая в форме капельки жемчужина в золотой оправе. Её гладкая перламутровая поверхность красиво переливалась бледно-голубым и нежно-розовым оттенками.

– Это было её любимым украшением, – сказал Ахим с лёгкой печалью в голосе. – Его подарил ей Генрих. Эльза тогда ещё сказала, что жемчужина похожа на каплю дождя, и она вполне могла бы стать семейной реликвией рода Регентропф.

– Она права, – задумчиво рассматривая кулон, проговорила Хельга. – Ведь «Регентропф» – значит «дождевая капля». И даже на гербе этого рода изображены три капли. Что ж, лучшего амулета и не найти. Правда, жемчуг более подходит женщине... Но это неважно. Ты согласен отдать жем-

чужину?

– Конечно. Тем более для такого дела...

– Когда амулет будет готов, я принесу его тебе, а ты потом поедешь в Кроненберг и наденешь его на шею Берхарда.

Хельга опустила цепочку с кулоном в кошель, подвешенный к её поясу.

– Теперь меня тоже будет одолевать беспокойство, – произнёс Ахим. – Что может угрожать моему внуку? Он так мал и беззащитен. Неужели ты не знаешь, что ожидает его?

– Хотя все и называют меня ведьмой и провидицей, я не могу ясно видеть будущее, особенно далёкое, – спокойно ответила Хельга и присела на стул. – Оно скрыто от моего разума туманом неизвестности. Большинство событий остаётся для меня тайной. Я исцеляю, заговариваю болезни, но ворожить и колдовать не умею. Могу успокоить тебя лишь тем, что Бог позволяет мне раньше срока узнать о скорых бедах и несчастиях людей, и я вижу, что пока Берхард у Кроненбергов, ему ничего не грозит. А вот что ждёт мальчика в замке Регентропф, где живёт человек, который его ненавидит, я ещё не ведаю.

– Ты говоришь о Патриции фон Регентропф? – Ахим придвинул стул и сел рядом с Хельгой.

– Да, о ней.

– Она согласилась заменить Берхарду мать, но я ей не верю. Патриция никогда не забудет, кто настоящая мать Берхарда, и кем она была для Генриха.

– Было бы лучше мальчику никогда не переезжать в Регентропф. Генриху надо бы оставить его на воспитание тебе, Ахим, но ландграф упрям, как и все Регентропфы, он всегда поступает только так, как сам считает нужным.

– Ты предполагаешь, Патриция может убить Берхарда?

– Не знаю. Она ни за что не допустила бы, чтоб Берхард занял трон Регенплатца и стал бы её повелителем. Однако скоро Патриция родит сына, законного наследника, после чего есть надежда, что судьба Берхарда станет ей безразлична.

– А если родится дочь?

– Патриция родит сына. И надеюсь, мальчик будет здоров и крепок.

– Мой бедный Берхард, – горестно вздохнул Ахим Штаузенг. – С самого рождения ни счастья ему, ни покоя. Говорят, Патриция слаба здоровьем и может не пережить роды.

– Она их выдержит и останется жива, – заверила Хельга. – И поверь, так будет лучше. Но доверься мне, Ахим, я сделаю всё, чтобы её ненависть не смогла причинить мальчику даже самую маленькую боль. Ты же знаешь, что Берхард дорог мне не меньше, чем тебе.

Хельга подняла на Ахима взгляд, и её чёрные глаза наполнились печалью. Время текло, года уходили безвозвратно, но чувства по-прежнему бережно хранились в её сердце. Когда-то много лет назад она, отвергнутая всеми юная девушка, нашла в этом мужчине поддержку, доброту и понимание, а позже и горячую любовь. Хельга понимала, что

связь с ней, с ведьмой, ляжет чёрным пятном на репутацию Ахима, сделает его изгоем в глазах всех людей. Она не желала ему вреда, а потому прервала все отношения с ним и отказалась от его помощи. Хельга удалилась в свой дом, выстроенный в лесу, стала отшельницей и выходила к людям лишь тогда, когда кто-нибудь просил об исцелении. Любовь к Ахиму Штаузенгу затихла, но не умерла.

Однажды тяжело заболела младшая сестра Ахима. Лекари ничего не могли сделать, и тогда Ахим обратился за помощью к Хельге. Его чувства к ней за эти несколько лет, казалось, тоже присмирели, успокоились, и он даже начал подыскивать себе невесту. Но когда Хельга и Ахим встретились, любовь между ними вспыхнула с новой силой. Она стала их судьбой и их наказанием. Семь дней Хельга приходила в дом Ахима и лечила его сестру. Всего семь дней, а молодые люди уже не могли жить друг без друга. Лесная хижина Хельги стала местом их тайных свиданий, и лишь луна знала их секрет, но она молчала.

В глазах Ахима тоже стояла печаль. Любовь к Хельге до сих пор тербила его душу. Он так ни на ком и не женился, сохраняя верность этой любви. Ахим покрыл ладонью руку Хельги и предложил:

– Давай, заберём мальчика и уедем из Регенплатца. Уедем туда, где никто нас не знает.

Хельга опустила глаза и покачала головой:

– Нет, Ахим. Генрих никогда не отдаст тебе сына.

– Я поговорю с ним. Расскажу всё как есть. Я не переживу, если с Берхардом что-либо случится.

– Хочешь, чтобы Генрих покарал Патрицию?

– Судьба внука меня волнует больше, чем её судьба.

– Всё это бесполезно, Ахим, – устало вздохнула Хельга. –

Генрих не станет карать и прогонять свою жену. Это вызовет недовольство в обществе, в глазах которого она окажется жертвой, а Эльза – коварной искусительницей. Имя Регентропф может покрыться позором. А этого Генрих не допустит никогда.

– Но он тоже испугается за жизнь Берхарда и отдаст его мне, – стоял на своём Ахим Штаузенг.

– Генрих никогда не отдаст тебе сына, – не менее упрямо повторила Хельга. – Берхард – это единственное, что осталось ему от Эльзы. Он скорее поселит его в комнате своей, выделит тебе покои в замке, но от себя Берхарда не отдалит.

– Тогда я украду малыша.

Хельга встала и не спеша отошла к окну.

– Это плохая идея, – проговорила она, погрузив задумчивый взор в унылый осенний сад за окном. – Да и не получится у тебя ничего.

– Отговариваешь меня. Ты снова отговариваешь меня!

Ахим покинул своё место и приблизился к Хельге. Ему не понравились её слова.

– Как я тогда уговаривал тебя уехать, – стал он пылко говорить. – Покинуть этот город, эти земли. Как я умолял те-

бя! Но ты упрямо не желала даже слушать меня. В других краях мы могли бы пожениться, жили бы семьёй в спокойствии и радости. И Эльза никогда бы не встретилась с этим Генрихом и была бы сейчас жива. Посмотри, что наделало твоё упрямство! И после этого ты вновь отговариваешь меня уехать из Крафтбурга. И главное, не хочешь объяснить почему. Что тебя здесь держит? У тебя здесь ни родных, ни дома. Люди загнали тебя в лес, и ты это терпишь.

– Как бы ни была плоха здесь жизнь, я никуда не поеду, – спокойно ответила Хельга, продолжая рассматривать полубогажённые деревья в саду.

Женщина не могла объяснить своему любимому, что отказывала ему не из-за простого упрямства. Она была бы рада уехать, создать с ним семью, но Бог запрещает ей это. Он выбрал для Хельги удел отшельницы, не имеющей права ни на мужа, ни на детей, ни даже на друзей. Да, много лет назад Ахим действительно предлагал ей покинуть Регенплатц, и Хельга прежде, чем дать ответ, решилась заглянуть в будущее, чтоб посмотреть, где им суждено выстроить своё счастье. Но вместо радужной картины, она отчётливо увидела лишь могилы мужа, дочери, а сама она погибала в языках пламени. Хельга поняла, что в чужих землях принесёт своим близким погибель. Но как объяснить свои видения влюблённому и полному светлых надежд Ахиму? Он бы ей не поверил, назвал бы это трусостью и глупыми предрассудками. И Хельга просто без объяснений, но с большим сожалением

отказала своему возлюбленному. Ахим принял её отказ, как неуверенность, боязнь перемен, и решил подождать.

Значительно позже он вернулся к этой теме, вновь предложив Хельге уехать. Да и основания для этого были более вескими. Хельга надеялась, что, возможно, теперь, спустя несколько лет, судьба сможет измениться к лучшему, но нет, будущее упрямо утверждало, что за пределами Регенплатца родным ей людям, да и ей самой грозит смерть.

И даже сейчас ничего не изменилось. При всём желании Хельга не могла покинуть Регенплатц. И это даже не ради своего спасения, а ради спасения дорогого и любимого человека.

Хельга повернулась к Ахиму, её взгляд по-прежнему был спокоен и печален.

– Тебе нужно жениться, Ахим, – сказала она. – Тебе нужна жена для заботы, дети для радости, тебе необходима семья. А о Берхарде я позабочусь. Никакое зло его не коснётся.

– Женитьба? Семья? О чём ты говоришь? – удивился Ахим. – Мне нужна только ты!

– Я приношу тебе лишь горе и несчастье. Я не смогла уберечь Эльзу. Постарайся вычеркнуть меня из своей жизни и выполни последнюю волю дочери, женись.

– Значит, ты всё-таки не хочешь связать со мной свою судьбу, – тяжело вздохнул Ахим. – Даже советуешь мне жениться.

– Не не хочу, а не могу.

– Может, ты и невесту мне уже подыскала? – Ахим был недоволен.

– Нет, не искала. – Хельга вновь устремила взор в сад. – Однако могу посоветовать обратить внимание на дочь твоих соседей. Христина не блещет красотой, и потому, наверное, задержалась в девках, но поверь, женой тебе станет великолепной и подарит много детей.

– Ты решила поиздеваться надо мной? – воскликнул Ахим.

Он совсем обиделся на Хельгу. Мало, что много лет мучает его беспричинными отказами, так ещё и имеет наглость сватать ему какую-то старую деву. Ахим ушёл вглубь комнаты и сел за стол.

– Я хочу, чтоб ты был счастлив, – ответила Хельга.

– Если б ты этого хотела, то давно бы уже уехала со мной отсюда.

– Женитьба сможет принести спокойствие тебе и твоей душе, я знаю...

– Много ты чего знаешь, – проворчал Ахим. – Смотришь в будущее. Почему же ты не предупредила Эльзу о грозящей ей смерти?

– Я предупреждала. Я говорила, что связь с ландграфом опасна. А Эльза отвечала, что согласна умереть, но от Генриха не откажется. Любовь её оказалась сильнее страха.

– В таком случае мне остаётся лишь позавидовать Генриху – его любили так, как я мог только мечтать.

На это Хельге нечего было ответить. Она признавала, что Ахиму есть за что держать на неё обиду, но не собиралась ни в чём перед ним оправдываться. Женщина молча прошла к сундуку, взяла лежащий на нём свой плащ и накинула его на плечи.

– Ты уже уходишь? – встрепенулся Ахим Штаузенг.

Его обида тут же растаяла, и её место заняло горькое предчувствие разлуки.

– Да, мне пора, – спокойно ответила Хельга. – Моё долгое пребывание в твоём доме может вызвать пересуды соседей.

Ахим заволновался, ему не хотелось столь скоро отпустить Хельгу, он слишком редко видел её. Мужчина вышел из-за стола и торопливо приблизился к любимой женщине.

– Остайся ещё ненадолго, – попросил он. – Мне безразлично, что говорят обо мне люди.

– Но мне не безразлично.

– Остайся.

Хельга опустила глаза. Больше всего на свете ей хотелось остаться с Ахимом и никогда с ним не расставаться. Но это было невозможно.

– Ни к чему, Ахим, мне задерживаться, – тихо произнесла она. – Не нужно это.

И Хельга уверенно направилась к двери.

– Через семь дней я зайду отдать кулон, – сказала она перед выходом.

– Через семь дней, – эхом отозвался Ахим, не в силах от-

вести полный грусти взгляд от своей возлюбленной.

– До свидания. И подумай над моими словами.

Хельга вышла из комнаты и тихо закрыла за собой дверь, вновь, уже в который раз за много лет, оставив Ахима наедине с его разбитыми мечтами.

Генрих часто навещал своего сына, по-прежнему живущего в семье Клоса Кроненберга. Малыш Берхард уже узнавал этого большого широкоплечего мужчину и радовался его приходу. Ведь только его сильные руки могли так высоко поднимать Берхарда ввысь и там кружить, даря захватывающие минуты полёта, ведь только он не сердился, когда Берхард в азарте игры дёргал за его светлую короткую бороду или даже за волосы. Этот мужчина вообще никогда не сердился на Берхарда, смеялся вместе с ним густым и громким смехом. Вот только жаль, что этот весёлый великан уходил и не забирал Берхарда с собой.

Радостно повизгивая, поддерживаемый сильными папиными руками, малыш Берхард прыгал и резвился у отца на коленях.

– Ах ты, озорник! – широко улыбаясь, журил его Генрих. – Ты мне уже все колени оттоптал.

Но мальчик в ответ только громко взвизгнул.

– Да-да, – согласился с ним отец. – Вон, твой дружок сидит себе спокойно у мамы, не прыгает.

Маленький толстячок Кларк неподалёку сидел у матери на

коленях и с завистью смотрел на забавы Берхарда. Он тоже порывался повторить игру друга, но строгая мать не позволяла ему этого, и Кларку оставалось только обиженно кряхтеть.

– Позавчера к нам приезжал гер Штаузенг проведать внука, – поведал Клос Кроненберг, стоя у камина и поправляя кочергой дрова. – Он привёз Берхарду подарок.

– Вот как! – воскликнул Генрих. – И что же это за подарок? Мне любопытно.

– Золотая цепочка с кулоном. Она сейчас на Берхарде.

– Ну-ка, Берхард, сядь, успокойся, похвастайся твоим новым украшением.

Со второй попытки отцу удалось утихомирить сына и усадить его на своих коленях. Генрих подsunул палец под воротничок белой рубашечки на мальчике и осторожно вытянул наружу цепочку. Сверкнув золотым блеском оправы, поверх одежды легла крупная жемчужина необычной формы в виде капли. Генрих, конечно, сразу же узнал украшение. Он подарил его Эльзе на Рождество, и девушка назвала этот кулон «Регентропф», потому что жемчужина показалась ей очень похожей на каплю дождя.

– Это цепочка Эльзы, – произнёс Генрих, поворачивая в пальцах кулон.

– Да. И гер Штаузенг сказал, что сей кулон был её любимым украшением, – добавила Хармина.

– Эльза сказала тогда, что оно может стать реликвией мо-

ей фамилии.

– Вот и стало.

– Да, действительно.

Берхард, широко раскрыв глаза, заморожено смотрел на лёгкий блеск жемчужины, лежавшей на отцовской ладони, потом протянул к ней свою ручку и потрогал пальчиками. Однако он, видимо, вспомнил, что место этой вещицы вовсе не в чужой руке, так как схватил кулон и спрятал его у себя за пазухой.

– Да, малыш, это твоя вещь, – признал Генрих, погладив сына по чёрным кудряшкам на голове. – Никто у тебя её не отберёт. Ахим правильно сделал, что надел Берхарду кулон.

– Очень правильно, – согласилась Хармина. – Так душа матери будет ближе к сыну.

– Пусть носит эту жемчужную «капельку», не снимая.

– Гер Штаузенг пожелал того же.

Спрятав кулон, малыш Берхард снова захотел попрыгать на отцовских коленях, о чём сообщил звонким возгласом и энергично потянул папу за рукав, пытаясь при этом подняться на ножки. Отец устало вздохнул, но всё же весело улыбнулся игривому сыну и позволил ему продолжить прерванную забаву.

– Вы так и не надумали составить гороскоп Берхарда, ландграф? – поинтересовался Клос Кроненберг, отойдя от камина и присев на стул рядом с собеседниками.

– Нет. Я не меняю своих решений и принципов, – дал

твёрдый ответ Генрих. – А ты составил для Кларка?

– Составил.

– И как? Судьба Кларка нарисовалась хорошей? Надеюсь, никаких ужасных потрясений для него не уготовлено?

– В судьбе моего сына будет и хорошее, и плохое, но ничего глобального: ни больших побед, ни больших поражений.

– Это тоже неплохо. Значит, жизнь Кларка протечёт гладко и спокойно. Главное, чтоб он вырос сильным, здоровым и смог продолжить твой род.

– Да уж, вы правы, ландграф, – поддержала Хармина. – Для счастья нужно немного: мир в семье, здоровье родных, благополучие детей.

– Кстати о благополучии. Утомонись, Берхард, отдохни немного. – Генрих усадил сына на свои колени, и на этот раз, видимо, тоже устав прыгать, малыш сразу послушался папу. – Клос, Хармина, вы очень помогли мне в последний год, много сделали для меня и моего сынишки, и я хочу вас отблагодарить. Клос Кроненберг, я освобождаю тебя от ренты, которую ты мне исправно платишь. Указ об этом уже готов и мною подписан. Владей этими угодьями свободно, заводи свои порядки, и сын твой пусть так же будет свободен от обязательств перед Регенплатцем.

– О, ландграф...

Клос был обескуражен столь неожиданным и радостным известием. Он нерешительно поднялся со стула и сбивчиво проговорил:

– Я... Я безмерно благодарен вам. Но... Но вы должны знать, что моя помощь вам, моя служба вам бескорыстны...

– Я это знаю, – дружески улыбнулся Генрих. – Потому и благодарю тебя за верность, за искренность, и жене твоей милой Хармине за доброту отплачу щедро.

– Не нужно больше ничего, ландграф, – скромно ответила молодая женщина. – Вы и так сделали нам слишком щедрый подарок.

– Нужно, Хармина, – заверил Генрих. – Вы как никто достойны привилегий. Я скоро поеду к королю и обязательно расскажу ему об отважном и благородном роде Кроненбергов. Хочу, чтоб ему наконец присвоили дворянский титул.

– О, ландграф, это...

– Но хватит об этом, друзья мои, – прервал Хармину Генрих. – Поговорим о другом. У меня есть к вам одна большая просьба.

– Можете просить нас о чём угодно, – заверил Клос.

– Как вы знаете, Патриция на сносях. Через месяц, а то и раньше она произведёт на свет ребёнка. Ей сейчас очень тяжело, лекарь Гойербарг в большой тревоге за её здоровье.

– Бедная Патриция, – горестно вздохнула Хармина. – Я ежедневно молю всевышнего дать ей терпения и мужества вынести эти муки и выжить ради её детей.

– Она выдержит. Патриция сильная женщина и очень любит жизнь, хотя и бороться за неё ей будет трудно. Но я постараюсь ей помочь всем, чем могу. Всё внимание моё, всю

заботу направлю лишь на Патрицию и младенца. За ней и детьми будет постоянный уход и присмотр... Надо же, Берхард заснул у меня на руках, – прервал свой разговор Генрих, с нежностью взглянув на задремавшего малыша. – Устал, или наш говор его убаюкал?

– Скорее всего, и то, и другое, – ответила Хармина. – Вот и у Кларка глазки слипаются. Мальчики сегодня днём мало спали...

– Я обещал забрать Берхарда к себе до наступления нового года, – вернулся Генрих к прерванной теме. – Но вы сами видите, какое положение сейчас в моём доме. Конечно, я найму ещё няnek, но... Сейчас все будут на нервах, в переживаниях... Всё внимание лишь к Патриции. К тому же Гойербарг боится, как бы нездоровье матери не передалось и ребёнку...

– Вы хотите оставить Берхарда у нас? – Хармина прекрасно поняла смысл сбивчивой речи ландграфа.

– Ненадолго, – тут же отозвался Генрих. – Может, до весны...

– Берхард может жить у нас любое количество времени, – заверил Клос. – Неужели вы в этом сомневались? Здесь его второй дом, здесь молочный брат его и крёстные родители.

– А я так привязалась к малышу Берхарду, что даже рада вашему желанию не забирать его от нас, – с улыбкой добавила Хармина.

– Спасибо, друзья. Мне трудно далось такое решение, так

как скучаю по сыну и с нетерпением жду того дня, когда введу Берхарда в замок Регентропф, в дом его предков. Но сейчас ни я, ни тем более Патриция не сможем уделить малышу того внимания, которое он получает здесь.

– Вы правы, мальчику будет одиноко в незнакомом доме среди чужих людей, – согласилась Хармина. – Пусть остаётся пока у нас.

– Как только Патриция поправится, Берхард тут же переедет в Регентропф.

– Извините за вопрос, ландграф, но если Патриция родит вам сына, вы своим наследником всё равно объявите Берхарда? – поинтересовался Клос.

– Конечно, – не задумываясь, ответил Генрих. – Я, безусловно, буду рад ещё одному сыну, но решения своего менять не собираюсь. Берхард – мой старший сын, и только он унаследует правление в Регенплатце. Но к чему этот вопрос, Клос? Думаешь, вассалы не поддержат его, не присягнут в верности?

– Для них он бастард.

– И что с того? Когда Патриция признает Берхарда своим сыном, его никто больше не посмеет назвать бастардом.

– Да, конечно, – согласился Клос Кроненберг, однако такие доводы всё же не смогли усмирить возникшие в его душе тревоги.

– К чему сейчас эти рассуждения? – мягко произнесла Хармина. – Ещё не известно, кто родится у Патриции. Мо-

жет, девочка? Тогда и спорить будет не о чем.

– Действительно, – поддержал Генрих. – Разве вопрос о наследстве в данный момент так важен? Сейчас главное, чтоб Патриция благополучно разрешилась от бремени, чтоб быстро поправилась. Да чтоб ребёнок родился здоровым. А проблемы политики могут и подождать.

Уже больше часа Генрих нервно расхаживал по большому рыцарскому залу. Он прибывал в сильном волнении и даже можно сказать в страхе. А как же, ведь в течение всего этого времени в своей опочивальне Патриция мучилась родовыми схватками. Она страдала от боли и кричала так, будто испытывала жестокие муки ада. Эти крики, эта боль супруги и породили в душе Генриха страх. Он видел, как тяжело Патриция вынашивала ребёнка, Гойербарг не раз говорил ему, что роды могут лишить её жизни. И теперь, слушая эти жуткие крики, Генрих невольно представлял, что вот так жизнь покидает тело Патриции, уступая место для новой жизни рождающегося младенца.

Душа ныла, и стало покалывать сердце. Напряжение сковывало тело. Генрих достал из кармана склянку со снадобьем и отпил из неё глоток. После сел на стул и постарался успокоиться. Постепенно боль покинула сердце, но напряжение осталось. Крики Патриции не прекращались. Слушая их, Генрих пообещал себе, а потом и Богу, что, если супруга выживет, он больше никогда ни словом, ни делом не причи-

нит ей даже самой маленькой боли.

И вдруг наступила тишина. Так резко и такая глубокая, что у Генриха даже сердце замерло от ужаса. Что случилось? Неужели Патриция не выдержала мучений, и самые страшные опасения осуществились? Генрих вскочил с места и бросился к покоям супруги. Быстро поднимаясь по лестнице, он увидел, как из комнаты Патриции вышла служанка Ханна, в глазах её блестели слёзы. Девушка направилась к лестнице и столкнулась с ландграфом.

– Почему ты плачешь, Ханна? – остановил Генрих служанку. – Что-то с твоей хозяйкой?

– Нет, ваше сиятельство... – всхлипнула в ответ девушка. – Просто госпожа так страдала...

Но в этот момент открылась дверь покоев, и из неё вышел лекарь Гойербарг.

– Ханна! – прикрикнул он на служанку. – Я же сказал, что горячая вода нужна срочно!

Девушка бросила на строгого лекаря испуганный взгляд и убежала прочь.

– Гер Питер, что с Патрицией? – взволнованный Генрих приблизился к лекарю.

– Ничего такого, что вызывало бы опасения, – с лёгким раздражением ответил Питер Гойербарг, прикрыв за спиной дверь.

– Она вдруг замолчала... Уже родила?

– Просто потеряла сознание. Извините, ландграф, но мне

абсолютно некогда разговаривать с вами.

И нервно взмахнув рукой, лекарь резко развернулся и без всяких церемоний захлопнул дверь перед носом ландграфа. В первую секунду Генриха это возмутило, он решительно вознамерился войти в покои своей жены и выяснить, что же там всё-таки происходит, и что скрывают от него. Однако, взявшись за ручку двери, он всё же остановился. Конечно, Гойербарг говорил с ним грубо, но возможно, Генрих сейчас действительно только мешался. Гойербарг серьёзный опытный лекарь, служивший в семье Регентропф уже около десяти лет, ему можно было доверять. Ему нужно было доверять, ведь сейчас от его знаний и мастерства зависела жизнь Патриции. Да, мешать лекарю в эти минуты и отвлекать глупыми амбициями не стоило. Генрих отошёл от двери и встал в стороне, ожидая скорых известий.

Вернулась Ханна с тяжёлым кувшином горячей воды. Генрих не стал её останавливать. Но когда дверь на стук служанки открылась, он постарался заглянуть внутрь комнаты. Буквально несколько мгновений, и дверь снова закрылась за вошедшей в покои Ханной. Однако этих мгновений хватило Генриху, чтобы увидеть то, что заставило его оцепенеть. На покрытом простынями столе лежал младенец, лежал молча и неподвижно, а рядом с ним стоял лекарь и периодически нажимал ладонью на его маленькую грудь. Значит, Патриция всё-таки родила, вот только с ребёнком что-то неладное. Почему же тогда Гойербарг сказал, что нет никаких опасений?

Почему он вообще не сказал о младенце? А вдруг малыш родился мёртвым? Ведь он молчит, не двигается. А вдруг и Патриция не выдержала мучений?

Сердце сжалось от таких мыслей. Может, в нём и не пылала жаркая любовь к Патриции, но потеря этой женщины, несомненно, принесла бы ему страдания и боль. Генрих направился прочь, вступил на лестницу... Однако горестные мысли были слишком тяжелы и затрудняли ход. Генрих опустился на ступеньку и уронил голову в ладони.

Из-за двери доносилось тревожное жужжание голосов, редкие выкрики Гойербарга, торопливые шаги по комнате. Но вдруг среди этого шума стали выделяться резкие высокие нотки, будто кто-то громко всхлипывал. Генрих замер и прислушался. Вот эти нотки повторились, ещё. Стали чаще и громче. И наконец они слились в громкий плач младенца! Не веря своим ушам, Генрих вскочил, подбежал к двери и приложил к ней ухо. Точно, это был голос младенца, его ребёнка! Значит, он жив. Гойербаргу удалось вернуть его к жизни. Воистину он великий мастер врачевания! Генрих был счастлив. С радостной улыбкой он слушал набирающий громкость плач новорожденного, словно самую красивую в мире музыку.

Но вот послышались приближающиеся к двери шаги, и Генрих быстро отошёл. Из покоев вышел лекарь Гойербарг. Он выглядел усталым; узкое лицо, казалось, ещё больше вытянулось, взгляд потускнел, спина сгорблена, на лбу просту-

пили капельки пота.

– Теперь вы можете войти, ландграф, – бесцветным голо-
сом пригласил лекарь.

Генрих неуверенно заглянул в спальню своей жены и осмотрелся. Служанки ещё суетились, прибираясь в комна-
те, но в целом чистота уже была восстановлена. На кровати,
укрытая одеялом, лежала Патриция. Бледное лицо её спо-
койно, глаза закрыты. Рядом с кроватью стояла счастливая
Магда Бренденбург и держала на руках своего новорожден-
ного внука. Малыш громко плакал, махал ручками, и Магда
тихим ласковым голосом пыталась его успокоить, заботливо
укутывая его в мягкое одеяльце. А заметив вошедшего Ген-
риха, графиня Бренденбург гордо выпрямила спину и с до-
стоинством произнесла:

– Ваша жена подарила вам сына, ландграф. Я поздравляю
вас с наследником.

Сын! Генрих и так был счастлив, но это известие суме-
ло увеличить его радость в разы. Он приблизился к Магде и
взглянул на младенца.

– Ну, здравствуй, сынок, – ласково произнёс папа.

В ответ малыш лишь ещё громче закричал.

– Он мил, не правда ли? – проговорила Магда.

– Он великолепен, – умиленно улыбаясь, согласился Ген-
рих. – Дайте-ка мне его.

Магда Бренденбург без возражений передала младенца в
руки отца.

– И что ж ты так кричишь? – вновь заговорил Генрих с сыночком. – Боишься мира, в который пришёл? Он, конечно, коварен, но с папой тебе совсем нечего бояться. Не надо плакать.

Да только малыш не понимал слов отца, он понимал лишь свои чувства и ощущения, а потому и не прекращал громкий плач.

– Смотрите, какой красивый снегопад на улице! – вдруг обратила внимание одна из служанок.

Все тут же посмотрели на окна. С неба действительно сыпал мягкий и пушистый снег. Крупные снежинки плавно танцевали на ветру, поблёскивая в лучах солнца.

– Обычно когда рождаются Регентропфы идёт дождь, – заметил Генрих. – Говорили даже, что в былые времена по этому дождю предсказывали судьбу родившегося. А сейчас вдруг падает снег.

– Возможно, ваш сын станет необыкновенным человеком, – предположила Магда.

– Возможно. Или его ждёт необычная судьба. Я назову малыша Густав. Так звали первого Регентропфа, родоначальника нашей фамилии. Пусть и этот Густав фон Регентропф откроет новую дорогу для наших потомков.

– А как Патриция? – поинтересовался Генрих у графини.

– С ней всё хорошо. Она сейчас спит.

– Так крепко, что не слышит сына?

– Я дал ей сильное снотворное, – пояснил стоявший в

стороне лекарь Гойербарг. – Ваша супруга потеряла много сил, перенесла много боли и очень устала. Несколько дней ей придётся провести в постели.

– Но угрозы для её жизни нет?

– Нет. Хотя мучения её в последние месяцы, а особенно часы, были велики. Даже и не знаю, как ей удалось найти в себе столько сил, чтоб пережить их.

– Да, Патриция настоящая героиня, – согласился Генрих.

– Просто она очень любит вас, ландграф, – проговорила Магда Бренденбург. – Даже больше жизни. И родив вам сына, она ещё раз доказала силу любви своей.

Генрих отдал младенца Магде и подошёл к кровати, где спала Патриция. Да, наверное, Магда была права, а значит, Генрих недооценивал свою супругу. Всмотриваясь в её бледное лицо, он вспомнил многие обиды, которые нанёс ей, равнодушие, измену, и сейчас ему было стыдно перед Патрицией за такое отношение к ней. Но больше этого не повторится. Он же пообещал Богу, что больше не причинит жене боль, и обещание это сдержит обязательно.

– Патриция скоро поправится? – спросил Генрих у лекаря.

– При хорошем уходе, думаю, ландграфиня быстро вернёт себе силы. Вот только детей она вам больше не сможет подарить.

– Почему?

– Рождение сына забрало у неё все силы, и их не осталось для других детей. Для иных женщин это, возможно, плохой

диагноз, но для ландграфини, которой роды приносят такие страдания, это большое облегчение.

– Да, наверное, вы правы. А как мой сын? Здоров?

– Я, конечно, ещё осмотрую его, но уверен, что серьёзных проблем у его здоровья нет.

– Почему же он не сразу заплакал?

Питер Гойербарг лишь пожал плечами. Он не любил вдаваться в подробности неприятных моментов его деятельности.

– Приход мальчика в эту жизнь оказался труден, – уклончиво ответил лекарь. – Но я помог ему, и теперь всё будет хорошо.

Генрих приблизился к Гойербаргу и положил руку ему на плечо.

– Спасибо вам, гер Питер, – с порывом благодарил Генрих. – Вы спасли жизнь моему сыну, вы помогли Патриции. Я преклоняюсь перед вашим мастерством врачевания, и, поверьте, моя благодарность за ваш труд безгранична. Просите у меня какой угодно награды, любое ваше желание будет исполнено.

Но лекарь Гойербарг не был корыстным человеком. Он лечил больных ради их здоровья, он занимался врачеванием, чтобы облегчать страдание людей.

– Ваша благодарность и доверие, ландграф, для меня уже большая награда, – с поклоном проговорил он.

– Нет-нет, – тут же осёк его Генрих, – прошу вас не скром-

ничать, гер Питер, и обязательно потребовать вознаграждения. Я знаю, у вас тоже растёт сын Урих, может что-нибудь я для него смогу сделать?

– Поверьте, ландграф, у меня есть всё. Единственное, чего я желаю сейчас, так это удалиться в свою комнату и отдохнуть.

– Хорошо. Я не буду настаивать. И вы действительно нуждаетесь в отдыхе. Но прошу помнить, что сегодняшний труд ваш остался не оплачен по достоинству, и как только вам что-либо понадобится, смело это спрашивайте с меня. Вы знаете, я своих обещаний на ветер не бросаю.

– Спасибо, ландграф, – снова поклонился Гойербарг. – Я буду помнить о вашем обещании.

Генрих повернулся к служанкам и распорядился:

– Приготовьте для лекаря ванну и свежее бельё.

Несколько девушек поспешили исполнить приказание господина и выбежали из комнаты.

– Идите отдыхать, мой друг, – вновь обратился Генрих к Гойербаргу, провожая его до двери.

– Вам тоже надо отдохнуть, ландграф. Вы много нервничали, переживали, дайте теперь успокоиться вашему сердцу.

Но Генрих в ответ послал озабоченный взгляд на всё ещё беспокойно плачущего младенца на руках своей бабушки.

– Не волнуйтесь, – сказал на это лекарь. – Здесь останутся графиня Бренденбург, служанки. Я им дал указания, они всё сделают, как надо. А когда ландграфиня проснётся, они нас

позовут.

– Непременно позовём, – заверила графиня Бренденбург. Генрих согласно покивал головой и вышел вместе с лекарем Гойербаргом из покоев супруги.

Патриция тоскливо смотрела в окно на серый февральский пейзаж. Снег местами растаял, оставив после себя мутные лужи и чёрную грязь на дороге. Сквозь тяжёлые тучи, залепившие небо, с трудом пробивалось бледное солнце. В углу комнаты сидела Ханна и, вышивая платок для молодой графини, напевала печальную песню о двух расставшихся влюблённых. Тоскливо, серо и скучно.

Дверь в покои отворилась и вошла Магда Бренденбург.

– Я не потревожу тебя, Патриция? – спросила она.

– Ну, что вы, мама, – повернувшись, улыбнулась любящая дочь. – Я даже рада, что вы пришли, а то мне совсем грустно.

Подтвердив своё настроение печальным вздохом, Патриция отошла от окна и присела к столику, на котором стояла корзиночка с рукоделием Ханны. Магда придвинула стул и села недалеко от дочери. А Ханна, не прерывая своего занятия, допела песню и, чуть передохнув, затянула новую, с не менее печальным сюжетом.

– Всё скучаешь по Генриху? – поинтересовалась Магда у дочери.

– Да, – тяжело вздохнула Патриция. – Уже месяц, как он уехал в Регенсбург. И ни весточки от него. А ведь он обещал

не задерживаться.

– Видимо, король Фридрих его отпускать не желает. Ты же знаешь, как он ценит Генриха, прислушивается к советам его.

– Он прислушивается к звону его монет, а не к советам.

– Неужели считаешь, что ландграфа Регентропфа больше не за что ценить?

– В наше время размер уважения определяется количеством золота.

Магда Бренденбург лишь раздражённо махнула рукой на это замечание. Она знала, что Патриция недолюбливала короля, а значит, и обсуждать его с ней бесполезно.

– Ты бы лучше заняла себя каким-нибудь делом, отвлеклась бы от серых мыслей, – посоветовала Магда. – Где малыш Густав?

– В детской с Маргарет. Астрид недавно уложила детей спать.

– Ты с Генрихом ещё не говорила о Густаве? О том, что именно он и есть настоящий законный наследник?

– Нет ещё. Сейчас в семье моей такая идиллия, что я боюсь её нарушить. Надеюсь, Генрих и сам всё прекрасно понимает.

– Надеюсь. Но он слишком упрямый.

– Это точно, – согласилась Патриция. – Только я ему напомним, что он обещал больше не причинять мне боли. А разве не боль для меня, если мой муж поставит сына любовни-

цы выше сына родного?

– Передумает он или нет, от Берхарда всё равно надо избавиться. Тогда у Генриха не будет выбора, а у Густава соперника.

– Да, надо избавиться, и чем скорее, тем лучше. Я не хочу становиться матерью этому ребёнку. Не для того я так мучилась и страдала.

– Бедная моя дочь, – с горестным вздохом посочувствовала Магда. – Ты столько перенесла, столько вытерпела ради рождения Густава! Нет, не позволю я, чтобы его место занял какой-то бастард. Твои боли ещё продолжаются?

– Да, но они слабее с каждым днём. Гойербарг потрясающий лекарь. Жаль, что он уехал из замка.

– Ты уже поправилась, встала на ноги. За тобой не нужен постоянный уход. Другие же больные нуждаются во внимании. К тому же ты сама признала, что твой недуг ослабевает. А лекарство Хельги ты всё ещё принимаешь?

– Оно, увы, закончилось, – с досадой вздохнула Патриция. – Мне великолепно помогло это снадобье. И сейчас его даже не хватает.

– Но я не думаю, что снадобья лекаря Гойербарга хуже, – возразила Магда. – Он поистине великий мастер своего дела.

– Конечно, мастер. Я и не спорю. И всё же лекарства, настолько быстро пресекающего сильнейшую боль, у него нет.

– Кстати, – заметила Патриция. – Прошло уже почти два месяца, как родился Густав, а Хельга всё ещё не пришла за

оплатой своих трудов. Как думаете, она передумала или забыла?

– Сомневаюсь, что она не возьмёт с тебя платы, – покачав головой, ответила графиня Бренденбург. – Со всех бра- ла. Думаю, Хельга просто ждёт твоего выздоровления.

– Честно говоря, я её боюсь. Вдруг она задумала что-то нехорошее?

– Не надо настраивать себя на это. Хоть Хельга и ведьма, но она помогла тебе. Ты родила сына, здорового, крепкого, твоё здоровье тоже восстанавливается. Если бы она желала тебе зла...

– И всё же душа моя не на месте.

В этот момент раздался стук в дверь. По разрешению ландграфини Регентропф в комнату вошёл слуга и, поклонившись, сообщил:

– Извините, ваше сиятельство, там пришла какая-то женщина и хочет увидеться с вами.

– У меня сейчас нет никакого желания с кем-либо встречаться, – устало выдохнула Патриция.

– Я ей сказал, что вы нездоровы, но она настаивает. Говорит, что у неё важный разговор к вам.

– Ханна, сходи, посмотри, кто эта женщина, и с чем она пришла, – распорядилась Патриция.

Девушка послушно отложила рукоделие и вместе со слугой покинула комнату.

– Быть может, это как раз Хельга пришла? – предположи-

ла Магда.

Патриция даже с места вскочила от таких догадок. Её сердце учащённо забилося, а в душе проснулся суеверный страх.

– Нет, не думаю, – встревоженным голосом ответила она, отойдя к окну. – Скорее это какая-нибудь крестьянка с прошением.

Вернулась Ханна и тихо оповестила:

– Госпожа, к вам пришла Хельга.

Патриция так и ахнула.

– Вот, вспомни о дьяволе, так он тут же и явится.

– Её нужно принять, – сказала графиня Бренденбург.

– Да, – согласилась побледневшая Патриция. – Пригласи её, Ханна.

Но служанке не пришлось утруждаться. Хельга уже стояла за дверью и, услышав, что её готовы видеть, вошла в комнату. Осанка её была гордой, взгляд чёрных глаз уверенный.

– Ну, здравствуй, Патриция, – улыбнулась Хельга хозяйке дома.

Патриции показалась, что за улыбкой гостьи скрывается коварство. Затаив дыхание, молодая женщина напряжённо наблюдала за приближающейся к ней чёрной колдуньей.

– Вот пришла поздравить тебя с рождением сына, – продолжала говорить Хельга, – а также справиться о твоём здоровье.

– Я вполне хорошо чувствую себя, – проговорила Патри-

ция.

Ей всё больше не нравился хитрый взгляд ведьмы и её леденящая душу улыбка. Патриция занервничала, тревожные предчувствия сковывали её сердце. Видя подобное состояние дочери, Магда Бренденбург поспешила к ней и обняла за плечи, пытаясь укрыть от напасти. Поддержка родного человека немного успокоила Патрицию.

– Помогло ли тебе снадобье моё? – вновь поинтересовалась Хельга.

– Да. Спасибо.

– А доволен ли твой муж сыном?

– Он очень рад.

– Значит, мечта твоя сбылась. И сына родила, и сама выжила. У нас всё получилось.

– Ты пришла за платой? – твёрдым голосом спросила Магда.

– Да. Настало время оплатить мою работу.

– Сколько золота ты хочешь?

– Золота я не возьму. И драгоценностей мне тоже не надо.

– Чего же ты тогда хочешь от меня? – Патриция была не на шутку напугана словами ведьмы.

– Я вижу, что ты всё ещё боишься меня, – усмехнулась Хельга. – Но сегодня ты поступаешь правильно. Сегодня меня надо бояться.

Она воткнула пристальный взгляд в Ханну и приказала:

– Выйди вон!

Служанка была напугана не менее своей госпожи. Она очень хотела уйти, но, привыкшая получать указания лишь от хозяйки, девушка не посмела подчиниться приказу гостыи. Ханна обратила вопросительный взор на ландграфиню фон Регентропф.

– Оставь нас, Ханна, – попросила Патриция.

Спешно откланявшись, девушка почти сбежала из комнаты. Она была рада, что её освободили от общения с ведьмой. Тем более, сразу видно, что та пришла не с добром. Как только за Ханной закрылась дверь, Хельга приблизилась к Патриции и заглянула ей в глаза.

– Ты родила мужу сына, а Регенплатцу законного наследника, но я знаю, что ты по-прежнему беспокойна. И знаю почему. Ты всё ещё боишься, что не сможешь обрести любовь Генриха, а твой сын так и останется для него вторым. И причина этих тревог – Берхард. Маленький мальчик, которого Эльза Штаузенг посмела родить Генриху раньше тебя.

Бедная Патриция крепко сжала руку матери и почти вжалась в её плечо. Ей было страшно. Она пыталась отвести взгляд от ведьмы, но та словно приковала его к себе, словно вошла в него и теперь легко читала все тайные помыслы.

– Как смеешь ты наговаривать на женщину, которая даже в мыслях никому не пожелала зла? – воскликнула графиня Бренденбург, стараясь защитить свою дочь.

– Даже в мыслях? – вспыхнула Хельга, вонзив свои чёрные глаза в Магду. – Да у вас обеих мысли чернее, чем кры-

ля демона! Не вы ли от «доброты сердечной» велели заубить Эльзу? Не вы ли сокрушались, что её сын всё-таки появился на свет живым и здоровым? Не вы ли теперь замышляете любой ценой убрать его с дороги Густава?!

Патриция от ужаса не могла ни говорить, ни шевелиться. Даже дыхание её замерло. Магда внешне старалась сохранять спокойствие, хотя душа её металась, и сердце отбивало ритм тревоги. Обе женщины понимали, что имеют дело с ведьмой, которая знает всё и про всех, и перечить ей бесполезно и даже опасно. А Хельга продолжала:

– Эльза знала имена своих убийц, но она простила вас. Она не выдала вас Генриху и даже просила его пощадить виновных в её смерти, если он когда-либо о них узнает. Вы причинили ей зло, а Эльза злом вам не отплатила. Так сделайте же и вы для неё добро, оставьте её сына в покое! Берхард для вас так же безобиден, как и Эльза.

– Это и есть твоя цена? – поинтересовалась Магда. – Хорошо, мы не тронем Берхарда. Но и любить его не сможем. И если Генрих приведёт его сюда, в замок...

– Генрих обязательно приведёт его в замок, – заверила Хельга. – Его «добрая» жена дала ему обещание заменить Берхарду мать, и он ей верит. Вот только я не верю вам, ибо знаю вашу истинную сущность! Ваши обещания и даже клятвы не стоят ни гроша!

Хельга ещё раз обожгла взглядом женщин и отошла от них на середину комнаты.

– Вот моя цена, – произнесла она, медленно поворачиваясь к собеседницам. – Генрих никому не отдаст Берхарда, а потому привезёт его под крыши Регентропфа, и тебе, Патриция, придётся его воспитать. А чтобы у тебя и Магды не было соблазна сократить мальчику жизнь, я наложу на вас заклятье. Если Берхард хоть немного пострадает от ваших действий или даже замыслов, то нанесённая ему боль, вдвойне отзовется в Густаве. Берхард только ушибётся, а у Густава уже пойдёт кровь. Чем больше рана у Берхарда, тем больше боли у Густава...

– Ты не посмеешь! – вскричала Патриция, задыхаясь от ужаса и отчаянья.

– Посмею! – воскликнула разгневанная Хельга. – Всё будет так, как я сказала! И более того, если вы всё-таки погубите Берхарда, то Густаву не прожить и трёх дней после его похорон!

Патриция рванулась из рук матери к предвестнице несчастья. Эти страшные заклинания вывели её из оцепенения и толкали на защиту сына. Однако разум осознавал бессмысленность борьбы обыкновенной женщины с чёрной ведьмой, и страх навлечёт ещё большие неприятности, всё же заставил остаться на месте. Слезы бессилия хлынули из глаз бедной Патриции.

– Зачем тебе это нужно? – простонала она. – Разве есть какая моя вина перед тобой? Так загуби мою душу, но не губи душу невинного младенца. Сними своё заклятье, Хельга!

– Нет. Не сниму, – твёрдо ответила Хельга. – Жизнь Берхарда мне слишком дорога.

– Но почему? – упавшим голосом спросила Магда; самообладание тоже быстро покидало её. – Кто такой тебе этот мальчик, что ты встала на его защиту?

Хельга обвела гордым взглядом обречённых на несчастье женщин и, выдержав паузу своего торжества, спокойно произнесла:

– Берхард – мой родной внук. Эльза была дочерью моей. Ты убила мою дочь, Патриция, но я не отомстила, а помогла тебе родить сына. И я имею полное право требовать от тебя именно такую цену за мою помощь. Ты отняла у Берхарда мать и теперь обязана сама стать ему матерью. А моё заклятье не так уж страшно. Если Берхарду будет хорошо в этом доме, так и Густав горя не узнает.

Патриция и графиня Бренденбург оцепенели от столь неожиданного признания. И даже сказать что-либо были не в состоянии. Патриция с ужасом осознала, кого она прогневила и какую беду накликала на себя и своего сына. Но теперь уже ничего не вернуть. Дело сделано, слова сказаны. Силы оставили Патрицию, и она беспомощно опустилась прямо на пол, уткнув в ладони своё мокрое от слёз лицо. Магда кинулась успокаивать дочь; её сердце переполняла жалость и сочувствие к Патриции, и в то же время в нём быстро разрасталась ненависть к Хельге.

– Ты будешь на костре гореть за свои злодеяния, прокля-

тая колдунья! – с яростью вскричала Магда, обняв дочь и успокаивающе поглаживая её по голове. – Помни, кто супруг Патриции и отец Густава! Кто истинный повелитель судеб в Регенплатце!

– Главное я помню, кто отец Берхарда, и чья любимая женщина жестоко загублена вами, – уверенно парировала Хельга. – Не вам грозить мне судом правителя Регенплатца. Вы тоже его опасайтесь. Я уйду и больше не потревожу вас, если, конечно, ничего не случится с моим внуком.

Высказав всё, чего хотела, Хельга отвернулась и направилась к выходу. Но перед дверью она обернулась и добавила:

– И не надейтесь, что заклятье может рухнуть с моей смертью. Оно вечно.

И Хельга покинула комнату, оставив женщин рыдать над постигшим их несчастьем.

– Всё предусмотрела эта чёртова ведьма, – с гневом проворчала Магда, продолжая успокаивать дочь в своих объятиях. – Но ничего, нас ей не запугать! К каждому яду можно найти противоядие, любые чары можно развеять.

– Да, можно, – всхлипнула Патриция, – если знать, как это сделать. Но мы же не знаем.

– Пока не знаем. Однако мне верится, что мы с тобой обязательно найдём выход.

Патриция вытерла последние слёзы, поднялась и отошла к окну.

– Нужно рассказать Генриху об угрозах этой мерзавки, –

произнесла она. – Он защитит меня.

– Но сначала вызовет её на допрос. И что узнает? Как ты убила Эльзу?

– Нет никаких доказательств, а колдунье верить нельзя.

– Она не просто колдунья, а мать Эльзы. И возможно Генриху это было известно, а значит, он ей поверит. Не надо так рисковать, дочка.

– Так что же, позволим сатане торжествовать?

– Нет. Мы обязательно найдём на него управу.

Но Патриция лишь недоверчиво покачала головой. Ей казалось, что начинать эту битву не имело смысла. Проигрыш в ней неизбежен. Однако в отличие от дочери, Магда уже кое-что придумала. Она поднялась с пола и подошла к Патриции.

– Хельга наложила заклятье только на нас с тобой, чтобы именно мы не причиняли и даже не замышляли вреда её мальчишке. Но другие-то люди свободны в действиях и помыслах своих. Если Берхард погибнет от рук какого-то другого человека и не по нашим замыслам, то с Густавом ничего не случится.

Патриция заинтересованно взглянула на мать. А ведь и правда. Колдовство можно перехитрить. В сердце молодой женщины вновь затеплилась надежда.

– Да кто ж решится на такой шаг, как убийство сына правителя Регенлатца? – спросила она.

– Можно распространить слух, что Берхард – внук чёрной ведьмы, что его настоящая мать тоже колдовала, – развива-

ла свои мысли графиня Бренденбург. – Наверняка найдутся люди, которые не захотят видеть своим правителем отпрыска таких женщин. Они убьют Берхарда.

– Тогда и Генриха могут уличить в связи с тёмными силами.

– Он ни в чём не виновен. Его околдовали, приворожили. Он ничего не знал. И ты ничего не знала.

– А если Генрих передумает и всё-таки назовёт Густава своим наследником? Тогда людям не будет смысла убивать Берхарда.

– Всё равно под его правление будут отданы какие-то земли, а там тоже люди. Да и просто, разве станут терпеть присутствие в замке внука ведьмы? Да и тебя, вынужденную воспитывать этого волчонка, пожалеют.

– Но если это и случится, то не скоро.

– Да, придётся немного подождать. Зато мы избавимся от Берхарда и спасём Густава.

Патриция задумалась над предложением матери. Она отошла от окна и стала медленно бродить по комнате, размышляя над создавшейся ситуацией и её разрешением.

– Нет, ничего не получится, – остановившись, наконец сделала она вывод. – Генрих быстро пресечёт подобные слухи о сыне. Он не позволит им марать честь фамилии Регентропф. А уж тем более покушаться на жизнь Берхарда.

– Однако если поднимется волнение народа, Генрих не сможет ему сопротивляться, – возразила Магда, – и вынуж-

ден будет удалить Берхарда из этих земель. А такой вариант для нас тоже неплох.

Патриция ещё немного подумала и, тяжело вздохнув, всё же согласилась.

– Хорошо, – сказала она. – Давайте попробуем. Пусть Ханна распространит такие слухи.

– Да, Ханне можно довериться, – поддержала Магда. – Она девушка понятливая и самое главное предана нам. Уверенна, она станет хорошей помощницей в нашей борьбе за справедливость.

Услышав во дворе стук копыт и приветственные крики, Патриция встрепелулась и подбежала к окну. Во двор замка въехала группа рыцарей в кольчугах и латах, со щитами и стягами, на которых красовались изображения герба рода Регентропф. Во главе процессии, гордо восседая на гнедом жеребце, ехал сам ландграф фон Регентропф. Радость охватила Патрицию, лишь только увидела она своего долгожданного супруга. Наконец-то он вернулся!

Но что это? Отбив несколько аккордов радости, сердце Патриции тревожно замерло. На руках Генрих держал маленького ребёнка, заботливо укрывая его от ветра своим подбитым мехом плащом. Патриция поняла, что это сын его Берхард. Вот и настал последний день её спокойной жизни.

Раздался стук, и дверь осторожно приоткрылась. Патриция обернулась. В комнату заглянула графиня Бренденбург.

– Патриция, ты видела, Генрих приехал? – спросила она через порог.

– Да, видела, – вздохнула Патриция. – Сейчас выйду встречать.

– Что-то вид у тебя не радостный. – Магда вошла в комнату и прикрыла за собой дверь.

– А разве вы не заметили, мама, что Генрих приехал домой не один?

– Заметила. С ним рыцарь Кроненберг и...

– Да нет же. Взгляните лучше.

И Патриция подвела мать к окну. Магда выглянула во двор и увидела, как Генрих прежде, чем слезть с коня передал одной из служанок со своих рук маленького мальчика.

– Он привёз сына? – ахнула графиня.

– Да. Сомнений нет, это волчонок Берхард, – подтвердила Патриция. – Теперь мне придётся играть роль любящей мачехи, заботиться о нём, воспитывать. До чего же противно.

– Это ненадолго, – обняв дочь, пообещала Магда.

Однако, пора встречать супруга. Патриция накинула длинный плащ, прикрыв голову капюшоном, и поторопилась во двор. Там уже собралась вся челядь и радостными возгласами приветствовала своего господина и его свиту.

– Как приятно возвращаться домой, Клос! – признался Генрих, оглядываясь вокруг.

– Особенно когда дома есть кто-то, кто любит и ждёт вас, – поддержал Клос Кроненберг.

Ландграф передал поводья конюху, и тот повёл коня в конюшни. Клос тоже покинул седло и приблизился к Генриху, который забирал у служанки своего сына.

– Берхард молодец, – заметил Клос Кроненберг, – спокойно перенёс путешествие. Не капризничал и не плакал.

– Регентропфы всегда были сильными и выносливыми, – похвастал Генрих. – Этот род не порождает трусов. Пойдём к папе, Берхард, – обратился он к сыну, который распахнутыми глазами с любопытством разглядывал незнакомое место и незнакомых людей вокруг. – Посмотри, сынок, ты приехал в свой родной дом, где жили твои предки, где ты станешь правителем, где родятся дети твои, и будут жить твои потомки.

Ландграф фон Регентропф обвёл гордым взором высокие каменные стены родового замка, и душа его замирала от такого величия, от сознания, что это величие принадлежит ему, его роду, его сыновьям. Опустив взгляд, Генрих заметил на крыльце Патрицию и, широко улыбнувшись, тут же направился к ней.

– Приветствую тебя, дорогая моя супруга! – воскликнул он.

Патриция улыбнулась в ответ. Как бы велика была её радость, если бы не присутствие ненавистного ей мальчишки.

– Добро пожаловать домой, Генрих! – поклонившись мужу, ответила Патриция. – В нём поселилась грусть без тебя.

– Теперь в него вернётся веселье. И даже увеличится! Посмотри, Патриция, кого я привёз к нам. Это Берхард. Тот са-

мый мальчик, которого ты милостиво согласилась взять под свою опеку.

Патриция внимательно поглядела на малыша. Она видела Эльзу Штаузенг всего два раза в жизни, но прекрасно помнила её лицо, которое при всём своём желании не могла не признать красивым, особенно тёмно-карие глаза в обрамлении длинных чёрных ресниц. И теперь эти самые глаза смотрели на Патрицию со смуглого лица маленького мальчика, которого ей надлежало растить вместе со своими детьми, терпеть его постоянное присутствие в её доме. Она уже предчувствовала боль предстоящей пытки этими глазами, которые станут ежедневно беспощадно напоминать об измене мужа, о его большой любви к Эльзе Штаузенг.

Патриция старательно подавила в себе возмущение и, с усилием проглотив горечь обиды, сказала:

– Какой милый малыш. Но он совсем замёрз, пойдёмте скорее в помещение.

И Патриция поторопилась отвернуться от мальчика и уйти в дом. Следом за ней прошли ландграф с Берхардом на руках и его свита. Генрих пребывал в прекрасном настроении, радуясь возвращению домой и ещё больше тому, что отныне Берхард будет жить рядом с ним в замке Регентропф. Он и не подозревал, какие чувства кипели в душе его супруги, какая ненависть жила в ней к его старшему сыну, и как именно она планировала распорядиться судьбой и жизнью мальчика.

Войдя в дом, Патриция приказала позвать няньку.

– Как прошла твоя поездка, Генрих? – поинтересовалась Патриция, провожая прибывших в рыцарский зал. – Как принял тебя король?

– Король Фридрих, как обычно, принял меня радушно, с почестями, – поведал Генрих. – Я представил ему Клоса Кроненберга, рассказал о его подвигах, о его достойном отце.

– Так вы тоже ездили в столицу, Клос?

– Да, ландграф пригласил меня сопровождать его ко двору, – ответил рыцарь Кроненберг.

Гости вошли в рыцарский зал, Патриция распорядилась, чтобы им принесли вина. Генрих с мальчиком остановился у камина, где ярко горели дрова, вдыхая в зал поток горячего воздуха.

– А я думала, Клос, что вы провожаете моего мужа только от своего замка, – продолжала Патриция разговор с Клосом Кроненбергом. – Хотела ещё спросить, почему вы не взяли с собой Хармину? Я с ней давно не виделась. Как она поживает? Как ваш сынишка?

– Благодарю вас, ландграфиня, – вежливо отвечал рыцарь, – Хармина и малыш Кларк в добром здравии и в хорошем настроении.

– Не понимаю, как супруга отпустила вас? Вы целый месяц отсутствовали и, не успев войти в дом, снова уехали.

– Я к вам ненадолго, ландграфиня. Я лишь проводил ландграфа и сейчас же отправлюсь в обратный путь. Но вы скоро

сможете повидаться с Харминой. Я и супруга моя приглашаем ландграфа вместе с вами на праздничный пир, который мы устраиваем в замке Кроненберг через два дня. Просим вас быть нашими почётными гостями.

– Пир?! Это замечательно! – обрадовалась Патриция, она обожала праздники. – А что за событие вы будете отмечать? Ваше возвращение домой?

– В их семье произошло весьма важное событие, – вклинился в разговор Генрих. – Поважнее окончания долгого пути.

– Но какое? Не мучьте же меня, скажите.

– Я освободил Клоса от ренты, отделил его угодья, и теперь он свободный владелец своего имения Кроненберг. Он сможет править им по своему усмотрению и заводить свои правила.

Патриция опешила от такого заявления. Она знала, что Генрих считает Клоса своим другом, но не настолько же, чтоб отдать ему почти всё левобережье Стиллфлусс, богатое лесом и снабжавшее древесиной чуть ли не весь Регенплатц. Это за какие же заслуги Кроненберг получил столь щедрый подарок? Неужели лишь за то, что на год приютил волчонка Эльзы Штаузенг? Патриция всегда хорошо относилась к супругам Кроненберг, любила поболтать с Харминой. Однако после того как они приняли сторону Генриха, стали крёстными родителями Берхарда и одобрили его права на наследие престола, молодая ландграфиня изменила мнение о них,

в её глазах они стали предателями. А потому и мысль о том, что их жизнь улучшается, её мало обрадовала. Генрих же продолжал:

– Более того, я убедил короля, что род Кроненбергов достоин титула. Так что Клос теперь граф, у него будет свой герб. Вот это мы и отпразднуем.

Патриция почувствовала, как в её душе зашевелилось возмущение. Что же это получалось, Клос Кроненберг теперь ей ровня? Хармина, дочь рыцаря шестого ранга, сможет обращаться к ней на «ты»?

– Разве ты не рада за наших соседей, Патриция? – спросил Генрих, заметив, что веселье покинуло его супругу.

Патриция встrepенулась и тут же изобразила улыбку на лице.

– Ну, что ты, дорогой, конечно рада, – заверила она. – Просто эта новость столь неожиданна. Я поздравляю вас, Клос. Мы непременно приедем на ваш праздник.

В этот момент к Патриции подошла уже не молодая полная женщина, которая состояла старшей няней при детях ландграфа фон Регентропфа.

– Вы звали меня, госпожа? – поклонилась она.

– Да, Астрид, – повернулась к ней Патриция, с удовольствием снимая с губ фальшивую улыбку. – Забери мальчика в детскую. Берхард теперь будет жить вместе с Маргарет и Густавом.

Астрид протянула было руки, чтобы забрать мальчика, но

Генрих остановил её. Он взял за руку супругу и вышел на середину рыцарского зала. Заметив действие ландграфа, гости замолчали и обратили к нему внимательные взоры.

– Друзья мои, доблестные рыцари! – обратился Регентропф к гостям. – Я представляю вам моего старшего сына. Я нарёк его Берхард, в честь моего великого прадеда, о подвигах которого сложены легенды. Целый год Берхарду пришлось жить в другой семье, но настал день, и он вернулся под своды родового замка, в стены родного дома. Прошу вас сегодня на весёлом пиру разделить со мной этот праздник! Со мной, Берхардом и его матерью ландграфиней Патрицией.

– Но ходят разговоры в округе, что мать этого мальчика вовсе не уважаемая всеми ландграфиня Патриция, – заметил вдруг один из рыцарей.

Подобное замечание Генриха ничуть не смутило, он даже глаз не опустил. Ландграф знал, что среди его вассалов и рыцарей есть немало таких, кто имел любовниц и даже побочных детей от них. Но только не принято было среди доблестных и благородных мужей ставить таких детей выше законных наследников, да ещё вот так открыто. На такой шаг решались лишь князья, сами творящие закон. А ландграф фон Регентропф считал себя королём в Регенплатце и потому не слишком боялся осуждения.

– Не буду скрывать от вас, моих друзей, что это правда, – признался он. – Но я благодарю Бога, за то, что он послал мне супругу, у которой не только прекрасная внешность, но и

доброе всепрощающее сердце. Патриция простила мне мой грех перед нею и, пожалев невинного ребёнка, милостиво согласилась стать ему матерью. Так что отныне забудьте о слухах, и не повторяйте их нигде. Настоящая мать Берхарда та, которая воспитает его, которая одарить теплом любви – это Патриция фон Регентропф, жена моя. Вот единственная и истинная правда.

Патриция стояла рядом с мужем, не смея поднять головы, стараясь скрыть унижение своё под тенью капюшона. Большого стыда она не испытывала ещё ни разу в жизни. Ей хотелось провалиться сквозь землю, даже умереть, лишь бы не слышать этой речи супруга, не видеть его сына.

– Подтверждаешь ли ты мои слова, Патриция? – мягко обратился Генрих к молчавшей супруге.

В эту минуту душа бедной женщины кричала от боли, лила слёзы от безысходности. Патриция была согласна на всё, лишь бы поскорее закончить пытку и уйти отсюда.

– Подтверждаю, – не поднимая глаз, тихо ответила она.

– Да здравствует ландграфиня Патриция фон Регентропф! – тут же раздался возглас, и из-за стола с бокалом в руке поднялся рыцарь.

– Самая великодушная и добродетельная женщина в королевстве! – подхватил его следующий.

– Многие лета ей и великое здравие! – поддержал третий.

По кругу волной пронеслись хвалебные восклицания в честь Патриции, потом в честь фамилии Регентропф, в честь

детей ландграфа, громко звучали добрые пожелания в их адрес. Рыцари пили, осушали свои кубки с вином, которые слуги тут же заново наполняли, и снова пили. Генрих остался доволен поддержкой собравшихся. Широко улыбаясь, он свободной рукой обнял за плечо супругу и вместе с ней отошёл обратно туда, где их ожидали Клос Кроненберг и Астрид.

– Сундук с вещами Берхарда уже должны принести в детскую, – обратился Генрих к няне, передавая в её руки сына. – Найди для него место и разбери одежду Берхарда. И покорми малыша.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – поклонилась Астрид и вместе с мальчиком покинула зал.

Проводил взглядом няню, Генрих с улыбкой заметил:

– У Берхарда очень хороший характер, спокойный, не капризный. С ним у тебя не возникнет много хлопот, Патриция.

Патриция только нервно передёрнула плечом. Ей по-прежнему было крайне неудобно и стыдно под взглядами гостей. Хвалебные возгласы рыцарей звучали траурным боем для её надежд, для её спокойной жизни. Хотелось скорее покинуть зал.

– Спасибо тебе, дорогая моя супруга, за поддержку и понимание, – продолжал счастливый Генрих. – Ты воистину самая лучшая из всех женщин! Всю оставшуюся жизнь я буду говорить об этом не только словами, но и поступками свои-

ми.

Патриции от речей супруга не становилось легче. Наоборот, раздражение её лишь увеличилось. Нервно теребя плетёный пояс на платье, она старательно искала повод, чтобы уйти из зала и больше в него не возвращаться.

– Клос, друг мой, прошу тебя остаться сегодня в моём замке и разделить со мной этот самый радостный день в моей жизни, – обратился ландграф к Клосу Кроненбергу.

– С удовольствием, ландграф, принимаю ваше приглашение, – с поклоном ответил верный рыцарь.

Вдруг где-то в коридоре громко вскрикнула женщина, и тут же раздался плач ребёнка. Все присутствующие смолкли и обернулись в сторону двери. У Генриха сердце сжалось в плохом предчувствии, он немедленно бросился вон из зала. За ним последовали Патриция и Клос Кроненберг. В коридоре с пола тяжело поднималась Астрид, придерживая на руках мальчика. Она упала буквально в шаге от ведущей вниз крутой лестницы. Грузная женщина охала и причитала, потирая ушибленное бедро, и одновременно ласковыми словами пыталась успокоить плачущего ребёнка, испугавшегося падения. Вокруг пострадавших с заботой суетилась Ханна.

– Что здесь произошло?! – взревел ландграф.

– Ох! Простите, ваше сиятельство, – застонала нянька. – Я споткнулась и упала... Не смогла удержаться, ведь ребёночек на руках...

– Ты посмотри! Ещё бы шаг, и ты упала бы с лестницы!

– Я вижу. Но благодаря Богу милосердному, я не дошла до неё и мальчика удержала.

Разгневанный Генрих забрал из рук Астрид плачущего Берхарда и внимательно осмотрел его лицо, голову, руки.

– Берхард ушибся? – спросил он. – Почему никак не успокоится?

– Я смогла удержать его, – сама испугавшись, оправдывалась няня. – Он больше напуган. Простите меня, господин, я же не специально. Что-то попало мне под ногу, и я не удержалась...

Взгляд ландграфа оставался злым и недоверчивым.

– Это правда, – вступилась за Астрид Ханна. – Я была здесь и всё видела. Только помочь не успела. Падая, Астрид лишь крепче прижимала к груди мальчика. Не наказывайте её, ваше сиятельство.

Генрих ещё раз озабоченно осмотрел сына и обнаружил, что на его ручке стал проявляться синячок.

– Малыш всё-таки ушибся, – проворчал он и оглянулся на супругу.

Она стояла неподвижно, и на её лице читалось то ли тревога, то ли сожаление, то ли скорбь. На самом деле, увидав рядом с упавшей нянькой Ханну, Патриция сразу обо всём догадалась. Верная служанка, зная о заклятии ведьмы Хельги, попыталась помочь своей хозяйке и каким-то образом учинила мелкое препятствие на пути Астрид, и та, споткнувшись, упала. Однако задуманное не получилось. Астрид не

только не скатилась с лестницы сама, но и удержала от этого ребёнка. Да, Патриция сожалела, что так произошло, что Берхард всего лишь слегка ушиб руку, а не расшиб себе голову.

Генрих же, веря в доброту супруги, принял её сожаление за сочувствие, а её оцепенение за испуг. Стремясь поскорее утешить Патрицию, Генрих подавил в себе гнев и уже мягче проговорил:

– Слава Богу, всё обошлось, дорогая. Причин волноваться больше нет.

– Слава Богу, – тихим эхом отозвалась Патриция, едва сдерживая слёзы досады.

– Простите меня, госпожа, не карайте! – просила нянька. – Я ж не нарочно!..

– Упокойся, Астрид, – отозвалась на её плач Патриция. – Никто тебя не накажет. Мы верим тебе.

Генрих нахмурил брови, всё ещё сердясь на неуклюжесть няньки, но высказывать своё недовольство больше не стал, лишь строго добавил:

– Впредь будь крайне осторожна, когда у тебя на руках ребёнок. Смотри лучше под ноги.

– Да, ваше сиятельство, – смиренно отозвалась няня.

– Пойдём. Я сам отнесу сына в детскую.

И Генрих быстро спустился с лестницы. Астрид поспешила за ним. Клос Кроненберг, видя, что ничего страшного не произошло, вернулся в рыцарский зал. Патриция осталась

наедине с Ханной.

– Это ты всё подстроила, не так ли? – тихо спросила она молодую служанку.

– Простите, госпожа, – потупила глаза Ханна. – Я хотела вам помочь. Я же вижу, как вы страдаете.

– Спасибо, Ханна. Я всегда верила тебе. Ты для меня уже не просто служанка, ты мне как подруга.

– О, госпожа, звание вашей подруги для меня дороже всех титулов на свете! – Ханна вскинула благодарный взгляд на графиню, но тут же опять его опустила, с грустью добавив. – Вот только жаль, что у меня ничего не получилось.

– Ничего, у нас ещё есть время, – успокоила Патриция, положив руку девушке на плечо. – Мы что-нибудь придумаем. Зло всё равно проиграет.

И по-дружески улыбнувшись Ханне, Патриция поторопилась вслед за мужем.

Детская комната находилась в южном крыле замка. Генрих спустился в просторную залу, повернул и поднялся на третий этаж. По узкому коридору, ведущему к детской, громким эхом разливался плач младенца.

– Да что ж это такое! – с новым порывом гнева воскликнул ландграф. – Почему сегодня мои дети плачут?!

Теперь Патриция встревожилась не на шутку, ведь уже плакал не чужой ребёнок, а её родной сын. Не произнеся ни слова, скидывая на ходу мешавший плащ, она бегом бросилась в детскую. Там в своей колыбельке лежал и жалобно

плакал малыш Густав, поднимая вверх ручку с перевязанным белой тряпицей пальчиком. В одном месте сквозь тряпицу проявлялось бледное кровавое пятнышко. Возле колыбельки сустились молоденькая нянька Юта и графиня Бренденбург. Чуть поодаль стояла маленькая Маргарет в красивом розовом с яркой тесьмой платье. Наблюдая за происходящим, она удивлённо хлопала светлыми пушистыми ресницами и машинально мяла кончик тугой косы рыжих волос.

– Что случилось? Что с моим Густавом? – испуганно восклицала Патриция.

Подбежав к колыбели, она схватила сына на руки и осмотрела его перевязанный пальчик.

– Откуда эта кровь?

– Ничего страшного, – как можно спокойнее отвечала Магда. – Просто мальчик укололся о брошь.

– Просто укололся? До крови? О какую брошь? Откуда она взялась в его руке?

– Мы не уследили. Юта меняла бельё для Густава, а я отвернулась к сундуку, чтоб приготовить мальчику чистую одежду, Маргарет же играла с малышом и зачем-то дала ему свою брошь. И он нечаянно укололся.

– Что за нерадивые няньки у нас! – громыхнул вошедший в детскую Генрих, который тоже слышал объяснения Магды. – Их следует высечь да выгнать из замка! Одна чуть с лестницы не свалилась с ребёнком на руках...

– С лестницы? – вскинула Магда изумлённый взгляд на

дочь.

Та, покачивая на руках сына, кивком головы подтвердила.

– ...другая позволила младенцу взять в руки острую вещь! – продолжал негодовать Генрих. – А вы-то, графиня, как позволили внукам?..

– Я уже признала нашу с Ютой вину, – с нервом прервала зятя Магда. – Но, в конце концов, произошла не трагедия, а лишь неприятность, из-за которой не стоит нагнетать скандал, ландграф. Смотрите, Густав даже уже успокоился.

– Значит, по-вашему, возмущение моё беспричинно? – возразил Генрих. – Да, слава Богу, Густав отделался маленькой царапиной, а Берхард слабым синяком...

– У вашего мальчика синяк? – вдруг ужаснулась Магда.

– Да, мама, – едва сдерживая слёзы, вновь подтвердила Патриция. – Берхард ушибся, а у Густава – кровь. Видишь, как всё серьёзно?

Графиня Бренденбург прекрасно поняла, о чём говорит её дочь. Заклятье Хельги действовало, оно тугим узлом связало меж собой жизни Густава и Берхарда. Но Генрих, не ведая о тайне говоривших женщин, расценил их испуг по-своему, приписав его к их доброте и сочувствию к малым детям.

– Ладно, – смягчившись, произнёс он. – Всё это, конечно, неприятно, но не смертельно. В конце концов, мальчики – будущие воины, в их жизни будет и более жестокая боль.

Однако Магда не слушала зятя. Графиня Бренденбург медленно приблизилась к Генриху, внимательно вглядыва-

ьясь в ребёнка, сидевшего у него на руках.

– Так это и есть ваш сын Берхард, ландграф? – глухо спросила она.

– Да, – ответил Генрих, найдя наконец повод для улыбки. – Это Берхард, и с сегодняшнего дня он будет жить в нашей семье, расти вместе с сестрой и братом. Теперь это не мой, а наш сын.

От этих слов Патриция чуть не простонала. Ненависть к пасынку в ней разрасталась с каждым мгновением, и молодая женщина поклялась себе, что пойдёт на любые жертвы, любые преступления, но найдёт способ избавиться от этого мальчишки, освободить от него Густава. И что ещё страшнее, в сердце Патриции пустила корни жестокая обида на мужа, на то, что мужчина, которого она горячо любила, подвергает её душевным пыткам и готовит для неё жизнь полную страданий. Такая обида не скоро проходит, а чаще не исчезает и вовсе. Продолжая покачивать на руках сына, Патриция отошла вглубь комнаты, чтоб скрыть от посторонних боль души своей.

Генрих же ничего не замечал. Он радовался старшему сыну, гордо поднимал его над головой. Потом повернулся и увидел тихо стоявшую в стороне дочь.

– Маргарет! – окликнул её Генрих. – Что ж ты не подходишь к папе? Обычно ты меня встречаешь громким смехом, а сегодня молчишь.

– Я побранила её за баловство, – сообщила графиня Брен-

денбруг.

– Ах, вот в чём дело. Ну-ка, подойди поближе.

Виновато потупив взор, Маргарет несмело приблизилась к отцу.

– Зачем же ты, озорница, дала братику такую колючую игрушку? – не слишком строго поинтересовался Генрих, склонившись к девочке. – Теперь у него пальчик болит.

– Ему понравилась моя брошка, он сам её попросил, – надув губки, ответила Маргарет.

– Тебе уже три года, и ты должна понимать, что Густав ещё слишком мал и не знает, как обращаться с брошью.

Но Маргарет уже не слушала. Она увидела мальчика, который сидел на руках её отца и крепко держал его за шею, и в её больших зелёных глазах вспыхнуло любопытство.

– А кто этот мальчик? – спросила Маргарет.

– Это тоже твой братик, – мягко улыбнулся Генрих. – Его зовут Берхард. Ему уже исполнился годик.

– А он бегать умеет?

– Умеет. Только не так быстро, как ты.

Генрих присел на корточки и поставил Берхарда на пол. Мальчик с не меньшим интересом рассматривал стоявшую рядом рыжеволосую девочку с большими глазами, похожую на куклу в ярком платье и с шёлковой лентой на голове.

– Хорошо, что умеет бегать, – сказала Маргарет. – А то Густав только лежит, да спит. С ним не интересно.

– Густав ещё очень маленький. Через год он подрастёт и

будет бегать вместе с вами.

Маргарет протянула Берхарду руку и предложила:

– Пойдём, я покажу тебе мои игрушки. А потом мы с тобой будем бегать. Мне нравится, когда меня догоняют.

Берхард взял девочку за руку и безропотно пошёл за ней.

Генрих остался доволен тем, что его дети так быстро подружились.

– Густав успокоился? – после поинтересовался он у супруги.

– Он заснул, – бесцветно ответила та, продолжая тихонько покачивать младенца.

– Это хорошо. Значит, боль прошла у него. Нам пора идти, Патриция, гости ждут.

– Ты пока иди, а я уложу Густава и последую за тобой.

– Ладно. Только не задерживайся.

Генрих с хорошим настроением покинул детскую комнату. Как только за ним закрылась дверь, Патриция перестала сдерживать слёзы, и они потекли по её щекам, выливая наружу всю душевную боль.

– Я не выдержу такой жизни, мама, – тихо пожаловалась несчастная женщина подошедшей к ней матери. – Не выдержу этой постоянной пытки, этого унижения. Мой муж не хочет и не пытается понять, какие страдания причиняет мне своей прихотью. И зачем я пред всеми признала этого волчонка! Зачем не прокричала о муках своих и не попросила помощи у рыцарей?! Возможно, у кого-нибудь дрогнуло бы

сердце от жалости ко мне.

– Это случилось сейчас перед гостями? – спросила графиня Бренденбург.

– Да. Генрих представил рыцарям своего старшего сына и сказал, что я согласна стать ему матерью, и что отныне его все должны считать моим родным сыном. А я его слова подтвердила. Но как же я теперь в том раскаиваюсь!

– Не раскаивайся. Зато теперь ты прославишься, как самая великодушная и милосердная женщина в королевстве. Это привлечёт на твою сторону больше благочестивых людей, которые однажды найдут способ заступиться за тебя, отомстить за твои муки.

Патриция бросила взгляд в тот угол, где Маргарет увлечённо показывала Берхарду свои игрушки. Эта картина вызвала у молодой женщины чувство неприязни.

– Как только представлю, что мои дети начнут играть с этим волчонком, найдут в нём весёлого друга, так мне становится плохо, – вновь призналась Патриция. – Как же я его ненавижу!

Нервно передёрнув плечами, она отвернулась от играющих детей и направилась к колыбельке, чтобы уложить Густава. Магда о чём-то раздумывала, но не долго, а после нагнала дочь и прошептала ей:

– Ты права, Патриция, нельзя позволить детям подружиться с их новоявленным братцем. Нужно воспитать в них отвращение к нему. Нужно, чтоб в этом замке не он нам, а

мы ему превратили жизнь в ад.

Патриции так понравилась идея матери, что она даже улыбнулась, ясно представив себе, с каким удовольствием она отыграется на волчонке за все свои обиды, за всё унижение. Берхард своим счастьем заплатит за грехи и его отца, и его матери.

Хельга очень удивилась, увидав вошедшего в её хижину Ахима Штаузенга. Глубокая складка меж его бровями и резкие движения указывали на то, что он был чем-то обеспокоен. Хельга тоже встревожилась.

– Здравствуй, Ахим, – поприветствовала она гостя. – Какие заботы тебя привели ко мне?

Ахим подошёл к Хельге совсем близко, заглянул в её чёрные глаза и резко спросил:

– Зачем ты распространила весть, что Берхард твой родной внук?

– Я?! – изумилась Хельга. – Но я никому ничего подобного не говорила!

– Почему же тогда весь Крафтбург только и шумит об этом?

– Ты уверен?

– Да где б я не появился, меня тут же непременно кто-нибудь спросит: «А правда ли?» Соседи стали с подозрением коситься на меня.

– А что ты всем отвечаешь?

– Конечно, что эти слухи лживы! Я не желаю зла моей Эльзе даже после её смерти. Не понимаю, зачем ты вдруг распустила свой язык?

– Но поверь, я не причастна к этой болтовне, – оправдывалась Хельга. – Я тоже не хочу вредить ни тебе, ни Берхарду.

– Тогда откуда город узнал о тайне, которая двадцать лет оставалась от всех закрытой, и которую знаем только ты и я? Даже Эльза имени своей настоящей матери не ведала!

Хельга опустила глаза, спрятав боль, что нанесли её сердцу последние слова Ахима. Да, тогда она сама взяла с Ахима слово, что он никогда и никому не откроет имени настоящей матери Эльзы. Никому, даже самой Эльзе.

Хельге было трудно решиться на такое. Она любила свою дочь и не хотела от неё отказываться. Однако она понимала, что её чёрная репутация повредит жизни Эльзы, сделает её изгоем общества, лишённой дома, семьи, человеческого счастья. Тогда Хельга посоветовалась с Ахимом, и они решили поступить так. Ахим Штаузенг часто ездил в разные города за материалом и товаром для отцовской лавки, и ему не трудно было признаться родителям и распространить по городу слух, что в другом городе у него якобы появилась любимая девушка, и что их отношения уже зашли очень далеко, она ждёт ребёнка. Ахим сообщил, что обязательно женится на ней, и как только ребёнок появится на свет, привезёт супругу в свою семью. Потом Ахим на полгода уехал из Регенплатца, а вернулся в чёрных одеяниях и с младенцем

на руках. Он сказал всем, что его молодая жена умерла при родах, подарив ему дочь, которую он отныне будет растить и воспитывать.

Вся эта история казалась странной. Жены Ахима никто никогда не видел, не знал, её родные никогда не приезжали в Крафтбург. Но семья Штаузенг была уважаема в городе, а Ахим имел репутацию честного и добропорядочного человека, и потому ему поверили. К тому же его родители с радостью признали в малютке-девочке родную внучку, а сестра Ахима стала её крёстной матерью. Так Эльза поселилась в семье отца, жила там в любви и заботе, и считала своей мамой выдуманную женщину, которая якобы умерла, подарив ей жизнь. Хельга очень страдала, наблюдая за дочерью со стороны, но мысль, что Эльза весела и счастлива, успокаивала её истерзанную душу.

– Кому ты рассказала? – громко повторил Ахим свой вопрос, вернув Хельгу из воспоминаний в реальность.

Не хотела Хельга признаваться, зная, как Ахим будет разгневан, но деваться некуда.

– Я рассказала только двум женщинам, – несмело ответила она, не поднимая глаз.

– Только двум?! – вспыхнул Ахим. – Да этого достаточно, чтоб о тайне узнал весь мир! Кто они?

– Патриция и графиня Бренденбург.

Услыхав эти имена, Ахим так и остолбенел от неожиданности.

– Ты с ума сошла! – придя в себя, воскликнул он. – Хельга, ты сошла с ума! Разве ты не знаешь их отношение к Берхарду?..

– Знаю, – поспешила ответить Хельга. – Знаю. Потому и сказала им правду.

– Но зачем?

Тяжело вздохнув, Хельга отошла от собеседника и присела на скамью. Ей очень хотелось, чтоб Ахим понял её, чтоб не упрекал. Старательно подавляя в себе волнение, она начала рассказывать:

– Патриция и её мать задумали известить Берхарда, дабы он не мешал жить Густаву. Я тревожусь за его судьбу. Зная, что Патриция боится меня, я заявила ей, будто наложила заклятье на её сына...

– Заклятье!..

– Да. Будто я связала жизни мальчиков, и если пострадает Берхард, то страдания Густава будут мучительнее, а если Берхард умрёт, то и Густав немедленно последует за ним.

С каждым словом Хельги Ахим изумлялся всё больше и больше.

– Не думал я, что ты на такое способна!

– Пойми, я сделала это ради жизни Берхарда!..

– Но я полагал, с рождением сына Патриция успокоится и не станет чинить Берхарду вред.

– Я тоже на это надеялась. Если бы Генрих признал наследником второго, но законного сына, то так бы и было. Но

Генрих упрям. Патриция ненавидит мальчика так же, как и ненавидела Эльзу. Она не обретёт покоя, пока он жив, пока он занимает главное место в сердце Генриха. Я раскрыла Патриции тайну для того, чтобы она знала, что у Берхарда есть защита не только от её действий, но и даже от её чёрных помыслов. Патриция боится меня.

– Да кто ж тут не испугается. Признаться, даже мне стало жутковато.

Ахим и не знал, как реагировать на признание Хельги. Он гневался на то, что она раскрыла их тайну, и в то же время понимал причину её действий, признавал правоту её объяснений. Поступок Хельги зол и жесток, но с другой стороны замыслы Патриции не менее коварны. Ахим присел рядом с любимой женщиной и взял её за руку.

– Я не знаю, правильно ты сделала или нет, – неуверенно произнёс он. – Может, правильно, хотя и жестоко. Но о том, что Берхард, твой родной внук, ты сказала зря.

– Нет. Так Патриция будет больше опасаться прогневить меня.

– Она и так запугана тобой. Шутка ли, жить и знать, что сын твой заколдован. А ещё говорила, что не можешь колдовать. Опасная ты женщина.

Хельга вскинула на Ахима удивлённый взгляд:

– А ты разве поверил, что Густав действительно заколдован?

– Но... Как же... Ты же сама сказала...

– Я сказала «будто» это сделала. Моё заклятье – пустые слова, за которыми абсолютно ничего нет. Просто я воспользовалась страхом Патриции передо мной и перед моими мнимыми колдовскими способностями. Я не умею колдовать, Ахим, правда. На самом деле, Густав свободен, и если с Берхардом, не дай Бог, случится трагедия, Густав не страдает.

– Но Патриция не знает об этом.

– И не должна знать. Дабы не навредить своему сыну, она вынуждена будет оберегать Берхарда, а не убивать его.

Ахим молчал. Он размышлял над поступком Хельги, и всё увереннее соглашался с ним. Всё казалось сложно и очень запутанно. Если бы Генрих не являлся королём Регенплатца, или бы его жена не была замешана в убийстве Эльзы, то и решение проблемы, возможно, было бы проще. Но, к сожалению, всё не так. Да ещё и тайна открылась.

– И всё же ты зря призналась, что Эльза твоя дочь, а Берхард твой внук, – проговорил Ахим. – Скоро эти разговоры выйдут из Крафтбурга, долетят до поместий вассалов, и что тогда? Думаешь, рыцари примут такую весть за шутку?

– Но и до войны дело тоже не дойдёт, – возразила Хельга. – Хотя именно на бунт вассалов Патриция и рассчитывает, распространяя подобные слухи. Она хочет, чтобы Генрих добровольно или по принуждению отказался от Берхарда.

– Я тоже хочу этого, правда, не таким путём... А что? Вдруг Генрих действительно откажется от родства с ведьмой

и отдаст Берхарда мне? – с надеждой предположил Ахим.

– Генрих не откажется от сына. Любовь к Берхарду в нём столь же огромна, как и любовь к матери мальчика. И вассалы вряд ли взбунтуются против него, ведь нет никаких доказательств нечистого происхождения Берхарда. Да и Патриция уже успела признать его своим сыном, так что Берхард теперь полноправно носит фамилию Регентропф. Для волнений причины очень малы, поверь мне. И всё же пока дурные слухи действительно не разлетелись слишком далеко и не натворили бед, необходимо их пресечь как можно скорее. Иди сейчас к ландграфу, расскажи, какие сплетни про его сына витают в Крафтбурге. Проси его о защите от такого оскорбления, заверь, что слухи эти лживы, он тебе поверит. Генрих не допустит, чтоб запятналось имя Штаузенг, а тем более имя Регентропф. Скоро ландграф устраивает большие празднества, на которые приглашены многие достойные и знатные рыцари. Думаю, он воспользуется случаем, чтоб представить всем своих сыновей и развеять ложные наговоры. И тогда уже о Берхарде ничего дурного сказать не смогут.

Ахим Штаузенг слушал молча, кивая головой в знак согласия.

– И ещё тебе нужно жениться, – добавила Хельга.

– Ты опять за своё?

– Я серьёзно, Ахим. Видя твоё благополучие, слухи о твоей связи со мной стихнут быстрее. Да и просто, ты не должен

жить один.

– Я не хочу жениться.

– Возьми в жёны дочь твоих соседей Христину, – не слушала его Хельга. – Она станет прекрасной женой и родит тебе детей. Дети станут тебе хорошей опорой в старости.

– Хельга, я не хочу, я не люблю её! – протестовал Ахим.

– Приглядишься к Христине получше. Она не красавица, но очень милая и скромная девушка. Женись. Так будет лучше для всех, в том числе и для Берхарда. Поверь мне, Ахим.

ГЛАВА 2

В кабинет ландграфа фон Регентропфа заглянул слуга и доложил:

– Прибыл мастер Хайнц Вольфгарт и просит вас принять его.

– Да-да, зови скорее, – отозвался Генрих. – Я его жду.

Слуга вышел из комнаты и через несколько минут открыл двери перед невысоким мужчиной в чёрном берете. Войдя, гость обнажил голову, продемонстрировав седеющие волосы с намечавшейся лысиной на макушке, и вежливым поклоном приветствовал хозяина замка. В движениях мужчины заметны уверенность и достоинство, карие глаза смотрели с добром, сквозь тёмную бороду проглядывала мягкая улыбка. Ландграф поспешил навстречу гостю:

– Здравствуйте, мастер Вольфгарт! Рад, что вы столь быстро приехали. Прибыли в Регенплатц на корабле?

– Да. Путешествовать по воде мне доставляет больше удовольствия, – ответил Хайнц. – К тому же берега Рейна так красивы, особенно сейчас, летней порой.

Генрих предложил гостю присесть и, выглянув за дверь, приказал слуге принести вина.

– Вы предупреждали, что приедете со всей вашей семьёй, – продолжил разговор Генрих, сев на стул напротив собеседника. – Она у вас большая?

– Сейчас со мной только супруга Карен и младший сын Зигмунд, – охотно поведал Хайнц. – Двое старших сыновей уже обзавелись семьями, построили себе дома; они нашли своё место в жизни и больше не сопровождают меня.

– А сколько лет Зигмунду?

– Шестнадцать. Ещё два-три года, и он тоже покинет меня, пойдёт по жизни своей дорогой.

– Да, птенцы, подрастая, покидают родные гнёзда.

Слуга принёс кувшин с вином и два кубка, поставил на стол и по велению ландграфа удалился. Генрих встал с места и, подойдя к столу, лично разлил вино в кубки.

– Это вино с виноградников Регенплатца, мастер Вольфгарт, – с гордостью произнёс он, подавая кубок гостю. – Попробуйте. Мы поставляем его даже ко двору.

– Я знаю, оно славится, – широко улыбнулся Хайнц. – Оно считается лучшим из рейнских вин.

– Теперь вы сможете пить это вино каждый день. Оно всегда подаётся к столу в этом доме.

– Прекрасно! Прекрасно! – Мастер Вольфгарт отпил несколько глотков из своего кубка и удовлетворённо выдохнул. – Но теперь, ландграф, давайте обсудим дело, ради которого вы призвали меня к себе. Какие услуги хотите вы получить от меня, и каковы будут мои обязанности в замке?

– Да, давайте это обсудим, – согласился Генрих, снова присев на стул. – Как вам известно, у меня трое детей. Старшему сыну Берхарду уже исполнилось одиннадцать лет; он мальчик спокойный, серьёзный, но молчаливый, даже замкнутый. Младшему Густаву – десять; он наоборот весьма шустрый, задиристый, мамин любимчик. Маргарет – моя единственная любимая дочь, настоящая принцесса, красива и капризна; ей тринадцать лет. Мальчики прекрасно держатся в седле, уже метко стреляют из лука, умело владеют мечом и копьём. Однако они недостаточно хорошо обучены грамоте и наукам разным. Вот я вас и пригласил, дабы вы, мастер Вольфгарт, преподали моим детям эти науки. Ваше имя уже на слуху у людей, вы имеете репутацию, как образованного человека и очень хорошего учителя.

– Спасибо за похвалу, ландграф, – склонив голову, благодарил Хайнц. – Действительно, прежде чем начать обучать других, я много путешествовал и набирал разнообразные знания по всему свету. У меня много книг по философии, истории, математике. Я и сам брал уроки у учёных мужей в Италии, Греции.

– Да, вы сможете многому научить, и я очень рад, что

вы согласились обучать моих детей. Патриция, супруга моя, приглашала в наставники одного монаха из монастыря, что в Регенплатце. Он обучил их письму, слову божьему, арифметике, но я считаю, этого мало. Мои сыновья будут править землями и городами, Берхард унаследует трон Регенплатца, – они должны быть не просто грамотны, а знать как можно больше о мире. В наше время правитель славен не только силой, но и умом.

Мастер Вольфгарт, кивая головой, соглашался с каждым словом собеседника.

– Относительно Маргарет такие же пожелания? – поинтересовался он.

– Да. Её доля, конечно, быть только женой и матерью, однако она выйдет замуж за знатного человека, и быть глупой ей ни к чему.

– Что ж, мне всё ясно. Я с радостью передам вашим детям все знания, коими владею сам. Вы больше никаких учителей не нанимали?

– Видите ли, мастер Вольфгарт, в последние семь лет я очень редко бывал дома. У меня большие владения, за которыми нужен присмотр, я занимался ими. Потом король Фридрих призвал меня к себе на службу. А последние два года я стоял на страже моих земель, коим угрожала опасность. Барон Штольценгер не даёт мне покоя, желает завоевать их.

– Ваши богатые земли привлекают многих. А уж ближайшего соседа и подавно, – поддержал Хайнц. – Я слышал, ка-

кие битвы проходили между вами за рекой Стиллфлусс.

– Левобережье речки вот уж десять лет принадлежит графу Кроненбергу. Графство небольшое, молодое, войско пока слабое, вот барон и пытается полонить те земли, чтоб стать ближе к Регенплатцу. Но я не допущу этого. Я и мои воины будем охранять границы графства так же усердно, как и раньше, когда поместье Кроненберг находилось под моим правлением.

– Но теперь, когда барон проиграл войну, он, надеюсь, успокоился?

– Барон Штольценгер был серьёзно ранен в последней битве, и, думаю, глубокие раны и потеря большого количества воинов надолго утихомирят его. Разве что мне войну объявит его старший сын. Но он слабак, я с ним быстро справлюсь.

Ландграф допил вино и отставил кубок на стол.

– Так что, мастер Вольфгарт, сами видите, мне некогда было думать об учителях, – вернулся Генрих к прерванной теме. – Патриция, правда, ещё нанимала учителя танцев для Маргарет. Однако этот молодой красавчик больше времени проводил с девушками в укромных уголках, чем на уроках, и я его выгнал.

– И он Маргарет так ничему и не научил?

– Патриция говорит, что чему-то научил. Но не думаю, что многому. При таком отношении к обязанностям своим. . .

Хайнц, соглашаясь, вновь покивал головой, а после пред-

ложил:

– Моя супруга Карен знает все танцы, которые в ходу на балах у королей и высшего общества, и ещё прекрасно играет на мандолине. Всему этому она может научить и ваших детей. И мальчиков тоже. Ведь в наше время мужчины должны владеть не только мечом, но и красивым словом, покорять женщин не только на рыцарских турнирах, но и на балах. А Зигмунд великолепно рисует. Он два года обучался живописи в школе искусств в Риме и в будущем намерен продолжить обучение в Неаполе, желая стать настоящим художником. Так что и знания моего сына смогут быть вам полезны.

– Вот как! – радостно воскликнул Генрих. – Я приглашал одного учителя, а получил сразу троих! Что ж, прекрасно! Я принимаю ваше предложение. Вы обучите моих детей наукам, а ваша супруга и сын – искусствам. И не сомневайтесь, все труды вашей семьи будут щедро мной оплачены. Но где же фрау Вольфгарт и Зигмунд? Ждут за дверью?

– Нет. Мы прибыли в Крафтбург вчера вечером и сняли комнату на постоялом дворе. Сейчас жена и сын находятся там, я же решил сначала лично встретиться с вами, всё обсудить.

– Но, надеюсь, вы не надумали надолго поселиться в том дворе. Обещайте, что сегодня же вы все втроём переедите в мой замок, – потребовал Генрих и поднялся. – Здесь для вас уже приготовлены комнаты. Пойдёмте, я покажу их вам. Заодно посмотрите и кабинет для занятий, возможно, у вас

возникнут какие-то дополнительные пожелания для её оснащения. Не стесняйтесь, просите всё, что вам необходимо для работы и для удобного проживания.

– Спасибо, вы очень добры, ландграф, – поблагодарил Хайнц, так же поднимаясь с места. – Я обязательно посмотрю и комнаты, и кабинет, однако для начала хотел бы попросить вас познакомить меня с моими учениками.

– Что ж, как пожелаете.

Генрих громко позвал слугу. Тот незамедлительно открыл дверь и, отвесив хозяину поклон, приготовился выслушать приказ.

– Скажи Астрид, чтоб собрала моих детей в детской, – распорядился Генрих, – и пригласи туда ландграфиню.

– Слушаюсь, – поклонился слуга и покинул комнату.

– Пойдёмте, мастер Вольфгарт, – обратился Генрих к учителю. – Провожу вас к вашим ученикам.

Поставив свой пустой кубок на стол, Хайнц последовал за ландграфом.

– Имеется ли в замке библиотека? – поинтересовался мастер Вольфгарт по дороге.

– Да, конечно, – ответил ландграф. – Все Регентропфы всегда шли в ногу со временем и стремились развивать не только физическую силу, но и разум, и душу свою. Образование играет далеко не последнюю роль в жизни нашей фамилии.

– Оттого Регентропфы и прославились, как мудрые пра-

вители, – поддержал Хайнц.

– Оттого и земли наши богатеют, в графстве царит мир и покой, и подданные наши сыты и довольны. Вы можете пользоваться библиотекой, мастер Вольфгарт. Кстати, там есть летопись нашего рода Регентропф.

– О, это очень интересно!

– Прошу вас, прочтите её, дабы потом вы смогли преподать моим детям историю Регенплатца, которая неотделима от истории фамилии Регентропф. Я так хочу.

– Прекрасно понимаю ваше пожелание, – заверил Хайнц, – и полностью поддерживаю его. Дети обязательно должны знать своих предков.

Ландграф и мастер Вольфгарт вошли в детскую комнату. Берхард, Густав и Маргарет уже были здесь и, выстроившись в ряд, ожидали появления отца. Патриции в комнате ещё не было.

– Вот моё самое главное богатство! – воскликнул Генрих, представляя гостю своих детей. – Моя радость, мой смысл жизни! Маргарет, моя принцесса, красавица необыкновенная, такая же, как и её мать.

Маргарет скромно опустила взор и присела в неглубоком реверансе. Девушка уже привыкла к похвалам, видела восхищение не только в глазах отца, но и в глазах других мужчин, а потому подобные речи её совсем не смущали. Уже через пару мгновений она вскинула на незнакомого человека смелый и гордый взгляд прекрасных зелёных глаз. Маргарет

и вправду была очаровательна, блеск её золотых локонов в лучах яркого солнца успешно соперничал с блеском драгоценных камней в украшениях, стройная фигурка облачена в бордовое платье из дорогой аравийской ткани расшитой серебром. Ландграф ничего не жалел для своей единственной дочери, украшал её, лелеял и баловал.

– Это малыш Густав, – представил Генрих худенького белокурого мальчика в тёмно-фиолетовой котте, рассматривающего гостя с нескрываемым любопытством в широко распахнутых синих глазах. – Поприветствуй господина, Густав.

Мальчик встрепнулся и быстро кивнул головой.

– И мой старший сын Берхард.

Мальчик в коричневом сюрко стоял чуть дальше от сестры и брата и внешностью своей сильно отличался от них. Смуглая кожа, длинные до плеч густые смоляные волосы, взгляд чёрных глаз напряжён и внимателен. В чертах лица Берхарда не было ничего общего ни с Маргарет, ни с Густавом, ни даже с отцом. И если бы Генрих не назвал мальчика своим сыном, Хайнц никогда бы так и не подумал.

– Дети, я представляю вам мастера Вольфгарта, – продолжал Генрих. – Он учитель, знает все науки, бывал во многих странах и теперь готов передать свои знания вам...

– Как всегда, Генрих, меня ты не ждёшь, будто происходящее в доме меня не касается, – раздался в этот момент женский голос.

В детскую вошла Патриция. Как обычно, красива и вели-

чава; прошедшие годы нисколько не отразились на её лице, не тронули её стройную фигуру. И всё же тот, кто хорошо знал эту женщину, заметил бы, что в зелёных глазах её поселилась зима, в голосе застыл лёд равнодушия, а движения стали резки.

– Добрый день, – со снисходительной улыбкой обратилась Патриция к гостю. – Вы и есть мастер Вольфгарт?

– Да, – с поклоном ответил учитель. – Очень рад познакомиться с вами и с вашим семейством. У вас очень красивые дети.

– Мои дети? – Патриция приблизилась к дочери и поцеловала её в щёку. – Мои дети красивы, да.

Взгляд женщины заметно потеплел, улыбка стала мягче. Дети были единственной её отрадой, единственной радостью в этом тоскливом холодном замке, лишь с ними она отдыхала душой и испытывала счастье. Патриция подошла к Густаву и ласково погладила его по голове, отчего тот сразу повеселел. На Берхарда она даже не взглянула.

– Ты нисколько не опоздала, Патриция, – сказал Генрих. – Я только что представил мастеру Вольфгарту его учеников.

– А чему вы будете нас учить, мастер Вольфгарт? – поинтересовалась Маргарет.

– Многому, – охотно ответил учитель. – Письму, истории, расскажу о разных странах и народах, математике, греческому и итальянскому языкам, научу вас складывать слова в стихи...

– Как много. Неужели мы сможем столько выучить?

– Конечно, сможете! – воскликнула Патриция. – Вы у меня очень умные, и станете ещё умнее.

– Поверьте, науки не так сложны, как вам кажется, – заверил учитель.

– А музыке и танцам вы нас обучите? – вновь задала вопрос Маргарет.

– Этому вас обучит моя супруга фрау Вольфгарт. Она знает все-все танцы.

– Так значит, вы прибыли к нам с семьёй? – спросила Патриция.

– Да. Со мной приехали жена и сын Зигмунд.

– Кстати, Зигмунд хорошо рисует, – добавил Генрих. – И я решил, что занятия рисованием нашим детям не повредят.

– Ваш сын пишет настоящие картины, учитель? – встрепенулся Берхард, и в его глазах вспыхнул яркий интерес.

– Да, у него уже есть несколько работ, – ответил мастер Вольфгарт. – Зигмунд обучался в лучшей итальянской художественной школе... А вы, Берхард, тоже увлечены рисованием?

– Да, мне нравится рисовать...

– Ой, тоже мне художник! – усмехнулась Маргарет, пренебрежительно скривив губки. – Какие-то каракули выводит, не поймёшь даже что это – не то дом с трубой, не то осёл одноухий.

– Ха-ха-ха! Осёл одноухий! – громко засмеялся Густав;

фраза сестры показалась ему очень забавной. – Это он может нарисовать! Осёл одноухий!

Мальчик аж согнулся от смеха и, глядя на него, Маргарет тоже рассмеялась. Патриция же умилённо улыбалась, наблюдая за весельем своих детей. Её нисколько не заботило, что их реплики были оскорбительны для Берхарда.

– Что за глупый смех! – рявкнул Генрих, и его строгий голос заставил детей умолкнуть. – Как вам не стыдно смеяться над братом!

– Но рисунки Берхарда действительно несуразны, – вступилась Патриция за сына и дочь.

– Я тоже видел его рисунки – они достойны похвал. И я смею считать, что смех ваш завистью вызван. Особенно твой смех, Маргарет.

На щеках девушки немедленно вспыхнул румянец негодования. Маргарет не умела рисовать, эскизы для вышивки, которые она составляла, были неровны, цветы на них корявы. Они приобретали приличный вид только после поправок матери. Упрёки отца, да ещё и при чужом человеке сильно обидели Маргарет. Девушка гордо вздёрнула носик, и губы её задрожали от якобы назревающих слёз.

– Прекрати кричать на дочь при посторонних! – приказала мужу Патриция, нежно прижав золотую головку дочки к своей груди. – Из-за пустяка довёл бедняжку до слёз.

Мастер Вольфгарт внимательно наблюдал за этой сценой, и увиденного ему хватило, чтобы сделать для себя кое-какие

выводы. Прежде всего, он понял, что Берхард здесь совершенно чужой, даже изгой, и если бы не поддержка и защита отца, то мальчику вообще не нашлось бы никакого места в этой семье. О причинах подобного отношения учитель лишь догадывался, и мысль, что эти догадки могли быть верны, его не радовала. Он снова взгляделся в Берхарда. Мальчик не выказывал ни зла, ни обиды, его смуглое лицо оставалось непроницаемым, взгляд спокоен, чувства надёжно спрятаны в тайных глубинах души. Казалось, Берхард уже привык к своей участи и смирился с ней.

– Отец всегда защищает Берхарда, – пожаловалась Маргарет. – Только его и любит.

– Маргарет, ты ведёшь себя неприлично, – сделал замечание Генрих. – Прекрати ныть. Мастер Вольфгарт с его семьёй отныне станет жить в замке, вы будете видеться с ним ежедневно, и я прошу вас вести себя достойно и больше не устраивать подобных глупых ссор. Не позорьте себя и меня! Маргарет, Берхард, Густав, вы всё поняли?

Мальчики утвердительно закивали головами. Маргарет выпрямилась и со смиренным видом присела в реверансе, однако её глаза всё же бросили гневный взгляд на Берхарда.

– Пойдёмте, мастер Вольфгарт, я покажу вам комнаты и кабинет для занятий, – предложил ландграф учителю.

– Был рад с вами познакомиться, – с процальным поклоном обратился Хайнц к своим ученикам. – Уверен, мы сможем подружиться.

Мужчины вышли из комнаты и не спеша направились по коридору.

– Ваши дети часто ссорятся, ландграф? – поинтересовался Хайнц.

– К сожалению, часто, – ответил Генрих. – Маргарет вечно задирает своих младших братьев. Густаву тоже от неё достаётся. Но она вовсе не злая. Своенравна, да, но не зла. Мать её балует. Да что греха таить, и я тоже имею слабость потакать ей во всём.

– Такой красавице трудно в чём-либо отказать.

– Да, это точно.

Резко скрипнула дверь, и раздался детский смех. Мужчины обернулись. Из детской комнаты вышел Берхард; лицо его хмуро, взгляд холоден. Он спокойно закрыл за собой дверь и ушёл прочь по коридору. Проводив мальчика взглядом, мужчины продолжили путь.

– Берхард совсем не дружен с братом? – вновь спросил Хайнц.

– Совсем, – горестно вздохнул Генрих. – Между братьями случаются и драки. Мальчики живут в разных комнатах и общаются лишь на занятиях.

– А вообще в замке у Берхарда есть друг? Может быть, среди других детей?

– По-моему, нет. Берхард со многими общается, но я не замечал, чтобы кто-то стал его другом. Только с Кларком сыном графа Кроненберга у него близкие и доверительные

отношения. Мальчики постоянно переписываются, а когда встречаются, то их водой не разлить.

– Вот мы и пришли, – остановился Генрих у двери. – Теперь это ваш кабинет. Здесь вы будете проводить свои занятия. Заходите.

Генрих открыл дверь и пропустил учителя в просторную светлую комнату. Её убранство мало чем отличалось от остальных кабинетов. Расположенный у окна большой дубовый стол покрыт мягким солнечным светом. Вокруг стола пять стульев с резными спинками. Вдоль стены разместились три шкафа с широкими полками, многие из которых пока пустовали, на остальных можно было найти пергаментные свитки, несколько книг, грифельные доски, инструменты для измерений. В углу у двери расположился массивный отделанный бронзой сундук. Его открытая крышка позволяла заглянуть в пустое тёмное пространство.

– Комната удобная и главное светлая, – оглядевшись, констатировал Хайнц. – Мне здесь нравится. А куда ведёт та дверь? – указал он на дверь между шкафами.

– Она ведёт в вашу спальню. – Генрих подошёл и открыл эту дверь. – Прошу, взгляните. Патриция лично принимала участие в её убранстве.

– Мне приятно, – улыбнулся Хайнц и, подойдя, заглянул в спальню. – У вашей супруги прекрасный вкус. Карен спальня понравится. А я доволен тем, что кабинет рядом. Для меня это очень удобно.

– Пойдёмте, я покажу вам другие комнаты и мою библиотеку, – предложил Генрих.

Но Хайнц отказался:

– Благодарю вас. Мне весьма льстит ваше внимание и забота. Признаться, ещё ни в одном доме хозяева меня так не привечали. И мне даже немного неловко перед вами, ландграф.

– Только не вздумайте стесняться меня, мастер Вольфгарт. Вы не менее уважаемый человек, чем я. Хотя вы и не имеете титула, но зато обладаете многими знаниями, в коих я совершенно не сведущ, а значит, вы умнее. Я прошу вас обращаться ко мне, как к равному. Ну, пойдёмте в библиотеку, она находится по этому же коридору.

– Прошу прощения, ландграф. Мне крайне любопытно осмотреть вашу коллекцию книг и свитков, но боюсь, я так увлекусь ими, что забуду про все дела, а мне ещё нужно перевезти в замок семью. Позвольте мне посетить вашу библиотеку вечером, после ужина.

– Да когда вам будет угодно! Вы правы, сначала необходимо сделать более важные дела.

Генрих закрыл дверь в спальню и направился было к выходу, однако остановился.

– Мастер Вольфгарт, хочу вас ещё кое о чём предупредить. – Лицо Генриха посерьёзнело. – Это важно, ведь вы будете проводить много времени с моими детьми.

– Я весь во внимании.

– Я стараюсь, чтобы об этом знало, как можно меньше людей, но от вас скрывать не имеет смысла. Дело в том, что мой сын Густав страдает падучей болезнью.

– Ах! Бедный мальчик, – посочувствовал Хайнц. – Это серьёзный и крайне неприятный недуг.

– Вы уж не будьте слишком строги к нему, и если вдруг что-то...

– Не беспокойтесь, ландграф, – заверил Хайнц, – у меня уже был опыт общения с таким ребёнком.

– Правда? Что ж, раз так, то волнения мои действительно напрасны.

Супруга мастера Вольфгарта невысокая приятной полноты женщина чувствовала себя свободно в любом доме и с любыми людьми. Высокий титул хозяина замка не заставлял её трепетать, а красота хозяйки ничуть не смущала. Почти весь ужин словоохотливая Карен Вольфгарт увлечённо рассказывала о разных местах, где ей довелось жить и о людях, которых она там встречала. Её повествование складывалось настолько интересно, что слушатели даже забывали о еде. Особенно дети, которые ещё не успели познать величину и разнообразие Мира. Для них было интересно всё, что происходило за пределами Регенплатца. Карен обладала учтивыми манерами и доброй улыбкой, однако при этом её серо-голубые глаза под тенью тёмных ресниц внимательно следили за всем вокруг, не упуская ни одной детали.

В отличие от матери Зигмунд был тих и скромн. В разговоре участвовал только, если с вопросом обращались непосредственно к нему, отвечал негромко и коротко. Юноша редко поднимал глаза, а если и делал это, то его взгляд почти всегда был устремлён лишь на одну особу, на юную красавицу Маргарет. Её очаровательная улыбка и прекрасные зелёные глаза с первых минут поразили Зигмунда в самое сердце, сумев зажечь в нём огонь до селе ему ещё не ведомый.

Маргарет тоже отметила, привлекательность Зигмунда Вольфгарта: стройная фигура, бархатистый голос, мягкий взор синих глаз. Старательно скрывая свою заинтересованность юношей, девушка тоже изредка поглядывала на молодого человека. Кажется, в её скучной жизни скоро появятся развлечения.

За увлекательными разговорами ужин затянулся. Солнце уже опустилось за горы, оставив на небе лишь оранжевый отсвет, когда жители замка стали расходиться по своим спальням. Мастер Хайнц Вольфгарт всё-таки выбрал время и перед сном заглянул в библиотеку. Впрочем, в полумраке при тусклом свете одной свечи трудно было рассмотреть книги со надлежащим вниманием. Так что, тяжело вздохнув, Хайнц взял лежавший на отдельной полочке небольшой сундучок со свитками и отправился в свою спальню.

– Мне здесь нравится, Хайнц, – заявила Карен мужу, ложась на широкую кровать под лёгкое одеяло. – Хозяева весьма милые и добрые. Они приняли нас, как равных. Я много

слышала о радушии и гостеприимстве Регентропфа, и очень рада, что испытала это всё на себе. Ландграфиня очаровательная женщина, правда?

Но Хайнц не слушал болтовню супруги. Свиток, который он вынул из сундучка, оказался частью летописи фамилии Регентропф. Это было весьма любопытно. Хайнц зажёл ещё пару свечей и начал читать ровные написанные рукой летописца строчки.

– Дочка тоже настоящая красавица, – продолжала говорить Карен. – Сколько ей лет, ты сказал? Тринадцать? Её красота только начала распускаться. Года через три-четыре рыцари будут биться на турнирах за один только взгляд её.

– Надо же! – воскликнул Хайнц, вглядываясь в свиток. – Основателем рода является Густав Аллайн (Густав Одиночка). Я не знал этого. О его битвах с драконами сложено много легенд, но судьба героя почти неизвестна.

– Потому и неизвестна, что вместо Аллайн он стал Регентропф.

– Здесь написано, что в этих горах водилось много драконов, из-за которых люди не могли обжить плодородные земли междуречья, и даже проплывать кораблям по Рейну мимо этих мест было небезопасно. Густав уничтожил всех драконов. Послушай. «После битвы последней пошёл дождь и смыл с воина кровь драконью. И вдруг среди шума ливня Густав ясно различил слова: «Если ты покинешь места эти, драконы снова поселятся здесь. Остайся, построй себе за-

мок и живи на земле этой, и многие века люди будут прославлять тебя и род твой». «Я согласен, – ответил ливню Густав. – Но прошу тебя, укажи мне место, где должен стоять мой замок». Дождь повёл Густава по холмам, поросшим лесом густым, и вывел на самый высокий холм, откуда открывался вид на могучий Рейн, на мирную Стиллфлусс и на широкую равнину, где соединялись воды рек, словно тела влюблённых. Последняя капля дождя упала у ног Густава Аллайна. На этом месте и построил рыцарь свой замок и дал ему название Регентропф, Капля дождя».

– Интересная легенда, – произнесла Карен, выслушав чтение мужа. – Красивая. В жизни, конечно, было всё намного прозаичнее. Густав перебил драконов, взошёл на высокий холм, осмотрелся и решил: «Место удобное, можно брать дань с кораблей, земли плодородные, леса богатые. А главное, всё это ничьё. Раз драконов победил я, то и земли их имею право взять себе». Молодец, не растерялся. Был бродячим воином, стал богатым землевладельцем.

– Никак ты не признаёшь, что с природой говорить можно, – упрекнул Хайнц. – А я верю, что были люди, которые слышали голоса и гор, и деревьев, голос дождя.

– Хорошо, хорошо, спорить с тобой не собираюсь. Были, так были, – согласилась Карен, ещё раз взбив подушку. – Ложись-ка лучше спать. Сегодня у нас выдался суетный день, нужно хорошо отдохнуть.

Хайнц вынужден был согласиться с супругой. Он действи-

тельно чувствовал себя утомлённым. Как бы ни хотелось ему прочесть летопись дальше, но время было уже слишком позднее. Хайнц аккуратно свернул свиток, потушил свечи, снял с себя одежду и лёг на кровать рядом с женой. Однако Карен, хоть и призывала супруга отойти ко сну, сама ещё не успокоилась.

– Младшего сына-то, наверное, в честь этого самого предка назвали, – проговорила она. – Как ты думаешь?

– Возможно, – бесцветно отозвался Хайнц, закрыв глаза.

– Скорее всего. Знатные господа любят давать своим детям имена не просто так, а в честь каких-нибудь героических предков. Мальчики у ландграфа тоже хорошие, любопытные... Неужели Берхард на самом деле им родной сын?

– Родной.

– Странно. Он внешне так сильно отличается ото всех. Мне показалось, ландграфиня, как мать, к мальчику слишком холодна. За ужином ни слова ему не сказала, даже не взглянула. Ты заметил?

– Нет, не заметил. Давай спать, Карен. – Хайнцу уже начинала надоедать болтовня жены.

– Может, Берхард им всё-таки не родной сын? Завтра познакомлюсь с прислугой и всё узнаю.

– И зачем это нужно тебе? – Хайнц даже открыл глаза и приподнялся на локте. – Какая тебе разница, родной Берхард сын или нет?

– Мне любопытно.

– Твоё любопытство до добра не доводит! Ты всегда стараешься выведать какую-нибудь тайну, а потом болтаешь о ней на каждом углу. Прошу, хоть раз не вмешивайся не в своё дело. Нам так повезло, что ландграф фон Регентропф пригласил меня обучать его детей. Его имя повысит мою репутацию. Даже тебе и Зигмунду нашлась здесь работа. Не порти всё своим любопытством, как ты обычно это делаешь.

– Ничего я не испорчу! – возразила Карен, обиженно надув губки. – Вечно ты выставляешь меня виновницей своих бед. Я просто хочу узнать правду, вот и всё. Никому от этого плохо не будет.

Хайнц тяжело вздохнул и повалился на кровать. Он знал, что Карен бесполезно отговаривать, она всегда была жадной до чужих тайн, до семейных секретов. Она вынюхивала, спрашивала, высматривала пока наконец не находила истину. Но вся беда в том, что, достигнув своей цели, Карен не могла смолчать, и тогда тайна одного человека или семьи становилась достоянием всего города. Два раза из-за любопытного носа и болтливости языка супруги Хайнц терял доходные места, дважды был прогнан оскорблёнными хозяевами. Люди из-за Карен плакали, покрывались позором, подвергались насмешкам, а одна юная девушка даже пыталась наложить на себя руки. Но ничего не могло остановить Карен, и она продолжала разгадывать чужие загадки. Хайнцу было стыдно за свою супругу, и он каждый раз старался уехать туда, где её ещё не знали.

– Мы приглашены в этот дом работать, а не мешать людям жить, – сделал Хайнц последнюю попытку образумить жену.

– Я знаю, – твёрдо ответила та. – Я всё прекрасно понимаю и вовсе никому не собираюсь мешать жить. Но я должна знать правду.

– Надеюсь, у тебя хотя бы хватит ума не распускать свой язык и не кричать на весь Регенплатц о том, что ты выведала.

– Ты всегда считаешь меня душой, – проворчала Карен и, обиженно фыркнув, отвернулась от мужа и наконец замолчала.

На следующее утро ландграфиня Патриция познакомила гостей с замком и их обитателями. Фрау Вольфгарт с интересом осматривала все комнаты, их убранство, запоминая, где что находится, с милой улыбкой на устах знакомилась с прислугой, желая вызвать симпатию к себе. Карен обратила внимание, что среди челяди много женщин не слишком молодого возраста, а значит, найдётся с кем поболтать о секретах хозяев замка.

После осмотра замка Карен сразу же направилась в кухню, место, где, как правило, сплетни не только приживались, но и плодились. Да только на этот раз ей не повезло. Кухарки приветливо встретили гостью, с удовольствием говорили с ней, однако едва разговор заходил о Берхарде и его странной непохожести на своих родных, женщины опускали глаза и делали вид, что подобные вещи их не касаются. Карен ниче-

го не смогла выведать у кухарок, но зато окончательно уверилась, что в семье Регентропф есть большая тайна, и разгадать её необходимо.

Слегка расстроенная, Карен покинула кухню. Она вышла в центральный зал и остановилась, не зная, куда пойти дальше. И тут её осенила мысль. Ну конечно! Кто-кто, а уж нянька-то должна всё знать о своих воспитанниках. Главное разговорить её. Карен уверенно направилась в южное крыло замка и поднялась на третий этаж.

Дверь в детскую была чуть приоткрыта. Впрочем, эта комната уже не имела того предназначения, что раньше. Сыновья ландграфа переселились в восточное крыло, Маргарет со своими служанками осталась жить в южном, но этажом ниже. А бывшая детская теперь отошла нянькам Астрид и Юте.

Карен заглянула в комнату. Астрид была одна, она сидела у открытого окна и что-то шила. За эти годы женщина ещё больше располнела, грудь её тяжело вздымалась, и ей в такт из-за круглых розовых щёк издавалось тяжёлое дыхание. Скрип двери отвлёк Астрид от занятия.

– Прощу прощения, – тут же произнесла Карен, – я преврала вашу работу.

– Ничего страшного, – улыбнулась в ответ Астрид, ещё больше округлив своё лицо. – Заходите. Вы что-то хотели спросить?

Карен вошла в комнату и прикрыла за собой дверь.

– Я просто ходила по замку... – невинно развела руками

Карен. – Так глупо... Я кажется, заблудилась. Не могу найти малый бальный зал.

– Он в северном крыле на первом этаже, а вы прошли в южное.

– Ох, совсем в другую сторону повернула!

– Ничего, со временем вы привыкните к лабиринтам замка.

Видя, что Астрид отвечает охотно, Карен приблизилась к ней и продолжила начатую беседу.

– Очень красивый замок, большой. Вы давно здесь живёте?

– С тех пор, как родилась Маргарет, – ответила Астрид, вернувшись к своему прерванному занятию. – Я была ей няней, а потом и всем детям семьи Регентропф. Я и сейчас прислуживаю девочке.

– Вам здесь нравится?

– Конечно. Ландграф и его супруга прекрасные люди, добрые, щедрые. Их любят во всём Регенплатце. А работать в замке Регентропф – большая честь для каждого.

– Да-да, муж мне тоже говорит, что нам очень повезло с новым местом работы. – Карен придвинула стул и села напротив собеседницы. – Раз уж мы с вами так разговорились, могу я вас попросить рассказать о детях ландграфа, ведь мне предстоит их обучать, общаться с ними. Вы, верно, хорошо знаете их характеры?

– Да, не хуже их родной матери.

Астрид любила своих воспитанников и могла говорить о них без перерыва. Женщина даже отложила шитьё на подоконник, чтобы работа не отвлекала. Сложив полные руки на своём большом животе, Астрид повела беседу.

– У ландграфа прекрасные дети, – с умиленной улыбкой произнесла она. – Даже трудно сказать, кто из них лучше. Лично я очень люблю Маргарет. Я всегда мечтала иметь дочку, а Бог не дал мне ни мужа, ни детей. Так что, именно красавице Маргарет я отдала всю нежность и ласку. Она милая девочка. А уж как любит танцевать и петь! Уверена, что Маргарет станет вашей лучшей ученицей, и никаких проблем у вас с ней не возникнет. А вот с Густавом, наоборот, придётся потрудиться. Он мечтает стать самым сильным непобедимым воином, а потому считает, что всякие танцы, рисование, даже чтение и письмо ему совсем в жизни не нужно.

– А Берхард?

– Он спокойный мальчик, тихий. Замкнутый очень, живёт в каком-то своём мирке и мало кого впускает туда.

– Просто любит одиночество? Или чувствует себя одиноким?

– С чего же ему чувствовать себя одиноким?

– Если говорить откровенно, мне вчера за ужином показалось, что мать недолюбливает Берхарда, ведёт себя так, будто не желает замечать его.

Астрид недоверчиво покосилась на собеседницу.

– Это вам показалось, – уверенно ответила она. – Ланд-

графиня одинаково относится ко всем своим детям. Ну, может, немного выделяет Густава. Но ведь многие матери младшеньких любят больше.

– Может, и показалось, – пожала плечами Карен. – Мальчик настолько не похож на своих родных, что невольно притягивает к себе внимание.

Астрид не ответила на это замечание. Сжав губы и нахмурив брови, она взяла с подоконника шитьё и возобновила своё прерванное занятие. Казалось, женщина потеряла к разговору всякий интерес. Карен это не устраивало.

– Впервые взглянув на него, я даже подумала, что он не родной сын Регентропфу, – с наивным видом высказала она.

При этих словах Астрид опустила шитьё на колени и строго взглянула на собеседницу.

– Фрау Вольфгарт, это всё ваши домыслы, и они далеки от правды. Берхард – родной сын ландграфа, в этом я даже могу вам поклясться. Вы хотели узнать о характерах ваших учеников? Вы это узнали. Остальное вас тревожить не должно. Вы приехали сюда преподавать танцы и музыку, а не совать нос не в своё дело.

Жёсткий тон Астрид ясно показал недовольство женщины, и Карен поняла, что больше здесь ничего не услышит. Нянька прекрасно знает тайну семьи Регентропф, но по какой-то причине верно хранит её. Может, её запугали? Или она так предана своим хозяевам?

– Я вас чем-то обидела? – мягко поинтересовалась Ка-

рен. – Извините. Я не хотела. Просто интересно стало, почему...

– Сейчас повернёте налево, – прервала строгая Астрид, – пройдёте до широкого коридора и по нему дойдёте до северного крыла. Ведь вы, кажется, туда направлялись?

– Да. Спасибо. Я пойду.

Карен поднялась со стула и медленно вышла из комнаты. Ей снова не повезло, тайна осталась не раскрытой. А любопытство ещё больше терзало душу. Где? Как? У кого? В замке все словно договорились молчать на тему рождения Берхарда. В замке. Но возможно, за его пределами люди окажутся более разговорчивы? Карен знала, что тайна всё равно распахнёт перед ней свои двери, только придётся немного подождать.

Зигмунд подошёл к двери и громко постучал.

– Войдите, дверь не заперта, – отозвался на стук детский голос.

Молодой человек вошёл в небольшую светлую комнату и вежливо поклонился хозяину.

– Я не помешаю вам, Берхард? – спросил Зигмунд.

– Нет, что вы, – с улыбкой ответил мальчик. – Я даже рад, что вы зашли. Проходите, присаживайтесь.

Зигмунд закрыл за собой дверь и прошёл внутрь комнаты, но присаживаться не стал, так как Берхард тоже остался стоять.

– Мы с отцом сейчас наблюдали, как вы с братом во дворе стреляли из лука, – завёл разговор Зигмунд. – Ваша меткость и ловкость вызвала у нас восхищение.

– Спасибо за похвалу. Отец требует, чтобы мы стали умелыми воинами. Занятия военным искусством у нас проводятся ежедневно. А я хотел с вами поговорить, гер Вольфгарт.

– Зовите меня просто Зигмунд. Я тоже думал с вами поговорить. И мне кажется, что темы наших разговоров схожи. Речь о ваших рисунках, я угадал?

– Да! Я хотел бы вам показать их.

– А я зашёл, чтобы их посмотреть. Вы храните ваши рисунки в этой комнате?

– Конечно, они здесь!

Берхард подбежал к небольшому сундуку, стоящему за камином, достал из-под него ключ и отпер замок.

– Вы прячете свои работы под замок? – подивился Зигмунд.

– Они не всем нравятся, – спокойно ответил Берхард, и его улыбку тронула грусть. – А если они попадутся Густаву, он их портит.

Берхард достал несколько пергаментов и выложил их на стол. Мальчик немного волновался, так как кроме отца никто его стараний высоко не оценивал. Зигмунд подошёл к столу и развернул один из свитков. На нём было нарисовано бушующее море. Волны клубились и пенились, раскидывая

брызги высоко в ночное облачное небо.

– Вы были на море? – поинтересовался Зигмунд, разглядывая рисунок.

– Нет, не был. Я вообще дальше Регенплатца никуда не ездил, – ответил Берхард.

– Где же вы видели бушующее море?

– Мне рассказывала о нём Астрид, наша няня. Она родилась и выросла на приморских землях. Её рассказы всегда столь яркие, эмоциональны, что перед глазами встаёт отчётливая картина.

– Я был на море, плавал по нему на корабле, и потому могу уверенно сказать, что ваш рисунок весьма реалистичен.

– Спасибо, Зигмунд, мне ваша похвала лестна.

На следующем рисунке был изображён орёл, гордо парящий высоко в горах.

– Ну, эту картину вы, должно быть, наблюдаете почти ежедневно, – предположил Зигмунд.

– Да, – согласился Берхард. – Это вид из окон западной башни.

– Очень красиво. Мне нравится.

Зигмунд перебирал рисунки с пейзажами, цветами, птицами, всё больше уверяясь в таланте юного Берхарда, всё больше восхищаясь его чувством красок и линий.

– Вас обучал кто-нибудь? – спросил Зигмунд.

– Нет, – ответил Берхард. – Я просто смотрю на мир и стараюсь как можно точнее передать его изображение на бумаге.

ге.

– Красиво и весьма талантливо. Вы молодец!

– Я так рад, что вам понравилось!

– Этого дракона вы рисовали тоже по чьим-то рассказам?

– Нет, он срисован со старой гравюры, которую я нашёл в библиотеке. Я лишь раскрасил его.

– А этот рыцарь... Кто он?

– Этот портрет у меня не получился, – смутился Берхард. – Вот и вы его не узнали. Я пытался нарисовать своего отца, но вышло плохо.

– Да, портреты у вас пока выходят неважно. Чтобы написать портрет, нужно не просто смотреть, но ещё знать кое-какие правила, соблюдать пропорции. Например, для данного лица нос слишком длинен, голова у этого человека формы неправильной, а рука слишком мала.

Берхард внимательно выслушивал критику, ничуть на неё не обижаясь.

– Но вы же научите меня писать портрет, Зигмунд?

– Конечно. Научу всему, что знаю сам. У вас определённо есть талант, Берхард.

– Спасибо.

Мальчик собрал со стола свитки и запер их обратно в сундук.

– Могу я попросить вас показать мне свои картины? – поинтересовался Берхард. – Мастер Вольфгарт говорил, что вы пишете настоящие большие картины.

– Действительно пишу, вот только с собой их не вожу. Путешествовать с полотнами не слишком удобно. Свои картины я продаю, дарю друзьям.

– Вот как, – Берхард разочарованно вздохнул. – Жалко.

– Но у меня с собой несколько пергаментов с зарисовками.

Их я вам покажу с удовольствием.

– Прямо сегодня можно? – в глазах Берхарда вновь загорелся интерес.

– Можно, – улыбнулся Зигмунд, он был рад, что здесь в чужом доме, среди незнакомых людей нашлась родственная ему душа.

– Скажите, Берхард, а ваши сестра и брат тоже рисуют?

– Нет. Густав не любит искусство, ему больше нравится борьба, битва на мечях. Он мечтает, чтобы отец взял его с собой на войну. Не знаю, стоит ли Густава вообще обучать рисованию. Маргарет тоже рисует неважно, матушка постоянно поправляет её эскизы. Но она старается.

– Ваша сестра очень красива, – скромно опустив глаза, заметил Зигмунд.

– Красива. А ещё горда и своенравна, ей трудно угодить. Сердце у неё холодное.

– Не может быть, чтобы у столь прелестной девушки было холодное сердце. Просто Маргарет ещё слишком юна.

– Пообщаетесь с ней и сами поймёте, какая она. А сейчас пойдёмте смотреть ваши рисунки.

– Да, пойдёмте.

Мастер Вольфгарт быстро нашёл общий язык с детьми ландграфа фон Регентропфа. Его уроки больше походили на интересные беседы и дискуссии, нежели на скучные лекции. Дети это оценили и с удовольствием посещали занятия. Даже Густав, который ранее был уверен, что в настоящей жизни научные знания бесполезны, и важнее отменно владеть мечом и луком, нежели пером.

Карен Вольфгарт детям тоже понравилась. Особенно Маргарет, которая готова была заниматься танцами и музыкой целыми днями напролёт. Помимо танцев Карен знала много интересных историй различных легенд и сказок, и в конце занятий дети всегда просили её что-нибудь рассказать. Словоохотливая Карен делала это с великим удовольствием.

Уроки рисования посещали лишь Берхард и Маргарет. У Густова не только какие-либо способности отсутствовали, но и всякое желание. Маргарет же хоть и не любила рисовать, понимала, что ей, как образованной девушке, необходимо этому научиться. К тому же общение с молодым любезным Зигмундом доставляло ей не малое удовольствие.

Урок рисования шёл как обычно. Маргарет и Берхард стояли за мольбертами у окон. Яркое сентябрьское солнце с голубого небосвода мягко освещало их рисунки тёплыми лучами.

Перед Маргарет на столике стояла узкая вазочка с крас-

ной розой. Это было задание на сегодняшний урок. Роза никак не получалась. Маргарет рисовала на грифельной доске, работала не торопясь, исправляла, рисовала снова, опять исправляла. Эскиз выходил грязным и неаккуратным. И вообще рисование девушке уже надоело, монотонные движения наводили тоску. Если бы Маргарет могла, то никогда в жизни не занималась бы этим скучнейшим делом.

– Нижний лепесток слишком велик, – прозвучал за плечом юной девушки мягкий голос Зигмунда. – Впечатление, будто бутон лежит на блюде.

Как же ей нравился голос юноши. Маргарет с удовольствием заводила с Зигмундом разговоры на любую тему, лишь бы слушать его голос. Вот только молодой человек был скромн и застенчив и дальше разговоров ничего себе не позволял: ни нечаянного прикосновения, ни прямого взгляда в глаза, ни слов о любви и нежных чувствах.

– Но лепесток именно таков и есть, – возразила Маргарет.

– Положение его вы передали почти правильно, а размеры велики. Лучше бы было наоборот.

– Розу рисовать слишком сложно. Лилия была намного проще.

– Вы должны уметь рисовать разные цветы.

Маргарет тяжело вздохнула и принялась исправлять ошибку. Однако уже через секунду нервно топнула ножкой.

– Нет, у меня не получается. Зигмунд, покажите, где тут исправлять.

И Маргарет подала молодому учителю грифель. Зигмунд протянул было к нему руку, но тут же её отдернул.

– Нет. Вы должны сами исправить ошибку.

Маргарет усмехнулась: да застенчивее этого парня даже девицы не сыскать.

– Вы что, боитесь коснуться меня, учитель? – лукаво улыбнулась девушка.

Зигмунд вдруг смутился и покраснел, чем ещё больше позабавил Маргарет. Впрочем, юноша быстро овладел собой и достаточно уверенно ответил:

– Ошибку нужно исправить вам самим, чтобы в следующий раз её не повторять.

После Зигмунд отошёл и встал недалеко за спиной юной ученицы. Маргарет уменьшила непослушный лепесток, но вновь перестаралась – теперь он получился слишком маленьким. Девушка тихо и несчастно простонала.

– Можно его вообще не рисовать? – спросила она.

– Нет. Вы делаете копию с натурального цветка, а у него этот лепесток есть.

– Ух, как вы сегодня строги! – обернулась Маргарет с укоризной в зелёных глазках.

Взглянув на юношу, она вспомнила, как тот мило покраснел, и весело рассмеялась. Зигмунд лишь опустил глаза, понимая, что причиной смеха является именно его персона. И он мог бы обидеться, да только этой золотоволосой красавице, с ослепительной улыбкой он готов был простить всё.

Сохраняя усмешку, Маргарет вернулась к своему рисунку. Её настроение значительно улучшилось, и урок даже начинал ей нравиться. Чем бы ещё поддеть этого скромника?

– Скажите, Зигмунд, вы такой красивый молодой мужчина наверняка разбили много девичьих сердец? – спросила Маргарет, и, представив, как Зигмунд вновь краснеет от комплимента, опять тихо рассмеялась. – Признайтесь, вас кто-нибудь любит?

Зигмунд действительно пребывал в смятении. Не привык он говорить со столь юной девицей на столь откровенные темы. И что это вдруг нашло на Маргарет? Для чего ей нужно знать, свободен он или нет? Может, он ей симпатичен?

– Меня никто нигде не ждёт, и сердце моё пока не занято, – стараясь побороть робость, ответил Зигмунд.

– Не занято? И вы даже ни разу не целовались?

Вновь обернувшись, Маргарет послала молодому учителю кокетливую улыбку, от чего Зигмунд смутился ещё больше и отвёл глаза.

– Значит вы сама невинность? Это интересно. А какая именно девушка смогла бы пленить ваше свободное сердце?

Для чего же такой допрос? Зигмунд чувствовал себя крайне неловко, но всё же ответил:

– Конечно, красивая и благовоспитанная...

– Маргарет, ты ведёшь себя неприлично, – ровным голосом сделал замечание Берхард.

Он долго молчал, занимаясь своим рисунком и наблюдая

за развязным поведением сестры.

– А с тобой вообще никто не разговаривает! – резко осадила брата Маргарет, и в глазах её сверкнул огонёк неприязни.

– У меня совершенно нет желания с тобой говорить. Просто напоминаю тебе, что ты – дочь ландграфа, и должна вести себя достойно.

Что? Этот тихоня смеет позорить её! Да ещё и перед Зигмундом! Теперь Маргарет разозлилась.

– Я прошу вас не ссориться, – воззвал молодой учитель. Но его слова улетели в пустоту. Маргарет положила грифель и с гордой осанкой не спеша направилась к Берхарду.

– Ну-ка, умник, покажи-ка свои каракули, – и заранее скривив презрительную ухмылку, девушка заглянула в рисунок брата. – Ну и убожество!

Задание Берхарда учитель усложнил – розу необходимо было нарисовать не в вазе, а в женской руке. Не имея перед собой образца, юноша решил нарисовать руку сестры. Её кисть была на загляденье изящна, пальцы тонкие, кожа нежно-розовая – лучшего образца не найти. Берхард со всем старанием в точности перенёс эту красоту на свой эскиз.

Зигмунд так же поспешил к мольберту ученика и взглянул на рисунок. Увиденное его восхитило.

– Вы зря ругаете брата, – сказал он. – Рисунок великолепен. И мне кажется, я уже где-то видел эту ручку. Ну, да. Это же ваша рука, госпожа Маргарет.

– Что?! – возмутилась девушка. – Ты посмел уродовать мою руку?!

Маргарет сорвала с мольберта пергамент и принялась рьяно рвать его на мелкие кусочки. Зигмунд оторопел, он никак не ожидал такой агрессии. Берхард же даже бровью не повёл. Казалось, он привык к подобным выходкам сестры. Мальчик лишь отошёл в сторону и спокойно произнёс:

– Думаю, такая сумасшедшая особа не сможет пленить ваше сердце, гер Зигмунд.

Глаза Маргарет яростно сверкнули.

– Ты ещё пожалеешь, ох как пожалеешь! – пыхтя от негодования, процедила девушка сквозь зубы. – Я немедленно расскажу маме, как ты издеваешься надо мной! Она... Она запрет тебя в башне! Она прикажет высечь тебя! Высечь!

– Беги скорее, – всё так же бесцветно отозвался Берхард, – иначе она не успеет сделать это до ужина.

В зелёных глазах Маргарет блеснула первая слеза обиды. Сжав губы, девушка быстро покинула комнату. И напрасно Зигмунд призывал её остаться, она не слышала его, полностью отдавшись своим эмоциям.

– Теперь вы видите, Зигмунд, какой фурией она бывает, – сказал Берхард. – Бес с лицом ангела.

– В вас говорит обида, – возразил Зигмунд.

– Во мне говорит человек, не желающий видеть ваше разочарование.

И всё же Зигмунд никак не мог согласиться с тем, что пре-

красная Маргарет могла быть злой и агрессивной всегда и со всеми. Нет, она так ведёт себя только с братом. Между Маргарет и Берхардом непробиваемая стена неприязни и непонимания, ссоры бесконечные. Если бы они могли помириться, то более подобные сцены не повторялись бы.

– А что, ваша матушка действительно бьёт вас розгами? – озабоченно поинтересовался Зигмунд.

– Нет, что вы, – улыбнувшись, ответил Берхард. – Только пугает. А вот в тёмном чулане запирала на несколько дней и не раз. Но пока отец в замке, она и на это не решается.

– За что же она с вами столь сурова?

– Да за что угодно. Если матушке захочется наказать меня, она найдёт причину.

– Зря я при Маргарет признал в вашем рисунке её руку. Но я не думал, что это приведёт к такому серьёзному раздору между вами.

– Не переживайте, Зигмунд. Маргарет поругалась бы со мной в любом случае. Она это делает ежедневно.

– Зачем?

– Откуда же мне знать? – равнодушно пожал плечами Берхард. – Спросите у неё.

Тем временем Маргарет прибежала к матери и со слезами на глазах рассказала ей, как мерзавец Берхард позорит её перед молодым благопристойным юношей, как рисует на неё уродливые карикатуры. Маргарет просила наказать обидчика со всей строгостью. Патриция сделала бы это с удоволь-

ствием, но пока Генрих в замке, она не хотела рисковать и гневить мужа. Она знала, что Генрих станет на сторону волчонка в любом случае, чего бы тот ни совершил, кого бы ни обидел. С тяжёлым вздохом Патриция так и объяснила дочери, что не собирается портить отношения с мужем из-за её постоянных ссор с братом.

– Ты же знаешь, отец простит своему любимчику всё, – добавила она, – а вот тебя вполне может объявить виноватой. Да и мне ещё попадёт от него. Нет, разбирайтесь сами, вы уже не маленькие.

– Я уже давно поняла, что отец любит меня лишь на словах, – плакала Маргарет, – потому и ищу защиты только у вас, матушка. Но вот и вы от меня отворачиваетесь.

– Я не отворачиваюсь. Я просто не хочу вашу с Берхардом войну превращать в войну общесемейную. А защиту ты можешь найти и у Густова. Он уже достаточно взрослый, чтобы суметь отстоять честь обиженной сестры.

Маргарет так и поступила. Она красочно описала Густаву всё, что произошло на уроке, даже приписала Берхарду непристойные выражения и издевательский смех. Густав с удовольствием предчувствовал драку со старшим братцем, которого ненавидел, которого презирал, и ему неважна была причина для драки. К тому же защитить честь сестры – вполне достойный повод наказать Берхарда. В этом даже отец наверняка одобрит его действия. Воинственно настроенный Густав, прокричав угрозы в адрес брата, решительно напра-

вился к покоям Берхарда. Но вдруг остановился. Как же защищать честь девушки без оружия? Об этом Густав размышлял недолго. Попросив сестру подождать, юноша скрылся за углом коридора.

Маргарет предвкушала интереснейший спектакль. Берхард сполна получит по заслугам, а она прекрасно развлечётся. Девушка теперь была даже благодарна матери за совет. Скоро Густав вернулся, в руках он держал отцовский меч с большим кровавого цвета рубином на рукояти. Маргарет так и охнула.

– Тебе его отец дал? – спросила она.

– Нет. Я взял тайком, – довольный своей выходкой ответил Густав. – Отца не было в покоях.

– И тебя никто не видел?

– Я был ловок. – И Густав ещё больше возгордился собой.

– И для чего меч тебе? Убить Берхарда? – Маргарет совсем не испугала эта мысль.

– Нет. Пока я его только напугаю. Но если он продолжит тебя обижать!...

Берхард уже вернулся в свои покои. Он достал заветный сундучок, в котором хранились его рисунки, и отпер замок. Сегодня на уроке мальчик сумел изобразить нечто новое, и теперь ему не терпелось это повторить. Берхард как раз приготовил чистый пергамент, когда дверь с шумом распахнулась, и на пороге появился грозный Густав. Синие глаза его гневно сверкали, руки крепко сжимали отцовский меч в

ножнах. За спиной брата стояла Маргарет и видом своим не предвещала ничего хорошего.

– Чем обязан вашему визиту? – холодно поинтересовался Берхард.

– Ты оскорбил Маргарет! – громко обвинил Густав. – Ты унизил её перед посторонним человеком! И ты сейчас ответишь за это!

И мальчик рывком вынул меч из ножен. Но настоящее боевое оружие было слишком тяжёлым для детских рук, да ещё таких хрупких. Густав покачнулся, однако удержался на ногах и, бросив ножны, схватил меч двумя руками. Теперь он держал оружие более уверенно, хотя и не высоко.

Берхард снисходительно усмехнулся, глядя на неловкие движения «грозного воина».

– Хорошо, я готов вести битву с тобой, – согласился он. – Но ты же не будешь драться с безоружным. Мне необходим такой же меч, как у тебя, чтоб мы были на равных.

– Тогда иди и возьми меч!

– Ты подождёшь меня?

Густав нервничал, ему не терпелось начать драться. Спокойствие и надменная ухмылка противника его раздражали и лишь усиливали гнев.

– Если ты ему позволишь уйти, он направится к отцу и пожалуется, – резонно предположила Маргарет за спиной младшего брата.

– Ты никуда не пойдёшь! – тут же выкрикнул Густав, быст-

ро сообразив, что сестра может оказаться права. – Защищайся, чем сможешь.

И Густав, собрав все силы, поднял меч высоко над головой. Рубин яркой красной звездой сверкнул на рукояти. И всё-таки сил не хватило. Взмах был слишком резким, меч перевесил, и Густав повалился на спину. Заметив, что брат потерял равновесие, Маргарет быстро отскочила от него, но, видимо, не достаточно далеко, так как, падая, Густав задел её мечом, и острый клинок разрезал юбку.

Всё произошло буквально за секунду, Берхард успел лишь ахнуть от неожиданности. Маргарет, онемев, в ужасе разглядывала разрезанную юбку, представляя, что было бы, если б клинок достиг ноги. Густав за эту секунду пережил такой испуг, какой не переживал ни разу в жизни. Потеряв почву из-под ног, он стремительно падал на спину. Всё, что он видел – кроваво-красный рубин, всё, что он слышал – бешеное биение своего сердца, всё, что осознавал – своё бессилие. Упав на пол, Густав сильно ударился головой, меч выпал из его рук, изо рта вырвался тяжёлый стон, а потом... Потом стон превратился в хрип, тело мальчика забило в частых конвульсиях, а на губах появилась белая пена. Увидев брата таким, Маргарет ужаснулась ещё больше. «Нет, только не это!» – вскричала она и скорее побежала прочь.

У Густава начался приступ падучей. Вид, конечно, неприятный, но сейчас не до эмоций – требовалась немедленная помощь. Берхард видел подобное состояние брата не раз и

уже знал, что и как надо делать. Он быстро огляделся, его взгляд упал лежавшие на столе кисти – подойдёт. Мальчик схватил большую кисть с широкой деревянной ручкой и бросился к брату. Разжав крепко сжатый судорогой рот несчастного, Берхард втиснул между челюстями эту деревянную ручку, чтобы во время приступа больной не захлебнулся слюной и пеной и не откусил себе язык. Проделав это, Берхард сел на колени и почти посадил на них брата, приклонив его голову к своему плечу. Густав метался в агонии, у него появился жар, на лбу высыпали капельки пота, расширенные зрачки глаз бешено вращались, будто видели перед собой картины ада. Берхард придерживал трясущееся тело Густава и пытался мягкими словами успокоить его сознание. Так советовал делать лекарь Гойербарг.

Приступ длился всего несколько минут, но они тянулись невероятно долго. Постепенно агония Густава начала стихать, усталые глаза закрылись, дыхание стало спокойнее. Пена перестала течь изо рта, и Берхард вынул кисть. В ней не было больше надобности.

Позади послышались тяжёлые шаги. Берхард обернулся и увидел, как в комнату вошёл отец.

– Что произошло здесь? – строго поинтересовался он, склонившись над сыновьями.

– У Густава приступ... – тихо отозвался Берхард.

– Я вижу. Маргарет прибежала ко мне, рассказала, что вы опять подрались. Она сказала, что ты зачем-то взял мой меч,

замахнулся на Густава, напугал его... Что за битву вы тут устроили?

Берхард опустил глаза и промолчал. Он не сомневался, что Маргарет выставит виновником произошедшего именно его. Отец ей наверняка поверит, придётся оправдываться. А Густав, когда придёт в себя, обязательно поддержит версию сестры, и тогда в глазах отца Берхард предстанет лжецом, вором и жестоким человеком. А ещё обо всём этом узнает матушка.

Генрих осторожно взял на руки измученного приступом Густава и перенёс его на кровать. Мальчик всё ещё находился без сознания, но судороги прекратились, и дыхание выровнялось, остался только жар. Казалось, Густав просто спит.

– Почему ты молчишь, Берхард? – вновь обратился Генрих к старшему сыну. – Всё было так, как рассказала Маргарет?

– Разве вы не верите дочери?

– Я хочу слышать твою версию.

Берхард поднялся и взглянул на несчастного брата – ну разве можно жаловаться на столь слабое существо?

– Нам было интересно подержать в руках настоящее оружие рыцаря, вот мы и взяли ваш меч, – ответил Берхард, потупив взор. – Но он оказался тяжёл для нас. Густав перепугался, когда падал с мечом в руках. Если вы хотите наказать, отец, наказывайте меня одного. Густав и так уже нака-

зан приступом.

– Ты хочешь сказать, что вы просто играли, и никакой борьбы не было?

– Не было.

– Кто из вас взял меч?

Берхард молчал. Неужели отец и правда не поверил Маргарет?

– Кто из вас взял мой меч? – строже повторил Генрих.

Густава наверняка кто-нибудь видел у покоев отца, так что здесь скрывать нечего.

– Густав, – сказал мальчик.

В этот момент в комнату вбежала встревоженная Патриция.

– Где мой сын?! Что с ним сделал этот мерзавец?

Патриция бросилась к кровати и обняла сына.

– Бедный Густав, бедный мой мальчик, – запричитала она. – Как ты страдаешь от своего жестокого брата! Ты страдаешь, а он стоит тут холодный, надменный и радуется твоим страданиям.

И Патриция послала Берхарду ненавидящий взгляд.

– Густав виноват не меньше... – вступился Генрих.

Но Патриция его оборвала:

– Давай, защищай его! Когда он убьёт Густава, ты тоже будешь его защищать?

– Густав сам взял мой меч...

– Да, взял! А ты знаешь почему? Потому что твой лю-

бимчик оскорбил и унизил Маргарет перед посторонним человеком, перед молодым мужчиной. Густав встал на защиту чести сестры. Он повёл себя как истинный благородный рыцарь!

Генрих строго взглянул на Берхарда. Получалось, что сын его обманывал?

– Это правда? Берхард?

– Я нарисовал её руку, а Маргарет это не понравилось, – сказал Берхард, чувствуя, что происходящее заводит его в тупик. – Я ничем не оскорблял её.

– Нарисовал, – усмехнулась Патриция. – Изуродовал! А что говорил ей при Зигмунде? Повтори, повтори это отцу.

– Если вы так настаиваете, – пожал плечами Берхард, сестру он выгораживать не собирался. – Маргарет задавала геру Зигмунду непристойные вопросы, и я напомнил ей, что она – дочь ландграфа.

– Ах ты, бесстыжий! – вскочив, воскликнула Патриция. – Ты обидел мою дочь, а теперь ещё и выставляешь её распутницей!

И женщина уже занесла руку для пощёчины, однако Генрих остановил её. Мужчина был поражён случившимся. Он всегда верил своим детям, но выяснилось, что они могут лгать ему, он доверял им, считая достаточно взрослыми и разумными, но оказалось, что они до сих пор требуют присмотра.

– Оставь, я сам разберусь, – сказал Генрих супруге. – По-

заботься лучше о Густаве.

И позвав с собой Берхарда, Генрих покинул комнату.

Ландграф подписал письмо, свернул пергамент и скрепил его печатью с гербом Регенплатца.

– Пригласите гонца, – попросил Генрих стоящего рядом слугу.

Тот с поклоном немедленно вышел за дверь. Через минуту в кабинете появился молодой солдат, готовый исполнить указания господина.

– Поезжай в графство Кроненберг, – распорядился Генрих. – Вот два письма тебе, передашь графу. А прежде зайди к сыну моему Берхарду. Он, верно, тоже подготовил письмо для своего друга.

– Берхард уже сам нашёл меня и отдал послание для Кларка Кроненберга, – ответил гонец.

– Вот как? – заинтересовался Генрих. – Это оно точит у тебя из дорожной сумы?

– Да, ваше сиятельство.

«Интересно, о чём Берхард там пишет? – возникла в голове Генриха мысль. – С Кларком он намного откровеннее, чем со мной». Эта мысль уже не раз и раньше возникала, бедодея любопытство, но обычно быстро улетала. А вот сейчас она отчего-то улетать не желала. Да ещё и после прошедших событий. И письмо сына сейчас столь доступно. «Наверняка Берхард пишет о том случае, – продолжал думать Генрих. –

Другу он обязательно без стеснения поведаёт все мысли свои и всю правду».

Правду Генрих и так выяснил. Он поговорил отдельно с Берхардом, с Маргарет, с Густавом, поговорил с Зигмундом. Молодой человек старательно смягчал поведение юной Маргарет на том злосчастном уроке, однако скрывать что-либо не посмел. Наказания никто не понёс, но кое-какие выводы были сделаны. Так отныне на уроках обязательно должна была присутствовать Астрид, дабы усмирять ссоры детей.

Ландграф вышел из-за стола и приблизился к гонцу:

– Дай-ка мне это письмо.

– Но... Ваше сиятельство, – растерялся гонец. – Берхард его запечатал, и...

– Ничего страшного. У него такая же печать, что и у меня, только меньше.

Солдат вынужден был подчиниться. Он вынул из сумы свиток и отдал ландграфу.

«Нехорошо это, – подумал Генрих, занеся руку над печатью. – Берхард мне доверяет. Но, в конце концов, я же отец и имею право знать мысли сына». И Генрих уверенно сломал печать. Развернув пергамент, он отошёл к окну и начал читать.

«Здравствуй, дорогой друг мой Кларк. Как всё-таки жаль, что тебя нет рядом со мной. Сейчас, благодаря мастеру Вольфгарту, каждый день я узнаю что-то новое и интересное, а поделиться этим с тобой не могу. Поражаюсь, как мно-

го знает этот человек! Например, в этот раз мастер Вольфгарт рассказал нам о великом греческом учёном, а я теперь поведаю о нём тебе. Это был удивительный человек...»

«Берхард пишет о занятиях, – подумал Генрих. – Они для него важнее и интереснее ссор с сестрой. Это хорошо. Пусть учится. Сын станет умным и образованным правителем».

Но на этом Генрих не остановил любопытство. Он быстро пробежал глазами по ровным строчкам письма, и вскоре его взгляд остановился на одной из них: «...Маргарет упрямо не желает...»

«Чего она не желает?» – нахмурился Генрих и вернулся к началу предложения.

«Танцевать со мной либо с Густавом Маргарет упрямо не желает. Видишь ли, ей неприятны кавалеры, которые ниже неё ростом. А потому на уроках в танцах её ведёт только Зигмунд, а мы учим движения с её служанками. Да мне и не очень хочется танцевать с такой гордячкой... – Генрих невольно улыбнулся ворчанию Берхарда. – А сейчас Маргарет ещё больше нос задрала, решила, будто Зигмунд от неё без ума. Впрочем, он действительно плохо скрывает свой интерес к ней. Уж не знаю, что Зигмунд нашёл в этой ледяной особе? На днях он мне даже признался в своём желании написать портрет моей сестры, вот только боится, что отец наш не согласится на это».

Свернув письмо, Генрих вновь нахмурил брови. Данное известие ему не понравилась. У красавицы Маргарет, без-

условно, имелись воздыхатели, но все они любовались ею издали, подходить к ней и говорить слова любви не смели. А этот Зигмунд слишком близок к Маргарет, они часто видятся и общаются. Как бы его любовные песни не запали в душу юной девушке да не вскружили ей голову. Учитель рисования, даже такой симпатичный и образованный, дочери ландграфа вовсе не пара. Маргарет быстро вырастет, пора уже подбирать ей достойного жениха.

Грешно читать чужие письма, однако в них находишь много любопытного. Генрих снова открыл письмо и стал читать с первой попавшейся строчки:

«Уже больше двух месяцев отец дома, и я этому рад несказанно. Наконец я чувствую, что хоть кому-то нужен, что я не одинок. Ты не представляешь, дорогой друг мой, как я устал от бесконечных придирок сестры и брата и от угнетающей ненависти матери. Никак не могу понять, за что она меня так ненавидит, в чём я перед ней повинен? Может, спросить об этом у отца? Но я не решаюсь. Мне стыдно жаловаться на родную мать. А на душе такая тяжесть! Если бы знать, в чём вина моя, я готов искупить свой грех, понести любое наказание, только бы мама простила меня, полюбила. Я в сомнениях, что делать мне?»

Генрих опустил письмо и удручённо склонил голову. Он не ожидал узнать, что страдания сына столь велики, что ему так тяжело и сложно жить в родном доме. Вот в чём оказывается причина замкнутости и одиночества Берхарда.

Ландграф запечатал письмо сына и отдал его гонцу:

– Возьми, передашь адресату. Да смотри не проболтайся, что оно было вскрыто мной. Ступай.

Забрав письмо, гонец с поклоном удалился.

Генрих был очень расстроен. В его доме царила война, тихая, скрытая, но от этого ещё более жестокая. И против кого? Против невинного ребёнка, которому пришлось платить за ошибки своих родителей. Несправедливо это, жестоко. И Патриции следовало бы это понимать. Если уж ей так хочется повоевать, так пусть воюет с ним, с её мужем, а не со слабым мальчиком!

Ландграф покинул свой кабинет и направился в западное крыло замка, где располагались покои супруги. Но служанка сообщила, что ландграфиня изволит прогуливаться в саду. Генрих и вправду нашёл Патрицию там. В одиночестве она не спеша бродила по дорожкам сада, любуясь красками осенних цветов.

– Патриция! – окликнул её Генрих.

Женщина обернулась и, увидев мужа, приветливо улыбнулась.

– Как я рада, супруг мой, что ты пожелал выйти ко мне. Сегодня дивная погода...

– Мне необходимо поговорить с тобой, Патриция.

– Что-то снова случилось? Почему лицо твоё так серьёзно, а голос так тревожен?

– Обещай, что все твои ответы на мои вопросы будут чест-

ны, – потребовал Генрих.

– Ты пугаешь меня... – встревожилась Патриция.

– Обещай!

– Хорошо, обещаю.

– За что ты так ненавидишь Берхарда? И зачем настроиваешь против него Густава и Маргарет?

Поняла Патриция, о чём речь пойдёт. Неприятен ей этот разговор, но она всегда знала, что рано или поздно он всё равно возник бы, и была к нему готова.

– Почему ты так холодна к нашему сыну? – повторил Генрих, пристально глядя в глаза супруги.

– Ты, кажется, забыл, Берхард – твой сын, а не наш, – спокойно произнесла Патриция.

– Я ничего не забыл. И я помню, как ты перед многими свидетелями, перед моими вассалами согласилась стать для Берхарда матерью, воспитать его наравне с Густавом и Маргарет.

– И разве я этого не сделала? Берхард растёт вместе с моими детьми, играет с ними, он получает такое же образование, имеет такие же одежды и такое же количество слуг. Разве я его чем-то обделяю?

– Ты обделяешь его своей любовью.

– А любить его я никому не обещала.

– Но разве возможно быть матерью и не любить дитя?

– Если дитя чужое, то возможно.

Патриция была уверена в своей правоте и потому не пря-

тала глаза, не склоняла головы и говорила твёрдо. Генрих лишь руками разводил, удивляясь чёрствости супруги.

– Я надеялся, что ты простила мои прегрешения, – проговорил он. – Верил, что у тебя доброе сердце. Но, видимо, я ошибался.

Патрицию эти слова обидели.

– Я бы простила тебя, да только присутствие этого мальчишки ежедневно, ежечасно напоминает мне о твоей измене, его внешность кричит о том, что он чужой нам. Тебе не следовало вообще привозить его в замок.

– Берхард мой сын! Я бы никогда его не оставил! Тем более он лишился матери.

– У него жив дедушка, – спорила Патриция, – который был в состоянии его воспитать...

– Чтобы сын ландграфа фон Регентропфа стал лавочником? – возмутился Генрих. – Со мной Берхарда ждёт более достойная судьба.

– Например, трон Регенплатца?

– Да. Именно это его и ожидает.

– Ты обвиняешь меня в жестокости, в несправедливости, а разве сам справедлив к своему законному сыну, разве ты не жесток к Густаву, лишая его того, что принадлежит ему по праву?

– Берхард – мой старший сын.

– А Густав – рождён в законном браке. На его стороне закон государства и закон человеческий!

– Ты согласилась заменить Берхарду мать, а значит, согласилась принять его в нашу семью! Мальчик полноправно носит фамилию Регентропф, и именно он унаследует Регенплатц! И я так решил вовсе не потому, что не люблю Густава. Ему я намерен отдать имение Стайнберг у северных границ. Там нужна твёрдая рука и разумный хозяин.

– Ставишь Густава вассалом Берхарда, – поморщилась Патриция.

– Не вассалом, а помощником. По сути, они вместе будут править...

– Вассалы тебя не поддержат. Они не присягнут на верность бастарду. Они взбунтуются.

Генрих взгляделся в сердитые глаза супруги.

– А ты, видимо, этого очень хочешь. Вот почему ты настраиваешь детей против Берхарда.

– Я не настраиваю их. Им самим не нравится этот тихоня!

– Ты уже сейчас разжигаешь войну между Густавом и Берхардом. На этих землях более сотни лет не было распрей, и новых я не допущу!

– Если не передашь Регенплатц законному наследнику, распри будут.

– Не нужно со мной воевать и спорить! Ты всё равно проиграешь.

Сказав своё последнее слово, Генрих развернулся и пошёл прочь. В Патриции так и бурлило негодование, она даже топнула ногой от злости.

– Это ты проиграешь, ты! – воскликнула она. – Вот увидишь! Никогда не править волчонку в Регенплатце! Никогда мой сын ему не подчинится! Я не допущу этого! Не допущу!

Разозлённая разговором с мужем, Патриция быстро направилась обратно в замок. По дороге она всё срывала листья с кустов и, нервно разорвав их, отбрасывала прочь. Вернувшись в замок, Патриция сразу же направилась в покои своей матери. Ей сейчас нужен был человек, которому она без стеснения могла бы пожаловаться на оскорбления, поделиться горечью.

Магда Бренденбург наблюдала в окно разговор Патриции с мужем и теперь ожидала дочь.

– О, мама, как же я страдаю! – прямо с порога воскликнула Патриция.

– Бедная моя девочка, – посочувствовала Магда и обняла свою дочь.

– Этот волчонок осмелел при отце и посмел жаловаться на меня! На меня и на моих детей.

– Жаловаться? – Магда видела, что разговор между супругами был неприятным, но не знала, о чём он вёлся. – Что же он наговорил отцу?

– Что я жестока с ним, что сестра и брат постоянно обижают его. И Генрих верит ему!

– Как же он не поверит любимому сыну?

– Генрих был груб со мной, зол, – негодовала Патриция, ходя по комнате, словно запертая львица. – И за что?! За

то, что я приняла его выродка, допустила до своих детей... Неблагодарный! Он готов ради волчонка забыть обо всех, предать родных детей! Он поклоняется ему, словно святому. А этот мерзкий тихоня пользуется слепой любовью папочки и льёт на меня грязь. С приездом отца он почувствовал себя смелым. Слишком смелым.

– Каков эгоист! – поддерживала Магда гнев дочери. – Хитрый, расчётливый, как и его мать.

– И я ещё должна любить этого мерзавца? Сына потаскухи?

– Волчонок не заслуживает даже доброго слова.

– А Генрих требует от меня именно любви к его сыночку. Ах, мама, иногда я чувствую настоящую ненависть к моему супругу. Такую сильную, что даже желаю смерти ему. – Патриция отошла к окну, и бросила на яркий сентябрьский пейзаж отяжёлённый грустью взор. – Если бы Генриха не стало, с каким бы удовольствием я выгнала бы волчонка из моего замка. В одежде черни, без гроша в кармане. И не только из замка, но и вообще из Регенплатца. Пусть бы он почувствовал все беды на себе, все лишения, всё горе.

Патриция ясно представила себе бредущего по пыльной дороге утомлённого голодного мальчишку в рваной грязной одежде. И так ей понравилась эта картина, что она даже улыбнулась. Магда тоже представила нечто подобное и подумала, что такой поворот событий был бы весьма неплох.

– А что, Патриция, – предложила она дочери, – мо-

жет, Генриху действительно пора окончить свой жизненный путь?

Патриция перевела на мать взгляд полный удивления и даже испуга.

– Ты... Ты предлагаешь убить его? – тихо и нерешительно спросила она.

– Естественно, это сделаем не лично мы, а верный нам человек...

Патриция вновь отвернулась к окну и задумалась. Теперь перед её глазами возникла картина другая. В церкви у алтаря стоит богатый дубовый гроб, а в нём возлежит Генрих, её супруг. И вдруг сердце защемило, и к горлу подкатил ком горечи. Как бы ни злилась Патриция на мужа, какие бы ни посылала на его голову проклятия, а всё же теплилась ещё в душе её любовь, жалость. Нет, сгоряча её слова были сказаны, не хотела она его смерти. Ведь о спасении жизни мужа она молила столько лет, пока воевал он, пока был в далёких землях, и спас его Бог милостивый. А теперь что же, уцелевшего на поле брани и в скитаниях своими же руками убивать?

– Нет, мама, – вздохнув печально, проговорила Патриция. – Не надо сокращать жизнь супругу моему. Всё равно после него не я, а брат его Норберт в Регенплатце властвовать станет, как регент при малолетнем наследнике. А Норберт сделает всё так, как завещает Генрих, то есть посадит на трон Берхарда. Опять война, опять жертвы. Не надо, ма-

ма. Мы и так справимся с волчонком. Наступит день, и он обязательно ответит за всё зло, что причинил мне и моему Густаву.

Карен Вольфгарт вернулась из города в радостном настроении. День выдался для неё весьма удачным, насыщенным, люди встречались интересные, полезные, а главное разговорчивые. Долго Карен выведывала, собирала информацию о тайне семьи Регентропф, и наконец всё разузнала. С собой она была очень довольна, хвалила себя за ум, вновь и вновь вспоминала что-нибудь особо интересное из прошедшего дня. Как приятно ей было, как сладостно на душе – наконец-то, любопытство удовлетворено. Но теперь начались новые терзания – болтливой женщине не терпелось с кем-нибудь поделиться узнанной информацией, разгадкой тайны. Но с кем? Перед кем похвастать умом?

Карен вошла в замок и стала подниматься в свои покои. На лестнице она встретилась с Астрид. Нет, эти женщины не стали подругами. Астрид относилась к супруге учителя с недоверием и не скрывала этого. Карен чувствовала это и тоже не стремилась к общению. Она сухо поздоровалась с Астрид и прошла дальше, хотя в душе ей очень хотелось упрекнуть няньку за ложь и с гордостью сообщить, что сумела всё разгадать и без её помощи.

Войдя в свою комнату, Карен скинула плащ, присела на кровать и тяжело вздохнула. Ей очень хотелось с кем-ни-

будь поговорить, но близких подруг, с которыми можно было посеCRETничать, она в замке не заимела. Ещё раз вздохнув, Карен встала и подошла к открытому окну. Вид выходил на внутренний садик. На дорожке стоял Хайнц Вольфгарт в окружении Берхарда, Густава и Маргарет и, держа в руках цветков гвоздики, что-то объяснял детям.

«Берхард даже на дедушку своего не похож, – подумала Карен, рассматривая мальчика. – Наверное, перенял внешность у матери. Жаль, что я не видела её. Говорят, она была необычайно красива. А Берхарду повезло в жизни. Обычно бастарды в лучшем случае становятся пажами при принцах, поверенными, а этот унаследует трон. Хотя, с другой стороны его участь не так уж завидна. Мачеха его ненавидит, брат не любит, и не известно поддержат ли его в будущем народ и вассалы, как правителя».

Размышления Карен прервала вошедшая в комнату молоденькая горничная.

– Я видела, как вы вернулись, госпожа, – с поклоном произнесла она, – и зашла узнать, нужно ли вам чего?

Карен окинула служанку оценивающим взглядом. Может, с ней поболтать? Впрочем, нет, она слишком молода и глупа. Можно найти и более достойного собеседника.

– Ничего не надо, – ответила Карен. – Если что, я тебя позову.

– Скоро будет подан обед.

– Я знаю. Спасибо.

Ещё раз поклонившись, девушка удалилась. Карен вновь повернулась к окну. Но в саду уже не было ни Хайнца, ни его учеников. Оставалось лишь любоваться мягкой красотой осеннего пейзажа. Однако такое занятие наводило на Карен тоску, и очень скоро она начала позёвывать. За таким состоянием и застал её Хайнц Вольфгарт, когда вернулся в покои.

– Добрый день, Карен, – поздоровался он с супругой. – Сегодня ты долго гуляла по городу.

Карен обрадовалась – наконец-то появился человек, с которым можно было поговорить. Конечно, муж наверняка будет её упрекать, но всё равно выслушает.

– Да, я немного задержалась, – ответила Карен, повернувшись к пейзажу спиной. – Но зато я наконец всё узнала.

– Что узнала?

– Всё о рождении Берхарда.

Хайнц Вольфгарт устало опустился на стул и разочарованно вздохнул:

– Я так и думал, что ты не успокоишься, пока не раскроешь эту тайну.

– Да тут и нет никакой тайны, – поведала Карен, сев на кровать. – Многие знают об этом. Просто все в Крафтбурге, словно сговорившись, упорно ни с кем не говорят на эту тему. Будто Регентропф пригрозил смертью за разглашение данной информации.

– Ландграф пользуется огромным уважением и доверием среди народа Регенплатца.

– Я с большим трудом нашла одну женщину, которая мне всё рассказала, – продолжала говорить Карен, пропустив замечание мужа.

– И кто эта болтушка?

– Некая фрау Гельфрих. Швея. Кстати, неплохая. Я заказала у неё новый наряд себе. Так вот она живёт через два дома от семейства Штаузенг. Глава семейства Ахим Штаузенг имел от первого брака (он был вдовцом) очень красивую дочь Эльзу. Однажды Генрих Регентропф её увидел и без памяти влюбился. Девушка ответила ему взаимностью. В общем, у них завязались отношения. Они старались встречаться тайно, (наверное, чтобы ландграфиня не узнала), но город всё равно наполнился слухами. Эльза Штаузенг и есть настоящая мать Берхарда. Она родила его, но сама при родах умерла. Причём говорят, что накануне этого события девушка была похищена какими-то разбойниками, зверски избита и брошена в Рейн. Чудо, что она не умерла сразу и успела дать жизнь своему ребёнку. Ужасно, правда? Мне кажется, Берхард похож на мать. У Ахима Штаузенга другой разрез глаз и нос широкий, хотя волосы тоже тёмные...

– Постой. Ты что же, видела этого Штаузенга? – подивился Хайнц.

– Ну конечно. Должна же я была посмотреть на родного дедушку Берхарда. Я заходила к нему. Мы хорошо побеседовали...

– Неужели о его дочери?

– Нет, что ты? – Карен кинула на супруга взор полный упрёка. – Он держит сапожную мастерскую, и я зашла туда под предлогом заказать себе ботиночки, ведь скоро наступят холода. Ахим Штаузенг как раз был в мастерской. Уж не знаю, всегда он там, или мне просто повезло? Мы с ним разговорились. Гер Штаузенг весьма учтивый мужчина. Я рассказала ему, кто мой муж, что мы живём в замке, обучаем детей ландграфа. Это его заинтересовало, он задал пару вопросов о Берхарде, о его жизни...

– И ты рассказала ему всю правду?

– Я просто высказала свои наблюдения и предположения.

Хайнц удручённо покачал головой. Как же болтлива его жена!

– А что такого? – развела Карен руками. – Он родной дед и имеет право знать, как живётся его внуку. Мы поболтали. Потом в мастерскую пришла его супруга. Очень милая женщина. Ахим и Христина Штаузенг пригласили нас с тобой к себе на обед послезавтра. Я пообещала, что мы обязательно придём.

– Я никуда не пойду, – категорично заявил Хайнц.

– Я уже обещала.

– Карен, я тебя всегда просил и сейчас прошу, не вмешивайся ты в жизни людей, – начал увещевать Хайнц свою жену, – не бреди их души. Ахим Штаузенг, наверное, уже успокоился, горе его утихло, а ты вновь ему обо всём напоминаешь.

Карен нервно передёрнула плечами – муж никогда её не понимал.

– Значит, я пойду на обед одна, – сказала она, позволив словам мужа пролететь мимо неё. – Всё равно мне нужно прийти в мастерскую на примерку ботинок.

– Карен, отстань от людей. Ты узнала, что хотела, и угомонись на этом.

– Нет, дорогой мой, я ещё не всё узнала. Это только начало истории.

– Что ты хочешь сказать? – встревожился Хайнц.

– Как ты думаешь, для чего вдруг разбойники похитили беременную женщину и, не прося за неё выкупа, убили её? Никому не известно, нашли ли этих злодеев, и искали ли вообще. Почему гер Штаузенг не требует у ландграфа суда над ними? А может, суд прошёл, но в тайне от всех? Тогда, кто в действительности был истинным виновником смерти бедной женщины? Я думаю, разбойников кто-то нанял, и вычислить этого человека не так уж сложно, так как Эльза не имела врагов. Или почти не имела.

– Остановись. Я прошу тебя, не лезь в это дело!

Но Карен продолжала.

– И ещё ходили слухи, будто родной матерью Эльзы, а значит и бабушкой Берхарда, является местная ведьма по имени Хельга, которая живёт в лесу. Генрих, конечно, пресёк эти слухи, но ведь они были. И мне кажется, они не так уж и лживы. Я хочу проведать эту Хельгу.

Хайнц не выдержал. Он вскочил и в гневном порыве даже ударил кулаком по столу.

– Всё! Хватит, Карен! – вскричал он. – Однажды ты своим любопытством навлечёшь беду не только на других людей, но и на себя тоже! Ни к какой ведьме ты не пойдёшь! Послезавтра заберёшь платье у швеи, ботинки из мастерской Штаузенга и больше ни шагу в город! Поняла?!

– Что? – возмутилась Карен. – Ты хочешь запереть меня в четырёх стенах? Не получится! Я тебе не рабыня!

– Ты моя жена и обязана мне повиноваться!

– Жена, но не рабыня, – повторила Карен, поднявшись и гордо глядя мужу в глаза. – Я могу и буду ходить куда хочу и когда хочу!

– Неужели ты не видишь, какое уважение здесь к ландграфу фон Регентропфу? Ему прощаются все грехи, ему верят. Чего ты хочешь добиться своим расследованием?

– Ничего! Всё, что я узнаю, узнаю только для себя. Я никому ничего не собираюсь рассказывать и тем более предъявлять обвинения.

Но Хайнц не верил своей жене. Он слишком хорошо знал её характер и знал, к каким последствиям приводит её любопытство. Хайнц встал, приблизился к супруге и твёрдо заявил:

– Если ты меня ослушаешься, я прогоню тебя. Живи, где хочешь и как хочешь, только избавь меня от стыда за твои никому не нужные действия и позора за твою болтливость.

Карен Вольфгарт не ожидала услышать столь жёсткие слова от человека, с которым прожила много лет, который любил её и всё терпел. Она даже не нашлась, что ответить на его заявление, лишь сидела, открыв рот и непонимающе хлопая ресницами. В душе Хайнца зародилась маленькая надежда, что супруга всё-таки одумается и послушается его совета.

Весь ужин Карен Вольфгарт просидела в дурном настроении, ни с кем не разговаривала, ничего не рассказывала. Даже аппетит у неё пропал. Она сердилась на мужа за его резкость. Она не понимала, за что он так на неё разозлился. Бывало, Хайнц и раньше осуждал её действия, упрекал, но никогда не ставил ей условий, никогда не ущемлял в свободе. Что вдруг с ним случилось? Хочет выслужиться перед ландграфом и боится, что она помешает ему в этом? Как же плохо он знает супругу свою.

Генрих Регентропф тоже ужинал без аппетита. Уже несколько дней его не покидали раздумья о Берхарде и Патриции. Он соглашался с чувствами жены, с тем, что у неё, несомненно, была причина держать обиду на него, на супруга своего, но выплёскивать её на невинного мальчика она не имела права. Сын не должен страдать за ошибки отца. Генрих взглянул на Берхарда. Мальчик, как обычно, ел молча и спокойно. Ни взгляды, ни поведение не выдавали его чувств и каких-либо мыслей. Берхард при посторонних людях всегда казался невозмутимым и даже равнодушным. Но каким

он был, когда оставался в своей комнате один, не известно. Одиночество. Генрих никогда не испытывал это чувство. Родители его любили, со своим братом он был дружен, товарищи уважали и ценили его. И всё же Генрих понимал, что одиночество – это очень плохо, и от него нужно Берхарда спасать.

После ужина ландграф попросил Хайнца Вольфгарта пройти вместе с ним в кабинет.

– Присаживайтесь, мастер Вольфгарт, – пригласил Генрих. – Мне хотелось бы поговорить с вами.

– Я к вашим услугам, ландграф, – учтиво ответил Хайнц. Мужчины сели друг против друга.

– Вы служите у меня уже третий месяц, мастер Вольфгарт, и я ни разу не раскаялся, что пригласил вас. Скажите, вы всем довольны?

Хайнц слегка подивился такому вопросу.

– Да, ландграф. Я и моя семья всем довольны.

– А мои дети вам много хлопот доставляют?

– Дети – это всегда хлопоты, но мне они приятны. Я люблю общаться с детьми, рассказывать им о Мире, о жизни. Они самые благодарные слушатели.

– И мои дети тоже благодарные?

– А как же!

– Значит, вам удалось найти с ними общий язык?

– Думаю, что да.

– А как они вообще относятся к занятиям?

– Хорошо. Все трое с удовольствием приходят на уроки, выполняют все задания, – охотно поведал мастер Вольфгарт. – У Маргарет, правда, сложно с арифметикой, но зато она пишет очень красивые стихи. Вы их читали?

– Нет, дочь мне не хвастала своими способностями.

– Жаль. Обязательно попросите Маргарет что-нибудь почитать из её сочинений.

– А как они ведут себя? Мальчишки не дерутся?

– Нет. Никто не ссорится и не дерётся. Дети слишком увлечены занятиями, им не до ссор. Наоборот, они стараются помочь друг другу.

– Чудеса. Слушаю вас и удивляюсь, о моих ли детях вы говорите? – развёл руками Генрих.

– О ваших, ландграф, о чьих же ещё, – улыбнулся Хайнц. – И не думайте, что я вам льщу или как-то выслуживаюсь перед вами. Такое поведение я всегда считал ниже своего достоинства.

– Я ни в коем случае не собираюсь обижать вас подобными помыслами, мастер Вольфгарт. Наоборот, выражаю восхищение вашим мастерством и умом. И раз уж вы столь легко общаетесь с детьми, то вам, верно, не сложно будет принять к себе ещё одного ученика?

– Конечно, не сложно. Могу я узнать, о ком идёт речь?

– О Кларке Кроненберге. Граф Кроненберг тоже хотел бы дать образование своему старшему сыну, однако бесконечные распри на границах графства и строительство укреплё-

ний города полностью опустошают всю его и без того скудную казну. На какие-то побочные расходы граф совсем не имеет средств. Я хочу пригласить мальчика в Регентропф. Он плохо обучен грамоте, мало читает, но зато уже побывал в двух сражениях. Пусть Кларк отдохнёт, наберётся знаний, а то он видит только смерть да разруху.

– Вы поступите правильно, пригласив юного Кроненберга к себе, – согласился Хайнц.

– Да и у Берхарда появится друг.

– Это тоже очень важно. Берхард часто рассказывает о своём друге, говорит о нём, как о герое. Уверен, мальчик будет счастлив узнать о вашем решении. Друг ему необходим. Когда приедет Кларк?

– Думаю, через пару дней. Я уже написал графу, и он ответил согласием.

Ахим Штаузенг ночью плохо спал, тревожные мысли не покидали его. Утром он поднялся с постели с головной болью, в сердце томились нехорошие предчувствия. Без аппетита позавтракав, мужчина оседлал коня и покинул дом, кинув супруге, что уезжает по делам.

Прибыв на место, Ахим спешил и привязал коня за поводья к ближайшему дереву. Свои тревоги он мог привезти только сюда, только здесь его поймут и успокоят. Мужчина негромко постучал в дверь низкой серой хижины. Ему открыла хозяйка в чёрных одеждах.

– Здравствуй, Хельга, – произнёс он.

– Ахим? – удивилась Хельга; она никак не ожидала увидеть его на пороге своего дома. – Проходи.

Ахим прошёл в сумрачную комнату, и хозяйка закрыла за ним дверь.

– Надеюсь, тебя ко мне не беда привела? – спросила Хельга. – Жена, дети здоровы?

Ахим приблизился к женщине и заглянул ей в глаза. Горький ком тоски подкатил к горлу. Уже несколько лет не видел он свою любимую, скучал по ней, вспоминал, слушая, как сердце скулит песнь разлуки. Ахим не жаловался на жену – Христина была доброй, покладистой, хозяйственной. И всё же сердце ныло по недоступной Хельге. Ахим нежно коснулся щеки любимой и тихо произнёс:

– Ты всё так же прекрасна. Года не имеют власти над тобой.

Женщина в смущении опустила глаза. Конечно же, она постарела, в лоб врезались морщины, а волосы местами запылила седина, однако бывшая красота ещё не совсем угасла.

– Не нужно таких речей, Ахим, – ответила Хельга так же тихо. – И видется нам ни к чему. Я же просила...

– Мне невероятно трудно выполнять твою просьбу. Кажется, в разлуке моя любовь к тебе лишь возрастает.

Хельга даже отвернулась. Она рада была слышать подобные признания, да только они слишком тяжелы для её оди-

нокой души.

– Эти слова ты должен говорить супруге своей, а не мне, – сказала она, отойдя в сторону. – Лучше поведай, что привело тебя сюда.

– Разве тоска по тебе не может быть причиной моего прихода?

– Она не должна быть такой причиной.

Ахим тяжело вздохнул и присел на скамью.

– Ладно. У меня действительно есть ещё повод. Во мне поселилась тревога, и я пришёл разделить её с тобой.

Хельга повернулась к собеседнику и стала слушать.

– Христина и дети мои здоровы и радостны. Но я беспокоюсь за Берхарда.

– Почему? Что-то случилось?

– Вчера в наш дом приходила фрау Вольфгарт. Она жена того самого учителя, который обучает детей ландграфа наукам разным. Фрау Вольфгарт рассказала мне о жизни Берхарда в замке. Хельга, мальчику там плохо.

– Что заставило тебя так подумать?

– Фрау Вольфгарт говорила, что в ландграфине нет тёплых чувств к Берхарду, брат и сестра вечно ссорятся с ним, а мать это лишь поощряет. Мальчик невесел, он одинок, он там никому не нужен.

– Что ж удивительного в том, что Патриция не любит Берхарда? – пожалала плечами Хельга. – Он не её сын. Но зато Берхард любим Генрихом фон Регентропфом своим отцом,

и это главное.

– Почему же тогда Генрих позволяет жене унижать мальчика презрением?

– Возможно, при нём Патриция ведёт себя с пасынком совсем по-другому. И возьми во внимание то, что Генрих очень долго отсутствовал, и Патриция всё это время действовала, думала и воспитывала детей, как ей хотелось.

– Она настраивает против него сестру и брата. Она хочет выжить Берхарда из замка.

– Скорее всего, согнать с трона и посадить на него Густава.

– Ох! Хоть бы Генрих отказался от своих планов и отдал престол законному сыну, – воздел Ахим руки к небу. – Иначе бедного Берхарда убьют в этом замке.

– Не переживай. Жизнь мальчика под надёжной охраной души его матери. Пока амулет на нём, зло не должно его коснуться. Да и Патриция всё ещё боится моего заклятия. Она не тронет Берхарда.

– Она сама, может, и не тронет, но готовит к этому Густава.

Хельга задумчиво прошлась и после присела рядом с Ахимом на скамью.

– Фрау Вольфгарт так много знает об отношениях Берхарда с Патрицией? – спросила она. – Это она делает такие выводы?

– Нет. Эти выводы мои, – ответил Ахим, – но сделаны из

её рассказов. Сама фрау Вольфгарт мне показалась обыкновенной болтушкой.

– Обычно такие люди любят преувеличивать. Даже придумывать что-то своё.

– Нет-нет, я уверен, фрау Вольфгарт говорит правду. Она не похожа на хитрую злобную женщину. Она живёт в замке, каждый день видит детей, их общение с родителями. Ей нет причин меня обманывать.

Но Хельгу всё равно что-то настораживало.

– Скажи, а у тебя фрау Вольфгарт ни о чём не спрашивала? Например, о жизни твоей прежней, об Эльзе?

– Да задала один вопрос, а может, два, – пожал плечами Ахим. – Говорила, будто слышала, что дочь у меня взрослая была, что внука она мне родила и умерла. Спросила, где сейчас мой внук.

– Почему она у других о тебе интересуется?

– Вовсе не обязательно, что она обо мне интересуется. Фрау Вольфгарт шьёт одежду у фрау Гельфрих, а та известная сплетница.

– И что ж ты о внуке сказал ей?

– Сказал, что отдал мальчика на воспитание в монастырь. А после перевёл разговор на другую тему, и фрау Вольфгарт больше не спрашивала о моей семье.

Хельга тяжело вздохнула и покачала головой.

– Не нравится мне всё это, – произнесла она. – Эта фрау Вольфгарт слишком любопытна.

– Как и все женщины, – махнул рукой Ахим.

– И в дом ваш, мне кажется, она пришла не случайно.

– Она в моей мастерской заказала себе ботинки. Там мы с ней и встретились, разговорились, потом Христина пригласила её к нам на обед. Ничего подозрительного в происходящем я не вижу.

Но Хельгу подобное не убедило. Мужчины часто не обращают внимания на женские хитрости и уловки, и женские умы для них закрыты.

– Как имя фрау Вольфгарт? – спросила Хельга.

– Карен.

– Карен, – повторила Хельга и задумалась. – Карен Вольфгарт. А ведь её ждут неприятности, возможно, даже угроза жизни.

Ахима это откровение никак не тронуло.

– Меня сейчас волнует только жизнь Берхарда, – сказал он.

– За него не беспокойся, – ответила Хельга. – Кроме тоски и печали ничего худое его не коснётся. А теперь иди. Скоро ко мне должна прийти девушка за снадобьем для её хворой матери, не нужно, чтобы тебя здесь кто-либо видел. Иди со спокойной душой. И помни, если над Берхардом повиснет угроза, Бог даст мне знать. Надеюсь, мы сможем помочь мальчику.

Уже несколько дней съезжались гости в замок Реген-

тропф. Знатные князья, доблестные рыцари, их жёны, дети, слуги. Гости прибывали из ближних и дальних земель, кто на лошадях, кто на кораблях. Ехали не просто так, а по приглашению на большое торжество, которое устраивал ландграф фон Регентропф по случаю Дня рождения своей любимой единственной дочери Маргарет. В этом году праздник намечался воистину грандиозный: с играми, танцами, обильным застольем. Для увеселения позвали музыкантов, миннезингеров, жонглеров и актёров.

При обилии и разнообразии гостей Патриция всё же заметила, что большинство из них холостые мужчины. Она поинтересовалась у супруга, отчего так? На что Генрих лаконично и просто ответил:

– Пора присматривать для нашей дочери подходящего жениха.

Патриция приуныла.

– Не рано ли ты занялся этими поисками?

– Не рано. Четырнадцать лет – самый подходящий возраст, чтобы не торопясь найти удачную партию. Смотри, как дочь расцвела. Мужчины бросают на неё недвусмысленные взгляды, скоро начнут свататься. Я желаю заранее присмотреться к претендентам на роль моего зятя.

Да, Маргарет выросла, ещё каких-нибудь пару лет, и она улетит из родного дома. Участь всех матерей растить и холить дочь, чтобы потом отправить в чужие края, в чужую семью. Делать нечего, надо с этим смириться. И Патриция

сама стала внимательнее приглядываться к приехавшим холостым мужчинам. Её дочь должна быть не только богата и знатна, но и счастлива.

А Маргарет ещё и не думала о будущем браке, она наслаждалась жизнью. Девушка обожала праздники, веселье, обожала быть в центре внимания, слышать восхищение, которое вызывала её красота. Она радовалась всем гостям без исключения, знатным и не очень, молодым и старым, хорошо знакомым и тем, кого ещё никогда не встречала. Ведь чем больше людей, тем веселья больше, тем больше восхищения. Заслышав стук копыт, девушка немедленно подбегала к окну и с интересом разглядывала въезжающих во двор гостей. К обеду Маргарет тщательно подбирала наряд и украшения, а Астрид укладывала её прекрасные золотые волосы в замысловатую причёску – в таком обрамлении красота девушки сверкала ещё ярче, и другим женщинам тягаться с ней становилось невероятно трудно.

Солнце уже поднялось высоко, когда в покои Маргарет с большим кувшином тёплой воды в руках и вышитым голубым полотенцем на плече вошла Астрид.

– Доброе утро, госпожа! – громко произнесла она, пройдя в комнату.

– Доброе утро, Астрид! – потягиваясь в кровати, отозвалась Маргарет.

– Сегодня вы спали дольше обычного. Должно быть, сказала вчерашняя усталость. Вы так много танцевали, что да-

же стёрлась подошва у ваших туфель.

Астрид подошла к небольшому столику, на котором стоял серебряный таз для умывания, вылила в сосуд воду и добавила в неё благовония из баночек, толпившихся тут же большим количестве.

– Ах, Астрид, я бы и сегодня точно так же провела вечер! – восхитилась Маргарет, усевшись по-турецки. – А то и весь день бы! А может даже и ночь!

– Да-да, я знаю, вас хлебом не корми, дай только потанцевать да повеселиться.

– А какие были кавалеры! Ты видела?

– Ну конечно!

– Все так галантны...

– И все очарованы вами.

– Да, я красива! – девушка гордо вздёрнула носик.

Маргарет резво вскочила с кровати и подбежала к зеркалу. Подхватив пальчиками подол длинной белой камизы, будто подол платья, девушка начала петь и танцевать, игриво кокетничая со своим отражением. Золотые волосы немного растрёпаны после сна, но это ничуть не умаляло её обаяния. Оставив на столе тяжёлый кувшин, Астрид с умилением наблюдала за своей любимой воспитанницей и хлопала в ладоши под такт её танца.

– Ну, хватит, госпожа Маргарет, хватит, – после мягко призвала нянька. – Идите умываться, а то вода остынет.

Перестав танцевать, девушка ещё раз кокетливо улыбку-

лась своему отражению и послушно направилась к тазу с водой. Прибрав немного волосы, она с удовольствием несколько раз плеснула себе в лицо ароматную воду.

– А что, матушка и отец обо мне уже спрашивали? – поинтересовалась Маргарет, утираясь полотенцем.

– Да, спрашивали, – ответила Астрид. – Я им сказала, что вы ещё спите, и они не потребовали вас разбудить. Они тоже понимают, что после вчерашних танцев вам нужно отдохнуть. А завтрак я лучше принесу вам сюда.

– Хорошо, дорогая Астрид.

Девушка отдала няне полотенце и радостно чмокнула её в толстую мягкую щёку. Настроение у Маргарет было великолепное.

– А не знаешь ли, приехали сегодня ещё гости? – вновь спросила Маргарет, подбежав к окну и выглянув во двор.

– Прошу вас, госпожа, отойдите от окна! – воскликнула Астрид. – Вы же не одеты!

– Я так крепко спала, что абсолютно ничего не слышала, – продолжала смотреть в окно девушка.

– Никто сегодня не приезжал, – ответила Астрид и отвела воспитанницу вглубь комнаты. – Вот оденетесь и можете сколько угодно смотреть в окно.

– Кстати, Астрид, сегодня я хочу надеть то платье, которое мне подарил дядя Норберт, – сказала Маргарет, присаживаясь к зеркалу.

– Я знала, что вы захотите надеть именно этот наряд, и

уже приготовила его для вас.

Астрид достала из ящика туалетного столика гребень и начала не спеша расчёсывать волнистые локоны девушки.

– Какая же ты молодец, Астрид! Оно потрясающе красиво! А ты видела, какой кулон с рубином дядя подобрал к этому платью?

– Граф Регентропф вас балует не меньше вашего отца родного, – отозвалась Астрид. – Хотя у самого уже две дочери. Их надо наряжать.

– Они ещё маленькие, – махнула рукой Маргарет, – им рано носить такие украшения.

– Вы в их годы драгоценности уже носили.

Разговор был прерван вошедшей в покои молодой служанкой.

– Извините, госпожа, – поклонилась она. – Пришёл гер Вольфгарт и спрашивает, сможете ли вы принять его?

– Зигмунд? – и щёки Маргарет тут же вспыхнули краской смущения.

– Скажи, чтоб зашёл позже, – распорядилась Астрид.

– Нет-нет! – воскликнула Маргарет. – Пусть подождёт немного, я его приму.

Служанка поклонилась и вышла из комнаты.

– Скорее, Астрид, причеши меня и подай какое-нибудь блию, – попросила Маргарет.

– Вы даже ещё не позавтракали, – упрекнула няня. – Зигмунд может и позже зайти.

– А вдруг у него что-нибудь важное? – возразила Маргарет. – Я приму его сейчас.

Через несколько минут Маргарет уже была готова принять посетителя. Не смея оставить воспитанницу наедине с мужчиной, Астрид отошла в дальний угол. Зигмунд прошёл в комнату и низко поклонился девушке. В руках он держал покрытый материей небольшой холст.

– Извините, госпожа Маргарет, что потревожил вас с утра, – вежливо произнёс он. – Моё дело не спешное, и всё же у меня великое желание скорее его совершить.

– Не извиняйтесь, Зигмунд, – ответила Маргарет. – Время уже далеко не раннее, я давно проснулась, позавтракала, так что вы меня совсем не потревожили и ни от каких дел не отвлекаете. Что вы желаете мне сказать? Или показать?

Маргарет, конечно же, заметила холст в руках Зигмунда, и поняла, что это, скорее всего, какая-то картина. Любопытство в ней быстро разгоралось.

– Да, показать... – Зигмунд почувствовал себя крайне неловко. – Если вы позволите... У меня для вас есть подарок...

– Подарок?! Что ж вы тогда медлите? Показывайте его скорее!

Зигмунд снял материю с холста и повернул картину к девушке. Маргарет ахнула. На картине она увидела свой портрет, который был написан столь искусно, что ей почудилось, будто она смотрит в зеркало. Девушка глядела на своё лицо,

не в силах отвести взор.

– Вот... Я посмел написать ваш портрет... – проямлил Зигмунд. – И очень надеюсь, что вы не будете слишком строги...

– Зигмунд, картина великолепно! – не скрывая восторга, сказала Маргарет. – Спасибо! Это прекрасный подарок! Я здесь словно живая. А эти цветы... Я даже чувствую их аромат! Вы гений, Зигмунд!

Похвала окончательно смутила молодого человека, он даже не смел поднять глаза.

– Я рад, госпожа Маргарет, что вам понравилось...

Вдруг в коридоре послышались тяжёлые мужские шаги. Вскоре дверь широко распахнулась, и в комнату вошёл ландграф фон Регентропф.

– Мне доложили, что ты уже встала, дочь моя! – сказал он и, окинув взглядом тихо стоявшего поодаль Зигмунда Вольфгарта, добавил. – И едва покинув кровать, уже принимаешь посетителей?

– Ах, отец, посмотрите, какой чудесный подарок преподнёс мне Зигмунд! – воскликнула Маргарет и показала родителю портрет.

Взглянув на картину, Генрих нахмурил брови. Портрет, несомненно, был написан весьма искусно, но написан без его на то позволения.

– Не правда ли, чудесная картина! – не переставала восхищаться Маргарет.

– Да, чудесная, – задумчиво проговорил ландграф. – Когда же ты позировала художнику?

– Я ни разу не позировала Зигмунду.

– Правда? – недоверчиво спросил Генрих.

– Уверю вас, это правда, ваше сиятельство, – заверил Зигмунд. – Я писал портрет по памяти и по зарисовкам своим.

– Вот как. Что ж, Зигмунд, ваша работа действительно достойна восхищения, – похвалил ландграф, и складки меж его бровями разгладились. – Можно даже повесить портрет в нашу галерею.

– Нет-нет, – тут же запротестовала Маргарет. – Портрет будет висеть здесь, в моих покоях.

– Здесь никто его не увидит.

– Он написан для меня.

– Хорошо, – согласился Генрих. – Это твой подарок и распорядись им сама. Хочешь, чтоб картина висела в покоях твоих, пусть висит. А теперь мы с Зигмундом тебя оставим, чтоб ты спокойно завершила свои утренние дела.

Как только мужчины вышли, Маргарет не отрывая глаз от портрета, отошла к окну, чтобы под лучами солнца лучше рассмотреть все линии и штрихи рисунка. Астрид приблизилась к воспитаннице.

– Очень красиво, – сказала она.

– Да, – отозвалась Маргарет. – Я давно уже мечтала, чтобы какой-нибудь знаменитый художник нарисовал меня. Зиг-

мунд, конечно, не знаменит, но при таком мастерстве, он обязательно станет таковым.

– Мне кажется, госпожа Маргарет, что вы не равнодушны к Зигмунду.

Щёки девушки немедленно залились румянцем. Конечно, обаятельный и деликатный молодой человек не мог не понравиться юной девушке. Маргарет приятно были его мягкий говор, его тёплый взгляд, а его редкие случайные прикосновения, заставляли её сердце учащать ритм. И всё же в девичьей душе любовь не зародилась. У Зигмунда не хватало одной мелочи – парень был беден и не знатен.

– Зигмунд – мой учитель, Астрид, – спокойно ответила Маргарет. – Он учит меня рисованию, и ничего между нами нет, и не может быть.

– Зигмунд довольно мил, и трудно им не увлечься.

– Ты говоришь ерунду, Астрид, – упрекнула девушка няньку. – Хотя я и нахожу его весьма интересным молодым человеком, это вовсе не значит, будто я в него влюблена. Я – принцесса, и буду любить только принца. Поняла, Астрид? Только принца! Так что оставь на веки вечные эту глупую тему. Давай лучше подумаем, куда можно повесить мой портрет.

Выйдя из покоев Маргарет, Генрих не покинул Зигмунда, а продолжил свой путь рядом с ним. Молодого человека немного смутила такая компания, но он не попытался её избежать, решив, что ландграф, возможно, имеет к нему раз-

говор. И не ошибся.

– Необычный подарок вы преподнесли моей дочери, Зигмунд, – сказал Генрих. – Она просила вас об этом?

– Нет, но я знал, что госпожа Маргарет желала иметь свой портрет, – ответил молодой человек. – Извините, что я вас не поставил в известность о моей затее.

– Да, рисовать портрет дочери в тайне от отца действительно не хорошо. И почему же вы мне не раскрыли ваши намерения?

– Честно говоря, я боялся, что вы не позволите мне рисовать госпожу Маргарет, – потупив взор, признался Зигмунд. – А мне, как художнику, хотелось запечатлеть красоту на холсте.

– И вы пошли на хитрость, – усмехнулся Генрих. – Я бы вам позволил, конечно. Я видел ваши пейзажи, которые вы успели написать, живя в замке – картины великолепны. У меня даже возникла мысль заказать вам семейный портрет фамилии Регентропф.

– О, это будет большая честь для меня, – склонившись в поклоне, ответил Зигмунд.

Ландграф замолчал. Нахмутив брови, он несколько минут шёл молча.

– Значит, вы находите мою дочь красивой, – после возобновил он разговор.

– Не думаю, что найдутся люди, которые оценили бы госпожу Маргарет иначе.

– Но когда долго любишь красоту, она может в себя влюбить.

Зигмунд смутился. Он понял, о чём говорит ландграф. Хотя молодой человек и старался скрыть от посторонних глаз свои горячие чувства к прекрасной девушке, их все-таки заметили. И кто заметил – сам ландграф. Зигмунд не нашёлся, что ответить, лишь скромно опустил глаза.

– Я надеюсь, с вами этого ещё не произошло? – продолжал Генрих.

Зигмунд по-прежнему шёл молча, ища необходимый ответ.

– Мне не хотелось бы, чтоб ваши мечты так и остались несбыточными.

Ландграф всё яснее и яснее выражал свою мысль, о значении которой Зигмунд и без того уже догадывался. Генрих беспокоился, что за его дочерью начнёт ухаживать простой художник, не имеющий ни титула, ни денег, и не дай Бог, его ухаживания сумеют зажечь горячие чувства в сердце принцессы. Эти догадки задели гордость молодого человека. Смущение исчезло, Зигмунд остановился, поднял на собеседника глаза и уверенно ответил:

– Бессмысленно скрывать, что мне нравится госпожа Маргарет. Но понимая, что в глазах общества я для неё не пара, я скрываю свои чувства от неё. Да и от себя, признаться, тоже. Не беспокойтесь, ваше сиятельство, обещаю, что ни словом, ни взглядом не задену чести вашей прекрасной дочери.

– Спасибо за прямоту и за честность, Зигмунд. Я не желал тебя обидеть.

Но всё-таки обидел.

– Разрешите мне удалиться, ваше сиятельство, – Зигмунд отвесил почтительный, но холодный поклон.

Ландграф эту холодность почувствовал и всё же не посчитал себя неправым. Достойное будущее дочери для него было важнее уважения простого художника.

Регентропфы любили устраивать празднества, затевать игрища, турниры; они использовали любой повод, чтобы развлечься самим и развлечь своих гостей. Йохан фон Регентропф, отец Генриха, даже пристроил к замку большой крытый манеж специально для того, дабы проводить турниры не только тёплой весной и жарким летом, но и в дни дождливой осени и холодной зимы. В спокойные будни там же обучали мальчиков верховой езде и дрессировали лошадей.

Длинный манежный зал был просторен и имел высокий потолок. Вдоль стен размещались удобные трибуны для знатных господ, над ними выстроены балконы, с которых за зрелищами могли наблюдать остальные зрители. Широкие окна, расположенные почти под самым потолком, впускали в зал много света.

К турниру уже всё было готово. В зале стоял гул голосов, пёстрая толпа гостей не спеша разливалась по трибунам. Семейство Регентропф уже заняло центральные места, задра-

пированные тёмно-синей материей, рассадило вокруг себя наиболее близких и уважаемых людей. И лишь два кресла оставались пустыми. Берхард и Кларк убежали на украшенные разноцветными гирляндами балконы. Оттуда открывался вид на всю арену и всех зрителей на трибунах, и можно было рассмотреть каждого участника.

– Смотри, Кларк, вон твой отец! – указал Берхард в толпу готовящихся к поединкам участников турнира.

Граф Кроненберг при помощи своего оруженосца заканчивал облачаться в доспехи. Кларк гордился своим отцом, смелым и доблестным, честным и справедливым. Именно таким и должен быть настоящий рыцарь, и Кларк будет таким же обязательно.

– Какое пышное перо на шлеме того рыцаря! – изумился Кларк, увидев, как воин, стоявший рядом с его отцом, надевает шлем.

– Иногда купцы привозят такие перья в Крафтбург, – отозвался Берхард. – Эх, и дорого они стоят! Говорят, птицы с таким оперением обитают в южных землях, где живут иноверцы.

– В тех землях, куда направляются со святой миссией крестоносцы?

– Нет, ещё южнее. Где у людей кожа чёрного цвета. Помнишь, мастер Вольфгарт нам рассказывал о них?

Кларк нахмурил брови, вспоминая урок мастера Вольфгарта.

– Да, помню... – неуверенно ответил он. – Название земель ещё такое... Ах... Аф...

И Кларк снова углубился в память. Науки давались ему с определённым трудом. Тело юноши рано развилось, и внешне он выглядел намного старше Берхарда, а вот знания его были значительно слабее, нежели у друга.

Тем временем приготовления к турниру шли своим чередом. Знаменосцы с разноцветными флагами занимали свои места, готовясь выйти на манеж, конюхи ещё раз осматривали облачения коней, проверяя подпруги, оруженосцы несли мечи и копья своим господам.

– Эх, Кларк, вот бы тебе тоже на турнир! – вдруг высказал Берхард.

Кларк улыбнулся этой затее. Ему нравились боевые игрища, и он часто представлял себя в роли их участника. Но сейчас Кларк в ответ лишь покачал головой:

– Я ещё слишком молод.

– Интересно получается, – усмехнулся Берхард. – Для военных сражений ты не молод, а для потешного турнира ещё подрасти надо?

– Война – это вынужденная битва, – серьёзно произнёс Кларк. – И ты же знаешь, отец не хотел меня брать с собой. Я тайно за ним поехал, и раскрылся лишь далеко от дома, когда лагерь ставили.

– Да, ты очень смелый человек. Я вот даже и не знаю, смог бы сам так поступить.

– Уверен, если бы твои земли и родные люди были в опасности, то смог бы.

С приходом друга Берхард чувствовал себя легче и свободнее. Стал разговорчивее веселее, в глазах его заблестела жизнь. Генрих был доволен переменами в сыне и относился к Кларку с отеческой теплотой, чем вызывал у Патриции ещё большее раздражение.

– Тебя отец зовёт, – указал Кларк.

Берхард повернулся в указанном направлении. Ландграф действительно делал рукой жесты, подзывая сына к себе. Берхард сморщил нос и помотал головой, отец в ответ нахмурил брови, и жесты его стали резче.

– Нужно идти, – сказал Кларк.

– Не хочу, – глубоко вздохнул Берхард и облокотился на перила. – Давай останемся здесь.

– Твоё место рядом с семьёй.

– Вместе со мной будет сидеть Густав. Его глупые шутки уже невыносимы. Он всегда так грубо смеётся над всеми, будто сам умеет и знает всё на свете. А мать? Посмотри, как она надменна. Когда я к ней подхожу, мне становится по-настоящему холодно, словно зимой.

Нотки печали снова пронзали голос юноши, и глаза тронула грусть. Кларк видел отношения родных к своему другу и никак не мог понять, почему оно такое, за что? Прислуга и то любила Берхарда больше, чем его мать и сестра с братом.

– Ты не спрашивал у отца, почему мама к тебе так отно-

сится?

– Нет. Не хочу жаловаться. Если она меня ненавидит, значит, есть за что.

– Но за что? Чем ты мог отравить ей жизнь? Ты же хотел узнать это, так узнай. Не хочешь говорить с отцом, так поговори с матерью.

Но Берхард вновь покачал головой.

– Не буду я ни с кем говорить, особенно с ней. Это бесполезно. Она не скажет мне ни слова, просто отвернётся и уйдёт. Она всегда так поступает.

– Я бы не стал долго терпеть такое...

– Я уже привык. – Берхард выпрямился и повернулся к другу. – Да и что мне с её молчания? Не хочет общаться со мной, так и не надо. Я не буду чувствовать себя несчастным, пусть и не надеется. У меня есть ты, мой хороший друг, есть любовь и поддержка отца. И вот, мой талисман.

И юноша достал из-под воротника жемчужную капельку на золотой цепочке. Улыбнувшись, Берхард подержал кулон на ладони, любуясь его мягким светом, а после сжал в кулаке.

– В тяжёлые и грустные минуты мне достаточно вот так сжать жемчужину, и спокойствие возвращается в душу мою. Отец говорит, что я должен хранить этот талисман, так как в нём живёт мой Ангел-хранитель. И знаешь, Кларк, я ему верю. Этот Ангел действительно мне помогает.

– Что там за ангелы у тебя? – вдруг раздался рядом с мальчиками насмешливый голос Густава. – К ним уже собира-

ешься? Могу пожелать тебе доброго пути.

Берхард обернулся и ткнул в брата колючим взглядом.

– Я не сомневался в твоих искренних чувствах, – сухо ответил он.

– Что ты там прячешь в кулаке?

– Не твоё дело.

И Берхард поспешил убрать кулон под ворот рубашки. Да только Густав успел поддеть пальцем цепочку, и кулон снова выскочил из-под одежды.

– Жемчуг! Ты носишь жемчуг, как девчонка! – воскликнул Густав, потрясая кулоном, и громко издевательски рассмеялся. – Девчонка! А я-то думал у меня лишь одна сестра!

Стоявшие рядом люди обернулись на смех, на их лицах читалось любопытство.

– Густав, прекрати немедленно! – вступился за друга Кларк. – Ты ведёшь себя глупо.

Веселье Густава немедленно прекратилось, и в глазах его вспыхнул гнев:

– А ты кто такой? По какому праву указываешь мне? Безродный приживал!

Кулак Берхарда немедленно пресёк оскорбления. Удар пришёлся в скулу и был не слишком сильным, но худенькому мальчишке и этого хватило, чтобы свалиться с ног. Толпа вокруг ахнула. Падая, Густав потянул за цепочку и порвал её. Ахнув от испуга, Берхард спешно склонился над стонущим братом, только вовсе не для того, чтоб тому помочь, он

желал вернуть себе сорванный кулон. Однако Густав спрятал руку с цепочкой за спину и попятился назад. Двое стоявших рядом мужчин помогли ему подняться.

– Отдай мне кулон, – потребовал Берхард.

Густав смотрел на брата волком.

– На, возьми, – протянул он цепочку.

Однако лишь Берхард сделал движение вперёд, как Густав тут же снова отвёл руку. После он вновь протянул жемчужину, и поцокал языком, будто подзывая собаку. По наглой улыбке брата Берхард понял, что тот просто так кулон не отдаст, а будет играть в «попробуй, отними». Даже замечания посторонних на него не влияли.

– Сюда поднимается ваш отец, – вдруг сообщил Кларк.

Густава это известие не обрадовало, игра была испорчена. Толпа повернула головы к лестнице и начала расходиться, не желая быть причастной к семейной ссоре хозяина замка.

– Лучше отдай сам, – предупредил Берхард.

Густав знал, что отец любил Берхарда и прощал ему всё, но это лишь сильнее бередило злость его. В глазах отца во всём произошедшем, конечно, будет виноват он. Не желая выслушивать попреки родителя, Густав зло процедил: «Подавься своей побрякушкой», и бросил кулон как можно дальше. Перелетев через перила, жемчужина пропала в жужжащей толпе под балконом. Кларк и Берхард кинулись к перилам и глянули вниз, но опоздали – проследить, куда упал кулон, не удалось. С тяжёлой обидой в сердце Берхард выпря-

мился и обернулся, однако Густава уже и след простыл.

– Трусливый мерзавец, – высказал Кларк. – Едва услышал об отце, так сразу в бегство!

Берхард вновь посмотрел с балкона в толпу зрителей.

– Кулон наверняка где-то между скамеек, – проговорил он. – Пойдём, поищем. Мне нужно его вернуть.

– Может, займёмся поисками после? – предложил Кларк. – Тебя отец ждёт на трибуне. Видишь, он опять подаёт тебе знаки.

Ландграф фон Регентропф действительно ждал сына на трибуне, и хмурый взор его говорил о нарастающем недовольстве. Генрих не покидал своего места и даже не думал интересоваться возникшей кутерьмой на балконе. Кларк специально сказал о его приближении, чтобы остановить мерзкую игру Густава.

– Нет, – не согласился Берхард, – после кулон кто-нибудь подберёт. Я пойду искать сейчас.

– А вдруг он вылетел на манеж?

– Надеюсь, что не вылетел.

Мальчики быстро спустились с балкона и направились к тому месту, куда предположительно упал кулон. Вдруг им навстречу вышла девочка лет десяти и, преодолевая робость, тихо проговорила:

– Прошу прощения, что остановила вас, но мне кажется... эта вещь ваша... – и девочка протянула в раскрытой ладонке жемчужный кулон на золотой цепочке.

– Да! Это мой амулет! – воскликнул Берхард. – Вы нашли его!

– Я сидела с отцом на трибуне, вон там... Украшение упало прямо мне на колени. Я подняла голову и увидела, как вы смотрите вниз... Я подумала, что вещь ваша...

– Спасибо! Вы... Вы сняли камень с моей души.

Берхард осмотрел украшение. Цепочка порвалась, и потому надеть её на шею сейчас оказалось невозможно. Придётся сначала отдать на реставрацию ювелиру. Но Берхарда это мало расстроило, его радовало уже то, что кулон не пропал.

– Вижу, эта жемчужина вам очень дорога... – заметила девочка.

Берхард внимательнее пригляделся к спасительнице его амулета. Она ему понравилась: приятное лицо с лёгким румянцем смущения на щеках, пышные вьющиеся русые волосы, прибранные атласной лентой. Наряд простой, но сшитый по моде, и никаких драгоценностей. «Может, служанка какой-нибудь юной графини? – предположил Берхард. – Тогда почему она занимает место на трибуне?»

– Позвольте узнать ваше имя, фройлен? – поинтересовался он.

Девочка ещё больше смутилась и спрятала под пушистыми ресницами робкий взор светло-карих глаз.

– Меня зовут Гретта, – всё так же тихо произнесла она.

В этот миг горны громко объявили о начале турнира. Гул в манеже начал смолкать, зрители приготовились к предсто-

ящим зрелищам.

– Извините, – вдруг засуетилась Гретта, – мне необходимо вернуться к отцу. Рада, что смогла помочь вам.

И подобрав подол платья, девочка быстро убежала на трибуны. Берхард не ожидал столь скорого расставания.

– Кто она? – спросил он у друга. – Ты её знаешь, Кларк?

– Нет, – пожал Кларк плечами. – Какая-то Гретта. Судя по одежде, прислужница в богатой семье.

– Я тоже сначала так подумал. Но она с отцом на трибунах...

– Тогда, возможно, она дочь какого-нибудь не слишком знатного дворянина.

– Выясни это, Кларк. Пожалуйста.

– Попробую. А сейчас иди к отцу, Берхард, иначе рискуешь окончательно разозлить его.

Ханна торопливо шла по коридору. Она опаздывала, и потому шаг её был быстр. Турнир уже начался, уже объявляли имена участников. Ханна прислушивалась к голосу глашатая, стараясь разобрать слова. Она знала, тот рыцарь приехал сегодня утром. Она ещё не видела его, но слышала, как упоминали его имя. Она ждала его, много лет ждала, и вот он приехал.

Ханна уже почти бежала, как вдруг из тёмной арки в стене кто-то схватил её за руку. Девушка вскрикнула от испуга и неожиданности, и сердце её замерло. Но, взглядевшись в бо-

родатое лицо схватившего её мужчины, Ханна выдохнула с облегчением и улыбнулась.

– Гернот, – тихо и с теплотой произнесла она.

– Узнала, – довольно пробасил высокий темноволосый мужчина. – Помнишь ещё, значит.

– Конечно, помню, – и Ханна прижалась к могучей груди рыцаря.

Гернот промычал что-то ещё более довольное и руки его обвили вокруг стройной девичьей талии. Но Ханна вдруг резко подняла голову, и в глазах её сверкнул упрёк.

– А я бы вполне могла тебя забыть, рыцарь Боргардт, – резко высказала девушка и откинула от своей талии мужские руки. – Ты мне обещал вернуться через два года, а приехал через десять лет. Десять!

– Я воевал...

– Война давно окончилась.

– Я попал в плен...

– В плен какой-нибудь красотки?

– Какая же ты жестокая! – прорычал Гернот и крепко сжал в объятиях Ханну. – Я томился в плену врага, я мучился, страдал, моё тело покрыто шрамами от плетей. Но я думал о тебе, я рвался к тебе и наконец мне удалось бежать. И вот я вернулся, я думал, что меня встретят здесь с любовью, а слышу лишь одни упрёки!

После этих слов Ханне стало стыдно. Девушка опустила глаза, и голос её снова обрёл мягкость.

– Откуда же могла я знать об этом? – стала оправдываться она. – От тебя не было никаких вестей. Я думала, ты меня оставил, нашёл другую...

– Как смела ты думать так!

Ханна с нежностью прижалась к любимому мужчине.

– Прости меня, Гернот. Я безумно счастлива, что ты вернулся ко мне живым и невредимым.

– Верно ли ждала ты меня, любимая Ханна? Не вышла ли замуж за моё долгое отсутствие?

– Нет, Гернот. Я была верна тебе. Так верна, что если бы пришла весть о гибели твоей, я б тоже оборвала свою жизнь. Пообещай мне, что ты больше меня не покинешь.

– Я бы рад тебе пообещать это, но не смею.

– Почему? – Ханна вскинула на рыцаря взгляд полный беспокойства.

– Я, как и прежде, желаю взять тебя в жёны, Ханна. Однако у меня сейчас столь бедственное положение, что ты со мной будешь лишь несчастна. Вернувшись домой из плена, я обнаружил, что поместье моё разбито и разграблено, а земли забрал себе барон Эхмарт. Я нищ, Ханна. У меня не осталось ничего, кроме моего меча да крепких рук. Но я мечтал быть рядом с тобой и потому приехал в Регенплатц, чтобы просить ландграфа принять меня на службу к нему.

– Это ты правильно решил, – улыбнулась Ханна, и беспокойство покинуло её. – Ландграф обязательно примет тебя, доблестные рыцари нужны ему. Как господин он добр и

щедр. Если ты заслужишь доверие его, то он даже может наградить тебя землями в Регенплатце. И тогда я стану твоей женой. Но думаю, ты останешься здесь в любом случае. Верные слуги нужны не только ландграфу, но и госпоже моей, ландграфине. После турнира я ей обязательно представлю тебя.

– Мне пора идти, дорогая Ханна. Давай встретимся после заката.

– Хорошо. Я буду ждать тебя в саду на нашем месте. Ты не забыл его?

– Нет, не забыл: у разбитого молнией клёна.

– Да, там. Ну а теперь иди. – И Ханна вышла из объятий любимого мужчины. – Иди и покажи всю свою доблесть и отвагу, чтобы князя восхитились тобой, а противники преклонились перед силой твоей.

Кларк к обеду опоздал. Все уже расселись за длинными столами, когда он только вошёл в большую рыцарскую залу. Торопливо вдоль стены мальчик прошёл к центральному столу и занял своё место рядом с Берхардом.

– Ну что, узнал? – тут же спросил Берхард.

– Да, – ответил Кларк. – Это Гретта Хафф. Она прибыла в Регентропф вчера утром.

– Почему же я её вчера не видел?

– Возможно потому, что вчера ты поругался с Маргарет и не пришёл вечером на пир.

– Может быть. Барон Хафф... Рюдегер Хафф... Кажется, наш сосед.

– Им отвели покои в северном крыле замка.

– Но почему я не вижу их здесь на обеде? – всмотрелся Берхард в ряды гостей.

– Да как же? Вон они сидят справа. Там, ближе к краю.

Берхард уже внимательнее присмотрелся к сидевшим за правым столом и заметил Гретту. Она была всё в том же платье, с той же причёской. С правой стороны от неё сидел рослый бородатый мужчина в сером сюрко, с левой – высокая худощавая женщина в бордовом платье. Девочка между ними выглядела совсем крохой. Мужчина и женщина что-то тихо говорили Гретте, и она им с улыбкой отвечала.

– Кто это рядом с ней? – поинтересовался Берхард. – Её родители?

– Это её отец и воспитательница фрау... фрау Барх, кажется, – ответил Кларк. – Баронесса не приехала. Говорят, больна.

Гретта с интересом разглядывала залу, гостей, угощения на столах. Она впервые присутствовала на таком большом празднике в богатом замке. Ей всё здесь нравилось: и убранство, и красивые наряды, и музыка, и добрые хозяева. Гретта повернула голову к центральному столу и заметила, что Берхард Регентропф смотрит на неё. Щёки девочки тут же покрылись румянцем смущения, а глаза прикрылись ресницами. Впрочем, ненадолго. Любопытство оказалось сильнее

робости, и Гретта снова покосилась в сторону Берхарда. Он ей понравился. Смуглое лицо в обрамлении длинных прядей смоляных волос, стройная фигура. Хотя ростом он ещё не был высок. Мальчик продолжал смотреть на неё. Гретта почувствовала, как ей приятен взгляд его чёрных глаз, она даже невольно улыбнулась.

Берхард наблюдал за новой гостьей весь ужин, он решил обязательно познакомиться с ней поближе и завязать дружеские отношения. После представления, что поставили менестрели, вечер продолжился танцами, и многие желающие вышли из-за столов в центр залы. Берхард так же покинул своё место.

– Господин барон, – церемонно поклонился он отцу Греты. – Позвольте пригласить вашу дочь потанцевать со мной.

Рюдегер Хафф не высказал удивления, а лишь вежливо улыбнулся. Ему польстило, что сын ландграфа обратил внимание на его не лишённую привлекательности дочь.

– Что ж, если Гретта согласна, то и я не против, – ответил барон.

Девочка робко взглянула на кавалера. «У него красивые глаза», – мысленно отметила она.

– Прошу вас, фройлен Гретта, – обратился Берхард к девочке.

– Я согласна, – ответила та и вышла из-за стола.

Проводив умилённым взглядом юную пару, барон Хафф тихо проговорил себе в бороду:

– В глазах парнишки нескрываемый интерес. Дай Бог, чтобы он перерос в дружбу, а дружба в любовь. Моя красавица достойна такого жениха.

Уроки Карен Вольфгарт не прошли даром, Берхард вёл в танце уверенно, фигуры исполнял правильно. Да и Гретта была хороша и грациозна, хотя охватившее сердце волнение мешало чувству полной свободы.

– Я вас прежде никогда не встречал. Вы впервые в Регентропфе? – завязал разговор Берхард.

– Я сама впервые. А мой отец бывал здесь уже не раз, – отвечала Гретта, так и не решаясь поднять глаза на своего кавалера.

– Вам у нас нравится?

– Да, очень. Правда, я не успела осмотреть весь замок.

– Хотите, завтра я проведу вас по замку? Покажу вам комнаты, галереи, сможем подняться на башни. С восточной башни можно увидеть весь город, широкую гладь Рейна.

– Предложение весьма заманчиво, – улыбнулась Гретта. – Я бы с радостью приняла его, но, к сожалению, мы завтра уезжаем домой.

– Так скоро? – подивился Берхард. – Вы же только вчера прибыли.

– Моя матушка тяжело больна, – спрятав улыбку, объяснила Гретта. – Мы не можем надолго оставлять её. Мы с отцом вообще не хотели уезжать, но мама настояла.

– Мне искренне жаль. Но всё же прошу, останьтесь хотя

бы ещё на день. Завтра вечером состоится маскарад, яркий весёлый праздник. Будет много музыки, танцев. А после я попрошу нашего лекаря Гойербарга поехать с вами. Он лучший в округе лекарь и обязательно вылечит вашу матушку.

Гретта снова позволила себе улыбнуться.

– Благодарю вас за участие, гер Берхард. Я передам ба-
тюшке вашу просьбу и ваше предложение.

Улыбка делала Гретту ещё очаровательнее, и Берхард глаз не сводил со своей партнёрши, восхищаясь её нежной красотой и мягкой грацией. Такой девочки он ещё никогда не встречал. Его сестра Маргарет возможно и была красивее, но она блистала слишком ярко, обжигала и наносила боль, а Гретта несла тепло и умиротворение.

– Мне кажется, вы очень любите танцевать, – продолжил Берхард разговор о пустяках.

– Да, люблю.

– У вас дома, должно быть, часто проводятся праздники?

– Нет, мы ведём довольно скромную жизнь.

– Ну, тогда я приглашаю вас на все последующие танцы, чтоб этот вечер вам принёс как можно больше удовольствия.

– Что ж, ваше предложение принято.

Испугавшись гнева супруга, Карен Вольфгарт перестала часто выезжать в город и задерживалась там не долго. Однако от разгадывания тайн, окутывавших смерть родной матери Берхарда, она не отказалась. Карен думала, рассуждала,

наблюдала, сблизилась кое с кем из прислуги и, наконец, сложив все выводы, словно мозаику, получила чёткую картину прошлых событий. Она не сомневалась, что картина получилась верной. И тут возник новый вопрос – кому продемонстрировать свой ум, рассказать о разгаданных тайнах? Кандидатуру для подобного разговора найти было сложно, но хранить секрет в себе ещё трудней. К мужу Карен доверие потеряла и даже не собиралась ничего ему рассказывать.

Дни шли, и желание кому-либо поведать об истинном положении дел становилось всё сильнее и сильнее. В пору хоть оповещай всех подряд.

Когда в замок прибыло множество гостей, у Карен глаза загорелись, слова скопились на кончике языка. Пару дней она присматривалась к людям, особенно к женщинам и наконец нашла нужную ей публику, которая оценит новость по достоинству. Хайнц Вольфгарт слишком хорошо знал свою супругу и старался везде её сопровождать, чтобы в нужный момент закрыть ей рот. И всё же ежеминутно контролировать жену он был не в состоянии.

И вот на пиру, заметив, что Хайнц увлёкся разговором с мужчинами, Карен отошла в сторону, поближе к пожилой полной даме с глуповатыми глазами, которая величалась баронессой фон Хельбруг. Карен ранее уже присматривалась к ней и успела выяснить, что эта баронесса обожала всякие сплетни, а, значит, сумеет стать благодарной слушательницей.

– Праздник с каждым днём всё великолепнее и веселее! – начала Карен разговор издалека.

– Да! Ландграф фон Регентропф умеет гулять с размахом! – отозвалась баронесса скрипучим голосом, теребя пояс на своём излишне ярком наряде.

– Вы в Регентропфе не первый раз?

– Я приезжала сюда давно, когда ландграф праздновал рождение младшего сына Густава.

– Густав хорошенький мальчик, симпатичный. Мне кажется, он похож на отца.

– Мне тоже так кажется. А Маргарет – вылитая красавица мать.

– Берхард среди них уж очень сильно выделяется.

– Да. На него посмотришь и подумаешь, что он совсем этой семье чужой.

– Что ж тут удивительного, ведь так оно и есть.

Баронесса взглянула на собеседницу огромными от удивления глазами.

– Как чужой? – воскликнула она, всплеснув руками. – Вы хотите сказать, что он не родной сын ландграфу фон Регентропфу?

– Ну да, – просто пожала плечами Карен. – Разве вы не знали? В Регенплатце это ни для кого не секрет.

– Ах, Боже мой! Я не знала. Расскажите, как же такое случилось, и почему Берхард живёт в замке?

– Ну, это коротко не расскажешь. К тому же и история

эта тёмная... В ней замешана одна весьма влиятельная, но жестокая особа...

– Прошу вас, расскажите! – Баронесса аж вся затрепетала от нетерпения. – Я обожаю тёмные истории!

– Ну хорошо, – Карен сделала вид, будто сдалась. – Но только пообещайте, что никому ни слова не передадите.

– Обещаю! – заверила баронесса, хотя в мыслях уже перебрала имена подруг, которым красочно перескажет всё-всё слово в слово.

– Слушайте же. Давно, почти пятнадцать лет назад...

– Госпожа Вольфгарт, вот вы где. А я вас везде ищу!

К шепчущейся парочке приблизилась ландграфиня. У Карен сердце замерло, – а вдруг Патриция что-то слышала? Под гнев госпожи попадать не хотелось бы. Но вроде нет, Патриция мило улыбалась, и взгляд её был весел.

– Я прервала вашу беседу, извините, – приложив к груди руку, с чувством вины произнесла ландграфиня, обращаясь в основном к баронессе фон Хельбруг.

– Вы нам совсем не помешали, – вежливо проскрипела баронесса. – Мы болтали о пустяках.

– О! Ну, тогда вы позволите забрать у вас фрау Вольфгарт? Она нужна мне для одного дела.

– Вам вовсе не нужно для этого спрашивать разрешения, вы же у себя дома, ландграфиня.

Патриция знаком предложила фрау Вольфгарт последовать за ней. С тяжёлым вздохом досады, Карен попрощалась

с баронессой, пообещав той, что как только освободится, обязательно вернётся к ней, для продолжения разговора. Баронесса досадовала не меньше и даже мысленно выругалась.

Выйдя из зала, ландграфиня прошла коридор и направилась вверх по лестнице. Карен покорно следовала за ней. Подозрительные мысли её голову не занимали. По дороге, встретив слугу, Патриция приказала ему немедленно отыскать Ханну и передать ей, что госпожа ждёт её в северной башне.

– Мы идём в башню? – спросила изумлённая Карен, и непонятное чувство кольнуло её в сердце.

– Вернее на башню, – поправила Патриция.

– Для чего?

– С неё лучше всего виден тот участок сада, который я хочу вам показать. У меня возникла идея сделать сюрприз для гостей, и мне нужен ваш совет.

От мысли, что ландграфине понадобились её советы, гордость в Карен ощутимо увеличилась в размерах. Спокойствие вновь полностью восстановилось, шаги стали ещё увереннее. Появилось даже желание поскорее взойти на башню и узнать, чем ландграфиня решила удивить гостей.

Вот женщины наконец вышли на башенную площадку. Холодный ноябрьский ветер тут же начал проникать в рукава, под воротник, трепать подола платьев и локоны волос. Карен поёжилась, почувствовав дискомфорт после тёплых стен помещения. Патриция же держалась прямо и уверен-

но и, казалось, совсем не замечала холода. Она подошла к невысокой зубчатой стене окружающей край башни и пригласила спутницу сделать то же самое. Карен приблизилась к краю и посмотрела вдаль. С северной башни открывался вид на Драконью гору, где по древним преданиям когда-то жили свирепые чёрные драконы, от смрадного обжигающего дыхания которых не могло спастись ничто живое. С той стороны, где находилась пещера, жилище чудовищ, гора действительно не имела растительности, оставаясь лысой многие века. И если бы славный рыцарь Аллайн не убил этих ужасных драконов, возможно, в Регенплатце вымерла бы вся жизнь.

Внизу у стен замка всё поросло кустарником и высокой дикой травой. Когда-то здесь была тропинка, ведущая к колодцу, но много лет назад колодец пересох, и тропинкой пользоваться перестали. От колодца осталась лишь зияющая дыра в окружении кучи камней, которые некогда составляли его стену.

Густой кустарник разросся вдоль стен замка, пробрался в сад и отобрал его часть в свои владения, отчего этот край сада теперь выглядел весьма дико. Взглянув на него, Карен с недоумением подумала: какие сюрпризы можно сделать в столь неприглядном месте? Разве только пугать гостей, внезапно выпрыгивая на них из кустов.

– И что же вы придумали, ваше сиятельство? – поинтересовалась Карен, вглядываясь в заросший участок сада.

Патриция подошла к Карен совсем близко и встала за её

спиной.

– Что именно и от кого вы узнали о матери Берхарда? – вдруг холодным голосом задала вопрос ландграфиня.

От неожиданности Карен вздрогнула и резко развернулась к собеседнице. Глаза Патриции смотрели недобро. Можно даже сказать, зло, уничтожающе. Карен занервничала, – Патриция всё слышала и естественно разгневалась. А разгадывая загадки, Карен уже успела догадаться, что гнев ландграфини страшен.

– Я?.. Что узнала?.. Ничего не узнала... – сбивчиво лепетала Карен. – Что люди в городе болтали, то и я подобрала... Если б была какая тайна, так кто бы мне раскрыл её?..

– Какую тёмную историю вы собирались поведать баронессе Хельбруг? И что за особа в ней принимала участие? – настойчиво продолжала требовать ответа Патриция.

Карен стало совсем страшно. Её на ледяном ветру даже в пот бросило. Она кидала взгляды в разные стороны, но бежать было некуда, а позади пропасть.

– Я правда ничего не знаю, ваше сиятельство. Это всё я так сказала, для красного словца, чтобы привлечь внимание слушателя...

Но Патриция не верила. Она отрицательно качала головой, ожидая верного ответа.

В этот момент на башенную площадку вышла Ханна, и, заметив её, Карен немедленно ухватилась за последнюю соломинку.

– Служанки в замке весьма болтливы, – выдала она, – и много знают о своих господах.

По лицу Патриции пробежало подозрение – это уже было похоже на правду. А вот как раз и Ханна появилась.

– Вы звали меня, госпожа?

Всё с той же подозрительностью в глазах Патриция обратилась к служанке и, кивнув головой на Карен, поинтересовалась.

– Ты говорила ей?

Умная Ханна тут же догадалась, о чём именно идёт речь.

– Что вы, госпожа?! Разве я могу предать вас? Я даже своему изображению в зеркале не рассказываю о том.

– Она лжёт! – быстро заявила Карен.

В Патриции гнев вспыхнул с новой силой.

– Я верю Ханне больше, чем вам, фрау Вольфгарт, – зло процедила ландграфиня. – Говорите, откуда вы всё узнали!

Теперь Карен поняла, что увливать бесполезно, надо было признаваться. Ландграфиня, конечно, разгневана, но, может, в этот раз она не пойдёт на убийство, всё-таки сейчас это сделать будет намного рискованнее. Мысль, что ситуация не безнадёжна, немного успокаивала.

– Люди в городе действительно много болтают, – заговорила она. – Общую картину произошедшего никто не знает, но по слухам, обрывкам, по кусочкам я сама собрала её, сделала кое-какие выводы, ну и вот...

– По кусочкам? – оторопела Патриция. – Вы были так

увлечены этой темой, что кропотливо выискивали и складывали кусочки картины?..

– Я люблю разгадывать загадки.

– Но зачем оповещать о разгадке всех вокруг?

– Я не думала рассказывать всё, только то, что известно всем...

– Вы снова лжёте! – вскричала разгневанная Патриция. – Какими бы ни были ваши загадки, как бы ни чесался ваш язык, я запрещаю вам не только говорить с кем-либо, но и даже думать на эту тему наедине с собой! Всё, что произошло с матерью Берхарда – не ваше дело! Вы поняли, фрау Вольфгарт?!

– Поняла... Конечно, поняла, ваше сиятельство. Однако ваш гнев доказывает, что эту загадку я разгадала правильно.

– Я повторяю, это не ваше дело! – ещё больше злилась Патриция, и слова её перешли в шипение. – А раз вы считаете, что загадка верна, то бойтесь меня. Бойтесь! И прикусите язык, коль цените жизнь свою и не хотите её укорачивать.

Угрозы – это ещё не нападение. Карен удостоверилась, что ландграфиня не будет мारать об неё руки. Она окончательно успокоилась, и ей в голову пришла мысль, что из создавшейся ситуации можно вынести и выгоду для себя. Карен даже почувствовала себя не жертвой, а нападающим.

– Мой язык не шевельнётся, если придавить его золотом, – с хитрой ухмылкой сказала она.

Патриция вздёрнула брови от удивления. Не предполага-

ла она, что человек, стоящий под угрозой смерти, ещё и в состоянии будет шантажировать. Патриция не собиралась платить и лишь из любопытства поинтересовалась:

– Какую же плату вы хотите за молчание?

– Да не так уж много, – совсем осмелела Карен. – Нам с супругом приглянулся Крафтбург, и мы с удовольствием приняли бы в дар небольшой домик с садиком. Ну и монеток золотых, чтоб на жизнь достойную хватило.

– А если вдруг не хватит?

– Так добавьте.

«Ну и дура, – усмехнулась Патриция. – Решила, что, выведав мою тайну, может теперь всю жизнь вить из меня верёвки». Смысл усмешки ясно отразился в зелёных глазах ландграфини. Карен даже вновь почувствовала страх, но быстро подавила его в себе, стараясь выглядеть сильнее своего врага.

Патриция продолжала сверлить взглядом стоявшую перед ней глупую женщину. Мысли её работали быстро, будущее наглой шантажистки уже было решено.

– Я не буду тебе платить, – с гордой осанкой произнесла Патриция. – Мне проще уничтожить тебя, чем откупиться.

С этими словами ландграфиня неожиданно присела, схватила женщину за ноги и перекинула её через невысокую ограду башни. Карен успела лишь осознать, что зря была столь самоуверенна и что своей жадностью и болтливостью совершила страшную ошибку. От ужаса у неё потемнело в глазах и прервало дыхание, а прийти в себя ей уже не сужде-

но было. Через пару мгновений разбитое тело фрау Вольфгарт лежало распростёртым у развалившихся стен старого колодца, а сверху, с крыши северной башни замка смотрели на него две женщины: ландграфиня и служанка её Ханна.

– Эх, лучше бы она прямо в колодец упала, – пожалела Патриция.

– Не ожидала я, госпожа, что вы вот так... своими руками... – потрясённая случившимся едва проговорила Ханна.

– А что ещё оставалось делать? Эта болтушка узнала мою тайну и собиралась поведать её всему миру. Если бы эти рос- сказки достигли ушей Генриха, я бы потеряла всё. Всё.

– А вдруг она уже успела кому-нибудь рассказать? – пред- положила Ханна.

– Не думаю. Иначе ей нечем было бы меня шантажиро- вать.

Женщины продолжали сверху смотреть на тело – одна в угрюмом раздумье, другая в растерянности, со смешанными чувствами испуга и лёгкого шока.

– Какой же глупой оказалась Карен, – вновь произнесла Патриция. – Ей стоило только смириться с моими условия- ми, и я её оставила бы в живых. Но она зачем-то пошла на меня войной. И проиграла. Ладно, нужно возвращаться к го- стям, а то меня скоро начнут искать.

– А как же она? – спросила Ханна, указав кивком головы вниз. – Её могут найти.

– Что с того? – пожалала плечами Патриция. – Может, ей

самой жизнь надоела?

– В это трудно поверить. Фрау Вольфгарт была слишком увлечённым человеком. А мастер Вольфгарт наверняка потребует выяснения причин смерти его супруги.

– Да, ты права. – Патриция выпрямилась и отвернулась от пропасти. – Надо бы её тело сбросить в колодец, чтоб никто не нашёл. А мужу сказать, будто она куда-то уехала. (А, может, даже и не одна – у нас же гости, среди них много мужчин, причём холостых)... Сейчас льют дожди, зимой выпадет снег и завалит колодец. А к весне тело раскиснет и сгниёт. И пропадёт Карен Вольфгарт бесследно.

– Это вы хорошо придумали, – согласилась Ханна, повернувшись к госпоже.

– Это сделать придётся нам с тобой. Как стемнеет, пройдем к колодцу и сбросим в него тело. Надеюсь, до того времени никто не будет гулять в тех зарослях.

– О, госпожа, позвольте мне выполнить эту работу.

– Тебе? – изумилась Патриция. – Но тебе одной будет тяжело.

– Я буду не одна. Рыцарь Гернот Боргардт, мой жених... (помните его?), желает стать вашим верным слугой. Вот он мне и поможет. Вам рискованно бродить у стен замка. Вдруг увидит кто ненароком, придётся оправдываться. А мне легко будет ответить, что я делала в зарослях наедине с мужчиной.

Патриция довольно улыбнулась. Не каждая госпожа могла похвастать столь преданной служанкой, как Ханна.

– Да, я помню твоего жениха, Ханна, и, увидев на турнире, узнала его. Но можно ли ему доверять? Если мне не изменяет память, он обещал вернуться к тебе через два года, однако прибыл лишь теперь.

– Гернот попал в плен и долго не мог оттуда вырваться. А возвратившись домой, нашёл свои земли разорёнными и имеющими другого хозяина. Так что теперь дом Гернота там, где его примут. Уверяю вас, госпожа, Гернот будет вам так же верен, как и я.

– Что ж, доверюсь тебе. Но знай, если твой друг выдаст меня, я не посмотрю, что он твой жених.

Мастер Вольфгарт долго бродил среди гостей, среди прислуги, спрашивая всех о своей куда-то запропастившейся супруге. Но никто не мог ему подсказать, где она. Когда ж стемнело, Хайнц встревожился не на шутку, он нервничал, праздник его уже не веселил, а даже раздражал. Теперь уже вместе с сыном Хайнц опять и опять обходил комнаты, надеясь найти в одной из них Карен, сызнова спрашивал каждого о жене. И наконец один слуга сказал ему, что видел, как фрау Вольфгарт в компании ландграфини поднималась в северную башню. Хайнц бросился туда, но в башне никого не было, а единственная комната, которую использовали в качестве чулана, была заперта. Тогда Хайнц отправился к самой ландграфине и поинтересовался у неё о своей супруге.

– Да, мы с Карен действительно поднимались в северную

башню, – с готовностью ответила Патриция. – Мы были в чулане, где в сундуках хранятся всякие старые вещи. Я ей показала один старинный, но очень красивый наряд. Хотела предложить ей надеть его на завтрашний маскарад. Она сама просила меня подобрать для неё что-нибудь. Потом мы вернулись к гостям, и больше я Карен не видела.

Патриция выразила такую озабоченность и тревогу, что сама лично стала помогать мастеру Вольфгарту в поисках его жены. Она опрашивала слуг, посылала их искать Карен по всему замку, саду и двору. И вот одна из служанок сказала, что слышала от подруг, будто кто-то видел фрау Вольфгарт выезжающей со двора верхом на лошади вместе с каким-то мужчиной. Но когда и кто именно это видел, служанка сказать не могла.

Хайнц, хорошо зная свою супругу, не поверил этому. Не поверил даже и после того, как ещё несколько слуг и служанок повторили эти слухи. Карен не могла вот так вдруг сбежать с другим мужчиной. Она была практичной женщиной, и в ней не достаточно горел огонь страстей, чтобы однажды затмить своим светом её рассудок. Да и просто Карен не умела делать что-либо тайком. С ней наверняка случилось что-то плохое, в этом Хайнц был уверен и просил продолжать поиски в замке. Патриция соперничала учителю, поддакивала, но в душе испытывала раздражение от его упрямства. Ей вовсе не хотелось, чтобы обнаружили тело Карен.

Естественно, вся эта суета и хлопоты не могли остаться

не замеченными ландграфом фон Регентропфом. Узнав суть дела, Генрих лично опросил охрану замка и постовых на башнях, но среди них никто не признал, что видел, как фрау Вольфгарт выезжала за ворота. Эти сведения ещё больше уверили Хайнца, что с его супругой случилось нечто ужасное.

Разговоры о пропавшей женщине стали главными и среди гостей. Они охали, ахали, переживали или осуждали. Некоторые даже присоединились к поискам. Праздник уже давно перестал быть таковым. Музыка смолкла, веселье угасло.

Приближалась ночь. Детей, также стремившихся участвовать в поисках, по указанию ландграфа отправили в их покои. С неохотой им пришлось подчиниться.

Гости и хозяйева вскоре тоже устали. Патриции с трудом удалось уговорить мастера Вольфгарта отложить поиски Карен до утра, когда взойдёт солнце. Несчастный мужчина, опираясь на руку сына, побрёл в свои комнаты.

– Карен не могла уехать, не могла, – снова и снова повторял Хайнц. – С ней что-то случилось.

– Завтра мы обязательно найдём матушку, – старался успокоить отца Зигмунд, едва сдерживая слёзы. – Сегодня вам надо выспаться, а завтра с новыми силами мы обыщем весь двор, сад, все строения вокруг замка. Если понадобится, я поеду в Крафтбург и буду искать маму там...

– Ты думаешь, что она действительно могла с кем-то сбежать? – с досадой произнёс Хайнц. – Считаешь свою мать

изменницей?

– Нет, отец, что вы! Но может... она была увезена... Может, против воли...

– Всё может быть, – горестно вздохнул Хайнц и после недолгого молчания проговорил. – Мне кажется, Зигмунд, что даже если мы и найдём Карен, она к нам всё равно уже никогда не вернётся.

– Что вы хотите этим сказать, отец? – удивился Зигмунд. – Вы полагаете, что матушка?..

И слово застряло в его горле, не решаясь сойти с языка.

– Да, сын мой, – с ещё большей печалью выдохнул Хайнц. – Я полагаю так.

– Тогда мне приятнее считать мать изменницей, чем...

Мастер Вольфгарт так и не смог заснуть, как и Зигмунд, который лишь тихо плакал в своей комнате и молил бога уберечь мать от беды. Многие долго не гасили свеч в ту ночь, обсуждая события вечера и гадая, что принесёт день будущий.

Долго не ложилась спать и Патриция. Но у неё на то были свои причины. Она нервно ходила по комнате, с нетерпением ожидая Ханну. Тусклое пламя на огарке свечи вздрагивало от резких поворотов женщины. Вскоре в дверь постучали.

– Ханна? – поинтересовалась Патриция, резко остановив ходьбу.

Дверь отворилась, и в комнату тихо вошла девушка.

– Я, госпожа.

– Ну как?

Ханна закрыла за собой дверь и приблизилась к ландграфине.

– Всё сделано. Я и Гернот сбросили тело фрау Вольфгарт в колодец. Завтра её никто не найдёт.

– Хорошо. Вас кто-нибудь видел?

– Нет, госпожа.

– Прекрасно. Что ж, иди отдыхать, Ханна. Спасибо, ты мне очень помогла.

На следующее утро поиски фрау Вольфгарт возобновились с новой энергией. Но длились они не долго. Генрих приказал обойти территорию замка с собаками, предварительно дав им запомнить запах потерявшейся женщины. Если бы в старом колодце оставалась вода, собаки, возможно, прошли бы мимо. Но колодец был абсолютно пуст и сух, а потому собаки, вскочив передними лапами на его порушенные стены, начали громко лаять, и лай их отдавался гулким эхом из чёрной пустоты.

С появлением покойницы праздник стих очень быстро. Видя, что прежнему веселью уже не бывать, гости постепенно покидали Регентропф.

Маргарет с грустью провожала выезжающие со двора кареты, сопровождающих их всадников на лошадях. Как же обидно, что торжества в честь её Дня рождения завершились столь быстро. Даже весёлый маскарад не состоялся, которого

она так ждала! От обиды даже слёзы тихой струйкой потекли из глаз юной девушки. Из-за кого? Кто посмел испортить ей праздник? Ух, как Маргарет была зла на этого человека! Надо непременно выяснить имя преступника, дабы вылить на него всю скопившуюся ненависть.

Ландграф распорядился немедленно начать дознание: кто, что, кого видел, слышал, когда, где, выяснить каждую мелочь прошедшего дня, всего, что непосредственно касалось фрау Вольфгарт. Генрих не меньше дочери желал как можно скорее найти убийцу и покарать его. Не потому, что тот испортил праздник, а чтобы зло, содеянное в его доме, не осталось безнаказанным.

Чета фон Хельбруг так же упаковывала вещи, готовясь к отъезду. Баронесса, любительница всяких происшествий, в эти часы буквально ненавидела своего мужа, решившего последовать примеру других и покинуть замок, где только и начинается всё самое интересное. С каким бы удовольствием она понаблюдала бы за расследованием смерти фрау Вольфгарт, ничего бы не пропустила, чтобы потом дома во всех подробностях рассказать своим подругам и соседям. А теперь о чём рассказывать? О пире, об играх, о нарядах? Всё скучно и однообразно.

Узнав о сборах баронской четы, Патриция сразу направилась к её покоям. За весь день она так и не выбрала времени, чтобы поговорить с баронессой. А узнать, что наговорила эта старая болтушка Генриху, было крайне необходимо.

Баронесса фон Хельбруг стояла в стороне и с раздражением наблюдала за суетой супруга, но, завидев приближающуюся к ней ландграфиню, она чуть не расплакалась от горя.

– Ох, и вы уезжаете? Как жаль! – Патриция сделала вид, будто расстроена.

– Ах, ландграфиня, если б вы знали, как мне не хочется покидать ваш гостеприимный замок. Но мой муж непременно желает вернуться, и я никак не могу уговорить этого упрямца передумать.

– Да уж, в упрямстве барон может соперничать даже с ландграфом фон Регентропфом, – согласилась Патриция. – Кстати, Генрих уже говорил с вами?

– О чём? – в глазах баронессы блеснул интерес.

– О фрау Вольфгарт. Он всех опрашивает, кто и что видел.

– Ах, об этом. Говорил со мной, да. Но только рассказать-то мне ему нечего. Я ж ничего не знаю.

– Но вы же разговаривали с фрау Вольфгарт.

– Да, один раз и совсем немного, – расстроено вздохнула баронесса. – Вы как раз прервали наш разговор и увели фрау Вольфгарт с собой. Помните?

– Да-да, помню. И она ничего не успела вам сказать?

– Почти нет.

– Почти? Но значит, что-то сказала?

– Пустяки, которые не стоят вашего внимания.

Именно так баронесса фон Хельбруг отвечала и Генриху. Она понимала с кем и о чём говорила, понимала, что сплетни

о сыне вряд ли обрадуют родителей, да ещё таких, в немилость которых она впасть вовсе не стремилась. Патриция выдохнула с облегчением. Баронесса оказалась сообразительнее, чем она думала, и не повторила при Генрихе услышанную сплетню.

– Жаль, – притворно пожалела Патриция. – Я надеялась, что вы сможете пролить свет на это загадочное происшествие. Я тогда слышала последнюю фразу фрау Вольфгарт, она вам рассказывала какую-то давнюю историю? Какую?

Баронесса немного смутилась. Признаться ландграфине или не стоит? А вдруг она оскорбится? Вдруг пожалуется супругу? Но ведь просит сама. И вроде вид у неё вполне доброжелательный. Старая баронесса ещё несколько секунд колебалась, однако её болтливая натура всё же победила.

– В тот день, – тихо, словно заговорщик, произнесла она, – фрау Вольфгарт хотела мне какую-то тайну поведать.

– Какую тайну? – Патриции превратилась в слух.

– Она сказала... будто Берхард... вам не родной сын.

Патриция удивлённо вздёрнула брови.

– Ох, извините, – тут же залепетала баронесса, испугавшись, что ландграфиня вот-вот рассердится. – Это всё, конечно, не моё дело. И честно говоря, я совсем не поверила фрау Вольфгарт.

– Нет-нет, баронесса Хельбруг, я вовсе не в обиде на вас, – заверила Патриция. – Но я потрясена! Интересно, откуда фрау Вольфгарт взяла это?

– Не знаю. По её словам это будто и не тайна вовсе. Будто весь Регенплатц об этом знает.

– Весь Регенплатц? Однако! – якобы оскорбилась Патриция. – Не думала, что фрау Вольфгарт такая сплетница. Я была о ней лучшего мнения. Спасибо, баронесса, что раскрыли мне глаза на эту неблагодарную особу. А какие доказательства у неё были?

– Вот, какую-то историю о Берхарде начала мне рассказывать, да не закончила.

Баронесса тяжело вздохнула, пожалев, что теперь уже, возможно, так никогда и не узнает этой таинственной истории.

– Уверяю вас, баронесса, в Регенплатце не существует никаких таких легенд о Берхарде. Это всё выдумки фрау Вольфгарт. Она прекрасно умела сочинять всякие истории.

– Да, да, я с вами согласна. Фрау Вольфгарт если и не выдумала, то, скорее всего, слышала рассказы от болтливых слуг и поверила им. Слуги любят собирать грязные сплетни о хозяевах. Как глупые неблагодарные дети наговаривают на своих родителей, так и они на своих благодетелей клеветуют.

Патриция, соглашаясь, кивала головой. «Как неблагодарные дети». Как это верно замечено. «Неблагодарные дети»... Да, они способны на подлость. Даже по отношению к родителям. «Неблагодарные дети»... Мысли Патриции уходили всё дальше, туда, где пока ещё неясно вырисовывалась некая картина, некие идеи... Но...

Патриция встрепелась. Назревающие планы необходимо обдумать в одиночестве.

– У меня к вам большая просьба, баронесса: не говорите обо всём этом моему супругу, – мягко попросила Патриция. – Он сейчас и без того очень расстроен случившимся, а все эти сплетни про нашу семью расстроят его ещё больше.

– Да-да, понимаю, – закивала баронесса. – Будьте спокойны, ландграфиня, ваш муж ничего этого не узнает. По крайней мере, от меня.

– И вообще никто.

– Никто, кроме вас.

Патриция не очень-то в это поверила.

– Я сама проверю данные сплетни и найду человека, который их распускает.

– Накажите его по всей строгости, – посоветовала баронесса.

– Обязательно, – с вежливой улыбкой заверила Патриция. – Жаль, что вы уезжаете от нас столь рано. Желая вам доброго пути, и помните, что в Регентропфе вы всегда желанные гости.

– Спасибо за добрые слова, ландграфиня. Мне у вас необычайно хорошо. И очень жалко, что я не успею узнать, чем всё это дело закончится.

«А это тебе знать вовсе и не нужно, старая сплетница», – мысленно ответила Патриция с самой доброй улыбкой на лице.

После разговора с баронессой фон Хельбруг, Патриция немедленно отправилась на розыск Ханны. В её голове уже роились идеи, которые она надеялась воплотить в явь при помощи своей верной служанки и её кавалера. Этот рыцарь Боргардт пришёлся Патриции по душе. Давно она пыталась найти верного солдата, ведь женщине некоторые проблемы довольно трудно решить без помощи мужчины. Но здесь в замке все воины и слуги были настолько преданы своему господину, королю Регенплатца, что склонить кого-либо из них на предательство – уже изначально дело глупое и безнадёжное. И вот появился этот Гернот, не связанный с ландграфом никакими обязательствами и клятвами, да ещё и влюблённый в Ханну. Но самое главное, Гернот был нищ и бездомен, а потому купить его преданность будет легко.

Заметив массовый отъезд гостей, Берхард помчался в северное крыло замка. Он встревожился, что и барон Хафф тоже надумает покинуть Регентропф. В коридорах царила суета, и стоял шум. Слуги упаковывали вещи, господа отдавали приказания, все обсуждали между собой прошедшие события и высказывали своё мнение. Берхард не знал точно, какие комнаты отвели барону и его дочери, и потому спрашивал о них у каждого встречного. И, наконец, ему кто-то ответил: «Барон Хафф отбыл ещё на рассвете». Отбыл? Значит, Гретте не удалось упросить отца остаться в замке ещё на день. А может, барона, как и многих, прогнало убийство

фрау Вольфгарт?

Расстроенный Берхард поплёлся обратно. С чего барона будет волновать какая-то фрау Вольфгарт? У него свои заботы. Он переживал за больную супругу. Здесь веселье закончилось, так почему бы и не уехать, тем более барон уже заранее планировал отбыть именно сегодня. Жаль. Не удалось попрощаться с Греттой. Девочка понравилась Берхарду, общение с ней доставило ему радость. С понурой головой и горестными мыслями мальчик завернул за угол и чуть не столкнулся с отцом.

– Ты куда идёшь, сын? – спросил Генрих.

– Я... – От неожиданности Берхард на миг оцепенел, но, впрочем, быстро овладел собой. – Все бегут из нашего замка, отец.

– Да, это неприятно, – тяжело вздохнул Генрих. – Что поделать? В этом доме появился убийца, и жить с ним под одной крышей никому не хочется. Но с другой стороны, пусть уезжают. Нам сейчас лишний народ не нужен.

– А вдруг убийца среди уехавших?

– Вряд ли. Никто из гостей не знал фрау Вольфгарт. А если убийца и покинул замок, то наверняка сделал это ещё вчера. Ты расстроен из-за гибели фрау Вольфгарт?

Берхард в ответ покивал головой:

– С ней было интересно. Она много знала, рассказывала нам о жизни, о людях, о мире, в котором повидала немало. А как жаль учителя! Он себе места от горя не находит, потерял

сон и аппетит. Скорее бы уж нашли злодея.

Разговор отца с сыном был прерван. Рыцарь Гернот Боргардт торопливо приблизился к ландграфу и с почтительным поклоном испросил позволения уделить ему несколько минут. Генрих соизволил выслушать прямо сейчас, причём Берхарду не разрешено было удалиться. Гернот сначала замялся: стоит ли говорить при мальчике? Но потом решил – какая разница? Пусть слышит. Всё равно ко взрослому мужчине и достойному рыцарю доверия больше, нежели к шkodливому мальчишке.

– Не знаю, помогут ли вам мои сведения, ваша светлость, – вновь поклонился Гернот. – Но я из желания помочь вашему дознанию...

– Говорите, говорите, – подбодрил Генрих.

– Вчера вечером я был у северных стен замка... Вернее в той части сада. Я видел, как шла фрау Вольфгарт с двумя мальчиками и о чём-то горячо с ними спорила... Похоже, даже ругалась. Я не слышал слов, лишь интонацию...

– Мальчиков разглядели?

– Да, я отчётливо видел их.

– Кто же они? Вы их знаете?

– Их здесь все знают. Это Кларк Кроненберг и Берхард.

Берхард даже опешил, услышав столь несправедливое обвинение в свой адрес.

– Отец, это неправда... – пролепетал он. – Я общался с фрау Вольфгарт только в зале...

Впрочем, ему не стоило оправдываться. Вопреки уверенности Гернота, ландграф безоговорочно верил сыну своему. Генрих нахмурил брови и окинул сердитым взглядом стоявшего перед ним мужчину. Он не слишком хорошо знал рыцаря Боргардта. Знал, что тот воевал в войске короля, потом, по слухам, был схвачен в плен. О его подвигах песен не складывали, но и в трусости никто его не уличал. И ещё Генрих вспомнил, что лет десять назад гостившему в его замке рыцарю приглянулась одна из служанок. Вот только имя её в памяти никак не всплывало.

– Рыцарь Боргардт, – заговорил Генрих. – Я знаю вас, как человека благородного и достойного уважения. Я видел вас в бою и восхищался вашей храбростью. Я с радостью и без раздумий взял вас в своё войско и в свой замок. И я не предполагал, что вы окажетесь способным на подлость и оплатите мне чёрной клеветой на моего сына.

Ландграф не поверил – плохо. Гернот на это не рассчитывал. Мысленно он заглянул под свой плащ, под которым на поясе висел тяжёлый кошель с серебряными монетами. Его тяжесть была приятна, однако её нужно отрабатывать.

– Вы обвиняете меня во лжи? – возмутился Гернот.

– Я уверен, что вы лжёте, – твёрдо ответил ландграф.

– Потому что дело коснулось Берхарда? Я же не утверждаю, что именно он убил невинную женщину, только сказал...

– А что вы делали в зарослях у северных стен? – оборвал

Генрих нахального доносчика.

– Я?.. – Гернот на секунду смутился. – Я был с девушкой.

– Кто она?

– Я не назову вам её имени, дабы не скомпрометировать её в глазах...

– Здесь никого нет, а я не выдам. – Генрих уже терял терпение. – Кто она?

Гернот молчал, мучаясь нерешительностью.

– Она – единственная, кто сможет подтвердить ваши слова. Кто эта девушка?

В надежде, что двум свидетелям ландграф поверит быстрее, чем одному, Гернот решился.

– Мою девушку зовут Ханна, – ответил он.

– Служанка моей супруги?

– Да.

Генрих усмехнулся. Так вот откуда ветер дует.

– Что ж, сейчас мы выясним правду, – сказал он. – И уверяю, виновные будут наказаны, независимо от своего положения в моей семье и в моём замке.

Отослав совсем расстроенного Берхарда в его покои, ландграф развернулся и пошёл прочь. Его быстрые уверенные шаги были направлены в западное крыло замка, к покоям Патриции. Генрих вошёл к супруге без стука, он был бледен, голубые глаза потемнели от гнева. Завидев его такого, Патриция приготовилась к буре. Она уже догадывалась, чем муж так разозлён, и была готова дать отпор.

В комнате Патриция находилась не одна. Как обычно, часы её одиночества скрашивала преданная Ханна. Женщины сидели у окна, что-то озабоченно обсуждая. При появлении ландграфа разговор резко прервался. Ханна вскочила с места и, сделав глубокий реверанс, отошла в сторону. Генрих не удостоил её даже взглядом. Его сверкающие глаза, его бушующие мысли были направлены лишь на супругу.

– Тебе мало, что ты натравливаешь против Берхарда его сестру и брата? – прогремел он. – Теперь ты хочешь и меня настроить против сына?!

– Что с тобой? – Патриция изобразила изумление. – Откуда в тебе столь нелепые предположения?

– Что за бредни мне сейчас наплёл этот Гернот Боргардт? Какбы вчера у северных стен он видел, как Берхард и Кларк ругались с фрау Вольфгарт! Что за намёки?

– Но это правда, господин, – вступила в разговор Ханна. – Я вчера тоже видела мальчиков и могу подтвердить слова Гернота.

– А тебе лучше помолчать, Ханна! – прикрикнул на девушку ландграф. – Я сейчас не с тобой разговариваю.

– Не кричи на мою служанку, – осадил его Патриция. – Как только дело касается Берхарда, так все становятся твоими врагами. Мне Ханна тоже рассказала об увиденном. Я ей верю и считаю, что вместо того, чтобы сейчас орать на меня, допросил бы лучше мальчишку.

– Мне не о чем допрашивать сына! Я совершенно уверен,

что все эти наговоры на него, вся эта грязь – твоих рук дело!

– Ты уже ослеп от любви к своему волчонку!

– «Волчонку»! – От негодования у Генриха даже дыхание перехватило. – Так вот твоё истинное отношение к Берхарду.

– Рыцарь Боргардт ничего не знает о наших с тобой расправах, – продолжала Патриция. – И о тайне рождения мальчишки ему тоже не ведомо. Ему нет нужды обманывать.

– Зато есть нужда у тебя. Ты приказала клеветать Ханне, а она – своему жениху.

Ханна ахнула, будто от оскорбления, и закрыла лицо руками, будто от стыда.

– Ты бредишь, – фыркнула Патриция.

– Берхард вчера весь вечер был в зале, танцевал, веселился. А Кларк после долгой разлуки не отходил от родителей. Я постоянно видел их. Или мне прикажешь не верить самому себе?

– Не уверена, что они не отлучались ни на минуту.

– Тогда назови причины, за что мальчики могли убить женщину, которую они любили и уважали?

– Откуда я знаю? Может, они не так уж любили? О причинах спрашивай у своего сынка. Ты считаешь его ангелом, а на самом деле он – дьявол! И мысли, которые он прячет за своим молчанием, чёрные. Раскрой глаза, наконец! Ты ослеплён любовью к нему!..

– Это ты ослеплена ненавистью! – вскричал Генрих, и острая боль уколола его в сердце.

Он по инерции приложил руку к груди. Спор продолжать бессмысленно. Патриция никогда не полюбит Берхарда, будет постоянно чернить его и оскорблять. И, наверное, в её душе уже ничего не исправить. Не желая больше обсуждать столь неприятную для него тему, Генрих направился к двери.

– Вина Берхарда в моих глазах не доказана, – постарался он проговорить как можно спокойнее. – Гернот Боргардт и Ханна для меня плохие свидетели, к ним доверия нет. А больше Берхарда и Кларка у северных стен никто не видел.

Генрих открыл дверь, но остановился. Перед ним стояла Маргарет серьёзная не по-детски.

– Я видела вчера Берхарда вместе с фрау Вольфгарт, – холодным голосом произнесла она, уверенно глядя в глаза отцу. – Он настойчиво просил её куда-то пойти с ним.

Генрих остолбенел. Он никак не мог поверить, что его родная дочь так же замешана в заговоре против Берхарда.

– Маргарет, но ты-то за что наговариваешь на брата? – спросил он.

– Это не наговор, отец, это – правда, – ответила девушка, пройдя через порог. – И мне обидно, что вы больше склонны верить своему любимчику Берхарду, нежели мне.

Патриция смотрела на дочь с изумлением и в то же время восхищалась ею. Она не понимала, с чего вдруг Маргарет решила поддержать клевету, однако была рада, что дочь на её стороне.

Генрих не мог произнести ни слова. Мысли в его голове

путались и разбегались. И лишь одна упрямо и громко чеканила: «В родном доме над Берхардом сгущаются тучи». Ещё раз окинув хмурым взором присутствующих в комнате женщин, Генрих быстро покинул покои супруги. Маргарет же спокойно прикрыла за отцом дверь.

– Ты действительно видела и слышала всё то, о чём сейчас поведала отцу? – тут же задала вопрос Патриция.

– Нет, – всё так же спокойно и холодно дала ответ Маргарет.

– Тогда зачем наговорила это?

– Затем же, зачем и вы, мама.

Патриция только руками развела, всё больше удивляясь словам дочери. А Маргарет, присев на стул, продолжала:

– Я тоже ненавижу Берхарда. Мне очень жалко фрау Вольфгарт. Она мне нравилась, с ней было весело и интересно. Я была бы рада, чтобы нашли её убийцу и вздёрнули на виселицу. Но видимо, настоящего преступника найти уже не суждено. Да возможно, его уж и в замке-то нет. Братишка Берхард мне порядком надоел. Я так его ненавижу, что готова приписать ему все преступления человечества, лишь бы отравить ему жизнь. Мне претит, что отец всегда его перевозит и защищает. Чтобы ни случилось – Берхард чист, тогда как я или Густав вечно в чём-то виновны. Пусть теперь и он почувствует гнев отца.

Патриция даже и не пыталась утихомирить ненависть в сердце дочери. Подобные чувства её только радовали.

– Но если всё-таки найдут истинного убийцу? – всё же спросила она.

– Тогда просто признаюсь, что обозналась, – пожала плечами Маргарет. – А может, и не признаюсь. В любом случае мне хочется сыграть с тихоней эту злую шутку и посмотреть, как будет остывать к нему глупая любовь отца.

Поздно вечером ландграф уединился в своём кабинете с графом Кроненбергом и мастером Вольфгартом. Мужчины сидели тесным кругом вокруг горящего камина и пытались найти ответы на многие вопросы, связанные с гибелью Карен Вольфгарт. Генрих подробно изложил всё то, что удалось узнать за день об этом трагичном происшествии. Не утаил так же и наговоры на Берхарда и Кларка.

– Этого не может быть, – сказал мастер Вольфгарт, выслушав ландграфа. – Я не верю в виновность мальчиков. И Берхард, и Кларк уважали Карен, хорошо к ней относились. Да и сама Карен всегда с теплом отзывалась о них. Она мне постоянно рассказывала о своих уроках, и ничего плохого на них не происходило. Уж поверьте, если б её хоть кто-нибудь оскорбил словом ли, делом ли, она непременно бы мне пожаловалась. А то бы и вам, ландграф, и не посмотрела бы, что Берхард ваш любимый сын. Она была прямым человеком и никогда ни перед кем не заискивала.

– Да, да, мастер Вольфгарт, – согласился Генрих. – Я тоже уверен, что Карен не стала бы скрывать скверное поведение

моего сына.

– Да и причин у мальчиков не было никаких, – сказал Клос Кроненберг. – Кларк весь вечер был подле меня. Да если бы даже он и отсутствовал, мой сын не из тех подлецов, которые убивают беззащитных женщин ночью в кустах. Могу в том поклясться жизнью всех моих детей. Да, Кларк убивал, но исключительно на поле боя и только глядя в глаза вооружённому противнику.

– И ты, Клос, прав, – отозвался Генрих. – На такое преступление ни Кларк, ни Берхард не способны. Всё это злобные наговоры на мальчиков. Я даже знаю, от кого они исходят.

– От кого?

– Это не столь важно сейчас, – уклонился от ответа Генрих. – Мы провели сегодня большое дознание, однако так и не нашли настоящего убийцу. В основном Карен видели в вашем обществе, мастер Вольфгарт. Иногда она болтала о пустяках с несколькими женщинами...

– Опять же недалеко от меня, – подхватил Хайнц. – И поговорив, Карен всегда возвращалась ко мне.

– Да. Лишь после разговора с баронессой фон Хельбруг Карен ушла вместе с Патрицией и именно в северную башню, куда вскоре пришла и Ханна. И после этого Карен больше никто не видел. Но Патриция уверяет, что они были в чулане, смотрели старые платья в сундуках. Вроде, Карен сама попросила помочь ей с нарядом для маскарада. Повозив-

шись там, женщины вернулись в зал и разошлись.

– Мне Карен ничего о затее с нарядом не говорила, – сказал Хайнц.

– Честно говоря, не верить своей жене я тоже не могу. У неё не было причин убивать Карен.

На этот раз собеседники промолчали. И Клос, и Хайнц, словно сговорившись, отвели от ландграфа задумчивые взоры, оставляя свои мысли в тайне. Генрих, безусловно, заметил это затишье.

– Почему вы вдруг замолчали? – спросил он. – Мастер Вольфгарт, я в чём-то не прав?

– Нет, нет, ландграф, ваши слова правильны, – ответил Хайнц. – Я просто вспомнил кое о чём... И вот думаю, это, наверное, важно...

– О чём-то, что связано с вашей супругой?

– Да.

– Тогда, конечно же, важно. Говорите, прошу вас.

– Но это касается также и вашей семьи, ландграф.

– Тогда тем более говорите, – потребовал Генрих.

Хайнц, чувствуя себя крайне неловко, ещё с минуту пребывал в нерешительности, но после всё же начал говорить:

– Прежде всего, прошу не держать зла на мою бедную Карен. У неё имелся один огромный недостаток – она была излишне любопытна. С самого первого дня, как мы приехали в замок, её заинтересовало то, что Берхард сильно отличается от всех в вашей семье. Карен заподозрила, что здесь кроется

какая-то тайна, и задалась целью раскрыть её. И вот, где-то в конце августа она этого добилась.

Генрих со всей серьёзностью слушал учителя и не перебивал, все его мысли и эмоции были надёжно спрятаны за непроницаемым взглядом голубых глаз. Клос так же старался не пропустить ни слова.

– Она узнала, что Берхард не родной сын Патриции, – продолжал Хайнц. – Более того, она узнала, что ту девушку, которая подарила вам сына, нашли избитую в Рейне, и что она умерла при родах. Всё это ей наболтала портниха из Крафтбурга (не помню её имени). Я, конечно, не одобрял интерес Карен к вашему семейству с этой стороны, я всегда был и буду против сплетен. Но, к сожалению, Карен меня не слушала и делала всё по-своему. Она вбила себе в голову, что смерть настоящей матери Берхарда – не простой несчастный случай, что была кому-то выгодна, и её специально подстроили. Карен вознамерилась раскрыть и эту тайну. Поверьте, ландграф, я всячески отговаривал её, запрещал выезжать в город, даже грозил прогнать от себя. Карен, вроде успокоилась, почти не покидала замок. Но возможно, в тайне от меня она всё-таки продолжала свои расследования и, возможно, дошла до истины. Кроме огромного любопытства Карен имела ещё один не менее большой недостаток – болтливость. Когда она раскрывала тайну, ей зачем-то обязательно нужно было рассказать об этом всем, кому можно, и перед всеми вывести виновных на чистую воду. И вот я подозреваю, что

Карен докопалась до истины и в этот раз. Если так, то тот человек, чьё преступление оказалось раскрыто, вот таким жестоким образом мог заставить её замолчать.

Хайнц смолк, не решаясь взглянуть ландграфу в глаза. Ему было стыдно за поступки жены, и он никогда бы не выдал их, если бы ни желание найти убийцу. Генрих так же хранил тяжёлое молчание, впитывая в разум всё услышанное. Впрочем, скоро он заговорил:

– Возможно, это и могло произойти в действительности, любопытство до добра никогда не доводит. Но я не в обиде на Карен. Она – обыкновенная женщина, существо, которое зачем-то непременно желает знать всё и про всех. Раз уж вы оказались посвящены в наши семейные передраги, то поведаю вам и всё остальное. Берхард действительно не сын Патриции. Его настоящая мать Эльза Штаузенг на самом деле была жестоко избита и брошена в Рейн, где и нашли её полуживую. Бог позволил ей перед смертью дать жизнь мальчику. Безусловно, виновные были найдены и наказаны за злодеяние своё. Ими оказались двое бродяг-разбойников. Они признались в содеянном, и были отправлены в ад. Оттуда они не смогли бы достать вашу супругу. Как видите, мастер Вольфгарт, здесь вовсе нет никаких ужасных тайн и скрытых злодеев. Карен пострадала не от любопытства.

– Да, да, теперь я вижу, что мои предположения неверны, – ещё ниже склонил голову несчастный Хайнц Вольфгарт. – Но тогда кто? И зачем? Эти вопросы мучают меня.

Клос Кроненберг, был здесь единственным человеком, который знал всю правду о том давнем страшном происшествии. И естественно, лишь он один смог связать то преступление, рассказ учителя и гибель Карен Вольфгарт в одно целое. Много лет Клос хранил в тайне от Генриха признания разбойников и имя истинного виновника в смерти Эльзы Штаузенг. И, возможно, он молчал бы и дальше, но жестокость Патриции вновь оскалила зубы, и теперь настало время её утихомирить. Клос решил во всём признаться Генриху, и естественно, наедине, без посторонних.

– Мастер Вольфгарт, – вступил он в разговор, – мне кажется, вам сейчас необходимо отдохнуть. Сегодня был тяжёлый и беспокойный день для вас...

– Разве я могу думать об отдыхе?

– Клос прав, – согласился Генрих. – Уже слишком поздно, и вы очень устали. Отложим наш разговор до завтра. Я знаю, вы почти не спали прошлую ночь, так я вам дам снотворные капли, которые готовит для меня лекарь Гойербарг. Примите их, и завтра с ясной головой мы закончим расследование и покараем преступника.

Хайнц действительно чувствовал себя разбитым. Советы давались правильные, но у него не было ни сил, ни желания их выполнять. Горькие мысли мешали ему обращать внимание на жизнь. И всё же Хайнц внял уговорам. Тяжело поднявшись и вяло попрощавшись, он побрёл в сторону своих покоев. Генрих настоятельно вложил ему в руку снотворные

капли и наказал стоявшему у дверей слуге проводить учителя.

– Ну что, Клос, – обратился Генрих к другу, вернувшись в кабинет, – наверное, и нам пора на покой? Я сегодня устал как никогда.

Клос стоял в стороне и молчал.

– Бедный Хайнц, – продолжал Генрих. – Ему сейчас тяжелее всех. Не ожидал я, что всё так сложно окажется. Мы целый день провели в дознаниях, однако так и не ответили ни на один вопрос. Неужели завтра придётся начинать всё сначала? Как ты думаешь, Клос?

– Думаю, что не придётся, – ответил Клос Кроненберг.

Генрих приподнял брови и заинтересованно взглянул на собеседника:

– Что? Ты смог разгадать загадку?

– Я почти уверен в этом.

– Тогда почему молчал до сих пор?

– Прежде чем обнародовать мои выводы и обвинения, я хотел бы сначала высказать их вам наедине. Выслушайте меня, ландграф, а после сами решайте, верны ли мои мысли, и надо ли их выносить на суд общественности.

– Хорошо, говори.

Генрих подбросил пару поленьев в ослабевший огонь и вновь занял своё место у камина. Клос тоже приблизился, но садиться не стал. Он остановился напротив ландграфа и начал говорить:

– Я очень виноват перед вами, ландграф, что некогда скрыл от вас важные сведения и храню их в тайне вот уж более одиннадцати лет. Но поверьте, я сделал это исключительно из благих побуждений, искренне считая, что так будет лучше для всех.

– Сегодня у меня поистине вечер откровений, – проворчал Генрих. – Какие ещё тайны у тебя, Клос? Мы же говорим о гибели Карен Вольфгарт. Или это всё как-то связано между собой?

– После рассказа мастера Вольфгарта оказалось, что связано. Как вы помните, мои люди разыскали убийц фройлен Эльзы в лесах у восточных границ Регенплатца. Я сказал вам, что разбойники отчаянно сопротивлялись, и их пришлось убить на месте.

– Да, я всё это помню, – подтвердил Генрих.

– Так вот, я сказал вам неправду. Те бродяги оказались трусливее зайцев, их легко схватили и привезли ко мне в Кроненберг, где я лично учинил им допрос.

– Ты обязан был позвать меня, – Генрих нахмурился, и глаза его потемнели.

– Знаю. Я так и собирался поступить, но... Сначала бродяги отпирались от всего, и мне пришлось припугнуть их пытками, вот тогда они и признались. Их наняли, убийство Эльзы было щедро оплачено.

– Кем?

– Они не знали. Переговоры с ними вела служанка. Но

однажды она проговорила, что её хозяйка – весьма влиятельная в Регенплатце особа. Таких женщин в Регенплатце не так уж много. Я поразмыслил, кому из них нужна была смерть Эльзы Штаузенг, и остановился на одном имени.

– Сейчас ты назовёшь Патрицию фон Регентропф.

– Вот и вы пришли к такому же выводу, ландграф.

– Никаких выводов, я просто понял на кого ты намекаешь, и мне эти намёки неприятны.

– Только ей была ненавистна тихая скромная Эльза, которая пленила ваше сердце и носила во чреве своём вашего сына. Патриция надеялась, что, потеряв любовницу, вы вернётесь к ней, своей супруге. Возможно, я ошибался и ошибаюсь до сих пор, но тогда я был в этом уверен.

– Почему же ты не поделился со мной размышлениями своими?

– Подумал, если вы станете судить собственную жену, то общество и вассалы вас не поддержат. Ведь в их глазах Патриция окажется жертвой, защищающей свою честь, а не преступницей. Судейство обернулось бы против вас и Берхарда. К тому же ландграфиня согласилась заменить мальчику мать, и я надеялся, что на это её подтолкнули совесть и раскаяние. Я рассказал обо всём лишь Ахиму Штаузенгу. Он согласился скрыть участие ландграфини в гибели его дочери, а после лично покарал разбойников. Когда мастер Вольфгарт поведал нам о жарком интересе его жены к вашим тайнам, я соединил эти два случая. Вероятно, Карен дей-

ствительно поняла, кто именно приказал убить Эльзу, а Патриция каким-то образом узнала об этом и заставила болтливую женщину замолчать, сбросив её с башни. Или приказав сбросить.

– Ты понимаешь, в чём обвиняешь мою жену?! – Генрих от негодования повысил голос. – У тебя нет никаких доказательств, а ты так уверенно чернишь её!

– Да, доказательств у меня нет, одни предположения...

– Тогда как смеешь ты говорить мне всё это?

– Патриция знает, что потеряв вас, она потеряет всё: дом, семью, положение, богатство. А по сему возлюбленная ваша, которая сможет занять её место – это угроза, человек, который сможет породить в вас ненависть к ней – это угроза.

На этот раз Генрих промолчал. Ещё больше нахмутив брови, он тяжело размышлял над доводами друга. Нет, не мог он поверить, что жена его и в самом деле столь жестока. Да только слова Клоса не лишены смысла, и всё, вроде бы, сходится. Тяжело, очень тяжело было на душе у Генриха.

– И всё равно, доказательств у тебя нет, – уже менее уверенно повторил ландграф.

Клос понимал чувства ландграфа и ничуть не обижался на его крик и неверие.

– Я и не желал ничего доказывать, – спокойно ответил он. – Я лишь изложил вам своё мнение. А решать только вам. Но позвольте обратить ваше внимание ещё вот на что – Патриция ненавидит Берхарда. Это очевидно. Да она уже и не

скрывает этого. Я пробыл здесь всего несколько дней, однако не смог не заметить её отвращения к нему. Думаю, и другие тоже замечают...

– Я знаю о её чувствах к Берхарду, – рявкнул ландграф.

– Видимо, Патриция не простила вас и, не смея перечить и ссориться с вами, выливает свою злость на мальчика. Более того, она настраивает против него Маргарет, Густава, рыцарей, слуг. При любой возможности старается выставить его в чёрном свете.

– И это мне тоже ведомо, – нетерпение Генриха нарастало.

– Тогда почему вы не пресечёте её действий? Берхарду здесь плохо, ландграф. Патриция приложит все усилия, чтобы его извести. Вы редко появляетесь в замке, а кроме вас, ему искать защиты не у кого. Защитите сына, избавьте от преследований мачехи.

– Если б Патриция хотела его извести, она бы давно это сделала.

– Возможно, её что-то останавливает. Может, она уверена, что если с Берхардом что-либо случится, ваш гнев падёт именно на неё... Но Патриция может извести мальчика по-иному, сравить с ним Густава, настроить против него вас-салов, в лучшем случае, заставить Берхарда самого покинуть Регенплатц...

– Хватит делать из моей супруги чудовище! – не выдержал Генрих.

– Простите, ландграф, мою дерзость. Если б не моя тре-

вога за Берхарда, я никогда не посмел бы...

– Дерзость твоя воистину велика. Когда б я не знал, как ты верен мне, ты б уже был наказан мной!

Генрих встал и прошёлся по кабинету. Мысли его хаотично метались, не в силах остановиться на чём-то определённом.

– В то, что Патриция хладнокровно убила невинных Эльзу и Карен, я, конечно, не верю, – проговорил Генрих. – Но верно то, что она жестока по отношению к Берхарду. Я не ждал от неё большой любви к мальчику, однако на тепло надеялся. Берхарду плохо в родном доме, да. А что ты предлагаешь?

– Мне нечего предложить, – развёл Клос руками. – Разве что мой дом, где Берхард сможет найти неподдельную любовь и заботу.

– Хочешь сказать, необходимо сделать так, чтоб Берхард и Патриция жили врозь?

– Мне кажется, это лучший выход из ситуации.

Генрих снова задумчиво побродил по комнате. В мыслях по-прежнему не возникало ничего конкретного.

– Уже поздно, Клос, – наконец подвёл черту Генрих. – Обо всём этом надо поразмыслить, а сейчас я слишком устал для серьёзных дум. Продолжим наш разговор завтра.

Проводив Клоса Кроненберга, Генрих сам даже не прилёг. До рассвета он думал и размышлял, размышлял и думал. Голова тяжелела под грузом мыслей и решений. Лишь с первы-

ми лучами солнца, сон наконец успокоил его разум.

За завтраком царила напряжённая атмосфера. Под тяжёлым хмурым взором ландграфа никто не решался прерывать молчание. Патриция так же находилась в тревожных раздумьях, не уделяя внимания ни малочисленным гостям, ни детям. Да и к еде она почти не притрагивалась. Не удивительно, что после такого мрачного завтрака, оставшиеся гости тоже покинули замок.

К полудню Генрих пригласил в свой кабинет Густава, Берхарда и графа Кроненберга с сыном для серьёзного разговора. Когда все заняли места, он начал говорить:

– Я позвал вас, чтоб сообщить своё решение. Густав и Берхард, я намерен отправить вас к королю Фридриху, дабы вы получили образование при дворе.

– К королю! – радостно воскликнул Густав. – Вот это здорово! Наконец-то мы уедем из Регенплатца! Здесь такая тоска!

– А что ты скажешь, Берхард?

Берхард пребывал в замешательстве. Конечно, он тоже был рад поменять обстановку, ощутить жизнь Регенсбурга, королевского двора. Однако решение отца об этом прозвучало слишком неожиданно.

– Мне тоже нравится ваша идея, – ответил Берхард. – А можно узнать, когда мы поедем?

– Послезавтра.

– Уже? – удивился Берхард и бросил растерянный взор на

своего друга Кларка. – И надолго?

– Пока полагаю года на три. А там время покажет.

– Мы будем общаться с самим королём! – продолжал радоваться Густав. – Увидим настоящие королевские турниры и знаменитых рыцарей!..

– Да, интересного в вашей жизни прибавится, – согласился Генрих.

– Значит, мастер Вольфгарт больше не будет нас учить? – спросил Берхард.

– Конечно, нет, раз мы уезжаем, – с нервом ответил Густав, удивляясь глупости брата.

– Я попрошу мастера Вольфгарта остаться вашим наставником, – сказал Генрих. – Думаю, он не откажется. Ну а если откажет, то подыщем для вас наставника при дворе. Кроме того, – и Генрих обратился к своему другу, – граф Кроненберг, если ты не будешь против, я предлагаю и Кларку присоединиться к моим сыновьям.

Кларк Кроненберг, тихо стоявший в стороне в молчаливой грусти и с завистью слушавший о намерениях ландграфа, вдруг встрепенулся, и в его глазах вспыхнул огонёк надежды. Клоса подобное предложение слегка смутило, однако увидев радостное оживление сына, он даже не задумался над ответом.

– Это большая честь для меня и моего сына, ландграф, – с достоинством произнёс он. – Без Кларка мне, конечно, трудно, но я согласен отпустить его. Уверен, ему, как будущему

владельцу графства пойдёт на пользу воспитание при дворе.

Теперь уже и радость Берхарда ничто не омрачало. Он даже и не скрывал этого. Предстоящие перемены гораздо приятнее разделять со своим лучшим другом.

– Хорошо, – улыбнулся Генрих, видя, как довольны мальчишки его решением. – Тогда, Клос, Кларк, прошу вас немедленно отправиться в Кроненберг и заняться сборами. После завтра утром мы сядем на корабль.

– Вы тоже поедете с нами, отец? – спросил Берхард.

– Да, конечно. Я буду сопровождать вас до Регенсбурга. Ну, и поживу там немного. Вряд ли король Фридрих отпустит меня так скоро.

Граф Кроненберг и Кларк с поклоном покинули кабинет и закрыли за собой дверь.

– Спасибо большое, что отпустили меня с Берхардом, – в порыве благодарил отца Кларк, шагая с ним по коридорам замка.

– Всё лишь для блага твоего, сын, – отвечал Клос.

– Представляю, как матушка опечалится, узнав о моём отъезде, да ещё столь скором.

– Ничего. Ты мужчина, будущий воин и правитель, тебе не пристало сидеть дома у материнской юбки. Для этого есть дочери.

Кларк, подтверждая слова отца, покивал головой. После недолгого молчания Клос добавил:

– Я желаю возложить на тебя ещё одну миссию, сын.

– Какую?

– За те годы, что ты проведёшь с Берхардом на чужбине, ты должен постараться примирить своего друга с его младшим братом, сделать Берхарда и Густава друзьями.

– Боюсь, это невозможно, отец. Густав ненавидит Берхарда. Да и Берхард общается с братом без желания и лишь по надобности.

– Знаю. И всё же постарайся. Если они вырастут врагами, то при такой ненависти между ними обязательно возникнут распри, а после вспыхнет война. А война, сам понимаешь, принесёт беды людские, прольёт кровь, распространит смерть. И нашего графства это тоже коснётся.

– Вы думаете всё настолько серьёзно?

– Уверен.

– Хорошо, отец, сделаю всё, что смогу.

Обсудив с сыновьями все детали сборов, ландграф отпустил их. Густав побежал скорее рассказывать новость матери и сестре. Берхард же задержался.

– Ты что-то хочешь спросить, сын? – поинтересовался Генрих.

– Да... – неуверенно начал Берхард. – Почему?.. Почему вы вот так внезапно решили нас с Густавом отправить из замка?

– Я уже давно хотел, чтобы вы...

– Сейчас, накануне холодов... Это из-за матушки? Из-за всего, что здесь произошло в эти дни?

Генрих потупил взор. Берхард оказался весьма догадлив. Видимо, он уже повзрослел, и не стоило с ним вести себя, как с ребёнком, пора быть с сыном открытым. Вот только это оказалось труднее, чем казалось.

– Неужели она поверила слухам о моей виновности, о моей подлости? – продолжал вопрошать Берхард с нарастающим пылом. – Неужели она сама попросила вас удалить меня из замка?

– Нет, она об этом не просила, – тут же ухватился Генрих за более лёгкий вопрос. – Это лишь моё решение, я даже не советовался ни с кем...

Но Берхард уже не слушал, на него нахлынули эмоции, и мучившие его переживания вырывались наружу:

– За что матушка меня ненавидит?

– С чего у тебя такие мысли?..

– Я же вижу, я чувствую!.. В каждом её взгляде, в каждом слове, в каждом движении. Ответьте мне честно, отец. Вы должны знать. В чём виноват я перед ней? За что наказан презрением?

Генрих замялся. Он не был готов к такому разговору. Да, перед смертью Эльза взяла с него слово, что он расскажет их сыну правду, но Генрих предполагал выполнить это обещание значительно позже. Как можно позже.

– Пожалуйста, скажите мне правду, – просил Берхард, видя замешательство отца. – Послезавтра я уеду на несколько лет, не дайте мне жить на чужбине с камнем на сердце. Воз-

можно, сейчас, в последние дни я ещё успею повиниться, заслужить хотя бы один тёплый взгляд. Откройте правду, отец, я должен знать.

Генрих ещё ниже голову склонил. Видимо, придётся всё рассказать. Генрих взглянул на сына – глаза мальчика были наполнены мольбой и надеждой. Что ж, если Берхард так сильно страдает, он имеет полное право знать правду о себе.

– Хорошо, ты узнаешь всё, – сказал Генрих и усадил сына рядом с собой. – Та женщина, которую ты называешь своей матушкой, на самом деле таковой не является.

– Как так? – глаза Берхарда широко распахнулись от удивления.

– Ландграфиня фон Регентропф не родная мать тебе.

– Но как же?.. – растерялся Берхард, он не был готов услышать подобное. – А кто же тогда моя матушка?

– Очень красивая и добрая женщина, её звали Эльза Штаузенг. Она была единственной дочерью уважаемого в городе бюргера. Мы с ней горячо любили друг друга. К сожалению, подарив тебе жизнь, она умерла. А Патриция, пересилив боль, которую нанесла ей моя измена, согласилась принять тебя и воспитать вместе с Густавом и Маргарет. Она искренне желала заменить тебе утраченную мать. Но, видимо, у неё не получилась роль эта.

Генрих встал, подошёл к шкафу у стены и открыл дверцу. В глубине ящичка лежала небольшая бронзовая шкатулка, взяв её, Генрих вернулся на место. Подняв крышку, он бе-

режно извлёк из шкатулки маленькую миниатюру в скромной деревянной рамке.

– Вот, посмотри, – подал он миниатюру сыну. – Это твоя настоящая мама.

Всё ещё ошеломлённый рассказом отца, Берхард молча взял в руку маленький портрет. На нём была изображена молодая девушка с нежными чертами лица; волосы её были черны, как вороново крыло, кожа смуглая, глаза тёмно-карие смотрели с любовью, на губах играла мягкая улыбка.

– Ты на неё очень похож, сынок, – добавил Генрих и после спросил. –носишь ли ты жемчужный кулон в виде капли?

Берхард кивнул головой и в доказательство достал из-под рубашки кулон на золотой цепочке.

– Это украшение твоей матери, в него вложена частичка души её. Носи его, не снимая, и никакая беда не коснётся тебя. Матушка была с тобой всё это время, хотя ты её и не знал, а теперь она станет к тебе ещё ближе.

Мальчик крепко сжал кулон в ладони. Чувства переполняли душу его, сердце билось сильно, мысли метались, а на глаза навернулись слёзы.

– Позвольте мне взять этот портрет себе, – тихо попросил он.

– Конечно. Теперь он твой, – разрешил Генрих, погладив сына по плечу. – Но прошу, сохрани при дворе имя матери своей в тайне, как я хранил до сих пор. Это необходимо для будущего твоего, для тебя нужно. И с Густавом и Маргарет

тоже не откровенничай.

– А Кларку я могу сказать?

– Кларку можешь.

Внезапно дверь резко распахнулась и в кабинет влетела разгневанная ландграфиня. Увидев её, Берхард быстро спрятал миниатюру за спину и отошёл в сторону.

– Неужели правда то, что мне только что поведал Густав? – прокричала Патриция, вонзив свои сверкающие зелёные глаза в мужа. – Ты действительно собираешься выслать его из Регенплатца?

– Не выслать, а отправить для обучения к королевскому двору, – поправил Генрих. – Его и Берхарда.

– Разве до весны нельзя было подождать? Берхарда отправляй куда и когда хочешь, но Густава оставь!

– Предоставь мне решать, что есть благо для моих сыновей. Лучше удели больше времени дочери. Я уже подобрал ей мужа, и в следующем году сыграем свадьбу.

Патриция ахнула и развела руками от возмущения:

– Хочешь лишить меня всех детей!

– Маргарет слишком увлечена собственной персоной и важностью исключительно своих интересов. Пора ей озабоченность о себе разделить на заботу о муже и заботу о доме. Когда я вернусь, мы всё обсудим.

– Почему же не сейчас? С чего это ты надумал столь срочно уехать? Да ещё и с сыновьями? Впрочем, я знаю с чего. Спасает своего любимчика, покрываешь его подлые дея-

ния, пока они не обрели огласку! И вмешиваешь в это Густава!..

– Я ни в чём не виноват! – выкрикнул Берхард, защищая себя от незаслуженных оскорблений.

– Молчи, волчонок! – взвизгнула Патриция, покраснев от злости, в глазах её полыхала ненависть.

Мальчик отступил перед вспышкой гнева матери. Берхард теперь понимал, всё понимал, отчего этот гнев, отчего ненависть, обвинения, холод и презрение. Оттого, что он не сын для этой женщины, оттого, что он ей совсем чужой. И она ему чужая.

Эта мысль болью отозвалась в сердце его. Нет, не мог Берхард назвать Патрицию чужой, за столько лет она стала родной для него, он всегда называл её «матушкой», и он её любит. Глаза мальчика наполнились укором и печалью.

– Я ни в чём не виноват перед вами, мама, – тихо повторил Берхард.

– Молчи! – вновь вскрикнула Патриция. – Молчи и не смей смотреть на меня так! Тебе меня не разжалобить.

– Я знаю, – обречённо выдохнул Берхард.

– Что? Как смеешь ты перечить мне, негодный!?

– Берхард, иди к себе, – повелел Генрих.

– И ты не потребуешь, чтоб он извинился передо мной? – изумилась Патриция, вновь повернувшись к мужу.

– Иди к себе, – громче повторил Генрих.

Со смешанными чувствами в душе Берхард быстро поки-

нул кабинет отца. После всего, что произошло за прошедшие дни, а особенно в последние минуты, мальчик желал только одного – поскорее покинуть замок и отправиться в далёкое путешествие.

– Ты спускаешь ему всё, – упрекала Патриция своего супруга. – Абсолютно всё: дерзость, оскорбление матери, ложь, убийство...

– Патриция, – строго оборвал её Генрих, – я увожу мальчика не от осуждений, не от наказаний, я увожу его от тебя, от твоей ненависти.

– В таком случае, можешь не привозить его обратно.

– Ну уж нет, этой твоей мечте не сбыться. Здесь дом Берхарда, его народ, его страна. Его место здесь. А вот Густава я могу сразу направить в Стайнберг, моё северное поместье. Чем раньше там появится хозяин, тем лучше.

– Ты жесток, Генрих, – прошипела Патриция.

– А ты разве не жестока в своей войне со слабым невинным ребёнком?

– Я пытаюсь защитить моих детей, обиженных тобой несправедливостью.

– Стравливая их с Берхардом? Передаёшь им опыт жестокости? А может, обучаешь, как избавляться от мешающих жить людей, убивая их?

Патриция замерла – почему вдруг Генрих заговорил так?

– Что ты хочешь сказать столь нелепой фразой? – перевернула она плечом.

Генрих специально произнёс эти слова, желая увидеть реакцию супруги на них. Да, он не верил в её коварство, но после доводов Клоса Кроненберга сомнения в сердце уже поселились, и их необходимо было развеять. Генриху не понравилось оцепенение Патриции. Пусть секундное, но оно было, а значит, Патриция испугалась. Неужели она и вправду виновна? Или это всё-таки простое удивление? Почему она тогда не бранится, не возмущается, почему ждёт ответа? И взгляд её так пристален.

Генрих отвернулся. Открыто обвинить жену в подлых убийствах у него язык не поворачивался.

– Для меня все мои дети равны, – проговорил Генрих, – я никого не выделяю и всем одинаково желаю счастья и благополучия. И стараюсь им это дать. Оставь Берхарда в покое, Патриция. Он не виновен в том, что я его отец, что он родился раньше Густава. И не дай детям вырасти врагами, это погубит их. Ненависть – плохой воспитатель и отвратительный попутчик в жизни. Ты же женщина, ты должна понимать это, должна нести любовь, милосердие...

Генрих обернулся, намериваясь убедить в своих словах супругу, но... Патриции в комнате уже не было. Она ушла. Подобные речи не трогали её интереса.

Мастер Вольфгарт согласился сопровождать своих учеников в столицу и остаться их наставником. Хотя ещё и не был найден убийца Карен, Хайнц чувствовал, что больше

не может находиться в замке, в месте, где бродили тяжёлые воспоминания о любимой супруге; подозрения кружилиazole каждого человека, каждого прошедшего события. Взяв с ландграфа слово, что тот обязательно даст знать, как только выяснится, кто именно виновен в смерти Карен, мастер Вольфгарт собрал свои вещи, книги и отправился в далёкий путь со своими учениками. И с сыном.

Зигмунда в замке тоже ничего не удерживало. Бесконечные думы о матери, столь зверски убитой, отравляли жизнь в этом месте, любовь не нашла здесь отклика, талант не нашёл применения. Там, в Регенсбурге, где сосредоточен цвет знатного общества, возможно, всё сложится по-иному, лучше. Горестные мысли постепенно угаснут, появятся новые люди, новые события, большие планы на будущее.

При прощании Маргарет разговаривала с Зигмундом весьма сухо и, казалось, совсем не жалела об его отъезде. Она и на самом деле переживала мало. Конечно, без этого милого молодого человека, который умел так забавно краснеть от смущения, станет скучнее, но зато наконец прекратятся нудные уроки рисования. Да и новый интерес появился у неё. На празднике, столь скоро оборвавшемся, она познакомилась с благородным графом Альбрихом Гельпфригом, который хоть и был значительно старше неё, но сумел привлечь смелым взором тёмных глаз, страстными речами, уверенностью в себе и (что не маловажно) своим богатством.

ГЛАВА 3

«Здравствуйте, дорогая Гретта. В добром ли Вы здравии? В добром ли здравии Ваша матушка? Я долго не решался Вам написать. Наверное, даже слишком долго. Прошло уже больше года с нашей встречи. Но светлый праздник Рождества упрекнул мою робость, и дал мне замечательный повод обратиться к Вам и напомнить о себе.

Я искренне поздравляю Вас и Вашу семью с праздником. Пусть Бог Всемилостивый подарит Вам всё самое светлое, доброе, приносящее радость в жизнь Вашу. Я уверен, Вы достойны только такого.

Мне непомерно жаль, что трагические события, произошедшие в замке Регентропф, заставили нас расстаться так скоро и столь внезапно. Вы уехали, и я даже не успел попрощаться с Вами. Не успел сказать, как приятно мне было находиться в Вашем обществе. Не успел, да ещё и задержал эти слова. Но надеюсь, что всё-таки не опоздал. Прошу Вас, Гретта, ответьте на моё письмо, расскажите о себе, о Вашем доме, о Вашей жизни. Мне интересно знать о Вас всё, даже самую мелочь. Молчание моё было долгим, но, поверьте, в мыслях моих Вы присутствовали всегда, и Ваш светлый образ никогда не покидал памяти моей.

А в моей жизни произошли большие изменения. Сейчас я живу не в Регентропфе. Отец отправил меня с братом и Кларком Кроненбергом в Регенсбург, в замок короля Фридриха. Жизнь здесь течёт по-новому, более интересно. Мы

часто общаемся с королём, обучаемся наукам вместе с его сыновьями. Однако непосредственным наставником нашим по-прежнему остаётся мастер Вольфгарт. Сейчас он немного успокоился, смирился с тем, что супруги его более нет рядом с ним. Зато его радуют успехи сына Зигмунда. Король большой ценитель искусства, талантливых людей выделяет и поощряет. А Зигмунд Вольфгарт очень талантливый художник и уже успел приобрести популярность при дворе. Я так же продолжаю заниматься живописью, под руководством Зигмунда усердно оттачиваю мастерство в написании пейзажей и портретов. Я бы с радостью написал Ваш портрет, Гретта.

Интересно ли Вам всё это знать? Быть может, Вы уже и думать обо мне забыли? Не хочется в это верить. Ответьте мне всё равно, пожалуйста. Я буду ждать. Я буду надеяться, что между нами смогут установиться добрые дружеские отношения.

С надеждой искренний друг Ваш, Берхард Регентропф».

«Здравствуйте, господин Берхард фон Регентропф.

Моё имя Урика Барх. Я ранее была воспитательницей Гретты, ныне же исполняю обязанности домоправительницы в поместье Хафф. По разрешению барона, моего господина, мне позволено вскрывать письма, приходящие на имя Гретты. И сейчас объясню почему.

После смерти баронессы, супруги моего хозяина, Гретта была отправлена в женский монастырь, дабы получить там

надлежащее образование и воспитание, подобающее скромной юной фройлен. Монастырь этот закрыт от мира. Воспитанницам его запрещено принимать гостей, кроме родителей, и получать какие-либо письма. Поэтому Ваше послание Гретта не получит, а ответ на него даю Вам я.

Кроме того, вот уже полгода, как Гретта обручена с английским лордом, с которым обвенчается в день своего шестнадцатилетия. Она уедет в Британию, будет представлена ко двору, станет знатной и богатой леди. Вы уже вряд ли когда-нибудь встретитесь с ней, господин Берхард.

Мне жаль, но Ваше желание установить дружескую переписку с Греттой не осуществимо. Да и смысла в ней нет. В жизни Гретты встретился достойный мужчина, который сможет сделать её счастливой. И по сему, господин Берхард, я прошу Вас не стараться спорить с судьбой и изменить положение дел, не вносить смятение в девичью душу, да и в сердце Вашем не раздувать огонь каких-либо чувств, даже дружеских. Пусть образ Гретты продолжает жить только в Вашей памяти, как и ранее.

Мне действительно очень жаль. Вы достойный кавалер, но Вы всё-таки опоздали.

С уважением и низким поклоном, фрау Урика Барх».

Берхард почти не знал Гретту, всего один вечер он провёл с ней, но после прочтения письма в его сердце осело тяжёлое чувство потери. Да, всего один вечер он видел Гретту, все-

го один вечер говорил с ней, слышал её голос, смотрел в её светло-карие глаза... И всё же тот вечер подарил его душе такое тепло, такое ощущение лёгкости, какое потемневшая замкнутая душа не испытывала ещё никогда. И это ощущение ей понравилось. Возникла надежда его повторить, но, увы, надежда оказалась тщетной. Он опоздал.

Берхард и Густав Регентропфы и Кларк Кроненберг жили при дворе короля Фридриха II Гогенштауфена привольно и весело. Король весьма уважал ландграфа фон Регентропфа, высоко ценил его заслуги, а потому создал его сыновьям и крестнику наилучшие условия пребывания в своём замке, наделил их многими привилегиями. У юношей имелась лишь одна забота – учёба. Впрочем, к концу четвёртого года пребывания и этот труд был окончен. Мастер Вольфгарт всё ещё оставался наставником юношей, но теперь он больше учил воспитанников жизни, нежели наукам разным.

Парни выросли, окрепли, возмужали. Кларк принял от короля звание рыцаря, и вот уже весной ему предстояло участие в настоящем королевском турнире. Он ждал это событие и готовился к нему. Густав с нескрываемой завистью наблюдал за его приготовлениями. На каждой тренировке, на каждой охоте, Густав старался показать, что он не менее силен и ловок, а в чём-то даже и превосходит Кларка. Особенно в стрельбе из лука, в которой среди сверстников ему равных не было. Это, безусловно, ставилось ему в почёт и ува-

жение, однако для звания рыцаря не хватало ещё и возраста.

Даже Берхард не добился таких успехов в боевом мастерстве, как его брат. Впрочем, Берхарда это обстоятельство мало беспокоило. Он по-прежнему с большим удовольствием держал в руках кисти и палитру, нежели меч и копьё.

Как Кларк ни старался, ему не удалось сдружить Берхарда и Густава. Между братьями так и не рухнула стена непонимания, и лёд в их отношениях не растаял. Хотя ссориться они стали значительно реже. А ещё Густав нашёл себе здесь иного друга. Его звали Аксел Тарф, он был пятым сыном в многодетной семье придворного латника. К профессии отца душа его не лежала, а вот красивая и привольная жизнь прельщала. Несмотря на пятилетнюю разницу в возрасте, Аксел быстро нашёл общий язык и схожие интересы с Густавом Регентропфом. Их обоих увлекали битвы, оружие, турниры, они могли часами обсуждать ведение боёв, подвиги героев, рыцарские поединки, спорить о видах клинков, породах лошадей. Густава совсем не смущало, что столь интересный ему человек и увлекательный собеседник имел низкое происхождение; Акселу же весьма льстило большое внимание со стороны богатого и знатного юноши, пусть даже и значительно младше возрастом. Сын латника понимал свою выгоду от такого внимания и старался его не терять.

С каждым годом дружба Густава и Аксела крепла, общие взгляды на жизнь, на людей, схожее мнение о происходящем вокруг сближали юношей всё больше. У Густава ещё нико-

гда в жизни не было такого верного и буквально по-братски любимого друга, а потому он решил забрать Аксела с собой в Регенплатц, дабы впредь никогда с ним не расставаться. Аксел был в восторге от такого решения. Ещё бы, из бедного сына латника сразу превратиться в правую руку сына самого богатого в королевстве ландграфа. Пусть даже и младшего сына – это неважно. Аксела ожидала шикарная жизнь, личные апартаменты в графском замке, личные слуги, дорогие наряды, изысканные кушанья, набитые серебром и золотом кошель. А делать-то всего и надо, что быть рядом с «золотым» мальчиком, поддакивать ему во всём да стараться предупреждать его желания. Это легко.

На королевский турнир должны приехать ландграф фон Регентропф и граф Кроненберг, и юноши с нетерпением ожидали прибытия своих отцов. Было решено, что после празднеств Берхард, Густав и Кларк покинут Регенсбург и вернутся домой. Кларка это решение обрадовало, он скучал по дому, чужая сторона ему надоела. Но Берхард грустил. Ему не хотелось возвращаться в мир, где царила атмосфера неприязни, пропитанная ненавидящими взглядами мачехи, презрением бабушки, шушуканьем челяди. Хорошо хоть Маргарет вышла замуж и уехала из Регенплатца, более она не будет мучить его и Густава своей надменностью, глупыми насмешками и ябедами. За эти годы Берхард привык к свободе, привык к уважению и почтению. Привык к общению со

своей настоящей мамой. Оставаясь один, он часто доставал портрет матушки и разговаривал с ней, рассказывал о своей жизни, раскрывал чувства, просил совета. Естественно, в холодном родовом замке, это общение не прервётся, но на радость от него уже наляжет хмурая тень мачехи.

Запыхавшийся Густав наконец отыскал брата и его друга. Они находились в соколятне, наблюдая за дрессировкой охотничьих соколов. Густав и сам любил бывать здесь, однако сейчас у него имелось более важное дело.

– Вот вы где! – воскликнул он, тяжело дыша, после долгого бега. – Пойдёмте скорее, там приехал гонец из Регенплатца!

– Откуда ты знаешь? – спросил Берхард, ошеломлённый внезапным появлением брата.

– Я слышал, как приезжий всадник назвал себя и попросил проводить его к королю. Он сказал, что дело очень срочное.

Не мешкая, юноши побежали в замок и поднялись прямо к королевским покоям. Однако зайти в кабинет не решились, а остались ждать в коридоре. Любопытство разбирало всех троих, да только из-за стоящего у двери караула ни подсмотреть, ни подслушать возможности не было. Впрочем, ожидание длилось не слишком долго. Вскоре дверь отворилась, и из кабинета вышел гонец – усталый мужчина с растрёпанными волосами в пыльной одежде, грязных сапогах. Видно, сильно торопился, видно, новость очень важная. Вот и ко-

роль Фридрих лично вышел проводить гонца.

– Пройдите в кухню, там вас хорошо накормят, – говорил он гонцу. – А после отдохните. В обратный путь отправитесь завтра. Проводите господина, – обратился король к охране.

Один из караульных вызвался исполнить приказание. Гонец поклонился государю и отправился вслед за солдатом. Тут король Фридрих заметил в коридоре юношей.

– О, вы все трое здесь! – воскликнул он. – Весьма кстати. Зайдите-ка, для вас есть новости.

Берхард, Густав и Кларк прошли в кабинет. Короля Фридриха они уважали, но не боялись и чувствовали себя при нём свободно.

– Ландграф фон Регентропф и граф Кроненберг не смогут приехать на праздники, – сообщил Фридрих без всякого вступления. – На земли Кроненберг опять покушается барон Штольценгер, и в этот раз силы его значительно выше, чем были ранее. Он нашёл союзников. Но ваши отцы – мои друзья, я многим им обязан и, конечно же, помогу. Войско послать, наверное, не успею, зато пошлю к герцогу приказ прекратить посягательства на Регенплатц, иначе он будет иметь дело со мной лично. Мне и самому уже надоела его агрессия. Для войн хватает распрей и на границах.

– Мы поедем к отцу, – заявил Берхард.

– Да, да, поедем, мы обязательно поедем, – поддержали его Густав и Кларк.

Но Фридрих твёрдо ответил:

– Нет, вы останетесь здесь. Вам ещё рано лезть в пекло боя.

– Я уже участвовал в двух битвах, – возразил Кларк.

– Ну и что? Ваши отцы доверили мне ваши жизни и благополучие, я в ответе за вас. К тому же они сами просили не отпускать вас.

Упрашивать короля бесполезно, юноши покинули его покой с тяжёлыми чувствами. Они шли по коридору быстро и молча. Вдруг Берхард остановился и твёрдо произнёс:

– Не можем мы отсиживаться здесь, когда земли наши в опасности.

Остальные тоже остановились.

– Конечно, не можем! – тут же поддержал Густав брата. – Это не честно с нашей стороны.

– Вы правы, наше место рядом с отцами в строю защитников, – добавил Кларк.

– Что с того, что нам запрещено покидать двор? – продолжал Берхард. – Разве мы маленькие мальчики? Сядем на коней и поедем.

– Правильно! – воскликнул Густав.

В этот момент он смотрел на старшего брата с нескрываемым уважением. Надо же, этот любитель кисточек всегда казался ему слабаком и трусом, и вдруг такое рвение к ратному делу.

– Немедленно собираем вещи, седлаем коней и в путь!

После полудня через западные ворота крепостной стены

четверо юношей, облачённые в латы и вооружённые мечами, в сопровождении трёх слуг покидали двор королевского замка. Четверо, потому что Густав не отказался от своего решения и взял с собой Аксела Тарфа. Берхард и Кларк не были против, парень не вызывал у них никакой антипатии. К тому же Берхарда радовало, что Густав наконец нашёл себе хорошего друга.

Путешествие юношей прошло без каких-либо приключений, майское солнце ярко освещало их путь, а тёплый ветер разгонял облака. Через несколько дней молодые рыцари въехали в родные края. На ближайшем постоялом дворе им рассказали, что граф Кроненберг со своим войском уже вышел навстречу противнику и встал лагерем на окраине леса у Красной равнины, на ней он и собирался встретить барона Штольценгера. Коротко посоветовавшись, юноши решили направиться прямо в лагерь графа, а в Регентропф отправить слуг, дабы те сообщили об их прибытии ландграфине.

Генрих был готов к этой войне. Ещё в прошлом году он собрал и подготовил армию, чтобы дать достойный отпор и навсегда отвести врага от желания посягать на земли Регенплатца. И вот завтра состоится бой, а сейчас рыцари и солдаты ландграфа и графа Кроненберга отдыхали под навесами, натянутыми между деревьями. Лишь караульные обходили дозором границы лагеря, внимательно всматриваясь в даль широкой Красной равнины, предназначенной для предстоящего кровопролития. Своё название эта местность получила

от частых битв, что происходили на ней и обагрили землю её кровью солдат и рыцарей. На противоположной стороне Красной равнины мерцали огни костров лагеря противника – Барон Штольценгер подошёл к границам графства Кроненберга почти вплотную.

Вечером, когда уже сгущались сумерки, караульный вошёл в шатёр ландграфа и доложил:

– Ваше сиятельство, только что дозорными в лесу задержаны четверо подозрительных молодых людей. Вооружённых. Двое из них утверждают, будто бы они ваши сыновья Берхард и Густав, и требуют, чтоб их проводили к вам.

Сидящий за невысоким походным столом Генрих, оторвался от чтения документа и удивлённо воззрился на солдата.

– Мои сыновья? – переспросил он. – Не может быть. Мои сыновья сейчас находятся под присмотром самого короля.

– Я так и предполагал, что это какие-то самозванцы. Хотя и весьма похожи.

– Да? Приведи-ка их сюда, я с ними познакомлюсь.

– Но, ваше сиятельство... – обескуражено развёл руками караульный. – А вдруг они подсланы неприятелем?

– Меня окружает столько доблестных воинов, что я не боюсь вражеских подлостей. Веди.

Похвала ландграфа польстила караульному. Довольный, он выглянул из шатра и громко распорядился: «Введите пленных». Двое солдат провели в шатёр четырёх пленников

в запыхавшихся одеждах и со связанными руками.

– Это замечательно, ландграф, что у вас столь бдительные караульные, – произнёс черноволосый парень, – но мы всё-таки надеялись, что нас признают. Неужели за четыре года мы так сильно изменились?

Поражённый неожиданной встречей Генрих вскочил из-за стола:

– Берхард, Густав, Кларк! Почему вы здесь?

– Мы не могли сидеть в тиши королевских покоев, когда землям нашим угрожает враг! – ответил за всех Густав.

– Ах, Боже милостивый! – засуетился караульный. – Это мы что же?.. Это как же?.. Ну-ка, быстро развяжите господ! И верните им оружие! – крикнул он солдатам, и, обращаясь сразу и к юношам, и к ландграфу, запричитал, – Извините, ваши милости, извините, не признали... сумерки же...

– Хорошо ещё, что не убили на месте, а лишь пленили, – проворчал Густав, потирая освобождённые от пут запястья.

– Ладно, не сердитесь, – улыбнулся Генрих, – мои воины поступили правильно. А то, что они вас не узнали, не удивительно, вы очень выросли, возмужали.

Ландграф отпустил солдат и распорядился, чтобы к нему позвали графа Кроненберга. Юношей же он усадил на лавку, а сам занял своё прежнее место за низким столом.

– Я предполагал, что вы захотите приехать, – начал он разговор, – и потому попросил Фридриха не отпускать вас от себя. Видимо, он мою просьбу отверг.

– Нет, не отверг, – ответил Кларк. – Король действительно приказал нам оставаться в замке и ждать вестей от вас. Мы сами приняли решение вернуться и уехали без ведома короля Фридриха.

– Вот как. Ослушались королевского приказа, значит. – Генрих строго нахмурил брови. – Дерзко.

– А кто ваш спутник? – спросил он после нависшей паузы.

– Ах, да, – спохватился Густав. – Представляю вам, отец, Аксела Тарфа, моего хорошего друга. Он не велик титулом, но честен и благороден. Я был бы счастлив, отец, если б вы позволили ему остаться подле меня и поселиться в Регентропфе.

Аксел поднялся и почтительно поклонился ландграфу. Генрих внимательно оглядел нового друга своего сына. Высокий темноволосый юноша с приятным лицом и умными карими глазами, в движениях никакой робости, взгляд человека в себе уверенного.

– Сколько лет тебе, Аксел? – спросил Генрих.

– В следующем месяце девятнадцать будет, – с готовностью ответил молодой человек.

– И кто отец твой?

– Латник при королевском дворе, – не стал скрывать Аксел и после с достоинством добавил. – Человек без чина, но всеми уважаемый. Король Фридрих высоко ценит его мастерство.

– Почему ж ты решил покинуть отчий дом?

– Хочу своё место в жизни найти. Помимо меня у отца ещё четыре сына, есть кому ремесло передать. Родители благословили меня и отпустили.

– Вот только ты приехал в Регенплатц в смутное время.

– Я готов встать в ряды ваших воинов, ваше сиятельство.

А вдруг мне суждено стать героем?

– На поле брани вместо славы можно найти и смерть.

– В жизни всегда приходится рисковать. Побед без риска не бывает.

Ландграф улыбнулся: бравый малый, не юлит, не трусит.

– Что ж, оставайся, Аксел Тарф, – дозволил Генрих.

Поблагодарив, Аксел отвесил поклон и снова присел на лавку рядом с Густавом. А Генрих обвёл взглядом остальных юношей, а потом сказал:

– Я не знаю, что отец решит относительно тебя, Кларк, а вы, Густав и Берхард, завтра же отправляетесь в Регентропф.

– Как в Регентропф! – возмутились братья.

– Я не допущу, чтоб мои сыновья в столь юном возрасте принимали участие в такой жестокой игре, как война.

– Мы уже не мальчики! У нас есть оружие, и мы достаточно умело владеем им!

– Здесь царит смерть, здесь нужно убивать...

– Вы боитесь, что мы струсим?

Генрих не ожидал такого вопроса. Он взглянул в серьёзные глаза старшего сына. Берхард решительно поднялся с места и с вызовом вздёрнул подбородок:

– Вы учили нас не жалеть жизни за семью, за наш народ, за наши земли, а теперь призываете отсиживаться за крепостными стенами?

– Я призываю поостеречься, чтобы после моей возможной кончины было кому защитить Регенплатц, – настаивал Генрих.

Он говорил строго непреклонно, но в душе радовался, что сыновья его столь горячи сердцами и смелы духом.

– Ну, хорошо, – всё же согласился Генрих. – Вы останетесь здесь. Однако в битве участвовать запрещаю. Будете наблюдать за сражением отсюда, да и за лагерем присмотрите.

– Но отец...

– Или согласны на мои условия, или я немедленно отправляю вас в Регентропф!

Берхарду и Густаву ничего не оставалось, как повиноваться. В жизни братьев ещё не было войн, их глаза не видели картин кровавых сражений, и хотя они понимали всю серьёзность и опасность событий, страх перед ними ещё не ощущали. В их желании идти в бой было больше мальчишеской бравады, нежели истинного героизма.

В шатёр вошёл граф Кроненберг. Ему уже сообщили о прибытии сына, и миг удивления давно прошёл, осталось лишь волнение: для чего Кларк вернулся в столь тревожный час? Ведь ему было наказано оставаться при дворе.

– Зачем вы приехали, Кларк? – строго спросил Клос Кроненберг.

– Наши земли в опасности, – поднявшись с места, ответил отцу юноша.

Граф нахмурил брови – ситуация вновь повторилась, как и почти шесть лет назад. Тогда Клос не взял в военный поход сына, которому едва минуло десять лет, но Кларк сбежал из дома и накануне битвы вот так же внезапно объявился в шатре отца.

– Вот даже и не знаю, Клос, бранить их за это непослушание или хвалить? – вздохнул Генрих.

– Ни того, ни другого не нужно, – отозвался Клос. – Раз уж приехали, так пусть будут здесь.

– Берхард и Густав остаются в лагере.

– Да, здесь лишние дозорные не помешают, – согласился Клос.

– А я, отец?.. – встревожился Кларк.

– Ты птица стреляная уже, – ответил граф. – Ты пойдёшь в бой, рядом со мной.

Кларк облегчённо выдохнул, Густав от зависти закусил губу. Он был уверен в себе, в своём мастерстве, он рвался в бой, он знал, что смог бы достойно сражаться, но отец осторожничает, всё думает, что его сыновья маленькие. Как несправедливо!

А в это время слуги Густава и Берхарда добрались до замка Регентропф. Прибыв, они, прежде всего, предстали перед ландграфиней и передали ей сообщение от своих гос-

под. Узнав, что её любимый сын направился на поле битвы, Патриция встревожилась, даже испугалась. Война – это же страшно, а Густав ещё так молод и неопытен. Да и болен он. Не выдержит напряжения боя, вида растерзанных тел, отступит перед натиском врага. Неужели Генрих допустит участие в сражении столь слабого мальчика? Может и допустить. Генрих скорее оставит в стороне от опасности своего любимчика Берхарда, наследника престола, чем несчастного, ущемлённого и Богом и отцом Густава.

Обо всём этом Патриция рассуждала вслух, взволнованно бродя по комнате. Магда Бренденбург находилась здесь же, сидела на стуле и тревожно наблюдала за дочерью. В стороне тихо стояла служанка Ханна, которая, впрочем, уже окончательно приобрела статус близкой подруги ландграфини.

– Бедный Густав. Бедный Густав! – причитала Патриция с блестящими от слёз глазами. – Я не видела его долгих четыре года, не видела, как он становится мужчиной. И неужели мне будет отказано снова взглянуть на родного сына?!... Прижать к груди моего мальчика?!...

– Не надо так переживать, Патриция, – успокаивала Магда свою дочь. – Ты же слышала, что сказали слуги: Генрих не желал присутствия сыновей на войне, мальчики сами приехали в Кроненберг. И я думаю, Генрих не пошлёт в бой ни Берхарда, ни Густава.

– Пошлёт, – уверяла Патриция. – Густава пошлёт. Вот увидите.

– Значит, в бой пойдёт и Берхард. Ему, как будущему правителю Регенплатца не пристало трусливо отсиживаться в лагере.

– «Будущему правителю», – прошипела Патриция и брезгливо передёрнула плечами.

– А в жестоком жарком бою, – продолжала Магда, – Берхард окажется в роли мишени для смерти, и возможно, смерть не промажет.

Патриция резко остановилась и внимательно взглянула на мать. Какая интересная мысль её посетила. А ведь и правда, Берхард на войне вполне может погибнуть, и тогда конец мучениям, конец несправедливости.

– О, Боже, хоть бы так и случилось! – воскликнула женщина. – Клянусь, я бы щедро наградила убийцу волчонка! Я отдала бы ему все свои драгоценности, коих у меня множество.

– Ни к чему такие клятвы, Патриция. Убийцей всё равно окажется воином вражеского стана, и кто он, тебе никогда не узнать. Да и Берхард может ещё в тиши лагеря остаться...

– На лагерь тоже враг нападает, – вдруг произнесла до селе молчавшая Ханна.

– До него врагу ещё нужно добраться.

– Возможно, кому-то это удастся.

Патриция насторожилась – голос Ханны был слишком уверенным для подобного разговора, основанного на сплошных надеждах и пожеланиях.

– Ты что-то знаешь? – поинтересовалась ландграфиня.

– Нет. Просто мысли вслух.

Губы Ханны расплылись в улыбке, а в глазах сверкнул хитрый огонёк. В её головке зародилась какая-то идея. Заинтригованная Патриция, торопливо приблизилась к девушке.

– Ну-ка, выкладывай, что ты задумала?

– Нет, госпожа. Помните, вам ничего плохого против Берхарда замышлять нельзя, а вот мне можно. Предоставьте мне действовать самой, и уверяю вас, я избавлю вас и ваш дом от волчонка.

– Хорошо, – согласилась Патриция, не имея и тени сомнений в верности служанки. – Действуй, как считаешь нужным. И если всё получится, твоё усердие будет оценено мною по достоинству.

– Тогда не буду терять время, необходимо всё сделать быстро, – ответила Ханна и, поклонившись госпоже, покинула комнату.

Графиня Бренденбург и Патриция молча смотрели ей вслед, каждая терялась в догадках. Когда дверь за служанкой закрылась, Магда обернулась к дочери.

– Как думаешь, что Ханна задумала? – поинтересовалась она, изогнув в изумлении брови.

– Не знаю, – пожала плечами Патриция. – Но мне от её обещания стало намного легче на душе. Давайте ей доверимся, матушка, и помолимся, чтобы у неё получилось свершить задуманное.

Тем временем Ханна спешно прошла в свою комнату и немедленно села писать письмо. Её план возник за мгновение. Как раз в то мгновение, когда ландграфиня поклялась щедро наградить убийцу Берхарда. Драгоценностей у Патриции действительно имелось очень много. На них вполне можно было бы приобрести имение где-нибудь на юге и безбедно и в сытости прожить до самой старости, а после смерти оставить детям неплохое наследство.

Из служанки превратиться в госпожу – об этом Ханна мечтала всю жизнь. И вот представилась великолепная возможность воплотить мечту в реальность. Рыцарь Боргардт, возлюбленный Гернот, обязательно поддержит свою невесту. Да, всё ещё невесту. Не сделав карьеру и ничего не заимев за эти четыре года, Гернот так и не осмелился назвать Ханну своей законной супругой. Но девушка ждала, она верила, что судьба однажды улыбнётся им и подарит счастье. И вот это случилось. Ханна чувствовала, что радость уже близка, ведь недаром судьба вложила под её сердце новую жизнь, жизнь ребёнка зачатого в любви.

Сейчас Гернот находился в военном лагере ландграфа фон Регентропфа. На завтра, как и другим воинам, ему предстоит идти в бой. Но Ханна верила, что её жених вернётся живым, ведь он силен и храбр. После того давнего лжесвидетельства против Берхарда рыцарь Гернот Боргардт попал в опалу, ландграф не желал его видеть, но и из замка не прогнал, вняв просьбам супруги. Гернот не достаивался ника-

кого внимания господина, его не обременяли никакими поручениями. Это не вело к росту положения и богатству, зато позволяло жить в спокойствии. Гернот вёл себя честно и скромно, и со временем гнев ландграфа утих. Рыцарю Боргардту было позволено принимать участие в охотах, в празднествах, сопровождать своего господина в дальние поездки. И всё же полного доверия к нему так и не возникло, Генрих держал его от себя на расстоянии. И если бы не благосклонность ландграфини, Гернот так и жил бы в опале и бедности, и возможно, даже пришлось бы уехать из Регенплатца.

Записка получилось короткой: «В ходе битвы убей Берхарда и сразу же возвращайся в замок. За эту услугу нам с тобой наградой будут свобода и достойная жизнь». На более пространное послание времени не было, Гернот и так всё поймёт. Ханна запечатала письмо и отправилась искать курьера. Скоро, совсем скоро она заживёт спокойным счастьем семейной жизни с любимым мужем в уютном доме, окна которого овивает прохлада теней от жасминовых кустов. Скоро. Гернот убьёт Берхарда, это нетрудно, завтра возвратится, а послезавтра они сядут на корабль и уплывут вдвоём далеко-далеко... Нет, втроём. Ведь их уже трое. И Ханна с нежной улыбкой прикоснулась к своему животу, где уже забилося сердечко маленького родного человечка.

Гонец отыскался быстро. Именем ландграфини Патриции фон Регентропф Ханна приказала ему немедленно отправиться в лагерь ландграфа и отдать письмо лично в руки ры-

царя Гернота Боргардта.

– Ему лично, и никому белее, – настойчиво повторила Ханна. – Ты понял?

Гонец положил письмо в свою дорожную сумку. Ехать за реку, на ночь глядя, ему не хотелось, однако приказ есть приказ, и он поспешил, надеясь к полуночи вернуться обратно.

Густые облака закрывали в небе солнце, полки воинов застилали собой землю. Красная равнина поблёскивала металлическим блеском шлемов и лат, звенела ударами мечей, свистела полётами стрел. Две серые волны хлынули друг на друга, постепенно топя в кровавой пене отважных солдат, рыцарей, не разбирая, с какой целью они нырнули в этот омут: для защиты ли своих земель, для захвата ли чужого богатства. Перед смертью равны были все.

Густав и Берхард наблюдали за битвой издали, оставаясь в пределах лагеря.

– Там герои, там витязи кладут жизни свои за свободу Регенплатца, а мы тут трусливо отсиживаемся, – возмущался Густав.

– Таков приказ отца, – спокойно отвечал Берхард. – Мы должны его выполнять.

– Отца, – Густав недовольно передёрнул плечами. – Отец нас выставляет на посмешище своим приказом.

– Зря ты так думаешь. Защищать тыл не менее ответственная задача.

Густав недовольно огляделся:

– Здесь и без нас есть кому охранять этот тыл. А наше место в бою. Мы должны показывать пример мужества, вдохновлять солдат своей отвагой! Кларк там, даже Аксел там. Они смотрят врагу в глаза, а мы прячемся в кустах. Неужели тебя не унижает такое положение?

Мысленно Берхард был согласен с братом, ему тоже хотелось стоять рядом с отцом во главе войска под стягом Регенплатца. И всё же он понимал опасения родителя: столь неопытные воины, как они с Густавом, в битве очень лёгкая мишень. И даже если их не убьют, то могут пленить, а в качестве выкупа наверняка потребуют часть Регенплатца.

– Ничего унижительного, – продолжал придерживаться своего мнения Берхард. – Возможно, в следующей битве мы будем там, а сегодня наше место здесь.

Но Густава было не переубедить. Понаблюдав ещё немного, он вдруг резко отвернулся и направился вглубь лагеря.

– Ты куда? Густав? – окликнул Берхард.

Густав лишь отмахнулся. Грустно вздохнув, Берхард последовал за братом. На душе у него было тяжело, её теребили тревоги за отца, что находился в самом центре битвы, переживания за брата, которого как всегда волновали лишь собственные амбиции. Да, наверное, будет лучше находиться в шатре.

Но Густав шёл вовсе не в шатёр. Свернув в сторону, он уверенно направился к стоящим на привязи лошадям. Бер-

хард встревожился:

– Ты куда собрался? Зачем тебе конь?

– Ты как хочешь, – проворчал Густав, отвязывая коня, – можешь продолжать скрываться в этом лесу, а лично я больше не намерен подчиняться такому унижению. Я воин, я принц, я должен быть в бою.

Густав вскочил на жеребца и, пришпорив его, пустил галопом в сторону поля брани.

– Стой! Густав, стой! – закричал Берхард и, быстро отвязав коня, немедленно бросился за братом.

Зная горячий нрав своего младшего сына, ландграф поручил Берхарду наблюдать за Густавом, не оставлять его ни на минуту. Берхард за брата отвечал головой. Теперь, если с ним что-то случится!.. А как не случится? Война – это не игра, не турнир, а Густав в лёгкой кольчуге, из оружия один только меч, да и сам Берхард не готов был к серьёзному бою.

Юноши неслись к Красной равнине, оба смотрели только вперёд, оба углублены в свои думы, они и не обратили внимания на скачущего в стороне всадника на гнедом коне и в рыцарских доспехах. Возможно, его широкий зелёный плащ скрыл своего хозяина на яркой весенней зелени леса. Этот всадник, безусловно, заметил пронёсшихся мимо юношей, он приостановил коня и обернулся.

«Странно, – подумал рыцарь в зелёном плаще. – Они же должны быть в лагере. Куда они поскакали? К отцу, в пекло боя? Впрочем, это даже к лучшему. Там смерть Берхарда бу-

дет выглядеть более естественно. Не увернулся от вражеского меча, вот и погиб. Ещё и героем станет. Поеду за ними».

Это был Гернот Боргардт. Перспектива толь быстро и просто приобрести независимость и богатство ему очень понравилась. Жизнь наёмного воина на чужой земле Герноту уже порядком надоела. Рисковать своей жизнью за свободу чужих земель не хотелось. Убить человека во время войны трудности не составляло, Берхард был для него человеком посторонним, чья смерть совесть не отяготит. Вот только мальчишка остался в лагере, и это обстоятельство немного усложняло задачу. Придётся вернуться, а значит показаться на глаза караулу. Конечно, рискованно, но другого выхода не было. Помахав, немного мечом, Гернот постепенно отодвинулся назад, к краю равнины, а после развернул коня и помчался в лагерь. То, что юноши решились послушаться приказа отца и покинуть тыл, весьма облегчало Герноту задачу.

Берхард и Густав домчались до поля сражения и, обнажив мечи, ворвались в шумную толпу дерущихся воинов. Переживания Берхарда из-за послушания моментально переросли в азарт битвы. Юноша слился с этой людской массой в одно целое, его голос влился в один общий шум.

Однако участие братьев в битве было недолгим. Берхард старался не терять из виду Густава. И правильно. Въехав вглубь толпы, Густав, тут же начал атаковать врага, щедро раздавая удары своим мечом. Убив одного противника, молодой воин почувствовал себя героем. Он огляделся полным

гордости взором, да только окружающим было не до него. Вдруг Густав почувствовал сильный удар, опустившийся на его голову. Шлем сильно помялся, но удар выдержал. Ошеломлённый Густав не ожидал такого внезапного нападения. Он повернулся и заметил, как вражеский меч вновь падает на него. Дыхание перехватило. Густав едва успел отклониться, и удар меча пришёлся на ногу. Острая боль, казалось, пронзила всё тело. На какое-то мгновение юноша испытал страх, но это трусливое чувство быстро сменилось такой неистовой яростью, что даже в глазах потемнело. С диким криком Густав направил свой меч на неприятеля, однако пронзил лишь воздух. А над головой снова навис удар врага, но юноша, внезапно ослабевший, его уже не видел. Он уже вообще ничего не видел и не слышал, ощущая лишь, как проваливается в пустоту.

Берхард заметил всё это и, повернув коня, поспешил брату на помощь. Вот только пробиться сквозь воющую толпу нелегко, и он не успел бы, этот бой поставил бы точку в жизни Густава, если бы не рыцарь в зелёном плаще, который булавой вышиб меч из руки неприятеля. А следующий мощный удар булавы разбил врагу голову, и тот тяжело упал со своего коня под копыта взбешённых лошадей.

Берхард подъехал к брату в момент, когда тот едва не выпал из седла.

– Необходимо срочно вывести его отсюда, – обратился Берхард к спасителю, удерживая Густава в седле. – Вы спасли

жизнь моему брату, прошу вас, помогите ему ещё немного.

– Ваш брат ранен, – ответил рыцарь, – безусловно, его нужно уводить. Поезжайте вон туда, я прикрою ваши спины.

Берхард поблагодарил рыцаря и, держа под уздцы коня брата, поспешил покинуть поле сражения. Находясь без сознания, Густав буквально лежал на седле, и если бы не поддержка Берхарда, то давно упал бы. Тело несчастного юноши уже затряслось в судорогах – начался приступ болезни. Берхард старался быстрее добраться до пролеска, где можно было бы укрыться в зарослях.

Вскоре рыцарь в зелёном плаще нагнал их и остановил. Не говоря ни слова, он снял с головы Густава помятый шлем, отбросил в сторону, и одним сильным движением перекинул обмякшее тело юноши на своего коня.

– Что с ним? – спросил он, заметив, что Густава трясло, словно в лихорадке.

– Приступ падучей, – коротко ответил Берхард.

– Это плохо.

– Прошу вас назвать ваше имя, благородный рыцарь, чтобы я знал за кого возносить мои благодарные молитвы.

– Гернот Боргардт, – представился рыцарь и снял свой шлем. – Нам нужно спешить.

Имя и лицо воина Берхарду показались знакомыми, но память за четыре года стёрла многое, в том числе и образ клеветника, который пытался очернить его перед отцом.

А Гернот был очень доволен. Обстоятельства складыва-

лись для него невероятно удачно. «Теперь я смогу получить награду не только от ландграфини, – радовался он, – но и от ландграфа, за то, что спас жизнь его младшего сына. Конечно, если ландграф выиграет битву. Наконец, я стану богатым и свободным. Свободным. И мы с Ханной уедем отсюда». Ещё немного осталось до мечты. Сейчас они заедут за кустарник, и дело будет сделано.

Гернот пропустил Берхарда вперёд, чтоб тот ничего не заподозрил, и потянулся за своим мечом. Но шлем, который он держал в руке, мешался, ещё и Густава необходимо придерживать. Гернот выбросил шлем и потихоньку вынул меч из ножен. Хорошо, что Берхард лишь в кольчуге, она не слишком надёжная защита от меча. Гернот крепко сжал рукоять, до исполнения мечты остался лишь взмах руки. И вдруг рыцарь вздрогнул, глаза его расширились от ужаса, голос глухо захрипел, рука выронила меч и потянулась к шее. Стрела. Она пронзила шею Гернота насквозь, в миг разбив все его мечты, да и саму жизнь тоже.

Услышав странный звук, Берхард обернулся. Рыцарь Боргардт со стрелой в шее захлёбывался собственной кровью, а за ним в галоп нёсся вражеский воин, на ходу натягивая лук и пуская следующую стрелу. Берхард резко развернул коня, и стрела пролетела мимо. Всадник быстро приближался, прицеливая новую стрелу на тугом луке, и на этот раз кроме Берхарда остановить его было некому. Густава всё ещё мучила болезнь, а Гернот Боргардт, окончательно утратив жиз-

ненные силы, камнем повалился на землю. Усталый конь, освободившись от управления, остановился и потянул голову к траве. Берхард быстро оценил ситуацию, понял, что враг намерен преследовать и убивать, и тогда юноша вынул свой меч и, пришпорив коня, смело бросился навстречу неприятелю.

На закате воины ландграфа фон Регентропфа на пароме пересекли тихую Стиллфлусс и ступили на родную землю Регенплатц. Они вернулись с победой. Несмотря на поздний час, горожане примчались встречать победителей. Поторопилась приехать и ландграфиня. Пока она верхом на своей белоснежной лошади спускалась с холмов, её сердце отбивало ритм радости: тяжёлый день миновал, и супруг её вернулся живым и с победой. Он устал, он испачкан кровью и пылью, но он жив. Патриция ещё издали увидела, что Генрих шёл рядом с носилками, которые несли четверо рыцарей. На них наверняка погибший Берхард, Патриция в этом не сомневалась. Гернот Боргардт выполнил поручение. Незря Ханна уверяла, что на её возлюбленного можно положиться.

Ханна ехала рядом с госпожой и так же пристально вглядывалась в каждую группу воинов, сходящую с парома на берег. Она искала Гернота. В душе её копошились недобрые предчувствия. Почему Гернот не вернулся раньше? Он должен был выполнить поручение и немедленно вернуться. Что

задержало его? Может, Гернот не хотел, чтобы на него падало подозрение, и вернулся на поле битвы? Только бы не произошло ничего страшного, молила Ханна.

– Я уверена, Ханна, – произнесла Патриция, – что на тех носилках, которые сопровождает Генрих, лежит бездыханное тело волчонка.

Ханна оторвалась от своих поисков любимого и взглянула на указанные носилки.

– А мне кажется, что человек на носилках жив, – высказала она. – Я вижу, он шевелит руками.

– О Ханна, не расстраивай меня.

– Извините, госпожа, но мне даже кажется, что это и не Берхард вовсе.

– У тебя совсем нет совести. Моя мечта едва родилась, как ты убиваешь её. Кто ж там тогда?

– Не разгляжу, госпожа. Скоро поближе подъедем, тогда и узнаем.

Когда приблизились, Патриция действительно убедилась, что Берхард не на носилках. Он живой и здоровый, шёл по правую руку от Генриха. За прошедшие четыре года Патриция отвыкла от постоянного присутствия в замке этого ненавистного ей мальчишки, и вот он снова прибыл мучить её, раздражать. Даже война не отправила его в ад. Ух, как обидно! Всё впустую. Рано Патриция радовалась, рано восхваляла усердие Гернота Боргардта. Скорее всего, он струсил.

Но где же Густав? Почему он не идёт подле отца? Патри-

ция пристально вглядывалась в лица окружающих ландграфа рыцарей. Она четыре года не видела Густава и теперь боялась не узнать повзрослевшего сыночка.

– Любезная жена моя! – громко воскликнул Генрих, увидев приближающуюся супругу. – Как я рад, что ты вышла встречать меня!

– Как только мне сообщили о твоей победе и о твоём решении немедленно вернуться домой, я тут же покинула замок, дабы встретить тебя, муж мой.

Патриция сошла с лошади и поторопилась к мужу.

– Я целый день молила Бога, чтобы он сохранил жизнь тебе и твоим доблестным воинам, – с улыбкой молвила она, поклоном приветствуя супруга, – и чтоб помог вам покарать жестокого врага. Впрочем, об этом сегодня молились все жители Регенплатца.

– Эти молитвы услышаны. Благодарю вас за них, мои друзья! – крикнул толпе Генрих, и восторженные возгласы подданных были ответом ему. – Благодарю и тебя, дорогая Патриция, – и, подойдя к жене совсем близко, Генрих заключил её в объятия.

– Ах, что это? – вдруг воскликнула Патриция, и высвободившись из рук мужа, подбежала к носилкам. – Густав! Боже мой, Густав!

Охватившая её тревога перехватывала дыхания и не давала словам выйти наружу. На носилках и вправду лежал Густав. Нога его выше колена была перевязана пропитавшейся

кровью материей, лицо бледно, однако на этом лице играла улыбка, и взгляд синих глаз был спокоен.

– Боже мой, ты ранен! – восклицала Патриция, склонившись над сыном.

– Не волнуйтесь так, матушка, – отвечал Густав, – рана пустяковая.

– Ты сражался!..

– Нам можно гордиться сыновьями, Патриция! – подошёл Генрих. – Они сражались с отвагою львов!

– Мы не могли стоять в стороне. – Густав приподнялся на носилках, опершись на локоть. – Вы гордитесь мною, мама?

Патриция с нежностью посмотрела на сына. Как он повзрослел, вырос, окреп – настоящий мужчина. И так храбр. Регенплатцу нужен именно такой правитель.

– Да, сынок, я горжусь тобой, – улыбнулась Патриция. – И все гордятся.

Генрих обвёл взглядом окружающую его большую толпу подданных и громко провозгласил:

– Враг побеждён! Герцог Штольценгер убит в бою, его сын трусливо бежал с остатком своего войска. Он больше никогда не решится ступить на наши земли. Много наших отважных воинов окончили жизнь в этой битве, но они погибли не зря! Благодаря им, мы спасли наш мир, наше спокойствие, наше счастье! Завтра объявляю великий праздник во всём Регенплатце! В замке будет устроен большой пир, на который я приглашаю вас всех, друзья мои! Ворота замка распах-

нутся для всех без исключения!

И вновь под радостные крики в воздух полетели шапки людей. Любовь народа к своему государю была безгранична. Генрих обнял супругу, и они вместе продолжили путь. Патриция уже успокоилась, тяжёлый камень тревоги с сердца упал, и на лице появилась улыбка.

Тут к ландграфу приблизилась Ханна и с поклоном, боясь с волнением в голосе, проговорила:

– С победой вас, ваше сиятельство! Простите меня, что снова останавливаю вас, но причина тому мои переживания. Среди ваших солдат я никак не могу отыскать жениха моего, Гернота Боргардта. Прошу, успокойте меня, сказав, что с ним всё в порядке, что он просто ещё не переправился на этот берег.

– Рыцарь Боргардт столь силен и отважен, – сказала Патриция. – У меня нет никаких сомнений в том, что он вышел из боя живым.

Однако лицо ландграфа стало печальным.

– Увы, Ханна, но я не смогу тебя успокоить, – произнёс он. – Гернот погиб, но погиб как герой.

Ужас потери сковал сердце девушки, сражённой внезапным горем. Не осталось сил ни говорить, ни даже дышать. Ханна побледнела, закрыла глаза и покачнулась. Видя, как девушка теряет сознание, Генрих подхватил её. Но нет, сознание Ханну не покинуло, слабость и бессилие перед судьбой скопились в глазах её и потекли по щекам ручейками

слёз. Патриция бросилась успокаивать подругу.

– Признаюсь, я недооценивал Гернота, – продолжил говорить Генрих. – Я не доверял ему, а он отплатил мне преданностью. Если бы не он, мои сыновья были бы сейчас мертвы.

– Мертвы! – ахнула Патриция. – Я чувствовала, что Густаву угрожала опасность.

– На войне смерть кружит над всеми.

– И как же Гернот спас мальчика?

– За ужином Берхард нам расскажет подробно о подвиге этого благородного рыцаря.

Патриция недовольно скривила губы.

– У меня нет никакого желания слушать его. Скажи ты.

– Хорошо. – Генрих не стал перечить. – Если говорить коротко, то это случилось так. Густав был ранен и не заметил, как враг занёс меч над его головой, зато это увидел Гернот и убил атакующего. Тут подоспел Берхард и помог Густаву выехать с поля боя. Их спины прикрывал Гернот, а после проводил до леса, где юноши смогли укрыться. Но, к сожалению, никто из троих не заметил вражеского всадника, последовавшего за ними. Стрела врага и убила Гернота.

– Какой герой! Какой герой Гернот Боргардт! – восхитилась Патриция, продолжая успокаивать на своём плече рыдающую Ханну. – Если бы не он, я бы больше никогда не обняла бы моего Густава. А этот бездушный Берхард не мог защитить брата! Бросил его и стоял в стороне, пока опасность не миновала...

– Зря ты так на него, – упрекнул Генрих. – Берхард не стоял в стороне, а тоже вступил в бой. А после ещё и сразился с тем всадником, что поразил Гернота, и убил его.

– Он себя спасал.

– И Густава тоже.

– Густав и сам бы за себя постоял.

– Но не в тот момент.

– Его рана не настолько сильна, чтоб он не смог взмахнуть мечом.

– Ему мешало это сделать не рана.

– А что же?

– Приступ.

Патриция вспыхнула от гнева.

– Только не говори, что Густав слишком слаб. Что он зависим от брата.

– Поговорим об этом дома, – бросил Генрих.

Ему надоело спорить с женой, он слишком устал. Отвернувшись от её следовавших на эту фразу упрёков, Генрих продолжил путь домой.

Ужин прошёл быстро. Все утомились, да и час был уже поздний. Перед сном Генрих проведаль младшего сына. Лекарь Гойербарг обработал и крепко перевязал его ногу. Сказал, что рана несерьёзная и скоро заживёт. Сейчас после тяжёлого дня Густав наслаждался крепким сном.

Затем Генрих заглянул и к старшему сыну. Берхард тоже спал. Он так устал, что даже отказался от ужина. «Хорошо,

что мальчики дома, – подумал Генрих. – Конечно, я не так представлял себе мою встречу с ними после долгой разлуки, не при таких обстоятельствах. Но то, что они прошли боевое крещение, тоже неплохо. Эта битва показала, на что способен каждый из них».

Генрих прошёл в свои покои, где его ожидала супруга. Патриция, как и все, была утомлена событиями и переживаниями прошедшего дня. Она лежала на кровати и слабо боролась со сном, поминутно заставляя подниматься отяжелевшие веки.

– Как себя чувствует Ханна? – спросил Генрих.

– Она плачет в своей комнате, – вяло ответила Патриция. – Отказалась от еды и никого не хочет видеть.

– Горе её понятно.

– Горе её огромно. Ханна носит под сердцем ребёнка Гернота.

Генрих удивлённо приподнял бровь, он об этом не знал.

– Мы поможем девушке, – сказал он. – Её ребёнок нам чужим не будет.

Генрих не спеша обошёл комнату, задул свечи, оставив лишь одну, затем стал раздеваться.

– Ты больше не пошлешь Густава в Регенсбург? – задала вопрос Патриция.

– Нет, – ответил Генрих. – Мальчикам там уже нечего делать. Они всему обучились, окрепли. Их ждут более важные дела дома.

– Какие? – насторожилась Патриция, предчувствуя услышать что-то важное.

– Давай отложим разговор на завтра, – сквозь зевоту предложил Генрих, ложась в кровать.

– Ну всё же? – не унималась Патриция.

Генрих тяжело вздохнул. Если в его жене выиграло любопытство, то усмирить его становилось почти невозможно. И Генрих сдался без боя.

– Как только Густав поправится, – проговорил он, – мы с ним поедem в Стайнберг. Давно пора заняться этим помещением. Я поставлю сына его хозяином.

От такой новости сон немедленно слетел с Патриции.

– А Берхард?

– Он останется здесь вместо меня. Временно, конечно. Ему тоже пора учиться управлять.

Это было уже совсем возмутительно.

– А я-то надеялась, что однажды здравый рассудок всё же посетит тебя, – проворчала Патриция.

Генрих даже прорычал от раздражения. В последние годы супруга не заводила подобных разговоров, и он уже надеялся, что, смирившись, она их больше не возобновит. Нет, возобновила. Да ещё столь не вовремя.

– Прошу тебя, Патриция! Я очень хочу спать.

– А я не могу спать, когда свершается такая несправедливость! – возразила Патриция и села на кровати. Сон улетел окончательно. – Своего законного сына ты отсылаешь в

глушь, а правителем Регенплатца ставишь бастарда.

– Я поступаю так, как считаю нужным.

Генрих демонстративно отвернулся от жены и закутался в одеяло, показывая тем самым, что не намерен больше продолжать этот разговор. Но Патриция не обратила внимания на подобные намёки.

– Ты потакаешь своим капризам, – возмущалась она. – И совершенно не думаешь об интересах графства.

Этот несправедливый упрёк Генрих уже не мог стерпеть. Он резко откинул одеяло и сел на кровати. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего. Меж бровей пролегла сердитая складка.

– Лишь об интересах графства как раз и думы мои! – громко возразил ландграф. – Поверь, я люблю Густава не меньше Берхарда. Не меньше! Но он не сможет стать хорошим правителем Регенплатца!

– Это ещё почему?

– Он слишком импульсивен, поступает необдуманно, эгоистичен. И он болен.

– Его болезнь не так страшна...

– Нет, страшна! Густаву достаточно перенервничать, как болезнь подкашивает его, лишает разума и чувств, – доказывал Генрих. – Вот сегодня, едва Густав вступил в битву, как приступ свалил его с коня, и если бы не Берхард и Гернот, мальчик бы погиб, его пронзил бы вражеский меч или затоптали бы кони.

Патриция на это лишь возмущённо передёрнула плечами. Генрих же продолжал:

– А теперь представь, что он не просто участвует в битве, а ведёт за собой войско. Как поступать воинам, если их предводитель вдруг падает с коня и корчится в судорогах? Какое поражение ждёт такое войско, какой позор!

Патриция немедленно вспыхнула, даже вскочила с кровати:

– Ах! Так вот в чём дело! Ты стыдишься своего сына! Своего родного сына!

– Ты всё не правильно поняла...

– Сам-то ты не болен? Боли в сердце сильнее с каждым годом!..

– Да, я нездоров, и это очень плохо. Мне всё сложнее решать проблемы графства, моих обширных земель, ещё труднее защищать их в битвах. Лишь благодаря чудесным каплям лекаря Гойербарга я остался в строю и продолжал поддерживать дух солдат.

Но нет, для Патриции все эти доводы мужа не были доказательством неспособности Густава стать хорошим правителем. Она мерила нервными шагами спальню, метая злые взгляды на супруга.

– В Регенплатце войны настолько редки, – возразила она, – что Густаву вряд ли представится возможность опозориться перед врагом. Но если ты поставишь править Берхарда, война вспыхнет непременно. Вассалы...

– Вассалы поддержат Берхарда, – уверенно заверил Генрих. – Я говорил с ними. Никто не опровергает того, что именно Берхард мой старший и законный (так как ты его сама признала) сын должен наследовать трон Регенплатца. Война не вспыхнет, Патриция, как бы ты её не желала. И как бы ты не злилась, как бы не пылала ненавистью ко мне и Берхарду, всё произойдёт по-моему. И не просто по-моему, но ещё и по закону.

Патриция так и застыла. Значит, всё зря? Вся её борьба впустую? Вассалы – слабаки, преданные псы! Потворствуют беззаконию! Теперь волчонок тем более должен умереть. Другого выхода нет. Генрих сам не оставил другого выхода. Как только Генрих с Густавом уедут в Стайнберг...

– Ты поедешь с нами, – вдруг произнёс Генрих, будто прочитав мысли супруги. – Уверен, ты будешь рада сопровождать любимого сына. Тем более что наше пребывание в Стайнберге может затянуться.

– На сколько?

– Пока не восстановим поместье и не приведём в порядок все дела.

– А Берхард здесь останется полноправным хозяином?

– Почти. В замок на время переедет Норберт. Он поможет Берхарду.

– Какие же указания будут на счёт моей матери?

– Никаких. Если она захочет, пусть едет с нами. А вот Ханну возьми. Перемена места ей не повредит.

Всё рассчитал, всё предусмотрел, хитрец. Конечно, хорошо, что ей не предстоит новой разлуки с сыном, но она уезжает и, скорее всего, надолго. Может даже на несколько лет. За это время в Регенплатце статус Берхарда повысится, влияние его укрепитя, народ признает в нём своего будущего господина. А Густав... А Густав навсегда уедет в Стайнберг и останется лишь братом правителя Регенплатца. Второе место пожизненно или до тех пор, пока смерть не заберёт к себе волчонка Берхарда. Но чтобы старуха смерть сделала это как можно быстрее, необходимо ей помочь. Вот только как? Как же?

– Ложись спать, Патриция, – призвал Генрих и сам лёг на кровать, укрылся одеялом. – На сегодня хватит разговоров.

Спать! Женщина раздражённо фыркнула. Ещё несколько часов назад она радовалась, что её супруг вернулся живым, без ран, а сейчас приступ ненависти к мужу снова сковывал её душу, и в сердце её поселилось сомнение, а может, зря Генрих не погиб в сражении? Патриция не вернулась в постель. Желая показать свою обиду, она с гордо поднятой головой демонстративно покинула спальню. И зачем только она вообще сегодня сюда пришла?

Однако Генриху уже было безразлично. Едва закрыв глаза, он тотчас погрузился в глубокий сон.

Утром Патрицию вновь ждала неприятность. Молодая служанка, которая принесла кувшин с водой для умывания,

сказала, что Ханна ночью мучилась сильными болями, а к рассвету ей стало настолько плохо, что она попросила позвать лекаря. Страх за подругу камнем придавил сердце Патриции.

– Вы выполнили её просьбу? – спросила она, наспех надевая блио.

– Да, – ответила служанка. – Сейчас лекарь Гойербарг в покоях Ханны.

– А почему меня не разбудили?

– Мы не решились, – девушка потупила глаза. – Да и Ханна запретила нам.

– Не решились... Запретила... – ворчала Патриция, подвязывая волосы платком. – А своей головы у вас нет?

В покои подруги Патриция почти влетела, но тут же остановилась. Бледная, как полотно, Ханна недвижно лежала на кровати, над ней склонился лекарь Гойербарг, две служанки сновали по комнате, выполняя его указания. Лекарь стоял к двери спиной, и потому не было видно его действий. Однако Патриция и так всё поняла. Она заметила, что одеяло с больной откинута, ноги обнажены, а на простыне и рубашке алено несколько кровавых пятен. Вода в тазу у кровати тоже имела красный оттенок.

Патриция осторожно приблизилась и так же осторожно спросила:

– Что с Ханной, гер Питер?

– Она потеряла ребёнка, – просто ответил лекарь, не от-

влекаясь от дела.

Бедная Ханна! Горе-то какое! Сначала жениха, а теперь и ребёнка.

– Но почему случилось такое? От чего?

– Откуда мне знать? – пожал плечами Гойербарг. Он закончил работу и прикрыл больную чистой простынёй. – Возможно, от горя. Девушки говорят, что Ханна всю ночь рыдала по своему погибшему другу, глаз не смыкала.

– Это правда. Правда, – подтвердили служанки.

– Какого чёрта вы не позвали меня? – грозно прикрикнула на них Патриция.

Однако при взгляде на Ханну, гнев её тут же сменился на жалость. Она склонилась к изголовью подруги и со слезами в голосе запричитала.

– Ханна, дорогая моя. Какое горе свалилось на тебя! Бедная моя, несчастная, не выдержала...

Но девушка не отвечала, не пошевелилась и даже глаза не открыла.

– Я дал ей настойку, успокаивающую боль, и сейчас она спит, – пояснил лекарь.

Патриция утёрла сползавшие на щёки слёзы и выпрямилась.

– И не ругайте, что вас не позвали раньше, – добавил лекарь, помыв руки. – Вы бы ничем не помогли Ханне, и сами бы мучились.

– Я дала бы ей дружеское утешение, я бы утирала ей слё-

зы, – возразила Патриция и, помолчав, спросила. – Ханна скоро поправится?

– Скоро, – ответил лекарь Гойербарг. – Но детей она больше иметь не сможет.

– Как же так? Почему?

– Потому что колыбель для младенца в её чреве повреждена.

– Не говорите ей об этом, гер Питер, – попросила Патриция. – Эта новость добьёт её.

– Не скажу, – заверил лекарь. – Может быть, позже, но не сейчас.

– Скоро я увезу Ханну отсюда, и возможно, у неё получится наладить свою жизнь.

Почти три года ландграф жил то в Стайнберге, то в Регенплатце, внимательно следя за делами своих сыновей, будущих правителей. И Берхардом, и Густавом Генрих остался доволен, оба были серьёзны и деятельны. Берхард с большим усердием принимал участие в решениях проблем графства, общался с народом и принимал прошения; советы отца не игнорировал, а выслушивал с благодарностью и старался применить. Генрих с гордостью смотрел на своего наследника, и сознание, что будущее Регенплатца в надёжных и сильных руках, радовало сердце его.

Густав тоже не сидел сложа руки. Активно руководил восстановлением поместья, вникал во все нюансы строитель-

ства, ездил с отцом по деревням, выслушивал жалобы жителей, решал их вопросы. Он изо всех сил старался показать отцу, что способен стать хорошим правителем, что достоин не только мелкого поместья, но и всего графства. Правда, многое для Густава было утомительно, тоскливо, вызывало скуку. Он бы с большим удовольствием поехал на охоту, устроил бы праздник. Но дело есть дело, и Густав это понимал, старательно прятал свои настоящие чувства от отца и от матери, открывая душу лишь верному другу своему Акселу Тарфу.

Ландграф фон Регентропф был рад – наконец его жизнь потекла по спокойному руслу. В Регенплатце царил мир и порядок, в семье – лад. Патриция жила в Стайнберге, ей там не нравилось, но ради того, чтоб быть рядом с Густавом, она терпела все неудобства и провинциальную скуку. Единственными развлечениями её были шитьё гобелена да переписка с матерью, которая предпочла остаться в Регентропфе. Магда Бренденбург жила почти уединённо в северном крыле замка, редко покидала свои покои и не вмешивалась в дела зятя и его сына. Однако пристально за ними следила, через прислугу узнавала все мельчайшие события и подробно описывала их дочери.

Вроде бы жизнь в семействе ландграфа наладилась, передраги закончились, недовольные смирились со своей судьбой. Генрих отдыхал. Всё складывалось так, как он хотел, как он когда-то задумал. Теперь же, дабы закрепить всё на своих

местах, осталось позаботиться и о личной жизни сыновей. Пришло время их женить.

Берхард вырос настоящим красавцем. Его гордая осанка, внимательный взор чёрных глаз, ниспадавшие на плечи густые волосы цвета воронова крыла, мягкий голос пленили сердца уже многих девушек и простых, и знатных. Подходящую невесту будет легко подыскать. Густав так же имел славу завидного жениха. Он восхищал силой, отвагой, в синих глазах часто проглядывало лёгкое пренебрежение, но это лишь создавало впечатление уверенности в себе, в своей непобедимости. И наследством отец его тоже не обделил: к Стайнбергу Генрих добавил ещё два соседних поместья. Так что Густав был женихом не только красивым, но и богатым.

После ужина Генрих, как обычно, сидел у камина и разговаривал с Берхардом. Он любил поговорить с сыном на разные темы. Берхард вырос умным юношей, на всё имел своё суждение, интересно рассуждал, внимательно слушал; он мог поспорить и даже дать совет, но делал это редко, всё же предпочитая учиться и совершенствоваться. Поболтав о всякой ерунде, Генрих вдруг спросил:

– А как ты, Берхард, относишься к женщинам?

Юноша, не ожидая столь откровенного вопроса, тут же потупил взор.

– Хорошо отношусь, – сдержанно ответил он.

Генрих улыбнулся, заметив смущение сына. Смотри-ка, заскромничал. А сам уже успел соблазнить молодую при-

служницу графини Бренденбург, а ещё обменивался записками с рыжеволосой красавицей дочерью казначея, и даже был застигнут целующимся с ней. Да, Генрих знал о сыновьях всё, имея тайных соглядатаев и в Регентропфе, и в Стайнберге.

– Ты влюблён?

Берхард смутился ещё больше.

– К чему эти вопросы, отец? – уклонился он от ответа.

– Я решил, что вам с Густавом настала пора жениться.

Берхард вскинул тревожный взгляд:

– Вы уже подыскали нам невест?

– В общем, да.

– Тогда к чему вам знать, влюблён я или нет? – юноша вновь отвёл взор.

– Не хотелось бы, чтоб сердце твоё страдало.

Наступило молчание. После него Генрих надеялся услышать откровения, но последовал новый вопрос:

– Можно узнать, кто эти девушки?

– Конечно. Это не тайна. За тебя я сосватал Зигмину, младшую дочь маркграфа Олдрика фон Фатнхайна. Ей скоро исполнится шестнадцать. Говорят, девушка очень мила и хорошо образована. А за Густава – Гретту, дочь барона Рюдегера Хафф, моего северного соседа.

Гретту Хафф? Сердце юноши дрогнуло.

– Как? Она же... Я слышал, она уже замужем за каким-то английским лордом...

– Да, она действительно была обручена. Но... Как же ты не слышал? Тот лорд разорвал помолвку. Гретта свободна, живёт вместе со своим отцом. Правда, тихо и уединённо.

Сердце издавало гулкие тяжёлые удары. Берхард смирился, он свыкся с мыслью, что Гретта потеряна навсегда, что она принадлежит другому. И вдруг оказалось, что все эти годы она была свободна, что с ней можно было связаться, даже приехать навестить. С ней можно было увидеться. Но он не сделал этого. И теперь он снова опоздал.

– Я не слышал... – тихо проговорил Берхард. – Знаю только... барон почти разорён.

– Ну и что, – отмахнулся Генрих. – Мне своего богатства хватает. Зато вместе с дочерью барон отдаёт поместье Зильбернбах, что на границе с Регенплатцем. Это большая удача. Густав сможет расширить свои земли. Да и мне спокойнее. Не хотелось бы, чтоб Гретту выдали за какого-нибудь врага моего. Я послал гонцов к отцам девушек. Если ответы будут положительными, то гонцы привезут ещё и портреты невест. Но ты не рад, смотрю?

Действительно, пока ландграф рассказывал свои планы, Берхард так и не поднял глаз, он по-прежнему был задумчив и скрывал мысли глубоко в себе. Неужели он и вправду влюблён?

– А Густав уже знает о ваших планах? – спросил Берхард, вновь проигнорировав озабоченность отца.

– Нет. Но я приготовил письмо в Стайнберг, хочу, чтоб

Густав и Патриция к лету приехали сюда. Здесь всё и обсудим. Возможно, к тому времени как раз и гонцы мои вернутся с ответами.

– Матушке не понравится, что за меня вы сосватали дочь богатого влиятельного маркграфа, а за Густава – дочь обедневшего барона, у которой к тому же репутация отвергнутой невесты.

– Ей много чего не нравится, – Генрих нервно передёрнул плечом. – Естественно, она будет недовольна, однако ей всё равно придётся смириться. Регенплатц – своего рода небольшое королевство, и ты – принц, наследник. Ты можешь взять в жёны только девушку из знатной семьи. А Густав всего лишь твой брат.

– Порой мне кажется, что я не имею права на трон Регенплатца.

Брови Генриха взметнулись вверх.

– Это ещё что за речи? – изумился он. – Кто же, как не ты, мой старший сын, унаследует...

– Ваш младший, но законный сын Густав.

Ландграф опешил. Он ожидал услышать подобное от кого угодно, но только не от Берхарда. Генрих внимательно посмотрел на сына. Тот по-прежнему сидел с непроницаемым лицом и прятал глаза под опущенными ресницами. Что с ним вдруг стало? Ещё вчера они спокойно беседовали, обсуждали будущее, а сегодня он решил, будто занимает чужое место.

– Берхард, я тебя не понимаю и требую объяснений.

– Мне кажется, отец, вы поступаете несправедливо. Если вы не отдадите Регенплатц Густаву, боюсь, будет худо не только мне, но и всему графству.

– С чего ты это взял?

– Последний год Густав изредка присылает мне письма, в которых откровенно признаётся в своей ненависти ко мне, – наконец начал признаваться юноша. – Он называет меня бесстыдным человеком, который использует вашу доброту в собственных целях, человеком без чести и без совести, который настраивает вас против него и Маргарет. Густав грозит, что соберёт армию против меня и обязательно вернёт себе Регенплатц, принадлежащий ему по праву законного рождения.

– Он знает?

– Да. Видимо, матушка рассказала ему всё. Кроме того, недавно мне было прислано письмо от Маргарет. Она теперь тоже знает о моём настоящем происхождении и предупреждает, если Густав пойдёт против меня войной, то её муж граф Гельпфриг поддержит его и присоединит к его войскам свою армию.

После такой новости Генрих совсем потерял дар речи. Значит, лад в семье, как он думал, так и не наступил, казавшееся спокойствие являлось лишь прикрытием для продолжающейся войны. Патриция открыла правду Густаву и Маргарет, она откровенно добивается вражды между ними и

Берхардом. Да и отец в их глазах тоже оказался предателем. Какое теперь может быть уважение к нему? Своими силами уничтожить Берхарда у Патриции не выходит, и она переложила эту задачу на сына.

– У них ничего не получится, – произнёс Генрих, с трудом приходя в себя от потрясения. – Твоя армия всё равно будет больше армии Густава. Вассалы присягнут на верность тебе, а не ему. Не ожидал я такой коварной игры за моей спиной. Почему ты мне раньше ничего не говорил?

– Сначала я думал, что в Густаве просто кипит обида. Однако его угрозы становятся всё жёстче. Да и Маргарет присоединилась.

– И ты испугался?

– Нет, – Берхард был спокоен. – За себя нет. Но не хотелось бы, чтоб из-за наших семейных передраг пострадали бы невинные люди, пострадал мир в Регенплатце. Да и, если подумать, в какой-то степени Густав с матерью правы, их можно понять...

– Запомни, Берхард, – пресёк Генрих рассуждения сына. – Несмотря на твоё происхождение, ты – мой прямой и законный наследник. Патриция при моих подданных признала тебя своим сыном, согласившись тем самым стать твоей родной матерью! Это потом в ней началась игра амбиций. Ты носишь фамилию Регентропф по праву. Титул ландграфа и графство Регенплатц переходят к тебе по закону. И я запрещаю тебе сомневаться в этом!

Берхард молчал, не смея перечить отцу, а Генрих после тяжёлой паузы добавил:

– Мне уже сорок один год. Моё сердце настолько больно, что может остановиться в любой момент. Потому я заранее забочусь о вас, моих детях, и о Регенплатце. Завещание уже готово. На твою свадьбу я приглашу всех вассалов, короля и на празднике перед всеми официально передам тебе власть и правление Регенплатцем. Вассалы присягнут тебе в верности. Густав будет бессилён. С того момента его жизнь окажется в твоих руках. Ты получишь право арестовать и даже казнить брата за измену.

– Я этим правом не воспользуюсь, – отрезал Берхард.

– Я тоже буду надеяться, что Густав к тому времени одумается и смирится.

Встреча Генриха, Патриции и двух братьев была предельно холодна. Все улыбались друг другу, говорили добрые слова, но в глазах блестела неприязнь, а в голосах звенел лёд. После положенных церемоний приветствия все разбрелись по своим комнатам и собрались снова вместе только к ужину. В этот раз и графиня Бренденбург изменила своим привычкам и тоже спустилась трапезничать в общую залу.

Сначала разговор за ужином шёл ни о чём, о всяких пустяках. Однако вскоре Патриция не выдержала и поинтересовалась у мужа:

– Всё это хорошо, но может, ты всё-таки скажешь, зачем

вызвал нас с Густавом сюда?

Генрих улыбнулся:

– Я думал, тебе будет приятно вернуться. Разве ты не соскучилась по Регентропфу, по своей матушке? Она по тебе очень скучала.

– Да, очень, – эхом вздохнула Магда.

Но Патриция лишь недоверчиво усмехнулась.

– Я тебя слишком хорошо знаю, Генрих, ты всегда поступаешь только по выгоде своей. Ни мои чувства, ни чувства моей матушки тебя не тревожат.

– Зря ты так. Я действительно хотел, чтоб вы вернулись в Регентропф. Особенно ты, Патриция. Ведь как ни крути, а место жены подле мужа. Но ты права, у меня есть и важное дело.

– Я так и знала, – тихо рассмеялась Патриция.

– Вернее не дело, а сообщение. И оно касается вас, Берхард и Густав.

Густав подался вперёд, приготовившись внимательно слушать. Берхард же остался безучастен, он уже знал, о чём пойдёт речь.

– Мои сыновья уже не мальчики, а взрослые мужи. Берхарду минуло восемнадцать лет, Густаву скоро исполнится семнадцать. Вы сильны, умны, красивы, богаты. Для вас уже наступил тот период жизни, когда нужно задумываться о создании семьи. Короче говоря, вам пора жениться.

– Ты с ума сошёл! – воскликнула Патриция. – Густаву ещё

рано даже думать об этом! Ему только шестнадцать...

– Я уже не мальчик! – встал на свою защиту Густав, который, несмотря на свой юный возраст, уже успел познать правила любовных игр с женщинами. – И я вовсе не прочь жениться. Если, конечно, невеста понравится.

– Она понравится, – спокойно заверил отец.

– Ты что же, и невесту уже нашёл? – кипела Патриция.

– Да, я подыскал невест для обоих сыновей.

– Даже не посоветовавшись со мной?

– Девушки весьма хороши, – проигнорировал Генрих возмущение жены, – из уважаемых семей. Я уже вёл переговоры с их отцами и получил от них согласие на браки. Гонцы привезли благословения и портреты девушек. Так что, женихи, сейчас вы увидите своих будущих невест.

Ландграф повернулся лицом к двери, несколько раз хлопнул в ладоши и громко приказал:

– Внесите портреты!

Дверь тут же распахнулась, и двое слуг внесли в залу две покрытые белой материей картины. Сидевшие за столом хранили молчание зрителей, приготовившихся к просмотру интересного спектакля, роль ведущего которого взял на себя ландграф фон Регентропф.

– Начнём с Берхарда, сына моего старшего.

Один из слуг сдёрнул материю с картины и перед зрителями предстал портрет совсем юной худенькой девушки в нежно-голубом наряде на фоне розового утра. Миленькое

личико с мягким румянцем, пухлые розовые губки застыли в лёгкой улыбке, светлые, почти белые волосы уложены в причёску с жемчужной нитью и украшены синими и красными цветами, в приподнятой к груди руке маленький букетик алых цветов. Художник, видимо, пытался изобразить нежного юного ангела. Да только у него не получилось. Этот образ портили гордо поднятая голова, смелый, даже надменный взор холодных серых глаз, и сама улыбка казалась высокомерной. Присмотревшись к лицу можно было догадаться, что этот ангел своенравен и предпочитает подчинять, а не подчиняться.

– Зигмина фон Фатнхайн, – провозгласил Генрих, – младшая дочь маркграфа Олдрика фон Фатнхайна. Через пять месяцев ей исполнится шестнадцать. Умна, образована, играет на нескольких музыкальных инструментах, красиво поёт. Увлечена математикой. О Зигмине говорят, как о девушке с жёстким характером, даже отец старается ей не перечить. Но это неплохо. Регенплатцу не нужна мямля. К Зигмине сваталось ещё трое женихов, однако из всех она выбрала тебя, Берхард.

– А говоришь, что она умная, – презрительно скривив губы, вставила своё замечание Патриция.

Генрих вновь пропустил слова жены мимо ушей.

– Что скажешь, Берхард? – обратился он к сыну.

Берхард пожал плечами. Девушка с портрета ему не приглянулась, показалась слишком бледной и невзрачной, а по

характеру она наверняка будет похожа на Патрицию. Но вслух высказать свои впечатления он не посмел.

– Очень милая, – сдержанно ответил Берхард. – Я рад, что она отдала предпочтение мне.

Генрих удовлетворённо кивнул головой и подал знак, чтобы открыли второй портрет.

– О-о-о! – восхищённо протянул Густав. Очевидно, эта девушка его больше впечатлила.

В скучающем взоре Берхарда тоже мгновенно вспыхнул интерес. Странно, что к такой красавице ещё и требовали приданное. Нежный овал лица обрамлён кудрями густых русых волос, светло-карие глаза глядели мягко и спокойно. Голова слегка наклонена на бок, руки грациозно скрещены на талии. В этом портрете всё было просто и скромно: и наряд девушки, и её поза, и тёмный фон. Ни пейзаж, ни лишние предметы, ни обилие драгоценностей – ничего не отвлекало от образа молодой красавицы.

Берхард, конечно же, узнал её. Он не мог не узнать этой девушки, так как слишком часто вспоминал о ней. Она и раньше была милой девочкой, а сейчас стала настоящей красавицей. Как же оказался глуп, как слеп тот лорд, который отверг её.

– Гретта Хафф, – говорил тем временем Генрих, – единственная дочь барона Рюдегера Хафф, моего соседа. Ей только что исполнилось восемнадцать. Она красива, добродетельна и скромна. Хорошо рисует, увлекается шитьём и

разведением цветов, умело ведёт хозяйство.

– Неудивительно, что хозяйство она ведёт сама, – усмехнулась Патриция. – При такой бедности им слуги не по карману. Подозреваю, что именно из-за бедности её в своё время отвергли. Да и теперь она долго не может выйти замуж.

– Возможно, – не стал возражать Генрих. – И всё же брак с ней принесёт выгоду – поместье Зильбернбах у северных границ Регенплатца. Женившись на Гретте, Густав присоединит Зильбернбах к Стайнбергу и увеличит свои владения. А позже унаследует и остальные земли барона Хафф. Это более значимо, нежели сундуки с золотом. Если ты, Патриция, считаешь, что Густав ещё слишком юн для брака, свадьбу можно сыграть в следующем году, однако помолвка состоится в этом.

– Нет, я уже не мальчишка! – заявил Густав. – Пусть свадьба будет сразу, Гретта мне нравится.

– Но эта девица старше тебя, на ней пятно отвергнутой невесты, и она бедна, – продолжала негодовать Патриция. – Говорят, её мать даже незнатного рода, поселянка какая-то. Отец не удосужился подыскать тебе более приличную пару. Его интересуется только выгода.

– Гретта не намного старше, – возразил Густав. – И земля – очень хорошее приданное.

– Не спорьте, – отрезал Генрих. – Уже всё решено. Гретта Хафф станет женой Густава. Я рад, сыновья, что вы согласны с моим выбором. Через пару месяцев к июлю девушки

прибудут в Регентропф. Необходимо всё подготовить к их приезду и к большому празднику. Патриция, займись этим, дорогая.

Патриция недовольно фыркнула. Сегодня она уже в который раз убедилась, как Генрих несправедлив к своему младшему сыну. Для любимца Берхарда выбрал молодую знатную и богатую, а для Густава и без того всем обделённого – бедную старую деву. Даже по происхождению она ему не ровня.

Патриция недобро покосилась на Берхарда – юноша, словно замороженный, смотрел на портрет Гретты Хафф. «Ему тоже приглянулась эта девица? Наверняка потому что она понравилась Густову, потому что предназначена в невесты ему. Волчонок готов у брата отобрать всё. А впрочем... Впрочем, этот интерес – неплохая добавка к серьёзной ссоре».

Берхард уже довольно долго лежал на кровати и задумчиво смотрел на потолок. Сон не шёл – мысли разные преграждали путь ему.

Жизнь казалась Берхарду странной. Вроде бы всё хорошо, всё для него, и жаловаться вроде бы не на что. И всё же, как много хотел бы он в ней изменить. И прежде всего свой статус наследного принца. Да, пожалуй, это главная причина всех его неприятностей. Берхард с радостью отдал бы эту привилегию Густаву. Прекратилась бы их вражда, остыла бы ненависть матери. А главное, Гретта стала бы его невестой.

Интересно, помнит ли она его? Прошло почти семь лет с того дня, как они познакомились. Берхард невольно сжал в ладони жемчужный кулон, который в тот прекрасный день был спасён милой девочкой с красивым именем Гретта. Она не могла забыть. Возможно, Гретта и не думала о нём, но не забыла. Нет.

Как Берхард ругал себя теперь, что за эти семь лет так ни разу и не поинтересовался её судьбой. Что подчинился прошению фрау Барх и больше не пытался завязать с Греттой отношения. Никак не пытался. Он был убеждён, что красавица Гретта уже замужем, уже нашла своё счастье. Но он ошибался, девушка всё ещё была свободна. Берхард и не знал радоваться этому или огорчаться. Он бы, наверное, поразился, если б женихом Гретты не оказался Густав, его брат. Чувство сожаления наполнило горечью душу юноши. Лучше бы Гретта стала супругой любого другого мужчины, лучше бы он её больше никогда не встретил, чем теперь осознавать, что она рядом и всё же недоступна.

Берхард и сам не понимал, почему он так мучился из-за этого. Он помнил милую скромную девочку, с которой провёл один вечер, сейчас увидел портрет красивой девушки – вот и всё. А сердце почему-то ноет. Может, попросить отца отдать Гретту в жёны ему, Берхарду, а Зигмина пусть выходит замуж за Густава. Матушка поразовалась бы такой расстановке. Но нет, отец не передумает. Договоры уже заключены, формальности улажены. Осталось только свадьбы сыг-

рать. Надо было раньше говорить с отцом, теперь поздно. Он снова опоздал.

Берхард закрыл глаза и представил свою невесту. Нет, она ему не нравилась, его душу к ней не тянуло. Вот опять, как жаловаться на судьбу? Она преподнесла молодую, привлекательную, богатую и знатную невесту, но хочется-то совсем другую. Ох, лучше бы судьба так не старалась. Все её щедрые дары приносили лишь страдания.

Как обычно, Берхард лично встречал Кларка Кроненберга у переправы через Стиллфлусс. В последние годы они встречались редко, у каждого появились свои заботы. Обучение наукам закончено, началось обучение правилам правления.

Отпустив слуг с багажом в замок, юноши направили своих коней на окружную дорогу и пустили их неспешным шагом. Берхарду хотелось поговорить с другом. В письмах многого не расскажешь, ответы получаешь короткие, разговор без эмоций, без тепла человеческого.

– Как в доме твоём, друг мой? – поинтересовался Кларк
– По-прежнему холод и выюга?

– Да, по-прежнему, – уныло отозвался Берхард. – Мать открыто меня презирает, Густав постоянно рычит мне вслед оскорбления. Уж поскорее бы прошли все церемонии, да вернулись бы они в Стайнберг.

– Патриция разве уедет с Густавом?

– Надеюсь, что да.

– Невесты скоро придут в Регенсплатц? – вновь спросил Кларк.

– Скоро. Зигмина с отцом уже в пути, а Гретта... – Берхард тяжело вздохнул. – Гретта не знаю. Но ей недалеко ехать, она не опоздает.

– Берхард, ты мне писал, однако я не совсем понял. Тебе и вправду Гретта Хафф не безразлична? Ты влюблён в неё?

– Да, Кларк, это правда, – признался Берхард.

– Но почему вдруг? Ты видел её всего раз и то давно, вы были ещё детьми.

– Если б я мог объяснить, то непременно сделал бы это. А сейчас я и сам в смятении. Видел бы ты, какой красавицей стала Гретта!

– Но и Зигмина, ты писал, тоже на внешность весьма мила.

– Да, мила, – тускло признал Берхард. – Она красива, как... как зима. Как колючий иней на ветвях деревьев, как блёклое серое небо. Даже от портрета веет ходом, хотя художник и попытался украсить эту снежную королеву цветами. А Гретта схожа с весной, с ароматом цветов, с теплом южного ветра, с ласковыми лучами солнца.

– Видно, художник очень постарался, – усмехнулся Кларк.

– Хочешь сказать, что он преувеличил, и на самом деле девушка хуже? – Берхард отрицательно покачал головой. – Я видел её, Кларк, я общался с ней. Её мягкий голос до сих пор звучит во мне, я помню каждое её движение. Она добра,

умна и прелестна.

– Говоришь о ней, как об идеальной женщине, но всё-таки совсем её не знаешь. Добрая девочка за столько лет вполне могла превратиться в жестокую расчётливую стерву.

– Только не Гретта.

– Почему ты так в этом уверен?

– Ты не видел её глаза.

– Хороший художник...

– Нет, Кларк. Если девушка плоха, то она такова с самого начала, с рождения. Посмотри на мою сестру, например. Маргарет красивее и Гретты, и Зигмины, она далеко не глупа. Но взгляни в её глаза – сколько в них надменности, пренебрежения к людям... Таковой она была всегда: и в детстве, и сейчас, и, я уверен, никогда не изменится. И художникам не удаётся скрыть её истинный взгляд на жизнь.

– Хорошо. Но если Гретта так взволновала твою душу, почему ты не скажешь об этом отцу? Быть может, он позволит тебе жениться на ней, а не на Зигмине?

– Нет. Уже поздно что-либо менять и просить. Да отец и не пошёл бы на это. Понимаешь, Кларк, я – принц Регенплатца, и мне в жёны нужна только принцесса, – обречённо пояснил Берхард. А потом вдруг, обратив лицо к небу, горячо воскликнул, – Боже, как я ненавижу свой высокий статус! И зачем только отец забрал меня к себе, в замок? Лучше бы я остался с моим родным дедом! Лучше бы я работал в его лавке сапожником, зато был бы свободным! Был бы хозяи-

ном своей судьбы.

– И возможно, никогда не встретился бы с Греттой, – дополнил Кларк.

Берхард опустил голову. Да, не встретился бы.

– Но зато и сердце бы так не болело от того, что она не со мной.

– Твоё сердце болело бы от другого. Уж поверь мне, если бы ты вёл жизнь сапожника, ты бы проклинал своего отца за то, что он не забрал тебя в замок и не посадил на трон.

Берхард лишь пожал плечами, не зная, соглашаться с этими доводами друга или нет.

– Я Гретту смогу заполучить, лишь отказавшись от трона Регенплатца, – после недолгого молчания продолжил он.

– Отречься от всего ради незнакомой девушки? – подивился Кларк. – Хотя бы узнай сначала, взаимна ли любовь твоя.

– Я желаю и боюсь её взаимности. Хуже всего, что Густаву Гретта тоже понравилась. Он только о ней и говорит, готовится к встрече, к свадьбе. Я ревную, Кларк. Боюсь, не смогу сохранять безразличие, когда Гретта станет жить здесь, в замке. Да и вообще в Регенплатце.

– Вы с братом и так друг друга ненавидите, а из-за Гретты вообще может битва разразиться.

– Вполне, – согласился Берхард. – И в этом случае Густава никто не обвинит в коварстве. Наоборот, отрицательным героем стану я. Знаешь, Кларк, я просил отца снять с меня

бремя властителя Регенплатца и отдать его Густаву, сыну законному.

– Вот как? – вновь изумился Кларк. – Всё-таки ради Греты...

– Нет-нет. Этот разговор состоялся немного раньше.

– Я представляю реакцию ландграфа на подобную просьбу твою. Он был возмущён?

– Скорее удивлён. Возмущение он высказал, когда узнал об угрозах, которые посылает мне брат.

– Нет сомнений, что отец в просьбе тебе отказал, иначе вёл бы ты себя сейчас по-другому.

– Да, отказал. И запретил даже думать об этом.

– И правильно. Генрих долгие годы взращивал в тебе правителя Регенплатца, своих обширных богатых земель, вкладывал в тебя любовь, надежды, душу свою, а ты вдруг пожелал от всего этого отказаться, испугавшись жалких воплей слабого братца...

– Я не испугался, пойми! – горячо прервал друга Берхард. – Брат лишь представляется сильным, громко кричит, машет кулаками, но на самом деле Густав слаб, им руководит сильная Патриция. И она не успокоится, пока не свергнет меня, она заставит сына развязать войну. В мирном Регенплатце прольётся кровь из-за меня, из-за семейных передряг.

Но Клак Кроненберг лишь махнул рукой на эти доводы.

– У тебя есть армия, вассалы встанут за тебя, если не все,

то большинство уж точно. Мой отец и я приведём к тебе своих воинов. Если битва и случится, она будет короткой. Мирный люд не пострадает. Густаву и Патриции не победить.

– Супруг Маргарет граф Гельпфриг обещал поддержать Густава. У него большая армия, и он вполне может прийти сюда не только как союзник, но и как захватчик. Для Патриции земли Регенплатца чужие, она ему позволит.

– Друг мой, у тебя слишком бурная фантазия, – улыбнулся Кларк. – Никаких кровавых битв не случится. Зачем такие сложности и траты? К тому же Густав в битве может и проиграть. Такие люди, как Патриция, действуют хитростью, коварством, чтоб уж наверняка. Лучше сам будь осмотрителен, приглядывайся к слугам своим...

– Постоянно всех подозревать, оглядываться...

– Так живёт любой король.

– Патриция уже давно могла бы от меня избавиться, сколько лет было в её распоряжении.

– Возможно, она надеялась, что Генрих передумает, – пожал Кларк плечами.

– Я не хочу такой ужасной жизни. Я хочу жить легко и свободно. Но воля отца всё-таки сажает меня на трон. Отец раскрыл мне одно своё тайное намерение: на свадебной церемонии, когда в сборе будут все вассалы и приглашённая знать, а главное, король Фридрих, он объявит, что снимает с себя все полномочия правителя Регенплатца и передаёт их мне. День моей свадьбы станет началом моего правления, Кларк.

– В сложившихся отношениях между тобой и Густавом, ландграф поступит весьма мудро. Патриция и рот не успеет открыть, как все вассалы присягнут на верность тебе. А если она или Густав посмеют восстать против тебя, ты в праве будешь заточить их в темнице или даже казнить.

– Думаешь, я пойду на это? Мой родной брат, моя мать...

– Если над твоей жизнью и миром Регенплатца нависнет угроза, пойдёшь. Но от трона отказываться ты не имеешь права. Он твой.

– Мой отец был бы тебе благодарен, если б услышал, какие наставления ты говоришь мне.

– Я говорю то, что есть. А ты, я смотрю, хочешь завести меня в дебри дремучие, – вдруг заметил Кларк. – Смотри, лес сгущается, а дорога становится узкой.

– Да, я и сам подозреваю, что мы где-то сбились с пути, – оглядываясь по сторонам, согласился Берхард. – Слишком увлеклись разговором.

– И куда ведёт эта дорога?

– Не знаю. Никогда не ездил по ней. Но говорят, в этих местах много болот.

– Тогда лучше повернуть обратно, пока не заблудились, – предложил Кларк.

– Давай посмотрим, что за тем поворотом. Должна же эта дорога куда-то вести.

Кларк согласился, и подгоняемые любопытством юноши, пришпорили коней. Достигнув поворота, они остановились.

Дорога уходила вдаль, но её пересекала узкая тропа, проползающая сквозь заросли кустарника.

– За поворотом ничего нет, – констатировал Кларк. – Дорога, несомненно, куда-то ведёт, однако ехать по ней, думаю, придётся долго. И судя по направлению, мы вряд ли попадём в Регентропф.

Берхард проехал немного вперёд. Вдруг слева от него раздался далёкий глухой звук, как от топора, бьющего по дереву. Юноша резко остановился прямо напротив тропинки и взгляделся в лес. Звук больше не повторялся.

– По этой тропе часто ходят, – заметил Берхард. – Смотри, Кларк, как хорошо она протоптана.

– Возможно, её провели охотники, егеря.

– Странно. Мы с отцом в этих лесах никогда не охотились.

– Значит, крестьяне проложили. – Тропа совсем не трогала интерес Кларка, и на странный звук он тоже не обратил внимания. – Поехали обратно, нас, наверное, уже ждут в замке.

Но Берхард по-прежнему не отрывал пристального взгляда от глубин леса. У него было такое чувство, будто в лесу кто-то есть, и этот таинственный кто-то не так далеко от дороги. Однако никакого шевеления в чаще не было заметно, и тишина стояла... Нет. Вот опять повторился тот глухой звук.

– Кларк, давай проведём, куда ведёт тропа, – предложил Берхард.

– Для чего? – спросил молодой граф.

– А вдруг там кто-то живёт? – не унимался Берхард.

– Да кто станет жить в этой глуши?

Действительно, кто поселится так далеко от селения, от города? И всё же любопытство уже разыграло в Берхарде, и юноша, отбросив доводы и осторожность, направил коня на узкую тропку, уводящую в лесной сумрак. Кларку ничего не оставалось, как последовать за другом.

Ехать пришлось не слишком долго. Лес становился гуще, темнее, торчащие ветви кустарников пытались скрыть путь, но тропка по-прежнему хорошо просматривалась на зелёном травяном ковре. Вскоре юноши выехали на открытую лучам солнца небольшую опушку, посреди которой стояла неказистая деревянная изба; из её трубы поднималась тонкая струя дыма.

– Как видишь, Кларк, кто-то может поселиться и в глуши, – сказал Берхард.

– Да, может. – Кларк подозрительно всматривался в убогий домишко. – Однако честный человек скрываться здесь не станет. Значит, это пристанище разбойников...

Но Берхард лишь усмехнулся.

– Что ж ты сразу о плохом, друг? – упрекнул он. – Почему обязательно разбойники? Может, здесь живёт отшельник, старик безобидный? Нет в лесах Регенплатца разбойников. А даже если и появились, не бежать же нам от них. Здесь, в их логове и поставим точку их чёрному делу.

Берхард спрыгнул с коня, привязал поводья к ближайше-

му дереву и уверенно направился к избе. Кларк сделал то же самое. Дверь оказалась не запертой, и юноши беспрепятственно вошли в дом.

У разожжённой печи копошилась женщина в чёрных одеждах; её голова не покрыта, седые волосы заплетены в тугую косу. Женщина что-то варила в небольшом котле, добавляла в него листья, отщипывая их от лежащего рядом сухого пучка травы, бормотала себе под нос какие-то невнятные слова. Она была столь увлечена своим занятием, что не обратила внимания на непрошенных гостей. Юноши некоторое время молча и с интересом наблюдали за странной женщиной.

– Да это же ведьма, – прошептал Кларк, осознав наконец, кто хозяйка избы.

Хозяйка избы услышала его и, прервав своё бормотание, резко обернулась, вонзив в гостей колючий взор чёрных глаз. От неожиданности юноши даже отступили, в их душах зашевелился суеверный страх. Однако взгляд женщины стал быстро менять эмоции: недовольство резко сменилось изумлением, а остановившись на молодом сыне ландграфа, вдруг потеплел и приобрёл оттенок нежности.

– Как ты похож на неё, – тихо произнесла хозяйка, медленно приближаясь к Берхарду.

Берхард удивлённо приподнял брови. Он сразу понял, кого имела в виду эта женщина.

– Ты знаешь мою мать? – спросил он.

– Да, знаю, – печально улыбнулась женщина. – И рада, что и ты ведаешь правду своего рождения.

Берхард больше не боялся ведьмы. Страх уступил место любопытству.

– Кто ты? И что делаешь в глуши лесной?

– Моё имя Хельга, – охотно ответила женщина. – Я известная в округе знахарка, зла людям не делаю, лишь помогаю в хвори. А здесь дом мой.

– Хельга... Да, я слышал о тебе.

– Тебя чаще называют ведьмой, – подхватил Кларк.

– Да, называют и так, – не стала отрицать Хельга. – Но лишь те, кто не сталкивался со мной, не просил о помощи.

– И что варишь ты в своём котле? – Кларку отшельница казалась подозрительной. – Что за зелье?

– Лекарство это для недужной женщины из деревни...

Однако Берхарда интересовало совсем другое.

– Откуда ты знаешь мою мать? – вновь спросил он.

Хельга вдруг опустила глаза и отвернулась.

– Это долгая история, – после паузы раздумья проговорила она. – Возможно, когда-нибудь ты её узнаешь, но сейчас не время.

– Почему? Расскажи мне всё сейчас!

Хельга молча повернулась к юноше, подошла к нему совсем близко и, заглянув в самую глубь его глаз, тихо произнесла:

– У тебя её глаза. Их цвет чёрен, но светятся они добром.

И печалью.

– Пойдём отсюда. – Кларк предостерегающе коснулся плеча друга. – Эта ведьма что-то задумала.

– Неужели я опаснее войска вражеских солдат? – тут же вскинула голову Хельга, а после снова обратилась к Берхарду. – Не надо меня бояться, мой мальчик. Я не желаю тебе зла и не причиню его. Но я хочу тебя предостеречь, ибо могу видеть то, чего не видят другие.

– Говори, – глухо отозвался Берхард.

И Хельга начала вещать:

– Смерть ходит рядом с тобой. Эта костлявая старуха преследует тебя уже давно, с самого твоего рождения. Она то приближается к тебе, то отступает, но она всегда близко и всегда наготове.

Хельга остановилась, а Берхард молча ждал продолжения, и лишь его взгляд стал тяжелее.

– Мачеха желает твоей гибели с того самого момента, как ты появился на свет. Сейчас того же желает и Густав, её сын. У них есть помощники. Послушай меня, Берхард, они не так слабы, как кажется, их намерения серьёзны, их не остановить. Если хочешь выжить, уничтожь их первым.

Берхард резко отвернулся. Ведьма обнажила все его тайные подозрения и убила надежду, что эти подозрения неверны.

– У мачехи была тысяча возможностей избавиться от меня, – всё-таки попробовал он оправдать близкого ему чело-

века. – Я жил с ней под одной крышей, я ел с рук её. Если б она столь горячо желала убить меня, то уже давно бы сделала это.

– У неё есть преграда.

– Какая? – Берхард вновь ткнул взор в вещунью.

– Заклятье, которое не позволяет ей причинить тебе вред. Твоя жизнь и жизнь её сына связаны крепким узлом. Но Густав от этого заклатья свободен. Опасайся Густава, не доверяй ему, он ненавидит тебя. Ему нужны твой трон, твоя женщина, твоя жизнь. Он не остановится, пока не займёт твоё место.носишь ли ты жемчужный кулон, Берхард?

Юноша молча засунул руку под воротник и достал жемчужину на золотой цепочке.

– Хорошо. – Хельгу это успокоило. – Носи его, не снимая. Это твой амулет, твоя защита. Помни, пока жемчужина с тобой, смерть не коснётся тебя. В ней заключена душа твоей матери, которая убережёт тебя от любой напасти. Но всё же будь осторожен и подумай над моим советом.

Медленно пряча кулон обратно под воротник, Берхард пристально вглядывался в лицо странной женщины. Она была уже старой. Морщины пересекали её лоб, лучиками расходились от глаз, сжимали губы; бледные щёки осунулись. Но всё же былая красота ещё проступала и... Берхарду она показалась знакомой... И вдруг догадка коснулась его разума.

– Ты тоже на неё похожа, – с тревогой прошептал он. – У

тебя её глаза... Кто ты?

Черты лица Хельги смягчились, губ коснулась тёплая улыбка, и только взгляд был полон печали.

– Эльза была моей дочерью, Берхард, – призналась женщина.

Это известие встревожило юношу даже сильнее, нежели предыдущее предсказание. Ведьма, живущая отшельницей в глухом лесу – его родная бабушка? Ведьма... Чёрная женщина... Значит... Значит, и в его жилах течёт её чёрная кровь? В груди стало тяжело, и сорвалось дыхание. Обескураженный Берхард попятился назад. Нет, этого не может быть. Этого не должно быть! Тревога внезапно взорвалась непонятным суеверным страхом и сорвала юношу с места. Выбежав из избы, Берхард вскочил на коня и помчался по тропинке прочь от этого дома. Он гнал коня, он захлёбывался в собственном дыхании, ему хотелось унести, улететь как можно дальше и как можно быстрее. Сердце билось, обгоняя стук копыт, и глаза застилал туман тяжёлых мыслей.

Кларк с трудом догнал своего друга. Он кричал ему, просил остановиться, но Берхард ничего не слышал. Наконец Кларку удалось поравняться с обезумевшим всадником и схватить его за руку. Вернувшись в реальность, Берхард остановился.

– Что с тобой случилось? – обеспокоенно спросил Кларк, приблизившись к другу совсем близко.

Берхард опустил взор. Он и сам не понимал, что его так

подгоняло.

– Мне страшно, Кларк, – тихо признался юноша.

– Чего же так пугает тебя?

– Не знаю.

Кларк Кроненберг пустил коня шагом, и Берхард поступил так же.

– Если разобраться, тебе нечего бояться, Берхард, – продолжил разговор Кларк. – Что тебя страшит? Ненависть Патриции? Она тебе мачеха, не мать. А мачехи редко относятся с любовью к приёмным детям. Угрозы Густава? Но очень скоро он сам станет зависимым от твоей власти, и бояться уже придётся ему.

– А эта женщина? Ты слышал? Оказалось, что я её родной внук... Внук ведьмы.

– Для ведьмы у неё слишком доброе лицо. Мне кажется, она действительно всего лишь знахарка.

– Она сотворила заклятье на Патрицию.

– Ну и что? Для твоего же блага сделано это. – Кларк старался выглядеть предельно спокойным. – Знаешь, от знакомства с колдуньей порой бывает больше выгоды, нежели от знакомства с королём.

Но Берхарду было совсем не до шуток.

– Твоей спокойной размеренной и предсказуемой жизни можно только позавидовать, Кларк.

Очень хотелось поговорить Берхарду со своим отцом.

Очень хотелось. Знал ли Генрих, что матерью его возлюбленной была чёрная женщина из лесной глуши? Женщина, которая имела славу ведьмы. Если знал, так почему скрыл это? А если нет?.. Стоит ли тогда оставлять его в неведении? А вдруг этот факт напугает Генриха, и он откажется от него, от сына своего?

Ах, как тяжело, как много вопросов. Берхард долго думал, долго. Наконец решился и направился в комнату отца. Однако Генрих в тот момент был занят, что-то обсуждал с советниками. Завидев сына, ландграф попросил его подойти позже.

– Или у тебя что-то важное? – уточнил он, заметив неуверенность юноши.

– Нет, нет, – отозвался Берхард. – Ничего важного.

И ушёл прочь. Берхард решил, что это знак, что заводить с отцом разговор о чёрной женщине Хельге не стоило. Пусть остаётся всё как есть и идёт своим чередом.

Вечером следующего дня в замок Регентропф прибыл гонец с посланием. Ландграф лично принял его. За ужином Генрих сообщил семье:

– Завтра в Регентропф придут барон Хафф с дочерью. Им осталось полдня пути. На рассвете я намерен выехать к ним навстречу. Густав, ты поедешь со мной, как-никак Гретта твоя невеста.

– Хорошо, отец, – отозвался Густав.

– Патриция, ты тоже можешь поехать.

– Нет, нет, – покачала головой ландграфиня. – Я останусь дома. Лучше прослежу за обедом.

– Да, и за тем, как подготовлены комнаты для господ и прислуги.

– А мне ехать с вами, отец? – негромко поинтересовался Берхард.

Но Генрих лишь пожал плечами:

– Как хочешь. Барон пишет, что его будут сопровождать десять воинов, нужно проследить, чтобы и им удобно жилось у нас. Проверил бы с утра.

– Хорошо, я останусь.

– А когда маркграф приедет? – поинтересовалась Патриция.

– Думаю, дня через три-четыре, – ответил Генрих. – Их дорога намного длиннее.

– Зачем же барон столь рано выехал? Не терпится дочь замуж отдать? – усмехнулась Патриция.

– Мы с ним близкие соседи, в хороших отношениях, так почему бы и не погостить у нас чуть подольше? – спокойно ответил Генрих. – И молодые поближе познакомятся.

Патриция нервно передёрнула плечами.

– Надеюсь, ум невесты не настолько скуден, как их казна, – ворчливо заметила она.

Генрих вскинул на супругу взгляд презрения. В последние месяцы, а тем более последние дни, он не мог смотреть на

неё иначе.

– Некоторые женщины обладают золотым сердцем, которое намного ценнее золотой казны.

Прекрасно поняв намёк мужа, Патриция метнула в него из глаз стрелы ненависти.

– Такая драгоценность тускнеет, если её топить в грязи неуважения, – процедила она.

– Об этом следует говорить не мне, а Густову. Ему вступить в брак.

– Я скажу ему. Обязательно. Только сомневаюсь, что ему достанется именно такой самородок. – Патриция демонстративно вышла из-за стола. – Я не буду ужинать. Appetit пропал.

И развернувшись, обиженная женщина быстро покинула залу. Нет, о мире в этом доме уже можно было и не мечтать. Генрих отодвинул от себя тарелку, его аппетит тоже улетучился. Ссоры с женой уже превратились в каждодневный ритуал. Патриция больше не скрывала ненависти к пасынку и неприязни к мужу, открыто высказывала претензии и обвинения. В ответ на подобные выпады Берхард молчал или просто уходил. Генрих тоже старался говорить спокойно ради своего здоровья, да и не желал он раздувать настоящую войну в семье. Хотя такое поведение ему давалось с определённым трудом, ведь на сторону матери вставал и Густав, и его обвинения оседали в больном сердце отца более тяжёлыми переживаниями.

– Если б тебя не существовало, в Регентропфе царили бы мир и спокойствие, – зло прошипел Густав, испепеляя ненавидящим взором синих глаз сидевшего напротив него Берхарда.

Но Берхард остался равнодушен и холоден к замечанию брата. Он сидел, не шевелясь, словно каменное изваяние. Зато не стерпел Генрих. Он ударил по столу кулаком и гневно воскликнул:

– Хватит, Густав! Берхард есть, он живёт, и он твой брат! Старший брат! И твой покровитель!

– Вот ещё! – вспыхнул Густав.

– Та вражда, на которую мать толкает тебя, бессмысленна и глупа! Вы должны помогать друг другу, а не воевать!

– Меня никто никуда не толкает. – Густав резко вскочил с места. – Я в состоянии и сам осознавать, что происходит вокруг меня. У меня есть свои чувства, и есть свои мнения. И меня обижает, отец, что вы видите во мне послушную безмозглую куклу!

– Но если ты не кукла, так почему не понимаешь, что от ваших отношений зависит мирная и богатая жизнь в Регенплатце, что вы наравне, вместе будете управлять! Ты – на севере, Берхард...

– ...На всей остальной территории! – нервно закончил Густав.

Теперь и Берхард не выдержал. Он поднялся с места и гордо расправил плечи.

– Как не совестно тебе делить дом при живом хозяине? – упрекнул он брата. – Да ещё и в присутствии него самого?!

Густав был в ярости. Опёршись на стол, он приблизил искажённое гневом лицо к Берхарду, истинные чувства и эмоции к сводному братцу больше не были запретны.

– Мне не совестно, – прорычал юноша. – На такую речь мне даёт право справедливость! Ты здесь никто. Ты чужой! Ты – бастард. Тебе просто повезло, что отец любил твою мать больше, чем мою, и теперь возвеличивает именно тебя!...

– Молчать!! – приказал Генрих и вновь ударил кулаком по столу, да так, что опрокинулся его кубок, и вино красным кровавым ручьём растеклось меж расставленной посуды. – Замолчите оба немедленно! Если ещё хоть раз я услышу от вас подобные споры и упрёки, я лишу наследства обоих! Отдам Регенплатц Норберту, брату моему. По крайней мере, в отличие от вас, он не допустит здесь войны.

Острая боль полоснула сердце. Генрих сжал рукой грудь и не сдержал тяжёлый слон.

– Отец... – кинулся к нему встревоженный Берхард, но Генрих жестом остановил сына.

– С завтрашнего дня в Регентропф начнут прибывать гости, – продолжил он прерванную речь, доставая из висевшего на поясе мешочка пузырёк с каплями Гойербарга, который всегда носил с собой. – Я требую, чтобы при них вы вели себя прилично, и чтоб ссор между вами не было! Не позорьте ни меня, ни себя! Если не сдержитесь, клянусь жизнью

своей, вы будете изгнаны из Регенплатца оба и навсегда. А теперь ступайте вон!

Юноши умолкли. В них кипели возражения, но никто не посмел более гневить отца, и братья покинули залу молча. Однако едва закрылась за ними дверь, Густав перегородил Берхарду дорогу. Его злость никак не могла угмониться.

– Здесь все против тебя. Ты один, ты слаб! – высказал он, тыча пальцем в недруга. – И если отец не восстановит справедливость сейчас, то позже восстановлю её я. И поверь, я выиграю. Регенплатц мой.

Берхард смотрел на брата, как на ничтожество.

– Время покажет, – спокойно ответил он.

И развернувшись, Берхард пошёл прочь. Общение с Густавом вызывало в его душе отвращение.

Чем ближе Гретта Хафф приближалась к величественным стенам замка Регентропфа, тем громче стучало её сердце. Лишь однажды она была здесь семь лет назад на празднике в честь дня рождения Маргарет Регентропф. Всего два дня, но яркие впечатления от красивого торжества, великолепия замка, богатого убранства залов до сих пор бередили её память. И ещё Гретта помнила старшего сына ландграфа Берхарда, его добрую улыбку и ясные чёрные глаза, красивые, словно глаза гордого ястреба. Интересно, каким он стал, этот мальчик? Ходит молва, что он высок, силен и весьма привлекателен.

Долгое время в глубине души Гретта робко надеялась, что Берхард напишет ей хотя бы пару строк. Ей хотелось продолжить завязавшуюся дружбу. Наверняка, до Берхарда доходили слухи о помолвке, но тогда должна была дойти и весть о её расторжении. Однако писем от юноши всё равно не было, а сама она стеснялась написать ему.

Наконец Гретта перестала ждать, решила, что Берхард уже давно забыл о ней, и смирилась с этим. И вдруг из Регентропфа приезжают гонцы. Неужели снова приглашают на праздник? Тогда она сможет вновь встретиться с Берхардом, поговорить с ним. Девушка вспомнила, как легко и просто чувствовала себя рядом с этим мальчиком, и даже ощутила, что немного соскучилась по нему.

Гретта не видела гонцов, их принимал отец. Вечером барон Хафф зашёл к дочери и широко улыбнулся. Значит, добрые вести, значит, она встретится с Берхардом!

– Дочка, у меня для тебя есть хорошие новости, – мягко сказал Рюдегер, присев рядом с Греттой. – Ландграф Регентропф прислал сватов.

– Сватов! – ахнула девушка и почему-то сразу подумала об Берхарде.

– Да. Он просит твоей руки для своего младшего сына Густава.

Душу девушки тронуло разочарование. Густав Регентропф тоже слыл завидным женихом, но она его совсем не знала, даже не помнила, и... он не Берхард.

– Как же ландграф сватает младшего сына? Разве старший его сын уже женат? – скромно потупив взор, спросила Гретта.

– Нет. Но Берхарду выбрана другая невеста, и ландграф отпразднует обе свадьбы в один день.

Другая невеста. Гретта тяжело вздохнула. Ну конечно, фамилия Хафф недостаточно знатна и недостаточно богата для принца Регенплатца.

– Вы ответили согласием, батюшка?

– Да, даже не задумываясь, – ответил барон. – Такое предложение – это подарок судьбы для тебя! Густав молод, красив, отважен. И богат. Ты будешь носить гордую фамилию Регентропф, станешь жить в роскоши, довольстве и спокойствии. Уж ландграф-то не передумает, от своего слова не откажется. Да и наше поместье Зильбернбах обретёт наконец достойного хозяина, который спасёт его от полного упадка.

– Но как же вы здесь останетесь совсем одни?

– Рано или поздно ты всё равно уехала бы из дома, – улыбнулся Рюдегер Хафф и нежно погладил дочь по голове. – Я рад за тебя, девочка моя, я счастлив. Именно о такой партии я и молил Бога для тебя. Не нужно меня жалеть. Ты не так уж далеко уезжаешь, мы станем близкими соседями.

– Вам бы жениться, отец, – предложила Гретта.

Но барон лишь отвернулся и промолчал. Он всегда любил только одну женщину, свою супругу, лишь ей посвящал свои помыслы, поступки и всю жизнь свою. Более шести лет на-

зад эта женщина покинула его, ушла в иной мир, и Рюдегер едва не сошёл с ума от горя. Если бы ни дочь, жизнь совсем потеряла бы для него смысл. Более шести лет барон не снимал траур, праздники не интересовали его, другие женщины и подавно. Он прослыл нелюдимым затворником.

– Завтра я приглашу портного и ювелира, – перевёл Рюдегер разговор. – Ты должна выглядеть достойно перед своим знатным женихом.

Бедный отец. Сейчас барон ехал рядом с ландграфом и что-то оживлённо обсуждал. Быть может, эти торжества и перемена в жизни дочери заставят его наконец выйти в мир?

А сама Гретта ехала в сопровождении Густава Регентропфа. Его молодой конь был горяч, всё норовил вскачь пуститься, и всаднику приходилось постоянно осаждать его и заставлять идти шагом.

– Я смотрю, вашему коню не нравится тихий шаг, – заметила Гретта.

– Да, ему больше по душе галоп, – ответил Густав. – За быстроту и горячий нрав я прозвал его Вихрь. Обычно ранним утром мы с ним выезжаем за ворота замка, и я пускаю его в вольный полёт. Скорость нам обоим доставляет большое удовольствие. А вот сегодня Вихрю приходится плестись шагом.

Молва не обманула, Густав действительно был очень симпатичным, обходительным, в синих глазах горел взор смелого мужчины, светлые волосы переливались на солнце перла-

мугром спелой пшеницы. И хотя юноша любил похвастать своей доблестью, жених Гретту не разочаровал.

– А почему ваша матушка и брат не поехали вместе с вами? – спросила Гретта.

– Они встретят нас дома, – неопределённо ответил Густав.

Такая тема не казалась ему интересной. Не заметив эмоций спутника, Гретта снова задала вопрос:

– А невеста вашего брата ещё не приехала?

– Нет, она в пути. Вы вообще приехали самыми первыми. Даже моя сестра ещё не прибыла.

– Я предупредила отца, что мы слишком рано выехали.

– Ничуть не рано, – возразил Густав. – Зато мы сможем больше поговорить, узнать друг друга... Барон правильно поступил, прибыв раньше всех.

Юноша чувствовал себя немного неловко. Наяву Гретта Хафф понравилась ему ещё больше, чем на портрете; живой взгляд, приятный голос, стройная фигура с соблазнительными округлостями, мягкие движения. В выборе невесты отец ему угодил. Очень угодил.

– Я вижу впереди башни, – указала Гретта. – Это замок Регентропф?

– Да, это он.

– Он такой величественный! Я ещё в прошлый раз любовалась красотой замка и всегда с восхищением вспоминала о нём.

– Теперь вы будете часто бывать в Регентропфе. Бывать,

но не жить. К сожалению, жить вам суждено не в нём, а в Стайнберге – замке, намного уступающем Регентропфу и в размерах, и в красоте.

До Гретты донёсся грустный вздох юноши. Девушка ещё не знала, как тяжёло давалась ему чуждая его сердцу роль младшего сына.

Как бы ни были неприятны будущие бедные родственники, Патриция встретила их на пороге замка с радушием, со всеми полагающимися почестями. Барону Хафф с поклоном поднесла кубок красного вина, Гретту обняла по-матерински и даже попросила называть её не иначе, как просто фрау Патриция. Девушка была смущена, но обрадована столь горячим приёмом. Ландграфиня показалась ей очень доброй женщиной, а значит, и жить с ней будет легко.

Вдруг Гретта почувствовала чей-то взгляд на себе. Она робко повела глаза вправо, влево... Да, за ней наблюдал высокий молодой человек. Он смотрел пристально, стоял прямо, скрестив руки на груди, и ветер развивал длинные пряди смоляных волос. Гретта сразу узнала его – это был Берхард Регентропф. Её сердце резко остановилось, а после застучало быстро-быстро. Девушка даже почувствовала, как запылали её щёки, и отвела взор. И всё же интерес пересилил робость, и Гретта вновь повернула голову. Однако Берхард уже куда-то исчез, будто его и не было вовсе.

«Каким статным юношей он стал, – подумала Гретта. – И таким красивым. Интересно, помнит ли он меня? Верно, уж

забыл за столько лет».

Вслед за хозяевами гости прошли в широкую залу замка.

– Вам и вашей свите приготовлены комнаты в западном крыле замка, – говорила Патриция. – Ваши вещи туда отнесут. Сейчас вы отдохнёте, барон, а после за пир сядем... Впрочем, если вы очень голодны, я прикажу принести вам чего-нибудь...

– Спасибо, ландграфиня, – вежливо отвечал барон Хафф. – Вы очень добры, но не нужно лишних хлопот...

– А! Вот и Берхард! – воскликнул ландграф, увидев вошедшего в залу юношу. – Барон, представляю вам моего старшего сына Берхарда.

Молодой человек приблизился к гостям и приветствовал их почтительным поклоном.

– В последний раз я видел ваших сыновей ещё наивными отроками, – признал барон, – а нынче они уж сильные мужи.

– Мои сыновья – моя гордость, – похвастал ландграф.

Патриция лишь пренебрежительно усмехнулась на это замечание и отошла в сторону. «Гордость». Если бы Генрих гордился младшим сыном, то и не унижал бы его так. Женщина вновь повернулась к гостям и... И увидела нечто любопытное. Во взгляде Берхарда, направленном на Гретту Хафф светился нескрываемый интерес, и даже какое-то радостное любованье. А эта скромница Гретта, эта якобы скромница Гретта и не думала отводить взор и даже посмела улыбнуться в ответ на такую дерзость. А что же Густав? Ничего не

замечает. Значит, заметит. И тогда... Патриция даже улыбнулась, представив, что произойдёт тогда. Не долго осталось Берхарду радоваться жизни.

Перед сном Рюдегер зашёл в покои дочери. Она ещё не ложилась. Отослав на отдых свою прислужницу Лизхен, девушка задумчиво сидела у зеркала и медленно расчёсывала волосы. Новые впечатления, новые эмоции теснили её грудь, новые думы о не совсем ещё ясном будущем бродили в мыслях её. Девушка рада была видеть отца, родного человека, который поймёт её чувства, разделит радость и тревоги. Улыбнувшись, Гретта подошла к отцу и обняла его.

– Ах, папенька, как же хорошо нас здесь приняли! И комната такая уютная, и люди такие милые, и разговоры такие любезные!...

Рюдегер был доволен и успокоен восхищёнными речами Гретты.

– А как ты находишь своего жениха? – спросил он, ласково поглаживая по голове любимую дочь.

Гретта немного смутилась, но совсем немного:

– Густав храбр и благороден. И красив. Он по нраву мне. Уверена, что буду счастлива с ним.

– Дай Бог.

– Но Густав сказал, что мы не останемся в Регентропфе, а сразу после свадьбы уедем в поместье Стайнберг. Здесь станет жить семья Берхарда.

– Да, это так. Твой жених – сын младший, правителем Регенплатца ему не быть.

– Сначала я расстроилась, так как уж очень мне нравится этот замок. Но потом даже обрадовалась. Ведь Стайнберг совсем недалеко от наших земель, и я смогу часто навещать вас. Да, хорошо, что мы с Густавом уедем. А какая милая женщина ландграфиня! Она говорила со мной, словно с дочерью, мягко, ласково! Мы будем с ней дружны, обязательно.

– Я безмерно рад, доченька, что жизнь твоя в чужих краях пройдёт в спокойствии и счастье.

– Я не чувствую, что это чужие края. Мне хорошо в Регенплатце.

Рюдегер отечески поцеловал дочь и присел на скамью.

– Жаль, что твоя матушка не дожидала до этих счастливых дней, – с ноткой печали в голосе произнёс он. – Как бы она порадовалась за тебя!

– Не надо о грустном, папа, – Гретта присела рядом с отцом.

– Да, не надо. А что про Берхарда ты скажешь, Гретта?

Девушка опустила глаза, и смущение густым румянцем покрыло щёки её.

– А что я должна о нём сказать? – тихо произнесла Гретта.

– Он говорил с тобой ласковее других и смотрел нежнее других. Ты нравишься ему.

– Ах, что вы такое говорите? – ещё больше смутилась Гретта.

– Я наблюдал за ним во время ужина. И за тобой наблюдал. Ты часто улыбалась ему, смотрела смело, даже кокетничала.

– Ах, папенька! – с упрёком воскликнула девушка и, вскочив с места, отошла в сторону. – Я говорила с ним вежливо, как с приятным собеседником. Я и не думала кокетничать с ним.

– Я тебе верю, дочка, но поверит ли Густав, если заподозрит что-нибудь? Ты отныне его невеста, и обязана быть верна ему и словом, и взглядом. Иначе рискуешь лишиться честного имени.

– Я знаю, что такое честь девушки, отец, и сохраню её.

Оставшись одна, Гретта ещё долго не гасила свечи. Она сидела у тусклого зеркала, смотрела на своё отражение и думала. О себе, о будущей новой жизни, о новых людях, о... Девушка старательно отгоняла от себя мысли о темноволосом статном юноше, но они упрямо возвращались в её сознание. Зачем? «Он говорил с тобой ласковее других и смотрел нежнее других. Ты нравишься ему». Неужели правда? Гретта меланхолично улыбнулась, и душу её заволкло приятное тепло. В зеркале рядом с её образом вдруг появился образ Берхарда, да столь чёткий: мужественное красивое лицо, серьёзный взгляд ястребиных чёрных глаз, развивающиеся на ветру смоляные волосы...

Гретта резко одёрнула себя и даже с места вскочила. Ни к чему, совершенно ни к чему думать о нём. Она невеста,

ей в мужа предназначен совсем иной и не менее достойный человек. Она должна быть верна ему и посвящать свои думы ему одному. Девушка уверенно задула свечу и легла в постель. Она не уронит свою честь и имя своё доброе не потеряет. Закрыв глаза, Гретта постаралась представить себе образ Густава Регентропфа, однако у неё это никак не получалось. Зато красивые глаза Берхарда появлялись от одного только вздоха.

Но это неправильно. Так не должно быть. Это нужно исправить.

Генрих остался доволен пройденным днём и теперь прибывал в хорошем настроении. Он даже решил провести ночь в покоях своей супруги, что не случалось уже довольно давно.

– Какая хорошая девушка Гретта Хафф, скромная, благочестивая, – говорил Генрих, вставляя факел в держатель на стене.

– Да, хорошая, – эхом отозвалась Патриция, готовясь ко сну.

– Густав восхищён ею. – Генрих присел на кровать. – Знаешь, она мне даже больше нравится, чем Зигмина Фатнхайн.

– Для провинциальной жены и домохозяйки Гретта вполне подходит. Королевой ей не быть.

– Да, величия в ней мало, но гордости...

– Вот и объясни это Берхарду, – резко прервала мужа Пат-

риция.

Генрих тут же нахмурил брови, и лицо его приобрело жёсткое выражение.

– Чем опять юноша не угодил тебе?

– Он заигрывает с Греттой Хафф.

– Какую ерунду ты говоришь, Патриция! – возмутился

Генрих.

– Думаю, и сам барон обратил на это внимание. Не заметить его масляный голос и сладкие улыбки было невозможно. Это ты, как обычно, слеп...

– Берхард говорил с ней вежливо и деликатно...

– Слишком деликатно.

– Прекрати! – Хорошее настроение Генриха улетучилось, и он начал раздражаться.

Но Патриция и не думала прекращать.

– Он уже привык, что всё принадлежит ему, привык забирать себе то, чем должен владеть Густав.

– Прекрати!

– Он сразу положил взгляд на эту девушку, когда ты представлял нам портреты невест. Вот увидишь, твой любимчик совертит невесту Густава ещё до свадьбы...

– Прекрати! – раздражение Генриха быстро переросло в гнев. – Твоя ненависть к Берхарду переходит все границы! Ты готова обвинять его во всех мыслимых и немыслимых грехах. Настроила против него сестру, брата. Но меня ты не настроишь.

– Да я и не пытаюсь, – возразила Патриция. – Просто хочу тебе, дураку, глаза открыть на неблагоприятное поведение твоего сына, которое ты по любви своей отцовской не замечаешь.

– Я тебе не верю. Ты всегда ненавидела Берхарда, всегда видела в его поступках нечто пагубное...

– Когда согласишься, уже поздно будет. Смотри, как бы твоя глупая любовь не довела нас до беды.

– Если ты сама беды не натворишь, то она и не случится, – рявкнул разгневанный Генрих и, вскочив с кровати, нервно выдернул факел из держателя и быстро покинул покои супруги.

В ту ночь Берхард тоже долго не мог уснуть. Тревожные мысли и светлые чувства боролись в его душе, отгоняя от разума сон. Всего один вечер в обществе милой Гретты, и робкая влюблённость вспыхнула настоящей любовью. Юноша ворочался в кровати. Он зарывал глаза, призывал образ возлюбленной в свои сны. Однако этот образ был недостаточно выразительным, недостаточно ясным и светлым. Влюблённого юношу такое видение не устраивало.

Берхард снова открыл глаза. Темно. И уже, должно быть, очень поздно. Юноше надоело бесцельно ворочаться в кровати, он встал, прошёлся по комнате и остановился возле окна. За окном стояла тихая ночь. Но не её видел Берхард – образ дорогой Гретты затмевал всё; звёзды сверкали блеском

её глаз, лунный свет ниспадал волнами её волос, южный ветер ласкал её дыханием. «Гретта, милая Гретта», – вздыхало его сердце, и вздох печали вырывался из его груди.

Берхард отвёл глаза. Вновь прошёлся по комнате. Ему будто чего-то не хватало, он ещё не знал чего, но чувствовал, что без этого ему беспокойно и неудобно.

Взор юноши покосился в угол комнаты. Там на стене висел портрет Зигмины Фатнхайн; его приказал повесить здесь ландграф, дабы сын чаще думал о своей невесте. Но Берхард не мог о ней думать, да он и не смотрел в эту сторону. Молодой человек приблизился к портрету – даже в ночной темноте при бледном лунном свете был заметен холод юной девушки, красота зимы, надменная и своенравная. Нет, не любил Берхард зиму, не любил холод. Юноша взял покрывало и накинул на портрет своей невесты. Не её желали видеть глаза его.

Берхард вернулся к окну, зажёл свечу, сел за стол и развернул на нём чистый лист пергамента. И вот вскоре с тонкого листа смотрело на него лицо молодой девушки, ясное, милое и такое любимое. Берхард понял, чего ему не хватало – Гретты, её глаз, её улыбки, её присутствия. Но отныне она будет с ним рядом всегда, пусть даже и в виде рисунка.

Душа юноши успокоилась. Берхард затушил свечу, опустил голову на стол рядом с лицом возлюбленной и тихо погрузился в сон.

За завтраком разговор был вялым, натянутым. Больше говорили ландграф да барон Рюдегер Хафф, обсуждая проблемы поместий и дела общих знакомых. Патриция изредка вставляла в разговор пару фраз, но без какого-либо интереса.

Гретта Хафф сидела тихо, скромно опустив глаза. Она чувствовала себя немного неловко под прямым пристальным взглядом Густава. Юноша смотрел на неё, не отрываясь. Смотрел, хитро улыбался и молчал. С чего он так? Вчера он вёл себя иначе. И поведение Берхарда изменилось. Сегодня он почему-то тоже был крайне молчалив и даже избегал глядеть на неё. Лишь беседовал вполголоса с сидящим рядом Кларком Кроненбергом, другом своим. Разочаровался в ней? Предположения о том, что она ему понравилась неверно? Что ж, это даже к лучшему. Ей Берхард тоже не должен нравиться, по крайней мере, не настолько, чтоб приходить в её сны.

– Ох, Гретта, дорогая, – вдруг обратилась к девушке ландграфиня, – я совсем забыла высказать благодарность за ваш подарок мне!

– Как же, вы вчера уже благодарили меня, – негромко проговорила Гретта.

– Но вчера при тусклом вечере я его плохо разглядела. Гобелен прекрасен.

– О да, чудесная работа, – добавил похвалы Генрих. – Редкая красота.

– Спасибо, фрау Патриция... – Гретта даже покраснела от смущения, так и не смея поднять глаза, она не умела принимать восторги в свой адрес.

– Я велела повесить гобелен в моей комнате. Такое чудо должно быть на виду. Вы сами придумали сюжет рисунка? – вновь поинтересовалась Патриция.

– Да. Мне нравится придумывать различные узоры, сюжеты, – отвечала девушка. – Я вообще люблю рисовать...

– Но верно, вам кто-нибудь помогал?

– Нет. Я вышивала гобелен сама.

– У Гретты золотые руки, – с гордостью сказал довольный барон Хафф. – А мастерством и усердием её наградила матушка. Она тоже была редкой искусницей.

Последняя фраза вызвала печальный вздох из груди барона.

– Сын мой старший Берхард так же увлекается рисованием, – заметил ландграф. – Большим художником, правда, не стал, но... Но ему это и не нужно.

В девушке тут же вспыхнул интерес.

– Вот как, Берхард? А вы позволите мне взглянуть на ваши рисунки? – спросила Гретта у сидящего напротив неё юноши.

Берхард поднял на девушку взор и... и не смог его отвести. У неё такие добрые глаза, такая светлая улыбка, и голос такой приятный. Как ужасно, что всё это достанется другому.

– Позвольте, Берхард?

Как ласково она произносит его имя. О чём она спрашивает? Тема разговора затерялась в разуме. Берхард заставил себя отвести взгляд от лица ангела, так и не проронив ни слова.

Зато ответил Густав. Он всё видел, он наблюдал, и от него ничего не скрылось – ни интерес Гретты, ни восхищение Берхарда. Пусть на пару мгновений, но оно было, мелькнуло, и Густав его заметил. И это юноше не понравилось. Он наполнил презрением взор и холодом голос.

– Там совершенно не на что смотреть, – высказал Густав. – Поверьте мне, Гретта. Так, примитивные наброски.

– Это правда, – поддержала Патриция. – Вы только зря потеряете время, Гретта.

– Патриция. Густав! – с упрёком осадил Генрих.

Но Патриция вскинула на супруга недоумённый взор:

– Разве я неправа?

– Конечно, правы, матушка, – отозвался спокойный голос Берхарда. – Мои рисунки определённо не имеют никакой ценности.

Гретта прибывала в растерянности. Она не понимала, отчего усмешка Густава была так презрительна, отчего мать столь пренебрежительна к сыну, и отчего сам Берхард не защищается, а наоборот, согласен с принижением? Не знала ещё Гретта, как жили, чем дышали, как относились друг другу члены семьи, в которую ей предстояло войти. Всё ли здесь

гладко и благополучно, царят ли здесь лад и уважение? Отчего какой-то пустяк, незатейливая тема вызвала столь неожиданные эмоции? Гретта закусила губу и опустила взор – а вдруг это она что-то не так сделала, не то сказала? Верно, вела себя не слишком скромно.

Барон Хафф также был несколько озадачен. Он озабоченно сдвинул брови. До него долетали слухи о вражде братьев Регентропф, но от подобных сплетен Рюдегер отмахивался, как от ерунды. А теперь зародились сомнения: неужели те слухи правдивы? Надо будет присмотреться.

Генрих остался крайне недоволен поведением супруги и в другой бы момент, высказал ей, но при гостях выяснять отношения и скандалить он не желал, а потому сделал усилие и промолчал.

За столом возникла пауза, тяжёлая, наполненная скрытыми неприятными чувствами. Трапезу продолжали молча, каждый был погружён в свои думы, старательно сохраняя при этом абсолютно невозмутимый вид. Первым нарушил тишину барон Хафф:

– Ландграфиня, позвольте узнать, скоро ли приедет ваша дочь, прекрасная Маргарет?

Патриция добродушно улыбнулась.

– Очень скоро. Мы ждём её буквально на днях. – Она охотно приняла эту тему.

– Я не видел Маргарет уже много лет. Не сомневаюсь, что она стала ещё красивее, чем была.

– Это верно. Молва окрестила её первой красавицей королевства, – с гордостью похвастала Патриция.

– Да, да, графу Гельпфригу многие завидуют, – согласился Рюдегер. – Ещё я слышал о его большой ссоре с младшим братом.

– Да, я тоже слышал, – подхватил Генрих. – Она закончилась дракой, и теперь братья враждуют.

– Но что же такого случилось? Они всегда были дружны, уважали друг друга, защищали...

– Я точно не знаю...

– А может, Маргарет что-то говорила вам об этом?

– Она ничего не говорила, – резко отозвалась Патриция. – И вообще, это не наше дело.

– Просто удивительно. Удивительно и ужасно. Родные братья вдруг стали врагами...

– Да. Братская вражда – это ужасно, – проговорил Генрих. – Особенно, если от отношений между этими братьями зависит жизнь и счастье многих невинных людей, зависит мир в селениях.

Рюдегер Хафф обратил внимание, что, произнося слова эти, ландграф направил внимательный взор на своих сыновей. Неужели Густав и Берхард действительно враги друг другу?

– Какую скучную тему ты завёл, – упрекнула мужа Патриция и повернула разговор в совсем иное русло. – Гретта, вы не успели ещё осмотреть наш замок?

– Нет, ещё не успела, – негромко отозвалась девушка.

– Тогда разрешите мне показать вам все его красоты, – предложил Густав. – Я постараюсь сделать нашу прогулку занимательной.

Гретта бросила мимолётный взгляд на Берхарда, но тот сохранял равнодушие и предпочёл разглядывать свой бокал.

– Да, я не откажусь от такой прогулки, – с вежливой улыбкой дала ответ девушка.

Густав вышел из-за стола (нынче он был одет более нарядно, чем накануне) и направился к Гретте.

– Замок очень большой, и путешествие по нему может затянуться, – предупредил он. – А потому предлагаю начать его прямо сейчас. Если вы не против, конечно.

Гретта взглянула на отца – Рюдегер Хафф, улыбнувшись, одобрительно кивнул головой.

– Вы правы, Густав. Давайте начнём сейчас, – согласилась Гретта.

Девушка вышла из-за стола и вместе со своим кавалером покинула залу.

– Может, и мы совершим верховую прогулку? – предложил Берхарду Кларк. – Дадим размять ноги нашим коням.

– Хорошая идея, – согласился Берхард. – Отец, вы позволите нам с Кларком удалиться?

– Да, конечно, – отозвался Генрих.

– Я, пожалуй, тоже пойду, – сказала Патриция, вставая с места. – Навещу мать. Вчера она себя неважно чувствовала.

Генрих фон Регентропф и Рюдегер Хафф остались за столом одни.

– У вас очень хорошая дочь, Рюдегер, – проговорил Генрих. – Очень хорошая. Густав влюбился в неё с первого взгляда.

– Он Гретте тоже пришёлся по нраву, – отозвался барон.

– Это меня радует. Но признаться, у сына моего довольно сложный характер. Он упрям, эгоистичен... воинственен. Я возлагаю большую надежду на то, что мягкость Гретты благоприятно подействует на Густава, и её любовь усмирит огонь в его крови.

– Извините, ландграф, моё любопытство, я заметил, что между Густавом и Берхардом нет дружбы, но много разногласий. Отчего так?

Генрих глубоко вздохнул. Разногласия. Да между его сыновьями идёт настоящая тихая война. Пока тихая. Сказать ли об этом Рюдегеру? Пожалуй, надо. Ведь его дочь, выйдя замуж за Густава, будет втянута в эту войну. Вот только как поведёт себя барон, узнав правду отношений в семье Регентропф? Не передумает ли отдавать дочь за Густава? Терять его земли, которые впоследствии можно будет присоединить к Регенплатцу, не хотелось бы.

– Вы, верно, знаете, что у мальчиков разные матери, – осторожно произнёс Генрих.

– Да, до меня доходили такие сведения, – признался Рюдегер.

– Вот от этого и все разногласия.

Таким ответом Генрих не высказал ничего конкретного и в то же время сказал обо всём. Рюдегер Хафф принял объяснение. Ему хотелось знать больше, но заметив напряжение на лице ландграфа и поняв, что затронутая тема давалась тому нелегко, настаивать на подробностях не стал.

Юноши вышли из залы и направились в свои покои, чтобы одеться к верховой езде.

– Мне показалось, или в тебе действительно пропал интерес к Гретте? – поинтересовался Кларк, идя рядом с другом по коридору.

– С чего ты решил это? – отозвался Берхард.

– За столом ты был таким невозмутимым.

– Если б ты знал, как тяжело мне давалась эта невозмутимость, – вздохнул Берхард.

– Значит, мне показалось.

– Зайдём ко мне на минуту, – предложил Берхард.

Пропустив в свою комнату Кларка, Берхард плотно прикрыл дверь. Затем прошёл к стоявшему за камином небольшому сундуку и достал из него скрученный лист пергамента.

– Вот, смотри, – протянул Берхард другу лист. – Это я нарисовал сегодня ночью.

Кларк взял пергамент и развернул его.

– О! Прекрасный портрет! – восхитился он. – Учитывая, что он был создан ночью, то вряд ли списан с натуры.

– Он списан с моей памяти. Памяти, из которой образ Гретты не выходит ни на минуту.

– Девушка словно живая!...

– Я не знаю, что мне делать, Кларк. – Берхард устало опустился на кровать. – Я стараюсь смотреть на Гретту, как на обычную девушку, заставляю себя испытывать к ней только дружеские чувства... Но у меня ничего не получается. Сердце тянется к ней, а ревность к Густаву разрастается. Я не смогу долго притворяться, изображать равнодушие к Гретте. Наверное, я всё же поговорю с отцом. Пусть отменяет мою свадьбу с Зигминой...

– Постой. Не торопись так, – призвал Кларк и, свернув рисунок, приблизился к своему опечаленному другу. – Всё не так просто. Кроме твоего отца есть ещё и барон Хафф, который подписал договор, который дал ландграфу слово чести. Есть ещё и сама Гретта. Согласна ли будет она поменять женихов? Тем более что ты после ссоры с отцом, скорее всего, потеряешь трон Регенплатца.

– Думаешь, она из тех, кто материальное положение ставит превыше всего?

– Я её плохо знаю. Впрочем, как и ты. Присмотрись к ней получше. Скромный взор и милая улыбка ещё ничего не значат. И неизвестно, нравишься ли ты ей вообще. Посмотри, как любезна она с Густавом. Он хорош собой (что правда, то правда) и тоже богат...

– Ты подливаешь масла в огонь, – простонал Берхард.

– Я просто говорю правду. Я хочу помочь тебе и потому советую не торопиться.

– Гретта замечательная девушка и достойна обожания, – остался Берхард при своём мнении.

– Я не спорю. И всё же прежде, чем ставить всё с ног на голову, подумай хорошо, по-умному оцени ситуацию и последствия. А главное помни, что ты не простой смертный, и от твоих поступков зависит многое и многие.

Бродя по коридорам замка, Гретта не переставала восхищаться его красотами: цветные витражи, резная мебель, высокие сводчатые потолки, искусно выполненные гобелены, фамильные портреты. Жаль только, что Густав мало рассказывал об истории семьи, о характерах живших здесь людей. Он не молчал, говорил много, но не о том, о чём Гретте было бы интересно слушать. Жаркие истории о кровавых баталиях, о набегам пиратов, о карательных экзекуциях её совсем не увлекали.

– Ну вот, осталось только северное крыло замка, – сказал Густав. – В нём расположены лишь гостевые покои, ничего примечательного. Но если хотите...

– Что ж, если вы говорите, что ничего примечательного... – пожал плечами Гретта. – Ваш замок столь велик. Честно говоря, я даже немного устала.

– Вам было интересно?

– Да, очень, – девушка не стала расстраивать собеседника.

– Я ещё хочу предложить вам подняться на одну из башен замка. Точнее, на восточную башню. Она выше остальных, и с неё виден почти весь Регенплатц. Драконова гора, весь Крафтбург, наше поместье Ребсток, что на противоположном берегу Рейна... Кстати, я покажу вам скалу, у которой и произошла та битва с пиратами...

Полюбоваться окрестностями с высоты башни – это прекрасно, но снова выслушивать о жестоких сражениях... Гретта тяжело вздохнула.

– Это очень заманчивое предложение, – ответила девушка. – Но прошу вас, давайте отложим подъём на башню на завтра. Я действительно немного устала и была бы не против отдохнуть.

– Хорошо, – тут же согласился Густав.

Ему тоже уже надоело играть роль учтивого кавалера. Да была б его воля, он бы с удовольствием показал бы Гретте всего одну комнату – свою спальню, и продемонстрировал бы всего одну битву – битву за девичью честь и невинность. Вот это было бы интересно, ярко, с чувством. Однако приходилось соблюдать приличия. Эти глупые лишние приличия.

– Я провожу вас в ваши покои, – предложил Густав и повёл девушку по коридору.

Ничего, осталось совсем немного до свадьбы, и тогда он даст волю и чувствам, и действиям, тогда больше не придётся притворяться. А сейчас необходимо быть хорошим, необходимо нравиться.

В комнате Гретту уже поджидала Лизхен, суетливая молодая женщина с усыпанным мелкими веснушками лицом и рыжими волосами, убранными в две косы.

– Долго же вы гуляли, госпожа, – заметила Лизхен.

– Долго, – согласилась Гретта. – Замок больше, чем я его себе представляла.

– Зато какой красивый! Я приготовила вам прохладной воды и фруктов. Подумала, вдруг вы устанете, захотите отдохнуть. Хотите, я приготовлю вам постель?

– Нет, Лизхен, не надо. Спасибо. – Гретта прошла и села на стоящий у окна стул. – Я немного утомилась, но спать не хочу.

Лизхен поднесла госпоже блюдо с фруктами, и Гретта выбрала себе красное сочное яблоко.

– Ты сама как утро провела? – спросила она служанку.

– Ой, хорошо! – весело отозвалась Лизхен и, оставив на стол блюдо, поведала. – Была во дворе, всё осмотрела, познакомилась кое с кем из слуг. Потом пошла в кухню, там, конечно, мне нашли дело, я помогала чистить орехи. За это меня угостили очень вкусным пирогом с капустой. Ой, в кухне так интересно, столько разговоров! Говорили о жизни в Крафтбурге, о весёлых праздниках, обсудили свадьбу сестры одной поварихи... Ох, о многом наслушалась!

– Рада я, что тебе здесь не скучно, – рассмеялась Гретта.

– Ой, да мне нигде не скучно, госпожа! Вы же знаете мой

непоседливый нрав.

– А скажи мне, Лизхен, что говорят слуги о молодых господах?

– Ой. Говорят, что братья не дружат, часто ссорятся друг с другом, а в детстве даже дрались. Но в общем об обоих юношах хорошо отзываются. – Лизхен приблизилась к госпоже своей и тоном заговорщицы добавила. – Но вот что странно, как только разговор заходит о семье ландграфа, все, словно по приказу, замолкают или говорят весьма осторожно. Мне кажется, в этом семействе есть какая-то тайна.

– Тайна? – удивилась Гретта.

Она тут же вспомнила странные завуалированные фразы между членами семьи Регентропф, многозначительные взгляды, которые они посылают друг другу. Вчера Гретта была переполнена эмоциями и не обращала на это внимание, но сегодня подобное поведение хозяев замка слегка озадачивало.

– Возможно, ты ошибаешься, Лизхен, – сказала Гретта. – Просто слуги уважают хозяев своих и не сплетничают.

– Где вы видели слуг, которые не сплетничают о своих хозяевах? – усмехнулась Лизхен. – Нет-нет, тут они будто приказ выполняют. Особенно пожилые слуги. Они сразу переглядываются друг с другом и замолкают. А молодые и сами ничего не знают. Однако хотят узнать, их глаза светятся любопытством. Вот только задавать вопросы о семье ландграфа молодым, похоже, запрещено, и они молчат.

Гретта лишь пожала плечами.

– Тайна? Какая же у них может быть тайна? – не понимала она. – То, что сыновья ландграфа враждуют? Да это и так видно.

– Значит, есть что-то ещё.

– Быть может, что-нибудь связано с их сестрой Маргарет?

– Самой интересно, да спросить ни у кого нельзя.

Вдруг с улицы раздалось громкое лошадиное ржание. Любопытная Лизхен тут же подбежала к распахнутому окну.

– Ой! Ой! Какие молодцы! – воскликнула она.

Заинтригованная восхищением служанки Гретта тоже подошла к окну. На широкой площадке расположенной за розовыми кустами гарцевали на конях два молодых всадника. Это были Кларк Кроненберг и Берхард Регентропф. Юноши заставляли своих коней вставать на дыбы, высоко поднимать передние ноги, ходить боком. Как хороши были наездники, как умелы. Взор радовался, наблюдая за ними.

– Лично я, госпожа, нахожу господина Берхарда Регентропфа намного красивее брата, – высказала Лизхен своё мнение.

– Да, мне он тоже нравится больше Густава, – меланхолично вздохнув, согласилась Гретта.

– Правда? Ой, а как же вы тогда выйдете замуж за Густава? – всплеснула руками Лизхен. – Без всякой симпатии. Может, скажете об этом батюшке? Пусть он похлопочет, чтобы вас выдали за Берхарда.

– Да что ты, Лизхен! Думаешь, всё так просто? Отец не пойдёт на это. Берхард – принц Регенплатца, ему нужна принцесса. Я и так должна благодарить судьбу, что она связала меня со столь великой фамилией Регентропф. Да и сам Берхард со мной холоден. Вежлив, но холоден.

– Ну что вы, госпожа! Вчера его глаза сияли интересом. Это многие заметили.

– Вчера, может быть. Но сегодня за завтраком Берхард был крайне сдержан со мной.

– Возможно, сегодня у него просто плохое настроение, – отмахнулась Лизхен.

Стоя у окна, девушки продолжали наблюдать за занятиями всадников, то посмеиваясь над их ошибками, то восхищённо ахая от их успехов. Спустя некоторое время до юношей стало долетать эхо женских голосов. Берхард обернулся на звук и встретился взглядом с возлюбленной Греттой. Девушка замерла, застигнутая врасплох, но не смутилась и даже взор не отвела, не смогла. Чёрные глаза молодого рыцаря всё глубже проникали в её сердце.

– Кажется, за нами подсматривают, – заметил Кларк.

Ничего не ответил Берхард. Он развернул своего коня к замку и заставил его выставить вперёд ногу и склонить голову в поклоне. За это в награду юноша получил весёлую улыбку дамы сердца и её одобрительные аплодисменты.

– А вы говорите, будто Берхард холоден к вам, – упрекнула Лизхен. – Даже коня заставляет перед вами преклоняться.

– Нет, это просто вежливость, Лизхен, – вздохнула Гретта. – Только вежливость.

Отдохнув немного, Гретта вышла прогуляться в сад, который она видела из окна своей комнаты. Клумбы пестрили разнообразными цветами, белоснежные лилии распространяли в воздухе сладкий аромат, смешивая его с нежным ароматом тёмно-розовых и красных роз. Девушка любовалась цветами, наклонялась к ним, вдыхала запахи, ласкала пальчиками бархатистые и атласные лепестки. И ещё она подумала, что нужно попробовать зарисовать увиденную красоту, собрав в рисунке все эти цветы в один букет.

Вдруг Гретта почувствовала за спиной чьё-то движение. От неожиданности девушка вздрогнула и резко обернулась. На тропинке стоял Берхард Регентропф.

– Я напугал вас, извините, – произнёс юноша.

– Нет-нет, я просто задумалась... – проговорила Гретта, старательно скрывая охватившее её смущение.

– А почему вы гуляете в одиночестве?

– Мне очень понравились цветы в вашем саду, и я вышла посмотреть на них.

Гретта уже совладала собой и решилась поднять взор на собеседника. Вот Берхард подошёл к ней ближе, и сердце вновь заволновалось.

– Садам занимается специальный садовник или ваша матушка? – спросила Гретта, чтобы завязать какой-нибудь раз-

говор.

– Скажем так, садовник под управлением матушки, – улыбнувшись, ответил Берхард. – Вы любите цветы?

– Да, очень. Я и сама их выращиваю. Но мой садик, конечно, уступает вашему и в размерах, и в разнообразии.

В незатейливом разговоре возникла пауза. Берхард торопился, его зачем-то срочно вызвал к себе отец. Нужно было идти, но нечаянная возможность побыть наедине с Греттой задерживала, и укорачивать эти прекрасные минуты не хотелось.

– Вы получили удовольствие от осмотра замка? – задал юноша новую тему разговора.

– Да, ваш замок великолепен! – восхитилась Гретта.

– И на башню поднимались?

– Нет. Я предложила Густаву перенести этот подъём на завтра. Замок так велик, что я немного устала от прогулки по его коридорам.

– Да, большой. Таким его создал мой предок Берхард Регентропф, получивший прозвище Отважный. А в народе его ещё называют Берхард-Строитель. До него замок Регентропф был весьма скромных размеров. Может, чуть побольше Стайнберга, где вам предстоит жить в скором времени.

– Вам дали имя в честь этого предка? – дала Гретта волю любопытству.

– Да. Отец говорит, что в честь него.

– И в чём же тот Берхард был отважен?

– В своё время он участвовал в двух крестовых походах, – поведал Берхард. – Вернулся не только со славой, но и с богатством. Да столь великим, что смог возвести Регентропф, увеличить строительство Крафтбурга и присоединить к Регенплатцу поместье Ребсток, где сегодня правит мой дядя Норберт. Да разве Густав об этом не рассказывал вам?

– Нет. Он больше говорил о войнах, о сражениях... – с сожалением вздохнула Гретта.

– Да, военные баталии более других тем заняты ему, – согласился юноша. – А вас интересует история династии Регентропф?

– Конечно, интересует. Ведь я скоро стану частью этой династии.

– В библиотеке замка есть свитки, на которых изложена вся летопись рода Регентропф, от самого начала и до рождения моего отца.

– О! Это будет любопытно почитать.

– Вы знаете, где библиотека?

– Густав показывал мне её. Но... Признаться, я всё ещё плохо ориентируюсь в коридорах замка. Кажется, этот кабинет в южном крыле?

– Да, в южном. Совсем недалеко от ваших покоев. Я могу вас проводить.

– Благодарю. Я не откажусь.

Путь до библиотеки показался Гретте очень коротким. Поднялись по лестнице на второй этаж, завернули за угол и

всё, вот нужная дверь.

– Прошу вас, проходите, – пригласил Берхард, распахивая перед спутницей дверь.

Гретта вошла в кабинет и огляделась.

– Какое большое собрание свитков и книг! – подивилась она, проходя мимо стеллажей.

– Да, Регентропфы ценят и науку, и искусство.

– И вы всё это прочли?

– Ну, не всё, но многое, – признался Берхард, а после снял с ближайшей полки небольшой ларец и поставил его на стол. – Вот здесь вся история Регенплатца и династии Регентропф.

Гретта подошла к столу и открыла ларец – в нём лежало около двух, а, может, и трёх десятков пергаментных свитков.

– Ох, как много! – вновь подивилась девушка.

– Фамилии Регентропф почти тысяча лет, поэтому и история у неё долгая.

Гретта взглянула на Берхарда и улыбнулась. Как приятно было разговаривать с этим юношей, да и просто находиться рядом, видеть его, слушать его мягкий голос.

– Я рада, Берхард, что скоро стану частью вашей семьи, – призналась Гретта.

Юноша согласно кивнул головой.

– Я тоже рад, Гретта, – негромко проговорил он и после короткого молчания добавил. – Только жаль, что вашим домом станет не этот замок.

Невольно из груди Берхарда вырвался печальный вздох. Как бы хотел он всё изменить, сделать так, чтобы Гретта осталась в Регентропфе, осталась в качестве его невесты, нет, в качестве его жены. Это прекрасное нежное создание придётся отдать другому. Мысль об этом причиняла Берхарду боль. И не желая выдать её, он отвернулся от девушки, даже отошёл в сторону.

– Вы уже уходите? – встрепелась Гретта.

– Да... Мне нужно идти, извините, – проговорил Берхард и направился к двери.

Гретте было жаль отпускать столь приятного собеседника.

– А я хотела попросить вас показать, что ещё здесь есть интересного для чтения, – сказала она.

Берхард остановился и обернулся. У него тоже отсутствовало желание уходить. Но надо было.

– К сожалению, я не могу больше уделить вам время, Гретта, – сказал юноша. – Отец просил меня срочно зайти к нему. Мне действительно нужно идти.

– Почему так срочно? – поинтересовалась Гретта. – Случилось что-нибудь?

– Пока сам не знаю. Вот, спешу узнать.

– Что ж, тогда не буду вас задерживать.

Отвесив девушке короткий поклон, Берхард направился к выходу. Но вдруг снова остановился.

– Вы сможете найти свою комнату? – спросил он, обернувшись.

– Думаю, смогу, – ответила Гретта, но неуверенно пожала плечами.

– Здесь близко. Выйдете, повернёте налево, и вторая дверь с правой стороны ваша.

– Я поняла. Спасибо.

Берхард улыбнулся очень по-доброму. Ещё раз поклонившись, юноша покинул библиотеку. Нет, он вовсе не холоден. И с чего она так решила?

Лишь за обедом Гретта узнала, по какому поводу Берхард встречался с отцом.

– Нынче этот... Берхард решил к трапезе опоздать? – поинтересовалась Патриция, присаживаясь за стол.

– Он не будет обедать, – спокойно ответил Генрих. – И на завтрак завтра так же не выйдет.

– Почему?

– В одной из деревень вспыхнул большой пожар. Я отправил Берхарда узнать о причине, оценить ситуацию и оказать помощь пострадавшим.

– Нужно было тебе самому поехать, – высказала Патриция.

– Ничего, Берхард справится, – ответил Генрих.

– И Кроненберг поехал с ним? – спросил Густав, заметив, что за столом нет и Кларка.

– Да, Кларк высказал желание сопровождать Берхарда.

– Но должен был поехать я, – не унимался Густав. – Я, как правая рука правителя Регенплатца.

– Кларк поехал не как правая рука будущего правителя Регенплатца, а как его друг, – осадил сына ландграф.

Уточнение, что именно Берхард является будущим правителем, вновь полосонуло по разгневанному сердцу Густава. Как же он ненавидел этого волчонка, имеющего такую великую власть над отцом, над властелином Регенплатца. От обиды юноша резко выдохнул и зло сжал губы; в его душе загорелась масса возражений.

– Отец!.. – воззвал он, желая выпустить из души этот огонь.

– Не надо, сынок, – мягко остановила сына Патриция. – Отец всё равно тебя не поймёт.

Настала очередь ландграфа разгневаться, однако он промолчал, лишь жёстко взглянул на супругу и сына, упрекнув за глупые капризы. Но Патриция не испугалась взора мужа, она была уверена в своей правоте и в ответ гордо вздёрнула подбородок.

Вот опять какие-то непонятные знаки в немом разговоре хозяев замка. Гретта вновь почувствовала неловкость, даже аппетит пропал, и девушка отложила ложку. Зачем же они так себя ведут?

Рюдегер Хафф так же понял, что перед ним снова разыгралась семейная ссора. Неприятно ему было наблюдать за подобным. «Что же за жизнь в этой семье? – думал Рюдегер. – Моя любимая супруга хоть и вышла из простого незнатного рода, но была добра и тактична и никогда не поз-

волила бы себе ссору со мной при посторонних людях».

– В этом году лето очень жаркое, – заговорил барон, сделав вид, будто не заметил ничего особенного. – Вот уже июль, а небо не подарило ни одного дождя. Зато солнце палит нещадно. Как тут не случиться пожарам? За урожай бо-язно.

– Да, урожай страдает, – поддержал тему ландграф, вернувшись к трапезе. – В Регенплатце не было голода уже много веков, даже во время войн. Не хотелось бы, чтоб он наступил из-за капризов погоды.

– Почему вы не кушаете, Гретта? – вдруг заметил Генрих. – Что-то не так?

Гретта встрепенулась, подняла глаза на ландграфа и заставила себя улыбнуться.

– Ну что вы, всё хорошо, – ответила она. – Просто... Просто голова... немного болит...

– Так может, вам лучше пойти прилечь?

– Нет-нет, благодарю, ваше сиятельство. И прошу вас, не обращайтесь на меня внимания...

– Это, должно быть, от жары, от духоты, – предположила Патриция. – У меня тоже тяжесть в голове. Ничего, милая, после обеда отдохнёте, а вечером придёт благодатная прохлада, можно будет выйти прогуляться.

– Спасибо, фрау Патриция, вы так добры ко мне.

Гретта была искренна в своей благодарности, она любила Патрицию, поверила в её доброту. Вот только пока ни-

как не могла понять, отчего такая хорошая женщина, могла быть столь пренебрежительна, столь холодна к старшему сыну. Загадка.

С прогулки Гретта вернулась в приподнятом настроении, она улыбалась и даже напевала какую-то лёгкую песенку.

– Ой, госпожа! – воскликнула встретившая её прислужница. – Вижу, сегодняшняя прогулка с господином Густавом доставила вам больше удовольствия, нежели вчерашняя.

– Ещё сколько удовольствия! Лизхен, если б ты только видела! Какой прекрасный вид открывается с башни! – Гретта усадила удивлённую служанку на стул и, не пытаясь сдерживать восхищённых эмоций, стала ей рассказывать. – Я поднялась так высоко, что, если бы на небе были облака, я бы, наверное, до них дотянулась. Ветер с гор развивал мои волосы, и солнце жаркими лучами касалось моего лица. Я чувствовала себя птицей!

– Боже мой, какая высота! И вы не боялись?

– Нисколько не боялась. Я увидела, какая красивая земля – Регенплатц, как велика она. Я видела город Крафтбург словно на ладони; его красные черепичные крыши, изогнутые улицы, цветущие деревья, видела бухту с кораблями... А люди кажутся такими маленькими-маленькими, снуют туда-сюда, будто муравьишки. А ещё я видела Рейн. Я знала, что он большой, но не ведала, что столь величественен. Тёмные глубокие воды его, отвесные скалы берегов буквально

заставляют трепетать в благоговении перед ним. А в том месте, где к нему присоединяется стройная Стиллфлусс, Рейн накрывает её тихое течение тёмным плащом своих волн, будто заботливо обнимает.

– Ох, как красиво! – всплеснула руками Лизхен.

– Да, очень красиво. Внизу эта красота не так заметна.

– А драконью гору вы видели?

– Конечно. С той стороны, где находится пещера, в которой когда-то жили драконы, на горе не произрастает ни единой травинки, склон сплошь покрыт лишь серым камнем. Вот насколько ядовито было драконье дыхание.

– Удивительно! А что вам рассказывал сегодня господин Густав?

Свет радостного волнения в глазах Гретты слегка померк.

– Да ничего интересного. Начал говорить о пиратах, об их излюбленных способах казни... Я не слушала. Хорошо, что я вчера прочла летопись о династии Регентропф, о развитии Регенплатца, иначе со слов Густава я сделала бы вывод, что это кровавые земли, и правили ими убийцы и тираны.

– Неужели господин Густав не понимает, что дамам подобные истории не нравятся?

– Видимо, не понимает, – пожалала плечами Гретта. – А впрочем, может, это только мне кровавые сказки не принесут удовольствия? Ох, боюсь, Густаву будет скучно со мной.

– Ой, это вам с ним будет скучно, госпожа.

Вздохнув, Гретта отошла к окну и взглянула на прекрас-

ные цветы в саду, по тропинкам которого она гуляла накануне. И в котором нечаянно встретила с Берхардом Регентропфом.

– Стоя на башне, я видела, как вдоль берега Рейна ехали всадники, – поведала Гретта. – Это со своей свитой возвращался домой Берхард.

– Мне кажется, этот молодой человек вам всё больше нравится, – пожурела Лизхен, приблизившись к своей госпоже.

– Больше, чем хотелось бы, – тихо призналась Гретта. – Больше, чем позволяет приличие. Я слишком часто думаю о нём и... и... Лизхен, меня будто тянет к нему.

– А может, не стоит сопротивляться этому тяготению?

Гретта обернулась и пристально взглянула на служанку. Что она такое предлагает?

– Это неправильно, Лизхен. Я невеста Густава...

– Ну и что? Ой, вы думаете, я советую вам согрешить? – Лизхен даже рассмеялась. – Просто прогнать скуку, провести время с приятным собеседником.

– Но как же...

– Вот вчера вы провели с господином Берхардом несколько минут наедине, и никто не узнал о том. Почему бы и сегодня не повторить подобное? Пока нет гостей, пока не приехала его невеста, пока вы с ним свободны...

– Вчера мы встретились случайно.

– И сегодня можете случайно встретиться, – продолжала настаивать неугомонная Лизхен. – Например. Вы плохо зна-

ете замок и, заблудившись, случайно заглянули в комнату господина Берхарда.

– Ты с ума сошла! – упрекнула Гретта и даже отвернулась от служанки.

Однако её души уже коснулось грешное сомнение – а почему бы нет? Почему бы не урвать у судьбы несколько минут, чтобы послушать бархатный голос молодого мужчины, чтобы ещё раз заглянуть в чёрные ястребиные глаза.

– Вы же хотели взглянуть на его рисунки...

– Лизхен! – одёрнула служанку Гретта.

Девушка развернулась и отошла вглубь комнаты. Чувство гордости и целомудрия сцепились в схватке с соблазном и риском.

– Ну что ж, тогда сидите в комнате и учитесь скучать, ибо скука станет основным чувством вашей скорой семейной жизни.

Это стало последним доводом в споре. Гретта решилась. «Но только один раз», – мысленно пообещала она себе. А служанке наказала:

– Если вдруг кто-то обо мне спросит, скажи, что я сплю.

– Ой, госпожа, не беспокойтесь, – весело откликнулась хитрая Лизхен.

Гретта знала, куда нужно было идти. Повернула направо в южное крыло, спешно прошла длинный широкий коридор, несколько ступеней вверх и снова повернула, попав в крыло восточное. Только здесь девушка осознала, что в этом же

крыле расположены покои и самого ландграфа, и даже Густава. И ещё Гретта не помнила, где именно комната Берхарда. А вдруг она постучится не в ту дверь? Боже, стыд-то какой! «Ну, ничего, скажу, что заблудилась», – как могла, успокаивала себя Гретта.

Впрочем, кабинет ландграфа оказалось легко распознать – у его двери была выставлена стража из одного солдата. Гретта молча прошла мимо него. Караульный проводил девушку спокойным взглядом и тоже промолчал. Следующую дверь Гретта узнала; да, это она, указывая именно на эту дверь, Густав сухо бросил: «Покои брата». Гретту тут же охватили смущение и неуверенность. Может, лучше вернуться? Девушка покосилась на стоявшего поодаль солдата – тот всё так же молча наблюдал за ней. Нужно было что-то делать, иначе неловкое топтание у двери вызовет подозрение. Гретта постаралась сбросить неуверенность и постучала в дверь. Однако ей ответила тишина. Тогда девушка постучала громче – снова никто не отозвался, но дверь слегка приоткрылась, она оказалась не запертой. Гретта вновь покосилась на солдата, не сводившего с неё глаз. Зайти или уйти? Недолго думая, Гретта зашла.

В просторной комнате никого не было. Гретта прикрыла за собой дверь, прошла несколько шагов, встала и огляделась. Точно ли это покои Берхарда? Резная мебель, сундуки, на стене гобелен... А это что? На стене висело нечто, покрытое покрывалом. Движимая любопытством, Гретта подошла

к этому нечто и приподняла край покрывала – картина, нет, портрет какой-то незнакомой девушки. Хорошенькая и такая юная. Интересно, кто она? И почему закрыта?

Гретта опустила покрывало, снова огляделась, прошла к столу. На нём лежало несколько свитков. Нехорошо подсматривать, но так любопытно! Девушка взяла крайний свиток и развернула его – какое-то письмо, написанное аккуратным мелким почерком. Даже не письмо, а какой-то отчёт с цифрами, подсчётами. Гретта свернула свиток, отложила и взяла самый дальний. Развернула и ахнула. Перед её взором предстал её же собственный облик. Девушка улыбнулась. Надо же, Берхард написал её портрет. Да как умело! Как талантливо! Но зачем? Может, Густав попросил его? Нет, ведь Густав не слишком уважительно отзывался о художественных талантах брата. Тогда зачем? Неужели для себя? От этой мысли Гретта почувствовала жар в душе. Ведь если так, значит, она Берхарду нравится? Значит, он к ней... Неужели неравнодушен?

Сначала эта догадка Гретту обрадовала, но после испугала. Ведь это неправильно. Судьба приготовила им разные пути. Ей суждено стать женой Густава, ему – стать мужем молодой графини Зигмины. Между ней и Берхардом не должно быть никаких чувств, кроме дружеских. Гретта свернула рисунок и положила на то место, с которого взяла. Зря она пришла сюда. Лучше уйти, пока не вернулся хозяин комнаты.

Девушка повернулась к двери, но в этот момент та открылась, и в комнату вошёл Берхард Регентропф. Юноша был крайне удивлён, завидев гостью. Удивлён и обрадован.

– Гретта? Вы?

– Я... Я... – Гретта оказалась в растерянности от неожиданной встречи. – Я случайно зашла... в вашу комнату... Я шла...

– Вы заблудились? – помог Берхард.

– Да... Кажется...

Берхард не поверил, но виду не подал. Какая разница, почему Гретта пришла сюда, главное, что она пришла. Берхард прикрыл за собой дверь и приблизился к девушке.

– Что ж, раз так случилось, будьте моей гостьей, – с радужной улыбкой пригласил он. – Сейчас я распоряжусь, чтобы принесли вина и фруктов...

– Нет-нет, – запротестовала Гретта. – Мне лучше уйти.

– Почему?

– Я... Вы... Вы, верно, устали после дороги... Я не хочу вам мешать.

– Но вы вовсе не мешаете. И отдых в приятной компании лучше, нежели отдых в одиночестве.

Гретта прибывала в смятении. Разумом она понимала, что нужно уйти, но в душе ей хотелось остаться. Очень хотелось. Гретта взглянула на юношу, на его мягкую улыбку, заглянула в его чёрные глаза и сдалась. Даже успокоилась.

– Ну, раз я не мешаю, – проговорила она, – тогда, пожалуй,

останусь погостить.

– Вот и хорошо. – Берхард тоже был рад, что смог уговорить девушку. – Присаживайтесь, Гретта, прошу. Как вы провели сегодняшней день?

– Прекрасно провела, – ответила Гретта, присев на предложенный ей стул. – Мы с Густавом поднимались на восточную башню, посмотреть на Регенплатц с птичьего полёта. Я в восторге от увиденного.

– Брат правильно сделал, что пригласил вас именно на восточную башню. С неё открывается самый лучший вид. Я всё-таки распорядюсь, чтоб принесли вина с фруктами.

И Берхард направился к двери, но Гретта, вскочив с места, остановила его:

– Прошу вас, Берхард, не беспокойтесь ни о чём, – попросила она. – Я же совсем ненадолго.

На самом деле Гретта не хотела, чтобы её кто-либо видел в покоях старшего сына ландграфа, даже слуга. И так её уже заметил тот солдат в коридоре. Как бы ни пошли сплетни.

– Раз уж вы позволили мне отнять у вас немного времени, лучше покажите ваши рисунки.

Берхард пожал плечами:

– Хорошо. Коль вам интересно, покажу.

– Конечно, интересно.

Юноша подошёл к камину и присел на колени возле небольшого сундука. Поддавшись любопытству, Гретта тоже приблизилась и, вытянув шею, попыталась заглянуть че-

рез плечо юноши. Берхард открыл сундук, заглянул в него и усмехнулся.

– Боюсь, Гретта, я не смогу вам продемонстрировать свои рисунки, – проговорил Берхард.

Он опустил в сундук руки и достал пригоршню мелких клочков пергамента. Гретта ахнула и, присев рядом с юношей, заглянула в сундук. Он был полон таких же обрывков и клочков.

– Здесь хранились все ваши работы? – спросила она.

– Да.

– Но кто это мог сделать?

– Я догадываюсь. – Берхард сбросил клочки обратно в сундук.

– Кто? Его нужно наказать. Это же кощунство!

Гретта выбрала несколько крупных обрывков и разложила их у себя на коленях. На них ещё можно было рассмотреть фрагменты бывших рисунков. Два цветка из букета, птичье крыло, плечо облачённого в латы рыцаря, морда лошади, лапы собаки – от каких сюжетов эти кусочки, уже не понять.

– Как жалко. Как жалко, – горевала Гретта. – Я представляю, какая была красота!..

Берхард смотрел на девушку почти умиленно. Она так искренно сожалела о потере, что казалось, эта была потеря её личная.

– Ну что вы, Гретта, – проговорил Берхард. – Расстроились из-за такого пустяка.

– Разве загубленная работа – это пустяк? – упрекнула девушка.

– Нет, конечно. Но, поверьте, это не та работа, о которой стоит горевать. Здесь не было шедевров, одни наброски, этюды...

Гретта взглянула на собеседника и недоумённо приподняла брови.

– Вы так спокойны? Ваши старания, полёты вашей души уничтожены, а вы спокойны? Я бы разозлилась. И наказала бы виновного. – Девушка вновь склонилась над сундуком. – Подумать только. Здесь, неверное, было всё, что вы создали за годы своей жизни.

– Нет, только за последние три года, – уточнил Берхард.

Гретта вскинула на Берхарда взор, полный радостной надежды.

– Значит, у вас сохранились ранние работы? – предположила она.

Но Берхард её надежд не оправдал.

– Нет, не сохранились, – пожав плечом, ответил он.

– Почему? Их тоже разорвали?

– Да. И я их выкинул.

– Значит, это злодейство уже и ранее совершалось? –

Гретта вновь пребывала в недоумении.

– Подобное случается каждый раз, когда я забываю запереть сундук на ключ. Ну, ничего, я нарисую ещё.

Берхард собрал обрывки с колен девушки, кинул их в сун-

дук и закрыл крышку. Затем он поднялся и протянул Гретте руку.

– Давайте забудем об этом ящике с мусором, – предложил юноша.

Гретта молча согласилась. Опершись на протянутую руку, она поднялась. Как-то всё странно было в этой семье, необычно.

– У кабинета ландграфа я видела стражника, – сказала Гретта.

Берхард улыбнулся. Вот Гретта себя и выдала. Если бы она заблудилась, то откуда могла знать, что за охраняемой дверью именно кабинет ландграфа? Юноша всё ещё держал в ладони девичью руку и был рад, что Гретта не отнимала её. Кожа мягкая, белая, пальчики тонкие, изящные – и не скажешь, что эта ручка принимала участие в какой-либо чёрной работе. А ведь Гретта сама вела хозяйство.

– Мой отец – король Регенплатца, – ответил Берхард, продолжая рассматривать прелестную девичью ручку, – а любому королю необходима стража.

– Но почему бы не выставить стражу и возле ваших дверей?

– Зачем? Там солдат охраняет важные бумаги, дорогие вещи, наконец, саму жизнь ландграфа. А что стеречь здесь? Мои рисунки?

– Стражник хотя бы следил, чтобы к вам не заходили посторонние.

– А ко мне посторонние и не заходят. Разве что вы зашли. Но таких гостей наоборот, нужно привечать, а не прогонять.

В порыве восхищения Берхард склонился и оставил поцелуй на белой шёлковой коже. Гретта не ожидала такого поступка, была удивлена, но не возмущена. Наоборот, поцелуй ей оказался приятен, и руки своей она не отняла. Значит, Берхард к ней и правда неравнодушен? Как это хорошо. И как ужасно.

Берхард выпрямился, и его глаза встретились с вопрошающим взором светло-карих глаз девушки. Он должен объяснить свой поступок. Конечно, должен. И не просто объяснить, а признаться, открыть сердце, выпустить чувства. Она не отвела глаз, не отняла руки, она ждёт его слов. И возможно, ждёт именно тех фраз, которые он и собирается произнести, и возможно, она ответит на них взаимностью, а значит, до счастья осталось всего несколько слов.

– Гретта, милая Гретта, – тихо произнёс Берхард, нежно сжимая в ладонях руку девушки. – Я помню нашу первую встречу, что произошла семь лет назад. Тогда ты была прелестной девочкой, а теперь стала прекрасной девушкой. Я очарован тобой. И я... Я не хочу, чтобы ты выходила за Густава.

– Почему?

– Потому что я люблю тебя. И мне невыносима мысль, что ты станешь чьей-то женой.

– Но ведь и ты женишься на другой.

– Она не желанна мне.

– Но ты её ещё не видел. Говорят, Зигмина красива и умна...

– У меня висит её портрет. Я её видел.

Гретта повернула голову в угол комнаты, где на стене висела картина, накрытая покрывалом.

– Да, это и есть её портрет, – подтвердил Берхард догадку девушки. – Но не о ней думы мои, не к ней тянется сердце моё. Была бы моя воля, я б отменил нашу свадьбу. И вашу с Густавом тоже.

Гретта прибывала в растерянности. С какой бы радостью она ответила на пылкие признания Берхарда, но нельзя, да и не нужно, ведь судьба разведёт их по разным дорогам. Только вот как отказать? Душа не желала отказывать. Гретта склонила голову и скрыла глаза под опущенными ресницами, слов для ответа она не находила.

– Я всегда вспоминал тебя, всегда думал о тебе, – продолжал признания Берхард. – Уже тогда, семь лет назад, ты запала мне в душу.

– Почему же ты мне даже пары строк не написал? Я ждала.

– Однажды написал тебе. Но мне вместо тебя ответила фрау Барх. Из её письма я узнал, что ты отправлена на воспитание в монастырь. И ещё, что помолвлена с неким богатым английским лордом. Разве она не говорила тебе?

– Нет. Когда я вернулась из монастыря, фрау Барх уже уехала от нас. Она вышла замуж...

– Она убедила меня, что тебя ждёт счастливая жизнь в Британии, и просила более не отвлекать тебя напоминанием о себе.

– И ты последовал её совету.

– Да, я поступил глупо. Я поверил ей, я был уверен, что ты удачно вышла замуж, нашла счастье в своей жизни. Я сдался, а не должен был. Корю себя за это, корю, что не спрашивал о тебе, о судьбе твоей. Но я не хотел слышать в ответ о том, что ты меня забыла. Как только я узнал, что все эти годы была свободна, в моей душе поселилась тоска, обида на глупость мою. Сколько времени упущено! Я сам позволил тебе забыть обо мне. А после... когда я увидел твой портрет, то понял, что люблю тебя и никакая другая женщина мне не нужна. С тех пор, как ты здесь, я места себе не нахожу. Стараюсь скрыть любовь под маской равнодушия, но у меня не получается. Я даже нарисовал твой образ, чтобы чаще видеть тебя. Он, правда, был уничтожен вместе с другими рисунками, но я обязательно создам новый, ещё лучше. Ибо без тебя мне плохо.

– Этот портрет не уничтожен. Он лежит на столе, самый дальний свиток. – Гретта взглянула на изумлённого собеседника и вновь опустила глаза. – Я посмотрела рисунок, пока тебя не было.

Берхард понял, что Гретта не просто зашла к нему, но и ждала. А значит, её визит – не обычное любопытство.

– Ты пришла ко мне нарочно. Для чего? – спросил Бер-

хард.

– Чтобы просто поговорить. Чтобы увидеть, – тихо ответила Гретта.

Увидеть. Рискую честным именем, девушка пришла в комнату молодого человека, оставалась с ним долгое время наедине, и ради чего? Ради каприза? Ради веселья? Вряд ли. Гретта на легкомысленную не похожа. Девушка по-прежнему скрывала взор под ресницами, однако признаний влюблённого не прерывала и руки своей не вынимала из мужских ладоней. В душе Берхарда вспыхнул огонёк – что если его чувство действительно ответно?

– Гретта, милая Гретта, – почти шёпотом произнёс Берхард. – Могу ли я... Смею ли я надеяться на взаимность твою, Гретта?

Девушка робко подняла глаза. Зачем он её просит об этом? Разве сможет она отказать его красивым ястребиным глазам?

– Люб ли я тебе, милая Гретта?

Она не должна, не имеет права давать ему надежду. Но как быть? Гретта молчала. Она не могла заставить себя ответить «нет», но и боялась сказать «да».

Берхард поднял руку и коснулся пальцами милого лица. Как Гретта хороша. Чем больше он узнавал её, тем ярче разгоралась любовь в его душе. Берхард склонился и оставил лёгкий и очень нежный поцелуй на мягких губах девушки.

Поцелуй приятной теплой истомой разлился по телу Грет-

ты и мягким облаком любви объял её сердце. Разве можно ему отказать? Разве нужно отказывать? Она скажет «да». Но разум тут же нарисовал яркие и страшные картины последствия такого ответа. Вот строгое лицо отца: «Ты опозорила имя честной девушки!» Презрение ландграфа: «Ты беспутная, ты не достойна фамилии Регентропф!» Попрёки Густава: «Ты ещё не успела выйти замуж, а уже завела любовника! Мне не нужна распутная жена!»

Гретта опустила голову и освободила свою руку из горячей мужской ладони. Надо ответить «нет», это будет правильно, это будет разумно. Только как это сделать?

– Мне нужно уйти, – проговорила Гретта и даже сделала шаг к выходу.

Ей не хотелось уходить. Ей хотелось кинуться в объятия любимому и выплеснуть всю волну чувств, которая бурлила в ней, и которую она старательно удерживала в груди своей.

– Ты не ответила мне, однако я буду ждать твоего решения, – сказал Берхард. – Если ты меня отвергнешь, мне будет больно, но я отойду в сторону, стану любить тебя издали, любить и надеяться. Если же примешь, то клянусь жизнью своей, я сделаю всё возможное и невозможное, чтобы мы были вместе, и чтобы ты была счастлива.

Лишь вернувшись в свою комнату, Гретта дала волю эмоциям и, упав на кровать, разрыдалась. В её душе боролись два сильных чувства: радость от того, что она влюблена в

прекрасного юношу, и её любовь взаимна, и горе от того, что ей суждено провести жизнь в разлуке с этим юношей. И кажется, горе побеждало.

– Может, вы попробуете поговорить с бабушкой, – пыталась хоть чем-нибудь помочь своей хозяйке Лизхен. – Он объяснит всё ландграфу, тот обязательно поймёт и согласится выдать вас за Берхарда, а не за Густава.

– Конечно, и вместе с этим согласится поссориться с маркграфом фон Фатнхайн, – всхлипывая, возразила Гретта. – Нет, ландграф не пойдёт на это, да и бабушка не станет менять договор и отказываться от уже данного слова. Нет. Лучше мне самой постараться избавиться от любви, пока не поздно, пока она ещё не набрала силу.

– Уничтожать любовь – это же так глупо! – возмутилась Лизхен.

– Глупо было послушать твоего совета и идти к Берхарду в гости! – прикрикнула Гретта. Она села на кровати, выпрямилась и вытерла слёзы на щеках. – Ничего, через неделю состоится свадьба, а после мы с Густавом сразу уедем в Стайнберг. Я больше не увижу Берхарда. Я справлюсь, Лизхен.

Служанка, которая уже устала убеждать госпожу в том, что за любовь необходимо бороться, на этот раз промолчала. Оставалось надеяться, что сам Берхард Регентропф не будет таким пассивным и покорным судьбе, что его чувства окажутся сильнее предрассудков и отцовской воли.

Берхард действительно решил бороться. Несмотря на

молчание Гретты, он не сомневался, что она тоже влюблена в него. А значит, нужно действовать. И прежде всего, надо поговорить с отцом. Поговорить как можно скорее, пока не настал день свадьбы. Безусловно, ландграф будет в ярости, станет отвергать доводы сына и называть его глупцом. Что ж, пускай. Берхард выдержит, он согласится отказаться от всего, лишь бы отдали ему милую Гретту, лишь бы жизнь прожить с ней.

Вечером, когда солнце оранжевыми лучами коснулось горизонта, во внутренний двор замка въехали две кареты в сопровождении пяти десятков солдат. На дверцах карет красовались изображения гербов графа Альбриха Гельпфрига.

– Маргарет! – радостно выдохнула выглянувшая в окно Патриция.

Ландграф, узнав о прибытии дочери, отложил в сторону все дела и, отдав слугам необходимые распоряжения, спустился в просторный холл. Там уже Патриция обнимала и целовала свою любимую дочь, которую не видела почти два года.

– Маргарет, дорогая, как же я по тебе соскучилась! – причитала она. – Как рада снова видеть тебя такую красивую...

– Ох, мама, какая же я красивая? – возразила Маргарет, снимая с себя чёрный дорожный плащ. – Усталая, вся в пыли...

– Твою красоту ничем не испортить, доченька.

Следом за молодой госпожой зашли двое слуг, внесли тяжёлый сундук, а за ними – пожилая женщина с маленьким мальчиком на руках. На вид мальчику было два или три года, его синие глазёнки настороженно взирали на новую обстановку и незнакомых людей, а маленькие пальчики крепко вцепились в блию, держащей его женщины, которая, видимо, являлась его няней. Одежда из дорогой материи отделанная серебром, указывала на высокий статус малыша. Завидев ребёнка, Патриция умилённо улыбнулась и издала вздох блаженства.

– О Боже! Неужели это маленький Готфрид, мой внук! Наконец-то я его увидела!

Спешно подойдя к няне малыша, Патриция попыталась взять мальчика на руки, однако тот при виде незнакомой тёти, протягивающей к нему руки и издававшей визгливые непонятные звуки, испугался и заплакал.

– Готфрид очень стеснителен и не идёт к чужим, – предупредила Маргарет.

Слово «чужая» больно полосонуло по сердцу Патриции.

– Какая же я чужая? – упрекнула она. – Я его бабушка.

– Но он ещё этого не понимает, – спокойно ответила Маргарет. – Он ещё не привык к вам.

Дабы успокоить ребёнка няня отошла в сторону, где стала тихо и ласково уговаривать напуганного мальчика. Патриция с завистью наблюдала за женщиной.

– Не переживай, Патриция, – вклинился в разговор Ген-

рих. – Через пару дней малыш так привыкнет к тебе, что не будет слезать с твоих рук. Здравствуй, Маргарет. – Генрих приблизился к дочери и поцеловал её в щёку. – Ты и правда хорошеешь с каждым днём. А где же твой супруг? У порога что ли топчется, войти стесняется?

Маргарет презрительно ухмыльнулась.

– Да лучше бы он у порога топтался, и то меньше позора и насмешек было бы.

– А что случилось?

Молодая женщина нервно передёрнула плечом и, присев на скамью, рассказала:

– Случилось то, что этот дурак накануне нашего отъезда решил съездить на охоту, и там, в лесу он умудрился упасть с лошади и сломать себе сразу обе ноги. Врачи наложили ему шины и запретили двигаться. Так что мой супруг, папа, остался дома, а я была вынуждена совершать долгое путешествие одна.

– М-да, неприятность, – протянул Генрих. – А я-то надеялся встретиться с Альбрихом.

– Неприятность, – усмехнулась Маргарет. – Это позор! Столь великолепный наездник и вдруг упал с лошади!

– От несчастного случая никто не застрахован, – заметила Патриция, присев рядом с дочерью.

Нервно всплеснув руками, молодая женщина продолжала возмущаться.

– Я же просила его никуда не ездить, я будто чувствовала.

Говорила, что в Регенплатце мой отец обязательно устроит для забавы большую охоту. Но Альбрехт упрям. Для него же охота – страсть великая. Видите ли, егеря уже загнал оленя, и упускать такой случай не хочется. И вот результат. И оленя не поймал, и сам на месяц к постели прикован. Врачи говорят, что он может хромым остаться. Я привезла от Альбрехта письмо с извинениями. Оно там, среди моих вещей.

– Отдашь его завтра. – Патриция любовно обняла дочь за плечи. – Сейчас тебе нужно отдохнуть от утомительного путешествия.

– Да, я устала, – согласилась Маргарет. – И хочу смыть всю эту грязь.

– Твоя комната ждёт тебя. И вода готова. А Готфрид?..

– Я хотела бы разместить его с Хильдой в детской. Она свободна?

– Да. В ней уже давно никто не живёт, но я держу её в порядке.

– Жаль, что Астрид умерла, – вздохнула Маргарет. – Она была бы рада вновь повозиться с малышом. Хорошая женщина была. Хильда тоже хорошая няня, Готфрид её любит. А как здоровье бабушки?

– Ничего. Но она очень слаба и редко выходит из своих покоев.

– Завтра обязательно навещу её.

– Она ждёт тебя, скучает. Она будет рада тебя видеть.

– Ханна тоже не решилась сюда вернуться?

– Бедняжка чувствует себя здесь несчастной. А в Стайнберге она прекрасно присматривает за хозяйством. Признаться, мне её не хватает. У тебя много багажа, Маргарет?

– Нет, два сундука, да у Хильды один.

– Пойдём, я тебя провожу. А после распоряджусь об ужине.

Женщины встали и направились к лестнице. Хильда с мальшом последовала за ними, слуги засуетились, занялись багажом хозяйки. Проводив жену и дочь, Генрих оставил их, не став вмешиваться в их женские обыденные разговоры.

– А Густав разве не хочет со мной поздороваться? – поинтересовалась Маргарет.

– Густав, должно быть, ещё не вернулся с вечерней прогулки, иначе обязательно бы встретил тебя, – предположила Патриция.

– Прогулки? – В глазах Маргарет блеснуло любопытство. – И с кем же он гуляет, с Греттой?

– Насколько я знаю, да.

– А ведь уже закат. Хорошая девушка?

Патриция неопределённо пожала плечами.

– Простушка, хоть и симпатичная. Из неё выйдет хорошая хозяйка и примерная жена.

– Густаву она понравилась?

– Понравилась. И не только ему.

– Кому же ещё?

Патриция скорчила недовольную мину:

– Догадайся.

– Берхарду? – Маргарет зло фыркнула. – Волчонок и здесь хочет ограбить Густава. Кстати, где он?

– Не знаю. Где-нибудь шепчется с дружкой своим Кларком Кроненбергом.

– Этот прихлебатель тоже здесь?

– А как же! Без него «его высочеству» скучно.

– Пора с ним расквитаться за все унижения! – В глазах Маргарет сверкнула ненависть. – Вот что, мама. Завтра утром приходите с Густавом ко мне, у меня есть для вас один маленький подарочек.

Ошибалась Патриция, не с Греттой гулял сын её, а с другом своим Акселом. Они проводили вечер в любимом кабаке, что находился при постоялом дворе на окраине города. Хозяин принимал молодых людей, как почётных гостей, был щедр на льстивые комплименты, вино подавал отменное и брал за него недорого, а девушки там были веселы и ласковы. После таких прогулок Густав обычно возвращался поздно и далеко не трезв. Ландграф не поощрял подобное развлечение младшего сына, но Патриция считала, что мальчики иногда могут позволить себе расслабиться.

Вернувшись домой, Густав, конечно же, узнал о прибытии Маргарет, обрадовался. Но осознавая, что время уже позднее, да и хмельная голова клонилась к подушке, отложил встречу с сестрой на завтра.

Утром Маргарет встретила с бароном Хафф и его доче-

рю Греттой. Вот как жизнь повернулась. Никак не думала Маргарет, что та девочка в бедном платье, на которую она в своё время и внимания-то не обращала, вдруг станет женой её родного брата, войдёт в семью Регентропф. За завтраком Маргарет внимательно наблюдала за будущей невесткой, за каждым её словом, за каждым движением, но при этом оставалась в общении любезна и мила. Заметив, что является объектом наблюдения, Гретта чувствовала себя крайне неудобно, однако внешне старалась сохранять спокойствие и непосредственность. Неприятно ей было такое внимание. Неужели и все остальные родственники и гости будут так же откровенно оценивать её? Уж скорее бы всё закончилось: знакомства, суета, празднества.

Впрочем, Маргарет наблюдала не только за Греттой, но и за поведением старшего брата. Берхард прекрасно знал повадки сестры своей, потому пытался выглядеть холодным и невозмутимым. Да только, видно, артист из него плохой, и ему всё равно не удалось обмануть женскую наблюдательность. К концу трапезы, Маргарет не сомневалась, что не только Берхард проявляет повышенный интерес к Гретте, но и Гретта довольно тепло относится к Берхарду. И если им сейчас не помешать, то между ними вполне может вспыхнуть сильное горячее чувство.

После трапезы Маргарет попросила мать и брата зайти в её покои.

– У меня есть для вас кое-что интересное, – сказала она и

подозвала приглашённых присесть за стол у окна.

Патриция и Густав сели на стулья и, словно зрители на спектакле, приготовились слушать монолог артиста.

– Не знаю, как вы распорядитесь моим подарком, однако думаю, он вам рано или поздно пригодится. – Маргарет также придвинула к столу стул и села. – В наш замок часто заглядывает один купец, который привозит товары с востока. В основном это специи, шелка и драгоценные камни. Но я сделала ему один специальный заказ, который он незамедлительно выполнил. Не за просто так, естественно.

Маргарет выставила на стол маленький прозрачный стеклянный флакончик, плотно закрытый чёрной крышкой.

– Что это? Какое-то благовоние? – подивилась Патриция и потянула руку к флакончику.

– Не вздумайте нюхать, мама! – предупредила Маргарет, да столь жёстко, что Патриция немедленно отдёрнула руку. – Это не духи. Это яд.

В глазах Густава тут же вспыхнул интерес:

– Яд? Ты серьёзно? – Юноша аккуратно взял флакон и повертел в руках; тёмно-коричневая жидкость задрожала внутри стекла.

– Конечно, серьёзно. Яд очень сильный и действует почти мгновенно. Купец сказал, что достаточно двух капель, чтобы человек скончался.

– Всего двух капель? Да здесь такая доза, что хватит на десятерых!

– Много, не мало. Вдруг первая попытка не удастся.

Патриция слушала внимательно, мысли её были тяжелы, взгляд серьёзен.

– Для кого ты заказала у купца яд? – наконец спросила она дочь.

– А как вы полагаете, матушка? – Маргарет тоже была серьёзна. – Я хочу истребить одну большую проблему в жизни моего любимого брата. Хочу восстановить справедливость в семье Регентропф.

– Намерена угостить волчонка?

– Конечно, его! – поддержал Густав. – Он заслуживает такого угощения. Спасибо, сестрёнка! Угодила, ох как угодила! Наконец я стану свободен, и весь Регенплатц будет моим!

– Но это ещё не всё, – предупредила Маргарет и сняла с большого пальца левой руки перстень с чёрным аметистом. – Я больше ничего подобного не заказывала у купца, однако в следующий свой приезд к нам он предложил мне вот этот перстень. Вещичка с секретом.

Молодая женщина вытянула руку с кольцом в центр стола, и все сидящие склонились над ним. Держа перстень камнем вверх, Маргарет нажала на некую скрытую пружинку, и оправа с камнем вдруг откинулась. Внутри перстня оказалась маленькая ёмкость, заполненная тёмной жидкостью.

– Это тоже яд, – проговорила Маргарет. – Я бы не стала покупать это ядовитое кольцо, но меня прельстило свойство его отравы. Если добавить данный яд в вино, то чело-

век, который его выпьет, сначала ничего не почувствует, зато потом, примерно через сутки он тяжело заболит, и болезнь будет властвовать над ним день либо два. Лекарства бессильны против неё, мучений своей жертве она приносит много, и смерть неотвратима.

– Вот так замечательно! – воскликнул Густав. – И главное, на отравителе подозрений никаких. Заболел человек да умер. Причём тут убийство? Спасибо, Маргарет!

– И ты убьёшь Берхарда? – настороженно спросила Патриция.

– Непременно, матушка. – Глаза Густава алчно горели. – Какой лёгкий способ избавиться от врага! И рать собирать не придётся, и войны избежим. И отцу обвинить меня не в чем будет.

Патриция согласна была с сыном, но её тревожило заклятие Хельги, которое она до сих пор помнила наизусть: «Если Берхард хоть немного пострадает от ваших действий или даже замыслов, то нанесённая ему боль, вдвойне отзовется в Густаве. Берхард только ушибётся, а у Густава уже пойдёт кровь. Чем больше рана у Берхарда, тем больше боли у Густава... А если вы всё-таки погубите Берхарда, то Густаву не прожить и трёх дней после его похорон!» Страшно. Однако что случится, если Берхарда погубит сам Густав? На его замыслы проклятие, вроде, не распространено. Для того и возвращалась в его сердце месть.

– Поступай, как знаешь, – тихо проговорила Патриция.

Сердце её беспокойно билось – женщина знала, как именно поступит её сын. Патриция встала и направилась к двери. В подобных планах её участия быть не должно. И всё же как-то страшно.

– Только прежде, чем свершить подобное, взвесь всё ещё раз, Густав, – добавила Патриция перед уходом. – И подумай, достойно ли благородному рыцарю вот так трусливо уничтожать врага?

Густав и Маргарет проводили мать удивлёнными взглядами.

– Что это с ней вдруг? – подивился Густав, когда дверь за матерью закрылась. – Она встала на сторону волчонка?

– Да, слова её странны, – согласилась Маргарет. – Может, испугалась?

Густав вновь обратил своё внимание к перстню. Осторожно вернув камень на место, юноша надел кольцо на средний палец и полюбовался блеском редкого черного топаза.

– Мне всё равно, что мать обо мне станет думать, – проговорил Густав. – Я не хочу больше ждать, терпеть, надеяться на призрачную поддержку вассалов.

– Ты прав, – поддержала Маргарет. – Ни отец, ни кто-либо другой не сможет обвинить тебя в братоубийстве. Ты останешься чист в глазах людей. Берхард просто умрёт от болезни. Такое может случиться с любым, даже с королём.

– Да-да! Я даже сделаю так, что меня и в Регентропфе-то не будет. После празднеств перед самым отъездом я подам

братцу яд, и когда он сляжет, я уже буду на пути в Стайнберг. Меня даже в отравлении нельзя будет заподозрить.

– Это ты придумал хорошо. Но вот ещё о чём я хотела бы с тобой поговорить. Мне кажется, Берхард заглядывается на твою невесту.

Густав отвёл глаза. Данная тема неприятно защемила душу.

– Я и сам это давно заметил, – проговорил он.

– Заметил и молчишь?

– Мне пока нечего предъявить против волчонка кроме подозрений. А без явных доказательств отец и слушать меня не станет.

– Не станет, – согласно кивнула Маргарет. – Но я заметила также, что и Гретта смотрит на Берхарда тепло и с интересом. Боюсь я, Густав, как бы Берхард не попросил бы отца женить его на Гретте, а не...

– Нет-нет, – тут же отверг Густав предположения сестры. – Отец на такое не пойдёт. В этом я абсолютно уверен. Гретта Хафф недостаточно знатна и богата для роли супруги правителя Регенплатца. Да и с маркграфом Фатнхайном портить отношения не выгодно. Заешь, Маргарет, я даже рад, что Берхард влюбился в Гретту. Он будет страдать, он будет мучиться от мысли, что его возлюбленная стала моей женой.

– А ты не будешь мучиться, если твоя жена полюбит другого мужчину? Тем более что этот другой – твой враг. Ты сам-то любишь Гретту?

– Да, она мне нравится. Однако её чувства меня не интересуют. – Густав откинулся на спинку стула, губы его скривились в самодовольной ухмылке. – Через пять дней Гретта станет моей женой, а я стану её хозяином. Ей придётся полюбить меня, иначе она познает силу моего гнева.

– Ух, как ты строг! – усмехнулась Маргарет.

– Да. Все эти нюни да долгие пустые ухаживания не по мне. К тому же волчонку жить осталось уже недолго. Он не сможет даже словом защитить свою ненаглядную. Жаловаться Гретте будет некому.

– Ну, как знаешь. Я просто предупредить хотела, чтоб ты не терял бдительности.

Но Густав весело рассмеялся. Он встал, обошёл Маргарет и обнял её за плечи.

– Ох, дорогая моя сестрёнка! Да я теперь тебе по гроб жизни буду благодарен за твою заботу!

– Я это запомню, – лукаво улыбнулась Маргарет.

– Отныне можешь распоряжаться мной и моей жизнью. Слово короля Регенплатца!

Теперь и Маргарет звонким смехом поддержала веселье брата.

– Ну а сейчас, сестрёнка, я вынужден уйти, – после сказал Густав.

– Торопишься к невесте?

– Да. Я пригласил её на верховую прогулку.

– Ты уж будь с ней пока полюбезнее.

– Стараюсь, – вздохнул Густав. – Гретта столь аппетитна, столь желанна... Я с трудом сдерживаю себя. Вместо всех этих любезностей, я б лучше повалил её на кровать!..

– Потише, потише, братец! – вновь рассмеялась Маргарет. – Эдак ты можешь не совладать со страстью своей. Потерпи, пять дней осталось.

– Потерплю... Потерплю. Теперь уже есть ради чего.

Солнце поднималось всё выше, его жар набирал силу, пропитывая сухой воздух. Изнывающая от засухи природа страдала и робко молила о дожде шелестом вялой листвы. Но небо не внимало мольбам и не порождало ни облачка.

В такую жару Гретта с удовольствием бы провела время в тени сада или на берегу реки под прохладным бризом. Но Густав пригласил её на экскурсию в Крафтбург. И вот они вдвоём едут по протянувшейся вдоль поля дороге под лучами палящего солнца. Кони лениво брели шагом, обмахивая хвостами вспотевшие бока и отгоняя от себя надоедливых мух.

– Даже и не подумаешь, что эти земли имеют название Регенплатц – Площадь ливня, – заметила Гретта. – Природа буквально умирает от жары.

– Такая погода только в этом году, – отозвался Густав. – Обычно в июле бывают дожди, иногда даже становится прохладно. Однако земли наши прозвали так вовсе не из-за обилия ливней.

– Да, я знаю.

– Знаете? – Густав удивлённо приподнял бровь. – Но я вам ещё не рассказывал историю зарождения Регенплатца... Вы, верно, спрашивали об этом у матушки?..

– Я прочла летопись рода Регентропф, – улыбнулась Гретта, – и теперь знаю всю историю вашей семьи.

– Летопись? А кто вам её дал?

– Я сама взяла в библиотеке замка. А о том, что она там лежит, мне рассказал Берхард.

Услышав имя брата, Густав нервно выдохнул и зло сжал губы. Какое право имел волчонок разговаривать с его невестой? Неужели и правда хочет её завлечь?

– Что он вам ещё рассказывал? – процедил Густав.

Гретта заметила, как резко изменилось настроение её спутника. Только сейчас она вспомнила, что между братьями существует неприязнь.

– Ничего особенного... – проговорила девушка. – Сказал пару слов о Берхарде-Отважном...

– Наверное, вызвался и проводить вас в библиотеку? – не слушал Густав. – А там наедине всяких любезностей наговорил? Он мастер на цветастые комплименты!

Густав ревновал и злился. Ненависть к брату клокотала в его душе, обида на Гретту царапала сердце, и тихое рычание гнева вырвалось из его горла.

– Ничего подобного не было, – поспешила заверить Гретта; реакция собеседника её напугала. – Я и Берхард разгова-

ривали, как друзья, и никаких притязаний с его стороны ко мне не было.

Густав лишь усмехнулся в ответ – он не верил.

– В конце концов, Берхард скоро станет мне братом, – говорила Гретта, – и я не понимаю, почему должна избегать его общества.

– Потому что мне это неприятно. – Густав вонзил в девушку жёсткий взгляд. – Вы – моя невеста, моя будущая жена, и я не желаю, чтобы вы оставались наедине с другим мужчиной, даже если он мой брат. Учтите это на будущее. Брату своему я не доверяю, а к вам, как к женщине, доверия ещё меньше.

Теперь Гретта была уязвлена. Она росла в любви и уважении, обладала свободой и самостоятельностью, а сейчас ей ставят условия? Приказывают, словно прислуге? Да ещё столь недружелюбным тоном.

– Вы мне ещё не муж, чтоб предъявлять такие претензии, – заметила Гретта, гордо вздёрнув подбородок. – И когда им станете, прошу не говорить со мной в подобном тоне. Если вы считаете меня нечестной девушкой недостойной уважения, то откажитесь от меня, пока не поздно, чтоб после не корить себя.

Густав моментально вспыхнул – ни одна женщина не позволяла себе говорить с ним столь дерзко.

– Я не стану от вас отказываться. Но и вы поумерьте свой пыл, пожалуйста, и научитесь сдерживать гордость свою. То, что невесте ставится в упрёк, для жены может обернуться

наказанием.

– Наказанием? Уж не хотите ли вы сказать, сударь, что после свадьбы станете тираном?

– Смотря, насколько послушной вы окажетесь женой, фройлен.

Так вот какова истинная сущность этого на первый взгляд симпатичного и любезного юноши? Сейчас его взор не скрывал пренебрежения, а голос его – презрения. Гретте вдруг стало очень неприятно разговаривать с таким человеком. Ничего не ответив, она развернула коня и поехала по дороге назад.

– Куда вы? – остановившись, окликнул Густав.

– Обрато в замок, – не оборачиваясь, отозвалась Гретта. – У меня больше нет желания продолжать с вами прогулку.

Густав тихо выругался, развернул коня и нагнал девушку.

– С чего это вдруг? Обиделись? – поинтересовался он.

– Я считала вас рыцарем, благородным кавалером, а вы ведёте себя, как мужлан, – высказала Гретта.

– Вы ничуть не ошибались в своём мнении. Но поймите и меня, Гретта. Вы мне очень нравитесь и естественно, что я ревную.

– Ах, вот как. Однако если сейчас ваша ревность выражается злыми упрёками, то что же меня ждёт после свадьбы? Она превратится в побои?

– Ну что вы, ничего подобного не будет, – заверил Густав,

но тут же добавил. – Если, конечно, вы станете вести себя как разумная честная жена, благоговеющая перед своим супругом.

Последние слова вызвали на губах Гретты усмешку.

– Снова «если», снова условия?

– Да, снова! – Тон Густава стал твёрже. – И вы лучше подумайте над моими словами, а не усмехайтесь. Только от вас зависит ваше семейное благополучие.

Подобный разговор уже надоел Гретте, и поведение собеседника, который старательно изображал уязвлённое самолюбие короля, начинало раздражать.

– Я подумаю, – сказала девушка. – Но не об этом, а о том, стоит ли мне вообще соглашаться на роль вашей супруги.

– Вы серьёзно? – изумился Густав.

– Вполне, – заверила Гретта.

– Этим вы рискуете ослабить ваше имя... Уже повторно...

– Да лучше остаться старой девой, чем стать женой тирана!

И высказав это, Гретта пустила своего коня в галоп, желая поскорее покинуть общество неприятного, уже неприятного ей человека. Она была разочарована, ей было обидно. Возможно, Густав и имел основания на упрёки, но можно было сделать их более тактично, без злости в голосе. А эти условия!.. Не было сомнений, что Густав говорил о них серьёзно. А значит, ей предстоит жить в полной зависимости от настроения мужа, в полном повиновении его желаниям. Нет,

не будет в её семейной жизни благополучия, не будет даже скуки, а будет лишь боязнь перед гневом супруга. Не принесёт такой брак радости и счастья. Возможно, действительно лучше отказаться от него, пока не поздно.

Густава поведение невесты разозлило окончательно. Тихая серая голубка на самом деле оказалась гордой орлицей. Плохо. Непослушная женщина – это проблемы, натянутые нервы, глупые капризы. Однако как Гретту украсила гордость, сколько величия придал ей смелый взор карих глаз! Отказываться от такой женщины глупо. И терять её не стоило. Густав прищпорил коня и помчался вслед за быстро удалявшейся девушкой.

Заметив погоню, Гретта испугалась, неясная тревога охватила её душу. Сейчас она сильно пожалела, что поддалась просьбе кавалера совершить прогулку вдвоём без сопровождения свиты, она не взяла с собой даже Лизхен. Девушка ударила каблуком в бок коня, раз, другой, однако конь скорости не прибавил. Ей заведомо дали спокойного ленивого скакуна, да и дамское седло не располагало для быстрой езды. Густав без труда нагнал Гретту, схватил её коня под уздцы и заставил его замедлить ход, а после и вовсе остановиться.

– Куда же ты убегаешь, Гретта? – спросил Густав. – Неужели испугалась меня?

Церемонности были отброшены, синие глаза юноши обдавали холодом, ухмылка на губах не предвещала ничего хорошего.

– Вот ещё! – Гретта постаралась скрыть тревогу за гордым взглядом. – Но я разочаровалась в вас, и ваше общество больше не доставляет мне удовольствия. Отпустите меня!

И девушка попробовала вырвать поводья из рук Густава. Однако мужские руки были сильны.

– Ты злишься. Но мне это нравится. Злость делает тебя ещё красивее.

В глоссе молодого человека появились низкие хрипловатые ноты, и взгляд его стал колючим, пронзительным. Гретту охватила паника, она почувствовала явную угрозу. Девушка вновь постаралась вырвать поводья, но не получалось.

– Отпусти! Отпусти меня! – требовала она.

А Густав лишь рассмеялся в ответ. Суэта пойманной пленницы забавляла его. Он протянул руку и крепко сжал запястье девушки. Гретта испуганно охнула и, отпустив поводья, принялась разжимать стиснувшие её руку крепкие пальцы.

– Зачем убегаешь? – тихо посмеивался Густав. – Ведь это бесполезно. Скоро ты всё равно станешь моей женой, так что приучайся заранее к повиновению.

– Никогда! Никогда! – выкрикнула Гретта.

Она царапала мужские пальцы, причинявшие ей боль, буквально отдирала их от себя, но своим бессилием лишь вызывала издевательский смех у обидчика. Наконец, устав бороться, Гретта наклонилась и крепко впиалась в его пальцы зубами. Густав вскрикнул от резкой боли. Откинув поводья,

он свободной рукой упёрся в плечо девушки, а укушенную руку резко рванул на себя. От громкого крика и возни всадников кони дёрнулись в разные стороны, и Гретта, не удержавшись в дамском седле, упала на землю. Она больно ударилась плечом и едва не попала под копыта коня, но зато стала свободной, а значит, нужно бежать. Её конь, освободившись от наездника, ускакал прочь, осталось полагаться лишь на свои ноги. Гретта быстро вскочила и, подобрав подол блио, побежала в поле. Жаль, что слабая пожелтевшая трава не выросла высокой, и в ней нельзя спрятаться. Зато за нешироким полем виднелся лес, и Гретта надеялась укрыться в нём.

Потирая укушенную руку, Густав недобрым взглядом смотрел вслед убегающей девушке. Наивная. Неужели она полагала, что сможет убежать от него?

– Вот бестия, – тихо проворчал он. – Хочешь поиграть со мной? Что ж, давай. Я люблю охоту, а ты слишком красивая добыча. И слишком желанная.

Молодой человек вонзил шпоры в бока коня и поскакал за девушкой. Игра началась. Гретта понимала, что галоп коня ей не обогнать, и всё же продолжала бежать. Сердце её бешено билось, и душа металась в панике. Густав быстро настиг девушку и перекрыл ей путь, но Гретта свернула в сторону, не останавливая бег. Она уже начала уставать; её волосы растрепались, подол блио порвался. В голове стучала только одна мысль: «Добраться бы до леса», а после надежда

лишь на помощь Божью.

Густав усмехнулся. Добыча загнана, поймать её не составит труда. Он сделал ещё круг по полю и снова остановился на пути девушки. Она метнулась в сторону, в другую, но убежала. Это Густава рассмешило, охота явно доставляла ему удовольствие. Что он сделает, поймав наконец столь строптивую зверушку? Густав уже знал, что сделает – подчинит её своей воле, своей страсти. После этого у неё пропадут глупые мысли об отказе от брака, она станет его рабыней.

Игра продолжалась. Однако, увлечшись забавой, Густав не заметил, что на поле появился ещё один всадник, и этот всадник быстро приближался к месту «охоты». Полюбовавшись запыхавшейся, борющейся за свободу девушкой, Густав погнал коня в противоположную сторону, чтобы сделать круг и выехать навстречу затравленной добыче. Лишь сейчас он обратил внимания, что на поле появился ещё кто-то. Густав оглянулся на всадника и зло прорычал. Берхард! Какой чёрт пригнал его сюда! Охота была испорчена. Добычу придётся оставить и заняться врагом. Густав выхватил меч из ножен и направил своего коня прямо на всадника. Берхард был в простой одежде, без лат, с непокрытой головой; у его пояса висел меч, который юноша не спешил использовать.

Всадники встретились. Густав взмахнул мечом, однако Берхард увернулся, и меч просвистел по воздуху. Неудача привела Густава в бешенство. Ну ничего, это лишь начало битвы. Густав на ходу развернул коня в обратную сторону,

намереваясь вновь напасть на противника. Да только он не ожидал, что противник в этот момент окажется прямо за его спиной. Конь его, наткнувшись на столь внезапное большое препятствие, от испуга с громким ржанием встал на дыбы. Всё это произошло так быстро, что Густав даже не успел ничего понять, не сумел удержаться в седле и упал на землю.

Первое, что он осознал, было потемнение в глазах, и ноги свело судорогой. Густав уже знал, что это признаки наступающего приступа падучей. За многие годы он пытался излечиться от своей болезни, от её постыдных припадков, но ничего не помогало. Единственное, чего он достиг – научился удерживать сознание, и тогда приступ отступал или проходил не столь мучительно. Вот и сейчас Густав старался не впасть в обморок, а для этого необходимо заставлять разум и чувства работать, необходимо не терять связь с жизнью. Нужно думать и двигаться. Со стоном Густав попытался приподняться на руках. Ноги ломила тупая боль, разум терялся. «Надо позвать коня... Он не убежал далеко... – старался рассуждать Густав. – Мой Вихрь умница. Откликается на один мой свист. Гретта... Она увидит меня таким... Поднимет на смех!.. М-м!.. Волчонок!.. Всё из-за него! Он увезёт сейчас Гретту!» К физической боли добавилась и душевная. Густав резко изогнул тело, пытаясь встать, но ноги не слушались, и юноша снова тяжело повалился на землю. «Мерзавец... Тебе не жить!» – мстительно пообещал он, и туман заволок его разум.

Топот и ржание коней заставили Гретту остановить бег и обернуться. Берхард! Он прибыл ей на помощь. Какое счастье! Девушка тяжело опустилась на траву. Её ноги устали, сердце колотилось в бешеном темпе, воздуха в груди не хватало, но на душе уже стало спокойнее. Погоня окончилась. Гретта видела, что произошло между братьями: видела столкновение, потом хитрый манёвр Берхарда, видела, как Густав упал, тем самым проиграв маленькую битву. А после Берхард подъехал к ней и протянул руку.

– Садитесь на моего коня, Гретта, – сказал он. – Я отвезу вас в Регентропф.

Девушка сделала последнее усилие и с помощью Берхарда запрыгнула в седло. Теперь она в безопасности. Гретта обхватила стан молодого человека и доверчиво склонила голову ему на грудь. Напряжение отступило, нервы расслабились, и из глаз потекли тихие слёзы.

– Это было ужасно, Берхард, – жаловалась девушка. – Он был так зол. Я думала, он убьёт меня.

– Успокойся, дорогая Гретта. Я смогу защитить тебя от него.

Девушка ещё сильнее прижалась к Берхарду, к своему рыцарю. К своему любимому рыцарю. И ей приятно было чувствовать его руку на своей талии, слышать биение его сердца, ощущать его тепло. Вот он – её принц, её герой, её мужчина. Она хочет быть с ним и только с ним. И она больше не желала избавляться от любви к нему.

Но вдруг девушку вновь охватила тревога, и она подняла влажные глаза на своего избавителя.

– Поедем быстрее, Берхард, – попросила она. – Густав может погнаться за нами.

– Не беспокойся, он не сделает этого, – спокойно ответил юноша.

– Ты разве... Ты убил его?

– Нет, конечно. Просто... вывел из игры.

Гретта вытерла остатки слёз. Уверенность в том, что опасность полностью осталась позади, окончательно успокоила её.

– Надеешься, что при падении он потерял сознание? – вздохнула Гретта.

Берхард хмуро взглянул на девушку. Вряд ли кто-то поведал ей правду о здоровье её жениха. Однако она должна всё знать, нельзя было вести с этим ангелом нечестную игру.

– Гретта, ты ведаешь о том, что Густав страдает падучей болезнью? – спросил Берхард.

Гретта изумлённо распахнула глаза.

– Нет, – ответила она. – Батюшка мне ничего подобного не говорил.

Берхард качнул головой. Так он и знал. Бедная Гретта. Уже до свадьбы жених показал ей свою истинную сущность. Как, должно быть, она теперь страшится предстоящего брака.

– Мой отец старается от всех скрывать этот изъян Густа-

ва, но вам необходимо было сказать. Приступы его довольно редки, только в случае, когда Густав перенервничает или чего-либо испугается. В данном случае падение с коня его напугало и вызвало припадок.

Гретта была ошеломлена. Вот так муж ей уготовлен. Злой, несдержанный, резкий да ещё с такой болезнью. Девушка ни разу не видела приступы падучей, но по слухам знала, что больной терял сознание, а тело его скручивали мучительные судороги, изо рта текла пена. Гретта представила Густава в таком ужасном состоянии и... и ей вдруг стало жаль его.

– Как же он один там остался, без помощи? – проговорила она. – А вдруг он, очнувшись, будет настолько слаб, что не сможет сесть на коня? Да и конь его, наверное, убежал...

Берхард улыбнулся:

– Ты так добра, что пожалела своего обидчика?

– Да, он обидел меня. Но он же живой человек.

– Не переживай, я не оставил Густава без помощи. С ним сейчас Кларк Кроненберг.

– Кларк? Он разве был с тобой?

– Да. Мы ехали по дороге в город, когда увидели, какую жестокую игру затеял с тобой Густав.

– Я не заметила Кларка.

– Я запретил ему ввязываться в нашу ссору. Зато попросил после оказать Густаву необходимую помощь и отвезти его в замок.

– Значит, и ты пожалел обидчика?

– Как бы Густав ни был плох, он мой родной брат, – вздохнул Берхард. – Я никогда не смогу поднять на него оружие и даже пожелать ему смерти.

Гретта крепко прижалась к своему рыцарю. Как Берхард добр и благороден. И почему судьба не дала ей в мужья именно этого мужчину?

– Гретта, позволь мне просить твоей руки, – вдруг молвил Берхард.

Девушка подняла на юношу глаза полные любви и прошептала давно рвущееся из её сердца слово:

– Да.

– Значит... Дорогая Гретта, ты любишь меня?

– Да. И я тоже скажу батюшке, что хочу быть только с тобой.

Душа влюблённого юноши быстро наполнилась счастьем до самых своих краёв.

– Сегодня же поговорю с отцом. – Берхард был настроен решительно.

– А вдруг ландграф откажет?

Берхард вновь нахмурил брови:

– Надеюсь, не откажет. Хотя может поставить мне условие.

– Какое?

– Либо ты, либо трон Регенплатца.

Гретта напряглась:

– И что ты выберешь?

– Конечно, тебя, моя милая Гретта. Без тебя мне не нужны никакие блага Мира.

Девушка облегчённо выдохнула. Они будут вместе, будут счастливы. Она верит Берхарду.

– Пусть тебя не огорчает потеря Регенплатца. – сказала Гретта. – У моего отца тоже есть земля, и ей тоже нужен хозяин.

– Ты права, дорогая, – улыбнулся Берхард.

Он был рад, что Гретта легко отнеслась к потере трона богатых обширных земель Регенплатца. Теперь дело за малым, но самом важном – согласия на их брак и благословения от барона Хафф и ландграфа фон Регентропфа.

Въехав на внутренний двор замка Регентропф, Берхард заметил, как работники ставят под навес чью-то карету, а в конюшни отводят лошадей.

– Кто-то приехал? – спросил юноша у подошедшего к нему юного конюха.

– Да, только что, – с готовностью ответил мальчик. – Его светлость граф Норберт фон Регентропф и всё его семейство.

– Отлично.

Берхард спрыгнул с коня и помог спуститься Гретте.

– Это брат ландграфа? Его приезд тебя обрадовал, – заметила девушка.

– Мой дядя добр ко мне. Он более мягок и лоялен, нежели мой отец. Думаю, он поддержит меня. И ещё надеюсь, сего-

дняшнее происшествие заставит отца задуматься, пересмотреть решение...

– Ты хочешь всё рассказать?

– Конечно.

– Не надо.

Берхард недоумённо взглянул на девушку. Её просьба показалась ему странной.

– Не надо ещё больше позорить Густава, – пояснила Гретта. – Ему уже за падение будет стыдно. Да и мне пересуды не нужны.

– Но нам придётся дать ответ, почему ты вернулась со мной, а не с ним, да ещё в столь потрёпанном виде.

– Давай придумаем что-нибудь, – пожалала плечами Гретта и не спеша направилась к дверям замка. – Например, что мой конь понёс, и я упала с него.

Подобная идея Берхарду не понравилась, оставлять оскорбление безнаказанным не стоило. Однако он промолчал, решив действовать и говорить по обстоятельствам.

В холле уже никого не было, лишь слуги суетились вокруг больших сундуков. Это и к лучшему, не придётся давать отчёт о столь скором возвращении Гретты и её странном виде. Но едва Берхард подумал об этом, как на ступенях лестницы появились Патриция Регентропф и Маргарет Гельпфриг. Завидев Гретту, Патриция сразу почувствовала что-то неладное и поспешила спуститься в холл.

– Что случилось с вами, Гретта? – встревожено поинтере-

совалась она.

– Ничего страшного, фрау Патриция, – поспешила заверить Гретта. – Уверяю вас, для беспокойства вовсе нет причин.

– Но... ваш вид...

– Понимаете... Мой конь... Он чего-то испугался и... вдруг понёсся. Я никак не могла его остановить. А потом... я упала, свалилась в какой-то овраг. Вот... порвала платье...

– Ну а где же Густав?

Гретта неуверенно повела плечом:

– Не знаю. Может, потерял меня из виду... и поехал другой дорогой?..

Что-то не нравилось Патриции в этой истории, что-то нереальное в ней чувствовалось. Она подозрительно покосилась на Берхарда.

– Зато по этой дороге ехал он? – спросила ландграфиня, кивнув на юношу.

– Да. Я вышла к дороге и, к моему счастью, встретила на ней Берхарда. Если бы не он...

– Да-да, конечно. – У Патриции не было желания слушать похвалы в адрес волчонка. – Вы не ушиблись ли при падении, Гретта?

– Немного плечо болит, – призналась девушка.

– Нужно послать за лекарем Гойербаргом, – сказал Берхард.

Но ландграфиня сделала вид, будто не слышала его. Она

мягко улыбнулась Гретте и, приблизившись к ней, обняла за плечи.

– Бедная девочка, – проговорила Патриция. – Вам необходимо прилечь, успокоиться. Идите пока в свою комнату. Я сейчас прикажу принести вам горячей воды, а позже к вам зайдёт лекарь, осмотрит ваше плечо.

– Спасибо, фрау Патриция. Вы так добры ко мне. – Гретта была искренне благодарна.

Едва Гретта скрылась за углом, Патриция резко развернулась к Берхарду и вонзила в него ненавидящий взгляд.

– Говори правду, где Густав? – жёстко потребовала она ответа.

Берхард привык к подобным взорам матери и относился к ним спокойно.

– С ним случился припадок, – честно ответил он.

– Из-за чего?

– Упал с коня.

Со стороны послышался смешок.

– Боже мой, какие страшные звери эти кони! – усмехнулась Маргарет. – Все с них падают!

Патриции было не до смеха. Её взор не скрывал подозрения и недоверия.

– Как же случилось, что такой прекрасный наездник, как Густав, упал с коня?

– Конь внезапно встал на дыбы, – всё так же невозмутимо давал ответы Берхард.

– Почему?

– Наверное, тоже чего-то испугался.

Патрицию раздражал этот человек, его короткие фразы, его спокойствие, его присутствие вообще.

– Как смел ты оставить брата на дороге одного в столь тяжёлом состоянии?! – взорвалась женщина. – Ты, бездушный мерзавец!

– Можете не переживать, он не один. С ним остался Кларк, и скоро он привезёт Густава домой.

Решив, что сказал всё, Берхард развернулся и направился к выходу.

– Ты куда? – крикнула ему вдогонку Патриция.

– Навстречу Кларку.

– Негодяй! Волчонок! Наверняка, это ты всё подстроил! – Патриция была на грани истерики. – Да ещё и оставил с Густавом чужого человека! Ты желаешь позора брату! Желаешь его гибели!

Каким бы ни было огромным терпение Берхарда, но и оно имело предел. Юноша вернулся к матери и, пристально глядя ей прямо в глаза, резко ответил:

– Ваш «ангел» только что посягал на честь этой невинной девушки. Она в страхе убегала от него пешком, а он на коне загонял её, словно добычу на охоте. Я прервал его игру, не желая, чтобы свершилось худшее. И скажите спасибо доброте и жалости Гретты, которая запретила мне рассказывать о столь низменном поступке Густава. А ведь за это барон

Хафф вполне может вызвать Густава на поединок и уж тем более отказать в благословении на свадьбу.

Высказав всё, Берхард быстрым уверенным шагом покинул холл. Опешив от услышанного, Патриция лишь беспомощно развела руками, она не знала, что и думать.

– Не нравится мне всё это, – тихо произнесла Маргарет, приблизившись к матери.

– Мне не верится, он всё придумал... – отозвалась Патриция.

– А вот мне как раз верится. Послушаем потом, что скажет сам Густав.

– Как ты низко пал в её глазах! – подытожила Патриция, выслушав честный рассказ сына, который и не пытался чего-либо скрывать от матери.

– Я знаю, – тяжело вздохнул Густав. – Но я был очень зол в тот момент.

– И глуп.

– Да, и глуп.

Угрюмый, Густав полулежал в постели, восстанавливая силы после приступа. Рядом с ним сидели мать и сестра Маргарет. Патриция была расстроена и даже разочарована в сыне. Она знала, что Густав бывает груб и несдержан, но подобного взрыва ярости из-за пустяка она от него не ожидала.

– Теперь Гретта мне наверняка откажет, – вновь вздохнул юноша.

– Возможно, – согласилась Патриция. – Но ничего, найдём тебе другую невесту, получше.

– Мне не нужна другая, я хочу только Гретту.

– Нужно было завоёвывать её сердце, а не нападать на её тело, – вставила замечание Маргарет.

– Она всё равно будет моей. Я заставлю её быть моей! – упрямо заявил Густав. – Как думаете, Гретта расскажет о случившемся отцу?

– Думаю, что нет, – высказала своё мнение Маргарет. – Она уже всем подтвердила версию, что упала с взбесившейся лошади. Даже конюха успели наказать.

– Если барон узнает правду, то вызовет тебя на поединок, чтоб защитить честь дочери, – сказала Патриция. – И естественно откажется от брака.

– Нет, он не посмеет, – прорычал Густав, – он же нищий...

– Посмеет. Может, он и нищий, но гордый.

– Лично я готова сказать Гретте спасибо, за то, что она скрыла от всех твою выходку и твой позор, – заявила Маргарет. – И тебе советую это сделать. И попросить у неё прощения. На коленях.

Патриция закивала головой, соглашаясь с дочерью. Густав же при слове «прощение» скривил недовольную гримасу. Просить прощение у женщины, да ещё обидевшей его! Какое унижение.

– Даже если это и не вернёт её расположение к тебе, – продолжала Маргарет, – то, по крайней мере, о твоём низ-

ком поступке так никто никогда и не узнает. При всей своей простоте Гретта девушка честная и имеет благородство.

– Да, – вновь согласилась Патриция. – Она пожалела тебя, Густав. Останется только Берхард...

– Этот волчонок! – рявкнул Густав, и сердце его снова начало наполняться гневом. – Если бы не он... Если бы не он, Гретта не узнала бы о моём позоре!

– Зато она узнала бы твоё насилие! – добавила Маргарет.

– Ты защищаешь его? – Густав сел и гневно взглянул на сестру.

– Нет. Я порицаю тебя.

Но Густав пропустил её ответ мимо ушей и продолжал о своём, о наболевшем.

– Если бы ты знала, какую боль я чувствовал, когда он увозил с собой Гретту! Какие муки душевные я испытывал! Он теперь герой в её глазах, благородный рыцарь! А я – зло. Он украдёт её у меня! Заставит поверить в его любовь!..

– Ты сам в этом виноват! – резко прервала Патриция жалобы сына и шумно перевела дыхание. – Состоится твоя свадьба с Греттой или нет, будет зависеть от решения барона. Даже если и не состоится, утешься тем, что и за Берхарда Гретта тоже не выйдет. Его брак с Зигминой фон Фатнхайн не зависим от чьих-либо желаний и обстоятельств.

– А я бы на твоём месте воспользовалась бы ситуацией, – посоветовала Маргарет. – Если уж Берхарду столь желанна Гретта, то предложи ему обмен: Гретта Хафф против трона

Регенплатца.

Патриция и Густав замерли, в их взорах любопытство перемешивалось с интересом.

– А что? – продолжала Маргарет. – Если Берхард откажется от трона, отцу больше ничего не останется, как посадить на этот трон Густава. И в жёны себе сможешь взять дочь маркграфа, а не дочь обедневшего барончика. Я знаю эту Зигмину. Она молода, но амбициозна и честолюбива. Ей нужен Регенплатц, а уж кто сидит на его троне, мне кажется, ей будет неважно. Всё сложится удачно для всех. Разве что ландграф разочаруется в своём любимце Берхарде.

– Это хорошая идея, – согласилась Патриция. – Густав?

Но Густав, быстро проанализировав предложение, зло сжал губы и нервно ударил кулаками по кровати.

– Нет! И я не желаю видеть, как волчонок живёт в радости и спокойствии! – воскликнул он. – Я хочу и Гретту, и Регенплатц!

– Можно взять только одно из двух, – сказала Маргарет.

– Нет! Я возьму всё! Я ничем не буду обмениваться с Берхардом. Я просто убью его, уберу с моей дороги навсегда! Тогда и трон моим станет, и Гретту заставлю стать моей, ещё и земли барона присоединю. А после... А после и Кроненберг верну под мою власть.

Глаза Густава сверкали яростью и торжеством, подбородок гордо вздёрнут, грудь важно выпятилась вперёд. Юноша уже ощущал себя победителем всех и вся, уже чувствовал на

голове корону Регенплатца.

– Завтра же... Нет, сегодня же я уберу из моей жизни волчонка! – решительно заявил Густав.

Патриция молча опустила глаза – не нравился ей мстительный настрой сына, не нравился его блеск в глазах. Нет, она не станет отговаривать Густава, ей и самой не терпелось избавиться от ублюдка Берхарда. Но... Почему-то в сердце забились тревога, и вспомнились слова чёрной ведьмы: «Если вы всё-таки погубите Берхарда, то Густаву не прожить и трёх дней после его похорон!» А вдруг это сбудется?

– Может, лучше всё решить миром? – неуверенно предложила она.

– Нет! – Густав снова ударил кулаками. – Нет.

Упрям. Неистово упрям, как и все Регентропфы. Если уж что-то задумал, то не свернуть ничем. Патриция больше ничего не сказала. Она поднялась и тихо покинула покои сына. Что будет, то будет. Остаётся лишь покориться воле судьбы. Или Божьей воле.

В это время Берхард зашёл в кабинет отца для серьёзного разговора. Ландграф принял любимого сына, отложил бумаги, удобнее сел.

– Как серьёзен ты, – заметил Генрих. – Тебя что-то тревожит?

– Я с прошением к вам, отец.

Генрих удивлённо приподнял брови.

– Ну, говори. Присядь.

Но Берхард остался стоять. Он не волновался и отца не боялся, хотя и знал, что его слова обязательно вызовут недовольство, возможно, и гнев.

– Отец, признаю, моя просьба дерзка, и всё же, пожалуйста, отнеситесь к ней серьёзно.

Генрих нахмурился, начало беседы ему не понравилось. Берхард продолжал:

– Случилось так, что мы с Греттой полюбили друг друга, и я прошу вас изменить прежнее решение и сосватать Гретту Хафф за меня.

Ландграф ещё больше сдвинул брови, и между ними пролегла глубокая складка. Впрочем, над ответом Генрих даже и не пытался задуматься.

– Нет, – просто, но твёрдо сказал он. – И на этом вопрос решён.

И чтобы показать, что тема действительно закрыта, Генрих придвинул к себе лист пергамента и чернильницу. Однако Берхард будто и не заметил этого намёка.

– Почему? – спросил он.

– Я тебе это уже объяснял.

– Неужели только потому, что Гретта имеет не достаточно высокий титул?

Генрих отодвинул обратно письменные принадлежности. Видимо, разговор с сыном придётся продолжить.

– При всём моём уважении к барону Хафф дочь его тебе

не чета, Берхард. Она не принесёт ни денег, ни военной поддержки. Даже земли её в плачевном состоянии, в них придётся много вкладывать. И потом, что ты прикажешь мне сказать маркграфу фон Фатнхайн? Что Регенплатц, обещанный его дочери, достанется другой? Полагаешь, он не обидится?

– Я подумал об этом и решил. Отец, я отказываюсь от правления в Регенплатце, ибо Гретта мне дороже графства. Поставьте своим приемником Густава и выдайте за него Зигмину фон Фатнхайн. Формально ничего не изменится, поменяется лишь имя жениха.

Заявление сына привело Генриха в негодование.

– Он подумал. Он решил за всех! – Ландграф гневно хлопнул ладонью по столу. – Ты ведёшь себя как глупый воздыхатель из рыцарского романа! Тебе восемнадцать лет, ты уже не мальчик, и пора бы начинать жить головой, а не эмоциями. Судьба возложила на тебя ответственность за Регенплатц, за его мир и богатства, и своим предложением ты предаёшь вотчину, предаёшь меня!

– Я никого не предаю, – уверенно вёл спор Берхард. – Я просто хочу жить спокойно и счастливо с женщиной, которую люблю, и которая любит меня. Переложите ответственность за графство на Густава. Он серьёзен, он справится.

– Эгоист! – крикнул ландграф. – Неблагодарный мальчишка! Променять такое наследие на какую-то девушку, на призрачную любовь, которая вполне может окончиться через год.

– А вы предлагаете мне повторить вашу жизнь? Холодные отношения с женой и любовница на стороне?

Генрих вонзил в сына пристальный взор. Смотри-ка, как повзрослел, уже посмел повысить голос на отца. Мужчина вышел из-за стола и прошёлся по комнате, стараясь успокоиться. Лёгкое покалывание тронуло его больное сердце.

– Ты обижаешь меня, Берхард. Обижаешь любовь твоей матери, бескорыстную, не требующую от меня никаких жертв. А я ведь тоже хотел всё бросить и уехать с ней далеко от этих мест. Но у меня есть чувство долга, и оно приказывало мне не терять разум. – Генрих повернулся к Берхарду. – Ты ещё не видел Зигмину, возможно, она тебе понравится.

Но Берхард, хоть и опустил глаза, отступать не собирался.

– Я люблю Гретту.

Генрих удручённо помотал головой – какой настырный.

– Густаву тоже полюбилась Гретта.

– Уверен, трон Регенплатца его всё равно прельщает больше.

Ландграфа уже начинало раздражать упрямство старшего сына.

– Трон Регенплатца твой, – не менее упрямо повторил Генрих. – И больше на эту тему я говорить не желаю. Если твоя любовь к Гретте настолько велика, ты найдёшь способ внедрить её в свою жизнь. Но оставлять ради неё графство, забывая о своём долге ты не имеешь права.

Берхард молчал. Он понял, что отец своего решения не

изменит, и продолжать убеждать его не имело смысла. Но и отдавать Гретту Густаву тоже нельзя. Может, всё-таки рассказать отцу об утреннем происшествии? Пока Берхард раздумывал, ландграф продолжал говорить:

– Завтра после полудня в Регенплатц прибывает Зигмина Фатнхайн. Ты вместе со мной поедешь её встречать. И чтоб был любезен! С сегодняшнего дня уже собираются гости, со дня на день прибудет король Фридрих, и я очень хочу надеяться, что никаких сюрпризов ты мне не устроишь. Я позже и с Густавом ещё раз поговорю об этом.

– Вы сообщили Гретте о болезни её жениха? – спросил Берхард.

Генрих отвёл взор.

– Нет, – снизив тон, произнёс он. – Но барон знает об этом.

– И не сказал дочери?

– Зачем её огорчать раньше времени? Да и припадки у Густава достаточно редки.

– Сегодня случился.

– Но она же не видела.

– Возможно, видела, но молчит? Что если Гретта откажется выходить замуж за Густава?

– Не откажется. – Генрих прошёл и сел за стол, он чувствовал себя правым. – Гретта послушная дочь и поступит так, как ей скажет отец. А барон Хафф заинтересован, чтобы его обедневшие имения взял под покровительство богатый Регенплатц. Да и дочь его станет графиней фон Регентропф.

Громкое звание, гордость и уважение.

Берхард лишь разочарованно усмехнулся. Бесплезно что-либо доказывать. Его никто не поймёт, Гретту никто не пожалеет. Выгода важнее любви, лицемерные гости нужнее счастья.

– Как же вы жестоки к своим детям, – упрекнул Берхард.

Генрих вновь опустил взор, но на лице сохранил невозмутимость.

– Ступай. Готовься ко встрече с невестой своей, – приказал он. – И прекращай каждое утро куда-то уезжать с Кларком. Гости у нас важные, при них надо быть.

Юноша развернулся и направился к выходу. Но перед дверью остановился и обернулся.

– Лучше бы вы тогда уехали, – негромко высказал он отцу. – Моя мама была бы сейчас жива, а я не оказался бы в родной семье изгоем.

После завтрака Гретта закрылась в своей комнате. Настроение было тоскливым, и думы были тяжёлыми. Девушка подошла к окну – яркое солнце, зелень листвы, птичий гомон... Но нет, ничего не радовало, не приносило душе успокоение. В голове вновь и вновь воскресал её давешний разговор с отцом, разговор, на который возлагалась слабая надежда на понимание и поддержку любящего отца. Но не оправдалась надежда, и получила Гретта лишь разочарование да уныние.

– Папа, мне не нравится Густав, – говорила она отцу.

– Вот как? – подивился Рюдегер. – Однако ещё три дня назад ты говорила совершенно иное.

– То было первое впечатление. Теперь же я узнала его лучше. Папа, я не хочу выходить за него.

Барон вздохнул и приблизился к дочери.

– Густав тебя чем-то обидел?

Гретта опустила глаза. Рассказать всё отцу или нет?

– Он груб со мной, неинтересен, – уклончиво пояснила она. – Он не люб мне. Боюсь, моя жизнь с ним будет безрадостной.

Рюдегер удручённо покачал головой. Он уже успокоился, уже радовался, что дочь его выйдет замуж не только по расчёту, но и по любви. И вдруг выясняется, что чувство, которое вроде бы затеплилось, так и не разгорелось.

– Да, Густав несколько резок, – неохотно признал Рюдегер, – в чём-то даже и груб... Но в целом он хороший человек, он не станет тебя обижать, я уверен в этом.

Гретта расстроено вздохнула – оказывается, чтобы отказаться от свадьбы, её отцу нужны более веские причины.

– Ты привыкнешь к Густаву, – продолжал Рюдегер. – Он умён и деятелен. Он станет опорой тебе и защитой нашим землям...

– Возможно, и всё же я не хочу быть с ним. – И с мольбой взглянув на отца, Гретта повторила. – Папа, я не хочу быть с ним.

– Только подумай, сколько выгоды принесёт этот брак и тебе, и твоим детям, и землям нашим...

– Но сердцу моему выгоды не будет никакой.

Именно в тот момент барон догадался, что мольбы дочери слишком настойчивы, и это, должно быть, неспроста. Рюдегер нахмурился:

– Ты влюблена в другого юношу? – Вместо ответа Гретта молча опустила глаза. – В кого?

Признание вылетело быстрее, нежели Гретта успела обдумать его.

– Берхард Регентропф.

– Что? – Барон был встревожен. – Нет, дочка, затуши эту любовь, пока она не загорелась пламенем. Берхард не для тебя, он уже связан обязательствами с другой девушкой.

– Ещё не связан, и он тоже меня любит.

– Боже мой! При других обстоятельствах я бы лишь порадовался вашим чувствам. Но сейчас... Ландграф не согласится поменять своё решение и женить Берхарда на тебе. Ты должна понимать это.

– Я понимаю, – упавшим голосом отозвалась Гретта.

– К сожалению, многое в жизни происходит не так, как мы того желаем. – Рюдегер по-отечески обнял дочь. – Обрати любовь свою на Густава, отдай ему свою нежность. Забудь Берхарда.

– Я не смогу, – и глаза девушки наполнились слезами.

– Гретта, ты обещала мне быть благоразумной. Ты кля-

лась, что сохранишь честь свою.

– Я не хочу быть с Густавом. Батюшка, пожалейте меня.

Но вместо жалости барон, напротив, отстранил от себя дочь и, спрятав ласковые нотки, строго произнёс:

– С Берхардом ты тоже не сможешь быть. Влюблённость ваша ещё очень слаба, убить её труда не много надо, да и боль будет короткой. Повернись к Густаву; он умён, красив и благороден, он даст тебе положение, богатство. И он любит тебя. За ним ты будешь, как за каменной стеной! Отречься от брака с ним – дело лёгкое, но что потом? Берхард в объятиях молодой красивой жены забудет о тебе, Густав найдёт другую, более разумную невесту, а тебе останется прежнее серое существование, подсчёт скудного урожая да заготовки на зиму. А после ты всё равно выйдешь замуж, ведь это нужно сделать, вот только сомневаюсь, что в третий раз тебе повезёт так, как сейчас. Или ты желаешь уйти в монастырь?!

Гретта лишь тихо всхлипывала и молчала, она не знала, что отвечать.

– Как была бы рада твоя матушка, если б видела, чьей невестой ты стала, в какую роскошь, в какое величие ввела тебя судьба, – говорил Рюдегер. – Как гордилась бы она тем, что дочь её стала графиней фон Регентропф! Нет-нет, чтоб я больше не слышал твои капризы: люблю-не люблю, желаю-не желаю. Ты выйдешь замуж за Густава, я тебе приказываю!

И чтоб пресечь продолжение спора, барон, ещё раз повто-

рив свой приказ, покинул покои дочери.

И вновь Гретта вздохнула. Как тяжелы её думы, сколько в них вопросов, на которые слишком трудно подобрать нужный ответ. Девушка вытянула руку и подставила её под яркий и горячий луч солнца. Может, всё же стоило вчера рассказать отцу правду?

А что случилось бы, если б она отцу пожаловалась и открыла ужасный поступок жениха? Отец, конечно же, встал бы на защиту чести дочери, вызвал бы Густава на поединок и наверняка убил бы его. Бедная Патриция, как бы она переживала смерть младшего сына. Да Патриция прокляла бы её за жалобы на Густава, а то и вообще обвинила бы в навете. А если б наоборот, Густав убил её отца? Гретта даже глаза зажмурила, боясь увидеть страшную картину. Нет, Густав не победил бы, он неопытен и слабее. Вероятно даже, он упал бы в обморок из-за своей болезни. Сколько насмешек на него посыпалось бы, сколько стыда он испытал бы. А возможно, после и мстить бы стал за такой позор.

Нет, не нужно ничего рассказывать. Как ни крути, ни к чему хорошему её жалобы не приведут.

Гретта устало прислонилась к стене. Оставалась ещё слабая, очень слабая надежда на доброту ландграфа, на то, что он изменит решение и отдаст ей Берхарда. Представив образ возлюбленного своего, девушка почувствовала сильную тягу к нему, великое желание увидеть его, коснуться его руки, заглянуть в его чёрные бездонные глаза. Ей так не хватало

любимого, что из девичьей груди даже вырвался стон тоски.

Почему судьба оказалась столь несправедлива? Почему именно к ней?

Вдруг раздался негромкий стук, и дверь приоткрылась. Гретта встрепенулась.

– Это я, госпожа, Лизхен, – ответил знакомый женский голос.

В комнату проскользнула молодая рыжеволосая служанка и тут же затараторила:

– Ой, извините, что помешала вам, госпожа, но меня просили срочно передать вам записку.

– Кто просил?

Лизхен прикрыла за собой дверь и шёпотом заговорщика ответила:

– Господин Берхард.

Служанка достала из кармана сложенный вдвое клочок пергамента и протянула хозяйке. С бешеным биением сердца Гретта взяла в руки записку, развернула её и прочла: «Выйди прогуляться по аллее до южных ворот. Я буду ждать. Берхард».

Будет ждать. Какие приказы отца? Какие запреты? Какое благоразумие? Любимый зовёт, он будет ждать. Обрадованная предстоящей встречей Гретта даже не задумывалась над тем, как поступить.

– Если меня спросят, скажи, что у меня мигрень, – бросила она служанке и спешно покинула комнату.

Подобрав юбку, Гретта выбежала в сад и свернула на аллею. Девушка ничего не видела вокруг и не слышала, её мысли были уже там, у южных ворот, где ожидал её красивый смуглый юноша с ястребиными глазами. Гретта не смотрела по сторонам, она спешила; она не думала ни о последствиях, ни об оправданиях, только о предстоящей встрече.

Вот и южные ворота показались. Гретта сменила бег на быстрый шаг, до желанной встречи оставались мгновения. Вдруг позади послышался приглушённый стук копыт. Девушка обернулась, но возникшая было тревога в её глазах тут же сменилась на радость. Верховом на молодом жеребце к ней подъехал Берхард и, ничего не говоря, протянул руку. Гретта поняла его жест, и, приняв помощь, легко запрыгнула на спину коня.

Они летели словно птицы, свободные, счастливые, оставляя позади все страхи, врагов, расставания. Крепко обхватив возлюбленного и склонив голову на плечо его, Гретта отдалась чувству наслаждения полётом, чувству радости молодой любви. И ей было всё равно, куда увозит её Берхард, зачем увозит, главное, что он рядом с ней, и она ему доверяла.

Проехав широкое поле и пролесок за ним, Берхард выехал на берег Рейна и здесь уже заставил своего коня сменить галоп на шаг, а после и вовсе остановиться. Гретта подняла голову и огляделась. Тёмный Рейн сверкал, отражая от вод своих яркие лучи солнца, берег покрывал ковёр зелёной травы с мелким рисунком полевых цветов. За рекой возвы-

шались холмы, их покатые склоны покрывали ровные ряды виноградников. А за холмами, ещё дальше, ввысь тянулись величественные горы. Пейзаж, от которого трудно оторвать восхищённый взгляд.

Берхард спрыгнул с коня, и помог спуститься Гретте, придерживая её за талию. Оказавшись в мужских объятиях, Гретта замерла, однако руки юноши были крепкими, но нежными, и впустили в её тело волну тепла, робкую дрожь удовольствия. Гретта подняла глаза и встретилась с ласковым взором красивых чёрных глаз Берхарда. Как же он хорош, как приятны его прикосновения, они заставляли душу трепетать и сердце биться как-то по-особенному. Берхард не спешил разнимать кольцо объятий, а Гретта и не хотела, чтоб он так поступил. Более того, в ней и самой возникло желание прикоснуться к любимому, к его коже, волосам. Девушка протянула руку и кончиками пальцев погладила смуглую щеку юноши. Новая волна тепла накрыла всё её естество. Это чувство было настолько приятно, что захотелось вновь испытать его. Гретта продолжала любоваться возлюбленным, разглядывая каждую чёрточку его лица, лаская пальцами его щеку, шею, локон чёрных волос.

Мужские руки крепче сжали девичью талию, поднялись по спине, снова опустились. Они всё ещё были нежны, но уже чего-то просили. Как серьёзны глаза Берхарда, как проникновенен их взгляд. Они говорили, красноречиво говорили о том, о чём молчали сжатые губы, но о чём кричало серд-

це юноши. И Гретта их понимала. Да и как не понять, если её сердце билось в ритме тех же самых слов. Гретта коснулась губ юноши и вспомнила их лёгкий поцелуй. Вот бы испытать его ещё раз. И, словно прочтя это желание, Берхард склонился и поцеловал девушку в её розовые мягкие губы. Первый поцелуй был лёгким и робким. Но Гретта знала, что последует продолжение и, прикрыв от удовольствия глаза, замерла в ожидании. И вот поцелуи начали покрывать её лицо, прикасаться к глазам, щекам, губам, шее... становились увереннее, крепче, жарче, настойчивее... Опаляли сердце, накаляли страсть влюблённых... Жадно вдыхался запах кожи и вкушался нектар губ, руки не находили себе покоя, то лаская, то сжимая до боли... Истома любви расслабляла и туманила сознание...

Молодые люди и сами не заметили, как опустились на траву, и страсть полностью поглотила их, утопив в шторме грешного желания. Гретта и не пыталась остановить Берхарда ни словом, ни жестом. Наоборот, она и сама желала отдать себя целиком именно этому мужчине, любимому, нежному.

Короткая боль уже забылась, осталось только наслаждение. Девушка и не думала, что физическая близость с мужчиной может доставить столько удовольствия. Она стонала, не хватало воздуха, и телу было жарко, мужские руки позволяли себе самые непристойные ласки, тяжёлое мужское дыхание обжигало лицо – и всё же лучше и приятнее этих минут Гретта ещё не переживала в своей жизни.

Голова немного кружилась, и в глазах потемнело, пик сладострастия увёл разум далеко от реальности. Мужские ласки стали мягче и спокойнее, а слух поймал тихий шёпот: «Любимая. Я никому тебя не отдам». Какое счастье осознавать себя любимой, единственной.

Постепенно разум вернулся в реальность, Гретта увидела небо, солнце, блеск реки. И лицо Берхарда, столь милое и любимое. Юноша лежал на боку, приподнявшись на локте, его длинные волосы растрепались, рубашка от пота местами прилипла к телу, ворот её широко распахнут, открывая смуглую крепкую грудь и сильное плечо, ноги были оголены. В столь неряшливом виде молодой человек понравился Гретте ещё больше, он выглядел простым, естественным и таким близким. Но вдруг Гретта осознала, что и её внешний вид так же находится в беспорядке. Она прикрыла обнажённые бёдра мятым подолом платья, поправила корсаж на груди.

– Такое красивое тело нужно показывать, а не скрывать, – заметил Берхард, проведя рукой по стройной талии девушки.

Странно, но Гретта совсем не чувствовала стеснения перед этим мужчиной. Ей даже доставляло удовольствие, что он её рассматривал, ласкал, желал. И всё же она села, опустила юбку, полностью прикрыв босые ноги, поправила рукава. Проблему создавала развязанная тесьма на спине. Перекинув волосы через плечо, Гретта попросила Берхарда помочь. Тот с готовностью сел позади девушки, однако вместо того,

чтобы заняться тесьмой, принялся целовать белую изящную девичью шею.

– Берхард, я считала тебя благородным кавалером, – шутливо попрекнула Гретта, поведя плечом.

– Да, я далеко не ангел, – тем же тоном отозвался Берхард, не прерывая своего занятия. – Ты разочарованна?

– Нет. Хотя дорога в Рай для меня уже закрыта.

– Не переживай. Зато в аду мы не будем тосковать друг о друге.

Гретта промолчала на это. Она всегда старалась жить по заповедям, хранила честь свою, была послушной и богобоязненной. Но всего один взгляд ярких чёрных глаз, всего один поцелуй ласковых губ – и всё забыто, всё смыто волной любви, сожжено огнём страсти. Однако, как ни странно, виноватой себя за это она совершенно не чувствовала.

– Гретта, давай уедем отсюда вдвоём, – вдруг предложил Берхард, и голос его стал серьезнее.

– Куда? – спросила Гретта.

– Не знаю. Какая разница? Как можно дальше.

– А почему нельзя остаться?

Шутки и игры окончились, настало время разрешать проблемы.

– Я вчера говорил с отцом, – поведал Берхард, занявшись наконец тесьмой. – Он не поддержал меня и приказал жениться на Зигмине Фатнхайн.

Гретта понурила голову.

– Мой батюшка тоже пожелал мне как можно скорее забыть тебя, – сказала она. – Но я не смогу выполнить его просьбу.

– Я тоже не сумею исполнить приказание. Поэтому и предлагаю тебе бежать.

Гретта задумалась. Наверное, Берхард прав, здесь они не найдут поддержки. Чтобы быть вместе, им придётся покинуть родной дом, родных людей...

– Но оставить отца я тоже не смогу, – проговорила Гретта. – Он очень одинок. Я – единственный близкий человек, который у него остался, его опора, его надежда. Покинуть его равно предательству.

– Однако по-другому не получается. Либо нам жить врозь, но в послушании, либо вместе, но... против всех.

Завязав тесьму, Берхард встал, оделся, привёл себя в порядок, а после сел рядом с Греттой так, чтобы видеть её лицо и решительно сделал ещё одно предложение:

– Давай обвенчаемся тайно.

Гретта вскинула на Берхарда взгляд полный удивления.

– Мы будем соединены Божьим благословением, и нас уже никто не сможет разъединить, – продолжал юноша. – Станут упрекать, осуждать... но всё равно будут бессильны что-либо изменить.

– Нас проклянут.

– Кто? Разве что маркграф. Мой отец... (бедное его сердце), – сочувственно улыбнулся Берхард. – Он, конечно, бу-

дет разгневан, но, я уверен, со временем простит. А барону и гневаться-то не на что. Мы уедем жить с ним, я стану его помощником.

– А как же Регенплатц?

– Оставлю его Густаву.

– Брат не простит тебя за то, что ты украл у него невесту.

– Простит. За трон Регенплатца он мне всё простит. К тому же он может жениться на Зигмине, тогда и маркграф не останется в обиде. Все формальные условия по отношению к его дочери будут соблюдены.

Гретта улыбнулась. Как всё хорошо и просто получалось. Да, Берхард действительно нашёл выход. Юноша взял за руки свою возлюбленную и, заглянув ей в глаза, спросил:

– Милая моя Гретта, ты согласна стать моей женой?

– Конечно, согласна, – пылко ответила девушка. – И душа моя и тело принадлежат отныне только тебе одному.

– И согласна поступить так, как я тебе предлагаю?

– Согласна. Согласна! Вот только пожениться нам нужно как можно скорее.

– Да. Сегодня ночью.

– Сегодня.

– Пока я с отцом буду встречать маркграфа и дочь его, Кларк поедет в монастырь, найдёт там для нас какого-нибудь монаха, который согласится на тайное бракосочетание. А поздно вечером и мы с тобой туда подъедем. Кларк станет нашим свидетелем, а ты возьми с собой Лизхен.

– Да, Лизхен можно доверять. Она хоть и болтушка, но когда надо, умеет хранить тайну.

– Да ей и не придётся долго сдерживать свой язык. Завтра мы с тобой сами объявим всем о нашем поступке.

Гретта невольно испуганно ахнула, представив этот страшный момент.

– Не переживай, любимая, и ничего не бойся, – утешал Берхард возлюбленную свою. – Завтра нам предстоит трудный, тяжёлый день. Зато потом как счастливы мы будем! Как свободны!

Гретта расслабилась и вновь улыбнулась. Всего один день потерпеть, совсем чуть-чуть.

– Я верю тебе, Берхард.

В благодарность за такие слова Берхард наградил любимую самым нежным поцелуем.

– И всё-таки я опасаясь твоего брата, – после призналась Гретта. – Уж очень он вспыльчив и зол на тебя. Почему Густав столь враждебен к тебе?

Берхард отвёл взгляд. Тема неприятна, но Гретта должна знать всё.

– До тебя, верно, доходили слухи, что Патриция мне не родная мать? – сказал Берхард.

– Доходили. Но я думала, что это просто злые слухи.

– Нет. Это правда. Моя настоящая мама была простой горожанкой. Звали её Эльза Штаузенг. Подарив мне жизнь, сама она умерла. Я её не знал и видел только на портрете. Мой

отец очень любил её, даже сильнее, чем жену свою. Потому, наверное, и решил поставить именно меня наследником и главой Регенплатца. Естественно, Патриции обидно, что её сын, законнорожденный сын, вдруг станет слугой бастарду. За это меня и ненавидят в этой семье, считают, что занимаю я чужое место. Возможно, в чём-то они и правы. Между мной и Густавом идёт пожизненная вражда, он мечтает о троне Регенплатца, на который имеет больше прав, чем я. Сегодня он даже грозит мне войной. Иногда мне кажется, что я буду жив лишь до тех пор, пока у него есть надежда занять этот трон мирным путём.

– Ты говорил об этом отцу?

– Конечно. Но отец мой упрям. Он решил, что правителем Регенплатца должен стать только я, и никаких возражений слышать не желает. Более того, он хочет сразу после свадьбы моей официально передать мне все права правления. Правда, об этом пока никто не знает.

– Густав, наверное, придёт в ярость.

– Без сомнения. Но я не боюсь его, Гретта. И если я отказываюсь от Регенплатца, то только потому, что передо мной встал выбор – ты или трон. Согласись отец на нашу с тобой свадьбу, и я не стал бы отрекаться от столь великого и почётногo наследия. Наверное, я совершаю предательство по отношению к отцу, но... мне кажется, мой проступок принесёт пользу всем. Мы с тобой будем вместе, Густав получит то, о чём мечтал всю жизнь, Патриция успокоится, мир Ре-

генплатца не будет потревожен нашими семейными рознями. Отец слишком упрям, ему ничего не докажешь. Говорят, упрямство – это самая яркая черта нашей фамилии. Однако я тоже Регентропф и тоже упрям. И я хочу быть с тобой и только с тобой.

Берхард ещё крепче сжал руки девушки. Гретта почувствовала лёгкую боль, но промолчала. Она понимала, что из души молодого человека рвались откровения, которые сдерживались слишком долго.

– Мне трудно объяснить тебе, Гретта, но именно сейчас с тобой я почувствовал сладкий вкус жизни, я будто очнулся от глубокого сна. До встречи с тобой я просто плыл по течению, и мне было безразлично, что станет со мной завтра, с окружающим меня миром. Я покорно принимал всё, что готовила мне судьба. Но теперь я хочу жить, бороться за счастье. Хочу быть нужным, любимым. Я устал быть изгоем.

Сердце девушки наполнилось сочувствием. Как же ужасно жить среди родных людей и быть им чужим. Гретте захотелось утешить любимого человека, согреть, укрыть от одиночества. Но она не успела этого сделать, её эмоции прервал внезапный звук конского топота. Услыхав его, молодые люди тревожно переглянулись и вскочили на ноги. К ним стремительно приближался Кларк Кроненберг.

– Берхард! – Натянув поводья, Кларк заставил своего коня остановиться. – Берхард. Тебе нужно скорее вернуться. Ландграф разыскивает тебя, и он недоволен.

– Спасибо, что предупредил, друг, – отозвался Берхард.

Кларк Кроненберг прыгнул на землю и, держа коня под уздцы, приблизился к Берхарду.

– Я не думал, что вы будете отсутствовать столь долго.

– Рядом с милой Греттой часы кажутся минутами, – улыбнулся Берхард в ответ, но после он приблизился к другу и обратился к нему с более серьёзным тоном. – У меня к тебе просьба, Кларк, как к лучшему другу. Нет. Как к брату, к человеку, которому я доверяю, словно себе самому.

– Начало мне что-то не очень нравится, – насторожился Кларк.

Но Берхард продолжал:

– Пока мы с отцом будем встречать важных персон, прошу тебя взять кошель с золотом, отправиться с ним в монастырь и найти там святого отца, который согласился бы провести тайную брачную церемонию.

– Тайный брак? Ты с ума сошёл!

– Возможно. Но мы с Греттой уже всё решили. Мы хотим быть вместе вопреки всему.

Девушка кивком головы и уверенным взглядом подтвердила слова возлюбленного.

– Я бы вам не советовал так поступать, – высказал Кларк своё мнение.

– Я знаю, что ты мне желаешь только хорошего. И всё-таки я намерен поступить так, как задумал. А тебя прошу быть помощником и свидетелем нашей скромной тайной свадьбы.

Кларк лишь обречённо вздохнул:

– Хорошо, я исполню твою просьбу. Но сейчас поспешим.

Берхард возгласом подозвал своего коня, который мирно стоял неподалёку в тени деревьев и пощипывал мягкую сочную траву. Гретта тем временем отыскивала в траве свои туфли и обулась.

– Я предлагаю отвезти Гретту к южным воротам, – предложил Кларк, – а самим вернуться через центральные.

– Да, так будет лучше, – согласился Берхард.

Он помог Гретте подняться в седло, а затем запрыгнул и сам. Сладостные минуты любви прерваны. Но они повторятся. Обязательно. И очень скоро.

Ссадив Гретту у южных ворот, юноши быстрым шагом направили коней к центральному въезду с восточной стороны крепостной стены.

– Я не поддерживаю твоё решение, – говорил Кларк по дороге. – Представляешь, что скажет ландграф?

– Он будет в ярости, – спокойно отозвался Берхард.

– А что будет с Регенплатцем?

– Я отдаю его Густаву.

– Думаешь, что всё можно вот так вот запросто разрешить? А если Густав не откажется от Гретты?

– Между женщиной и властью он выберет власть.

– А ты хоть представляешь, что ждёт Регенплатц под управлением Густава с его амбициями деспота? Я могу дать

голову на отсечение, что, как только он возьмёт в свои руки правление, то тут же начнётся война. Для начала он захочет вернуть Кроненберг, а после, думаю, и соседу барону Хафф не повезёт. А вернее тебе, ведь ты там хочешь обосноваться.

– А при мне Густав развяжет войну за трон. Она лучше? – Поучения Кларка уже начинали раздражать Берхарда.

– Но армия будет на твоей стороне, – не унимался Кларк. – Да и народ, наверняка, тоже. Густав проиграет битву, даже не успев начать её. Взвесь всё ещё раз, Берхард, подумай о Регенплатце!..

Терпение Берхарда сорвалось, остановив коня, юноша развернулся к другу и резко высказал:

– Надоело мне думать о Регенплатце! Не желаю больше приносить ему в жертву свою свободу, чувства, желания. Возможно, я и эгоист, но я хочу просто жить. Понимаешь, Кларк? Жить ради себя самого, ради любви, ради моих детей. А Регенплатц... Ну посуди сам, если бы не было меня, правителем стал бы Густав, и все бы покорно приняли это.

– Но ты же есть! – продолжал спорить Кларк, также вынужденный остановиться. – Ты есть, и потому судьба земель этих...

Однако он не договорил. Его взгляд пристальный и одновременно удивлённый задержался где-то позади собеседника. Берхард, не понимая, что вдруг произошло с другом, обернулся, дабы увидеть, причину столь резкого изменения. В сторону юношей торопливым, но уже усталым шагом шла

пожилая женщина в чёрных потрёпанных одеяниях.

– Это же Хельга, – признал её Берхард. – Та ведьма из леса.

– Да, она, – подтвердил Кларк.

– Что ей здесь надо?

Хельга увидела, что юноши её заметили, и тяжело опустилась на землю. Ноги уже не имели прежней силы и быстро устали.

– Берхард! – подозвала она, протянув руку. – Берхард!

Не раздумывая, Берхард пришпорил коня и, подъехав к женщине, сошёл на землю. Кларк последовал за другом.

– Берхард! К тебе спешу я. – Хельга тяжело дышала, голос её срывался. – Опасайся, Берхард! Смерть кружит вокруг тебя. Она подобралась совсем близко. Руки уже протянула. Будь осторожен, не доверяй.

– Кому не доверять? – спросил Кларк.

– Близким людям. Близким, но чужим. Опасайся брата, Берхард. Его ненависть к тебе наполнила до краёв его сердце!

Берхард смотрел на женщину хмуро и настороженно. Её мрачные предостережения крепким кольцом сжимали разум. А Хельга всё нагнетала:

– Он не отстанет от тебя. Уничтожь его первым. Не жалея, ибо тебя он не пожалеет!

Но Берхард помотал головой и резко приказал:

– Замолчи! Густав – мой брат. И я найду способ жить с ним в мире.

Хельга замолчала. Паника в глазах её вдруг сменилась на печаль и наворачнулись слёзы.

– Мой милый мальчик, – тихо и устало вздохнула Хельга. – Ты, как и твоя бедная матушка, веришь в торжество добра. И всё же прошу, не пренебрегай моими советами. – Женщина протянула руку. – Помоги мне встать, Берхард.

Юноша наклонился, подставил плечо и руку. Опершись на них, Хельга поднялась.

– Боюсь я за тебя, Берхард. Очень боюсь.

Взгляд женщины наполнился таким теплом, такой материнской нежностью, что сердце Берхарда дрогнуло. Ещё никто ни разу в жизни так не переживал за него. Да, перед ним стояла ведьма, женщина с чёрной репутацией, и всё-таки она – родной ему человек, человек, который страдает вместе с ним.

– Не бойся за меня, – уже мягче произнёс Берхард. – Я сумею за себя постоять.

– Что бы ни случилось, не расставайся со своим амулетом. Он – единственная твоя защита.

– Я буду это помнить, – пообещал Берхард.

Вскочив на коня, юноша помчался в сторону замка. Кларк же задержался.

– Что именно задумал Густав? – потребовал он ответа у Хельги.

Женщина с надеждой кинулась к молодому всаднику.

– Помоги ему, – просила она. – Я не знаю, что замышляет

Густав, но чувствую запах яда. Не доверяйте ему, а лучше убейте его.

– Яд. Как подло. И когда он решится на это?

– Не знаю, Кларк, – почти простонала Хельга. – Но рука его уже наготове, и смерть подошла к Берхарду слишком близко. Помоги ему.

– Я буду рядом с ним, – дал слово Кларк. – А теперь возвращайся домой.

Развернувшись, он поторопился вслед за другом. Хельга провожала их с грустью, но с надеждой в сердце.

– Я буду молиться за вас. Молиться за тебя, Берхард. Не дай погубить себя.

Кларк нагнал Берхарда уже на внутреннем дворе. Юноши сошли с коней и спешно направились в замок.

– Ну что теперь ты скажешь? – поинтересовался Кларк у друга. – Или ты не поверил Хельге?

– Представь себе, поверил, – отозвался Берхард.

– И что намерен делать?

– Теперь я ещё больше хочу отдать Густаву этот пресловутый трон. И сделаю всё, чтоб он его получил. Мне надоела война из-за наследства.

– Хельга говорила о яде.

– Подло, зато быстро и эффективно, – усмехнулся Берхард, поднимаясь по ступенькам.

– Я смотрю, ты всё равно относишься ко всему, как к игре? – бросил ему вдогонку Кларк.

Берхард резко остановился и развернулся.

– К игре? – юноша вонзил в друга жёсткий взгляд. – Хороша игра. Да я никогда в жизни не был столь серьёзен и решителен! Думаешь, мне весело? Эта нескончаемая неделя обратилась для меня настоящим испытанием. Я словно целую жизнь пережил. А завтрашний день вообще станет судом Божиим! А теперь ещё и брат-отравитель. Я устал. Хочу скорее всё разрешить да уехать отсюда. Я люблю Регентропф, но он для меня стал адом. А теперь подсажи, Кларк, в каком месте этой игры мне можно посмеяться?

– Я же просил тебя не опаздывать! – отчитывал Генрих своего старшего сына. – Приказывал тебе сегодня никуда не уезжать! Почему я должен искать тебя?

В окружении нарядной свиты ландграф и Берхард в богатых одеяниях, соответствующих торжественному случаю, ехали в город, чтобы встретить важных и долгожданных гостей, маркграфа фон Фатнхайна и дочь его Зигмину, прибывающих в Регенплатц на корабле.

Генрих пришёл в бешенство, когда узнал, что Берхард послушался его и снова с утра покинул замок. Его разозлило не столько отсутствие Берхарда, сколько то обстоятельство, что всегда послушный и учтивый сын вдруг превратился в дерзкого бунтаря, вдруг стал создавать проблемы и лишние хлопоты.

– Ты уже взрослый мужчина, в тебе должно быть чувство

ответственности! – продолжал гневаться Генрих. – Теперь из-за твоего ребячества мы можем опоздать, уважаемым людям и твоей невесте придётся ждать нас на пирсе, как каким-то заезжим путешественникам.

Берхард молчал. Не возражал ни словом, ни жестом.

– Представляешь, какое отрицательное мнение они могут сложить о нас? – Генрих взглянул на каменное лицо сына. – Нет, он не представляет. Берхард, я с тобой разговариваю! О чём ты только думаешь?

– О Гретте, – спокойно отозвался Берхард.

Это ещё больше разгневало ландграфа.

– Негодный мальчишка! – взревел он. – Я запрещаю тебе, слышишь?!

Окружающие обернулись, прислушались. Лишь Берхард сохранял невозмутимость. Генрих огляделся – действительно, не место и не время для выяснений отношений с сыном. Кое-как он постарался успокоиться, хотя внутри него эмоции бурлили и клокотали.

– Я ожидал неприятных сцен от Густава, от Патриции, – снизив голос, высказал Генрих. – Да от кого угодно, чёрт побери, только не от тебя. И зря ты просил брата моего вступить за тебя. Он сочувствует тебе, но против правил и против моей воли не пойдёт. Ты меня разочаровываешь, Берхард. Сейчас прибудет Зигмина, и я тебе запрещаю даже на шаг отходить от неё до самой свадьбы. Понял? Приказываю быть любезным, учтивым, вежливым, улыбаться и за ней

ухаживать. А Гретта – женщина для тебя чужая.

Берхард опустил глаза. Чужая женщина – какой абсурд. И почему его любовь должна зависеть от согласия отца? Нелепо. Глупо.

– Отец, прошу вас, пока не поздно...

– Нет! Никаких просьб слышать не желаю! – вновь крикнул на сына Генрих.

– Я умоляю вас...

– Я сказал НЕТ! Ты женишься на Зигмине Фатнхайн и сядешь на трон Регенплатца – будет так и не иначе. Твои мольбы и капризы на меня не действуют.

Берхард это понимал. Однако отступить и смириться не собирался. После некоторого молчания он решил повести разговор с другой стороны.

– Вы знаете Хельгу, отец?

– Какую Хельгу?

– Знахарку, что живёт отшельницей в лесу.

Генрих нахмурился.

– Да, знаю, – ответил он.

– Сегодня она нашла меня и предупредила, что Густав хочет меня отравить.

Генрих усмехнулся.

– У Хельги слава знахарки, целительницы, никак не вещь.

– И всё-таки я ей верю. Густав не успокоится, пока не займёт трон Регенплатца.

– Ты опять за своё? – прорычал Генрих. – Через пару дней ты станешь полноправным правителем Регенплатца, Густав вынужден будет тебе подчиниться.

– Но я не перестану быть для него врагом, соперником, – тихо, но уверенно продолжал спор Берхард. – Или вы предлагаете мне роль братоубийцы?

Генрих нервно передёрнул плечом. Разговор его раздражал, да и сердце начинало ныть.

– Густав вовсе не собирается с тобой воевать и вообще чинить каких-либо бедствий. Он не глуп и понимает, что слабее тебя. Это внешне он перья распускает, а в душе его заячья дрожь. К тому же, я говорил с ним сегодня утром, пока ты наслаждался бездельем. Мы говорили о его будущей жизни, об обязанностях, которые вскоре будут возложены на него. Под его правление перейдут не такие уж малые земли, и за жизни многих людей он станет нести ответственность. Густав всё понял, принял и заверил меня, что претензий к тебе у него нет.

– И вы ему поверили?

– Он мой сын. А вот ты поверил какой-то полоумной старухе. Разве не странно, что ни к кому она не приходит сама, дабы поведать будущее, а к тебе специально пришла? Разве не подозрительно?

– Хельга боится за меня...

– Именно за тебя? Это почему, интересно?

– Она сказала, что Эльза Штаузенг – её родная дочь, а я

– её внук.

Генрих замер:

– Как дочь?

– А вы разве не знали?

Генрих даже растерялся. Глупость какая-то. Этого не могло быть.

– Она солгала тебе, это очевидно, – высказал он. – Ахим Штаузенг некоторое время жил в другом городе, там женился, жена умерла при родах. После с младенцем-дочерью он вернулся в Крафтбург.

– И никто никогда не видел его жены?

– Конечно, нет. Ахим просто не успел привезти её в отчий дом. Ахим Штаузенг и его семья – весьма порядочные и уважаемые люди. Никому, и мне в том числе, и в голову не приходило не верить его словам. К тому же много лет назад по городу уже гуляли подобные грязные слухи о происхождении Эльзы. И Ахим тогда сам лично просил меня о защите от злословия.

Берхард задумчиво разглядывал далёкий горизонт. Ему хотелось верить отцу, но что-то мешало сомневаться в признаниях чёрной женщины.

– Я видел лицо Хельги, – произнёс юноша, – в нём есть черты моей мамы. В нём есть и мои черты. И ещё она мне говорила...

– Послушай, Берхард, – нервно прервал сына Генрих. – Если тебе так приятно верить, что твоя мать – дочь ведьмы,

что твой дед мог спутаться с прислужницей дьявола, так верь в это. Только не заставляй в это верить других!

– Но Густав...

– И Густава тебе бояться не надо! Я всё тебе сказал, всё объяснил, и хватит об этом!

Что же такое с сыном творилось? Генрих совершенно не узнавал всегда сдержанного, рассудительного Берхарда. Ландграф внимательно посмотрел на старшего сына – гордая осанка, на лице непроницаемая маска холода. Но взгляд всё же беспокойный, будто ждущий чего-то. «Неужели он поверил этой старой ведьме? Неужели она смогла породить в нём панический страх перед родным братом? Берхард, конечно, никогда не питал иллюзий относительно любви Густава, однако ожидал от него честной борьбы, открытого спора, а не подлого удара в спину из-за угла. А Густав хоть импульсивен и обидчив, но он не подлец. Берхард должен понимать это и не верить в глупые предсказания старухи. И всё-таки, почему же она наговорила ему такое? Хочет сравнить братьев? Но зачем ей это? Может, кто-то заплатил? – ландграф терялся в догадках. – Ещё и родство своё выдумала. Наверняка для того, чтобы Берхард ей поверил».

Генрих снова взглянул на сына. «Как он похож на свою мать. Если бы родился девочкой, то был бы копией Эльзы. А вот характер мой: упрямый, дерзкий, даже в чём-то эгоистичный. Как, должно быть, разочарован Берхард, узнав, что его бабушка – чёрная ведьма. Как только посмела она приду-

мать такое! Выставить себя матерью прекрасной чистой девушки!» Генрих попробовал вспомнить лицо знахарки. Он видел её всего один раз, в день рождения Берхарда, в тот день, когда умерла Эльза. Но это было слишком давно. Образ Хельги уже стёрся в памяти. И единственное, что вспомнил Генрих – чёрные волосы и тёмно-карие глаза. Да, такие же, как у Эльзы, но это ещё не повод роднить столь разных женщин.

И вдруг кольнуло сердце. А что если Хельга всё-таки права? «Нет, не верю, – отмахнулся Генрих. – Всё равно не верю ни в её родство с Эльзой, ни в коварство Густава. Ахим не лгун, а мой сын не подлец. А вот с ведьмой этой нужно разобраться. Я позволил ей спокойно жить на моей земле, творить свою ворожбу только потому, что она людям ничего плохого пока не делала. Но если она решила отблагодарить меня гнусной ложью или, ещё хуже, предательством, то век свой закончит она на костре. Как только стихнут праздники, прикажу привести клеветницу в замок и допросить с пристрастием».

И всё же тяжесть на душе осталась.

На пристани собрался почти весь город. С цветами и приветственными криками народ встречал причаливший к берегу большой корабль. Паруса свернули, спустили трап. Зигмине Фатнхайн не терпелось скорее сойти на твёрдую землю, долгое плавание утомило её. Она устала, и голова боле-

ла. Сейчас бы прилечь, отдохнуть, но нужно было держать себя в руках, сохранять твёрдую поступь, гордую осанку и приветливую улыбку на лице.

Сойдя с трапа, Зигмина остановилась и взором королевы обвела пёструю шумную толпу своих будущих подданных. Впереди них, словно вождь, стоял ландграф фон Регентропф в блестящих начищенных латах и в развивающемся на ветру тёмно-синем плаще. Зигмина видела ландграфа всего один раз несколько лет назад, но сразу узнала его. Впрочем, сейчас личность правителя Регенплатца не слишком её интересовала, её внимание привлёк молодой статный юноша, стоявший рядом с Регентропфом. На нём так же были латы и синий плащ, чёрные волосы трепал ветер. Но взор. Взор чёрных глаз был столь горд и величественен, что даже она, привыкшая смотреть на всех свысока, не выдержала и смутилась.

На пирс сошёл Олдрик фон Фатнхайн крупный мужчина с овальным чисто выбритым лицом и цепким взором серых глаз. Одежда его также нарядна и богата. Опираясь на его руку, рядом с ним шла и супруга его в шитом серебром платье и накинутом на плечи дорожном плаще.

– Добро пожаловать в мирные и гостеприимные земли Регенплатц! – радушно приветствовал гостей ландграф. – Я и мой народ рады видеть вас, маркграф, вашу супругу и вашу прекрасную дочь Зигмину, о красоте и уме которой ходят легенды. И конечно же, всех, кто вас сопровождает, мы тоже

приветствуем!

И новая волна восторженных возгласов пронёсся по толпе.

– Рад. Рад снова видеть вас, Генрих фон Регентропф! – Маркграф с широкой дружеской улыбкой подошёл к ландграфу и крепко обнял его. – Рад, что породнимся с вами, что дочь моя любимая войдёт в семью вашу. Я знаю... Я уверен, что здесь она будет счастлива. Ваш сын?

Олдрик фон Фатнхайн кивнул в сторону Берхарда.

– Да, мой старший сын, ваш будущий зять, – ответил Генрих.

Берхард учтиво поклонился высокочтимому гостю, и маркграф ответил тем же.

С корабля сошла немногочисленная свита, привели коней. Рослые сильные матросы начали сгружать тяжёлые сундуки. Солнце палило нещадно. Женщины достали веера, мужчинам в парадных латах было несказанно жарко. Генриха беспокоило такое неприятное неудобство столь важных гостей. И он не стал задерживать церемонию встречи, а наоборот призвал всех поскорее седлать коней и отправиться в замок Регентропф к его щедрому столу, в его желанную прохладу. Гости с радостью поддержали призыв ландграфа, сели на коней и гудящим неровным строем под нескончаемые возгласы радостных горожан, потянулись по городской булыжной дороге. Лишь несколько слуг Ландграф оставил на пристани, дабы те помогли с выгрузкой и доставкой в за-

мок вещей приезжих.

Зигмина Фатнхайн, изнывая от жары в тяжёлом платье из бордовой парчи, ехала на своей любимой белой кобыле рядом с Берхардом Регентропфом. Девушка молчала. Молчала и смотрела по сторонам. Зигмине понравился молодой человек, выбранный ей в мужа, понравилось его лицо, красивые, хотя и немного холодные чёрные глаза, вот только слишком неразговорчив он был, слишком хмур и невнимателен к ней, к своей спутнице, к своей невесте. Он даже не взглянул на неё ни разу. Зигмина молчала, ждала, когда же Берхард соизволит заговорить с ней, хотя бы о каком-нибудь пустяке. Но вскоре она поняла, что ничего не дождётся.

– Какой красивый город Крафтбург, – не выдержала девушка и первая завязала разговор. – Я здесь никогда не бывала раньше.

Ответа на её замечание не последовало.

– Мне кажется, люди, живущие здесь милые и добрые. Правда?

– Да, – коротко и сухо ответил её спутник.

Зигмина тяжело вздохнула. Приятная внешность и молодость – это, конечно, хорошо, однако как же будет плохо, если у этого мужчины окажется скверный характер.

– Прибыл ли в Регенплатц король Фридрих? – вновь заговорила Зигмина.

– Нет.

– Я слышала, что и сын его Конрад так же приглашён ва-

ми?

– Не знаю.

Беседа так и не завязывалась. Берхард по-прежнему был сух и нелюбезен, продолжал смотреть куда угодно, только не на собеседницу. После долгой паузы молчания Зигмина поинтересовалась:

– Вы всегда столь неразговорчивы, Берхард?

– Всегда, – не меняя бесцветного тона, отвечал юноша.

– А отец мне говорил о вас, как о довольно интересном собеседнике.

Действительно, Берхарду приходилось пару раз общаться с маркграфом фон Фатнхайном, но весьма кратко. И в последний раз это было два года назад на празднике у герцога Швабского. Вот там, наверное, у Генриха и появилась мысль женить сына на Зигмине.

– Так что прошу вас не притворяться, – продолжала девушка и даже изобразила кокетливую улыбку, – и не обижать меня своим молчанием.

Берхард усмехнулся. Смотри-ка какая, ещё не успела стать женой, а уже ставит требования, как ему вести себя и что нужно делать.

– Зигмина, я не собираюсь болтать с вами лишь для того, чтобы доставить вам удовольствие, – тихо, но твёрдо высказал Берхард. – Я по жизни угрюмый, замкнутый человек. И коль уж судьба связывает наши жизни, вам придётся смириться с этим.

Девушка изумлённо приподняла бровки и недовольно повела плечом.

– Но послушайте, Берхард, так вести себя... – начала было она спорить, однако резкий и жёсткий взор чёрных глаз буквально заставил её закрыть рот.

Зигмина не выдержала этот взор и отвернулась. Неужели ей придётся жить под мужским кулаком? Боже, и ради этого каменного сердца она проделала столь долгий и утомительный путь. Ради него она терпела массу неудобств! Ради этого ледяного холода она отказала другим женихам, их жарким признаниям и пылким заверениям в любви! Что ж, сама виновата, позарилась на графство Регенплатц, на статус королевы в этом богатом мини-королевстве. Остаётся надеяться, что заботы власти заполнят собой пустоты любовных отношений.

Продолжая путь, молодые люди больше не разговаривали. Берхард понимал, что обидел девушку, но совершенно не испытывал чувства вины. Наоборот, он посчитал, что если произведёт на Зигмину наихудшее впечатление, то она не слишком расстроится, а скорее даже обрадуется, когда узнает, что её свадьба с ним не состоится.

Вот и улицы города уже позади. Людей вдоль дороги всё меньше, криков и вовсе не слышно больше. Берхард тоскливо рассматривал пейзаж вокруг, аккуратные светлые дома с черепичными крышами, да редких прохожих у обочины. Его взгляд остановился на высоком седовласом мужчине, одетом

скромно, но не бедно. Внимание Берхарда привлёк странный взгляд старика. Он был беспредельно добрым и... влажным. Да, в глазах блестели слёзы. Улыбка под седыми усами таила в себе нежность и тоску. Нет, как бы подданный ни был доволен своей жизнью, он никогда так не смотрел на господина. Почему же у этого старика такой взгляд? И что-то шепчет себе по нос. Станный какой. Проехав вперёд, Берхард после обернулся – старик перекрестил юношу и, не снимая с губ улыбку, продолжал глядеть вслед.

– Я вижу, народ вас любит, – вдруг заметила Зигмина. – Вон, старик, провожает вас столь ласково, словно сына родного. Вернее, внука, учитывая его возраст.

Внука? Берхард вновь обернулся. Неужели это Ахим Штаузенг? Мужчина всё ещё смотрел на юношу, и в его глазах поблёскивала грусть. Ахим Штаузенг никогда не приходил в замок, а сам Берхард, бывая в городе, никогда не интересовался этим человеком. «А зря, – подумал Берхард. – Он смог бы мне многое рассказать о моей матери. И сейчас меня не мучил бы вопрос, действительно ли она являлась дочерью ведьмы? В ближайшее время нужно будет обязательно навестить дом Штаузенга».

Едва кортеж въехал во двор замка, Берхард покинул гостей и скрылся в своей комнате. Он ждал возвращения Кларка Кроненберга. Сейчас волновало его только одно – сможет ли Кларк уговорить какого-нибудь священника совершить тайный брак. Должен смочь. Золото в таких делах весь-

ма хорошее подспорье. Ожидание растягивало время и томил. Наконец, раздался стук, и дверь отворилась. Однако на пороге стоял ландграф.

– Почему ты сбежал? – недовольно насупив брови, поинтересовался Генрих. – Сейчас состоится ужин, торжественный пир в честь гостей. Ты сядешь рядом с Зигминой...

– Отец, она мне не по душе, – возразил Берхард.

– Ты опять!?! – прикрикнул Генрих. – Что в ней может быть не по душе? Приятная девушка, молодая, красивая!..

И Генрих сделал жест, призывая в свидетели портрет юной графини. Но тут он обнаружил, что портрет этот закрыт покрывалом.

– Ты зачем завесил картину?

– Не хочу на неё смотреть, – просто ответил Берхард.

Генрих даже прорычал от негодования.

– Мне надоели твои глупые капризы, Берхард! И обсуждать их я больше не желаю! Переодевайся и спускайся в залу. Немедленно! – И перед тем, как выйти из комнаты, Генрих строго добавил. – Ты можешь быть влюблён в кого угодно, хоть в жену короля, но женишься на Зигмине фон Фатнхайн! Это мой отцовский приказ. И только попробуй ослушаться!

Выпустив ландграфа, дверь громко захлопнулась.

– Что ж, отец, придётся вас ослушаться, – вздохнул Берхард.

Юноша опустился на стул и продолжил прерванное ожидание. Ну почему отец упрямо считает, что без него, Берхард-

да, без его супружеских связей с Зигминой Регенплатц погибнет? Почему не доверяет правление Густаву, своему законному сыну? Неужели так страшна его болезнь? Из груди молодого человека вырвался усталый вздох. Как же Берхард был далёк от всей этой суеты за власть. За власть, ради которой Густав готов пойти на любые сделки, на любое преступление. Так пусть забирает эту власть. Нет, Берхард не боялся брата, и ему не безразлична судьба Регенплатца. Он любил свою родину, но... Но, видимо, не настолько, чтобы положить на её алтарь свою свободу, свою любовь, счастье.

В дверь снова постучали.

– Войдите, – пригласил Берхард.

В комнату заглянул слуга и, поклонившись, сказал:

– Его сиятельство ландграф просит вас, господин, как можно скорее пройти в рыцарскую залу.

– Хорошо, спасибо. Ступай.

Слуга удалился. Берхард же не тронулся с места. Ему не хотелось идти на пир. А хотелось взять Гретту и умчаться с ней далеко-далеко отсюда. Туда, где их никто не знает, где им никто не указывает, туда, где их никто никогда не разлучит. Почему для такой малости столь много препятствий?

Ничего не случится, если он немного опоздает на пир. Нужно дождаться Кларка. Впрочем, долго ждать не пришлось. Вскоре дверь отворилась, и в комнату вошёл Кларк Кроненберг.

– Наконец-то, ты вернулся, друг мой! – Берхард вскочил

навстречу вошедшему. – Ну, что скажешь ты мне?

– Я договорился с отцом Антонием, – сообщил Кларк. – Он согласен провести тайный брак. В полночь он будет ждать нас у ворот монастыря.

Лицо Берхарда озарилось счастливой улыбкой.

– Как хорошо, – выдохнул он. – Это замечательная новость. Спасибо, друг. Сегодня ночью Гретта станет моей полноправно, и уже никто не сможет отнять её у меня.

– А сама Гретта не передумает?

В глазах Берхарда на мгновение промелькнуло лёгкое сомнение. Но лишь на мгновение и лишь промелькнуло.

– Нет, я верю Гретте, – ответил влюблённый юноша. – Она не передумает.

– А что будет завтра?

– Завтра? – Берхард пожал плечами и после короткой паузы ответил. – Мне уже всё равно, что будет завтра.

– Ну, пошли на пир, Кларк Кроненберг! – призвал Берхард. – От таких хороших новостей у меня даже аппетит разыгрался!

– Как тебе Зигмина Фатнхайн? – поинтересовался Кларк по дороге.

– Знаешь, в жизни она милее, чем на портрете, – признался Берхард. – И голос у неё приятный.

– Может, всё-таки не следует от неё столь скоро отказываться?

– Нет-нет, – замотал головой Берхард. – Будь Зигмина

хоть трижды красивее, даже будь королевских кровей, мне не нужна она.

На пиру Берхард был задумчив и немного рассеян. Ни разговоры, ни танцы, ни гости не занимали его, не интересовали. Все думы его были только о предстоящей ночи, только о событии, которое должно произойти через несколько часов. Уловив момент, Берхард шепнул Гретте Хафф, чтоб ближе к полуночи она была готова. Девушка замерла, побледнела и молча кивнула. Нет, она не боялась. Чего ей бояться, когда Берхард будет рядом? Просто волнение коснулось сердца её. Но ничего, останется только пережить скандалы завтрашнего дня, и они с Берхардом станут свободны, и будут жить в покое и счастье. Так обещал Берхард, а Гретта ему верила. Верила, потому что любила.

Зигмину праздник тоже не забавлял, душа её прибывала в унынии. Девушку разочаровал её избранник, он оставался с ней сух, не уделял ей никакого внимания. Конечно, Берхард составил ей пару на целых три танца, однако было заметно, что делал это только ради приличия; он улыбался ей и даже высказал несколько комплиментов, но сухо и неискренне. Семейная жизнь с этим мужчиной обещала стать ужасной.

– Почему вы грустите, дорогая Зигмина? – подойдя к девушке, поинтересовался Густав. – Наш пир для вас не весел?

– Что вы, здесь очень весело, – заставив себя улыбнуться, ответила Зигмина.

– Тогда вас, верно, кто-нибудь обидел? Может, мой бра-

тец?

Зигмина не смогла сдержать усмешку разочарования.

– Ваш брат хмурый и скучный человек.

– Да? – Густав изобразил удивление. – Странно. Берхард славится, как интересный рассказчик и галантный кавалер.

Вот как? Тогда получалось, что Берхард так ведёт себя с ней нарочно. Но зачем? Зигмина ещё больше расстроилась.

В полумраке залы девушка взглядом отыскала своего жениха. Он стоял в стороне и разговаривал с Кларком Кроненбергом. Необходимо наконец избавиться от фальши и недоговорённостей, и Зигмина уверенно подошла к собеседникам.

– Можно мне прервать вашу беседу, судари? – старательно поддельвая весёлый тон, с улыбкой спросила Зигмина.

– Конечно, дорогая Зигмина, – с учтивым поклоном ответил Кларк.

– И вы позволите мне украсть у вас вашего друга? – обратилась девушка к молодому Кроненбергу, раз уж Берхард не желал разговаривать.

– Вашей красоте дозволено всё, – Кларк был по-прежнему галантен. – Я после найду тебя, Берхард, – сказал он другу и удалился в толпу гостей.

Берхард повернулся к девушке, на его лицо снова надета маска безразличия.

– Ну что ж, я вас слушаю, Зигмина. Чего вы хотели?

– Здесь очень душно, и я хотела бы выйти на улицу. Про-

водите меня, пожалуйста.

Берхард сделал одолжение.

После жаркой дневной духоты сумерки вечера ласково обволакивали прохладой. Но Зигмину столь приятные ощущения не трогали. Иными чувствами была наполнена душа её.

– Почему вы так жестоки ко мне, Берхард? – спросила она у идущего рядом с ней молодого человека. – Я всего лишь полдня у вас в гостях, а вы меня уже ненавидите. Почему?

– Кто вам сказал такую ерунду? – усмехнулся Берхард.

– Вы. Вы сами своим безразличием ко мне, своей холодностью.

– Я говорил вам, что у меня дурной характер...

– Не прикрывайтесь дурным характером, – прервала Зигмина. – В обществе о вас идёт совсем иная молва. Неужели вам легче и приятнее играть ужасную роль злого и грубого человека, нежели просто сказать мне правду?

– Правду? Но вам она будет ещё более неприятна.

– Пускай. Зато я перестану путаться в многочисленных вопросах. Не обижайте меня своим притворством.

– Что ж, как пожелаете.

Не по нраву был Берхарду начатый разговор, однако он понимал, что рано или поздно придётся всё рассказать. Так, может, действительно, лучше сейчас, чем позже.

– Моё сердце несвободно, Зигмина. Я люблю другую девушку. И мои чувства к ней настолько серьёзны, что я даже просил отца отменить нашу с вами свадьбу. Я не откажусь

от этой девушки ни при каких обстоятельствах.

Зигмина опешила. Ещё не вышла замуж, а уже нелюбима, уже не нужна. Она, конечно, не ожидала, что жених с первых же минут восплачет к ней страстью, но на некоторую симпатию и тепло рассчитывала. Девушка отвернулась от собеседника, не желая, чтобы тот заметил наворачнувшиеся на её глаза слёзы обиды.

– И... ваши чувства взаимны? – осторожно поинтересовалась она.

– Да.

– А можно узнать имя этой девушки?

– Нет.

Зигмина даже вздрогнула оттого, сколь резок был данный ответ. Она вдруг почувствовала себя вещью, которую насильно навязывают новому хозяину.

– Раз ландграф не стал отменять свадьбу, значит, он решил, что та девушка недостойна вас и вашей фамилии, – предположила Зигмина.

– Я не буду с вами обсуждать это, – категорически ответил Берхард.

Скорее всего, так и есть.

– Но зачем вы стали столь грубы со мной?

– Что ж, говорить правду, так уж всю. Я не хочу нравиться вам, Зигмина. Я не хочу, чтобы вы меня полюбили. Скажите отцу, как я плох, попросите его отменить свадьбу. Если он любит вас, то не позволит вам стать несчастной.

Берхард уже хватался за любую соломинку, лишь бы предотвратить грозящий скандал, избежать позора, обид, сохранить мир и согласие. Он хотел слишком многого.

Зигмину охватило недоумение. Широко распахнув полные изумлением глаза, она повернулась к собеседнику.

– Вы хоть понимаете, что предлагаете мне? – пока тихо, но с быстро растущим возмущением спросила Зигмина.

– Я предлагаю вам отказаться от мужа, который будет изменять вам, который не даст вам ни тепла, ни радости, с которым вы познаете только тоску и одиночество...

– Молчите, жестокий человек!

– Просите отца освободить вас от этого жестокого человека!

Зигмина вновь отвернулась. Она задыхалась от возмущения, сердце её тяжелело от гнева. Подлый человек! Не так уж сильно он притворялся. Как смел он требовать от неё добровольно принести в жертву её честное имя и ради чего? Ради того, чтобы он жил в счастье и любви с какой-то безродной девкой, а она... С чем останется она? С дурной славой и одиночеством? Даже Регенплатц ей не достанется. Не будет любви, так хоть тщеславие своё утешить. И, в конце концов, что такого страшного в том, что у мужа будет любовница? Жена тоже может любовника завести, да ещё какого! Красивого да ласкового, который сумеет восполнить всю недостающую супружеской любви.

– Нет, Берхард, – твёрдо ответила Зигмина и, повернув-

шись к юноше, уверенно взглянула в его глаза. – Я не стану говорить с отцом об отмене свадьбы. Я даже не скажу ему, насколько вы плохи оказались, и как разочаровалась я в своём выборе. Наоборот, я стану восхвалять вас. Свадьба состоится, я хочу этого. Особенно теперь, когда вы раскрыли мне всю правду.

Зигмина думала, что Берхард расстроится, как она, обидится, разочаруется, хотя бы занервничает. Однако ничего подобного с ним не произошло. На серьёзном и спокойном лице юноши не дрогнул ни один мускул. Берхард лишь коротко пожал плечами и произнёс:

– Что ж, как пожелаете. Простите, что обидел вас.

– Очень сильно обидели, – фыркнула Зигмина. – Даже не знаю, смогу ли простить вас.

И снова вопреки ожиданиям девушки, Берхард не стал ни оправдываться, ни продолжать извинения. Он просто тихо предложил:

– Давайте вернёмся в залу.

Тайное бракосочетание прошло быстро, тихо, в полумраке монастырской часовни. Алтарь освещали четыре свечи, при их тусклом свете лица людей были едва различимы. Отец Антоний без особых эмоций прочёл молитву и, перекрестив жениха и невесту, объявил их мужем и женой.

Вот и всё. Всего несколько минут, и любовь могла торжествовать победу. Гретта была счастлива. Будущее ей каза-

лось светлым и радостным. Любимый будет всегда рядом, он её защитит, а она отдаст ему всю нежность и преданность. Берхард тоже был доволен. Теперь что бы ни случилось, что бы ни говорили вокруг, какие бы скандалы не разожглись, их с Греттой никто уже не разлучит. Если только смерть. Юноша нахмурил брови, вспомнив предупреждения ведьмы. Наверное, всё же следует вести себя осторожнее с братом. Однако сейчас не время думать о смерти, о плохом, сейчас нужно наслаждаться счастьем.

По полуночной дороге четверо молодых людей не спеша возвращались в замок. Говорили они тихо, что-то увлечённо обсуждая, и лишь изредка был слышан приглушённый женский смех. Ночная прохлада призывала не торопиться, ясные звёзды и кусок печальной луны пытались бледными лучами осветить путь. Но в этой тиши и спокойствии не замечали путники, что среди чёрных деревьев за ними на расстоянии двигалась тень ещё одного всадника.

– Нет сомнения, что Берхард и Гретта тайно обвенчались, – подводил итоги Аксел. – Что ещё они могли делать глубокой ночью в монастырской часовне? И сопровождение их непростое. Кларк – верный друг Берхарда, наверняка, был свидетелем брака. Лизхен – служанка и доверенное лицо Гретты, скорее всего, играла ту же роль.

Густав сидел в кресле и молча с холодным каменным лицом прослушивал отчёт Аксела Тарфа. Его взгляд остановился в одной точке, но в голове гремел гром гнева, и буше-

вал ураган ненависти.

– Вернувшись в замок, – продолжал Аксел, – Берхард проводил Гретту в её покои, зашёл с ней, а вышел оттуда лишь сегодня на рассвете. Уверен, что все правила ритуала брачной ночи ими соблюдены.

Густав с рычанием резко ударил кулаком по подлокотнику кресла, да так сильно, что тот треснул.

– Всё-таки волчонок украл мою женщину, – процедил Густав сквозь зубы. – Как он мне надоел!

– Не злись так, – сказал Аксел. – Этот проступок твоего брата тебе на руку. Ландграф будет в гневе на сына и обязательно лишит его престола Регенплатца. А значит, отдаст его тебе. Позже ты без труда сможешь захватить земли барона, Гретту сделать наложницей своей, а Берхарда рабом. А после к нему и Кларка Кроненберга присоединишь со всей его роднёй.

– Ты не понимаешь, Аксел, – провыл Густав. – Не понимаешь! Если я сейчас прощу волчонку эту выходку, значит, я прощу ему предательство, а значит, и признаю своё поражение. Нет уж, предательство должно караться смертью. И смертью немедленной! Раб из Берхарда плохой, он будет бунтовать, а вот покойник из него выйдет отличный.

Густав вскочил с места и нервно заходил по комнате.

– Что касается Зигмины фон Фатнхайн, – продолжал он, – так она мне совсем не нужна. Зачем мне эта тощая бледная девка с завышенным самомнением? Я замучаюсь с её капри-

зами да с придирками её папаши маркграфа. Мне не интересно ни её золото, ни её армия, я и сам богат и силен. А вот Гретта мне нужна. Я хочу её! Правда, она уже не чиста, эта распутница не сумела сберечь себя до нашей свадьбы. Да ничего. После за блудливость свою наказана она будет мной. И серьёзно наказана.

– М-да, невеселую ты ей жизнь готовишь, – усмехнулся Аксел.

Густав резко остановился и вонзил в друга колючий взор.

– А это уже будет от неё зависеть, как сложится её жизнь со мной. Если она станет послушна и ласкова, если станет выполнять все мои прихоти, то и мне обижать её незачем. Я же не тиран. Однако сначала нужно избавиться от волчонка.

С улыбкой, не предвещающей ничего хорошего, Густав снял с пальца перстень с чёрным топазом и, вытянув руку, поставил камень под утренние лучи солнца.

– Что это? – спросил Аксел.

– Это то, с помощью чего я обрету и трон Регенплатца и желанную женщину, и при этом ничего не потеряю.

Ландграф стоял у окна и под светом утренних солнечных лучей читал только что переданное ему письмо. На вошедшего в покои сына он взглянул мельком и продолжил чтение. Берхард не прерывал, молча и равнодушно наблюдал за действиями слуги, наводящем в комнате порядок после сна господина.

– Я смотрю, ты сегодня рано поднялся, – произнёс Генрих, свернув пергамент.

– Да и вы, отец, уже на ногах, – отозвался Берхард.

– Сегодня суетный день. Сегодня приготовлено много развлечений для гостей, нужно всё ещё раз проверить. – Генрих отошёл к столу и положил свиток. – Король не приедет на свадьбу.

– Почему?

– Снова восстания в Италии.

– Оно и к лучшему.

– Восстания?

– Нет. То, что король не приедет.

– Что ж тут хорошего? Мне бы очень хотелось, чтобы вас с Густавом благословила не только власть церковная, но и власть светская.

– Дело в том, отец, что свадьба может пойти не по запланированному порядку.

Генрих напрягся. Чем ещё «обрадует» его старший сын?

– Что ты имеешь в виду?

Берхард опустил глаза. Он понимал, что его признание вызовет гнев у отца, но признаться необходимо, необходимо пережить этот гнев. Вот только слуга мешался.

– Я хотел бы поговорить с вами наедине, – произнёс Берхард.

Ландграф взглядом и кивком головы указал слуге на дверь, и тот, оставив работу и отвесив господину поклон,

немедленно покинул комнату.

– Твои «разговоры наедине», честно говоря, меня уже пугают, – признался Генрих, едва закрылась дверь за слугой. – Что на этот раз?

– Я не могу жениться на Зигмине, отец... – начал Берхард с главного.

– Ты опять за своё! – рявкнул Генрих. – Этот вопрос уже решён, и обсуждать его снова я не желаю!

– Но сейчас всё намного серьёзнее! – настаивал Берхард.

– Почему?

– Потому что... Потому что этой ночью мы с Греттой тайно обвенчались в часовне монастыря...

– Что!!!

Буквально за пару мгновений удивление сменилось негодованием, негодование – гневом, гнев острым уколом муки воткнулся в слабое сердце мужчины.

– Что ты натворил! – вскричал Генрих. – Что ты натворил!! Как теперь... Как посмотрю в глаза барону Хафф? Ты же совратил его дочь!..

– Гретта сама дала согласие стать моей женой, – возразил Берхард. – Она любит меня и пошла на этот шаг ради того, чтобы быть со мной...

– Но вы женились тайно, без нашего благословения! – с хрипом выдыхал Генрих.

Рука его уже массировала грудь, болезненный укол всё глубже проникал в страдающее сердце.

– Вы не давали нам это благословение.

– А маркграф? Боже, что я скажу ему? Что он обманут? Что его дочь стала отвергнутой невестой?! Какой позор ты навлёк на нашу фамилию!

Боль быстро разрасталась, вгрызаясь в сердце изнутри. Генрих опустил руку, но заветного мешочка со склянкой на поясе не обнаружил.

– Я постараюсь сам всё объяснить маркграфу... – говорил Берхард.

– Что ты ему объяснишь?! Ох! Что фамилия Регентропф потеряла значение честного имени? Что нам больше нельзя верить?

Сердце буквально разрывалось. С тихим стоном ландграф опустился на стул.

– Папа, что с вами? – встревожился Берхард, увидев страдание на лице отца. – Сердце?

Генрих слабо кивнул в ответ, сил у него осталось лишь на то, чтобы терпеть боль. Подняв руку, он указал на навесной шкаф в углу комнаты. Берхард понял и подбежал к шкафу. В нём среди прочих вещей с краю стояли две бутылочки с сердечными каплями лекаря Гойербарга. Берхард взял одну склянку и вернулся к отцу. Приняв лекарство, Генрих постарался успокоиться. Боль пройдёт скоро, но надо, чтоб и ритм сердца стал тише, а дыхание стало ровнее.

– Ты убиваешь меня, Берхард, – простонал Генрих.

– Простите меня, отец. – Юноша смиренно опустил гла-

за. – Я не хотел причинять вам боль.

– Будто ты не знал, как я приму твой поступок.

– Я просил вас отменить свадьбу с Зигминой, – всё ещё пытался оправдаться Берхард. – Просил не разлучать нас с Греттой...

– Молчи! – прикрикнул Генрих; его потемневшие голубые глаза метали молнии. – Ещё не хватало, чтоб ты переложил всю вину на меня! Мерзавец. Я надеялся на тебя, я доверял тебе... Я отдал тебе самое дорогое – Регенплатц! А ты всё это предал, променял на обычную женщину...

– На женщину, которую я люблю...

– Молчи! Ты разочаровал меня, Берхард. Я жал от тебя помощи, а ты создаёшь ещё бóльшие трудности!

Из груди мужчины вырвалось тихое рычание. Нужно было что-то делать, как-то решать проблему. До свадьбы оставалось всего два дня.

– Кто знает о твоём браке? – спросил Генрих, стараясь запустить в голос более спокойные нотки.

– Кларк Кроненберг, служанка Гретты Лизхен, да отец Антоний, – ответил Берхард.

– А барон?

– Ещё не знает.

– Не говори пока никому. И Гретте скажи, чтоб молчала до поры.

– Что вы намерены сделать?

– Ещё не знаю. Надо думать. Ступай.

– Простите, отец, мы с Греттой просто хотим быть счастливыми.

– Ступай вон! – строго приказал Генрих.

Не решаясь более перечить отцу, Берхард покинул его покои.

– Упрямый. Настырный, – проворчал ландграф, вонзив взор в закрывшуюся за сыном дверь. – Всё сделал по-своему. Характер истинного Регентропфа. Но как же мешает жизни такой характер!

Генрих встал и прошёлся по комнате. Боль в сердце стихла окончательно, зато теперь беспокоили тяжёлые думы.

– Неужели их любовь столь сильна, что они готовы пойти против всех устоев и правил, против всех людей?

«Мы просто хотим быть счастливыми».

– Возможно, они правы. За счастье действительно надо бороться.

Генрих остановился у окна и направил взор далеко за горизонт, за горизонт неба. Милая Эльза. Воспоминания о былых чувствах, о любви прошедшей, но не умершей, рисовали на голубом холсте небосвода портрет молодой красивой девушки: ласковые тёмно-карие глаза под тенью длинных ресниц, мягкий изгиб губ, нежный овал лица в обрамлении локонов чёрных волос. Милая Эльза. Она любила беззаветно, не требуя ничего взамен. Ни власть, ни роскошь не были ей интересны, она просто хотела видеть его лицо, слышать его голос, держать его за руку, быть с ним рядом. Она просто

хотела быть счастливой.

– Мама тебя поддержала бы, Берхард, – вздохнул Генрих.

Опустив глаза, он вернулся на землю к проблемам. Нужно было что-то решать. Необходимо было спасти репутацию фамилии Регентропф, дружбу с маркграфом, а главное, спасти счастье сына.

Берхард вернулся в свою комнату и закрыл за собой дверь. Повернувшись, он замер.

– Гретта? Почему ты здесь?

Девушка быстро приблизилась к возлюбленному, глаза её были полны переживанием.

– Я волновалась, – сказала Гретта.

– Тебя могут здесь увидеть...

– А теперь не всё ли равно?

Берхард улыбнулся. Действительно, какая разница кто и что скажет теперь? Отныне они законные муж и жена, они могут, они обязаны быть вместе. Он взял любимую за руку, на безымянном пальчике которой поблёскивало золотое обручальное колечко, и поднёс к своим губам для нежного благодарного поцелуя.

– Как говорил с тобой отец? Что он сказал? – спрашивала Гретта.

– Естественно, отец был в ярости, – спокойно ответил Берхард, продолжая ласкать руку любимой девушки. – Бедный, у него и так полно забот, так я ему ещё проблем добавил.

– Он теперь зол на тебя...

– Да, зол. Но думаю, не настолько, чтоб отречься от меня.

– Это уже хорошо.

– Отец просил нас пока никому не говорить о нашем браке.

– Почему? – насторожилась Гретта. – Скоро и так всё станет известно.

– Да, такое событие не скрыть. Возможно, он просто хочет придумать мне оправдание перед маркграфом. Ведь нужно дать какое-то объяснение, почему его дочь отвергнута. Я хотел сам поговорить с маркграфом, но отец отмахнулся от этой идеи, видимо, посчитав её глупой. В любом случае сегодня должно всё решиться. И завтра мы с тобой либо уедем в Стайнберг, либо тебя объявят женой правителя Регенплата.

Гретта улыбнулась и с лаской посмотрела в ястребиные глаза любимого мужчины.

– Мне всё равно, какой нам вынесут приговор. Я приму даже изгнание, лишь бы с тобой не расставаться.

И Берхарда вновь накрыла волна счастья. В это раз судьба ему преподнесла во истину дорогой подарок: девушку, о которой он всегда мечтал, девушку, которая любила его и понимала, девушку, своим теплом отогревшую его душу, его жизнь. Берхард склонился и поцеловал Гретту в губы. Весь мир с его проблемами и горечью тревог унёсся далеко-далеко, оставив возлюбленным лишь сладкие чувства да горячую

страсть.

День предстоял трудный во всех отношениях. Были запланированы потешные бои, затем театр менестрелей разыграет спектакль, а вечером гостей развлечёт весёлый маскарад. В общем, Генрих предполагал, что его гостям в этот день скучать не придётся. Но за всем требовался личный надзор хозяина дома. А теперь ещё и предстояло решить проблему старшего сына. Серьёзную проблему.

После трапезы Генрих приблизился к маркграфу фон Фатнхайну и предложил:

– Я знаю, что вы увлечены литературой, маркграф. У меня большая библиотека, не хотите ли взглянуть?

Олдрик фон Фатнхайн действительно имел славу ценителя философских трудов, но ещё он неплохо разбирался и в людях, а потому помимо весёлого тона и радушной улыбки заметил в глазах собеседника ещё и беспокойство.

– Что ж, с удовольствием принимаю ваше предложение, – ответил маркграф.

В библиотеке было светло и прохладно. Маркграф, оглядев полки, высказал восхищения большим собранием рукописных книг и свитков, даже просмотрел несколько. Однако задумчивый вид ландграфа и его односложные ответы лишь подтверждали догадку Олдрика, что приглашён он в этот кабинет вовсе не для разговоров о литературе и философии.

– Вы хотели о чём-то со мной поговорить, Генрих? – на-

конец напрямую спросил маркграф.

– Да, – не стал скрывать Генрих. – Я пригласил вас для разговора наедине.

По предложению хозяина Олдрик Фатнхайн занял место в удобном кресле и приготовился слушать.

– Хотел бы поговорить о вашей дочери, – продолжал Генрих, так же присев на стул. – Скажите, понравился ли Зигмине её жених?

– Берхард? Да, очень понравился, – с готовностью ответил Олдрик. – Зигмина о нём весьма лестно отзывается. Правда, отметила, что Берхард мало разговорчив...

– Да, он всегда таким был. По характеру он человек замкнутый. В общении Густав интереснее брата. А Регенплатц Зигмине понравился?

– В эти прекрасные места она влюбилась с первого взгляда!

Маркграф улыбался, но был настороже. Беспечное начало беседы ещё не означало, что разговор будет лёгким.

– Маркграф, я сейчас задам вам один вопрос... и прошу вас на него не обижаться. – Генрих чувствовал себя крайне неудобно. – Более того, я прошу вас дать на него честный ответ...

– Я слушаю вас. – Олдрик снял с губ улыбку.

– Как вы считаете, Зигмине больше по нраву Берхард или Регенплатц?

Брови маркграфа взлетели вверх.

– Я вас не понимаю.

– Ну... Что бы она выбрала между Берхардом и Реген-
платцем?

– Вы имеете в виду?.. – До маркграфа начал доходить
смысл вопроса, и он был неприятен. – Вы что же, полагаете,
что Зигмина выходит замуж по расчёту?

– Нет, ни в коем случае...

– Да будет вам известно, что помимо вашего сына к ней
сватались не менее знатные и благородные кавалеры, свата-
лись лично, не через посредников...

– Я знаю и вовсе не хочу принижать достоинств вашей
дочери...

– Тогда потрудитесь пояснить причину вашего странного
вопроса.

Маркграф был недоволен и даже обижен. Надлежало дать
объяснения.

– Дело в том, что я всё-таки решил сделать своим прием-
ником Густава, – достаточно уверенно дал ответ Генрих. – В
нашем брачном договоре указано, что Зигмина станет женой
будущего правителя Регенплатца...

– А почему вдруг вы поменяли своё решение?

– Я и раньше сомневался. Берхард слишком мягкий и
осторожный человек. Он умён и образован, но всё же посто-
янно нуждается в советах. – Генрих мысленно ругал себя за
клевету на родного сына, но надеялся, что эта клевета ему
поможет. – Густав намного решительнее и более сведущ в

делах военных...

– И вы предлагаете выдать Зигмину не за Берхарда, а за Густава?

– Да.

– А Берхарда женить на Гретте Хафф?

– Да.

Пронзительный взгляд серых глаз маркграфа пронизывал собеседника насквозь. Генрих выдержал его, однако понял, что его клевета не вызвала доверия.

– Я думал, что вы будете со мной более откровенны, ландграф. Я, как отец, наблюдал и за дочерью, и за будущим зятем. И заметил, какие пылкие взоры Берхард бросал на Гретту и был любезен с ней более, нежели со своей невестой. Я подозреваю, Генрих, что причина вашего столь неожиданно-го решения вовсе не в слабохарактерности Берхарда.

Правда выплыла наружу, и прикрывать её ложью уже не имело смысла.

– Да, Олдрик, вы правы, – обречённо вздохнул Генрих. – Берхард и Гретта полюбили друг друга и не хотят разлучаться. Гретта отказывает Густаву, Берхард просит отменить свадьбу с Зигминой. Мой младший сын рискует стать отвергнутым женихом, а ваша дочь – отвергнутой невестой. Я не желаю нашим детям такой дурной славы. Мне всё равно, кто из сыновей унаследует правление Регенплатцем, я люблю их обоих. Но безразлично ли это будет Зигмине? Вот потому я и спрашиваю вас, Олдрик: что для неё важнее, стать женой

Берхарда или стать ландграфиней фон Регентропф и сесть на трон Регенплатца?

Маркграф задумался. Создавшаяся ситуация ему не нравилась и вызывала обиду в душе.

– Вы считаете мою дочь игрушкой? Одному не приглянулась, можно подарить другому?

– Что вы, Олдрик...

– Это смешно, ландграф. Даже я так не потакаю капризам дочерей, как вы капризам сына.

– Увы, это не каприз.

– Дети должны подчиняться воле родителей.

– А если воля родителей мешает их счастью?

– Откуда вам знать, принесёт ли счастье Берхарду женитьба на Гретте Хафф? – Маркграф уже начинал нервничать, завязавшийся спор его раздражал. – А Густав? Разве ему всё равно на ком жениться?

– Говорю же вам, Олдрик, Густав более честолюбив и смотрит на жизнь реальнее. Зигмина – завидная невеста во всех отношениях, к тому же Густаву достаётся Регенплатц вместо дальнего имения.

Маркграф снова задумался. Собственно, что Зигмина теряет? Жениха, который уже до свадьбы изменяет ей? Густав немного младше, но тоже хорош собой и не менее образован.

– Не знаю, – пожал плечами Олдрик Фатнхайн. – Надо сначала спросить мнение Зигмины и с супругой посоветоваться. Всё остальное, что указано в брачном договоре оста-

нется в силе?

– Да, конечно, – заверил Генрих. – Изменится только имя жениха.

– И когда вам нужен ответ?

– Желательно сегодня. Завтра прибывает епископ...

– Хорошо.

Маркграф поднялся с места и направился к выходу.

– Прошу, не держать обиду на меня, – попросил Генрих, провожая собеседника.

– Я не в обиде на вас, Генрих, – обернувшись, ответил маркграф. – Но моё доверие и уважение к вам всё-таки подорваны.

Потешные турниры были одним из любимых развлечений на праздниках. Особенно веселилась молодёжь. Для юношей и молодых мужчин устаивались состязания, в которых они могли продемонстрировать свою удаль, ловкость и смелость, соревнуясь в мастерстве верховой езды, в меткости стрельбы из лука и тому подобное. Девушки, сидя на украшенных трибунах, с восхищением и кокетством наблюдали за спором молодых рыцарей, подбадривая их аплодисментами и щедро посылая воздушные поцелуи. Здесь не было боли, не было крови, главное быстрее всех пройти препятствия и достигнуть цели. Берхард и Густав тоже участвовали в играх и занимали места среди победителей, а не побеждённых.

После игр, арена опустела, трибуны стихли; уставшие да-

мы разошлись, участники состязаний сняли латы и отложили оружие. Для восстановления сил и бодрости духа молодых рыцарей прямо на месте прошедших турниров был быстро сооружён стол с нехитрой закуской и прикатаны бо-чонки вина. Мужчины довольно заурчали, разбирая принесённые слугами кубки.

Сидя за столом, Густав искоса наблюдал за братом, сидевшим на другом конце длинного узкого стола, Берхард пил вино, беседовал и шутил с друзьями, вёл себя непринуждённо. Видно было, что настроение у него хорошее, даже слишком хорошее. А вот Густав уже целый день прибывал в напряжении, и в голове его стучал только один вопрос: «Как? Как? В какой момент?» Палец юноши обжигал перстень с чёрным топазом, мечтавший выплеснуть наконец своё ядовитое содержимое. Но как? Как? В какой момент? За обедом не удалось, Берхард сидел слишком далеко, да и не ел почти ничего. Надо было подлить яд на вчерашнем пиру. В суете, в шуме никто ничего не заметил бы. Надо было, да случай уже упущен. А теперь, как улучшить момент?

Густав подозвал слугу, и тот вновь наполнил вином опустевший кубок. Может, через слугу? Но слугам Густав не доверял, только Акселу. Поручить ему? Густав снова покосился на брата. Берхард мало и пил, и ел. Нужно торопиться, до свадьбы осталось всего два дня. Если не получится сейчас, то останется ждать вечерней трапезы. Вечером будет маскарад, ещё больше шумной толкотни и пёстрой суеты, всё сме-

шается, и маска станет хорошим прикрытием.

Густав встал, прошёлся вокруг стола. Берхарда окружало много людей, а свой кубок он не выпускал из рук. Да и Кларк Кроненберг вьётся рядом, ни на шаг от своего друга не отходит. Нужно что-то придумать.

Тон веселью в компании Берхарда задавал Ганс, молодой безусый юноша со звонким голосом. Он был известным балагуром и искусным рассказчиком. Вот и сейчас он забавлял друзей разными историями, вызывая в слушателях смех и одобрение. Все были так увлечены повествованием очередного действия, что на стоявшего поодаль Густава никто не обращал внимания. Первым заметил его Кларк и указал на это Берхарду. Юноша оглянулся.

– Густав, – окликнул он брата. – Почему стоишь в стороне? Почему не подходишь?

Густав приблизился.

– Заразительный смех вашей компании привлёк меня, – ответил он. – В чём причина его?

– Ганс рассказывает истории о своём дядюшке, – охотно поведал Берхард. – Презабавный тип, этот старый вояка. Садись с нами, тоже послушай.

Густав замялся. Не хотел он присоединиться к друзьям брата. Однако ему уже уступили место рядом с Берхардом. Рядом с Берхардом и его кубком. А вдруг представится случай подлить в него яд? И Густав сел за стол.

– Продолжай, Ганс, – попросили рассказчика. – Поведай

ещё что-нибудь столь же занимательное.

– Обязательно повеселю вас, друзья мои! – с готовностью откликнулся юноша. – Больше всего мой дядюшка любит рассказывать о том, как ему удалось сбежать из плена, переодевшись женщиной, но при этом сохранив свои усы и бороду.

И Ганс повёл рассказ, сдабривая его шутками, изображая все события в лицах и меняя голоса под персонажей. Его история превратилась в настоящий спектакль. Гансу снова удалось завладеть вниманием слушателей, и лишь Густав не следил за событиями в увлекательной истории. Кубок ненавистного брата стоял совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. Да только вокруг было слишком много народа. Густав осторожно оглянулся. Все, в том числе и Берхард, повернули головы к рассказчику и смотрели лишь на него, а Густав их совершенно не интересовал.

И тут взгляд юноши столкнулся с пристальным и холодным взором Кларка Кроненберга, стоявшего чуть позади. Тот, казалось, тоже не слушал историю, а внимательно следил за Густавом и даже не скрывал этого. Густав отвернулся. Нет, под таким надзором он ничего не сможет сделать. Может, Кларк отвлечётся, отойдёт? Но время шло, а Кларк Кроненберг продолжал стоять на месте и внимательно наблюдать.

Густав даже занервничал: «Почему он следит за мной? Неужели разгадал мои намерения? Верный пёс!» А кубок

Берхарда был так близко. Лица брата Густав не видел, только затылок, плечи с рассыпанными на них прядями чёрных волос, да прямую спину. Зато слышал его смех весёлый, полный жизни, и этот смех был ему неприятен, раздражал и вызывал в сердце ещё более жгучую ненависть.

А заветный кубок был так близко. Но Кларк, словно сыч, стоял позади и продолжал неотрывно следить за каждым движением Густава.

Время шло. Густав смотрел на кубок брата и мучился вопросом, как же дотянуться до него? Оловянный кубок был точно таким же, как у него и как у всех остальных за столом. Если его подменить, Берхард этого даже не заметит. Да, это идея! Густав пригляделся – даже количества вина в их с братом кубках почти одинаковое. Не долго думая, быстрым и незаметным движением Густав нажал в перстне тайную пружинку и яд, скрывавшийся под чёрным топазом, тяжёлой каплей упал в тёмно-красное вино. Затем, делая вид, будто садится поудобнее, Густав придвинулся к Берхарду, закрывшись спиной от пристального взгляда Кларка. Осталась самая малость – поменять кубки.

Но тут боковым зрением Густав заметил, что Кларк Кроненберг тоже придвинулся к другу. Кларк и не скрывал, что наблюдает за действиями Густава. Но почему? Как он смог узнать о его планах? Обернувшись, Густав опустил на Кларка хмурый взор холодных синих глаз.

А заветный кубок был совсем близко. Что же делать?

История Ганса приближалась к концу. Времени оставалось совсем мало. Что потом делать с отравленным вином, если так и не удастся подменить кубок? А Кларк всё стоял и смотрел. Даже сам Берхард так не переживал за свою жизнь. Отвернувшись, он ни разу не взглянул на брата. Очевидно, приказал охранять его этому верному псу Кроненбергу.

Едва Ганс закончил повествование, как вокруг немедленно стали раздаваться возгласы:

– Вот это дядюшка у тебя! Сколько смекалки! Какая находчивость! Долгие лета ему! Здоровья! Выпьем за столь отважного рыцаря!

И молодые люди подняли кубки, чтобы выпить за здоровье восхитившего их старого воина. Поднял кубок и Берхард. Поднял и расстроенный Густав. Естественно, он не мог пить из своего кубка, так как сам же отравил в нём вино. Однако чтобы не вызывать лишних подозрений у не сводившего с него глаз Кларка, поднёс кубок к губам и сделал вид, будто отпил из него.

Сделав несколько глотков, Берхард поставил кубок на стол, но на этот раз значительно дальше, и Густав совсем потерял надежду на воплощение в жизнь своих намерений. Больше ему нечего было делать в этой компании. Юноша вышел из-за стола, окинул Кларка ненавистным взглядом и пошёл прочь. Наверняка этот пёс и на маскараде будет не менее внимателен. «Как только стану правителем, первым делом верну Кроненберг в границы Регенплатца, а его обита-

телей сделаю своими рабами, – мстительно пообещал себе Густав. Он тоскливо посмотрел на свой кубок – яд испорчен, придётся его вылить.

И вдруг он услышал за спиной:

– Густав, постой!

Юноша остановился и оглянулся.

– Постой, – вновь окликнул его Берхард и, выйдя из-за стола, направился к брату. – Я хотел бы кое-что сказать тебе.

Густав встал у ни кем не занятой широкой лавки и поставил на стол уже порядком надоевший его тяжёлым думам кубок. Берхард приблизился к брату, зачем-то прихватив свой кубок и, к радости Густава, так же поставил его на стол.

– Я хотел бы с тобой поговорить, – сказал Берхард.

– Хорошо, давай поговорим, – равнодушно пожал плечами Густав. – Только если разговор твой серьёзен, то здесь не место для него. Здесь шумно.

Берхард огляделся. И действительно, их окружало слишком много народа. Кларк сделал шаг, желая подойти, но Берхард жестом попросил его остаться. Густаву только это и нужно было. Едва Берхард отвернулся, он осторожным движением придвинул его кубок к себе. Подмена прошла удачно.

– Давай пройдемся немного, – повернувшись, предложил Берхард.

– Давай пройдемся, – всё с тем же равнодушным видом согласился Густав. – Не забудь своё вино.

Берхард кивнул. Его думы были заняты совсем иными темами, и ближайший на столе кубок он взял почти машинально. Братья не спеша пошли вдоль арены по залитой солнцем тропе.

– И о чём же речь твоя? – поинтересовался Густав.

– Я говорил с отцом, – начал Берхард с главного. – Он согласен назвать своим наследником тебя, а не меня.

Такого поворота событий Густав не ожидал, он был удивлён. Он даже остановился.

– Ты сам добровольно отказываешься от трона Регенплатаца?

– Да.

Густав не верил ушам своим. Странно всё это, он заподозрил подвох.

– Но... Но сомневаюсь, что ты так поступаешь из-за доброты душевной. Что требуешь взамен?

Берхард продолжил путь. Он был спокоен и серьёзен.

– Чтоб сесть на этот трон, ты должен жениться на Зигмине фон Фатнхайн, – сказал Берхард.

– Ясно, – усмехнулся Густав, последовав за братом. – А ты получишь Гретту Хафф?

– Да.

– Я давно заметил, что ты не равнодушен к ней. Ухаживания, комплименты... Причём открыто, никого не стесняясь.

– Я люблю её.

– Между прочим, и мне она по сердцу.

– Но из нас Гретта выбрала меня, а не тебя.

– И почему же?

– У нас с ней давняя симпатия друг к другу, которая сейчас переросла в крепкие чувства...

– Давняя? Впервые слышу. Ты просто оказался расторопнее меня и пел более красивые песни. Я тоже мог завоевывать её расположение...

– Но не завоевал. Наоборот, за столь короткое время умудрился показать всю черноту своего характера.

– Всё равно она вышла бы за меня замуж... – упрямо спорил Густав.

– Нет, не вышла бы, – не менее упрямо приводил факты Берхард. – Гретта уже сообщила отцу, что не хочет быть твоей супругой, что откажет тебе.

– Своему отцу?

– Нашему. Но и барон Хафф знает о намерении дочери.

Густав замолчал и зло сжал губы, его взгляд отяжелел от ненависти. «Уж скорее бы ты выпил отраву», – мысленно пожелал он брату.

– Ты постоянно всё отбираешь у меня, – вслух процедил юноша.

– Но сейчас отдаю. Отдаю то, о чём ты всегда мечтал, из-за чего...

– То, что принадлежит мне по праву! – с рычанием прервал Густав.

– Я не буду спорить.

Берхард оставался спокоен и внешне холоден. Он отлично понимал чувства брата и не хотел подливать масло в огонь, развивая ненужные ссоры.

Густав отвернулся. Ещё никогда его ненависть к Берхарду не была столь велика. Всегда этот волчонок вставал у него на пути, всегда присваивал всё, что должно принадлежать только ему, Густаву, по праву закона, по праву рождения, по праву статуса. Но теперь волчонок должен отдать всё. Всё! И не таким тоном, будто делает одолжение. Отдать и заплатить за все обиды и унижения, заплатить своей жизнью.

Густав покосился на брата. Почему он не пьёт? Держит кубок в руке, водит по нему пальцами, но к губам не подносит. Не мучает жажда? Эдак он может отдать надоевший кубок слуге или вовсе вылить вино, не желая больше пить. А ведь вино-то ценное, оно с ядом. Значит, нужно дать повод, чтобы заставить Берхарда выпить. Густав постарался унять бурю гнева в душе своей и придать голосу более спокойный тон.

– Хорошо, забирай Гретту себе, – сказал он. – Если подумать, Зигмина тоже хороша. И более выгодна для брака.

Берхард и не сомневался, что Густав согласится на сделку. Трон Регенплатца для него желаннее всех женщин на свете. Теперь появилась надежда, что не только в графстве, но и в самой семье Регентропф воцарится лад и согласие.

– Правда, она слишком худа, – продолжал Густав. – Но думаю, в нашем сытом царстве она быстро приобретёт более

аппетитные формы. А сама Зигмина не против замены жениха?

– Честно говоря, я ей не понравился, – опустив глаза, признался Берхард.

– Правда? Значит, у нас будет много общих тем для разговоров.

Берхард улыбнулся, приняв замечание брата за шутку.

– Чем же ты ей не угодил? – спросил Густав.

– Сказала, что я скучен.

– Она права, это в тебе есть.

Братья не спешно брели по тропе, и со стороны казалось, что беседу они ведут мирную непринуждённую. Однако в душе Густава кипел настоящий вулкан, и юноше стоило невероятных усилий сдерживать его рвущееся наружу пламя.

– Отец, наверное, был недоволен, – вновь заговорил Густав.

– Да, но я сумел его убедить, – ответил Берхард.

Густав усмехнулся: «Убедить. Да ты просто не оставил ему выбора». Однако пора уже заканчивать эту пустую болтовню.

– Что ж, брат, спасибо, – заставив себя улыбнуться, сказал Густав. – Признаться, я не ожидал от тебя такого поступка. Я бы ни за что не променял целое графство на девушку, даже на любимую. Значит, после свадьбы я останусь в Регентропфе, а ты уедешь в Стайнберг?

– Да, мы с Греттой уедем.

Густав стиснул зубы – «Мы с Греттой». Ревность бурлила, обжигала сердце, чёрной гарью застилала разум. Ни за что не отдаст он Гретту. И графство не отдаст. И даже Стайнберг не отдаст, ещё и Кроненберг вернёт. Он один будет владеть всем и всеми. И делить с братом ничего не собирается, даже воздух, которым дышит.

Густав остановился и обернулся к Берхарду, старательно сохраняя на лице улыбку.

– Давай пожелаем друг другу удачи, – сказал он и приподнял свой кубок.

– Давай, – согласился Берхард. – И чтобы между нами закончились наконец ссоры и распри.

– Да. Даю обещание, Берхард, что больше никогда не буду строить козни против тебя и не скажу о тебе ни одного плохого слова. Более того, отныне ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

– Я счастлив слышать это от тебя, брат, – с искренним чувством ответил Берхард.

– Выпьем за наше перемирие, – предложил Густав, желая поскорее влить яд в надоевшего собеседника.

– Выпьем!

Берхард поверил брату. Он даже не сомневался в его словах и обещаниях. Он так долго желал рождения дружбы между ними, понимания и доверия, что даже тени подозрения на нечестность, на коварство Густава не коснулось души его.

Густав выпил вино и перевернул кубок, продемонстриро-

вав его пустоту. Берхард сделал то же самое. Наконец яд достиг цели! Вот теперь Густав успокоился и даже повеселел. Осталось совсем немного подождать, и его враг, его вечный соперник исчезнет, перестанет мешаться, прекратятся споры о наследстве, о первенстве. Желанная власть и желанная женщина будут принадлежать только ему, Густаву, и никто ничего не сможет этому возразить и противопоставить.

В хорошем настроении братья вернулись в компанию захмелевших друзей. Едва Берхард остался один, к нему немедленно подошёл Кларк.

– Я заметил, вы после разговора оба вернулись весёлыми, – сказал он.

– Да, я доволен и весел, – не стал скрывать Берхард. – Более того, предательство Густава мне больше не страшно. Он был рад моему добровольному отречению от трона Регенплатца и согласен ради него отдать мне Гретту. Густав первым предложил перемирие и дал слово, что отныне и навсегда он будет моим другом. Как видишь, всё прошло так, как я и предполагал.

– И всё-таки я бы не спешил доверять Густаву.

– Я не такой мнительный, как ты, Кларк, – отмахнулся Берхард и подозвал слугу, чтобы тот наполнил вином его кубок.

– Я наблюдал за ним, пока он сидел здесь с тобой, – не унимался Кларк. – У него был такой вид, будто он что-то задумал. Вы все слушали Ганса, смеялись над его историей,

и лишь Густав не слушал и улыбался натянуто, для вида. Он что-то замышляет...

– Возможно, в тот момент и замышлял, но сейчас ему нет причин убивать меня. Он без боя, без насилия получил то, чего хотел.

– А если Густав захочет всё?

Берхард улыбнулся. У него было слишком хорошее настроение, чтобы спорить и что-то доказывать. Он верил брату; такими обещаниями, какие давал Густав, просто так не бросаются.

– Хорошо, Кларк, я буду осторожен и внимателен к действиям брата, – мягко проговорил Берхард, но лишь для того, чтобы друг не переживал.

Генрих ещё раз прошёлся по комнате. Он тянул время. Пора спускаться в залу к гостям, открывать маскарад, но настроение было невесёлым, состояние нервным, и идти в шумную толпу не хотелось. Всё шло плохо, против его воли и желаний. Генрих так привык быть хозяином положения, почти хозяином судьбы, что теперь испытывал неприятные чувства зависимости, подчинения, безволия.

Генрих опять измерил шагами комнату. Потом ещё раз. Он тянул время. В дверь постучали.

– Войдите, – глухо пробасил ландграф.

Дверь открылась, и в комнату вошёл Берхард. Вот он источник всех неприятностей отца.

– Вы позволите, отец? – испросил разрешения Берхард.

– Заходи, раз пришёл, – вздохнул Генрих. – Чем ещё хочешь огорчить меня?

Берхард чувствовал себя неловко. Он понимал, что отец обижен на него, понимал, что обида его справедлива, но также понимал, что иначе поступить не мог.

– Я хотел только узнать ответ маркграфа фон Фатнхайна.

– А какая тебе разница? – рявкнул ландграф. – Ваш брак с Греттой всё равно уже не расторгнуть.

Берхард опустил глаза. Отец говорил с ним резко, с горечью обречённого человека. В комнате повисла напряжённая минута молчания. Ещё раз пройдясь из угла в угол, Генрих всё-таки ответил сыну:

– Конечно, маркграф согласился выдать Зигмину за Густава, дабы не клеймить дочь званием отвергнутой невесты. Хорошо, что и сама Зигмина не против такой замены, так как в тебе почему-то разочарована. Барон Хафф так же рад, что дочь его выйдет замуж по любви. Гретте ты мил, её глаза прямо-таки светились счастьем. Патриция прибежала уже, пала мне в ноги в порыве благодарности, что я наконец одумался и поставил всё на свои законные места. В общем, все остались довольны переменами. И только я чувствую себя дураком, человеком, чья жизнь, чьи старания прошли впустую.

Генрих тяжело опустился на стул и устало опустил голову. Берхарда немного взбодрило то обстоятельство, что всё складывалось весьма удачно. Он приблизился к отцу.

– Я говорил с Густавом, – негромко сказал Берхард. – Он был удивлён, но рад тому, что станет вашим наследником. И... он дал мне обещание, что отныне будет моим другом и помощником. Война между нами окончена.

– Ну что ж, – вздохнул Генрих. – Хоть что-то случилось хорошее и для меня. Мои сыновья наконец помирились.

– Отец, мне действительно жаль, что я обидел вас...

– Прекрати оправдываться, Берхард, – немедленно прервал сына Генрих. – Я тебя ни в чём не обвиняю. И возможно даже... Возможно, ты поступил правильно.

– Вы поддерживаете меня, отец? – В глазах юноши вспыхнула радость от родительского прощения и понимания.

Но Генрих ответа не дал. Ему всё же было трудно признать своё полное поражение.

– Иди на праздник, – бросил он. – Что сделано, то сделано, назад дороги уже нет. Иди. Я вскоре тоже к гостям прибуду.

Праздник закончился поздно, далеко за полночь. Утомлённые от танцев и веселья гости, разбрелись по своим pokojам, оставив после себя разбросанную разноцветную мишуру, маски, увядшие цветы. Длинный стол был завален остатками еды, пол поблёскивал тёмными лужицами пролитого вина. Усталых господ сменили слуги, которым предстояло привести залу в порядок, убрать стол, отмыть пол, почистить посуду – дел хватит до самого утра.

Солнце уже показало первые лучи, когда Берхард вернул-

ся в свои покои. Не праздник задержал его и уж тем более не надзор за работающими всю ночь слугами. Не отпускали его объятия любимой женщины, ласками которой он никак не мог насладиться, поцелуями которой он никак не мог насытиться. Утомлённая уладами любви, Гретта уснула лишь на заре. Только тогда Берхард покинул её ложе, тихо оделся и так же тихо и осторожно вышел из покоев своей пока ещё тайной супруги.

Придя к себе, Берхард, не раздеваясь, повалился на кровать. Нужно поспать хоть немного, постараться снять хотя бы частицу усталости после шумного дня и бурной ночи. А усталость чувствовалась. В висках пульсировала тупая боль, горло царапала изжога, тело одолевала слабость. Берхард приподнялся на локте и оглядел комнату в надежде увидеть кувшин или бокал с каким-нибудь напитком, но ничего подобного не обнаружил и вновь упал на кровать. Ладно, можно потерпеть, скоро уже придёт слуга и принесёт воды. Закрыв глаза, Берхард тут же провалился в сон.

Утром слуга, молодой парнишка, принёс большой кувшин с водой для умывания и белое полотенце. Оставив всё это на столе, он подошёл к своему господину и тронул его за плечо, призывая проснуться. Берхард моментально вернулся из сна в реальность и открыл глаза. Но веки оставались тяжёлыми, взор застилал туман, а телу было очень жарко.

– Открой окно, – попросил он слугу.

– Оно открыто, – ответил прислужник и, нагнувшись к

Берхарду, озабоченно поинтересовался. – Вы хорошо себя чувствуете, господин? Ваши волосы и рубашка... влажные. Похоже, у вас жар.

Берхард крепко зажмурил глаза и вновь открыл их – туман немного рассеялся.

– Нет, всё хорошо, – проговорил он. – Просто здесь очень жарко.

Берхард сел на кровати. Нет, он не болен, просто не выспался, усталость ещё не прошла. Но рубашка и правда была влажной. Берхард стянул её с себя, подставив обнажённое тело утренней свежести.

– Ты принёс воды? – спросил он слугу.

– Да, господин.

– Она холодная?

– Да, прохладная.

Берхард сначала вдоволь напился, затем умыл не только лицо, но и ополоснул весь торс, после чего почувствовал себя значительно бодрее. Ему так приятно было чувствовать на коже прохладу влаги, что он даже утираться не стал.

– Вам помочь одеться, господин? – поинтересовался слуга.

– Нет, я сам. Ступай.

Влага быстро впиталась в кожу, и снова стало жарко. Берхард подошёл к окну, пропустил задумчивый взгляд сквозь пожелтевшую макушку старой берёзы. Летнее пекло, казалось, надоело уже не только людям, но и самой природе. Од-

нако в этот день ветер подул с севера и даже пригнал оттуда тяжёлые облака. Тогда почему так жарко?

Постояв немного под холодным дыханием ветра, Берхард отвернулся от окна и направился к сундуку, в котором хранилась одежда. Открыл его, наклонился, и в глазах вдруг потемнело. Юноша едва не потерял сознание и устоял лишь потому, что облокотился на стоявший рядом стол. Берхард медленно повернулся и сел на край сундука. Темнота постепенно прошла. Что это было? Он действительно болен? Юноша приложил ладонь ко лбу, к шее, к груди, пытаясь определить, есть у него жар или нет, но ничего подозрительного не ощутил. Взяв одежду, Берхард осторожно поднялся и закрыл сундук.

За утренней трапезой Берхард ел мало, совсем не испытывая аппетит, зато много пил воды, так как сухость в горле возникала снова и снова, и жар не унимался. Юноша почти ни с кем не разговаривал, сохранял спокойный и безучастный вид, но под ним он скрывал нетерпение скорее покинуть уже надоевшую толпу гостей, чужих людей и выйти на улицу, а лучше сесть на своего коня и, пустив его свободный галоп, ворваться в прохладу ветра. Окунувшись в свои мысли, Берхард и не подозревал, что за ним пристально наблюдают.

Густав нервничал, он ждал действия яда, но пока ничего не замечал. Брат его выглядел как обычно, словно каменное изваяние. Берхард всегда так умело скрывал свои чувства и мысли, что со стороны их никак нельзя было определить или

угадать. И это ещё больше раздражало Густава. Оставалось лишь ждать.

В отличие от Густава, Кларк заметил изменения в друге. Вид отрешённый, взгляд усталый, движения вялые, к разговорам интереса никакого, к окружающим людям тем более. Что-то случилось, что-то произошло. И Гретта переживала: Берхард на неё почти не смотрел и сидел за столом угрюмый. Уж не возникли ли новые проблемы, новые препятствия для их любви? Или Зигмина в последний момент передумала?

Дочь маркграфа принципиально не разговаривала со своим бывшим женихом, а Гретту и барона Хафф демонстративно не замечала. Обиженная и уязвлённая отказом Берхарда, она прятала слёзы за холодным взглядом, а унижение за гордой осанкой и тешила себя лишь тем, что власть в Регенплатце всё-таки достанется ей, а уж повод отомстить за оскорбление она найдёт обязательно. Не простит она обидчика, ни за что не простит. Сейчас, заметив озабоченное состояние Берхарда, Зигмина очень надеялась, даже молила, чтобы этого бесчестного человека посетила беда.

Дождавшись наконец окончания трапезы, Берхард поспешил к Кларку.

– Хочу коня выгулять. Поедешь со мной? – предложил он другу.

– Конечно, – не раздумывая, согласился Кларк. – У тебя проблемы?

– Нет, с чего ты взял? – улыбнулся Берхард. – Наоборот, я

чувствую себя волшебником: всё происходит так, как я желаю.

– Однако счастья на твоём лице что-то не заметно.

– Да я просто не выспался. И мне... Мне на воздух хочется. Пойдём.

Берхард зашёл в свою комнату, чтобы одеться для верховой езды. Уже поднимаясь по лестнице, юноша снова почувствовал слабость и дурноту. Теперь он и сам заподозрил зародившуюся болезнь в себе. Жар не отступал, рубашка опять стала влажной. И воздуха не хватало. Берхард позвал слугу и попросил его принести кувшин холодной воды. Из окна повеяло холодом. Такого холодного ветра не было уже давно. Да ещё и облака сгустились. После многодневной изнуряющей жары вполне могла разразиться гроза. Мысли о дожде оказались приятны душе. Берхард ощутил острое желание подставить своё разгорячённое тело под ледяной душ пригнанного с севера дождя. Он подошёл к окну и взглянул на небо – облака плыли тяжёлые, словно белые горы. Юноша жадно вдыхал свежий воздух, с удовольствием пропуская холодный ветер под рубашку, в волосы, подставляя ему горевшее лицо.

В покои друга Кларк вошёл без стука.

– Ты ещё не одет? – удивился он. – У нас не так много времени на прогулку...

Берхард молча обернулся, и Кларк невольно ахнул.

– Что с тобой? – заволновался он. – Хорошо ли ты себя

чувствуешь?

Но Берхард чувствовал себя плохо. Жар усиливался, по лицу текли капли пота, взор застилал туман, слабость быстро овладевала его телом. Друга он слышал как бы издалека и видел лишь его смутные очертания. Разум отказывался что-либо понимать, в голове образовалась глубокая пустота. И по-прежнему не хватало воздуха. Юноша был не в силах даже звук произнести. Туман в глазах становился всё гуще и темнее и наконец полностью поглотил собой разум.

Подбежав, Кларк едва успел подхватить потерявшего сознание друга, отнёс его на кровать и громко отдал приказ вошедшему в это время молодому слуге:

– За лекарем беги! Быстро!

Лекарь Гойербарг прибыл скоро, и его сразу провели в покои больного. У кровати Берхарда стоял ландграф и с состраданием взирал на муки сына, не в силах чем-либо ему помочь.

– Гер Питер! – шагнул Генрих к вошедшему лекарю. – Какая-то неизвестная болезнь подкосила моего сына. Вся надежда на мастерство ваше, гер Питер. Излечите его.

Лекарь Гойербарг снял плащ, поставил саквояж на стол и приблизился к Берхарду. Юноша по-прежнему находился без сознания и изнывал от жара; дыхание было слабым и неровным.

– На первый взгляд у Берхарда лихорадка, – сказал ле-

карь. – Но причину я пока не знаю. Надо обследовать...

– Делайте всё, что необходимо. Сейчас пришлю вам на помощь слугу. А мне необходимо идти, гер Питер. Только что прибыл епископ, я не могу заставлять его долго ждать.

– Да, конечно. Как только я что-то выясню...

– Немедленно сообщите мне. Немедленно, – наказал Генрих. – Я прикажу страже, чтоб пропустила вас ко мне в любом случае.

Расстроенный, Генрих вышел из покоев старшего сына. У дверей столпилась вся семья: Патриция, Маргарет, Густав. Поодаль остановились Клос Кроненберг и Кларк. На всех лицах застыло ожидание.

– Лекарь сказал, что у Берхарда лихорадка, – тихо сообщил Генрих.

– О Боже! – ахнула Патриция, брезгливо изогнув губы. – Только заразы нам не хватает.

И демонстративно закрыв ладонью нос, она спешно удалилась прочь. Маргарет лишь равнодушно повела плечом. Густав отвернулся, дабы никто не заметил его торжествующей улыбки – он-то знал, от чего вспыхнула лихорадка у его брата. Клос Кроненберг приблизился к ландграфу.

– Надеюсь с Берхардом ничего серьёзного? – спросил он.

– Я тоже на это надеюсь, – вздохнул Генрих. – Гойербарг опытный лекарь, он обязательно поставит его на ноги. Я верю в его мастерство.

Он печально склонил голову и сложил руки, словно для

молитвы. Сейчас его ничто не интересовало кроме здоровья Берхарда, любимого сына. Однако дела требовали обратить внимания и на них.

– Пойдёмте встречать епископа, – подняв голову, позвал Генрих. – Маргарет, Густав... Кларк. Пойдёмте.

Густав и Маргарет не спеша побрели вслед за отцом и графом Кроненбергом. Кларк же остался. Внезапная болезнь друга его сильно волновала. Из головы не выходили недавние слова ведьмы Хельги: «Смерть подошла к Берхарду слишком близко. Я чувствую запах яда». Яд. Неужели Густаву всё-таки удалось отравить брата? Неужели Кларк всё-таки проглядел этот момент? Если так, он никогда не простит себе этого, и смерть Берхарда будет всегда лежать на его совести тяжёлым камнем.

Спустя некоторое время в покои Берхарда Регентропфа вошли двое слуг, присланных ландграфом, они несли кувшины с водой и белые простыни. Вместе со слугами зашёл и Кларк. Лекарь Гойербарг суетился вокруг больного, снимая с него одежду.

– Что-нибудь выяснили, гер Гойербарг? – негромко поинтересовался Кларк.

Лекарь обернулся, на его лице застыла растерянность.

– Я ничего не понимаю, – развёл он руками. – Я нашёл у Берхарда признаки очень многих недугов. Такое впечатление, будто организм просто устал работать и постепенно отключает все органы.

У Кларка сердце защемило, неужели и правда яд? Юноша тревожно взглянул на друга. Тот так и не пришёл в себя, лежал на кровати с холодным компрессом на лбу и хрипло выдыхал воздух, смуглое лицо его приобрело сероватый оттенок. Тем временем лекарь укрыл обнажённого Берхарда влажной простынёй, поставил у кровати таз и взял в руки скальпель.

– Что вы обираетесь делать? – спросил Кларк.

– Пущу немного крови, – отозвался Гойербарг. – Сейчас необходимо потушить жар и снизить давление.

Лекарь скальпелем быстро провёл по запястью пациента, и из порезанной вены крупными каплями в таз закапала кровь. Какое-то время Питер Гойербарг хмуро наблюдал за кровотечением, но что-то не нравилось ему в этом действии. Он помассировал руку больного юноши, заставляя кровь быстрее выходить из раны, потом подхватил одну каплю пальцем и приблизил к глазам.

– Почему она такая тёмная? – удивлённо проговорил лекарь.

Кровь действительно напоминала цветом вишнёвый сок, Кларк это тоже заметил.

– И что это значит? – спросил парень.

Лекарь задумался, почти машинально вытер палец о салфетку. Он молчал, думал и пока молчал, пытаясь найти ответ к загадке.

– Что это значит? – нетерпеливо повторил Кларк свой во-

прос.

– Это значит, – начал медленно говорить лекарь Гойербарг, – что в организм Берхарда попало некое вещество, которое испортило кровь. Поэтому и органы отказываются работать, не желая питаться такой... такой отравой.

Лекарь вонзил в стоящего рядом юношу вспыхнувший взор – вот и отгадка.

– Это яд, – почти шёпотом высказал он.

– Вы уверены? – Кларк так же перешёл на шёпот.

– Очень похоже.

Гойербарг взглянул на страдающего Берхарда и вдруг сам испугался своей догадки.

– Яд... Его отравили! Но... Зачем?

– В этом замке слишком многим желанна смерть Берхарда, – глухо ответил Кларк.

– Боже мой! – Ужас нарастал в душе Питера Гойербарга.

– Вы сможете исцелить Берхарда?

Лекарь медленно и обречённо покачал головой.

– Раз кровь успела так потемнеть, значит, яд попал в организм уже давно. Может, вчера, может, раньше. Это яд, который убивает постепенно.

– Но неужели ничего нельзя сделать? – Кларк был крайне взволнован.

– Я не знаю, что это за яд... Не уверен, что смогу, но попробую...

Лекарь повернулся к слугам, стоявшим в стороне и с лю-

бопытством наблюдающим за тревожным шёпотом господ. Что ему понадобится? Горячая вода... Ещё простыни... В задумчивости лекарь подошёл к своему кожаному сундучку, открыл его. Сначала нужно решить, что можно предпринять. Но кроме переливания крови ничего в голову не приходило. Вот только где взять столько крови, чтобы как можно быстрее очистить погибающий от отравы организм?

Лекарь Гойербарг оглянулся к Кларку Кроненбергу.

– Гер Кларк, вы сможете пожертвовать немного своей крови для друга? – спросил он.

– Если понадобится, можете взять всю, – с готовностью ответил молодой Кроненберг.

Обсудив все условия, важные договорённости, детали церемонии, участники переговоров стали неспешно покидать кабинет ландграфа фон Регентропфа. Сначала ушёл епископ; пожилой грузный мужчина устал с дороги, и был рад столь скорому завершению разговора, ему не терпелось переодеться в более лёгкую одежду, поест и лечь в постель на отдых. Вслед за епископом ушли маркграф фон Фатнхайн и барон Хафф. Мужчины почти не разговаривали друг с другом, только по необходимости. Маркграф по-прежнему был обижен за неуважительное отношение к его дочери в этом доме, но ландграф сейчас без спора шёл на все уступки, соглашался с любыми условиями, и улыбки выгоды слегка смягчали негодования гордости.

В покоях Генриха остались только члены его семьи.

– Ну как, Патриция, теперь ты всем довольна? – устало спросил он свою супругу.

– Да, довольна, – не стала скрывать Патриция. – Наконец всё встало на свои места. Признаться, я не ожидала от Берхарда такого широкого жеста, что он сам, по собственному желанию решит восстановить справедливость в нашей семье.

– Теперь ты перестанешь придирааться к нему?

– Что ты! Отныне никаких претензий. Берхард оказался лучше, чем я о нём думала. Моё материнское сердце открыто для любви к нему.

Генрих горько усмехнулся – какие пафосные слова, да только в них не было даже малой частицы искренности.

– Густав? – обратился ландграф к младшему сыну, желая знать и его мнение.

Юноша был совершенно спокоен и уверен в себе. Ещё бы, ведь всё шло так, как он того желал.

– Не буду скрывать, отец, что Гретта мне очень нравится, – вальяжно расположившись в кресле, ответил Густав. – Но, к сожалению, приходится выбирать. Раз Берхард отказался в мою пользу от Регенплатца, то, так и быть, я отдам ему мою невесту. Заключим, так сказать, братский обмен.

Генрих отвернулся, ему вдруг стало противно разговаривать с этими людьми. Они довольно улыбались, распинались в самых добрых заверениях, радовались удачному повороту судьбы, но на самом деле своего отношения к Берхарду ни-

кто из них так и не изменил, он по-прежнему остался для них чужим, лишним, недостойным внимания и участия.

– Ладно, ступайте, – тихо распорядился Генрих. – Мне необходимо ещё кое-какие формальности закончить. Да и к Берхарду зайду.

Патриция, Густав и Маргарет без возражений и с готовностью покинули кабинет главы семейства, будто только и ждали его позволения уйти. Патриция пошла в одну сторону, намереваясь навестить свою мать Магду Бренденбург, Густав и Маргарет не спеша побрели в другую.

– Интересно, Берхард поправится ко дню свадьбы? – произнесла Маргарет. – Или его придётся в церковь на носилках нести?

– Нет, он не поправится, – уверенно ответил Густав.

– Откуда ты знаешь?

С торжествующей улыбкой Густав снял с пальца перстень с чёрным топазом и, нажав на тайную пружинку, продемонстрировал сестре пустоту маленькой ёмкости. Маргарет ахнула и остановилась. Широко распахнутыми глазами она взирала на опустевший перстень.

– Неужели?.. Неужели ты?.. Убил?!.. – Последнее слово девушка произнесла не просто шёпотом, а одними губами, так велико было её изумление.

Собеседники, не сговариваясь, огляделись по сторонам – не подслушивает ли кто? Но в коридоре никого не было, а стражу Генрих отпустил. Можно говорить спокойно, и всё

же как можно тише.

– Я же тебе говорил, что буду иметь всё. – Густав был горд собой. – Всё. И власть, и богатство, и женщину. И я не понимаю, почему ты удивляешься? Ведь перстень с отравой ты подарила мне не ради забавы или украшения.

– Да... Конечно... – согласилась Маргарет. – Я хотела, чтоб ты решил свои проблемы...

– Вот я и сделал это.

– А если отец узнает?

– Откуда ему узнать? Берхард просто заболел, у него жар, лихорадка.

– Надеюсь, он в это поверит...

– Тсс... – Густав прижал палец к губам, потребовав замолчать.

Он заметил, как из покоев Берхарда вышел лекарь Гойербарг и скорым шагом направился в кабинет ландграфа. Лекарь был хмур, задумчив и не заметил, стоявших в коридоре собеседников. А зайдя к ландграфу, не уследил, что плохо прикрыл за собой дверь. Естественно, Густав этим воспользовался и осторожно приблизился к кабинету отца, дабы подслушать разговор. Маргарет последовала за братом.

Завидев лекаря, Генрих нетерпеливо шагнул ему навстречу.

– Ну, что с Берхардом? Вы выяснили, чем болен мой сын? Когда он поправится?

Генрих забрасывал лекаря тревожными вопросами, но тот

лишь печально склонил голову.

– Боюсь, ландграф, мне вас нечем утешить.

– Что случилось? Говорите! – Генрих застыл в напряжении.

– Ваш сын не просто болен. Его кровь пропитана ядом. Берхарда отравили.

– Что?! Отра...

Генрих вдруг схватился за грудь, почувствовав острый укол в сердце. Он готов был к любому вердикту, но только не к такому. Его сына, любимого мальчика отравили, насильно и подло подвели к смерти! Но зачем? Кто? Ослабевший от удара, Генрих тяжело опустился на стул.

– Где ваши капли, ландграф? – поспешил к нему Гойербарг и без спросу стал ощупывать пояс ландграфа.

Но Генрих был так подавлен приговором, что даже не обращал внимания на усилившуюся боль в груди и почти остановившееся дыхание, мысли его были обращены только к молодому несчастному юноше, который только-только почувствовал радость жизни, и теперь по чьей-то жестокой прихоти должен эту жизнь потерять. Лекарь наконец нашёл пузырёк с каплями и заставил Генриха выпить лекарство.

– Вы сможете его излечить? – хрипло простонал Генрих, постепенно возвращаясь в реальность.

– Я не знаю, что это за отравка, – говорил лекарь. – И яд уже успел пропитать весь организм...

– Излечите его, Питер. Не отдайте сына моего смерти. –

Генрих вновь пришёл в волнение. – Я щедро награжу вас. Я отдам вам поместье...

– Не нужно сулить мне награды, ландграф, – прервал Гойербарг мольбы отца. – Я хочу вернуть Берхарда к жизни не меньше вашего, и постараюсь сделать всё, что смогу. Вот только, к сожалению, могу я слишком мало.

Генрих совсем пал духом, и сердце ещё стонало. Если сам лекарь не верит в исцеление больного, значит, и всем остальным остаётся надеяться лишь на чудо.

– Я хочу видеть Берхарда, – заявил он и попытался встать. Однако пульсирующие уколы в сердце не позволяли полностью распрямить тело. Лекарь Гойербарг подставил своё плечо, дабы ландграф смог опереться.

– Не делайте резких движений, ландграф, – предупредил лекарь.

Опираясь на руку Питера Гойербарга, Генрих покинул свой кабинет и не торопясь пошёл по коридору в покои старшего сына.

Густав и Маргарет отступили от двери, отошли в сторону. Но на них никто не обратил внимания. Маргарет смотрела вслед отцу, и сердце её сжалось от жалости к нему. За несколько минут сильный гордый мужчина превратился в немощного слабого старика, который даже идти не мог без поддержки. Маргарет любила отца. Да, она вечно ревновала его к Берхарду, упрекала за несправедливость к Густаву, за невнимание к матери, но всё равно любила и в разлуке ску-

чала. И сейчас, лишь на миг представив, что отец может покинуть этот мир, Маргарет испытала испуг. Жизнь Берхарда была ей безразлична. Но жизнь отца её волновала.

– Сердце отца может не выдержать, – проговорила Маргарет. – Он может не пережить смерть Берхарда.

Однако Густав лишь равнодушно пожал плечами:

– Значит, я быстрее займу трон Регенплатца.

– Ты жесток, Густав, – упрекнула Маргарет. – Он же твой родной отец!..

Густав вонзил в сестру колючий взгляд.

– Винишь меня в жестокости? А разве ты сама не такова? Разве, давая мне яд и подстрекая убить волчонка, ты не знала, как отреагирует на смерть любимца больное сердце отца?

Маргарет опустила глаза и закусила губу. Брат прав, она действительно тогда не подумала об отце. Теперь ей вдруг стало стыдно. И если смерть Берхарда ляжет на душу Густава, то смерть отца навеки огромным камнем греха утяжелит душу её.

Питер Гойербарг ввёл Генриха в покои его старшего сына и плотно прикрыл за собой дверь. Слуги уже прибрались и ушли, и в комнате помимо больного остался только Кларк Кроненберг. Полуобнажённый он сидел в кресле, рука его в локте была перебинтована. Но Генрих смотрел лишь на Берхарда, лежащего на кровати под влажной простыней. Пепельно-серое лицо юноши было спокойным, черты лица расслабленны – казалось, Берхард просто спит. Генрих прошёл

и встал у кровати сына.

– Берхард так и не приходил в себя? – тихо спросил он, будто боясь разбудить спящего.

– Нет, не приходил, – ответил лекарь. – Но мне удалось немного снизить жар.

– Он испытывает боль?

– Не знаю. Даже если тело и мучает какая-либо боль, то уснувший разум не даёт её осознавать.

Генрих горестно вздохнул.

– Берхард, бедный мой мальчик. – В голосе мужчины слышались слёзы. – Не покидай меня столь рано. Борись за жизнь. У тебя впереди ещё так много важного и интересного.

Ноющее сердце нервно сжалось от укуса новой боли.

– Как вы собираетесь лечить его, гер Питер?

– Попробую заменить отравленную кровь на здоровую, – не слишком уверенно ответил лекарь. – Но для этого нужны доноры, здоровые молодые мужчины лет до двадцати. Кларк Кроненберг уже поделился своей кровью. Сейчас придёт и юный слуга Берхарда, он тоже согласился.

– В замке много молодых и здоровых мужчин, – сказал Генрих. – Я распорядюсь, чтобы их всех позвали сюда. Это исцелит Берхарда, гер Питер?

Лекарь лишь пожал плечами:

– Я не стану давать вам обещаний, ландграф. Эта процедура очень рискованна, но для Берхарда она – единственная соломинка, чтоб как-то уцепиться за жизнь. Будем надеять-

ся и молиться.

Генрих понимающе покивал головой. Питер Гойербарг – умелый и опытный лекарь, только, к сожалению, не волшебник.

– Позвольте мне сказать, ландграф, – вступил в разговор Кларк.

– Конечно, говори, – разрешил Генрих.

– Я предлагаю позвать Хельгу, знахарку из леса.

Мужчины резко повернулись к юноше.

– Хельгу? – удивился Генрих. – Но зачем нам эта ведьма?

– Она известная знахарка, – продолжал говорить Кларк. – Она знает все травы, все заговоры. Возможно, она сможет распознать яд и найти к нему противоядие.

Генрих нахмурился – эта идея ему не понравилась.

– Что скажете вы, гер Питер? – спросил он мнение лекаря.

– Хельга действительно лечит людей, – сказал Гойербарг. – Хоть и называют её ведьмой, ничего плохого я о ней не слышал. Мои пути не пересекались с этой женщиной, и как она лечит, я не знаю. Но я поддерживаю предложение Кларка. Сейчас нужно использовать все возможности, любые способы. Хуже Берхарду знахарка всё равно не сделает.

И всё же Генрих был недоволен. Затея связаться с прислужницей дьявола ему была не по душе.

– Хельга не смогла спасти Эльзу, – окунув взор в прошлое, проговорил он. – Я ей не верю.

– Но и я ничем не смог помочь фройлен Эльзе, – напом-

нил Гойербарг. – Увы, бывают случаи, когда даже лучший лекарь бессилён перед тяжёлой хворью.

– А если и сейчас у неё не получится?

– А если получится? Надо попробовать, ландграф. И надо торопиться. С каждым мгновением яд всё больше поражает организм Берхарда.

Генрих вдруг отчётливо вспомнил лицо Хельги, спокойный грустный взор её чёрных глаз, локон тёмных с проседью волос, упавший на смуглую щёку, тихий и уверенный голос. Мужчина поднял глаза на лицо сына. Да, сходство есть. Неужели Хельга и вправду является родной матерью Эльзы? Хотя какое теперь это имело значение? И ещё Генрих вспомнил прикосновение руки знахарки к его груди. Прикосновение, от которого его больное сердце быстро успокоилось. Одно прикосновение, и боль покорилась.

– Вы правы, – согласился ландграф. – Кто-нибудь знает, где живёт Хельга?

– Я знаю, – отозвался Кларк. – И я лично поеду за ней.

– Вы ещё очень слабы, Кларк, – предупредил лекарь.

– Не волнуйтесь, я хорошо себя чувствую, – заверил юноша.

– Только прошу, проводи её сюда тайно, – добавил Генрих. – Не надо, чтоб всем стало известно о присутствии ведьмы в моём замке.

К обеду все в замке уже знали о болезни Берхарда Реген-

тропфа. Гретта переживала, места себе не находила от волнения, рвалась к любимому, желая быть с ним рядом, но лекарь Гойербарг не пускал её. Тогда Гретта просто заперлась в своих покоях и стала отчаянно молиться, прося Господа, чтоб он унял недуг раба его Берхарда.

Ландграф тоже слёг; боль упрямо не хотела отпускать его сердце. Лекарю было велено не отходить от Берхарда, и Патриция лично ухаживала за супругом. Её тревоги были также велики. Она понимала из-за чего слёг Генрих – беспокойство за любимого сына острым шипом застряло в его сердце. И осознавая, чем именно вызвана лихорадка Берхарда, Патриция не сомневалась, что смерть сына вполне может забрать с собой и жизнь отца. Берхарда ей не было жалко, но Генриха, мужчину, с которым она прожила более двадцати лет, мужчину, к которому в её душе ещё теплилась любовь, терять было трудно.

В атмосфере гостей повисло напряжение и неприятное чувство замешательства. Люди приехали на праздник, на веселья и развлечения. Но как веселиться, если хозяин замка и его сын, один из участников главных торжеств, тяжело больны? Как развлекаться, если хозяйка замка и одна из невест льют слёзы и взывают к Господу о выздоровлении своих любимых мужчин? Оставалось лишь тихо бродить по сумеречным коридорам замка и изображать сочувствие и переживание.

Посмотрев на Берхарда, Хельга удручённо склонила голо-

ву.

– Смерть стоит у его головы, – тихо проговорила знахарка. – Она не отступит.

– И ты не сможешь помочь? – заволновался Кларк.

– Я не могу тягаться со смертью. Но я попробую.

Хельга прошла, встала у кровати и взяла за руку тихо лежащего юношу.

– Спасибо, лекарь, – сказала она. – Ты проделал большую работу. Мне такая не под силу.

– К сожалению, мои старания принесли мало пользы, – отозвался Гойербарг.

– И всё же польза есть. Жар отступил, сердце бьётся ровнее.

– Но кровь по-прежнему плоха.

– Её не удастся очистить. Яд распространяется быстро.

– Что применишь ты для лечения? – поинтересовался лекарь.

– Я принесла с собой травы и снадобья, помогающих при отраве, – ответила Хельга, указав на стоявшую на столе корзину. – Надеюсь, что-нибудь из этого поможет. Мои пациенты обычно травятся грибами, ягодами, укусами ядовитых змей и насекомых. От всего этого излечить могу. Однако яд, поразивший Берхарда, мне не знаком, и перед каким лекарством он сможет отступить, я не знаю. Но буду бороться. Смерть и так забрала у меня дочь, не хочу отдавать ей и внука. А теперь оставьте меня наедине с моим мальчиком.

– Тебе не понадобится моя помощь? – вновь спросил лекарь.

– Пока нет, Питер. Иди к ландграфу, ты ему тоже очень нужен сейчас. Я позову тебя позже.

Завидев вошедшего лекаря, Генрих приподнялся на подушках.

– Ну, как Берхард, гер Питер? – с волнением спросил он.

– Ему немного лучше, ландграф, – с поклоном ответил Гойербарг. – Я зашёл проверить ваше самочувствие.

– А с кем же оставил Берхарда?

– С ним Кларк Кроненберг.

– Он вернулся?

– Откуда вернулся? – насторожилась Патриция.

Но Генрих не собирался с ней обсуждать свои дела.

– Патриция, – мягко обратился он к супруге. – Прошу тебя, выйди к гостям нашим. Празднества для них приостановились, как бы они не заскучали без нас.

Патриция слишком хорошо знала своего мужа и поняла, что он опять от неё что-то скрывает. Однако спорить сейчас с ним она не стала и молча покинула его покои.

– Кларк привёз Хельгу? – тихо спросил Генрих, едва закрылась дверь за супругой.

– Да, – ответил лекарь.

– Что она сказала?

– Постарается помочь, но ничего не обещала. Сейчас

Хельга одна с Берхардом.

Генрих тяжело откинулся на подушки.

– Я уже не знаю, кому молиться, Богу или дьяволу. Мне всё равно, кто спасёт моего сына, лишь бы спас, лишь бы не дал умереть.

– У Берхарда молодой и крепкий организм, он должен справиться. А вы поберегите себя, ландграф. Вам ещё предстоит провести дознание, кто посягнул на жизнь вашего сына, и наказать виновного.

Генрих молчал. Он уже давно думал над этим вопросом. Никому, никому не была выгодна смерть Берхарда кроме его же родной семьи. «Сегодня Хельга нашла меня и предупредила, что Густав хочет меня отравить. Он не успокоится, пока не займёт трон Регенплатца». Берхард совсем недавно говорил ему эти слова, всего два дня назад, но Генрих не поверил. Да и как поверить в такой ужас: один брат замышляет убить другого брата.

– Это всё она, Патриция, – глухо прохрипел Генрих. – Она взрастила в Густаве ненависть, она стравила его с братом. Ей мало, что она убила Эльзу, так теперь посылает сына своего, чтоб избавиться и от самого Берхарда.

Нахмутив брови, лекарь Гойербарг слушал речь ландграфа. Он, безусловно, знал о трагичной судьбе матери Берхарда, но не полагал, что в её смерти замешана ландграфиня. Он знал, что Густав враждует с братом, но не полагал, что настолько. И теперь все услышанные им откровения приво-

дили его в оцепенение.

– Я многое прощал им, – продолжал Генрих, – ложь, коварство, предательство. Но смерть Берхарда, такое подлое убийство моего сына никогда не прощу.

– Ландграф, успокойтесь, – потребовал Гойербарг, видя, как растёт волнение у больного. – Я вынужден буду дать вам снотворного.

– Не сейчас, гер Питер. – Генрих повернулся к лекарю. – Сначала я хочу поговорить с Густавом. Сделайте одолжение, позовите его ко мне.

– Я бы советовал отложить вам этот разговор, ваше сердце...

– Нет, я хочу спросить его сейчас, – упрямо повторил Генрих.

Спорить бесполезно, и Питер Гойербарг отправился выполнять поручение.

Густаву сложно было скрывать от всех свою радость. Так сложно, что он предпочёл закрыться у себя в комнате и там вдвоём с Акселом Тарфом предаваться мечтам о том, как он изменит Регенплатц, когда станет его правителем. Открыв на стук дверь, Густав встретил на пороге лекаря, и его сердце кольнуло: «Берхард умер». Но нет, оказалось, просто отец просит младшего сына зайти к нему.

– Вы звали меня, отец?

Густав уверенно прошёл в покои ландграфа и остановился у его кровати.

– Да, сын мой, звал, – отозвался Генрих. – Я хочу задать тебе один вопрос, на который требую дать честный ответ.

– Я слушаю вас. – Густав смотрел на больного отца с высоко поднятой головой.

– Берхард отравлен. – На лице юноши не отразилось ни тени удивления. – Скажи, это ты так поступил?

Густава не испугала догадка отца и даже не взволновала. Но признаваться в своём поступке юноша не собирался. Он не трусил, однако слава братоубийцы ему тоже не нужна была. Да и терять и без того слабое доверие отца не стоило.

– Вы считаете меня способным на такую подлость? – Густав изобразил обиду.

– Ты ненавидишь брата, и тебе выгодна смерть его.

– Ещё пару дней назад ваши упрёки были бы справедливы. Однако вчера, когда Берхард добровольно отказался от Регенплатца в мою пользу, попросив взамен всего лишь женщину, мой повод для ненависти, а уж тем более для убийства брата исчез сам собой. Я даже заверил Берхарда в моей дружбе и обещал поддержку, если понадобится. Да и вам днём раньше я дал слово, что претензий к брату больше не имею. Или вы не верите мне, отец?

Генрих не верил. Всё вроде бы было правильно, но почему-то ноющее сердце не верило. Точно так же, как оно ещё совсем недавно не верило в то, что Густав может оказаться подлецом.

– Хорошо, ступай, – бесцветно произнёс Генрих.

– Вы не верите мне? – настойчиво повторил Густав.

– Ступай. Я устал.

«Не верит. Ну и пусть, – Густав гордо вздёрнул подбородок. – Ему недолго осталось править, а Берхарду ещё меньше жить. Я стану свободен. Свободен и счастлив. Ибо всё, всё станет моим! Моим!» Резко развернувшись, Густав покинул покои отца. В его ожесточившейся душе не нашлось места раскаянью, зато пустила корни новая обида на отца, на его обвинения и неверие.

После ухода Густава, ландграф полежал немного, ожидая лекаря. Но тот не заходил, видимо не зная, что разговор отца с сыном завершился столь быстро. Тогда Генрих встал, кряхтя от слабости, и вышел из комнаты прямо в одной камизе. Покои Берхарда находились близко, буквально несколько шагов по коридору. Нужно его навесить, нужно знать, что он ещё жив. Добредя до двери, Генрих медленно открыл её и вошёл в комнату.

Редкие лучи солнца, с трудом пробивавшегося сквозь серые тучи, тускло освещали помещение. Берхард всё так же без сознания лежал на кровати, укрытый лёгким одеялом. У стола копошилась, перебирая пучки трав, старая знахарка. Заметив открывающуюся дверь, она обернулась.

– Зачем ты пришёл, Генрих? – спросила Хельга.

– Я хочу видеть сына, – ответил мужчина, не отрывая горестного взора от бледного лица юноши.

Генрих прошёл вперёд и присел на край кровати.

– Тебе нужно лежать, находиться в покое...

– Как я могу находиться в покое, когда мой сын при смерти?

– Тебе необходимо беречь себя, – настаивала Хельга.

– Если Берхарда не станет, то и мне незачем жить.

Женщина вздохнула и, отвернувшись, вернулась к прерванному занятию.

– Что ты там делаешь? – поинтересовался Генрих.

– Мне надо приготовить ещё порцию отвара, – ответила Хельга.

– Отвара? Так ты всё-таки нашла лекарство?

– Пока не знаю. Если до утра Берхард придёт в себя, то болезнь отступит. Мальчик останется жив. Правда, его здоровье может пострадать. Может пострадать и разум.

– Неважно. Главное, чтоб он жил. Ты вселяешь в меня надежду, Хельга.

– Надеяться – это последнее, что нам остаётся. Надеяться и молиться.

Генрих согласно покивал головой. Тонкие лучи радости робко глянули из-за туч горя. Вот только радостное волнение, к сожалению, причиняет такую же сердечную боль, как и волнение горестное.

– Хельга, – обратился ландграф к знахарке, – однажды, давно, ты смогла унять боль в моём сердце одним прикосновением руки. Сможешь ли ты и теперь это сделать?

Хельга отложила работу и повернулась к страдающему

мужчине. Не отвечая на вопрос, она приблизилась к Генриху, шепча какие-то слова, а после приложила ладонь к его груди. Уже через пару мгновений Генрих почувствовал, как боль начала отступать, и даже дышать стало легче.

– Почему ты вот так же легко не можешь излечить Берхарда? Зачем, как и его мать, отдаёшь мальчика смерти?

– Если б я только могла отгонять смерть, – тяжело вздохнула Хельга. – Но я не чародейка и не ведьма, хотя меня и считают таковой. И для борьбы со смертью у меня слишком мало сил. Знал бы ты, Генрих, как трудно мне было пережить потерю Эльзы. И сейчас, глядя на Берхарда, моё сердце страдает не меньше твоего.

– Берхард рассказывал мне о недавней встрече с тобой, – после короткой паузы произнёс Генрих. – Он сказал, что ты назвала его внуком своим. Это правда?

– Правда.

– Значит, правда и то, что Эльза...

– Эльза – моя родная дочь. Моя и Ахима Штаузенга.

Хельга открыто смотрела прямо в глаза собеседнику. Её признание привело Генриха в некоторое замешательство, недоумение. Он нахмурил брови, потом наоборот вздёрнул изумлённо.

– Но как же так? – проговорил он. – Ахим лично заверял меня...

– Мы с ним (особенно я) не хотели, чтобы за Эльзой закрепились слава дочери ведьмы. И потому придумали исто-

рию о мнимой женитьбе Ахима в другом городе. Тайну рождения Эльзы мы никому не выдавали и не выдадим никогда. И о том, что Берхард мой родной внук никто не узнает, можешь на нас положиться. Об этом узнал только Кларк Кроненберг, но ему тоже можно доверять.

Генрих снова замолчал, размышляя над услышанным. Итак, его родовитая кровь доблестных героев, знатных родов в Берхарде смешалась с чёрной кровью прислужницы дьявола. Ужасно. Только, что это меняло? Отношение к сыну? Но оно неизменно. Любовь к Эльзе? Но она вечна. Несмотря на указ короля Фридриха о борьбе с ведьмами и колдунами, Генрих не трогал Хельгу. Она помогала людям и ничего плохого не творила. Конечно, народ немного побаивался её, как и любую нечисть, однако никогда не жаловался и словом дурным о ней не отзывался. Если Хельга и была ведьмой, то доброй, а значит, кровь её не так уж и черна. Вот и теперь она старается спасти умирающего. И ему самому помогла. А ведь могла одним таким же прикосновением сердце остановить вовсе. Но Генрих сейчас чувствовал себя хорошо. Сердце билось ровно, а надежда на выздоровление сына даже силы вернула. Пусть будет родство с ведьмой. Какая разница? Главное, чтобы Берхард выжил.

– Ты действительно считаешь, что Берхарда отравил Густав? – спросил Генрих.

– Я это знаю, – спокойно ответила Хельга.

– Но зачем? Неужели из-за трона Регенплатца?

– Причин много. Злость, возвращённая завистью, ненависть, возвращённая матерью. Понимание, что если бы не было Берхарда, то всё досталось бы ему с самого начала.

– Но трон и так достался ему.

– Всё. Не что-то одно, а всё. Вся власть, все земли, все почести и любовь женщины, которую сейчас приходится отдавать.

– Гретта?

– Густав так долго был вторым, отдавая всё брату, что теперь он не уступит ему ничего, даже самой малости.

Генрих вновь задумался. Какая драма разыгралась в его в семье! И всё из-за Патриции, из-за её глупых амбиций, из-за жестокости, которой она пропитала своего сына, из-за... Эх, надо было тогда бросить всё и уехать с Эльзой далеко-далеко отсюда! С ней и Берхардом. Надо было, да только теперь ничего не изменить.

– Кто убил Эльзу, Хельга? – задал Генрих очередной вопрос.

– Я обещала Эльзе не говорить этого, – отвечала Хельга.

– Патриция?

– Ты и сам догадался.

– Это не я догадался, – тихо сказал Генрих, опустив голову. – Это догадался Клос Кроненберг после допроса двух бродяг, сбросивших Эльзу в Рейн.

Ландграф ещё ниже склонил голову, и вскоре на одеяло упала слеза, а за ним последовал короткий всхлип, потом

второй, третий... Генрих с детства не плакал, но теперь он более не мог сдерживать слёз переживаний и горя. Упав на грудь сына, уткнувшись лицом в одеяло, он рыдал, и слёзы текли из глаз потоком, а пальцы сжимались в кулаки от бессилия что-либо изменить. Одеяло пропитывалось солёной влагой и мялось в крепких кулаках.

Хельга не прерывала рыданий. Возможно, они и вредили больному сердцу, однако были крайне благотворны для истерзанной души несчастного мужчины.

– Господи, помоги моему мальчику, – молил отец сквозь слёзы. – Ты же знаешь, он невинен. Не карай его за грехи мои, не наказывай за обиды Патриции и гордыню Густава. Берхард... Берхард!

Генрих поднял голову и взглянул в спокойное бледное лицо сына. Ни одна чёрточка не шевелилась на этом лице, не дрогнула ни одна ресничка у сомкнутых век, и дыхание было таким тихим, что, если бы не тепло тела, можно было подумать, что юноша уже мёртв. А вдруг Берхард не очнётся, вдруг смерть всё-таки его заберёт? От такой страшной мысли сердце замерло, и эхо тупой боли вновь отозвалось в нём. Вдруг Генрих схватил Берхарда за плечи и встряхнул его. Потом ещё раз.

– Берхард, очнись! – вскричал мужчина. – Ты должен жить! Слышишь меня? Очнись, Берхард!

Но юноша по-прежнему не проявлял никаких признаков жизни. И тогда Генрих затряс сына ещё сильнее, в исступле-

нии приказывая ему вернуться к жизни. Да вот только всё напрасно.

Испугавшись увиденной истерики, Хельга бросилась к ландграфу.

– Что ты делаешь! Оставь его! – потребовала она, схватив Генриха за руки. – Ты навредишь ему, а тем более себе!

– Зачем всё так? Почему именно он? – стонал Генрих. – Берхард... Я обещал его матери, что он никогда не познает горя... но не смог сдержать обещания. Смотри, Хельга, – и Генрих указал на раскрытую обнажённую грудь юноши. – Смотри, Берхард носит кулон, не снимая, дорожит им. Я надеялся, что через этот амулет он будет связан с матерью, что она защитит его! Но она не защитила, и мне не подсказала...

– Не говори так, не упрекай, – прервала его Хельга. – Эльза всегда была рядом с сыном. Смерть кружит вокруг Берхарда с самого рождения, однако душа матери отгоняла её. Вот и сейчас Эльза борется за своего мальчика, за душу его, которую смерть уже вырывает из тела. И пока кулон остаётся на шее Берхарда, душа Эльзы не отступит.

Вдруг Генрих издал громкий стон и скорчился. Острая резкая боль, словно острая стрела, вонзилась в его сердце. Она была столь невыносима, что даже дыхание перехватило. Хельга прочла шёпотом заговор и приложила ладонь к груди мужчины. Боль отступила, но совсем не ушла. Генрих вздохнул.

– Мне... Мне ещё плохо... – хрипло простонал он.

– Если ты не заставишь себя успокоиться, то после следующего приступа тебе уже никто не сможет помочь, – резко предупредила Хельга. – Пойдём, ты должен вернуться на своё ложе, принять лекарство и постараться заснуть. Я провожу тебя.

– Берхард...

– Я буду с ним. А когда он очнётся, сообщу тебе. Пойдём.

Генрих согласно кивнул и, опираясь на руку Хельги, поднялся на ноги. В этот момент дверь отворилась, и на пороге появился Питер Гойербарг. Увидев своего пациента, лекарь ахнул:

– Ландграф! Почему вы здесь, а не в постели?

– Хорошо, что ты пришёл, Питер, – сказала Хельга. – Помоги Генриху.

– Пойдёмте, ландграф, я провожу вас, – поспешил лекарь к ослабевшему мужчине. – Я сейчас же дам вам снотворное...

К вечеру заморосил мелкий дождь, и ещё больше похолодало. Гости замка Регентропф совсем заскучали. Невесело было и Зигмине фон Фатнхайн. Девушка чувствовала себя брошенной и никому не нужной. Берхард от неё отказался, Густав был любезен, но холоден. Патриция пыталась приободрить её улыбками, однако чувствовалось в них какое-то снисхождение. И вообще, Зигмине казалось, что в этом замке все её жалеют.

– Я хочу уехать домой, – говорила она отцу. – Мне уже не нужны ни Берхард, ни Густав... Ни сам Регенплатц.

– Я тоже уехал бы с удовольствием, – отвечал маркграф. – Мне не понравился этот спектакль с переменной женихов. Однако ты сама согласилась участвовать в нём. Я же спрашивал твоё мнение. И если бы ты сказала...

– Мне не хочется быть отвергнутой невестой. Глупо упускать шанс стать ландграфиней фон Регентропф, жить и править в Регенплатце. И Густав мне более приятен, чем Берхард.

– Тогда почему ты плачешь?

– Я боюсь, что никому здесь не нужна, что мне никто не рад, – призналась Зигмина. – Я пропаду в этом замке, стану ландграфиней, но умру от одиночества. Вот я и думаю, может, лучше остаться старой девой в родных стенах, чем похоронить себя заживо в золотой клетке?

– Не говори глупости, Зигмина, – проворчал Олдрик Фатнхайн. – Ты начинаешь жаловаться, как твоя мать, и ожидать конца Света из-за пустяка. Это тебя недостойно. Просто сейчас тяжёлый период в семействе ландграфа. Сейчас здесь все чувствуют себя ненужными. Генрих и Берхард больны, Патриция в переживаниях. Густав тоже нервничает.

– Может, тогда и свадьбы не будет? – предположила Зигмина, и в её голосе невольно прозвенела нотка надежды.

– Церемония отложена всего лишь на день. Свадьба обязательно состоится.

– Но, говорят, Берхард очень серьёзно болен, и вряд ли...

– Но Густав же здоров! – прервал дочь маркграф, её стенания уже начинали его раздражать. – Значит, состоится одна свадьба вместо двух. Решение есть у любой проблемы. Успокойся, Зигмина, всё скоро образуется. Ты войдёшь в этот дом хозяйкой, заведёшь здесь свои правила и заживёшь в довольстве и в радости рядом с молодым и, главное, здоровым мужем.

Зигмина больше не стала перечить. Наверное, отец действительно прав. Нужно успокоиться и настроить себя на самое лучшее. Нужно. Да что-то не получалось. Тоска и нехорошие предчувствия упрямо не желали покидать её душу.

Душу Патриции тоже разрывали ожидания самого худшего. Тяжёлый выдался день, напряжённый. Патриции приходилось улыбаться гостям и смеяться с ними, тогда как хотелось плакать. Приходилось находиться среди шумной толпы, тогда как хотелось уединиться где-нибудь в тишине. Приходилось играть роль радушной хозяйки и готовиться к празднику, тогда как на пороге её дома стояли беда и смерть. И никто не знал, каких усилий стоило находящейся в тревоге и печали женщине быть милой со всеми и вести праздную беседу о пустяках.

Впрочем, имелся один человек, которому Патриция могла пожаловаться, душу излить, поделиться переживаниями. Человек, который всегда её понимал и поддерживал.

– Я боюсь за Густава, матушка, – плакала Патриция, сидя

в комнате Магды Бренденбург.

Патриция была частой гостьей в покоях своей старой матери. Здесь она могла говорить откровенно, не боясь упреков и осуждения, здесь она могла получить совет или хотя бы сочувствие.

– Почему? – пожала плечами Магда. – Я не вижу причин для твоей боязни.

– Но как же! Ведь, ведьма предрекла, если Берхард умрёт, то Густаву и трёх дней не прожить после его похорон! А Берхард точно не выживет.

– Не паникуй, Патриция. – Магда оставалась спокойна и рассудительна. – Ни одного условия заклятия не нарушено. Вспомни, оно наложено на наши с тобой действия и замыслы, направленные против волчонка. А разве мы задумывали вложить в руки Густава яд? Разве мы советовали ему угостить этим ядом брата?

– Это так, и всё же...

– Мы даже не давали Густаву согласия на убийство брата. Вот увидишь, Густава дыхание смерти не коснётся. Он будет жить долго счастливо и станет достойно править в Регенплатце.

– Я тоже хочу в это верить.

– Ну, так верь, ибо всё так и будет.

Магда взглянула на сгорбленную от печали дочь и непонимающе покачала головой.

– Ты всегда мечтала избавиться от ненавистного тебе

мальчишки. Ты столь долго ждала момента, когда он навечно закроет глаза и прекратит портить жизнь твоему сыну. И вот этот день настал, твоя мечта исполнилась. Только почему-то радости на твоём лице не вижу я. Или ты вдруг пожалела волчонка?

– Нет, не жалко мне его, – ответила Патриция. – И я рада его скорой кончине. Слезы во мне вызывают переживания за людей мне близких. Вы знаете, что Генрих тоже слёг?

– Знаю, конечно.

– За него я также опасаясь, мама. Лекарь Гойербарг сказал, что за смертью Берхарда может последовать и кончина Генриха.

– Мужа жалко тебе?

– Конечно.

– После того, как он жизнь тебе отравил?

– Да, он изменил мне. Да, он заставил меня терпеть его незаконного сына. Но... в целом жизнь моя не была плоха. Он заботился обо мне. И я любила его. Да и сейчас... люблю ещё...

– Генрих – человек неплохой, – согласилась Магда. – Я тоже зла не видела от него. И всё же... Лучше пусть он умрёт сейчас своей смертью, чем после подвергнется смерти насильственной.

Патриция подняла голову и недоумённо взглянула на мать.

– О чём вы? – спросила она, затаив дыхание.

Магда Бренденбург по-прежнему была невозмутима.

– Ты же сама говорила, что у Густава два яда, – ответила она.

– Матушка! Что вы говорите такое?! – Патриция аж задохнулась от ужаса. – Густав не сможет убить родного отца!

– Сможет. У него было два препятствия на пути к заветному трону: Берхард и Генрих. Теперь одно устранено. Да столь легко и быстро. Со вторым вполне можно справиться так же, без трудностей.

– Какая глупость, Густав не сделает этого, – запротестовала Патриция. – Он же не зверь жестокий!

– Нет, Патриция, он именно такой, – прошипела Магда и вонзила в дочь жёсткий взгляд своих выцветших зелёных глаз. – Мы сами его таким сделали, ежедневно взращивая в его сердце ненависть к сводному брату и чувство борьбы с несправедливостью отца. В душе Густава нет ни капли уважения к отцу, который постоянно унижал его достоинство, который мерзкого бастарда ставил выше родного сына. Мы с тобой постоянно твердили Густаву об этом, мы осознанно настраивали его против отца и брата, мы пропитали его разум одной единственной мечтой – мечтой о троне Регенплата. И вот Густаву представилась прекрасная возможность воплотить наконец эту мечту в реальность. Воплотить без особых усилий.

Патриция склонила голову и закрыла ладонями мокрое от слёз лицо, с ужасом осознавая, что мать права, в каждом

своём слове права.

– Так что не пеняй на мальчика, – продолжала Магда, слегка успокоившись. – Что в него мы посадили, то в нём и созрело. Лучше порадуйся за сына своего, ведь скоро Густав станет полноправным правителем Регенплатца. Ландграф Густав фон Регентропф.

Как далека была Гретта Хафф от перипетий семейства Регентропф, от борьбы за трон, от политики вообще. В её мыслях жил только Берхард, её сердце болело только за него, её душа говорила только о нём. Весь день девушка провела в своих покоях, ожидая вестей о здоровье её возлюбленного. Но никто не заходил к ней и на словах ничего передать для неё не просил. Даже отец, казалось, обходил её комнату стороной. Пару раз Гретта посылала Лизхен узнать, улучшилось ли самочувствие Берхарда, но служанка приносила лишь неясный ответ: «Пока изменений нет». И опять наступали часы ожиданий и молитв.

Вот уж солнце упало под тучи и коснулось горизонта, вот уж дождь заморосил, покрыв окно мокрой рябью. И Гретта не выдержала. Она покинула покои, уверенным и быстрым шагом прошла коридоры и, остановившись у нужной двери, постучала. Ей открыл Кларк Кроненберг.

– Гретта? – удивился он. – Зачем ты здесь?

– Я должна его видеть, – тихо, но твёрдо ответила девушка.

– Пусть она войдёт, – раздался из комнаты надтреснутый женский голос.

Кларк широко открыл дверь и отступил, пропуская Гретту. Девушка прошла в комнату, остановилась. Взор её был направлен на кровать, на которой неподвижно и тихо лежал под одеялом Берхард.

– Он спит? – осторожно спросила Гретта.

– Нет. Он без сознания, – ответил ей женский голос.

Гретта повернула голову и увидела сидевшую на кресле пожилую женщину в чёрных одеждах.

– Это Хельга, – подойдя, представил женщину Кларк. – Она... известная в Регенплатце врачевательница, знахарка...

– Здравствуйте, – слегка поклонилась Гретта.

Девушка ничего не знала о Хельге, о её репутации среди народа. Она даже не слышала никогда, что в Регенплатце живёт какая-то ведьма. И потому не возникло в ней ни страха, ни удивления, ни возмущения. Обычная женщина, пришедшая помочь больному. Вот только взгляд её чёрных глаз слишком пристальный. Даже тяжёлый.

Гретта отвернулась от знахарки, не спеша приблизилась к Берхарду и присела рядом с ним на кровать. Юноша лежал на спине, лицо бледное и спокойное повёрнуто к окну, веки сомкнуты, дыхания совсем не слышно, даже не заметно было шевеления груди под тонким одеялом; руки с перебинтованными запястьями покоились поверх одеяла.

– Берхард выживет? – тихо спросила Гретта, с грустью рассматривая безмятежное лицо любимого.

– Мы все надеемся на это, – отозвался Кларк.

Гретта осторожно взяла в ладони руку Берхарда. Рука была горячей, смуглый цвет кожи приобрёл лёгкий сероватый оттенок.

– Настоятельница в монастыре, где я жила, говорила, когда человек теряет сознание, это значит, что душа его ненадолго покинула тело, – рассказала Гретта. – Душа витает где-то рядом, наблюдает за всеми со стороны... Но необходимо скорее вернуть её в тело. Ибо, если она почувствует, как хороша свобода, то может не вернуться, отлететь слишком далеко, и тогда её связь с телом разорвётся, и человек умрёт.

– Твоя настоятельница была права, – согласилась Хельга. – Однако ни нашим мольбам, ни даже мольбам отца душа Берхарда пока не вняла. Наверное, понимает, что в столь больном и ослабевшем теле её ждут только страдания.

Гретта заволновалась. В голосе женщины она не услышала надежды, в нём звенело отчаяние. Разве сможет выжить пациент, если лекарь уже потерял веру в его выздоровление?

– Берхард, любимый мой... – Гретта едва сдерживала наворачнувшиеся слёзы. – Взгляни на печаль супруги твоей, услышь зов её! Очнись, отзовись. Я не верю, что ты сможешь покинуть меня. Ты же не можешь быть столь жесток ко мне! Берхард! Без тебя моя жизнь угаснет, и смысл свой потеряет. Вернись, молю тебя. Подари мне снова твою любовь, ласку

рук твоих, тепло губ твоих. Верни мне радость жизни, чувство счастья!..

Рыдания всё же сорвались, и девушка склонила голову, пытаясь унять их. Горячая слеза, быстро скатившись по щеке, упала на руку юноши. Упала и сползла на одеяло, оставив на коже влажный след.

– Я не стану без тебя жить, Берхард, – неровным шёпотом проговорила Гретта. – Не смогу. Если ты не вернёшься в жизнь, я уйду вслед за тобой.

– Не говори так. И даже не думай об этом, – прервала стелания Хельга. – Как бы ни сложилось, ты останешься жить.

Но Гретта лишь покачала головой.

– Без Берхарда моё сердце остановится, – всхлипнула она.

– Не остановится. Оно будет жить и биться ради того человечка, который уже зародился под ним.

Ошеломлённая столь необычной фразой, Гретта застыла, и лишь короткие всхлипы заставляли вздрагивать её тело. После девушка повернулась к знахарке и спросила:

– Что хотите вы сказать этим, фрау?

– То, что ты беременна, Гретта, – просто ответила Хельга.

– Но... Как же...

Гретта беспомощно переглянулась со стоящим в стороне Кларком, пребывающим в таком же недоумении.

– Я вижу зарождение жизни так же ясно, как и её окончание, – пояснила Хельга. – В тебе зажётся свет, девочка, свет твоего ребёнка. Можешь верить мне.

Ребёнок. Сердце так быстро забилося в груди, что Гретта даже сжала его ладонью. Ребёнок, дитя... Её дитя... Её и Берхарда. Радостное волнение осушило слёзы и принесло новый порыв надежды.

– Берхард, ты слышишь? – вновь воззвала Гретта к юноше. – У меня будет ребёнок! От тебя. Это плод нашей любви. Вернись. Живи! Если не ради меня, так хотя бы ради нашего ребёнка! Берхард! Берхард!

Но всё напрасно. Юноша по-прежнему лежал без движения, почти без признаков жизни. Новые слёзы отчаяния наворачнулись на глаза девушки.

– Я всё равно верю, что ты будешь жить, – прошептала она.

В комнате повисла тишина, скорбная и тяжёлая. Гретта, склонив голову, нежно поглаживала Берхарда по руке, трогала обручальное кольцо, которое она надела на палец любимого, произнося клятву верности, вспоминая моменты великого счастья, подаренные любовью. Кларк с сочувствием наблюдал за девушкой, прекрасно понимая всю её трагедию. Хельга сидела в кресле молча и неподвижно, углубившись в свои нерадостные мысли.

Вдруг в этой тишине раздался глубокий, очень глубокий вздох. Все встрепенулись от неожиданности, устремив взоры в сторону звука. Берхард повернул голову и издал короткий стон.

– Берхард... Берхард, – осторожно позвала Гретта, спешно

вытирая слёзы со своих щёк.

Юноша снова глубоко вдохнул, задержал воздух в груди и шумно выдохнул. Веки его дрогнули. Хельга и Кларк торопливо приблизились к кровати больного.

– Он приходит в себя, – сказала знахарка.

– Наконец-то, – обрадовался Кларк. – Значит, выживет.

– Да.

– Нужно сообщить ландграфу.

– Да, иди, успокой его. И разыщи лекаря.

Но сразу Кларк не ушёл, а остался удостовериться, что друг его действительно очнулся.

Берхард приоткрыл глаза. Покрывавший взор белый туман быстро рассеялся, и юноша отчётливо увидел родное и милое лицо. Что это, сон? Но нет, он почувствовал тепло руки на своей щеке, и услышал ласковый голос:

– Берхард...

– Гретта... – произнёс юноша, и слабый звук оцарапал пересохшее горло.

Как приятно было видеть её улыбку, её добрые глаза. Как это хорошо – просыпаться и знать, что любимая рядом. Вот только тупая боль во всём теле портила радостные чувства.

– Кажется, я заболел... – попробовал улыбнуться Берхард.

– Ты обязательно поправишься, – пылко заверила Гретта. – Я в этом не сомневаюсь.

Краем глаза Берхард заметил движение с другой стороны и повернул голову. Стоявшую у кровати женщину он сразу

узнал.

– Хельга? – удивился юноша. – Как ты здесь?..

– Это я позвал её, – отозвался Кларк.

Берхард молча переводил взгляд с друга на Хельгу, постепенно понимая, что с ним произошло на самом деле. Просто так, из-за обычного обморока, Кларк не стал бы звать знахарку. Значит, случилось нечто серьёзное, может даже сбывалось предсказанное ею. Ноющая боль ломила всё тело, пульсируя в висках и на запястьях. Берхард попытался поднять руку, но оказался настолько слаб, что не смог сделать этого. Однако опустив глаза, он заметил повязки на своих руках и нахмурился, не понимая, откуда они взялись.

– Лекарь Гойербарг пускал кровь, – объяснил Кларк, заметив недоумение друга.

Пускал кровь? Зачем? Из всех чувств в душе Берхарда осталась только тревога.

– Что со мной? – спросил юноша.

Но при Гретте Кларк не хотел говорить правду.

– Главное, что самое страшное уже позади, – неопределённо ответил он.

– Утром ты потерял сознание, – стала рассказывать Гретта. – Потом у тебя поднялся жар, началась лихорадка. Ты пролежал в беспмятстве целый день и лишь сейчас очнулся.

– Лихорадка... – задумчиво повторил Берхард.

С лихорадкой лекарь Гойербарг и один бы справился. Так зачем позвали Хельгу?

– Пойду к ландграфу, обрадую его, – сказал Кларк и вышел из комнаты.

В боку резко кольнуло, и Берхард невольно поморщился.

– Как ты себя чувствуешь? – подойдя ещё ближе, поинтересовалась Хельга.

– Всё тело ломит, – признался юноша. – Внутри... боль везде... Пить хочется.

– Помоги ему сесть, – попросила Хельга Гретту, а сама отошла к столу, где стояла чашка с травяным отваром.

Гретта подложила подушки под голову и спину Берхарда и помогла ему приподняться. Берхард чувствовал себя неловко от своей слабости. Он никогда так сильно не болел, всегда был в состоянии сам за собой ухаживать. А теперь вдруг не может даже сесть без посторонней помощи. Подошла Хельга и подала питьё. Берхард с удовольствием выпил прохладный, чуть горьковатый напиток. И опять же не без чужой помощи. Юноша устало откинул голову на подушку и прикрыл глаза. Вот уж не думал он, что простые движения могут отнимать столько сил. Хельга приложила ладонь ко лбу больного, потом к его плечу, потрогала руку.

– Ты можешь идти, – обратилась женщина к Гретте.

Девушка вскинула на знахарку обеспокоенный взор.

– Нет, я останусь с Берхардом, – твёрдо заявила она.

– Мне нужно осмотреть его.

– Осматривайте при мне.

– А я прошу тебя уйти, – не отступала Хельга.

Гретта упрямо вздёрнула подбородок и осталась на месте.

– Всё будет хорошо, Гретта, иди, – тихо попросил Берхард. – Я после сам пошлю за тобой.

Девушка сдалась. Раз надо, значит, надо. Опустив глаза, она молча поднялась с места и направилась к выходу. Но перед уходом обернулась и проговорила:

– Я буду ждать твоего зова, Берхард.

Как только дверь за девушкой закрылась, Берхард повернулся к Хельге:

– А теперь скажи мне правду.

Знахарка присела на кровать и взглянула в тревожные глаза внука.

– Твоё тело разъедает яд, – прямо ответила она.

Берхард отвёл взор. Хотя он и ожидал услышать именно это, всё равно испытал страх. Сердце сжалось, и в горле комок горечи перекрыл поток воздуха.

– Кто об этом знает? – хрипло спросил Берхард.

– Лекарь, Кларк, твой отец... Возможно, граф Кроненберг...

– А Густав?

– Мне кажется, он знал об этом ещё вчера.

Берхард закрыл глаза и сжал веки. Слёзы обиды и безысходности упрямо рвались наружу. Почему? За что? Ведь всё досталось ему. Ведь он больше не имел претензий. Ведь он обещал прекратить вражду. За что же тогда?

– Это медленный яд?

– Да.

– Я умру?

– Мы сделали всё, чтобы прогнать от тебя смерть. И, кажется, у нас это получилось. Смерть не ушла, но отступила.

Берхарду удалось унять слёзы. Юноша открыл глаза и снова повернулся к Хельге, желая задать очередной вопрос. Однако не успел ничего спросить, так как в этот момент открылась дверь, и в покои вошёл Генрих Регентропф. Он был бледен, но глаза его возбуждённо горели, и в движениях ощущалась нервозность. Дабы скрыть от сына, что тоже болен и вынужден проводить время в постели, Генрих оделся, привёл в порядок свою внешность.

– Берхард, ты очнулся, сынок! – радостно воскликнул ландграф, спешно подойдя к кровати сына. – Наконец-то! Наши мольбы услышаны! Как же ты нас напугал, Берхард, своим обмороком...

– Мне Хельга сказала правду, – остановил Берхард потоки восклицаний. – И вы, отец, также ведаете причину моего недуга.

Генрих смутился, тема вражды его сыновей была для него тяжела.

– Я не прощу Густава, – тихо продолжал Берхард. – И если выживу, потребую у него ответа за совершённое им предательство.

– Ты обязательно выживешь, – заверил Генрих, заметно нервничая и избегая смотреть сыну в глаза. – Ты главное жи-

ви, а там... поступай, как хочешь.

Сердце беспрестанно покалывало, капли Гойербарга ему уже мало помогали. Генрих сохранял спокойствие, но бледность лица и нахмуренные брови выдавали его страдания.

– Мальчик скоро поправится? – спросил Генрих у Хельги.

– Нет, – честно ответила та. – Берхард почти что вернулся с того света. А дорога оттуда всегда тяжелее, нежели дорога туда.

Дверь открылась, и в комнату вошли лекарь Гойербарг и Кларк Кроненберг. Генрих отошёл в сторону, уступая место. Но Берхард окликнул его:

– Отец, как чувствуете себя вы?

Генрих слабо улыбнулся и махнул рукой.

– Обо мне можешь не беспокоиться, Берхард. Со мной всё хорошо.

Лекарь подошёл к больному, взял его руку, нащупал подушечками пальцев пульс. Затем он склонился и приложил ухо к обнажённой груди юноши, послушал ритм сердца. Выпрямившись, приложил ладонь ко лбу, убедился, что жара нет.

– Ваши травы, Хельга, сотворили чудо, – изумился Гойербарг.

– Больше меня за жизнь Берхарда боролась его мать, – спокойно отозвалась знахарка.

– Мама... – прошептал Берхард. – Она здесь?

– Она стоит у твоего изголовья, – сказала Хельга.

Опустив взор, Берхард взглянул на жемчужный кулон, по-

коившийся на его груди. Юноша попытался поднять руку, чтобы сжать жемчужину в ладони, как он обычно это делал, но подобное действие оказалось ему не под силу. Обессиленная рука упала на одеяло. Берхард откинул голову, разум опутывал туман, отдаляя смысл происходящего. Стало трудно слушать, трудно смотреть.

– Я устал, – проговорил юноша. – Я очень устал.

Берхард закрыл глаза и спустя всего несколько мгновений провалился в тяжёлый сон.

Генрих вернулся в свои покои, где его ожидала Патриция. Тяжело опустившись в кресло, мужчина сгорбился и склонил голову. Он чувствовал себя разбитым, мыслей в голове не было, чувства все притупились. И только сердце периодически продолжало вздрагивать от боли. Патриция приблизилась к супругу.

– Что сказал лекарь? – поинтересовалась она.

– Сказал, что Берхард выживет, – бесцветно ответил Генрих.

Патриция молча отошла к окну и задумчиво уставилась на морозящий дождь. Она не знала, радоваться ей или огорчаться. С одной стороны, с души её сына снимется грех братоубийства, с другой – между братьями снова начнутся распри, и ненависть друг к другу лишь укрепитя. И нет гарантии, что Густав не предпримет новую попытку убрать со своей дороги Берхарда.

– Ты, конечно, расстроена этим, – вдруг добавил Генрих. Патриция вздрогнула и обернулась.

– Ты ошибаешься, – ответила она. – Я не желаю смерти Берхарду.

– Ты всегда желала ему смерти. С самого его рождения. Даже раньше.

Патриция прошла и встала напротив мужа.

– Уж не обвиняешь ли ты меня в убийстве твоего сына? – с обидой спросила она.

Генрих откинулся на спинку кресла и посмотрел на Патрицию. В его взгляде не было ни любви, ни ненависти, ни жалости, ни злости, ни тревог, ни надежды – взгляд был абсолютно пуст.

– Когда мне сказали, что Эльзу убили по твоему приказу, я не поверил, – тихо и всё так же бесцветно заговорил Генрих. – Когда мне доказывали, что именно ты убила Карен Вольфгарт за то, что она раскрыла твоё первое преступление, я отвергал очевидное. Я не верил, что моя добрая чистая супруга даже в порыве гнева может быть способна на подобные хладнокровные преступления. Уж не знаю, почему ты терпишь Берхарда? Наверное, чтобы научить Густава так же подло убирать мешающих ему жить людей. Наверное, тебе приятно смотреть, как твой сын превращается в бездушного убийцу брата.

Патриция усмехнулась – долго же Генрих считал её безгрешной. Но теперь сохранять маску обиженной, но невин-

ной женщины уже не имело смысла. Да и надоело.

– А ты не взваливай всю вину на меня, – сказала Патриция, скрестив на груди руки. – Во всём, что ты перечислил, твоя вина не меньше моей. Ту юную Штаузенг ты убил греховной связью с ней. Если б не изменял мне, так и в душе моей не возникла бы к ней ненависть. А значит, и слишком любопытной фрау Вольфгарт нечего было бы раскрывать да разгадывать. Своего ненаглядного Берхарда ты начал убивать с того момента, как ввёл его под крыши этого замка. Неужели, ты и правда был уверен, что я смогу полюбить сына твоей любовницы? Если бы ты оставил Берхарда на воспитание его деду, то сидел бы сейчас твой сыночек в сапожной лавке и никому не мешал.

– Регентропф не может сидеть в какой-то лавке, – возразил Генрих, и в его взгляде пустота начала заполняться гневом, а усталое сердце участило ритм.

– Конечно, не может, даже если он незаконнорожденный, и не имеет никаких прав прямого наследника! – возмущённо воскликнула Патриция, всплеснув руками. Долго скрываемые эмоции вырвались наружу и выплёскивали всю правду. – Ты сам заставил Густава ненавидеть сводного брата, постоянно превознося Берхарда над ним, обижая несправедливостью. Да, признаю, я хотела убить Берхарда. И я сделала бы это уже давно. Но случилось нечто непредвиденное и страшное. Ведьма, что живёт в твоих лесах, связала закли-тием жизни Берхарда и Густава. Если Берхард умрёт, через

три дня Густав последует за ним. Вот почему сын твой жив до сих пор. Узнав о его тяжёлом состоянии, я испугалась за Густава. Смерть Берхарда я переживу, даже буду рада ей, но смерти Густава мне не вынести.

– Что за сказки ты мне тут рассказываешь? – поморщился Генрих не то от презрения, не то от нового укола боли.

– Если бы это были сказки! Но это правда. Жизни двух юношей крепко связаны. И потому я не меньше тебя желаю, чтобы Берхард жил.

– Зачем же тогда ты вложила в руки Густава яд?

– Я не давала ему яда, не приказывала убивать брата. Я вообще ничего не знала о планах Густава!

– Лжёшь.

– Можешь мне не верить. Я не стану ничего доказывать.

Гордо вздёрнув подбородок, Патриция отвернулась от супруга и, отойдя вглубь комнаты, села на стул. Оттуда она видела, как Генрих скорчился от очередного приступа сердечной боли, как он спешными и нервными движениями достал склянку и опрокинул в рот остатки снадобья. Она слышала стон больного родного человека, однако в этот раз в её душе не возникло даже самого маленького сочувствия.

– Сколько бы трагедий не случилось, если б ты двадцать лет назад не совершил грех прелюбодеяния, – с тихой горечью произнесла Патриция.

Генрих молчал. Может, обдумывал все высказанные признания супруги, может, заставлял себя успокоиться, чтобы

унять боль. А может, молчанием соглашался с обвинением. Генрих посмотрел на пустую склянку – лекарство закончилось. Принимал он его всё чаще, но помогало оно всё меньше и меньше. Генрих откинул прочь ненужную более вещь.

– Между прочим, та ведьма, служанка дьявола, призналась, что твоя возлюбленная Эльза была её родной дочерью, – вновь заговорила Патриция. – А значит, и кровь Берхарда не так уж чиста. Ты знал о грязном происхождении своей любовницы?

Но Генрих не хотел говорить об этом. Стоит ему продолжить заданную тему, и начнётся новый поток взаимных обвинений и упрёков. Не нужно. Он и так всё понял. Хельга знала, что Патриция постарается избавиться от Берхарда, и потому сотворила такое страшное заклятие. Она выстроила между Патрицией и Берхардом стену в виде угрозы для жизни Густава. Ахим Штаузенг знал, что его внука ждёт нелёгкая жизнь в замке, и надел на его шею защитный амулет, возможно, так же заговорённый колдуньей. Даже Клос Кроненберг, зная о коварстве Патриции, советовал держать подальше от неё Берхарда и присматриваться к поведению Густава. Все всё знали, один только он, глава семьи, оставался наивным доверчивым дураком, всем всё прощал, воспринимал большие проблемы за мелкие неурядицы.

– Ведая о таком заклятии тебе нужно было мальчиков сближать, а не ссорить, – сказал Генрих. – Густав знает о словах Хельги?

– Нет.

– Так скажи ему.

– Зачем? Чтобы он ненавидел не только Берхарда, но и нас с тобой?

– Чтобы он не повторил попытку убить брата.

Кряхтя, Генрих встал с кресла, прошёл к двери и выглянул за неё.

– Немедленно разыщите Густава, скажите, чтоб срочно пришёл ко мне, – приказал он солдату, а после тихим шёпотом добавил. – А также пригласи графа Кроненберга и приведи конвой.

Потянулись минуты ожидания. Генрих и Патриция молча сидели в разных углах комнаты, каждый уйдя в свои мысли. Генрих не знал, как поступать ему дальше. Он был зол на Густава, на Патрицию, на себя лично. События и эмоции выходили из-под контроля, и его, как хозяина замка, как хозяина жизни, это очень угнетало. Патриция тоже терялась в догадках – что же будет дальше? Как поступит её супруг, узнав всю правду? Как поступит Густав, узнав, что Берхард выжил? И что делать теперь ей самой?

Время тянулось, и мысли становились всё тревожнее. Наконец дверь отворилась, в покои отца уверенной походкой вошёл Густав. На губах его играла самодовольная улыбка, глаза блестели.

– Вы снова звали меня, отец? – звонко, даже весело спросил юноша.

Язык его слегка заплетался, и движения были немного развязны.

– Я смотрю, ты пьёшь и веселишься, когда твой брат лежит при смерти, – хмуро заметил Генрих.

– Думаю, отец, для вас не будет открытием, что к Берхарду я равнодушен, и его самочувствие меня совершенно не интересует, – с усмешкой ответил Густав.

– Тебе даже не интересно, жив ещё Берхард или уже нет?

– А что, он умер?

Цинизм сына раздражал Генриха и нервировал.

– Стража! – позвал он.

– Что ты хочешь сделать? – встрепенулась Патриция, почувствовав неладное.

В покои господина вошли четверо вооружённых солдат и остановились, ожидая приказаний.

– Густав, я обвиняю тебя в покушении на брата твоего, – встав, высказал Генрих.

Увидев солдат, Густав заволновался, весёлое похмелье в голове растаяло, уступив место тревоге.

– Ещё надо доказать, что это я посягал на его жизнь! – воскликнул он.

– Твоя мать мне всё рассказала.

– Матушка? – Густав в изумлении уставился на Патрицию, но после взгляд его наполнился презрением, и юноша процедил. – Ну что ж, спасибо.

– Посидишь в темнице, пока Берхард не поправится. Уве-

сти! – приказал Генрих.

Всё с тем же презрением Густав смерил взглядом отца.

– Вы зря так поступаете, – прошипел он.

– Может быть. Уведите!

Двое стражников взяли юношу под руки и вывели из комнаты.

– А вы двое проводите госпожу до её покоев, – распорядился Генрих, обратившись к оставшимся солдатам. – И проследите, чтобы она не выходила оттуда до тех пор, пока я ей этого не позволю.

– Ты с ума сошёл, Генрих! – запротестовала Патриция.

Но Генрих не желал ничего обсуждать. Его сердце вновь полосонула острая боль, и, подавив стон, мужчина лишь махнул рукой и отвернулся. Патрицию увели. Но спустя всего минуту дверь вновь открылась, и в комнату вошёл граф Кроненберг.

– Мне передали, что вы хотели меня видеть, ландграф, – закрыв за собой дверь, отвесил он короткий поклон.

– Да, у меня к тебе поручение, друг мой.

Генрих чувствовал себя всё хуже. Дыхание его отяжелело, и сердце щемило, будто зажали его в железные тиски с острыми шипами.

– Я сейчас видел госпожу ландграфиню с двумя стражниками, – заметил Клос Кроненберг. – Что произошло?

– Я потом тебе всё объясню. А сейчас послушай меня. Я напишу письмо королю, а ты его ему доставишь. Да как мож-

но скорее. Где все гости?

– Большинство ещё в зале, ужин продолжается. Но некоторые уже разбрелись по комнатам... Или ещё где-нибудь время проводят.

– Пока я буду составлять письмо, прошу тебя собрать всех в рыцарском зале. У меня к ним важное сообщение. И позови, пожалуйста, ко мне моего брата Норберта.

– Всё исполню, ландграф.

Клос вновь поклонился и отправился выполнять поручения. Однако перед уходом обернулся и озабоченно поинтересовался.

– Как вы себя чувствуете, ландграф. Может, пригласить лекаря?

– Не нужно, – отмахнулся Генрих. – Я в порядке.

Прежде всего, Клос отыскал Норберта Регентропфа.

– Просит к себе? – удивился Норберт. – Но я был у брата буквально перед ужином. Случилось что-то серьёзное за это короткое время?

– Я не знаю, граф, – честно признался Клос. – Мне не было дано никаких пояснений.

– Хорошо. Я конечно же, зайду к нему. В каком Генрих состоянии?

– Он уже встал с постели... Однако мне показалось, что самочувствие его с утра мало улучшилось. К тому же к сердечным болям добавились ещё какие-то заботы. Ландграф не пожелал приглашать лекаря, и всё же позовите его с собой.

Вы сможете найти Питера Гойербарга в покоях Берхарда.

Так Норберт Регентропф и поступил. Вместе с лекарем он вошёл в покои брата. Вошёл и замер, устремив испуганный взгляд в сторону окна. Генрих сидел за столом, положив голову на чистый лист пергамента лицом к окну; правая рука его безвольно свешена, а под ней на полу валялось белое гусиное перо.

– Кажется, ему плохо, – заволновался Норберт.

Лекарь поспешил к больному, приложил пальцы к сонной артерии на шее, заглянул в лицо. А после медленно выпрямился.

– Сегодняшний день оказался слишком тяжёл для ландграфа, – упавшим голосом проговорил Гойербарг. – Его сердце не выдержало.

– Мой брат... – трагично ахнул Норберт. – Генрих умер?

– К прискорбию, да.

Норберт Регентропф подошёл к своему старшему брату и, приподняв его голову, повернул лицом к себе. Глаза Генриха были закрыты, черты спокойны, лишь меж бровями так и осталась складка боли.

– Давайте положим его на кровать, – попросил Норберт лекаря.

Мужчины аккуратно перенесли тело ландграфа на кровать и накрыли простынёй.

– Бедный мой брат, – проговорил Норберт, остановившись у кровати и глядя на бледное лицо умершего. – Я его

очень любил. Знаете, гер Питер, он для меня всегда был схож с крепостной стеной. Такой же крепкий, надёжный... нерушимый. И вдруг эта стена пала. Нет. Я никак не могу принять его смерть. Столь неожиданный уход. Всего лишь пару часов назад я видел его живым, говорил с ним...

Норберт не смог больше сдерживать эмоции и закрыл лицо руками, едва умиряя слёзы горя. Лекарь Гойербарг стоял рядом молча со скорбно склонённой головой. Он почти тридцать лет являлся хранителем здоровья ландграфа и всей его семьи, следил за работой больного сердца Генриха. И вот не уследил. А ведь был совсем рядом, в соседних покоях. Питер даже почувствовал вину за смерть своего пациента.

Норберт убрал руки от лица, шумно выдохнул и заставил себя вернуться в реальность.

– Нужно оповестить всех о кончине ландграфа, – сказал он. – Свадьбы, естественно, будут отменены. Вместо них состоятся похороны. Как... Как это ужасно!

– И надо сказать госпоже ландграфине, – добавил Питер.

– Это в первую очередь, – согласился Норберт. – Я лично сообщу Патриции. А уж она после объявит всем гостям. Как Берхард?

– Сейчас он спит. Думаю, мальчик поправится, хотя и не скоро.

– Как считаете, ему пока не следует говорить о смерти отца?

– Нет, не нужно. Берхард ещё слишком слаб для такой но-

ВОСТИ.

Весть о кончине мужа Патриция приняла в строгом молчании. Она уже с утра была готова принять это известие. Не хотела, но была готова. Бедный Генрих, как он мучился в последний день жизни, сколько боли перенёс, сколько постигло его разочарований! За одно мгновение Патриция простила супругу всё. В её душе больше не осталось ни обид, ни злости, ни упреков, только маленький огонёк любви, приглушенный скорбью утраты. Горе и печаль сдавливали сердце, но слёз не было.

– Стражник сказал, что Генрих приказал не выпускать тебя из комнаты, – выдержав скорбную паузу, продолжил говорить Норберт. – А Густава вообще отправил в темницу. Что произошло, Патриция?

Женщина отвлеклась от горестных мыслей и вернулась в реальность. И вдруг подумала: смерть вовремя забрала Генриха, с Густава будут сняты все обвинения, о её преступлениях так же никто не узнает. Если, конечно, перед смертью Генрих не поведал о них ещё кому-нибудь. Но он вряд ли успел.

– Между отцом и сыном произошла крупная ссора, – тихо пояснила Патриция, – а я вступилась за Густава. Вот Генрих в порыве гнева нас и наказал. Однако, уверяю тебя, ничего серьёзного.

Норберт понимающе покивал головой.

– И кстати, – добавила Патриция, – пожалуйста, прикажи освободить нас из-под стражи. Теперь тот спор окончен навсегда.

– Да, ты права. Прикажу немедленно. Густаву ты сама?.. Его сама известишь?

– Какая разница? Можешь и ты сказать. А гости уже знают?

– Нет ещё. Но Генрих для чего-то велел всех собрать в рыцарской зале, хотел что-то важное сообщить всем... Так что сейчас все в сборе...

– Вот и отлично.

Патриция выпрямилась, скинув с плеч печаль. Наступают большие перемены в её жизни, предстоит много важных дел, нужно быть сильной, нужно быть твёрдой. Впрочем, она такой была всегда, жизнь не позволяла ей расслабляться.

– После Генриха правление Регенплатцем отойдёт к Густаву, – перешла Патриция на деловой тон. – Ты знаешь об этом, Норберт?

– Да. Генрих говорил мне, что поменял решение и назначил своим преемником сына младшего.

– Нужно, чтоб и об этом все знали. Я прошу тебя, Норберт, как старшего из рода Регентропф сообщить гостям нашим, а так же приказать возвестить по всему Регенплатцу о смерти ландграфа и о переходе с этого дня власти и титула к Густаву Регентропфу. Ну и о том, что свадьбы отменяются.

– Конечно, конечно, – согласился Норберт. – Всё так и

сделаю. Сейчас освобожу Густава от отцовского наказания и выйду с ним к собравшимся.

Норберт Регентропф ушёл. Оставшись одна, Патриция вновь окунулась в горестные мысли. Она устало прошлась по комнате и остановилась у окна, задумчиво вглядываясь в набирающий силы дождь. Как бы ни было это странным, при рождении нового члена семьи Регентропф обязательно шёл дождь. Говорили даже, что в былые времена по этому дождю предсказывали судьбу родившегося. Оказывается, дождь не только встречал, но и провожал Регентропфа.

Как плохо, что Генрих ушёл, ни с кем не простившись, не покаявшись. И наверняка испытывая сильную боль. Бедный Генрих. Печаль и скорбь вновь заполнили душу Патриции. Больше никогда не услышит она голос своего супруга, не заглянет в его голубые глаза, не почувствует его прикосновения. Жить с ним было трудно, порой невыносимо, но ей хотелось жить именно с ним, именно с этим мужчиной. С мужчиной, которого она любила, несмотря ни на что. И вот теперь этого мужчины не стало, и в душа опустела, осталась одна тоска. Какова станет жизнь её без Генриха? Патриция не сомневалась, что такой же пустой и тоскливой.

Останется одна радость – её сын Густав. Всё вышло так, как она мечтала. По закону, по справедливости. Густав, законный сын Генриха фон Регентропфа по праву примет титул ландграфа и займёт место на троне Регенплатца. И даже если Берхард выживет, он ничего не сможет изменить.

В это время Клос Кроненберг, выполнив данное ему поручение, вернулся в комнату ландграфа. Увидев лежащего на кровати Генриха и стоящего рядом лекаря Гойербарга, Клос испугался.

– Что случилось, гер Питер? – осторожно спросил он.

– Ландграф скончался, – просто ответил лекарь.

– Не может быть, – ахнул Клос. – Я же... вот только говорил с ним...

– Однако это правда, – вздохнул Питер. – Граф Регентропф отправился оповестить ландграфиню, а я вот остался, дабы не оставлять ландграфа одного...

Клос Кроненберг приблизился к кровати и взглянул в окаменевшее бледное лицо покойного. Несмотря на различие в социальном статусе, они с Генрихом были друзьями, большими друзьями. Верными, открытыми, помощниками, защитниками. Утратить такого друга нелегко. Это всё равно, что утратить свою правую руку.

На сердце у Клоса стало столь тяжело, будто он потерял родного брата. Мужчина прогнал навернувшуюся слезу и отвернулся. Его взгляд упал на стоявший у окна стол, на лежащий на нём свиток пергамента, на открытую чернильницу, на перо с испачканным заточенным стержнем. Генрих хотел составить письмо для короля, сказать о чём-то важном. Но успел ли? Клос подошёл к столу и развернул пергамент. В нём было всего несколько неровных строк с точками мел-

ких клякс. Будто у пишущего человека рука не просто дрожала, а вздрагивала. Клос тихо прочёл: «Ваше величество, взываю к вашему правосудию! В моей семье произошла трагедия, отравлен мой старший сын Берхард. Он ещё жив, но жизнь его висит на волоске. Я знаю убийцу. Как ни тяжело признав...»

Письмо обрывалось, едва начавшись. Однако Клос всё понял. Он вспомнил Патрицию, ушедшую в сопровождении стражи – значит, вина за отравление Берхарда лежала на ней. На ней и на Густаве. Генрих догадался об этом, возможно, даже имел доказательства, и решил, несмотря ни на что, свершить суд над супругой. Именно для этого он и писал королю Фридриху, дабы просить его быть судьёй в столь тяжком преступлении. Для того он и собрал всех гостей в рыцарской зале, дабы предупредить, что праздники окончены, и свадеб не будет. Какие уж тут свадьбы, если Берхард при смерти, а Густав...

А где же Густав? Обвинён ли он в покушении на брата? Взят ли так же под стражу? Даже если и взят, суд над ним уже не состоится. Ни над ним, ни над Патрицией. Обвинитель умер, унеся с собой и доказательства, свидетелей нет. А на одних домыслах и подозрениях суда не сотворишь.

Тяжело вздохнув, Клос скомкал пергамент и сунул за пояс. В этом доме уже столько трагедий и ненависти, что не стоило их ещё увеличивать.

Берхард вздрогнул и проснулся. Ему приснилось что-то ужасное, но что именно, он уже не помнил. Вернувшись в тишину реальности, разум немедленно выкинул из памяти страшное сновидение. Юноша открыл глаза. В его покоях стоял полумрак позднего вечера, разбавленный тусклым светом четырёх свечей. За окном раздавался шум дождя.

У кровати в кресле с опущенной головой сидел Кларк Кроненберг и, казалось, тоже дремал.

– Кларк. Кларк... – негромко позвал друга Берхард.

Кларк поднял голову:

– Ты проснулся, Берхард? Не замёрз?

– Нет. Мне скорее жарко, чем холодно.

– На улице ещё больше похолодало. Уж даже не верится, что вчера стояла жара. – Кларк покинул кресло и приблизился к другу. – Как ты себя чувствуешь?

– Всё тело ноет. Будто меня избили, – всё так же тихо пожаловался Берхард. – Я долго спал?

– Нет. Да и сон твой был беспокоен. Больше походил на бредовое состояние.

– Прошу, подай мне немного воды.

– Да, конечно.

Кларк прошёл к столу и наполнил кубок водой из кувшина.

– А где Хельга? – спросил Берхард.

– В кухне. Готовит тебе бульон и отвар. – Кларк вернулся к другу и, придерживая ему голову, помог утолить жажду. –

Ты сегодня почти ничего не ел. Голоден, наверное?

Напившись, Берхард устало уронил голову обратно на подушку.

– Я не чувствую голода, – ответил юноша. – Только слабость. Мне кажется, я умру...

– Не говори так, – немедленно запретил Кларк. – Хельга уверена, что смерть отступила. И лекарь Гойербарг доволен твоим состоянием. Они не скрывают, что выздоровление будет долгим. Но оно будет...

– Где лекарь?

– У твоего отца.

– Как его здоровье?

Кларк уже знал от отца о кончине ландграфа, но также вместе с этим известием он получил приказание не сообщать о трагедии Берхарду. Впрочем, и без приказа Кларк ничего не сказал бы, прекрасно понимая, что эмоции горя лишь ухудшат и ещё больше ослабят состояние больного.

– Пока всё так же, – неопределённо ответил Кларк. – Не лучше, не хуже. За тебя переживает.

Берхард замолчал. Закрыв глаза и немного передохнул.

– Матушка не заходила? – после вновь спросил он.

– Нет. Ни она, ни Густав.

– Они, верно, ждут вести о моей кончине.

– Уверен, ты не доставишь им такого удовольствия.

– Не знаю, – с сомнением выдохнул Берхард.

– Ты должен верить в лучшее... – настаивал Кларк.

– Мне плохо, Кларк. Тело будто тлеющими углями наполнено... а голова иглами... Мысли путаются... Дышать трудно...

– Это временно... Это всё пройдёт...

– Я устаю... устаю жить... Тяжело мне.

– Потерпи. Потерпи, мой друг, – уговаривал Кларк. – Болезнь отступит обязательно. Так же, как и смерть отступила.

Берхард снова закрыл глаза. Он действительно чувствовал сильную усталость.

– А Гретта где? – спросил Берхард.

– В своей комнате.

– Позови её... пожалуйста.

– Хорошо, – согласился Кларк. – Я не могу оставить тебя одного, но я пошлю за ней слугу.

До прихода девушки Берхард тихо лежал с закрытыми глазами, ни о чём больше не спрашивал, не шевелился и даже ни о чём не думал. Он отдыхал, набирался сил для встречи с возлюбленной. Кларк не мешал ему и тишины не нарушал.

На зов любимого Гретта не пришла, а прибежала. Зайдя в покои, спешно прошла к кровати.

– Берхард... – осторожно произнесла она, решив, что юноша спит.

Но услышав девичий голос, Берхард открыл глаза и повернул голову.

– Гретта, – выдохнул юноша и даже сделал попытку улыбнуться. – Сядь возле меня.

Девушка присела на край кровати. Она тепло улыбалась, смотрела ласково, нежно провела пальцами по бледной щеке юноши, поправила прилипший к его влажному лбу чёрный локон. Сердце щемило от жалости, однако Гретта старалась выглядеть веселее.

– Я заходила к тебе, но ты ещё спал, – сказала она. – Хотела остаться здесь, но эта женщина... Хельга запретила. Кстати, где она?

– Готовит мне ужин.

– Лично? Боится, что тебя отравят?

Своей шуткой Гретта, не осознавая того, полосонула по открытой душевной ране юноши. Берхард опустил взор. Он хотел не так уж много, всего лишь быть счастливым, жить рядом с любимой женщиной, растить детей. Да только чужие злые капризы уничтожили мечты, уничтожили саму жизнь. Не будет прощения Густаву никогда.

– Кларк, – обратился Берхард к другу.

– Я слушаю тебя, – отозвался Кларк.

– Будь добр, оставь нас с Греттой наедине.

Кларк слегка опешил. У Берхарда никогда не было тайн от него. Юноша перевёл взгляд на Гретту, но та скромно прикрыла глаза ресницами. Впрочем... Эти странные влюблённые, им всегда хочется уединиться.

– Хорошо, – ответил Кларк. – Но я буду рядом, за дверью. И если что...

– Я обязательно тебя позову, – пообещал Берхард. – Спа-

сибо.

Кларк вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Гретта была рада остаться вдвоём с любимым человеком. Она склонилась и поцеловала юношу в его горячие губы. Берхард слабо ответил. Он с удовольствием ответил бы более страстно, да не мог, сил не хватало. С трудом он приподнял руку и положил её на талию девушки.

– Я люблю тебя, Гретта. Очень люблю, – шептал Берхард, с наслаждением впитывая нежные девичьи поцелуи. – Ты прости меня, дорогая. Прости. Прости...

Гретта прервалась от приятного занятия и заглянула в чёрные слегка затуманенные глаза юноши.

– За что же, Берхард? Тебе не за что просить прощения.

– За то, что не смогу выполнить данные тебе обещания...

Не смогу подарить тебе счастья.

– У нас ещё столько лет впереди! Берхард, мы ещё будем счастливы. Я верю в это.

Но Берхард не был уверен в светлом будущем, он чувствовал, что умирает. У него болело всё: и тело, и душа, и разум. Вернее, не болело, а страдало. Умирало.

Берхард тяжело и шумно перевёл дыхание. Воздуха будто не хватало. Гретта приподнялась, решив, что своим телом слишком сильно надавила на грудь больного и помешала ему свободно дышать. Рука юноши, соскользнув с девичьей талии, безвольно упала на кровать. Берхард поднял глаза на лицо любимой девушки. Какая она красивая, такая желан-

ная, такая близкая и... для него уже навсегда потерянная. Сделав усилие, Берхард взял Гретту за руку и слегка сжал.

– Гретта, уезжай отсюда, – тихо, но вполне серьёзно произнёс он.

Девушка удивилась:

– Ты только что признавался в любви ко мне, а теперь гонишь?

– Я не гоню. Я боюсь за тебя. Здесь оставаться опасно.

– Почему? – непонимающе пожала плечами Гретта. – Чего мне здесь бояться? Кто причинит мне зло? Гостям я безразлична, а твои родные меня полюбили. Ландграфиня ко мне добра и ласкова. Ландграф меня принял словно дочь...

– А Густав?

Гретта опустила глаза и сжала губы:

– Я знаю, что нравлюсь ему, и он ревнует меня к тебе. Но ведь я теперь твоя законная жена, перед Богом и людьми. Густав ничего не изменит, как бы ни злился, как бы ни грозил...

– Он угрожал тебе? – Берхард заметно заволновался. – Он к тебе приходил?

– Да, сегодня днём, – призналась Гретта. – Стучал в мою дверь. Но я заперлась, не впустила его.

– И что он говорил?

Гретта взглянула на Берхарда – он был хмур, в его глазах сквозь туман горел огонёк тревоги. И Гретта встрепенулась. Зачем? Разве можно волновать его? Заставлять страдать ещё

больше? Ну, подходил к её двери Густав, бил кулаками. Ну, грозил, что скоро сделает её своей рабыней, что жизнь её скоро превратится в ад. Однако это лишь злые слова. И Берхарда беспокоить подобными пустяками не стоило. Ему сейчас и так тяжело.

– Что он говорил? – вновь потребовал ответа Берхард.

– Ну что ты, Берхард? – улыбнулась Гретта. – К чему такое волнение? Густав был пьян. Прорычал что-то бессвязное и ушёл. Да я и не слушала его...

– Уезжай, Гретта. Сегодня же уезжай. – Берхард был предельно серьёзен. – Густав опасен. А я не смогу тебя защитить.

– Я не боюсь его, Берхард, – возразила Гретта. – Со мной отец, слуги, воины...

– Они не рядом. А Густав, как змея – подкрадывается тихо и жалит внезапно. У меня не лихорадка, Гретта. Мой организм пропитан ядом, которым угостил меня мой брат.

Девушка испуганно ахнула, всплеснув руками, и закачала головой, не желая верить в услышанное признание.

– Он злопамятен, – продолжал Берхард слабеющим голосом. – Он не простит, что ты его отвергла. Он будет мстить. Уезжай. Куда-нибудь. Как можно дальше.

– Я не оставлю тебя. – Гретта схватила руку юноши и прижала к своему сердцу.

– Я уже мёртв.

– Нет! Не говори так. Ты выживешь! – Глаза девушки на-

полнились слезами, и вспышка горя обожгла дыхание. – Берхард, ты должен выжить!

– У меня нет сил.

– Они появятся, очень скоро появятся. Хельга сказала, что смерть отступила, и я ей верю. Мы все верим! Ты только не сдавайся, живи!

Но Берхард устало закрыл глаза.

– Ты не можешь оставить меня, Берхард, – продолжала Гретта, едва сдерживая рыдания. – Если не хочешь бороться за жизнь ради себя, ради меня, так делай это хотя бы ради нашего ребёнка, который зародился под сердцем моим! Как ты оставишь его без защиты твоей, без любви, без покровительства?

Берхард резко распахнул глаза.

– Ребёнок?

– Да, Берхард. Наш с тобой ребёнок.

Юноша замер, медленно осознавая тлеющим разумом смысл услышанной новости.

– Ребёнок, – дрогнули его губы. – Ты уверена?

– Мне сказала об этом Хельга... А Кларк говорит, она известная знахарка.

– Да... Ей можно верить.

Волнение охватило душу. Дыхание то учащалось, то замедлялось. В тревогу влилась радость, и смесь столь разных чувств сбивало с ритма и сердце, и мысли.

– Бог благословил наш союз, Гретта, – проговорил Бер-

хард. – Он подарил нам ребёнка, и теперь мы обязаны сохранить и сберечь этот дар. Тебе тем более нужно уехать...

– Я не оставлю тебя...

Однако Берхард не слушал.

– Сегодня же... Как можно дальше... И ещё.

Напрягшись, Берхард потянулся свободной рукой к своей шее и поддел пальцами золотую цепочку. Юноша попробовал приподнять голову, но у него не получилось. На это движение требовалось слишком много сил.

– Помоги мне, – попросил он. – Сними кулон.

Отпустив руку Берхарда, Гретта выполнила просьбу, аккуратно сняла с шеи юноши цепочку с кулоном и, положив себе на ладонь, протянула её.

– Вот жемчужина, – сказала она. – Что делать с ней дальше?

– Возьми её себе.

– Себе? – удивилась Гретта. – Но это же твой амулет.

– Теперь он будет твой. Это единственная защита, которую я могу дать тебе.

В боку вспыхнула резкая боль. Столь сильная, что Берхард не сдержался и, вздрогнув, издал стон. В глазах темнело, и дышать становилось всё сложнее.

– В жемчужине... душа моей... моей матушки.

Едва отступив, боль снова обожгла в районе груди, и вместо стоны вырвался хрип. Гретта уже не сдерживала слёз. Наблюдая за страданиями любимого человека, она, казалось, и

сама испытывала не меньшую боль. Она уже понимала, что конец близок, что скоро Берхард покинет её навсегда. Она не хотела в это верить, не хотела осознавать, да только не знала, как повернуть происходящее вспять.

Берхард закрыл глаза, затаив дыхание наблюдая, как отступает боль. Как он устал. Смертельно устал. Боль вроде стихла, и появилась возможность дышать. Берхард хрипло и жадно вдохнул. Но мало, очень мало воздуха. Юноша дышал часто и прерывисто и внутренне готовился принять новый приступ боли. Вдруг Берхард почувствовал на своей щеке мягкое и нежное прикосновение, и будто издалека до его угасающего слуха донёся ласковый голос, кто-то звал его по имени.

– Матушка... – едва слышным шёпотом отозвался Берхард. – Родная... Я знаю, что ты здесь. Я никогда не видел тебя, но... знаю, ты всегда была рядом... Хранила меня... утешала... оберегала... Прошу... прими под крылья свои супругу мою... ребёнка моего... Оберегай их от бед, от несчастий... уводи смерть от них. Матушка... не оставь их... без защиты твоей... А я... скоро приду... к тебе...

– Берхард... Берхард!.. – рыдая, звала Гретта.

Немного успокоившись и восстановив дыхание, Берхард вернулся в реальность и открыл глаза. Было темно, совсем темно. И среди тьмы едва угадывался силуэт сидящей рядом девушки.

– Берхард, не уходи от меня, – молила она, и далёкий голос

её походил на шум ветра.

– Душно, – выдохнул Берхард, ощущая крепкие объятия нарастающего жара.

Гретта встрепенулась. Ей показалось, что Берхарду стало чуть лучше: бредовое шептание закончилось, дыхание выровнялось, и приступы отступили. В душе вновь затеплилась надежда.

– Я сейчас, – вскочила Гретта и побежала к окну. – Сейчас будет свежий воздух.

Она распахнула окно, и в комнату вместе с влагой дождя ворвался холодный ветер. Берхард принял поток ветра с наслаждением и благодарностью. Даже дышать стало легче. Однако боль была наготове и вновь резко полосонула по сердцу.

– Гретта... Гретта... – хрипло позвал Берхард, отдышавшись от приступа.

Девушка поспешила занять своё место рядом с возлюбленным. Берхард её уже почти не видел и не слышал, жизнь покидала его стремительно. Но он ещё мог чувствовать прикосновения возлюбленной.

– Я здесь, Берхард. – Гретта взяла юношу за руку.

– Спасибо тебе... за любовь... за счастье... – медленно и с трудом шептал Берхард. – Ты прости... не смог я... не успел... дать того же... Ребёнка береги... себя береги... Кулон... не снимай... передашь потом... сыну... дочери... Расскажи... обо мне...

– Гретта! – Боль судорогой свела всё тело, и взорвалась где-то в голове.

– Берхард, я с тобой, я рядом. – Бедная девушка ничего не могла сделать, ничем помочь, могла лишь утешать и сочувствовать.

– Не плачь... Прости... Поцелуй... меня...

Гретта едва расслышала последние слова, столь тихими они были. Она нагнулась и коснулась губами неестественно горячих губ возлюбленного. Берхард не ответил, у него не осталось сил даже на это. Гретта целовала лицо любимого человека, умывая его своими слезами, не менее горячими, чем его кожа.

– Я люблю тебя, – говорила она, сквозь поцелуи. – Только тебя. И мне никто другой не нужен. Клянусь, я останусь верна тебе до последнего дня моего.

Гретта оставляла нежные поцелуи на закрытых глазах, на пылающих щеках, на влажном лбу, на сухих губах, перебирала пальцами пряди смоляных волос и с горечью понимала, что это в последний раз, что это последние прикосновения к любимому мужчине, к её супругу. Последние мгновения их нежности.

Внезапно за окном раздался гром. От неожиданности Гретта вздрогнула и, подняв голову, повернулась к окну. Дождь пошёл сильнее, ветер усилился – приближалась гроза. Гретта поёжилась от нахлынувшего холода. Нужно закрыть окно, иначе Берхард замёрзнет. Гретта взглянула на юношу

– черты лица его были безмятежны, расслабленны, дыхание тихим, даже слишком тихим. Подозрительно тихим. Гретта провела ладонью по щеке Берхарда – она была тёплой. Может, он уснул? Девушка взгляделась в родное лицо, и неприятное чувство страха сдавило её грудь. Неужели умер? Гретта слегка потрясла Берхарда за плечо и негромко позвала по имени. Но ни один мускул, ни одна клеточка его тела не отреагировала. И всё же, возможно, он не умер, а лишь потерял сознание? Гретта позвала громче и охватила ладонями лицо Берхарда. Ни вдоха, ни хрипа в ответ, ни единого шевеления. Умер. Умер!

Осознав наконец этот ужасный факт, Гретта прижала руки к обожжённому горем сердцу и коротко вскрикнула. Крик был услышан за дверью, и Кларк Кроненберг немедленно вбежал в комнату.

– Что случилось? – тревожно воскликнул он, едва переступив порог.

Гретта ничего не отвечала, лишь тихо рыдала, беспрестанно повторяя имя возлюбленного. По её состоянию Кларк догадался, что произошло. Он приблизился к кровати друга и взглянул на него – Берхард был бледен, тих и недвижим. За окном снова грянул гром, и сверкнула молния, но на них уже никто не обратил внимания.

– Нужно позвать лекаря, – произнёс Кларк.

Гретта, перестав причитать, подняла на Кларка влажные глаза, полные боли и надежды.

– Скажи, что он жив, – тихо проскулила она. – Скажи, что он просто спит...

Кларк отвёл взор от страданий девушки. Он прекрасно понимал её чувства, ему и самому хотелось плакать. Но успокоить он ничем не мог. Кларк повернулся и положил руку Гретте на плечо.

– Наберись мужества, – так же тихо произнёс юноша. – Ты должна быть сильной. Для тебя сейчас наступят трудные дни. Очень трудные.

Гретта нервно всхлипнула.

– Ландграф поможет мне, защитит. Я же его невестка...

– Ландграф не поможет. Он так же покинул этот мир, опередив сына совсем немного.

Гретта замерла. Даже дыхание перехватило. Рыдания застухли, и остались лишь потоки слёз из распахнутых от ужаса глаз.

– Как? Его тоже... отравили?

– Видно, Берхард тебе рассказал о причине своей болезни, – трагично покачал головой Кларк. – Ну что ж, наверное, это правильно. Ландграфа не отравили, у него сердце не выдержало, перестало биться.

– И что же теперь будет?

Кларк передёрнул плечами:

– Хозяином Регенплатца станет Густав. Грядут большие перемены.

Гретта повернула к Берхарду заплаканное лицо, робко

прикоснулась пальцами к его руке, которая была ещё тёплой. Душа девушки ещё на что-то надеялась, хотя разум и твердил, что всё кончено, и ждать чуда не имело смысла. Как это ужасно.

– Берхард приказал мне уехать из замка, – проговорила Гретта, утирая слёзы. – Вообще покинуть Регенплатц.

– Он прав, – отозвался Кларк. – Тебе нужно уехать, и как можно скорее.

– Но я не могу оставить Берхарда. Он мой муж.

– Ему ты уже ничем не поможешь. Сейчас думай о себе и о вашем ребёнке.

Вновь раздался гром, и шум ливня стал громче. Гретта поёжилась от холода и обхватила руками свои плечи.

– В такую погоду, да ещё и в ночь преследовать никто не будет, – продолжал Кларк.

– Куда же я поеду?

– У моего отца есть хороший верный друг в Испании. Меня он тоже знает. Я провожу тебя к нему.

– А мой отец?

– Он поедет с нами. Надо поговорить с ним. Ты иди, собери вещи, только самое необходимое, а я зайду к моему отцу и к барону Хафф.

Кларк подал девушке руку, и, опершись на неё, Гретта встала, неохотно покидая место рядом с супругом. Однако пройдя несколько шагов, она остановилась и повернулась к стоящему у окна столу. На нём лежало несколько свитков,

слегка подрагивающих от порывов ветра и постепенно намокающих под брызгами отскакивающих от узкого подоконника капель. Девушка подошла к столу и, взяв самый дальний свиток, развернула его. Да, это был её портрет, Берхард всегда держал его на столе, чтобы чаще смотреть на любимый образ. Свернув рисунок, Гретта прижала его к груди и обернулась, вновь посылая возлюбленному взор полный надежды на чуда.

– А может, не нужно уезжать? – сказала она, приближаясь к ожидавшему её Кларку Кроненбергу. – Чем навредит мне Густав? Это я обвиню его в братоубийстве. В конце концов, отец защитит меня, ты встанешь на мою сторону. Да и ландграфиня Патриция...

– Она станет делать то, чего желает её сын, лишь бы тот был доволен, – прервал Кларк. – А сын пожелает иметь тебя. И добр он к тебе не будет. А доказать вину его нам вряд ли удастся.

– Как это не удастся? Лекарь Гойербарг подтвердит, что Берхарда отравили. А кому ещё, кроме Густава была выгодна его смерть?

Кларк глядел на Гретту серьёзно и хмуро.

– Тогда тебе нужно ехать к королю, искать защиты и справедливости у него. А здесь ты ничего не добьёшься. Здесь у тебя два пути: либо смерть, либо стать рабыней Густава. Сейчас власть перешла в его руки, большая власть, почти королевская, и он будет не только награждать, но и карать. Ты

отвергла Густава, променяла на Берхарда, которого он ненавидит, который был вечным его соперником во всём. Густав не простит тебе этого предательства никогда.

– Значит, едем к королю, – решила Гретта. – Я тоже не собираюсь прощать Густава. Я тоже буду мстить. И если мне не поможет король, я вернусь в Регентропф и лично уничтожу убийцу моего мужа.

Гретта утёрла ладонью свои мокрые щёки и, вздёрнув подбородок, уверенно добавила:

– Впрочем, никуда я не поеду. Моя месть достигнет Густава уже сегодня, сейчас же!

– Нет, Гретта, – испугался Кларк. – Не бери такой грех на душу... Ведь тогда тебе придётся убить и Патрицию, ибо она...

Но Кларк не договорил. Дверь открылась, и в комнату вошла Хельга с небольшим подносом в руках. Собеседники резко замолчали, повернув головы к вошедшей женщине. Закрыв за собой дверь, Хельга хмуро оглядела Кларка и Гретту, прошла к столу и аккуратно поставила на него поднос с кувшином и чашкой, из которой поднимался пар от горячего бульона.

– Берхард ещё спит? – спросила Хельга.

Ответом ей было молчание.

– Ты зря пришла, Гретта, – проворчала Хельга, не обратив внимания на отсутствие ответа. – Берхарду сейчас нужен только отдых, покой. И зачем открыли окно?

И снова тишина. Гретта и Кларк в напряжённом молчании наблюдали за знахаркой. Хельга направилась было к кровати, однако взглянув в ту сторону, вдруг остановилась. Глаза её смотрели вверх кровати и постепенно наполнялись ужасом; губ коснулось беззвучное «Нет». Почти подбежав к ложу, Хельга склонилась над Берхардом.

– Нет! Этого не может быть! – воскликнула женщина, трагично заломив руки. – Как? Почему?! Берхард! Ведь смерть отступила. Почему же она теперь здесь, рядом с тобой? Почему руки её на челе твоём?! Берхард! Мальчик мой!

Раскат грома эхом отозвался на протяжные рыдания. Хельга встала на колени у изголовья кровати и, вглядываясь в мёртвое лицо юноши, дрожащими руками нежно, по-матерински гладила его по волосам, по щеке, по закрытым векам.

– Берхард, мальчик мой... Берхард... – стонала она. – Как же упустила я?... Как же не уследила?... Обещала матери твоей беречь тебя, а сама ушла, оставила... Берхард... Нет мне прощенья!

Хельга провела рукой по шее юноши, по плечу. И вдруг застыла, напряглась. Потом огляделась по сторонам, будто ища кого-то.

– Эльза? – осторожно позвала она. – Эльза. Почему я не вижу тебя?

Взор Хельги ещё немного поблуждал по комнате и остановился на Кларке и Гретте, стоявшим тихо, почти не шевелясь.

– Где амулет? – строго спросила Хельга. – Где жемчужина?!

Перепугавшись гневного взгляда чёрной женщины, Гретта вздрогнула и спряталась за спину Кларка.

– Она у меня, – едва слышно проговорила девушка.

– Почему она у тебя?! – вскочив, рявкнула Хельга.

– Берхард отдал мне её. Сам отдал.

– Лжёшь!

Оскорблённая несправедливым обвинением, Гретта, отстранив страх, вышла к женщине и твёрдо с достоинством сказала:

– Берхард мой муж, а я жена его. Мы обвенчаны. Берхард за меня тревожился и отдал мне свой амулет, сказав, что это единственная защита, которую он мне может дать сейчас.

– Ты не должна была брать его! В жемчужине заключена душа родной матери Берхарда, которая, словно крепкая стена, стояла между ним и смертью. А ты убрала эту стену.

Гретта опустила глаза. Она и не подозревала, насколько сильно было магическое значение амулета. И теперь в душе девушки возникло чувство вины.

– А ты куда смотрел? – гневно обратилась Хельга к Кларку. – Как допустил? Ты же знал, что амулет снимать нельзя!

Кларк не стал ни объяснять что-либо, ни оправдываться. Он не слишком верил в силу амулетов. Берхард умер от яда, а не от потери кулона.

Хельга отвернулась от нерадивых помощников и вновь

скорбно склонилась над внуком.

– Зачем ты так поступил, Берхард? – простионала она. – Ты бы выжил, поправился и сам бы защитил жену свою. А теперь кто ей поможет? Кто остановит зло? Кто отомстит за твоих родителей?

Гроза грянула так громко, что казалось, она раздалась прямо в комнате, и молния яркой стрелой пролетела сквозь сумрак помещения. Хельга повернулась к окну, её чёрные глаза замерли, пристально вглядываясь в ливень, будто что-то увидели там. Постояв так немного, женщина выпрямилась и с широко открытыми глазами стала оглядываться вокруг себя. Шагнула в сторону, в другую, вытянула вперёд руки, снова шагнула – Хельга словно искала что-то.

– Она сошла с ума, Кларк, – прижавшись к юноше, тихо прошептала Гретта.

– Похоже на то, – так же шёпотом согласился Кларк Кроненберг.

– Мне страшно. Пойдём отсюда.

Кларк и Гретта медленно попятились назад, поближе к двери. Но не ушли, остановились, и, как заворожённые, продолжали напряжённо наблюдать за странными действиями шагающей по комнате женщины. Тем временем Хельга бродила и бродила, монотонно бормоча:

– Ты не должен уходить. Ты ещё нужен здесь. Ты должен остаться. Ты не должен уходить. Остайся. Заклинаю тебя, остайся! Кто, если не ты? Кто покарает убийцу матери тво-

ей? Кто покарает убийцу отца твоего, убийцу тебя самого?! Ты, ты должен это сделать! Ты должен остаться, дабы свершить возмездие! Заклинаю тебя!

Хельга остановилась посредине комнаты и повернулась к окну. Холодный ветер дул ей в лицо, шевелил неопрятные пряди её седых волос, трепал её чёрную одежду, и, страдальчески завывая, пытался заглушить шум проливного ливня. Вытянув вперёд руки, Хельга пронзила огненным взглядом чёрных глаз тёмно-серую пелену дождя и хриплым низким голосом заговорила:

– Заклинаю светом небесным! Заклинаю дыханием неба! Заклинаю влагой небесной, жизнь питающей! Наполнись влагой сей, прими её за тело своё. Наполнись тем светом, прими его за помыслы твои. Вдохни в себя ветер, пусть станет он силой твоей. Стань частью стихии! Великой небесной стихии, порождающей жизнь, но и жизнь отнимающей! Защити тех, кто страдает от врагов твоих, и покарай убийц и предателей, отведи зло от этого дома, от земель этих! Заклинаю тебя!!

И словно отвечая на заклинания, в этот момент грянул гром, раскатисто, с вызовом. Ветер взвыл, нервно сорвав со свечей жалкие огоньки, а комнату ярко осветила вспышка молнии. И в этой вспышке, в этом луче света вдруг появился чёткий мужской силуэт. Появился и растаял в темноте вместе со светом. Но едва погаснув, молния сверкнула вновь, и теперь в силуэте можно было ясно распознать образ Берхар-

да Регентропфа.

Дрожа от страха и едва переводя дыхание, Гретта не выдержала этой сцены. Её разум помутился, и она потеряла сознание. Кларк и сам находился в оцепенении от увиденного, однако почувствовав, что Гретта начала оседать, встрепенулся и подхватил девушку крепкой рукой.

В комнате было темно и холодно, но стало тише. Ветер, забрав тепло, успокоился, даже ливень, казалось, умерил голос. Хельга опустила руки, склонила голову. Она чувствовала себя разбитой и обессиленной. Сгорбившись, Хельга добрела до стула, устало опустилась в него.

Кларк Кроненберг отнёс и посадил Гретту в кресло. Пытаясь привести девушку в чувство, он слегка похлопал её по щеке, позвал по имени, однако сознание к ней не возвращалось. Кларк нервничал. И сам не понимал, почему. То ли свершившееся на его глазах колдовство взволновало, то ли душу наполнил страх, то ли за Гретту тревога росла.

– Что натворила ты, ведьма? – нервно рявкнул Кларк на знахарку.

Но Хельга была спокойна. Она подняла на юношу тоскливый взгляд и тихо проговорила:

– Я просто не дала Берхарду уйти.

– Зачем?

– Чтоб он смог ответить обидчикам своим.

Кларк взглянул на кровать. Там по-прежнему лежал Берхард, в том же положении, в том же виде. Вернее, лежало его

тело, бездыханное, неподвижное. Но где же теперь его душа? Душа, которая должна была, покинув тело, улететь в царство Божие? Кларк настороженно огляделся вокруг. Неужели душа Берхарда осталась здесь и теперь невидимая наблюдает за жизнью со стороны?

– Где он? – спросил Кларк.

– Не знаю.

– И как же он станет отвечать обидчикам?

– Не знаю.

– Его неуспокоенная душа отныне обречена вечно бродить по замку?

– Не знаю.

Тяжело вздохнув, Хельга поднялась со стула и направилась к выходу.

– Ты куда? – остановил её Кларк. – Сотворила чёрное дело, а теперь уходишь?

– А ты хочешь позвать стражу? Чёрные дела творю не я, Кларк. Так что обрати гнев свой на иных людей.

Произнеся это, Хельга подошла к Гретте и погладила её по голове. Девушка глубоко вдохнула, веки её дрогнули, и она стала приходить в сознание.

– Прощай, Кларк, – сказала Хельга, – и будьте с Греттой осторожнее. Смерть уже взглянула в вашу сторону.

Хельга ушла, плотно закрыв за собой дверь. Кларк не остановил её и ничего не ответил, лишь задумчиво смотрел куда-то сквозь чёрный четырёхугольник двери.

– Что это было, Кларк? – тихо простонала Гретта.

Юноша вздрогнул, резко вернувшись в реальность, и перевёл взгляд на сидящую в кресле девушку. Она была бледна и напугана. Впрочем, он, наверное, выглядел так же.

– Нам необходимо скорее уехать, – сказал Кларк, решив отложить объяснения на потом. – Пошли. Давай поторопимся.

ГЛАВА 4

В рыцарской зале было тесно. Все гости и даже слуги собрались здесь по просьбе ландграфа, не понимая, зачем и по какой причине. Но вместо хозяина замка к ним вышел граф Норберт фон Регентропф в сопровождении ландграфини Патриции и её сына Густава Регентропфа. Норберт прошёл на середину залы, с печалью в глазах оглядел всех и сказал:

– Уважаемые гости, друзья. Я не знаю, зачем Генрих просил вас собраться здесь, не ведомо мне, что хотел он вам сообщить, ибо со мной он своими планами не поделился. Я же вышел к вам с прискорбной вестью. Только что мой любимый брат скончался от остановки сердца.

В зале раздался общий вдох удивления и трагедии. Люди начали переглядываться и перешёптываться. А Норберт продолжал:

– Это большая трагедия для нашей семьи. Как вы сами понимаете, свадьбы, которые были перенесены из-за болез-

ни Берхарда, теперь будут совсем отменены, пиры и увеселения тоже. Мы никого не вправе задерживать, однако если вы захотите остаться и проводить ландграфа в его последний путь, мы будем благодарны вам за сочувствие. Перед смертью Генрих успел назвать наследника своего, им становится его младший сын Густав фон Регентропф. Отныне титул ландграфа и земли Регенплатца переходят к нему.

Густав вышел на середину залы и встал рядом с дядей. С трудом он сдерживал рвущуюся на губы довольную улыбку, скрывал под ресницами радостный взор, с большим усилием воли умирал величие своего достоинства. Сейчас неуместны эти чувства, сейчас ему следовало скорбеть.

– Мне очень жаль моего дорогого отца, – склонив голову, начал говорить Густав. – Он всегда был моей опорой, помогал мне советом и делом... Мне будет не хватать его. Ужасно, что веселье свадеб превратилось в печаль похорон, и...

Речь молодого ландграфа была прервана вбежавшим в залу слугой. Глаза парня выражали не то испуг, не то замешательство.

– В чём дело? – строго спросила его Патриция.

– Извините, госпожа, – машинально отвесил поклон слуга. – Меня послал к вам лекарь Гойербарг. Господин Берхард... Он умер...

Толпа собравшихся вновь дружно ахнула. Патриция нервно отвернулась от вестника и кинула тревожный взор на Густава. Вот и свершилось. Вместе с раздавшимся за ок-

ном громом в памяти женщины отчётливо прозвучали слова: «Если вы всё-таки погубите Берхарда, то Густаву не прожить и трёх дней после его похорон!» А Берхарда погубили, он не сам умер, он не болел, он был отравлен. Вот только не она погубила его, а Густав, и это была единственная надежда обмануть, избежать заклятия.

Услышав новость, Густав не сдержался и облегчённо выдохнул. Наконец он стал свободен, больше никто ему не указ, больше никто ему не помеха. Всё теперь принадлежит ему одному. Всё: и власть, и богатство, и желанная женщина. Впрочем, женщину ещё предстояло поработить, но это дело недолгое. Не желая дальше участвовать в показной скорби и фальшивой печали, Густав, не сказав никому ни слова, спешно покинул залу. У него были свои дела.

Захватив с собой дюжину солдат, новый правитель Реген-платца направился в покои, отведённые Кларку Кроненбергу. Он резко распахнул дверь и по-хозяйски прошёл в комнату. Ему повезло, в покоях вместе с сыном находился и граф Клос Кроненберг. Густав осмотрелся, оценил беспорядок, растерянный вид застигнутых врасплох мужчин.

– Куда-то собираемся? – скрестив на груди руки, поинтересовался Густав. – Бежать решили?

Отец и сын молчали, застыв в напряжённом ожидании. И лишь рука Клоса потянулась к висевшему на бедре мечу.

– Не советую вам этого делать, – предупредил молодой

ландграф, заметив данное движение. – Не в ваших интересах бунтовать. Стража, арестовать их!

Солдаты немедленно кинулись выполнять приказание нового хозяина. Они схватили пытающихся сопротивляться мужчин, заломили им руки и отобрали оружие.

– И по какому праву? – воскликнул граф Кроненберг.

– По праву хозяина Регенплатца! – гордо ответил Густав. – По праву правителя этой земли и вершителя здесь правосудия!

– Правосудия? – усмехнулся Кларк. – Уж не собираешься ли ты нас судить?

– Да, я стану судьёй вашего преступления. Тяжёлого преступления!

– Интересно, какого?

– Вы убили моего брата и довели моего отца до сердечного приступа! Ну, может быть, один из вас... но второй явно был заодно.

Отец и сын переглянулись. Они не удивлялись, они предполагали, что Густав захочет от них избавиться. Вот только недооценили скорость его действий.

– Хочешь казнить нас за своё же преступление? – процедил Клос. – Но ты забыл, что на суде будет присутствовать король, и ему потребуются весомые доказательства...

– Доказательства вы сами мне выложите под пытками, – нервно прервал Густав. – И прекратите мне тыкать. Вы мне не ровня, рыцарь Кроненберг! Да, я вас казню, обоих. Если,

конечно, вы выживите после пыток. Замок Кроненберг снова отойдёт к Регенплатцу. Ну, а ваша семья, рыцарь...

– Будь ты проклят, гнусный мерзавец! – гневно выкрикнул Клос Кроненберг, пытаясь вырваться из крепких рук стражников.

– Что ж вы так сразу испугались? Я человек добрый. – Густав цинично улыбнулся. – Я не позволю вашей семье умереть в нищете и голоде. Возьму их в свой замок, пристрою где-нибудь на скотном дворе. Будет им и кров и еда.

– Подлец. Ничтожество. Трус! – с презрением прошипел Кларк и послал смачный плевков прямо в лицо недругу.

Густав не был готов к такой обиде. Опешил на миг, но лишь на миг. Молча он прошёл к сундуку, на котором лежал плащ, и утёр лицо изнаночной стороной этой одежды. Ничего, обидчик заплатит за свой проступок, горько заплатит. Густав вернулся к пленным.

– Это ты зря сделал, – тихо предупредил он Кларка.

Но тот смотрел на врага смело, с вызовом, и этот взгляд Густава раздражал, нервировал, злил. Не будет пощады этим наглым выскочкам! Ненависть вспыхнула в груди ярким пламенем и с рычанием выпустила жар из горла. Густав размахнулся и со всей силы ударил кулаком по нахальному лицу обидчика. В голове Кларка зашумело, в глазах потемнело, но сознание не ушло.

– Слабак, – усмехнувшись, прошептал он.

– К тебе, скотина, я лично применю особо изощрённые

пытки, – зло пообещал Густав и, обратившись к солдатам, распорядился. – Увести их! И посадить в разные камеры, чтоб они не могли общаться.

Итак, с одними разобрался. Густав ещё раз оглядел комнату, как поле сражения, на котором он только что одержал победу. Кроненберги наверняка знали или хотя бы догадывались, кто на самом деле убил Берхарда, но они об этом должны молчать. Он заставит их молчать. Кто может знать ещё?

Густав вышел в освещённый горящими факелами коридор, огляделся, повернул направо. Барон Хафф вряд ли понимал истинное положение дел в замке, а вот с Греттой Берхард был откровенен. А значит, она тоже могла подозревать Густава. И своими подозрениями поделить с отцом. Проходя мимо караула, Густав приказал четырём солдатам следовать за ним. Убивать Гретту не хотелось бы, а вот запугать можно попробовать.

Густав остановился у двери и постучал. Девушки в комнате встрепнулись. Они уже собрали лёгкие дорожные узлы, оделись для трудного путешествия под проливным дождём и холодным ветром и теперь только ожидали прихода Кларка Кроненберга.

– Это Кларк, – сказала Гретта, услышав стук. – Надевай плащ.

Лизхен накинула плащ на плечи и поспешила за хозяйкой. Однако открыв дверь, девушки остановились и попятились назад. Сердце Гретты сжала тревога. Уверенный и доволь-

ный собой молодой ландграф прошёл в комнату и закрыл за собой дверь, оставив стражу за порогом.

– Вы собрались на прогулку, фройлен Гретта? – с любезной улыбкой поинтересовался Густав.

Гретта отвернулась от неожиданного гостя и отошла вглубь комнаты. Густав и так потерял уважение в её глазах, а после того, как она узнала, что именно он убил Берхарда, её возлюбленного, девушка и вовсе возненавидела его. Ей даже общаться с этим человеком было противно.

– Довольно опрометчиво гулять в такую погоду, – язвительно продолжал Густав. – Я бы не советовал.

– А я вашего совета и не спрашиваю, – спокойно отозвалась Гретта. – Я жду отца. Мы сегодня уезжаем.

– Уезжаете? Это ещё более странно. Барон Хафф всегда считался другом моего отца, и я был уверен, что он останется на церемонию похорон. Зачем же он столь спешно уезжает?

– Значит, у него есть на то причины.

– Знаю я эти причины, – махнул рукой Густав. – Им название трусость и подлость.

Гретта вскинула на собеседника резкий взгляд.

– Не судите о других по себе, – высказала она.

– О! Это не суждение, Гретта. Я говорю об очевидном. Ваш отец трус и подлец...

– Замолчите!

– Да, трус и подлец.

– Прикуси язык, мальчишка! – раздался позади громовой

голос рассерженного мужчины.

Барон Хафф вошёл в комнату и захлопнул за собой дверь. Он слышал последние слова Густава, которые, естественно, задели его гордость.

– Вы сами последите за своими словами, барон! – тут же парировал Густав, повернувшись к вошедшему. – Я ландграф фон Регентропф, король Регенплатца.

– Это звание нужно ещё заслужить, – гневно сверкал глазами Рюдегер. – Ты оскорбил меня и мою дочь. Я вызываю тебя на бой, мальчик. Немедленно!

Но Густава подобный выпад не испугал. Он по-прежнему был спокоен и уверен в себе.

– Не надо мне угрожать, барон. Прежде чем вы дойдёте до турнирного поля, я успею вас арестовать, обвинить в предательстве и повесить, как преступника.

– Ну и кто же из нас после этого больше достоин звания труса и подлеца?

Гретта не на шутку испугалась за отца. Девушка прекрасно понимала, что Густав мог привести свою угрозу в исполнение. Тем более она видела ожидающих приказа солдат, когда открывала дверь.

– Оставь его, отец, – попросила Гретта, подталкивая отца к двери. – Давай, лучше скорее уедем отсюда.

Однако Густав преградил им путь.

– А я вас не отпускаю, Гретта, – заявил он. – Мы ещё не сыграли свадьбу.

Гретта опешила и ещё больше испугалась.

– Какую свадьбу? – замерла она.

– На которую нас благословил ваш батюшка, – просто ответил Густав.

– Тот договор уже давно не действителен, – рявкнул Рюдегер. – Ты прекрасно знаешь, что рука моей дочери отдана Берхарду. А так как он умер, то Гретта совершенно свободна.

– Не пущу я её!...

– Не зли меня, Густав, – грозно предупредил Рюдегер. – Иначе я убью тебя, без всякого поединка!

– Стража! – нервно выкрикнул Густав.

Солдаты немедленно вбежали в покои, остановившись за спиной нового хозяина.

– Надо же, как я тебя перепугал! – усмехнулся Рюдегер.

– Не напугали вы меня. – К Густаву вновь вернулась уверенность. – Просто мне надоела глупая беседа с вами. Отдайте оружие, барон.

– И не подумаю.

Гретту охватило отчаяние. Неужели этот ужасный долгий день закончится смертью её отца, её единственного родного человека?

– Ты не посмеешь казнить его! – кинулась она к Густаву. – Отпусти его, слышишь?

– Отпустить? – Густав удивлённо вскинул брови. – После того, как он грозил меня убить?

– Но ведь ты сам своими оскорблениями вынудил его на

эти угрозы. Отпусти его, отец ничего тебе не сделает. Я обещаю.

– Гретта, не проси, не унижайся! – приказал Рюдегер.

Густав холодно и надменно слушал стенания девушки. Любящая дочь была готова на всё ради спасения отца. Это хорошо. Это как раз то, что ему и было нужно.

– Я не верю ни вам, ни вашему отцу, – высказал он. – Вы хотели бежать. В ночь, в дождь. Бежать, даже не отдав последних почестей умершему другу вашему. Вы предаёте его, предаёте меня. Вы поступаете так же, как и Кроненберги.

Рюдегер насторожился. Значит, до Клоса Кроненберга Густав уже добрался.

– Что ты с ними сделал? – спросил барон.

– Пока ничего. Только запер в темнице. Но после похорон я проведу открытый суд над ними по обвинению в убийстве моих брата и отца.

– Что? – удивлённо ахнули Гретта и Рюдегер.

– Да. Можно сказать, что моего отца тоже убили, – как ни чём ни бывало продолжал Густав. – Его бедное сердце не выдержало переживаний за старшего сына. После суда я непременно казню убийц, а поместье Кроненберг вновь войдёт в границы Регенплатца.

– Какой же ты, оказывается, мерзавец, – проговорил Рюдегер.

– Кроненберги хотели сбежать, но не успели. И вы тоже намерены сбежать. Уж не заодно ли вы с убийцами, барон?

Вы и ваша прелестная дочь, которой, признаться, роль супруги моей подошла бы больше, нежели роль идущей на плаху преступницы.

Барон Хафф понял всё. Сейчас они с Греттой находились в руках Густава, который мог сделать с ними всё, что захочет. Сам Рюдегер смерти не страшился, но что станет с Греттой? Убить. Убить мерзавца! Освободить от него мир и невинных людей. Рюдегер выхватил меч, но успел сделать лишь шаг, как солдаты тут же кинулись к нему, схватили и обезоружили. Густав оставался спокоен и холоден.

– Увести его, – приказал он страже.

– Стой! – воскликнула Гретта. – Прошу тебя, Густав, отпусти моего отца. Он не причастен к убийству, и ты это прекрасно знаешь.

– Он пытался убить меня!

– Отец защищал меня и честь свою. Отпусти его.

Густав подошёл к девушке совсем близко и заглянул ей в глаза. Гретта боялась его, однако старалась скрыть страх перед ним, и, как бы ни дрожала душа её, она выдержала этот пристальный, этот колючий взгляд, не опустила головы.

– Пожалуй, я смогу отпустить его, – не спеша проговорил Густав, – но при одном условии...

– Я согласна, – тут же ответила Гретта, догадавшись, каким будет это условие. – Я стану твоей женой.

– Гретта не смей! – вскричал Рюдегер. – Я запрещаю тебе!

Густав довольно улыбнулся. Его забавляла происходящая

сцена.

– Что ж, за такую цену я могу даровать твоему отцу жизнь, – сделал он одолжение. – Но всё-таки доверия к вам у меня нет. Уведите барона, – вновь обратился Густав к солдатам, – да выделите ему хорошую камеру, ту, что предназначена для знатных особ.

Солдаты увели арестованного. В комнате остались только Густав, дрожащая от отчаяния Гретта, да Лизхен, забившаяся от страха в угол.

– Почему ты не отпустил моего отца? – Гретта с трудом сдерживала слёзы. – Я же дала согласие остаться с тобой.

– Я хочу иметь гарантию, что ты не передумаешь и не сбежишь, – ответил Густав. – Да и от барона не придётся ждать подвоха. Но после нашей свадьбы я, как и обещал, отпущу его.

– Отпусти сейчас. Я не сбегу, клянусь!

– Нет. Ты уже обманула меня один раз, когда тайно обвенчалась с моим братцем.

Гретта ахнула. Она думала, что об этом никто не знает.

– Как видишь, – продолжал Густав, – от меня ничего не скроется. И в будущем не советую тебе что-либо затевать против меня, я всё узнаю. И тогда я уже не буду столь добр.

Густав по-хозяйски скинул плащ с плеч девушки, провёл рукой по нежному изгибу её шеи, по побледневшей щеке, коснулся губ. Гретта не смела пошевелиться, она знала, что этот мужчина был способен на любую жестокость. Ей было

страшно, но она понимала, что помощи ждать неоткуда, а значит, надеяться оставалось только на себя.

– Я мог бы сделать тебя своей рабыней, своей наложницей, – продолжал тем временем Густав, лаская застывшее лицо девушки. – Тебя предательницу, женщину, уже отдавшую честь другому мужчине. Однако я за что-то полюбил тебя, и снисхожу до того, что делаю тебя законной женой своей.

Густав наклонился и оставил на губах Гретты крепкий властный поцелуй хозяина. Девушка невольно поморщилась, так противен ей был её будущий муж. Заметив это лёгкое движение неприязни, Густав усмехнулся:

– Привыкай ко мне, милая. Отныне ты станешь дарить мне свою ласку каждую ночь. – Довольный собой, Густав скрестил на груди руки и, отступив на пару шагов, распорядился. – До свадьбы ты останешься здесь, у дверей я выставлю стражу. Служанку пришлю к тебе другую и накажу ей следить за тобой.

– Куда ты хочешь отправить Лизхен? – тревожно спросила Гретта. – Не забирай её у меня.

Густав взглянул на вжавшееся в угол заплаканное существо. Глупое слабое создание, угрозы от неё никакой.

– Ладно, пусть остаётся с тобой, – позволил молодой хозяин. – Вам обеим запрещено выходить из этих покоев. Еду будут приносить вам сюда. Вместо прогулки довольствуйтесь открытым окном. А после свадьбы я подумаю, дать ли вам глоток свободы.

– И когда же состоится... свадьба?

– Сразу после похорон. И запомни, моя жена должна быть послушной, тихой, для меня радушной, всегда готовой угождать прихотям моим. Она не смеет перечить мне, спорить со мной и уж тем более злить меня своими капризами. Если станешь выполнять эти нехитрые условия, твоя жизнь будет спокойной и сытой. А станешь бунтовать – пеняй на себя.

Высказав всё, весьма довольный собой Густав развернулся и покинул покои, оставив несчастную Гретту горько оплакивать уготованную ей участь.

Вечер клонился к ночи. Усталые гости разбрелись по комнатам и готовились ко сну. Густав тоже очень устал. День выдался шумным и беспокойным, а вечер трудным и суетным. Но дела ещё не окончены. Молодой ландграф направлялся в покои отца, когда его остановил слуга и с поклоном сказал:

– Прошу прощения, господин...

– Ваше сиятельство, – поправил Густав.

– Прошу прощения, ваше сиятельство, – снова согнулся в поклоне слуга. – Маркграф фон Фатнхайн приказал мне найти вас и передать, что он хочет поговорить с вами и ждёт вас в своих покоях.

Зигмина Фатнхайн. Вот ещё одна проблема, от которой нужно было избавиться. Ссориться с маркграфом не желательно, но придётся.

Олдрик фон Фатнхайн встретил Густава строго и хмуро.

– Приношу вам мои соболезнования, – начал он разговор, едва Густав переступил порог комнаты. – Сегодня вы потеряли сразу и отца, и брата. Это тяжело.

– Благодарю за сочувствие, маркграф, – издав вздох страдания, ответил Густав.

– Я понимаю, что сейчас на вас навалилась масса проблем, и всё-таки хотел бы обсудить с вами ещё одну, поговорить о вашем намеченном браке с моей дочерью.

Олдрик грузно опустился на стул у стола и облокотился на столешницу.

– Мне очень жаль, что всё так случилось, – сказал Густав, присев в кресло, – но, сами понимаете, свадьбу придётся отложить.

– Само собой, она сейчас не сможет состояться, – согласился маркграф. – Однако я хотел бы уточнить: отложить или отменить?

Густав замаялся. Не хотелось ему жениться на Зигмине ни сейчас, ни позже.

– Я знаю, что изначально для вас была выбрана другая невеста, – продолжил Олдрик, заметив замешательство собеседника. – Но буквально два дня назад Генрих... ваш отец передумал и говорил со мной о том, чтобы отдать руку Зигмины не Берхарду, а вам.

– Да, я знаю об этом решении...

– И были с ним согласны.

– И был согласен.

– Брачный договор был переписан. И он имеет силу. Свадьба сейчас, естественно, не состоится, но вы с Зигминой стали связаны обязательствами.

Разговор уже начинал действовать Густаву на нервы. С каким бы удовольствием он послал к чёрту и маркграфа, и его дочку.

– Мне всё это известно, – едва сдерживая раздражение, сказал юноша. – Однако под договором стоит подпись только отца моего. Я же согласился на свадьбу лишь по велению батюшки. Сегодня старый правитель умер, а вместе с ним и его законы, и его желания.

– То есть вы хотите сказать, что этой свадьбы не будет никогда? – набирая возмущение, спросил Олдрик.

– Честно говоря, маркграф, вопрос о свадьбе волнует меня сейчас меньше всего. Как вы сами заметили, на меня внезапно свалилась масса проблем и забот, к которым я не был готов. Год я буду выдерживать траур, а захочу ли я жениться после или нет, пока не знаю. И гарантировать, что выберу себе в невесты именно Зигмину, не могу.

– Вот как! Не думал, что моя дочь перенесёт здесь столько унижений и оскорблений! – Маркграф был зол. – Всея стране известно, что слову Регентропфа можно верить больше, чем королевским указам. Однако ваш отец, и тем более вы доказали мне обратное...

– Лично я вам ничего не обещал! – прервал Густав, резко вскочив с места. – И Зигмине ни в чём не клялся. Я даже не

просил отца изменять своё решение и перед самой свадьбой менять мне невесту. Он просто объявил мне свою волю. Так почему я должен отвечать за его прихоти? Особенно за прихоти моего брата, с которого всё и началось.

– Можно подумать, вы бесчувственный предмет, который передают из рук в руки.

Густав остановился и вонзил пристальный взор в маркграффа.

– Вы тоже довольно скоро согласились передать дочь другому жениху... – высказал он.

– Я с ней советовался, и она согласилась...

– Вы просто поставили её перед фактом: либо другой жених, но с тронем Регенплатца, либо слава отвергнутой невесты. Естественно, Зигмина согласилась.

– Да как ты смеешь!.. – покрасневший от гнева Олдрик Фатнхайн даже ударил кулаком по столу.

– Мне отец также предоставил выбор: либо Регенплатц и брак с Зигминой, либо ничего. Я должен был спорить с отцом? И вы напрасно злитесь. Хотя Зигмине и не достался Регенплатц, но и дурная слава её тоже миновала. Её жених умер, Зигмина не отвергнута, просто она не успела выйти замуж.

Густав отвернулся от пыхтящего ненавистью собеседника и направился к двери.

– А теперь извините, маркграф, мне действительно нужно заняться неотложными делами. Вы ведь не уезжаете?

– Ну уж нет, – прорычал Олдрик Фатнхайн. – После всех оскорблений, которые претерпела в этом замке моя семья, я и дня здесь не останусь. И на церемонии похорон нас не будет!

– Очень жаль, – холодно отметил Густав. – Что ж, тогда прощайте.

– Прощайте. И помните, что отныне я ваш враг.

После неприятного разговора с маркграфом Густав всё-таки зашёл в покои отца. Там Патриция отдавала необходимые распоряжения, наблюдала за обмыванием покойного супруга, его облачением в похоронные одежды, за соблюдением всех правил обряда, говорила с епископом о проведении траурной церемонии. Видно было, что женщина очень устала, однако дела не позволяли ей расслабиться. На вошедшего сына она бросила строгий взор.

– Где ты пропадаешь? – тихо спросила Патриция. – Ты должен быть здесь.

– У меня были неотложные и не менее важные дела, – спокойно ответил Густав.

– Какие?

– Потом расскажу.

Патриция не стала настаивать.

– Зайди в покои Берхарда, – попросила она, – посмотри, всё ли правильно там слуги выполняют.

– Зайдите сами, – поморщился Густав. – Не хочу его видеть.

– Боишься взглянуть на творение рук твоих?

– Нет, что вы, матушка. Боюсь, что вместо того, чтобы плакать, я стану смеяться от радости.

Патриция смерила сына холодным взглядом.

– Смотрю, тебя и смерть отца не особо печалит, – заметила она.

– Вы не правы, смерть батюшки весьма огорчительна для меня, – возразил Густав с полным равнодушием в голосе.

Патриция тяжело вздохнула и покачала головой. Женщина знала, что сын её эгоистичен и циничен, но что он настолько жесток, не верила. Магда была права, она воспитала чудовище.

– Пойдём тогда вместе, – сказала Патриция. – А потом ты меня проводишь.

В покоях Берхарда Регентропфа слуги завершали свою работу. Обмыли и переодели усопшего, прибрали покои. Уже переодетый в одежды для последнего пути Берхард лежал на кровати со сложенными на груди руками, лицо его было бледно и спокойно, глаза закрыты. Приблизившись к кровати, Густав взглянул на недвижимое тело своего сводного брата. Приятно, очень приятно было смотреть на него и осознавать, что он мёртв, что он больше никогда ничего не скажет, не сделает, не присвоит и проблем больше не создаст. Приятно и радостно на душе.

– Спи спокойно, волчонок, – тихо молвил Густав. – Я так рад твоей кончине, что даже не стану просить у тебя проще-

ния.

Маленькое пламя горячей у изголовья свечи вдруг ярко вспыхнуло и резко погасло, будто кто-то задул его. Густав не обратил на это внимания. Он улыбался, он был доволен собой, он был доволен наступающей жизнью. Жизнью короля Регенплатца.

– Мы почти закончили, ваше сиятельство, – подойдя к госпоже, с поклоном сообщила пожилая служанка. – Будут ещё какие-нибудь распоряжения?

– Нет, – ответила Патриция, оглядев комнату. – Как доделаете, можете идти отдыхать.

– С вашего позволения.

Служанка вернулась к прерванной работе. Патриция же подошла к Густаву.

– Ты же не хотел его видеть, – сказала она сыну, – а сам глаз не сводишь.

– Зрелище уж слишком приятное, – честно ответил Густав, и улыбка его стала ещё шире.

Патриция кинула краткий взор в сторону пасынка и отвернулась. Она тоже была рада наконец избавиться от него. И если бы не смерть Генриха, она, возможно, даже испытывала бы счастье.

– Пойдём, – позвала Патриция.

Мать и сын торопливо шли по тусклым и затихшим коридорам замка. Оба молчали, углубившись каждый в свои мысли. Густав вновь размышлял о том, кто ещё мог догадаться

о его преступлении? Думал, перебирал в уме имена.

– Что-то я не видел в комнатах лекаря Гойербарга, – спросил Густав. – Где он?

– Я отпустила его на отдых, – ответила Патриция. – У него сегодня был очень тяжёлый день.

– Вы знаете, что он догадался об истинной причине смерти волчонка?

Патриция вскинула на сына резкий взгляд.

– Знаю, – сдержанно ответила она. – Однако всем он объявил, что Берхард умер от лихорадки.

– У него наверняка есть доказательства отравления...

Патриция снова с опаской покосилась на Густава.

– Не трогай его. Возможно, у лекаря есть доказательства, но он не знает, кто именно совершил злодеяние. Нам с тобой Гер Питер сочувствует и весьма огорчён тем, что не смог распознать отраву и вовремя подобрать лекарство против неё. Он был искренне расстроен, я видела даже слёзы на глазах его, и он просил у меня прощения. Лекарь Гойербарг всегда был и остаётся другом нашей семьи. И дабы избежать злых пересудов и ненужных подозрений, он поклялся мне, что не станет оглашать истинную причину смерти Берхарда и молчит о ней даже перед королём.

– И вы ему верите?

– Безусловно. И тебе советую это сделать.

Густав удовлетворённо покивал головой. Значит, лекарь не догадался об отравителе. Хорошо, пусть живёт. Пока.

Пройдя мимо караула, стоящего на страже покоя в замке, Патриция вошла в свою комнату и пригласила за собой Густава.

– Ну что, Густав, – обернулась она к сыну, когда тот закрыл дверь, – вот и сбылось то, о чём ты так долго мечтал. Ты получил титул ландграфа.

– Да, сегодня неожиданно моя мечта сбылась, – довольно проговорил молодой ландграф.

– Только не думала я, что для её воплощения ты убьёшь и отца.

– Я не убивал его! – тут же возразил Густав.

– Ты прекрасно знал, что его сердце не выдержит смерти старшего сына, – обвиняла Патриция.

– Я не знал...

– Ты должен был знать!

– Если быть честным, я не думал об этом. Я хотел лишь как можно скорее избавиться от волчонка.

– Всегда ты думаешь только о себе, а жизнь других, даже жизнь родного отца тебе совершенно безразлична.

– Не выставяйте меня зверем, матушка. Я действительно не желал смерти отцу.

– Тебе не было смысла и Берхарда убивать, – продолжала упрекать Патриция. – Он же отдал тебе то, чего ты желал, уступил трон.

– Уж не стало ли вам жаль волчонка? – недоумённо нахмурился Густав.

– Нет, мне не жаль его. Но вместе с ним раньше времени покинул жизнь и другой очень хороший человек, храбрый воин и добрый правитель. Не следовало убивать Берхарда, когда между вами причина раздора уже исчезла.

– Исчезла, да не совсем. Вместе с тронем я должен был взять ещё и Зигмину фон Фатнхайн.

– Ну и что? Прекрасная девушка знатной фамилии, образованная и с богатым приданным.

– Всё так, но мне она не нравится, она мне не по душе и не по сердцу. Я не хочу жениться на ней. Моя избранница – Гретта Хафф. Её я люблю.

Удивление и возмущение Патриции были велики. Особенно возмущение.

– Да чем же всех прельщает эта Гретта? Средняя красота, средний ум, состояния никакого!

– И всё-таки я женюсь только на ней, – упрямо повторил Густав. – Заодно присоединю к Регенплатцу и все поместья барона.

– А я против этой свадьбы! – топнула ногой Патриция.

– Не нужно быть против меня, матушка.

Густав произнёс это тихо, с пронизывающим, словно игла, взглядом. И Патриция вздрогнула. Чудовище. Он теперь понял, как легко можно устранить несогласных с ним, мешающих ему людей, и он будет продолжать поступать так, даже несмотря на то, кто ему эти люди, и что они для него в жизни сделали. Впрочем, не она ли сама поступала точно так же?

Но нет, против родных и любимых людей она никогда ничего не замышляла.

Патриция отвернулась. Ладно, пусть делает, как хочет. Густав так же упрям, как и его отец, как и все Регентропфы. Если он что-то решил, то решил окончательно, и спорить с ним – лишь себе вредить.

– И когда же ты собираешься жениться?

– Да сразу после похорон, – просто ответил Густав.

Патрицию снова охватило недоумение.

– Но... как же соблюдение траура? – обернулась она к сыну. – Народ осудит тебя.

– А мы поженимся тихо, в домовый часовне.

– И Гретта согласна?

– Я убедил её.

– И барон Хафф?

– Со мной все согласны, мама.

– А как же маркграф? Что ты ему скажешь?

– Я с ним уже говорил сегодня и всё объяснил. Маркграф, разумеется, был недоволен и даже зол, но что поделать, если его дочери так не повезло. Официально её женихом считался Берхард, а он умер.

– Маркграф теперь станет врагом твоим.

– Эта беда не великая.

Густав подошёл к матери и поцеловал в щёку нежно, как любящий сын.

– Не беспокойтесь ни о чём, матушка, – с улыбкой прого-

ворил он. – Я знаю, что делаю. Поверьте, так будет лучше.

И Патриция покорилась. Её сын не глуп, он повзрослел, возмужал, он стал правителем обширных земель и господином многих людей, он почувствовал власть, но он знает, что такое ответственность. Она поверит ему и не станет вмешиваться.

– Хорошо, Густав, – ответила Патриция. – Поступай, как считаешь нужным. Об одном лишь прошу тебя. Сохрани эти земли такими же мирными и богатыми, какими получил их от предков своих.

– Это я вам обещаю, матушка.

Утро приветствовало людей ярким солнцем и лёгким прохладным ветерком. От ночной грозы и ливня остались лишь маленькие серые облачка да грязь на дороге. Впрочем, грязь довольно быстро присохла под лучами жаркого солнца. И к тому времени, когда траурная процессия длинной вереницей двинулась из замка Регентропф в собор, дорога опять стала сухой и твёрдой.

Впереди ехали два катафалка с телами усопших: короля Регенплатца ландграфа Генриха фон Регентропфа и старшего сына его Берхарда. За ними следовали вдова, покрытая чёрной вуалью, младший сын, старательно напускавший на себя скорбь утраты, дочь, периодически утиравшая слёзы, родные усопших, близкие люди, друзья. А дальше – приглашённые знатные гости, которые ехали в Регенплатц, чтобы

повеселиться на свадьбах, а пришлось печально и тоскливо вздыхать на похоронах. У многих женщин даже не было подходящих к случаю чёрных платьев, и им пришлось накинуть на плечи тёмные плащи. Благо, северный ветер отгонял летнюю жару, и в плащах они чувствовали себя вполне комфортно.

У Гретты тоже не нашлось чёрного наряда, зато имелось тёмно-серое блио, скромное, без лишних украшений. И конечно же, чёрный лёгкий плащ. Впрочем, девушку мало заботил её внешний вид. Она без всяких эмоций позволила Лизхен одеть её, причесать и заколоть серебряной брошью её русые кудри, немного припудрить покрасневшие от слёз глаза. Всё с той же отчуждённостью она позволила Акселу Тарфу вывести себя из комнаты, провести по коридорам и посадить на коня. Мир для несчастной Гретты перестал существовать, осталось только горе. Горе и слёзы. Как выжить среди них, как их выдержать? Разве найдётся в ней столько сил?

Гретта ехала молча, низко склонив голову, уткнувшись в свои мрачные мысли. Ничто вокруг не интересовало её, ни с кем не хотелось говорить. Чуть поодаль от девушки ехал Аксел Тарф, которому было наказано следить за ней. Однако довольно скоро Акселу наскучило это задание, так как его подопечная вела себя слишком тихо и слишком вяло. И спустя некоторое время молодой человек отъехал от Гретты к стайке юных девушек, которым траур путешествия не мешал улыбаться и оживлённо о чём-то шептаться друг с другом.

– На вас больно смотреть, фройлен Гретта. Вы буквально убиты горем.

Девушка подняла печальные глаза на пожилого мужчину, подъехавшего к ней на гнедом коне.

– Вы правы, гер Гойербарг, – бесцветно ответила она, – я убита, я не жива.

– Вам нужно продолжать жить.

– Вряд ли у меня это получится без Берхарда.

– Вам необходимо быть сильной перед ударами судьбы.

Гретта лишь удручённо покачала головой.

– Гер Гойербарг, – вновь вскинув взор светло-карих глаз, обратилась она к попутчику, – почему вы молчите о том, от чего на самом деле умер Берхард?

Лекарь быстро осмотрелся. Густав ехал впереди, рядом с ландграфиней и графом Регентропфом, Аксел Тарф – где-то позади, увлечённо беседуя с молоденькими девушками.

– Об этом не стоит говорить громко, Гретта, – перейдя на шёпот, ответил Питер Гойербарг.

– Так вы боитесь? – догадалась Гретта, так же снизив тон голоса.

– Не считите меня трусом, милая фройлен. Просто мне кажется, что живой, я принесу больше пользы, нежели мёртвый. Мне удалось убедить Густава и ландграфиню в том, что я не знаю имени убийцы, и что мои подозрения падают на кого угодно, но только не на них. Я заверил, что безмерно предан им и, дабы избежать ненужных сплетен и пересудов,

обязался молчать об истинной причине смерти Берхарда. В результате я покинул замок живым и без надзора. И теперь намерен известить обо всём короля и просить его о справедливости.

– Вы поедите к нему?.. – ахнула Гретта.

– Я с удовольствием поехал бы, но боюсь, Густав не до конца доверяет мне и будет за мной наблюдать. А потому думаю отправить моего старшего сына Уриха.

– А король ему поверит?

– Я изложу всё в письме. Король Фридрих знает меня лично, знает мою верную службу ландграфу. Он поверит. И, надеюсь, не станет медлить с приездом в Регенплатц.

– Дай Бог, чтоб всё получилось так, как вы говорите.

– Я бы отправил Уриха в сопровождении графа Кроненберга или вашего отца, истинными свидетелями событий, но подозреваю, что они находятся где-то под замком. Иначе они непременно приняли бы участие в этой процессии. Надеюсь, они живы, Гретта?

– Пока живы, – девушка трагично покачала головой. – Они все в темнице, а меня стережёт Аксел.

– Он довольно плохо это делает, – заметил лекарь.

– Графа Кроненберга и сына его Кларка Густав хочет судить и казнить за убийство Берхарда.

– Что?! – Питер Гойербарг был ошеломлён услышанным известием. – Неужели у него хватит на это совести? А барон?.. Ваш отец?

– Его Густав обещал отпустить, как только... Как только я выйду замуж за Густава.

– Король Фридрих должен обо всём этом узнать, – тихо, но твёрдо произнёс лекарь. – Он многим обязан ландграфу, он обязан помочь. Я подробно поведаю ему, что произошло здесь в эти дни и кое-что из событий дней прошлых.

– Вы о чём? – не поняв смысл последней фразы, поинтересовалась Гретта.

Но лекарь не ответил. Он заметил, что, отделившись от толпы, Густав повернул назад и теперь приближался к ним верхом на своём любимом коне Вихре.

– Гер Гойербарг, – обратился он, подъезжая, – смотрю, вы пытаетесь приободрить загрустившую Гретту?

– Скорее утешить, ландграф, – отозвался лекарь.

– Утешить? – Густав удивлённо приподнял бровь и с недоверием взглянул на демонстративно отвернувшуюся от него девушку. – Пожалуй, вы правы. Милая Гретта и так в печали, а я ещё и позволил ей остаться в одиночестве. Приглашаю вас, фройлен Гретта, присоединиться к нам с матушкой.

Девушка не повернула головы, лишь сдержанно ответила:

– Благодарю вас. Но в одиночестве мне совсем неплохо.

– И всё-таки я настаиваю, – твёрже повторил свою просьбу

Густав.

Гретта боязливо покосилась на молодого человека, однако с пути не сошла.

– Я хотел бы проститься с вами, ландграф, – вновь обра-

тился к Густаву лекарь Гойербарг.

– Вы разве нас покидаете? – повернулся к собеседнику Густав.

– Да, я хотел бы отправиться домой. У меня вчера был трудный день, и ночью я совсем не спал. Тело болит от усталости, а душа от расстройства. Позвольте мне удалиться на отдых.

– Что ж, конечно, поезжайте, – милостиво позволил Густав. – И благодарю вас за труды ваши.

– Жаль только, что они оказались впустую, – тяжело вздохнул лекарь.

– Не огорчайтесь, гер Гойербарг. Вы сделали всё, что было в ваших силах. Ступайте, отдохните.

– С вашего позволения, – отвесил смиренный поклон Питер Гойербарг.

Пустив коня в галоп, мужчина свернул с дороги и уехал прочь от траурного шествия.

– О чём вы говорили с лекарем? – поинтересовался Густав.

– Ни о чём, – холодно ответила Гретта. – Его обеспокоил мой бледный вид.

Молодой человек принял объяснение, и эта тема тут же перестала его интересовать.

– А где Аксел? – снова спросил Густав. – Он должен сопровождать тебя.

– Я здесь, ландграф, – немедленно раздался позади муж-

ской голос.

Заметив, что рядом с Греттой появился Густав, Аксел оставил приятную компанию юных дев и поспешил вернуться на свой пост.

– Где ты был? – строго спросил Густав.

– Я здесь всё время, – заверил Аксел, приблизившись к своему другу и господину. – Гретте неприятно моё общество, и я ехал чуть позади.

– Я тебя не заметил, когда подъезжал сюда.

– Так здесь толпа... Трудно заметить...

– Ты должен быть рядом, а не позади! Почему позволил Гретте говорить с посторонними?

– Но ты же доверяешь лекарю...

– И не тыкай мне! – шикнул недовольно Густав. – Хотя бы на людях. Поедем вперёд. Моё место рядом с матерью.

Густав взял под уздцы коня Гретты и повёл его следом за собой в начало кортежа.

Впервые Густав въезжал в город Крафтбург в статусе ландграфа, правителя Регенплатца. Вот только в его мечтах это событие представлялось несколько иначе. Горожане должны были восторженно приветствовать своего нового господина, женщины плакать от восхищения, бросать ему под ноги цветы, да и сам город должен быть украшен цветами и флагами. Однако по воле обстоятельств столь радужного действия не случилось. Горожане тесной стеной выстроились вдоль дороги не чтобы приветствовать нового господи-

на, а чтобы проститься с прежним. Вместо радостных криков отовсюду раздавался горестный стон. Женщины кидали цветы на катафалки и проливали слёзы печали, совершенно не обращая внимания на величественного всадника слишком гордого и слишком торжественного для подобной скорбной процессии.

Свысока своего положения Густав взирал на толпы подданных. Отца его народ любил, уважал и теперь жалел об утрате. За время его правления не возводилось каких-либо грандиозных построек, не проходило славных битв, но зато и не случалось тяжёлых потрясений. Генрих фон Регентропф был просто добрым справедливым правителем, оберегавшим мирную и спокойную жизнь всех живущих в Регенплатце. Полюбят ли все эти подданные нового правителя? Сумеет ли он снискать их уважение? Густав был уверен, что сумеет. А если и не сумеет, так заставит уважать себя. Он – король в этих землях. Он – закон для жителей. Он – страшная кара для недовольных.

Небольшая серая тучка прикрыла солнце, и из неё посыпала мелкая морось.

– Только дождя не доставало, – хмуро проворчал Густав.

Настроение его постепенно ухудшалось. Он не оказался в центре внимания, скулёж толпы его раздражал. А теперь ещё и неприятные дождевые брызги по лицу. Густав поворачивал голову из стороны в сторону, оглядывая свой народ холодным взором и осознавая, что он этот народ не любит.

Вдруг Густав заметил в толпе очень знакомое лицо. Не просто знакомое – это было лицо его брата. Густав резко отвёл глаза, сердце от неожиданности замерло, но до сознания смысл увиденного ещё не дошёл. Лишь мелькнула мысль: «Как похож!» Густав вновь взглянул на молодого человека, однако тот уже исчез. Кто ж это был? Может, просто померещилось? Может, он не так уж и похож, просто тот же овал лица, такие же чёрные волосы до плеч...

Густав повертел головой и облегчённо выдохнул – конечно же, померещилось. Выпрямившись и скинув тревогу, Густав ехал дальше и вскоре совсем успокоился.

Но что это? Позади толпы он опять увидел того самого юношу. Теперь Густав присмотрелся к нему: те же глаза, тот же цвет кожи, та же фигура, даже одежда была та же самая. Сомнений не оставалось – это Берхард. Дыхание перехватило в груди Густава, и взор его наполнился ужасом. Этого не может быть! Берхард мёртв, он лежит в гробу на катафалке! И всё же вот он стоит. Как обычно невозмутимый и спокойный, хотя пристальный взгляд его чёрных глаз буквально пронизывал насквозь.

Густав не выдержал и отвернулся, сердце его колотилось, как сумасшедшее. Должно быть, это сам дьявол решил сыграть с ним такую злую шутку, посмеяться над его страхами. Густав покосился на толпу, но видение брата уже исчезло. «Берхард умер, – успокаивал себя юноша. – Умер. Я видел его мёртвым. И он не Бог, чтобы воскресать».

Густав нерешительно осмотрелся. Хотя он и уговаривал себя, что Берхард – это лишь мираж, но всё-таки невольно искал его среди народа. И нашёл. Берхард стоял по другую сторону дороги и так же пристально за ним наблюдал. Густав перепугался не на шутку и даже побледнел. Он нервно вытер с лица дождевую влагу и склонился к ехавшей рядом сестре.

– Маргарет, – обратился он к ней осипшим от волнения голосом, – посмотри налево, кого ты там видишь?

Молодую женщину подивило нервное состояние брата. Она посмотрела в указанную им сторону и неуверенно пожала плечами.

– Там люди, – просто ответила она. – Мужчины, женщины... Одна держит младенца на руках...

– Нет, – отмахнулся Густав. – Ты видишь его?

– Кого «его»? – не поняла Маргарет.

И тут Густав понял, что сестра Берхарда не видела. И никто не видел. Никто. А ведь он там был, стоял и презрительно ухмылялся. Густав ещё больше занервничал.

– Что с тобой? – встревожилась Маргарет.

– Ничего, – рявкнул Густав.

– Кого ты увидел?

– Никого! Мне показалось. Показалось!

– Прекратите немедленно спор! – строго приказала Патриция, заметив ссору детей. – Имейте уважение к усопшим и не позорьте меня.

Маргарет немедленно смолкла. Густав же продолжал бо-

язливо озираться. И на протяжении всего оставшегося пути он был готов снова увидеть видение брата, даже в соборе не мог успокоиться. Но Берхард больше ему не являлся.

Брызги дождя прекратились, тучки рассеялись, позволив солнцу светить в полную силу. Кортеж не спеша возвращался в замок. Ряды его заметно поредели. Многие из гостей, прослушав панихиду, простившись с покойным ландграфом и его сыном и проследив, как их закрывают в большом белокаменном фамильном склепе, отправились по домам, кто на кораблях, кто в каретах.

Густав был рад отъезду лишних людей из замка. Из его замка. Еще день-два, и остальные гости тоже разъедутся. И останется он наконец один, наедине со своей новой жизнью властелина и вершителя судеб человеческих.

Ахим Штаузенг закрылся в своём кабинете и горько рыдал. Его единственный внук, сын его любимой дочери умер. В это трудно верилось. Ведь всего несколько дней назад он видел Берхарда здоровым и полным сил. Сгубили, наверняка сгубили. И Ахим даже подозревал кто.

Как он просил, как умолял, чтобы Берхарда оставили ему. Ахим уехал бы с мальчиком в другой город, если понадобилось бы, то и в другую страну. Конечно, Берхард не был бы столь богат и не носил бы столь благородную фамилию, зато был бы жив и счастлив. Но Ахим проявил слабость, не боролся за внука, поддался уговорам Хельги и уступил Генри-

ху.

Хельга. Она тоже виновна в гибели Берхарда. Она знала, что в замке его станут ненавидеть, станут желать ему смерти, и всё-таки настояла отдать мальчика отцу. Отцу, который не смог его защитить.

Ахим смахнул со щеки застывшую слезу. Как там Хельга? Верно, тоже переживает. Да, виновна, да, была неправа. Но она думала, что поступает правильно, что так будет лучше для бедного Берхарда. Давно Ахим не встречался с Хельгой, очень давно, несколько лет. И теперь он вдруг почувствовал острое желание вновь увидеть свою бывшую возлюбленную, услышать её голос, заглянуть в её грустные глаза. Его жена Христина была хорошей женщиной, доброй и чуткой, она подарила ему семью и троих детей, но всё равно родной ему не стала. В сердце уже пожилого мужчины по-прежнему тлела любовь к отверженной всеми одинокой Хельге.

Поддавшись порыву, Ахим Штаузенг, не сказав никому ни слова, спешно вышел из дома, вскочил на коня и направил его прочь из города.

Заслышав приближающийся стук копыт, Хельга выглянула в окно. Всадника она узнала, и в душевную тоску её поступалась робкая радость. Женщина вышла из дома навстречу гостю.

– Здравствуй, Ахим. Я рада видеть тебя.

– Здравствуй, Хельга.

Ахим Штаузенг сошёл с коня и подошёл к женщине. Из-

менилась Хельга, постарела. Как давно он не видел её? Лет семь? Восемь? Это годы её состарили или страшные события прошедшего дня? Волосы совсем поседели, морщины окружили глаза, дивные некогда глаза. Но нежность в них осталась прежней.

Ахим тоже не молодец, жизнь так же присыпала его голову пеплом времени, исполосовала лоб морщинами, отяжелила плечи, склонив его когда-то стройную фигуру к земле. Изменила внешность, изменила мысли, и только душу не тронула, сохранив в ней единственную и вечную любовь.

– Проходи в дом, – пригласила Хельга и отступила, пропуская гостя.

Ахим вошёл в маленькую хижину, где было всё по-старому, сел на скамью, на которую всегда присаживался, приходя сюда. Грустно на душе и в то же время спокойно, будто он домой вернулся, туда, где его ждут любовь, понимание, утешение.

– Сядь рядом, – попросил Ахим.

Хельга молча закрыла дверь и заняла место подле мужчины.

– От чего умер Берхард, Хельга? – спросил Ахим. – Я уверен, ты это знаешь.

– Знаю, – тихо ответила женщина. – Я была рядом с мальчиком весь его последний день. Я пыталась спасти его от смерти, но... не получилось у меня.

– Так он болел?

Хельга подняла грустные глаза на Ахима. Сказать ему правду или пожалеть и солгать?

– Скажи правду, – будто поняв её нерешительность, попросил Ахим.

Да, он имеет право знать правду о гибели родного внука.

– Берхард умер от яда.

– Я так и знал, что его сгубили! – воскликнул несчастный мужчина, и горький стон вырвался из груди его. – Кто? Патриция? Густав? Их сообщники?

– Яд, скорее всего, подсыпал Густав. Но Патриция не мешала ему.

– Убили. Убили, – стонал Ахим, склонив голову на ладони. – И ничего не остановило их ненависть и коварство, ни твои заклятия, ни твои амулеты.

– Заклятия мои – пустые слова, сказанные лишь для острастки. А амулет действительно имел силу. Я видела, как Эльза отгоняла смерть от сына своего, как охраняла его. У мальчика была возможность выжить. Вероятно, потерять здоровье, но выжить. Да только Берхард зачем-то снял с себя эту защиту и отдал амулет Гретте Хафф.

– Гретте Хафф? – Ахим поднял на собеседницу взгляд полный недоумения. – Но она же... Она же невеста Густава.

– За последние несколько дней произошло очень много событий и перемен в жизни семьи фон Регентропф.

И Хельга поведала Ахиму всё: о приезде в замок барона Хафф с дочерью, о чувствах, вспыхнувших между Бер-

хардом и Греттой, об их тайном венчании. Как мальчик был счастлив, обретя любовь и радость жизни! Хельга рассказала о странной болезни, внезапно подкосившей Берхарда, о страданиях Генриха, о его больном сердце, которое не выдержало муки и остановилось. Закончила женщина смертью Берхарда, случившейся, к сожалению, в её отсутствие. И только о страшном поступке своём Хельга умолчала. Ахим Штаузенг слушал молча, не перебивая, и душу его терзали то сострадание, то обида за внука, то боль, то жалость, то ненависть к злодеям.

– Бедный мой мальчик, – после произнёс он. – Такая короткая и такая несчастная жизнь досталась ему. Тебе повезло, Хельга, ты была рядом с ним в его последний день, в его предсмертный час. А я его всегда видел только издалека. Я надеялся, что узнав правду о своём рождении, Берхард захочет сблизиться со мной. Станет хоть изредка навещать меня. Но он этого не захотел.

Старик тяжело перевёл дыхание, и на его глаза навернулись слёзы.

– Не упрекай мальчика в чёрствости, – сказала Хельга. – Он учился быть правителем, с достоинством нести фамилию Регентропф. Мы же не знаем, как Генрих представил ему правду, какими словами. Не знаем, какие наказания давал.

– Считаешь, это Генрих запретил Берхарду встречаться со мной?

– Я лишь предполагаю, Ахим. Посещая твой дом, Берхард

мог дать повод для лишних сплетен и пересудов в городе, а Генриху, у которого репутация и так нечиста, этого совсем не нужно было. И не забывай ещё о том, что у тебя в доме юная дочь немногим младше Берхарда.

– Слухи, репутация... Это важно. Об этом все думают. А чувства отца, пережившего смерть единственной дочери, чувства деда, вынужденного жить вдали от внука и молчать, зная, как мальчик несчастлив, не интересны никому. Не нужно было мне слушать тебя тогда. Надо было выкрасть Берхарда и уехать с ним далеко отсюда.

Хельга в ответ промолчала. Она знала, что у Ахима ничего не вышло бы, за Берхардом был хороший надзор. Но спорить с убитым горем мужчиной она не стала. Ахим встал и прошёлся по комнате. Подступающие к горлу слёзы мешали дыханию, но мужчина старательно сдерживал их. Наконец Ахим остановился, строго взглянул на Хельгу и решительно заявил:

– Моя честь тоже задета, и теперь она жаждет отмщения. Я пойду в замок и убью Густава.

Хельга не удивилась такому решению, но оно её огорчило.

– Ты погибнешь, – сказала она, покачав головой.

– Мне всё равно.

– И возможно, погибнешь до того, как дойдёшь до убийцы твоего внука.

– Уж я постараюсь дойти.

– А как же твоя семья? Подумай о детях твоих.

– О них беспокойства нет. У дочери жених есть, старший сын почти освоил моё дело, да и младший уже не младенец.

– Но тебя схватят, казнят как преступника, – убеждала Хельга. – Ты приобретёшь славу предателя, убийцы правителя, и семью твою изгонят из Регенплатца. Даже если власть перейдёт к доброму Норберту Регентропфу, он не сможет поступить иначе, пойти против закона.

– Густав тоже убил правителя! – спорил Ахим.

– К сожалению, у тебя нет доказательств этого.

Мужчина нервно всплеснул руками.

– Ты снова отговариваешь меня! – громко обвинил он. – Ты снова призываешь меня безропотно сидеть и молчать!

– Я призываю тебя не действовать сгоряча!..

– По-твоему, я должен спокойно наблюдать, как убийцы моих дочери и внука радуются жизни?

– Потерпи. Не бери грех на душу. Убийц настигнет кара Божья.

– Кара Божья? – усмехнулся Ахим. – Когда она их настигнет? Боюсь, мне не дожить до этого счастливого момента.

– Я думаю, это случится достаточно скоро, – спокойно проговорила Хельга.

Ахим насторожился.

– Ты что-то знаешь? Или вновь заколдовала?

Но Хельга лишь опустила глаза и молчала.

– Не говори намёками, – продолжал Ахим. – Ты никогда ничего от меня не скрывала, так поведай и сейчас всё, что

знаешь. Я тайны никому не раскрою.

Хельга знала, что правда Ахиму не понравится, что он станет гневаться и упрекать. И поступит правильно. Ведь она сотворила страшный грех, ужасное преступление, заставив по воле своей душу Берхарда остаться на земле, лишив её свободного полёта в небеса, лишив радостной встречи с Господом. Разве Ахим простит ей это? А расставаться с ним врагами она не хотела.

– Нет тут никакой тайны, – тихо ответила Хельга. – Тебе же ведомо, я предчувствую смерть. Я вижу её. Смерть задержалась в замке. Не знаю точно, кто станет следующей жертвой её, но ей интересны все. В том числе и Густав, и Патриция.

– Вокруг Берхарда смерть кружила восемнадцать лет, – возразил Ахим, приняв объяснения.

– У Берхарда была сильная защита, а у Густава её нет. Доверься суду Божьему, Ахим, он будет справедлив. Меня сейчас больше беспокоит Гретта. Она носит под сердцем своим ребёнком Берхарда.

Ахим Штаузенг встрепенулся:

– Что ты сказала? Повтори...

– Бог благословил союз Берхарда и Гретты, он позволил им зачать дитя. И если с девушкой ничего не случится...

– С ней ничего не должно случиться!

Ахим вновь занял место рядом с Хельгой. Столь неожиданная новость взволновала его. И вроде радость принесла

она, и в то же время породила новые тревоги.

– Гретта с отцом уже уехала домой? – спросил Ахим. – Или ещё находится в замке?

– Наверное, в замке, – пожала плечами Хельга. – Барон был другом ландграфа и наверняка остался отдать ему последний долг.

– Да, должен был. Но я не усмотрел его среди участников процессии.

– Странно, – подивилась Хельга. – А была ли среди участников Гретта?

– Не знаю. Я же её никогда не видел.

Опустив глаза, Хельга задумалась. Что могло случиться с бароном и его дочерью? Несколько раз произнесла она имя Рюдегера Хафф, прислушиваясь к своим предчувствиям. Но нет, смерть повернулась к нему спиной, хотя и стоит недалеко. Значит, он жив и пока вне опасности. А Гретта Хафф? Та же ситуация.

– Что ты видишь, Хельга? – не выдержав молчания собеседницы, спросил Ахим.

– Пока ничего страшного, – ответила Хельга. – Густав тоже влюблён в Гретту, и я полагаю, он не станет чинить ей вреда.

– Густав жесток и эгоистичен. Как бы он не сотворил насилия над девушкой.

– Гретта сильная. К тому же у неё есть защита: жемчужный амулет Берхарда...

– Ты снова об амулетах! – Ахим нетерпеливо махнул рукой. – А я им абсолютно не верю. Нужно что-то предпринять, чтоб защитить Гретту, чтоб уберечь нашего правнука!

– Ничего не предпринимай. В замке ты погибнешь! – взывала Хельга.

– Но нужно что-то делать!

– Жизни Гретты ничего не угрожает, а значит, и ребёнку Берхарда тоже. Поверь мне! А вот в сторону Густава смерть уже смотрит.

– Ты говоришь так, чтоб успокоить меня.

– Я говорю тебе правду. Так же, как и говорила её раньше.

Раздражаясь от спора, Ахим снова резко поднялся и широкими шагами смерил комнату. Эта женщина всегда останавливала все его порывы, все его действия, тушила вспышки чувств. Ахим постоянно говорил себе, что не надо её слушать, надо делать так, как решил он сам, однако почему-то, в конце концов, внимал её доводам и подчинялся. Ахим ругал себя за это, а порой даже ненавидел, и всё-таки покорялся.

– Что б ты не говорила, Хельга, ты – настоящая колдунья, – высказал Ахим. – Ладно, я потерплю. Но недолго, дней пять. За это время я как раз продумаю, как попасть в замок, уничтожить Густава, и самому остаться невредимым.

– Хорошо, – не стала спорить Хельга.

Пять дней – не много, но и не мало. Оставалось надеяться, что этого времени Берхарду будет достаточно.

Наконец последний гость покинул замок Регентропф, даже граф Норберт Регентропф со всем семейством вернулся в поместье Ребсток. Проводив всех, Густав облегчённо вздохнул. Вот он и дождался момента, когда уже никто и ничто не мешает ему жить свободно, по собственным правилам, по собственному разумению, когда ни перед кем больше не нужно притворяться, скрывая свои истинные чувства и мысли. Пусть отныне этим занимаются другие люди, окружающие его, зависящие от него – своего короля и покровителя.

Довольный собой, довольный наступающей жизнью Густав прошёл через просторный холл, через опустевший рыцарский зал, вышел в коридор, остановился у раскрытого узкого окна и кинул взгляд на цветущие в саду лилии. Настроение было великолепным. Солнце ярко освещало мир, грело ласковыми лучами землю, птицы звонко воспевали красоту и уютное тепло лета. Густав улыбнулся прекрасному дню, глубоко вдохнул аромат цветущих трав и свежести омытой дождём зелени.

Однако пора было заняться важными делами. Молодой ландграф прошёл коридор, по-молодецки взбежал по лестнице и свернул в восточное крыло. Солдаты, стоявшие на карауле у кабинета правителя Регенплатца, вытянулись и замерли в ожидании приказа. Густав вновь улыбнулся, – как приятно, чёрт возьми, чувствовать себя хозяином, хозяином всего и всех вокруг.

Здесь, в этом кабинете Патриция и застала сына. Густав

сидел за широким столом и перебирал документы, различные договора, счета, с серьёзным видом прочитывая каждую бумагу.

– Вижу, ты не теряешь время, – заметила Патриция, прикрыв за собой дверь.

– Да. К сожалению, отец не успел ввести меня в курс своих дел, и теперь придётся самому во всём разбираться, – отозвался Густав. – Но это не сложно и даже интересно.

– Уверена, ты станешь хорошим правителем Регенплата, – улыбнулась Патриция.

– Я тоже в этом уверен, матушка.

Густав оторвал взор от документа и взглянул на мать, присевшую на стоявшую у окна скамью.

– Вам не идёт чёрный цвет, – заметил молодой человек.

– Но сейчас время траура, я не могу носить одежды иного цвета, – ответила Патриция.

– И выглядите вы неважно, – продолжал Густав. – Я ещё утром это отметил. Как вы провели ночь?

– Плохо, – не стала скрывать Патриция. – Впрочем, как и предыдущую. Я очень любила твоего отца, Густав, и мне тяжела мысль, что его больше нет рядом со мной.

– А я спал отлично, – сказал Густав, проигнорировав лирический вздох матери, – и никакие мысли и переживания меня не тяготили. Нужно будет послать кого-нибудь к лекарю за сонными каплями для вас.

– Не стбит. У меня они есть.

– Тогда вы должны их использовать, а не мучиться бессонницей по ночам.

Густав вернулся к разбору бумаг. Он действительно выглядел, как человек, которому угрызения совести не причиняли беспокойства. Сначала Патрицию опечалил этот факт, но потом она успокоила себя, решив, что, возможно, холодное сердце для правителя лучше, чем сердце излишне чувствительное.

– Маргарет решила завтра уехать домой, – завязала Патриция новый разговор.

– Вот как? – равнодушно отозвался Густав, не отрываясь от чтения. – Она же хотела остаться здесь до конца месяца.

– Ну вот, передумала.

– Зря. Спасибо, что хоть на свадьбу осталась.

– Ты всё-таки решил жениться на Гретте?

– Конечно. Я же сказал, что сразу после похорон обвенчаюсь с Греттой. – И подняв на мать глаза, Густав добавил. – Я не меняю своих решений, как моя ветреная сестра.

– И венчание состоится сегодня?

– Да, сегодня вечером. Аксел уже всё подготавливает и уговаривает отца Михеля.

Как это всё не по правилам, не по-людски. Не нравились Патриции планы сына, однако возражать она не стала.

– Я заметила, что Гретта не спускалась к обеду ни вчера, ни сегодня, – после небольшой паузы сказала Патриция. – Ты держишь её взаперти?

– Вас не должен тревожить этот вопрос. – В голосе молодого человека зазвенел лёд.

– Но надеюсь, к венцу она пойдёт не в кандалах?

– Уверяю вас, к венцу Гретта пойдёт совершенно свободной и добровольно.

– А после свадьбы опять запрёшь её?

– Это будет зависеть от её поведения.

Патриция понимающе покивала головой. Если Гретта окажется глупой и не найдёт подхода к мужу, жизнь её станет ужасной. Патриции неожиданно стало жаль бедную девушку. Не ласкова к ней судьба оказалась.

– А почему барон Хафф уехал, не простившись ни с кем? – вновь поинтересовалась Патриция.

– Значит, ему так надо было, – отрезал Густав, и к его ледяному голосу добавился колючий взгляд.

– А Клос Кроненберг? И Кларк?.. Я не видела их даже на похоронах...

– Скоро увидите.

– Где же они сейчас?

– В темнице. Я обвинил их в убийстве моего брата и моего отца.

Патриция была крайне удивлена и... даже немного напугана.

– Но зачем тебе это нужно? – не понимала она. – Лекарь Гойербарг сообщил всем, что Берхард умер от лихорадки, и общество приняло такую версию...

– У меня свои интересы. Позже я напишу королю Фридриху, чтоб он приехал вершить открытый суд. Кроненберги, безусловно, будут казнены, их семья сослана, а обширное поместье Кроненберг вернётся в границы Регенплатца. Всё будет сделано мирно и по закону.

Патриция смотрела на Густава с нарастающим ужасом. Как быстро и как жёстко начал он действовать. И как неожиданно. Получалось, что она совсем не знала сына своего.

– Какие же доказательства их вины ты представишь королю?

– Найду несколько свидетелей. Позволю лекарю рассказать правду. И у меня будут на руках признания самих Кроненбергов, которые они обязательно дадут под пытками.

– Пытками... – ахнула Патриция. – Но ты поступаешь не по чести, сынок. Подумай, разве кто-нибудь поверит, что Клос Кроненберг, лучший друг Генриха, крёстный отец Берхарда...

– А скажите, мама, – тихо, с растущей дрожью раздражения произнёс Густав, остановив речь матери, – когда мой отец творил в Регенплатце суды и законы, вы тоже вмешивались со своими вопросами, советами и убеждениями?

Патриция опешила. Никогда Густав не позволял себе так разговаривать с ней. Что случилось с ним теперь? Почувствовал власть, безнаказанность? Но она же не какая-нибудь подданная, она его мать, и с ней он должен считаться. Должен! Гордость Патриции была задета. Она встала и с досто-

инством ответила:

– Да, я давала советы Генриху, и представь себе, он к ним прислушивался.

– Ну а я не буду! – твёрдо заявил Густав, так же поднявшись с места. – Мне безразлично, что вы думаете о моих действиях. И если уж они вас столь тревожат, то впредь я не стану посвящать вас в мои планы. И вас прошу больше не беспокоить меня расспросами, а тем более вашими советами.

– Но, Густав...

– Живите спокойно, матушка, отдыхайте, занимайтесь вышивкой и садом.

– Ты указываешь мне на место? – Патриция едва дышала, сдерживая слёзы обиды.

– Нет. Просто не хочу, чтобы вы стали моим врагом.

Слёзы накапливались и уже блестели в глазах. Она любила его, боролась за него, вложила в него душу, посвятила ему жизнь свою, а он за одно лишь неверное слово готов был сделать её врагом. Её, родную мать! Как Густав жесток. Обида буквально душила.

– Хорошо, я уйду, – проговорила Патриция. – Я не стану вмешиваться в твои дела. Но знай, твоя грубость больно ранила меня, обидела.

Женщина сделала паузу, ожидая услышать извинения сына, однако они не последовали. Густав молчал, и его синие глаза продолжали излучать холодное равнодушие. И тогда

обида переросла в злость.

– Почувствовал власть над людьми, силу? Угрожаешь родной матери? Не гневи меня!..

– А то что?

– Я тебя прокляну.

–И это мой сын, мой сын! Ради рождения которого я рисковала жизнью! Из-за которого я спорила, воевала с мужем! Я покрываю его убийство, я простила ему смерть моего любимого супруга, а он смеет мне грозить, закрывает мне рот, отталкивает от себя! За что мне такое, матушка!

Дав волю рыданиям, Патриция жаловалась своей матери Магде Бренденбруг. Старая женщина сидела молча, не перебивая стенания дочери, и по её застывшему лицу нельзя было определить, какие эмоции вызывали в её душе эти жалобы.

– Не ожидала я, что Густав станет столь жесток ко мне, – продолжала Патриция, утирая влажным платком слёзы. – Я же всегда помогала ему, защищала. Молилась за него! Неужели он всё это забыл? Если б вы видели взгляд его, такой холодный, что казалось, упади я в тот момент замертво, он не пожалел бы меня, а может даже и обрадовался бы.

– Ну, это ты преувеличиваешь, – отмахнулась Магда.

– Вовсе нет. Вы говорили, что мы сами взрастили в Густаве жестокость. Что ж, я согласна. Но не жестокость же к родной матери, от которой он видел только добро и ласку!

Стерев со щёк ручейки слёз, расстроенная женщина несколько раз печально всхлипнула. Горько, как горько на душе. Даже когда она узнала об измене Генриха, ей не было так обидно, даже когда в её доме появился сын от его любовницы, она не чувствовала себя столь оскорблённой. Но несмотря ни на что, материнская любовь не угасла, не стихла, не замерла, сердце по-прежнему болело за единственного сына.

– Сегодня уже второй день, как умер Берхард, – проговорила Патриция, стараясь успокоиться.

– Ты всё ещё ждёшь исполнение завета ведьмы? – спросила Магда.

– Жду, – призналась Патриция. – Мне действительно страшно за Густава. Я смогу успокоиться, только когда закончится завтрашний третий день.

– Ну, а у меня веры в это заклятие нет, – спокойно отозвалась Магда. – Его условия обойдены, обмануты. Густав останется жив, вот увидишь. А тебе, дорогая, я вот что посоветую. Не мешай мальчику. Он уже вырос, и ты должна принять это. Отпусти его от опеки своей, дай ему свободу. Густав не глуп, да и отец успел научить его быть хозяином и господином. Извини, но я всецело на его стороне во всём.

– И даже в его жутком намерении устроить этот ужасный суд над Кроненбергом?

– Да. Я считаю, что Густав правильно поступает.

– Но Фридрих знает, как Кроненберг был предан Генриху,

и потребует весьма весомых доказательств его вины.

– Предателем может стать даже старый верный друг. Я уверена, Густав сумеет составить и предъявить такие доказательства, иначе он не затеял бы этот показательный суд.

Патриция растерянно пожала плечами. Не ожидала она, что мать поддержит не её ноющее сердце, а жестокость Густава. И не только жестокость, но и нелепость планируемых поступков.

– А как он поступает с Греттой Хафф, – продолжала недоумевать Патриция. – Густав угрозами заставляет её идти под венец.

– Пусть она скажет спасибо, что Густав берёт её в законные жёны, а не насилует, словно рабыню, – холодно ответила Маргарет; судьба девушки её совершенно не интересовала. – Если у девчонки есть ум, она сможет стать счастливой.

Гретта Хафф сидела у открытого окна и тоскливо смотрела на залитый солнечным светом сад. Теперь, когда она заперта в своей комнате, это стало её единственным развлечением: смотреть в сад и думать, думать и смотреть в сад. Там, в этом мире за окном всё было красиво, ярко, свежо и свободно, а здесь, в её жизни царили темнота, печаль и угнетение. Если бы можно было сбежать, оставить мрак и уйти в свет! Гретта выглянула в окно и посмотрела вниз – высоко, и вдоль стены рос колючий шиповник.

– Даже не думайте об этом, госпожа! – испуганно восклик-

нула Лизхен, заметив движение хозяйки.

Гретта выпрямилась и, слабо улыбнувшись, повернулась к подошедшей к ней молодой женщине.

– Что ты, Лизхен, я и не собиралась оканчивать жизнь свою, – тихо проговорила она, успокаивая служанку. – Я просто вдруг подумала, а можно ли сбежать отсюда?

– Сбежать?

Лизхен приблизилась к окну и, перегнувшись через подоконник, тоже взглянула вниз.

– Ой, здесь понадобится верёвочная лестница, – с серьёзным видом констатировала она. – Или хотя бы крепкий канат. И хорошо бы раздобыть мужское платье.

Молодая женщина отвернулась от окна и внимательно осмотрела комнату.

– Можно связать шторы, покрывало... – продолжала она рассуждать, уже готовая начать действовать. – Они крепкие. Можно добавить простыни... Мужское платье не достать... Если только... можно разрезать юбку и обернуть её вокруг ног наподобие штанов и перевязать лентой...

Однако Гретту планы служанки только позабавили.

– Ну что ты такое выдумываешь, Лизхен? – с улыбкой останавливала она фантазии служанки.

– А что? Сбежать вполне возможно, – не сомневалась Лизхен. – Потом аккуратно пробраться в конюшню, взять коня... Только бежать нужно как можно скорее, пока вы не стали женой этого монстра.

– Лизхен, сядь, прошу тебя. И говори потише. Иначе стража и вправду подумает, что я решила совершить побег.

Взяв молодую женщину за руку, Гретта усадила её рядом с собой на скамью.

– Но... как же?.. Вы же сами смотрели... думали... – Лизхен пребывала в недоумении.

– Я не сбегу. Я останусь и выйду замуж за Густава.

Сказав это, Гретта не смогла сдержать вздох печали. Улыбка покинула её губы, грусть заволокла светло-карие глаза.

– Я дала слово. Я обещала. Ради свободы отца.

– А если Густав обманет?

Гретта вскинула на Лизхен тревожный взгляд. На миг её сердце сжал страх, что Густав действительно сможет так поступить. Однако разум быстро отверг это предположение.

– Нет, он так не поступит, – проговорила девушка. – После свадьбы мой отец уже ничего ему не сделает. Он усмирит свой пыл, чтобы мне не навредить. Да и я сама попрошу батюшку не чинить зла Густаву.

– А потом? После свадьбы?

– Не знаю, – выдохнула Гретта, удручённо склонив голову. – Не знаю, Лизхен. Буду жить, постараюсь приспособиться к новым условиям, к супругу моему. Я должна жить, должна выжить. И не столько ради себя и отца, сколько ради ребёнка, что зародился во чреве моём. Ребёнка от моего любимого мужчины, от Берхарда. Я должна сберечь его.

Неожиданно дверь резко отворилась, и в комнату вошёл Густав. Женщины невольно замерли от неожиданности, в их взгляде застыло напряжение.

– Добрый день, фройлен Гретта! – приветствовал Густав, прикрыв за собой дверь. – Сегодня я ещё не имел удовольствия видеть вас.

Гретта ничего не ответила.

– Как вы себя чувствуете? – Густав был вежлив и мил.

– Прекрасно, – процедила Гретта.

– Это хорошо. Я рад.

Юноша улыбался искренне и добро, он имел вид радушного хозяина, зашедшего поздороваться с дорогой гостьей. Но Гретта не могла принять это фальшивое радушие, она больше не верила улыбкам и вежливости этого человека, она даже во внешности его более не находила ничего приятного. Девушка не ответила на улыбку, она продолжала сидеть и выжидательно смотреть на своего поработителя.

Неторопливо с видом хозяина Густав прошёлся по комнате и остановился напротив женщин. Ему нравился их напуганный оцепеневший вид. И хотя Гретта пытается гордо держать голову, в душе она, несомненно, боится его. И это приятно.

– Я заглянул напомнить вам, что у нас сегодня свадьба, – сказал Густав. – Подготовьтесь к ней.

– И на какое время она намечена? – бесцветно поинтересовалась Гретта.

– Думаю, на время вечерней зари. Мне кажется, это самый красивый период дня. Оранжевое небо, тёмные силуэты гор...

– В вашем доме двойное горе, а вы устраиваете праздник, – решила высказать упрёк Лизхен, прервав романтические краски. – Это грех великий, и Бог накажет вас!

Густав кинул на молодую женщину презрительный взгляд.

– Наверное, я зря тебя здесь оставил.

– Лизхен, не надо, – мягко остановила Гретта служанку и поторопилась сменить тему, пока у Густава не ухудшилось настроение. – Что станет с моим отцом после нашей свадьбы? – спросила она.

– Как я и обещал, он будет освобождён, – с холодом величественного презрения ответил молодой ландграф. – Я дал слово, а слово Регентропфа – закон. Завтра утром барон Хафф сможет отправиться домой.

– А как я узнаю, что он добрался до дома живым и невредимым?

– Вы не верите мне? Жаль. И тем не менее, я с вами веду честную игру, Гретта. Мне нет резона обманывать вас сейчас, ибо в дальнейшем всё-таки хочу заслужить ваше доверие.

– Но сегодня в душе моей этого доверия ещё нет, – настаивала Гретта.

– Я позволю вам вести переписку с отцом. И если хотите,

ещё с кем-нибудь из вашего дома.

Гретта по-прежнему не верила в наигранную доброту своего жениха, и всё же где-то в глубине её души затеплилась надежда, что Густав сдержит слово, поступит честно, хотя бы ради того, чтобы добиться её уважения, уважения женщины, которую, как утверждал, он любит. Напряжение немного сползло с плеч её, страх чуть-чуть отступил от сердца, девушка даже позволила себе отвести глаза, оставив на несколько мгновений врага вне поля зрения.

– А что уготовано графу Кроненбергу и его сыну? – со вздрогнувшей неуверенностью вновь поинтересовалась Гретта.

– Вашу нежную душу это не должно тревожить, – мило улыбнулся Густав.

– И всё же?

– А вы упрямы, Гретта. Что ж, отвечу, коль так желаете. С завтрашнего дня им будет учинён допрос с пристрастием...

– Но они же ни в чём не виновны! – неожиданно даже для самой себя воскликнула Гретта.

Густав удивлённо приподнял бровь.

– Значит, они станут виновны, – просто отозвался он. – Они должны быть виновны.

Гретта хотела возражать, защищать, бунтовать, но вовремя остановила порыв, понимая, насколько это бесполезно. Слушать её Густав не станет и решения своего не изменит. Ему надо уничтожить Кроненбергов, и он это сделает. Осо-

знаявая свое бессилие, Гретта опустила олову.

– Можно попросить вас об одном маленьком одолжении? – спросила она, остудив вспыхнувшие эмоции.

– Пожалуйста, – снисходительно позволил Густав.

– В честь нашей свадьбы и в память о вашем скончавшемся отце, отложите пытки и допросы хотя бы на месяц.

Подобная просьба подивила молодого ландграфа значительно больше, чем недавний возглас возмущения. Он приблизился к девушке – зачем ей всё это? Но Гретта не поднимала головы и прятала глаза, а вместе с ними и смысл прошения.

– Я считаю, подобная милость ни к чему, – ответил Густав. – Да и осуждённым она лишь муки ожидания добавит.

– Подарите им ещё хотя бы месяц жизни, пусть даже такой мучительной, – не отступала Гретта.

Густав усмехнулся – какая твёрдая, упрямая. Она здесь никто, не имела никаких прав, её участь зависела от его настроения, от одного его слова, и всё же она смела что-то просить, требовать, смела защищать его врагов. Хочет показать, сто сильная? Что смелая? Что может управлять им? Ну уж нет. Он не позволит ей командовать, он на корню пресечёт её дерзость.

– Ваша просьба глупа и мне неприятна! – отрезал Густав.

– Хотя бы в честь памяти вашего отца... – не унималась Гретта.

– Довольно! – воскликнул Густав. – Ваше упрямство пе-

реходит все границы! И вызывает во мне раздражение!

– Я же не прошу вас сохранить им жизнь, а лишь отсрочить казнь. – Девушка подняла на разгневанного мужчину глаза полные мольбы. – Сделайте мне такой свадебный подарок.

Густав нервно передёрнул плечом. Его невеста далеко не тихая голубка, она оказалась бунтаркой, настырной, требовательной. Ну, ничего, скоро он заставит её измениться, покориться, лишит права на слово и даже права на мысли о воле.

– Подарок? Я и так делаю вам большое одолжение, беря вас себе в жёны. Вас, вдову, бесприданницу. А вы ещё просите подарок?

– Я не бесприданница, вы получаете мои земли, – едва сдерживая гнев, возразила Гретта. – А что касается звания вдовы...

– Моё терпение уже на пределе, Гретта! – прикрикнул Густав. – Не заставляйте меня разочаровываться в вас. Я больше не желаю слушать ваши глупые речи!

– И всё-таки я прошу вас. И клянусь, это моя последняя просьба к вам.

Густав только дивился твёрдости и настойчивости своей невесты. И ладно бы она просила за себя, а то ведь за других.

– Не знаю, зачем вам это нужно. Вы и пленников не спасёте, и себе жизнь отягощаете моим недоверием. – Густав пристально смотрел на девушку, он действительно не понимал

её упрямство. – Ну да ладно, уступлю вам, сделаю милость. Продлю жизнь врагов моих ещё на пятнадцать дней.

– Только пятнадцать?..

– Не больше! И помните, Гретта, это была ваша последняя просьба. Больше я не исполню ни одну, как бы вы не молили меня.

Не желая более продлять столь неприятную тему, не желая более видеть гордую осанку собеседницы, не желая более тратить время на её глупые просьбы, Густав резко развернулся и спешно покинул покои. Проводив его взглядом, Гретта облегчённо выдохнула. Как же тяжело общество этого человека. А ей придётся его терпеть, долго терпеть. И начнётся её ужасная жизнь уже сегодня после вечерней зари, после венчания, в момент, когда он войдёт в её спальню...

Гретта поёжилась от отвращения, представив, как руки Густава прикасаются к ней, и невольно поморщилась, представив, как губы его оставляют влажный след на её лице.

– Зачем вы столь упорно просили за пленников, госпожа? – недоумённо спросила Лизхен, рассеяв звуками голоса неприятные видения Гретты.

Девушка повернулась к верной служанке и тихо пояснила: – Я же говорила тебе, что лекарь Гойербарг отправил сына к королю с воззванием о защите и справедливости. И я хочу, чтобы граф Кроненберг и Кларк дожили до его приезда, чтобы могли свидетельствовать против Густава, поведать обо всех его злодеяниях. Густав применит к ним самые же-

стокие пытки, и, боюсь, мужчины не выдержат их. Конечно, пятнадцати дней мало, дорога к королю Фридриху не близкая, да и как скоро он прибудет сюда, не известно. Но я буду молить Бога, чтобы король успел, чтобы ничего не задержало его в пути. Давай молиться вместе, Лизхен. Чем скорее возмездие настигнет Густава, тем скорее все станут свободны, тем скорее Регенплатц обретёт прежний покой.

Обряд венчания между Густавом фон Регентропфом и Греттой Хафф прошёл тихо скромно и быстро. Свидетелями его были лишь унылая вдова ландграфа Патриция фон Регентропф, нетерпеливо ожидающая конца графиня Маргарет Гельпфриг да невозмутимая старая графиня Бренденбург. Никакой торжественности, никакой красоты, никакой радости. Речь священника была сухой и краткой, поздравлений не звучало, даже свечи не горели. Лишь утопающее в серых облаках вечернее солнце смотрело в окно оранжевым огненным пятном.

Гретта была спокойна и холодна. Она приказала себе стать безразличной ко всему. Показывать слёзы ни к чему, а радоваться нечему. Она упрятала все чувства на самое дно души своей, укрыла сердце толстым покрывалом сна. И теперь, словно находясь в прострации, девушка тихо и безропотно произнесла согласие на брак, позволила надеть обручальное кольцо себе на палец, оставить поцелуй на своих губах. Её красивый белый расшитый жемчугом наряд, сшитый специ-

ально для пышного свадебного праздника, в полумраке маленькой часовни стал тусклым и серым, словно покрытый пелериной тоски.

И только Густав был всем доволен. Наконец-то ему принадлежит всё, всё-всё без остатка.

После церемонии Густав взял Гретту за руку и повёл за собой. Он шёл быстро, почти бежал, он спешил, ему не терпелось поскорее уложить свою супругу в постель и вдоволь насладиться её телом, её покорностью, её унижением. Он долго желал её, долго терпеливо ждал этого момента. И вот наконец все препятствия устранены, отныне эта женщина – его собственность, его рабыня, и делать с ней он будет всё, что заблагорассудится душе его.

Открыв дверь своей спальни, Густав грубо втолкнул Гретту в комнату, скудно освещённую парой факелов да уходящим солнцем. Девушка с трудом устояла на ногах от грубого толчка. Закрыв дверь, новоявленный супруг повернулся к жене своей довольный, торжествующий, победитель. Но что такое? Почему у его жёнушки не смиренный вид, не молящий о пощаде взор, почему не боится она своего господина? Как смеет она гордо и уверенно смотреть ему в глаза? Впрочем, нет. Всё-таки чувствуется напряжение в её застывшем лице, в окаменевшей позе – значит, боится. Это хорошо.

– Ты очень красива, Гретта, в этом нежном платье... в дымке фаты... Ты красива в любом наряде, но сейчас мне нравишься особенно. Может, потому, что теперь я полно-

правно могу назвать тебя своей?

Густав приближался к девушке медленно, почти крадучись, говорил тихо с хрипотцой растущего желания, глаза его покрылись поволокой предвкушения удовлетворения.

– Я полюбил тебя с того момента, как увидел на портрете. Я грезил тобой. Я мечтал о тебе. Я испытывал счастье, когда держал тебя за руку. Однако ты предала меня. Ты, которая обещала стать моей, отдалась другому. Но я смогу простить тебя. Если будешь любить меня, станешь ласкова ко мне, я прощу. Ибо даже твоё предательство не вызвало в душе моей ненависти к тебе.

Гретта молчала и выжидательно наблюдала за приближающимся к ней мужчиной. Она понимала, что близости с ним ей не избежать. Она смирилась с тем, что придётся отдать своё тело. Но только тело, а не душу, не сердце, не помыслы. Густав подошёл к ней очень близко, совсем близко. Гретта даже почувствовала его горячее дыхание на своём челе. Глаза его блестели, как глаза хищника, наконец загнавшего добычу.

Густав положил руку на девичью талию и крепко прижал к себе. Невольно ахнув, Гретта отвернула лицо – она не желала видеть своего нового супруга, он ей был противен. А Густав уже прильнул губами к её шее, уже спускал с покатога плеча платье.

– Полюби меня, Гретта, полюби... – хрипло выдыхал Густав, покрывая шею и плечи девушки жаркими жадными по-

целуями. – Я сделаю тебя моей королевой, моей богиней... Я осыплю тебя золотом, одену в шелка, жемчуга, алмазы, станешь есть из серебра... Только люби меня, люби...

Девушка продолжала молчать и терпеть. Не получая ответа на свои ласки, Густав прервался и поднял голову. Но на лице Гретты он увидел лишь гримасу брезгливости. И снова гнев охватил его.

– Гордая, да? Предпочитаешь быть рабыней, только бы не любить меня! Ну чем я тебе противен, чем? Чем хуже него? Разве я безобразен? Разве урод?

– Зло изуродовало тебя. А жестокость превратила в дьявола, – тихо дала ответ Гретта.

– Ах, в дьявола! – прорычал Густав. – Ну что ж, пусть будет так. Я прикую тебя к моей кровати и стану пользоваться, как дворовую девку! Не желаешь любить меня по-хорошему, так будет по-плохому!

Густав резко развернул девушку и грубо толкнул её к кровати. На этот раз Гретта не устояла, споткнулась о длинный подол платья и упала на пол. Фата слетела с её головы, в запястье почувствовалась боль, слёзы просились наружу, но Гретта приказала им оставаться внутри глаз, не предавать её.

Ветер с шумом распахнул чуть приоткрытые ставни окна. Густав повернулся на шум. Опять непогода, опять тучи и холодная морось, побледневшие солнечные лучи терялись в серой мгле. Парень недовольно поморщился – утром слугу, забывшего запереть окно, ждёт наказание. Закрыв ставни, Гу-

став вновь повернулся к Гретте для продолжения разговора. За это время девушка уже поднялась на ноги, вернула себе гордую осанку и холодный взгляд. Казалось, ничего её не сломит, ни уговоры, ни угрозы. Но хватит слов, они лишь впустую тратят время. Нужно просто взять её, показать, что за жизнь она себе выбрала своим глупым упрямством, и возможно, завтра она станет более любезна и покладиста.

Густав несколько раз шагнул, но вдруг остановился, замер, в расширенных глазах его мгновенно вспыхнул ужас. Прямо перед ним на расстоянии вытянутой руки из ниоткуда возник образ... нет, выросла фигура Берхарда. В той же одежде, в какой отправляли его в мир иной, лицо бледное, тяжёлый взгляд чёрных глаз излучал холод. Призрак был тих и недвижим, но он был. Густав его отлично видел, ощущал ледяное дуновение потустороннего мира и теперь от страха медленно пятился назад.

Гретта не понимала, что случилось с Густавом, что могло напугать его столь неожиданно. Молодой человек смотрел в её сторону, но не на неё саму, а куда-то рядом. Девушка быстро огляделась, однако ничего страшного возле себя не обнаружила. Она не видела Берхарда, присутствия в комнате духа его не чувствовала и потому недоумевала.

А дух Берхарда не исчезал. Неподвижный он продолжал стоять перед Густавом и страшить его своим существованием.

– Тебя нет, – нервно выдохнул Густав, не в силах оторвать

взор от видения. – Тебя нет...

Густав даже отмахнулся, пытаясь рассеять призрак, но образ Берхарда всё равно оставался. Он не шевелился, не менялся, его чёткий силуэт в туман не превращался.

– Ты не существуешь, – продолжал убеждать Густав скорее себя, чем видение. – Ты умер. Умер! Тебя нет! Сгинь!

Теперь Гретта поняла, кого именно видел Густав – своего брата Берхарда. Она стала вглядываться в то место, куда был направлен испуганный взгляд молодого человека, да только к своему огорчению ничего не могла рассмотреть. Ей оставалось лишь с трепетом наблюдать за страхом её новоявленного супруга.

Осознав, что призрак не предпринимает никаких действий, что он не движется и молчит, Густав немного успокоился и даже решился на попытку обойти видение. Осторожно, не спуская глаз с Берхарда, он отшагнул в сторону, потом ещё раз...

И тут Берхард повернул голову, острым взглядом пронзив беглеца. У Густава перехватило дыхание, кровь, казалось, застыла в жилах, и ужас больше предыдущего сковал его тело. Ещё через мгновение Берхард вытянул вперёд руку и жестом поманил к себе. И нервы Густава сдали, разум не выдержал такого напряжения, душу охватила паника. Дыхание превратилось в череду нервных хриплых стонов, и уже знакомая дрожь сменила оцепенение. Бежать, нужно бежать! Чтобы не видеть больше это лицо, этот образ! Спасительная дверь со-

всем рядом, всего несколько шагов. Тело ещё подчинялось разуму. Густав заставил его развернуться и на слабеющих с каждым шагом ногах выбежал из спальни. Спотыкаясь и опираясь на стену, с разметавшимися уставшими мыслями ему удалось добраться по коридору до поворота. И только здесь силы покинули его, сознание погрузилось во мрак, а тело охватили судороги.

Гретта встрепенулась и бросилась к выходу. Но вовсе не для того, чтобы последовать за сбежавшим Густавом. Плотно закрыв дверь, девушка повернулась и оглядела спальню. Сумерки сгустились, солнце настырно падало за горизонт. В комнате кроме Гретты никого больше не было, и всё-таки она знала, что не одна здесь. Сердце участило ритм, но не от чувства страха, скорее, то было чувство ожидания, предчувствия чего-то чудесного. Девушка сделала несколько неуверенных шагов. Где-то здесь присутствовал Берхард. Вернее, его дух, но это неважно. Главное, что он где-то здесь, совсем недалеко от неё. Её возлюбленный, самый дорогой её сердцу мужчина, по которому она тосковала, которого она жаждала снова увидеть, ощутить, которого она готова была принять любым, абсолютно любым, даже в образе призрака из мира мёртвых. Вот только где он? Как увидеть его?

– Берхард, милый мой, – мягко позвала Гретта. – Я знаю, что здесь ты... Покажись... Позволь увидеть тебя, как позволил ты это Густаву.

Однако на призыв ответила лишь безмолвная тишина. Гретта прошла к тому месту, куда всматривался Густав, протянула руку, но ничего не почувствовала. Здесь ли ещё Берхард? Здесь, непременно здесь. Если не в этом месте, так в другом.

– Берхард... Молю, не отринь мою просьбу, явись мне, любимый. Не испугаюсь я образа твоего. Ибо жив ты всегда в сердце моём. Покажись. Мне так плохо без тебя, так одиноко... Дай мне понять, что ты рядом, со мной... Дай хотя бы знак, что слышишь меня.

Внезапный глухой стук в стекло заставил Гретту вздрогнуть и устремить тревожный взор на окно. Но это всего лишь тяжёлые капли дождя.

– Нет, я не испугаюсь тебя, – продолжала говорить Гретта. – Мне безразлично, как выглядишь ты теперь. Я не перестану любить тебя. Как бы ни сложилась жизнь моя, ты останешься единственным мужчиной для меня и единственным моим супругом. Смотри, я не снимаю твоего обручального кольца. Лишь передела его на левую руку, как... как вдова. Слава Богу, Густав ещё не обратил на него внимания.

Вспомнив о Густаве, Гретта посмотрела на правую руку. На безымянном пальце блестело массивное золотое обручальное кольцо, надетое новым супругом. Супругом, которого Гретта не желала, которого ненавидела.

– Этот брак недействителен. Он состоялся по шантажу и принуждению. На нём нет Божьего благословения! – Гретта

сняла с пальца обручальное кольцо и безжалостно выкинула его. – Благодарю тебя, Берхард, что защитил меня от Густава, что не допустил насилия. Клянусь, я никогда не стану его женщиной ни душой, ни телом. Я только твоя, любимый мой, твоя навеки. Покажи мне облик твой нынешний, я приму тебя любим. Отзовись на зов мой, Берхард...

Послушав тишину, Гретта печально понурила голову. Не откликнулся Берхард, не хотел показываться, не соглашался утешить ноющее сердце. Девушка устало опустилась на кровать. Все её мольбы растворялись в пустоте комнаты, рассеивались в безразличии каменных стен. Надежда вновь увидеть любимого угасла, и душу охватила безудержная тоска. Гретта провела пальцами по шее и, подцепив золотую цепочку, извлекла из-под ворота платья крупную жемчужину в виде капли – амулет, который завещал ей Берхард. Девушка часто смотрела на кулон и, зажав его в ладони, вспоминала своего любимого мужчину, его красивые ястребиные глаза, ясные и ласковые, его добрую улыбку, нежные руки, горячие губы... Картины памяти ещё не потеряли ярких красок, ещё не покрылись пылью времени, звуки голосов ещё не стихли, и чувства не угасали. Гретта и не допустит этого. Ведь память – это единственная связь, оставшаяся между ней и Берхардом, единственное место, где они по-прежнему могли быть вместе.

Гретта тяжело вздохнула. Если бы память сохраняла только приятные сердцу сюжеты. Однако она зачем-то оставляет

и страшные эпизоды жизни. Девушка гнала от себя эти воспоминания, но они помимо воли проникали в разум её. Никогда они не позволят забыть ей покрытое саваном смерти лицо возлюбленного, последнее тихое «Прости». Никогда ей не удастся унять в сердце чувство горя и безысходности от того, что всё осталось в прошлом: радость, любовь, надежда на счастье, на вечное счастье вдвоём с милым Берхардом. Никогда ей больше не испытать его ласк, не услышать его голос, не посмотреть в его глаза. Как ужасно. Как это ужасно. Как страшно осознавать, что всё кончено. Несчастливая девушка больше не могла сдерживать слёзы. Уткнув лицо в ладони, она дала рыданиям волю.

Капли дождя вновь ударили в стекло. Гретта подняла голову на звук. И вдруг память отчётливо нарисовала образ Берхарда в яркой вспышке молнии и напомнила крики обезумевшей старой женщины: «Стань частью стихии! Наполнись влагой сей, прими её за тело своё». Это было на самом деле, она помнит. Та женщина... Должно быть, она была колдуньей, она сумела удержать на земле душу Берхарда. А значит, ничего не кончено. «Стань частью стихии!» Они ещё могут быть вместе!

Гретта подбежала к окну и распахнула его.

– Ты стал дождём, Берхард! Вот каков твой новый облик.

Гретта протянула руку под крупные капли небесной влаги. И будто в ответ ей, прохладный ветер мягко прикоснулся к локонам её волос, и три капельки остались на её лице: две

на щеке и одна на губах.

– Мне всё равно, каким ты стал, Берхард, – сквозь слёзы улыбнулась Гретта. – Главное, что ты остался со мной.

Рассвет едва показался за горизонтом, как дверь распахнулась, и в спальню влетела разгневанная Патриция Регентропф. Пламя горящего факела в её руке отбрасывало красный свет на искажённое злостью лицо женщины; волосы расчёпаны, из одежды одна камиза. Патриция кинулась к кровати и грубыми толчками разбудила спящую безмятежным сном Гретту.

– Проснись! Вставай, негодная!

Резко вырванная из мира сна, Гретта проснулась, открыла глаза, но ничего не могла понять.

– Ландграфиня? – удивилась она, сев на кровати.

Гнев на лице разбудившей её женщины вызвал у Гретты недоумение и в то же время наполнил душу тревогой.

– Что случилось, ландграфиня? – пролепетала девушка.

– Будто не знаешь ты! – рявкнула Патриция. – Будто не знаешь, что муж твой едва не скончался этой ночью в ужасных муках!

– Не понимаю...

– Всё прекрасно понимаешь! И теперь мне объяснишь, что сделала ты с Густавом?!

– Я ничего не делала...

– Ты знаешь, что он болен и довела его до приступа! –

сверкая глазами, продолжала наседать Патриция. – И вместо того, чтоб позвать помощь, бросила его беззащитного в холодном коридоре! Признавайся, что сказала ему? Что сделала?

– Боже мой... Я ничего не знаю... – Гретта отодвинулась от разъярённой обвинительницы и сжалась в комок от страха. – Густав сам выбежал из комнаты и больше не возвращался.

– Выбежал? – громко рычала Патриция. – И кто же его прогнал отсюда? Кто же смог сделать это кроме тебя? Ведь вы были одни в спальне. Что ты натворила, ведьма?!

– Не кричите на меня! На мне нет никакой вины! – оскорбленная несправедливыми обвинениями гордость заставила Гретту поднять голову и начать защищаться. – Я не знала о болезни Густава, так как никто из его семьи не соизволил сообщить мне об этом до свадьбы. Я не знала о приступе, так как не при мне он случился. А если вы умерите свой гнев и соблаговолите выслушать меня, я расскажу, что произошло здесь вчера.

– Что ж, выслушаю, – сделала одолжение Патриция. – Но не вздумай меня обманывать!

– Я и не собираюсь. Вчера в этой комнате Густав увидел призрак и испугался его. В ужасе он бросился вон, а я за ним не последовала.

Патриция удивлённо вскинула брови. Она не поверила Гретте.

– Призрак? Какой призрак? Ты за дуру меня принимаешь?

– Я говорю правду! Густаву явился образ Берхарда.

Но у Патриции подобное утверждение вызвало лишь презрительный смех.

– Понимаю, звучит странно, и всё же это правда. Спросите у Густава, если не верите мне.

– Густав ничего не говорит. Упрямо хранит молчание, – сказала Патриция. – Должно быть, тебя выгораживает. Ведь я просила его не брать тебя в жёны. Как чувствовала, что от тебя будет одно только горе. Но Густав поступил по-своему. И вот чего добился. Девушка, к ногам которой он положил всё своё королевство, которой он простил предательство, пытается выставить его безумцем! А я ещё жалела тебя, сочувствовала судьбе твоей. На что ты надеешься? На что рассчитываешь? Желаете смерти ему?

– Разве есть мне смысл оправдываться, если вы не верите?

– Лишь теперь я поняла сущность твою. Ты не такая простушка, как хочешь казаться. – Патриция сузила глаза от ненависти, голос её хрипел от злости. – Ты коварна, хитра и очень расчётлива. Трон Регенплатца – такой подарок судьбы нельзя упустить. Ты соблазнила Берхарда ради этой цели, но просчиталась. За непослушание Генрих отказал старшему сыну в праве на трон. Тогда ты вернулась к Густаву, приворожила его, заставила убить брата и взять тебя в жёны. А теперь ты корчишь из себя невинную мученицу, чтобы

вызвать жалость в народе, чтобы тебя любили и почитали, а Густава тихо ненавидели.

Гретта смотрела на женщину с плохо скрываемым страхом. Она нервничала, ей казалось, что ещё немного, и Патриция ткнёт в неё горящим факелом.

– Да вы не менее безумны, чем ваш сын, – вырвались у Гретты эмоции.

– Как ты смеешь, мерзавка! – выкрикнула Патриция, вконец потеряв контроль над собой.

С каким бы удовольствием она надавала бы этой молодой нахалке пощёчин, да та сидела слишком далеко. С досады и ненависти Патриция рычала и бросала ругательства.

– Стража! – наконец выкрикнула она.

В покои немедленно вошли двое солдат.

– Уведите эту... Уведите в её покои, – распорядилась ландграфиня. – И передайте, чтобы следили за ней и никуда не выпускали.

Отдав приказания, Патриция ещё раз пронзила Гретту уничтожающим взглядом и быстро покинула комнату. Какова мерзавка! Густав прав, она не заслуживала ни жалости, ни уважения. С ней нужно обращаться лишь как с грязной чернью. И всё-таки Густав за что-то её любил, зачем-то узаконил отношения с ней. Ведьма! Она, несомненно, приворожила его.

Патриция зашла к себе в комнату, оделась, привела в порядок волосы, а после прошла в покои сына. Покои, кото-

рые ещё два дня назад принадлежали Генриху фон Реген-тропфу, её мужу. Густав лежал на кровати, прикрытый тонким одеялом. Лицо его было бледно, пустой взгляд синих глаз устремлён в потолок; юноша не двигался, и, казалось, окружающий мир совершенно не интересовал его. В стороне на стуле сидел лекарь Питер Гойербарг. Завидев вошедшую ландграфиню, мужчина поднялся и склонился в вежливом поклоне. Патриция озабоченно посмотрела на больного сына и обратилась к лекарю:

– Каково состояние Густава?

– Кризис прошёл, – спокойно ответил Питер. – Более никаких причин для беспокойства нет.

– У него странный вид.

– Я дал ландграфу успокоительный настой. Сейчас ему нужен сон и отдых.

Патриция согласно покивала головой. Вздохнув, она отошла к окну и присела в кресло.

– Вы сами как чувствуете себя, гер Гойербарг? – поинтересовалась Патриция.

– Благодарю, ландграфиня, я успел отдохнуть и скинуть с себя напряжение того дня. А вот вас снова одолевают тревоги.

– Как же не тревожиться, когда сын мой любимый болен?

– Конечно, – согласился Питер. – Однако за заботами не забывайте и о своём здоровье. Я принёс вам травяной чай, который хорошо успокаивает...

– Спасибо, добрый вы мой человек, – улыбнулась Патриция. – Вы настоящий ангел-хранитель наших тел, гер Питер.

– Если б я был таковым, – печально вздохнул лекарь, – вы не носили бы сейчас траурный наряд.

– Вы сделали всё возможное.

– Мне не следовало оставлять ландграфа одного.

– Даже если и были ошибки, гер Питер, их уже не исправить. Так давайте теперь наши заботы посвятим живым.

Патриция вновь перевела взор на сына своего. Густав уснул. Дыхание его стало тихим и ровным.

– Гер Питер, – обратилась она. – Когда Густав пришёл в себя, он не рассказывал вам, от чего у него случился приступ?

– Нет, ландграфиня, – ответил лекарь. – Да я его и не спрашивал. Лишнее волнение сейчас ему принесёт лишь вред. Пусть ландграф поспит, после спросите его сами. А сейчас я всё-таки настаиваю, чтобы вы отдохнули. Позавтракайте, прогуляйтесь по свежему воздуху, потом выпейте мой чай и прилягте. Всё страшное уже позади. А я пока побуду при больном. Просто для того, чтобы убедиться, что хворь отступила окончательно.

Патриция согласилась. После бессонной ночи, после скандала с Греттой она действительно чувствовала себя усталой. Завтрак Патриция приказала принести в её покои и попросила служанку никого не впускать. Ей хотелось побыть одной. Разум её тревожили мысли о сыне. Что могло случиться

прошедшим вечером? Почему вспыхнул новый приступ болезни? И почему Густав отказывается что-либо объяснить?

Мерзавка Гретта! Изображает из себя тихоню! Безусловно, она во всём виновата. Напугать Густава она, конечно же, ничем не могла, но вот довести его до нервного срыва, наверняка, сумела. И надо же такое придумать – призрак Берхарда! Да в этом замке никогда не бродили призраки, хотя за прошедшие века трагедий здесь происходило не мало.

Однако сердце женщины всё равно защемило – а вдруг это правда? Неуспокоенная душа Берхарда осталась на земле, чтобы отомстить, чтобы забрать с собой душу своего обидчика.

– Нет-нет! – тут же оборвала мысли Патриция. – Такого не может быть. Это всё злые фантазии Гретты! Она хочет, чтобы мы испугались, чтобы нас мучила совесть. Да только у неё ничего не выйдет, ибо наша совесть чиста. Я и Густав всего лишь добивались справедливости.

И всё же тяжесть на сердце осталась. Сегодня третий день, как скончался Берхард. А вдруг этот день станет последним для Густава?

Перед обедом Патриция снова заглянула к сыну. Густав уже проснулся, просто лежал на кровати и бездумно смотрел в окно. Патриция подошла к нему, с материнской нежностью погладила по голове.

– Как ты себя чувствуешь, сынок? – с заботой поинтере-

совалась она.

– Хорошо, – бесцветно отозвался Густав.

– А где лекарь?

– Я отпустил его.

Патриция присела на край кровати.

– Ты ничего не ел сегодня. Я прикажу принести тебе обед сюда.

– Я не хочу есть.

– Тебе нужно набраться сил.

Наступила пауза. Патриция очень хотела знать, что же именно произошло накануне, но она никак не решалась спросить.

– Маргарет осталась ещё на день, – сказала Патриция.

– Я знаю. Она заходила ко мне, – всё тем же тоном отвечал

Густав.

– Давно?

– Нет. Прямо перед вами.

Патриция вздохнула. И всё-таки нужно задать терзавший её душу вопрос, дабы он больше не мучил. Женщина взяла сына за руку и заглянула в его глаза.

– Густав, расскажи, что произошло вчера? – попросила она.

Юноша вновь перевёл взор на окно.

– Пусть это вас не беспокоит, матушка, – сказал он.

– Как же не беспокоит? – заволновалась Патриция. – У тебя случился жестокий приступ, который длился дольше,

чем обычно, у тебя даже был жар. И после этого я должна быть спокойна?

– Всё закончилось, я чувствую себя хорошо. К чему ворошить прошедшее?

– Но тебе так плохо ещё никогда не было, – убеждала Патриция. – И я хочу знать, что именно вызвало такой приступ.

– Я ничего вам не отвечу. – Густав упрямо стоял на своём, и в его голосе появилось раздражение. – Если вам это так интересно, расспросите Гретту.

– Она говорит какую-то ерунду, – отмахнулась Патриция. – Утверждает, будто тебя напугал призрак Берхарда.

– И вы ей не поверили? – насторожился Густав.

– А нужно было поверить? – Патриция тоже замерла.

– Это как вам будет угодно.

– Но ты же не говоришь правду. А к словам девушки, которая не любит и не ценит тебя, во мне доверия мало.

Густав равнодушно пожал плечами. Он отказывался что-либо объяснять и рассказывать, а что решит для себя мать, его не волновало. И Патриция это поняла. На сердце у неё было тяжело. К тревоге за сына добавилась ещё и обида на его холодность, на выселение самого близкого человека из его жизни.

Густав не провожал мать даже взглядом. Её чувства ему были безразличны, его интересовал лишь он сам и его новый кошмар – призрак Берхарда. Он никому не собирался рассказывать о своих видениях. Во-первых, ему могут не пове-

рить и счесть за сумасшедшего. Падучая болезнь и так не добавляет ему славы. Во-вторых, люди догадаются, что именно он и есть убийца Берхарда, и теперь его мучает совесть. Звание братоубийцы Густава совсем не прельщало. К тому же он собирался возложить вину за убийство на Кроненберга. А в-третьих... Густаву было стыдно за возникшие страхи. Нет, никто не должен знать о поселившимся в замке призраке Берхарда. Но как Гретта смогла всё понять? Неужели, тоже видела призрак? Нужно спросить. Спросить и предупредить, чтоб не болтала о случившемся на каждом углу. Иначе слухи о безумии властителя Регенплатца быстро разлетятся по всем окрестностям.

Сев на кровати, Густав почувствовал лёгкое головокружение. Впрочем, оно быстро прошло. Тогда юноша встал и не спеша оделся. По коридору он шёл не торопясь, преодолевая слабость в теле. Но дорога была не длинной.

У двери в покои молодой ландграфини на карауле стоял солдат, который завидев господина, немедленно вытянулся в струнку. Сообщив, что охрана покоев госпожи более не нужна, Густав отпустил стражника, затем открыл дверь и вошёл в комнату. Гретта вместе с Лизхен сидела на скамье у окна, приход молодого ландграфа резко прервал их разговор и заставил обеих опустить глаза. Густав догадался, что девушки говорили о нём, и скорее всего, Гретта рассказала своей прислужнице о ночном происшествии. С плохо скрываемой напряжённостью, юноша прошёл и присел на стул. Спohватив-

шись, Лизхен вскочила с места. Скоро присев в реверансе, она отошла в противоположный угол комнаты.

– Добрый день, Гретта, – произнёс Густав.

– Добрый день, – спокойно ответила девушка, продолжая сидеть. – Как ваше самочувствие?

– Спасибо, хорошо.

– Вы бледны.

– Плохо спал. А как провели ночь вы?

– Мой сон был крепок и спокоен. Вот только ландграфиня разбудила меня очень рано...

– Вас совсем ничего не беспокоило? – с подозрением уточнил Густав.

– Совсем, – подтвердила Гретта. – После того, как вы столь спешно покинули спальню, я легла на кровать и под тихую песню дождя уснула.

Девушка невольно улыбнулась, вспомнив эту мирную ласковую мелодию дождевых капель. Густаву, не знавшему мыслей супруги, показалось, что Гретта смеялась над ним, над его бегством. И как ни странно, эта догадка вызвала в его душе чувство не гнева, а стыда.

– Говорите, матушка моя рано разбудила вас? – проговорил Густав. – Подозреваю, она не была с вами особенно ласкова.

– Да, ландграфиня гневалась и обвиняла меня, – ответила Гретта. – Надеюсь, вы объяснили ей всё?

Густав покосился в сторону Лизхен, которая поставив се-

бе на колени корзину с рукоделием, старательно делала вид, будто занята разбором ниток и разговор господ ей совсем неинтересен. Но молодой ландграф не поверил в это напускное безразличие. Он поднялся и занял место на скамье рядом с Греттой.

– Я матушке ничего не рассказывал. Это не её дело, – тихо, почти шёпотом заговорил Густав. – Однако обязательно скажу ей, что ты ни в чём не виновата. Вчера... вчера я перебрал вина... Я был немного не в себе. Должно быть, я бредил наяву... Моя болезнь... моё проклятье. Это она тревожит мой разум...

Гретта слушала сбивчивые объяснения молча. Она не заметила, чтобы Густав накануне был пьян, от него даже не пахло вином. Безусловно, он просто пытался оправдать своё позорное бегство.

– Ты зря поведала моей матери о каком-то призраке, – продолжал Густав. – Ничего подобного не было. И я надеюсь, ты не станешь распространять эту глупость по всему свету?

– Глупость? Я сказала Патриции правду. Впрочем, она всё равно не поверила.

– Ты всё неправильно поняла, – убеждал Густав. – Никакой призрак мне не являлся.

– Что же тогда привело тебя в бегство?

Густав вспыхнул – Гретта явно насмеялась над ним. Нервы молодого человека вновь напряглись.

– Неважно. Я и сам уже не помню, – тихо прорычал он. –

И вообще, забудь всё это! И не болтай лишнего. Прошу пока по-хорошему. Со служанкой своей уже посмеялись надо мной?

Гретта промолчала. Значит, поделилась с Лизхен впечатлениями.

– Прикажи ей не распускать язык.

– Мы же с ней ни с кем не общаемся в замке, – спокойно ответила Гретта. – Так что можешь нас не опасаться.

Густав поднялся. Доверия к супруге у него было не слишком много, оставалось лишь надеяться на её послушание. А уж Лизхен он и подавно не верил. Густав покосился на молодую женщину – она по-прежнему была занята рукоделием. Если Гретта не вразумит служанку, если та начнёт сплетничать, он просто уберёт эту чернавку из жизни.

– Кстати, я удалил стражу, так что вы свободны, Гретта, – вернув голосу нормальный тон, сказал Густав. – Уверен, у вас не появится желания сбежать от своего законного супруга и тем самым опозорить вашу новую семью.

– Спасибо, Густав, – улыбнулась Гретта. – У меня действительно нет причин бежать отсюда. Я смогу выходить в сад?

– Выходите, куда вам угодно. А для вашей служанки я могу выделить соседнюю комнату, которая как раз для прислуги и предназначена. Если хотите, конечно.

Любезность и доброта мужа приятно подивили Гретту. Возможно, Густав не столь плох, как казался, или он просто хотел понравиться? Гретта переглянулась с не менее удив-

лённой Лизхен.

– Да, это будет замечательно, – согласилась Гретта.

– Что ж. Тогда Лизхен может занять эту комнату прямо сейчас. Она открыта.

Густав направился к выходу. Но вспомнив ещё об одном, у самой двери остановился и обернулся.

– И я уже отдал распоряжение освободить вашего отца, – сообщил он.

В глазах Гретты вспыхнул огонёк радости.

– Мне дозволено увидеть его? – с надеждой спросила она.

– Нет, – отрезал Густав. – Но как только барон приедет домой, то сможет прислать вам письмо.

Радость немного померкла, и девушка не смогла сдержать вздоха.

– Не переживайте. Никакого вреда вашему отцу причинено не будет. Слово Регентропфа.

– Благодарю вас, Густав, – сказала Гретта. – Я верила, что вы сдержите обещание.

– Надеюсь, что и вы отнесётесь ко мне благосклонно. Вы поняли, о чём я.

За обеденным столом сидело всего три человека, три женщины: Патриция, Маргарет и присоединилась к ним Магда Бренденбург. Все в чёрных траурных одеждах, все с печальными лицами. Ели молча, лишь изредка издавая тяжёлые вздохи. Солнце ярко освещало тихую трапезу, пытаюсь

внести хотя бы каплю яркого настроения, однако на его старания никто внимания не обращал.

После окончания обеда, женщины так же молча разошлись. Старая графиня отправилась в свои покои, Маргарет вернулась в комнату к сыну, а Патриция прошла в сад. Впрочем, довольно скоро на прогулку вышла и Маргарет с маленьким Готфридом. Погода стояла чудесная. Небо сияло лазурью, а трава изумрудом, солнце посылало мягкое тепло, лёгкий ветерок, шурша листвою, развеивал в воздухе ароматы цветов. Готфрид с радостным визгом побежал по зелёной траве, подпрыгивая и подгоняя бабочек. Ребёнок ещё не познал трагизма жизни, ещё не испытал жестокость людей, он ещё воспринимал мир, как огромное светлое чудо и верил, что так будет вечно. Мальчик наслаждался счастьем.

Наблюдая, как резвится Готфрид, Патриция и Маргарет не спеша прохаживались по тропинке. У них были и заботы, и проблемы, жизнь уже наинула им на плечи плащ прожитых лет. И у Патриции этот плащ был значительно тяжелее.

– Вы заходили к Густаву после обеда, матушка? – поинтересовалась Маргарет.

– Нет, ещё не заходила, – ответила Патриция. – Я знаю, ты была у него утром. Вы с ним не говорили о вчерашнем происшествии?

– Я, конечно, спрашивала у него, что такого страшного произошло с ним в брачную ночь, но Густав отказался что-либо рассказывать мне. А вам, он признался?

– Нет. Мне он тоже ответил, что это не должно меня интересовать.

– Странно. А у Гретты вы спрашивали?

– Эта мерзавка выставляет его безумцем, – с нервом ответила Патриция. – Она сказала, будто Густав увидел призрак Берхарда и, испугавшись его, бросился вон из спальни. А так как она за ним не последовала, то и припадка не видела.

Маргарет задумалась. Она не ожидала услышать подобную версию.

– Вы ей не поверили? – вновь заговорила она.

– Как я могу поверить такой ерунде?

– А почему вы назвали её мерзавкой?

– Потому что считаю во всём виновной только её. Наверняка она вчера устроила истерику, и у Густава сдали нервы. А может, даже потасовку учинила, дабы не подпустить его к себе. Я уже не вижу в ней скромную девочку, мне кажется, эта стерва на всё способна.

– И вы не допускаете мысли, что Густаву действительно мог явиться призрак?

Патриция взглянула на дочь с изумлением.

– Ты защищаешь Гретту? Или тоже склонна считать своего брата безумцем? – спросила она.

– Ни то и ни другое...

– Тогда к чему подобный вопрос?

Маргарет неуверенно пожала плечами.

– Совсем недавно произошёл один случай, – произнесла

она, – о котором я вам не рассказывала, посчитав его не столь важным. Однако теперь понимаю...

– Какой случай? – встревожилась Патриция и вся обратилась в слух.

– Во время похоронной процессии, – повела рассказ Маргарет, – когда мы проезжали по улицам города, Густав заметил кого-то в толпе, кого-то, кого не ожидал увидеть. Это его сильно взволновало. Густав обратился ко мне и, указывая на людей, спросил: «Ты видишь его?» Я взглянула туда, куда он показывал, но никого знакомого не увидела. Тогда я уточнила: «Кого «его»?» А Густав вдруг как-то странно посмотрел на меня и грубо так ответил: «Никого. Мне показалось». Возможно, и правда показалось, не знаю. Однако после Густав постоянно кого-то высматривал в толпе людей. Он был встревожен, напряжён и бледен. И вот теперь я подумала, а вдруг тогда он тоже увидел призрак Берхарда? И вдруг этот призрак отныне станет преследовать его?

Сердце Патриции наполнилось тревогой. Она не знала, как реагировать на услышанное. Не хотелось верить, выводы Маргарет могут быть неверными. И в то же время, как иначе объяснить странное поведение Густава? Чьё ещё появление могло его так сильно обеспокоить?

– И вот что ещё, мама, – говорила дальше Маргарет. – Среди прислуги ходит слух, будто в тот страшный день, когда ушли из жизни батюшка и Берхард, в замке видели Хельгу. Ведьму отшельницу...

– Хельгу?! – Замерев на месте, Патриция в ужасе схватилась за сердце. – Как? Кто? Почему мне не сказали?

– Кто-то из слуг столкнулся со старухой в кухне и узнал её. Могу предположить, что наш лекарь Гойербарг позвал её. Хотя это странно, ведь он всегда справлялся сам. Если только, поняв, что Берхард не просто болен, а отравлен, он не нашёл средства... А Хельга всё-таки известная в округе знахарка...

– Да, вероятно, – сдавленно отозвалась Патриция, суеверный страх ещё не отпускал её.

– И ещё я подумала, – продолжала Маргарет. – Гер Гойербарг никогда не позвал бы сюда эту женщину без позволения ландграфа. И значит, отец тоже знал, что Хельга здесь.

– Знал... И не сказал...

Душу отяготила обида, сердце сковывал страх, и столь внезапный огромный груз склонил ослабевшее тело к земле. Патриция опустилась прямо на траву.

– Что с вами, матушка? – ахнула Маргарет, присев рядом с матерью.

Но Патриция её не слышала. Разум женщины полностью утонул в топи нехороших предчувствий, в понимании грядущей катастрофы. Что здесь делала колдунья? Только ли пыталась излечить волчонка? Или наводила злые чары после смерти дьявольского отпрыска? Усилила свои заклятия на Густава? Она ли задержала душу Берхарда на земле, заставила мстить Густаву? Она вполне могла это сделать. Ведь

ей наверняка подчинена чёрная магия. Ведьма! Что теперь делать, как остановить колдовство? Как защитить Густава? Сегодня третий день. Уже третий день. И Густав болен.

Тяжело дыша, едва сдерживая нервный сердечный ритм, Патриция встала и поспешила в дом, повторяя, словно в бреду: «Третий день... Уже третий день...»

Маргарет была в замешательстве. Весть о приходе Хельги взволновала мать больше, нежели видения Густава. Даже не взволновала, а навела ужас. Неужели трагедии в замке ещё не закончились? Уж не надвигается ли кара Божья? Молодая женщина обернулась на звонкий детский смех. Свободный и беззаботный Готфрид резвился, с восхищением слушая звуки лета и наблюдая его картины. И мать горячо взмолилась: только бы несчастья семьи Регентропф не перекинулись на него, не запятнали его невинную душу!

– Больше ни одного дня не задержусь, – твёрдо произнесла Маргарет. – Здесь жизнь наполняется муками. Завтра же с рассветом уеду.

Патриция долго сидела в покоях сына. Она даже хотела остаться здесь на ночь, однако Густав был категорически против. Он не понимал странное желание матери. Он уже хорошо чувствовал себя, даже спускался к ужину и провёл час на пешей прогулке. Больше никаких причин не осталось для беспокойства. Густав не знал, что в его матери живёт страх перед заклятьем, которое связало его жизнь с жизнью брата.

Не знал, что по условиям заклѣтия после смерти брата ему отпущено лишь три дня, и сегодня шѣл третий последний день. И именно поэтому мать желала быть рядом с сыном, чтобы попытаться помочь, оградить, уберечь. Но Густав ничего не знал, не понимал и злился.

Всю ночь Патриция не спала. Тяжелые думы не давали ей покоя. Время от времени она покидала свою спальню и, освещая себе путь свечой, шла к покоям сына. Возле его двери дремал солдат, поставленный охранять покой ландграфа. Патриция проходила мимо него, заходила в комнату и приближалась к кровати. Приподняв свечу, она всматривалась в расслабленное лицо спящего сына, тихо произносила молитву и, немного успокоенная, уходила.

Лишь утром, когда зашла к сыну пожелать доброго утра и увидела его здоровым и в хорошем настроении, Патриция наконец смогла облегченно выдохнуть и отбросить тревоги. Наступил четвертый день со смерти Берхарда, а Густав попрежнему жив. Значит, Магда была права, им удалось избежать страшного заклѣтия, удалось перехитрить его условия. Теперь бояться больше нечего. И лишь призрак Берхарда (если, конечно, он существует) может причинить беспокойства. Да и то, к нему можно привыкнуть и не обращать внимания.

– Маргарет уже уехала? – спросил Густав у матери за утренней трапезой.

– Да, с рассветом, – отозвалась Патриция.

– Странно. Что её заставило поторопиться? Даже не попрощалась со мной. Может, вчера у неё что-то случилось такое, чего я не знаю?

– Нет, ничего не случилось, – Патриция пожала плечами. – Просто Маргарет захотела скорее вернуться домой. Она же собиралась ещё вчера.

– Ну, да Бог с ней, – махнул рукой Густав. – Праздники её разочаровали, а похороны ей неинтересны.

Окончив завтрак, Густав удалился в кабинет отца. Вернее, уже в свой кабинет, намереваясь заняться делами. Вот только сосредоточиться у него никак не получалось. Раздумья о последних днях отвлекали его и казались более важными, нежели повседневные дела правителя.

Сегодня во сне он видел брата. Смысл сна из памяти вылетел, но осталось лицо Берхарда – на нём читалась гордость и решимость. Решимость на что? Неужели волчонок отныне будет преследовать его постоянно? Неужели отравит жизнь ему и... И никогда не подпустит к Гретте? Как это смешно: в любви к собственной жене помехой является привидение.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл Аксел Тарф. Он всегда входил без стука и без доклада, ему, как лучшему другу ландграфа, это позволялось. Окинув взглядом Густава, молодой человек прошёл и сел на стул.

– У тебя плохое настроение или тяжёлые думы гложут? – поинтересовался он.

– Тяжёлые думы, – тускло ответил Густав.

– Проблемы?

– Да. – Густав вдруг почувствовал острое желание с кем-нибудь поговорить о своих страхах, и верный друг подходил для этого лучше всех. – Ко мне приходит призрак Берхарда, – выпалил он признание. – Я его боюсь.

Аксел не удивился, не рассмеялся, не принял сказанное за чепуху. Напротив, брови его нахмурились, взгляд углубился в раздумья.

– Это он стал причиной обострения твоего недуга? – вновь спросил молодой человек.

– Да.

– Его вид был ужасен?

– Нет. Волчонок выглядел как обычно. Он не казался туманом, его тело не просвечивало, наоборот, он выглядел, как обыкновенный человек, как обыкновенный живой человек. Он стоял совсем близко. Можно было протянуть руку и коснуться его. И вот в этом и заключался ужас его. Понимаешь? В том, что он рядом и что выглядел, как живой в то время как я знаю, что он мёртв и лежит в гробу! – Изливая душу, Густав нервничал. Он будто заново переживал встречу с призраком брата, будто заново видел его перед собой. – Нужно что-то делать, как-то изгонять его из моего замка! Я не хочу делить с ним Регентропф ни с живым, ни с мёртвым!

Аксел Тарф молчал. Он думал.

– Ты мне веришь, Аксел? – с детской надеждой на понимание спросил Густав.

– Конечно, – ответил друг. – Что странного в том, что неуспокоенная грешная душа осталась бродить по земле?

– Но как успокоить её и прогнать с земли?

На это Аксел лишь развёл руками.

– В деревне, где жили мои родственники, был похожий случай, – после небольшой паузы заговорил Аксел. – В одной семье умерла женщина. Тело похоронили, но дух её остался в доме. Та женщина и при жизни была мерзкого характера, а после смерти и подавно замучила родных своих. Спать не давала, выла по ночам, вещи раскидывала... Семья её не выдержала, да уехала из деревни, а дом тот сожгли. И с тех пор дух той женщины больше никого не беспокоил.

– Но я же не могу поджечь замок, – выслушав, возразил Густав.

– А весь замок и не надо. Душа, привыкшая к телу, обязательно где-то находит себе приют. Возможно, она поселилась в комнате Берхарда. Там кто-нибудь живёт сейчас?

– Нет. Я запер покои. Вещи там остались нетронуты. Думаешь, надо комнату сжечь?

– Давай попробуем. А вдруг получится?

– А вдруг не получится?

На эти сомнения Аксел лишь пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он. – Я же не колдун. У меня нет навыка общения с миром мёртвых. А вот в лесах Регенплатца, говорят, есть какая-то колдунья.

– Да, Хельга, – подтвердил Густав. – Местная знахарка и

ведьма. Но я никогда не имел с ней дела и не знаю, где живёт она.

– Узнать дорогу труда не составит. Наверняка к ней обращались многие. Если она настоящая колдунья, то должна знать способ, как унять привидение.

Но для начала Густав всё же решил осмотреть покои Берхарда. И, естественно, не один, а вместе с Акселом. С ним было не так страшно. Густав отпер дверь и осторожно вошёл в комнату брата. Из-за плотно закрытых ставень на окнах в покоях было темно. В воздухе стоял запах сырости.

– Чем-то здесь пахнет, – поморщив нос, заметил Аксел. – Чувствуешь?

Густав настороженно оглядывался, ему было не по себе. Темно, прохладно, влажный воздух – как в склепе. Именно в таком помещении и мог поселиться дух умершего.

– Затхлостью пахнет, давно не проветривали, – сказал Густав, пытаясь унять дрожь в сердце.

– Ничего не видно. Нужно окно открыть или свечу принести.

– Уж лучше сразу факел.

Найдя причину покинуть угнетающее место, Густав спешно вышел из комнаты. Аксел же наоборот, прошёл вглубь. Он не боялся, ему даже было любопытно, каков он, призрак умершего? Молодой человек прислушался – тишина вокруг, присмотрелся – но увидел лишь тёмные силуэты мебели. И всё-таки ничего страшного. Обычная нежилая комната, тём-

ная и затхлая. Достаточно впустить сюда свет и проветрить, и она ничем не будет отличаться от остальных.

Вернулся Густав с зажжённым факелом в руках. Сердце ещё билось беспокойно, однако горящее оружие вселяло кое-какую уверенность. Первым делом Густав направился к кровати брата и поднёс факел к пологу. Ему страстно хотелось поскорее избавиться от призрака, и он готов был использовать для этого любые средства. Как ни странно, огонь не полыхнул, лишь запах тлеющей ткани разнёсся по комнате.

– Что за чертовщина, – выругался Густав.

Аксел Тарф приблизился к кровати и коснулся ладонью покрывала.

– Постель влажная, – сказал он.

– Почему? – удивился Густав, обернувшись к другу.

– Не знаю, – пожал плечами Аксел.

Он подошёл к шкафу и потрогал рукой полку – на ладони осталась влага. Такой же эксперимент Аксел провёл и со столом, и со стулом.

– Да тут всё мокрое, – констатировал молодой человек.

Густав напряжённо взирал за действиями друга. Сердце его вновь сжала тревога, к разуму тихо подползала паника. Неспроста всё это. Должно быть, Аксел прав, дух волчонка действительно поселился именно здесь. Густав нервно отбросил факел прямо на середину кровати. Он бы очень обрадовался, если бы дьявольское ложе охватило пламя. Но огонь

не разгорался. Напротив, с лёгким шипением факел начал потухать. Густав поспешил к выходу, Аксел за ним.

– Сейчас же прикажу слугам вынести отсюда все вещи, всю мебель и сжечь на заднем дворе. – Густав запер дверь и проверил, крепко ли она закрыта. – А ты, Аксел, разузнай, где живёт та ведьма, да оседлай коней для нас. Сегодня после полудня поедem к ней.

Тропинка к дому Хельги хорошо просматривалась среди леса. Люди, ищущие помощи у лесной знахарки, не давали дорожке зарастать. А нуждались в её помощи многие.

Вот и Густаву, молодому ландграфу фон Регентропфу, так же понадобилась необычная колдовская сила Хельги. Он не испытывал страха перед встречей с ведьмой. Это она должна была бояться его, как своего господина, повелителя, как короля земель, где она живёт, который вполне может послать её на костёр за связь с дьяволом.

Молодые люди выехали на небольшую опушку к деревянной избе, стены которой облепил невысокий кустарник, остановили коней, огляделись.

– Эй, Хельга! – громко позвал Густав. – Дома ли ты? Выходи к гостям.

Дверь избы тихонько открылась, и под лучи яркого солнца вышла старая седая женщина в чёрных потрёпанных одеждах. Морщинистое лицо её было сурово, взгляд тяжёл.

– Да, именно такой я тебя и представлял, – усмехнулся

Густав. – Старая и безобразная.

Он спрыгнул с коня и приблизился к Хельге.

– Зачем ты пожаловал ко мне, Густав? – без лишней вежливости поинтересовалась знахарка.

Молодого ландграфа задело, что какая-то оборванка посмела обращаться к нему без должного уважения, без почтения, даже без поклона. Однако вслух он высказывать недовольство не стал, ибо сейчас ему нужна была дружба с этой чёрной женщиной, а не вражда.

– Я пришёл за помощью к тебе, – сказал Густав. – И если поможешь мне, я щедро награжу тебя.

В слабой улыбке Хельги мелькнула не то печаль, не то разочарование. Женщина тихо неторопливо заговорила:

– За моей помощью приходят люди, когда они уже находятся на грани отчаяния, у черты безысходности, когда у них больше нет иного выхода. И я никому не отказываю. Ты тоже на грани отчаяния. Тобой овладел ужас. Ужас, который испытываешь ты от прикосновения смерти. – Хельга гордо подняла голову, и в её взгляде заблестело некое злое торжество. – Но я не смогу избавить тебя от этого ужаса. На мою помощь не рассчитывай. Не в моих силах отогнать от тебя дух Берхарда.

Густав слушал с замиранием сердца. Эта ведьма знала о нём всё, а может даже и мысли читала.

– Странно, – проговорил он. – Подружка дьявола должна уметь усмирять мертвецов.

– Берхард остался, чтобы мстить, и не успокоится, пока не отправит тебя в царство теней.

Густав даже вздрогнул от жёстких пронзительных слов чёрной женщины. В душе его вновь зашевелился страх.

– Что ты мелишь, старуха! – нервно прорычал он. – Что сможет мне сделать дух бестелесный? Только преследовать меня да холод нагонять.

– Тогда почему ты боишься его?

– Не боюсь. Не боюсь! – Густав жадно глотнул воздух. К страху добавился гнев, и смесь столь тяжёлых чувств сдавливала дыхание. – Он просто мешает мне жить. Он нервирует меня! Огради меня от него. Дай мне какой-нибудь амулет, научи заговорам...

Но Хельга лишь хрипло рассмеялась. Видеть страх врага её и его растущее безумие доставляло ей удовольствие.

– Тебе ничего не поможет, Густав. Ты обречён.

– Я тебе не верю!

– Можешь не верить. Это не отвратит от тебя твоей участи.

И Хельга снова хрипло хихикнула, назревающая в душе Густава паника её веселила.

– А ты, я вижу, рада этому! – взревел ландграф и, в гневе выхватив меч из ножен, приставил его остриё к груди женщины. – Или ты поможешь мне, старая ведьма, или я сейчас же отправлю тебя в ад!

Однако вместо страха в глазах Хельги отразилось лишь

презрение.

– Я прожила долгую жизнь, – спокойно ответила она. – В ней было столько горя и страданий, что смерть станет для меня избавлением, милостью.

– В таком случае, я тебе и смерть могу устроить мучительную, на костре!

– Не пугай меня. Я не боюсь ни воды, ни пламени. Лучше подумай о своей кончине, ибо смерть уже стоит за твоей спиной!..

Гнев уже пересиливал страх, и вместо слов вырывалось рычание. Рука, державшая меч, напряглась, с трудом сдерживая желание, воткнуть этот меч в грудь чёрной женщины, дабы заглушить её чёрные предсказания.

Из-за спины Густава вышел Аксел. Он наблюдал происходящее со стороны, смотрел, слушал. И ему казалось, что именно эта колдунья, которая с такой лёгкостью заглядывала в тайные уголки души человека, и сможет помочь Густаву избавиться от кошмаров. Вот только как её заставить согласиться? Аксел коснулся руки Густава и медленно опустил его меч. Молодой ландграф непонимающе покосился на друга – что за заступничество? Но Аксел повернулся к знахарке и спокойным негромким голосом обратился к ней:

– Как бы ни храбрился человек, ему всё равно страшно умирать. И тебе тоже страшно, Хельга. Помоги Густаву. Он стал ландграфом, в его руках богатство и власть. Скажи, какую плату ты хочешь за свои услуги, Густав выполнит твои

желания.

– Мои желания?! – злобно прошипела Хельга.

Неожиданно для Аксела, его слова возымели совсем иной эффект. Он хотел задобрить ведьму, но оказалось, сильно разозлил её.

– Мои желания?! – закипала Хельга от возмущения. – Богатство и власть приобрёл он через предательство и убийство. Что можно просить у такого зверя? Мои желания... Думаешь, ты стал всемогущим? Стал Богом? Нет! Ты слаб, и ты будешь мучиться!..

– Замолчи! – И Густав снова поднял меч на женщину.

– Тебе не исполнить мои желания! – неистово продолжала Хельга. – Ты не сможешь оживить Берхарда. Так же, как и не сможет Патриция вернуть мне мою дочь, которую жестоко убили по её приказу!

– Какую дочь?..

– Я была слишком добра к ней, к тебе. Я терпеливо наблюдала, как вы издеваетесь над Берхардом, как унижаете моего внука!..

– Внука?!

– Я глупо надеялась, что однажды вы успокоитесь, что получив наконец Регенплатц, вы оставите Берхарда в покое! Но вы убили его! Он отдал тебе всё, а ты всё равно убил его!! А теперь просишь о помощи?! Да я ненавижу тебя. Я проклинаяю тебя! И мать твою проклинаяю!

– Замолчи!..

– В мучениях проведёте вы последние дни жизни своей. А осталось их у вас немного! Смерть кружит вокруг вас, уже скалит зубы, потирает руки в предвкушении...

– Замолчи!

И желая пресечь поток проклятий, Густав не выдержал и утопил меч в мягком теле женщины. Хельга застыла на мгновение. Выпад был столь неожиданным, что она не сразу поняла, что произошло, и разум не сразу осознал вспыхнувшую боль. Дышать стало трудно, совсем невозможно, глаза застелил красный туман. Обессилив, женщина упала на колени. Раздался новый взрыв боли от выдернутого из тела меча. Взрыв, забравший с собой последний вздох жизни.

Всё ещё пытая от гнева, Густав с ненавистью смотрел на лежащую у его ног мёртвую женщину. Наконец-то она замолчала. Колдуньям вообще не место на его землях!

– Чёртова ведьма, – выругался Густав. – Выжившая из ума старуха. В аду тебе место! Там ори свои глупые проклятия.

Он наклонился и вытер об одежду Хельги свой окровавленный меч.

– Аксел, внеси эту тварь в дом да подожги его, – после распорядился Густав. – Пусть ничего не остаётся после неё. Пускай и прах по ветру разлетится.

Вид догорающей избы окончательно успокоил душу молодого ландграфа. Даже настроение улучшилось. Возможно, проблема его так и осталась не решённой, зато он освободил свою землю от чёрной колдуньи. Больше никто от её деяний,

от её проклятий не пострадает, и он в том числе.

– Я и не знаю, как ещё можно избавиться от призрака, – размышлял Аксел по дороге обратно в замок. – Мне больше ничего в голову не приходит. Я никогда с призраками не сталкивался...

Но Густав на озабоченность друга лишь махнул рукой.

– Слуги уже, верно, вынесли и сожгли всю мебель и все вещи его. Я запрю эту комнату, заколочу досками дверь и окна...

– Это его не удержит...

– А мне плевать! Не боюсь я его больше, не боюсь! После того, как я убил эту ведьму, я чувствую себя необычайно сильным и уверенным. Словно груз с плеч моих свалился. И привидение брата мне отныне не страшно.

– Неужели Берхард и вправду был внуком колдуньи?

– Мне всё равно. – Густав чувствовал себя героем, королём жизни. – Да будь он внуком самого дьявола! Я его больше не боюсь. Действительно, что сделает он мне бестелесный? Пусть бродит по замку, я просто не стану обращать на него внимания. И в отношениях с законной женой моей он мне не помеха! Сегодня же ночью... Нет! Сейчас же, едва вернусь в замок, я войду в покои Гретты и возьму её. И она не посмеет мне отказать. Она не имеет права отказывать в близости супругу своему! А не захочет по-доброму, так возьму силой.

Шум на улице вывел Ахима Штаузенга из задумчивого состояния. Мужчина подошёл к окну. Небольшая группка женщин, трагично охая и ахая и осеняя себя крестными знаменьями, смотрели вдаль на небо. Поодаль от них тоже стояла парочка и смотрела туда же с таким же озабоченным видом. Ахим недоумённо огляделся. Прохожие шли медленно, с волнением поглядывая на небо, некоторые останавливались, крестились и, качая головами, шли дальше. Что же они такое увидели? Ахим выглянул из окна и тоже посмотрел на небо. Но оно было абсолютно чистым ярко-бирюзовым, ни одно облачко не мешало солнечным лучам изливаться на землю тепло и свет. Однако люди что-то наблюдали на небесах, иначе они не вели бы себя столь странно.

– Что случилось? – окликнул Ахим столпившихся женщин.

– А вы сами посмотрите, гер Штаузенг! – отозвалась одна из них. – Выйдите и взгляните на замок Регентропф. Не к добру, ой не к добру всё это.

Ахим встревожился – что могло случиться с замком? Мужчина торопливо вышел на улицу и, как и остальные прохожие, подняв голову, взглянул в сторону величественного строения на высоком холме. Взглянул и за сердце схватился. «О Боже!» – выдохнул он. Замок Регентропф покрывали огромные чёрные грозовые тучи. Удивительное явление, удивительное и пугающее. Везде светило солнце, небо было ясным, воздух прозрачным. Над полями и реками, над гора-

ми и лесами, над городом, над деревнями – везде. И лишь над крышами замка, над его садами и дворами неподвижно висели тяжёлые холодные тучи, утопив могучий каменный замок во мраке и окружив его плотной стеной серого ливня.

Ахим ничего не мог понять. Что за чертовщина такая? Почему стихия накрыла только замок Регентропф? Именно его, а не что-либо другое в Регенплатце? «Убийц настигнет кара Божья. Случится это скоро», – вспомнил вдруг Ахим предречения Хельги. Кара Божья... Неужели это она и есть? И каково будет её наказание? Стихия затопит замок? Или её молнии сожгут его?

В большом волнении Ахим побежал в конюшню, быстро оседлал своего коня и выехал со двора. Видела ли Хельга, что твориться над замком? Конечно, видела. Этот самый высокий в Регенплатце холм виден отовсюду. Как она сможет объяснить подобное явление? Мужчина подгонял коня, направляя его сквозь лес по короткой дороге. Он торопился, хотя и надобности в спешке не было. Волнение гнало его.

Вот и поворот на узкую тропку. Здесь пришлось перевести коня на шаг, густой кустарник выставлял корявые ветви, словно шипы. Чем больше Ахим углублялся в лес, тем явственнее он чувствовал запах гари. Вероятно, Хельга жгла костёр. Но зачем он ей нужен? Наконец тропа вывела на залитую солнцем опушку. Представшая перед взором ужасная картина вновь нанесла несчастному мужчине удар и в самое сердце. На месте деревянной избы валялись лишь дымящие-

ся чёрные обгорелые обломки вперемешку с осколками глиняной утвари, и над этой грудой возвышалась покрытая копотью каменная печь, словно памятник прошедшему пожару.

Ахим сошёл с коня. С тревогой он оглядывал догорающие руины, не понимая, что за трагедия случилась здесь? И где хозяйка сгоревшей хижины? Ахим позвал Хельгу по имени – ответа не последовало. Тогда он позвал громче, обратился в сторону леса – но снова тишина. «Быть может, Хельга ушла в селение искать приют? – стал рассуждать Ахим. – Она много сделала хорошего, люди не должны её прогнать. А вдруг она направилась ко мне? – Мужчина резко развернулся к тропе и взгляделся в тени её кустов. – Ведь Хельга знает, что я никогда не откажу ей в помощи. Тогда нужно скорее возвращаться».

И всё-таки его что-то задерживало. Привязав коня к ближайшему дереву, Ахим приблизился к месту пожарища. От обломков ещё веяло жаром, и в воздухе висел туман из дыма и пепла. Хмуро оглядев руины, Ахим остановил взор на странном предмете: камень, не камень, или спёкшаяся гряда тряпья? Мужчина слегка наклонился и присмотрелся. И тут же в ужасе отпрянул. Перед ним лежало обгоревшее человеческое тело! Вот кости руки, вот бесформенный череп... Боже! Неужели Хельга погибла?

Но сердце замерло в хрупкой надежде: а вдруг это не Хельга? Кто тогда? Ведь она жила совсем одна. К ней, ко-

нечно, приходили люди, но разве Хельга позволила бы им остаться в горящей избе? Она непременно бы спасла человека, пришедшего к ней за помощью.

Надежда растаяла, и горе вновь захлестнуло сердце. Значит, Хельга всё-таки погибла. Но как же так случилось? Избушка такая маленькая, из неё можно было легко и быстро выбежать. Почему же хозяйка этого не сделала? Дверь заклинило? Или Хельга была ранена? А может... Ахим даже утратил дыхание от столь ужасной догадки. А может, на момент пожара она уже была мертва? Её убили?

Подкошенный горем мужчина закрыл руками лицо и со скорбным стоном упал на колени. Кто?! Кто посмел поднять руку на невинную, безобидную женщину? Больше полувека она жила в лесу уединённо, не мешая жизни остальных, больше полувека она лечила немощных, была их последней надеждой. Да, её называли колдуньей, её не впускали в церковь и сторонились, и всё же никто, никто не трогал её, не гнал из Регенплатца, не желал ей смерти. Кому же теперь помешала тихая отшельница?

Ахим медленно опустил руки. Из глаз его текли слёзы и, скатываясь по щекам, терялись в чёрной с проседью короткой бороде. Однако лицо его было хмуро. Так же медленно мужчина обернулся и направил взор в сторону замка Регентропф. Отсюда были хорошо видны его высокие башни. И огромные тяжёлые тучи над ними. Они проливались тяжёлым дождём и выкрикивали громовые проклятья. Кара

Божья. Её час пробил. Она уже настигла истинных злодеев. Немного осталось им торжествовать.

Густав подгонял коня, он торопился. Ему не терпелось скорее предъявить законные права мужа своей законной жене. Хотелось скорее сделать Гретту своей собственностью абсолютно во всех отношениях. Подъезжая к замку, всадники ощутили на лице противную мокрую морось. Густав поднял голову – небо было затянуто тучами.

– Опять дождь, – проворчал юноша. – Он уже начинает надоедать.

Чем ближе всадники приближались к зданию, тем сильнее шёл дождь. А на внутреннем дворе молодых людей накрыл настоящий ливень, быстро промочив насквозь их одежды. Густав был крайне недоволен. Теперь придётся потратить время на то, чтобы зайти в свои покои и переодеться. У порога молодого ландграфа встречало четверо слуг, готовых немедленно выполнить любое приказание. Но войдя в замок, господин никаких приказаний не отдал, зато сразу поинтересовался:

– Комнату Берхарда очистили?

Слуги потупили взоры и молча встали перед хозяином.

– Нет, ваше сиятельство, не очистили, – ответил за всех пожилой мужчина.

– Почему? Вам же было приказано к моему возвращению сжечь все его вещи! – В глазах Густава сверкнул гнев.

Слуги продолжали нерешительно топтаться и молчать. Это нервировало Густава и злило.

– Говори ты, раз самый смелый, – подошёл он к мужчине, который дал предыдущий ответ.

– Простите нас, ваше сиятельство... Но в этой комнате... В этой комнате...

– Что в этой комнате, чёрт возьми?!

– Там... Там призрак вашего брата...

Густав замер, обвёл напряжённым взглядом челядь.

– Что за ерунда! – выкрикнул он, хотя неясный страх впился в его сердце. – С чего вы... Вы его видели?

– Нет, не видели, но... Но мы его слышали, – почти шёпотом добавил мужчина.

– Да, да, слышали, – подтвердили остальные слуги, кивая головами.

Густав нервно усмехнулся.

– Слышали? И что же он вам сказал?

– Ничего, – слуга совсем осмелел, перестал робеть и поведал всё, как было. – Он ничего не говорил, но мы слышали гул. Не как от ветра, а будто кто-то громко вздыхает со стоном. Все слышали.

– Это сквозняк, – убеждал Густав.

– Мы тоже так подумали, да только окна были закрыты, сквозняку неоткуда взяться. И ещё в этой комнате очень сыро. Мебель мокрая, воздух влажный, факелы горят плохо.

– Так почему вы не открыли окна и не впустили свежий

воздух и солнце?!

– Мы испугались. – Слуга перешёл на доверительный шёпот. – В комнате явно кто-то был. И двигался очень тихо. Живого человека там быть не могло, ведь комнату заперли, значит, там остался дух умершего...

– Странно! Почему, когда я был в той комнате, там никто не дышал и не двигался? Вас следует высечь, лентяи! – прикрикнул Густав.

– Не бранитесь на нас, ваше сиятельство. Мы пытались вынести вещи. Ганс взял стул, Уве – несколько книг, мы вот – сундук у камина. Но когда мы собрались выйти, дверь вдруг с грохотом захлопнулась! Мы от страха всё побросали и стали молиться Господу нашему!.. И дверь приоткрылась. Мы скорее покинули эту комнату. Простите нас, господин. Можете нас высечь, прогнать, только не заставляйте больше идти в покои вашего усопшего брата...

Густав напряжённо оглядывал понурых слуг. Эти четверо сильных мужчин действительно были напуганы. И он не мог их упрекать и обвинять во лжи, потому что сам знал и лично видел, что призрак брата существует. Он и сам его боялся.

– Вы хотя бы догадались запереть комнату, лоботрясы? – буркнул Густав.

– Да, ваше сиятельство, заперли.

– Отдайте ключи. Позже я сам займусь вещами брата, раз уж вы такие пугливые.

Заполучив от слуг ключи, Густав быстрым широким ша-

гом вышел из зала. Он заметно нервничал, и неясный страх вновь неприятно покусывал сердце. Призрак обретал силу, уже начал являться и другим людям, шумит и хлопает дверями. А может, всё-таки то был сквозняк? Что бы там ни было, чернь всё равно начнёт распускать языки, и завтра о призраке узнают все обитатели замка.

Подойдя к своим покоям, Густав остановился и неуверенно покосился на соседнюю дверь. Как забавно, он и привидение Берхарда оказались соседями. Забавно. Вот только смеяться почему-то не хотелось. Густав вошёл в комнату и первым делом направился к сундуку с одеждой. Грянул гром. Юноша недовольно посмотрел в окно – дождь лил как из ведра, тучи совсем не пропускали солнце, в помещении царил полумрак, словно поздним вечером. Пробубнив ругательства, Густав вернулся к прерванному занятию. Переделся в сухую одежду, пригладил влажные волосы, закрыл сундук. Вот теперь можно идти к Гретте, и уж сегодня никто и ничто его не остановит.

Но едва Густав повернулся, как замер на месте. Прямо перед ним в кресле сидел Берхард. Спокойный, надменный, неподвижный, словно каменное изваяние, сидел и смотрел ему в глаза. Однако в этот раз при виде брата вместо страха в душе Густава вспыхнула великая ненависть, а из горла вместо крика ужаса вырвался злой звериный рык.

– Ты снова преследуешь меня! – свирепо прорычал он призраку. – Что тебе от меня нужно? Ты остался на земле,

чтобы мстить?!

– Мстить, – неожиданно отозвался Берхард.

Густав остолбенел. Призрак мог говорить! Но звук голоса исходил не от него самого, а будто отовсюду просачивался сквозь воздух. Впрочем, Густав быстро стряхнул с себя оцепенение. Пусть говорит, пусть двигается, пусть хоть в чудовище превращается, приведение его более не испугает.

– Кому мстить? – рявкнул Густав. – Мне? Ты, бестелесная тварь! Ты хочешь меня убить?

– Убить, – вновь разнеслось повсюду.

– Думаешь, напугал меня? Нет уж, у тебя ничего не выйдет. Я не боюсь тебя. Слышишь? Ты мне не страшен. Не страшен!

– Страшен.

– Нет! Я не боюсь тебя! – вопил Густав. – Безродный волчонок! Ты никто. Ты ничто! Ты ничего не сможешь мне сделать! Как бы ты ни старался, ты слаб, ты бессилен против меня, живого! Бессилен!

Внезапно раздался оглушительный раскат грома. Нет, не за окном, а прямо здесь, над головой. Густав вздрогнул от неожиданности и даже испуганно пригнулся. Задрав голову, он оглядел потолок. Ерунда, ливень мог подавать голос только с улицы, просто туча находилась непосредственно над крышами замка. Но смех. Откуда звучит смех? Густав опустил голову и вновь направил взор на кресло, в котором по-прежнему, не меняя позы, сидел Берхард. Сидел и смеялся.

Смеялся жестоко, надменно, громко. И смех его разносился по всей комнате, исходил из всех щелей и просачивался под самую кожу, сковывая омерзительным холодом сердце и разум.

– Замолчи, – едва выдохнул Густав. – Тебе всё равно не запугать меня.

Но его неуверенный хрип вызвал у призрака лишь новый взрыв смеха. И всё-таки Густав боялся. Боялся и злился. Злился на призрак, что тот не желал отправляться в ад, злился на себя, что не в силах был отправить его туда. Дрожь волной пробежала по телу, знакомая нервная дрожь, и мысли как-то хаотично засуетились. Злость и ненависть покрывали взор красной пеленой. Только не приступ, только не новое унижение немощью. А призрак Берхарда всё смеялся, продолжая издеваться над жалким смертным человечком.

– Замолчи! – вновь вскричал Густав. – Не боюсь тебя... Не боюсь тебя!...

В ярости Густав схватил свой меч и с воем набросился на сидящий призрак. Вложив в руки всю ненависть, он рубил его, размахивая мечом. Смех прекратился, но призрак не исчезал. После очередного взмаха, меч снёс спинку кресла, а на лицо, руки и грудь бушевавшего воина брызнула холодная влага.

– Что это? – опешил Густав и, нервно отбросив меч, стал осматривать руки. – Что это? Кровь?

– Кровь, – отскочило от стен гулкое эхо.

Брезгливо проскулив, Густав стал быстро, нервно смахивать с лица мокрые капли, утираться рукавом. И тут заметил он, что ни на руках, ни на рубахе нет красных пятен. Ткань и кожа мокрые, но не красные. Это не кровь. Густав зыркнул на восседавшего в кресле Берхарда, вновь надменного и застывшего. И не сводившего со своего врага холодных чёрных глаз. У ног призрака валялся меч. Крепкое острое оружие оказалось совершенно бесполезно. Естественно, ведь приведение бестелесно. Да, бестелесно, но откуда тогда брызнула влага? Разум поддался панике, сердце сбилось с ритма, страх гадкой змеёй заползал в душу.

Берхард встал. Он был зол и решителен. Что он собрался делать? Густав попятился назад. Глаза его наполнялись ужасом, рука на груди искала последнего защитника – серебряный крест.

– Сгинь... Сгинь, дьявольское отродье! – издал Густав слабый крик.

Но Берхард не сгинул, он медленно пошёл вперёд, заставив противника своего ещё больше задрожать от страха. Густав крепко сжимал в руке крест, словно свою жизнь, и, не смея отвести глаз от призрака, продолжал отступать. Дышать становилось всё труднее, но нельзя сдаваться.

– Нет... Нет!.. Тебе не удастся меня убить! – из последних сил стонал Густав.

– Убить, – отозвался воздух.

– И с собой тебе меня не увести!

– Увести...

– Убирайся в ад!!

– В ад.

Раскат грома поглотил последние слова, оглушил потеврявший силы рассудок и оборвал стук загнанного сердца.

После обеда Гретта вернулась в свою комнату, чтобы дописать письмо отцу. Ей было тоскливо, грусть обволакивала душу. Успокаивало лишь то, что батюшка её отныне свободен, что он снова дома. Хотя Густав и предупредил, что будет за ним присматривать, жизни отца всё равно ничего не угрожало. Вот только сердце его, несомненно, тревожилось за дочь родную и единственную. Гретта писала отцу о том, что жизнь её в замке Регентропф протекает спокойно и слажено, что супруг её не обижает и старается быть заботливым, что свекровь добра к ней и ласкова. Писала, что волноваться не из-за чего, писала и слабо надеялась, что отец поверит её словам.

Вдруг лучи солнца, ярко освещавшие пергамент, потускнели, и на стол надвинулась тень. В комнате потемнело, словно внезапно настал час сумерек. Гретта отложила письмо, подошла к окну и выглянула на улицу – голубое небо заволакивали серые тяжёлые тучи. Дождевые тучи. «Берхард», – мелькнуло в голове девушки, и радость вошла в её плачущее сердце. Печаль уступила место светлому ожиданию встречи с любимым.

Гретта осталась у распахнутого окна. Вскоре пошёл дождь, очень сильный, настоящий ливень. Гретта протянула руку и почувствовала удары множества тяжёлых капель. Капли были тёплыми, но какими-то... равнодушными. Ливень словно не обращал внимания на стоявшую у окна девушку, с надеждой всматривающуюся в его серую пелену. Может, это обычный дождь? Может, Берхарда нет в нём? Гретта разочарованно вздохнула. И всё-таки душе её в это не верилось. Раз Берхард стал частью стихии, он не мог не быть в ней.

Девушка опустила руку. Рукав платья совсем промок. Невероятно сильный ливень. Капли шумно бились о подоконник, нервно отбрасывая брызги. Гретта продолжала стоять у окна и смотреть на дождь. Она ждала. Берхард, несомненно, пришёл, вот только, наверное, не к ней. Возможно, он опять у Густава, запугивает его, сводит с ума.

Раздался гром, тучи сжались плотнее, полностью загородив солнце, и ливень, казалось, пошёл ещё сильнее. Гретта отступила. Какой злой дождь. Или так злится Берхард? Если он действительно может быть столь грозным, то Густаву и в самом деле есть чего бояться. Гретта отвернулась и отошла вглубь комнаты. Сердце её отяжелело. Страх? Нет, не страх. Тревога за Густава? Но к нему нет у неё тёплых чувств. Обида? Да, вполне возможно. Гретта понимала, что дух Берхарда остался на земле вовсе не ради неё, а для того, чтобы отомстить своему убийце. Вернее, его насильно здесь оставили. Едва он выполнит поставленную задачу, как воспарит к

небесам. И вот тогда Гретта действительно останется совсем одна.

Снова грянул гром. И на этот раз настолько яростный, что казалось, будто его издали стены замка. Гретта испуганно ахнула. Никогда в жизни ей не доводилось слышать столь ужасный грохот. Она поспешила закрыть окно. В комнату вбежала бледная встревоженная Лизхен.

– Ой, госпожа, вы видели какая гроза?! Какая страшная! – охая, восклицала она. – Так громыхнуло, что у меня душа в пятки ушла. Я так испугалась! А вы?

Но Гретта не ответила. Закрыв окно, она пристально всмотрелась вдаль. Как странно. Девушка посмотрела в одну сторону, в другую. Непонятно.

– Подойди, Лизхен, взгляни-ка, – подозвала Гретта служанку.

Лизхен подошла к хозяйке:

– Что вы увидели, госпожа?

– Посмотри туда. Над городом солнце. И туда взгляни – над лесом и деревней тоже небо ясное.

– Городу и деревне повезло. Такой ливень смыл бы их в реки.

– Похоже, тучи только над Регентропфом. Интересно посмотреть, что с другой стороны замка. Неужели дождь лишь над нами? Не нравится мне это.

– Что вы хотите сказать? – Лизхен удивлённо распахнула глаза. – Вы думаете, это не просто ливень, а гнев небес?

– Или гнев Берхарда.

– Ой, нет-нет! – ужаснулась Лизхен. – Не говорите больше о приведении. Я смертельно боюсь его!

И будто для ещё большей остротки, вновь ударил гром. Перепуганная Лизхен, вскрикнув, отбежала и спряталась в углу за большим сундуком. Гретта осталась у окна, продолжая всматриваться в полупрозрачную пелену серого ливня. Девушка словно чего-то ждала. Но чего именно, она и сама не знала.

Вскоре сила ливня начала стихать. Тучи ещё не пропустили солнечный свет, но капли уже не столь рьяно били по стеклу. Гроза более не подавала голоса. Лизхен неуверенно выглянула из-за сундука.

– Кажется, шум дождя стал тише? – подала она слабый голосок.

– Значительно тише, – отозвалась Гретта, не отрывая взора от окна. – Можешь далее не прятаться.

Однако Лизхен не торопилась покидать своего укрытия.

– Вот когда солнце появится, тогда и я выйду, – сказала она.

С непонятной тяжестью на сердце Гретта оставила наблюдение за стихией и вернулась к столу, где её ожидало неоконченное письмо к отцу.

– Вот уж не думала, Лизхен, что ты такая трусиха, – усмехнулась Гретта. – И раньше бывали грозы, но ты от них не пряталась никогда.

– Бывали, да не такие ужасные, – подала из-за сундука голос служанка. – И они не были связаны с приведением. Представьте только, вдруг дух Берхарда сейчас находится в этой комнате!

И испугавшись собственного предположения, Лизхен спешно перекрестилась и зашептала молитву. Гретта опустила глаза. Она не боялась духа Берхарда, напротив, она хотела бы увидеть его. Увидеть не в виде дождя, а в виде человека, которого она знала, любила и к которому ещё совсем недавно могла прикоснуться. Возможно, именно этого и ждало её сердце, возможно, надежда именно на это чудо и тревожила его.

– Мой милый Берхард, – тихо и печально шептала Гретта. – Почему не желаешь показаться мне? Почему общаешься лишь со своим братом? Неужели чувство мести в духе твоём сильнее любви?

Тонкий солнечный лучик прорвался сквозь чёрные тучи и яркой светлой полосой пронзил сумрак комнаты.

– Вот и солнце, – вздохнула Гретта. – Гроза ушла, скоро и дождь закончится.

Лизхен ещё раз привстала из-за сундука. Увидев, как вслед за первым лучом солнца в комнату проник и второй луч, молодая женщина немного успокоилась и вышла из тёмного угла.

– Слава Богу, – перекрестилась она. – Как хорошо, что гроза не была долгой. Я уж думала, не переживу её.

Солнце всё увереннее расталкивало тучи, и свет его быстро растворял мрак комнаты. Ливень потерял силу, перейдя в ритм обычного дождя. Но скоро и этот дождь стихнет. И с последней его каплей угаснет надежда Гретты увидеть образ Берхарда. Угаснет до следующего дождя. Девушка вновь тяжело вздохнула, едва сдержав стон грусти.

Лизхен всё что-то говорила, выплёскивая эмоции, но ушедшая в свои мысли Гретта не обращала на неё внимание. Она вслушивалась в мягкий шум дождя, её печальный взор был устремлён на закрытое окно. Закрытое – это неправильно. Нужно впустить в комнату аромат летнего дождя, его музыку, его дыхание. Гретта поспешила исполнить своё решение и, подойдя к окну, настежь отворила створку. Лёгкий ветер немедленно вплеся в локоны девушки, и тёплые дождевые капельки брызнули на её лицо. Печаль ушла, её сменила радость. Гретта улыбнулась – Берхард... Вот теперь он пришёл к ней.

– Ой, госпожа, вы рано открыли окно, – заметила Лизхен. – Дождь ещё не закончился.

– Верно, не закончился, – согласилась Гретта. – Но только почувствуй, какая свежесть появилась в воздухе, протяни руку – какая тёплая и ласковая влага небес.

Однако Лизхен лишь плечом передёрнула:

– Вот ещё, руки мочить. Вода, как вода.

Глупышка. Ничего-то она не понимала. А впрочем, ей и не нужно было понимать. Гретта повернулась к Лизхен, же-

лая пожурить её простоту, но тут взор её упал в затемнённый угол комнаты. И Гретта замерла.

– Что с вами, госпожа? – спросила Лизхен, заметив странное состояние хозяйки.

Гретта не была напугана, она даже не была удивлена. Она просто стояла и, не отрывая глаз, внимательно смотрела в тень угла.

– Что вы там увидели? – забеспокоилась служанка, недоумевая, чем может заинтересовать пустой угол комнаты.

– Оставь меня, Лизхен, – сдержанно попросила Гретта.

– Но госпожа...

– Оставь меня, – повернувшись, более требовательно повторила Гретта и примирительно добавила, – пожалуйста.

Столь резкие перепады в настроении хозяйки изумляли Лизхен и тревожили. Но молодая женщина понимала, что спорить и о чём-либо выспрашивать ей не позволительно. И Лизхен ничего не оставалось сделать, как послушно выполнить приказание своей госпожи.

Едва закрылась за служанкой дверь, Гретта тут же вернула взор в тень угла. Берхард всё ещё находился там. Спокойный, неподвижный, бледный... Но красивый, молодой и... и такой живой. Он не был эфемерным, не парил в воздухе, не издавал ужасных завываний. Напротив, его взор ясен, образ чёток – Берхард выглядел, как обычный человек. Как живой человек.

– Берхард. Наконец-то ты пришёл ко мне, – радостно вы-

дохнула Гретта. – Я знала, что ты не забудешь меня. Мой милый, я счастлива вновь видеть тебя.

Берхард не двигался, лишь молча без эмоций смотрел на девушку. Но Гретту его неподвижность и молчание не смущали. Кто знает, возможно, призраки вообще лишены голоса. Это уже мелочь, это неважно. Главное, что Берхард здесь, он рядом.

– Мне так сложно без тебя, – говорила Гретта, – так одиноко, горестно... Когда ты... когда покинул меня, мне хотелось последовать за тобой, ибо жизнь мою покрыл мрак. И лишь ради нашего с тобой дитя я осталась в этом мраке. Я осталась жить. Я должна жить...

– Жить, – вдруг повторило мягкое эхо знакомым и родным голосом.

– Ты... Ты можешь говорить? – изумилась Гретта. – Это же замечательно! Милый Берхард, я могу тебя видеть, слышать... Ты вернулся ко мне.

В радостном порыве девушка кинулась было заключить любимого в объятия. Однако Берхард немедленно отступил назад, предостерегающе вытянув руку. Гретта остановилась.

– Ты не хочешь, чтоб я приближалась к тебе? – радость слегка умерила пыл. – Хорошо, как скажешь. Только не уходи, прошу тебя.

Берхард опустил руку, принял прежнее положение. Он не ушёл. И дождь за окном продолжался. Гретта не смела отвести взор от образа молодого человека, боялась, что встреча

эта окажется единственной и после никогда не повторится.

– Ты... Твоя душа... Она теперь в дожде? – неловко спросила Гретта.

– В дожде, – ответил Берхард.

– Я поняла это ещё в прошлый раз. Я почувствовала твои прикосновения. Значит, та женщина и вправду была колдуньей. Я видела как творила она заклятие своё. Но... сейчас я благодарна ей. Она оставила тебя здесь со мной. Это настоящее чудо. Хотя... Ты ведь вернулся, чтобы мстить?

– Мстить.

– И что потом?... Ты исчезнешь? Ты остался на земле не навсегда?

– Навсегда, – глухо отозвался голос Берхарда.

Гретта облегчённо улыбнулась.

– И ты этому рад?

Но на этот вопрос ответа не последовало. Улыбка соскользнула с губ встревоженной девушки. Неужели Берхард не рад тому, что они вновь смогут быть вместе? Впрочем, душа, освободившаяся от телесных оков, вряд ли обрадовалась, что вместо рая её отправили обратно на землю. Ей, верно, очень тяжело.

– Милый мой Берхард, – вздохнула Гретта. – Тебе сейчас трудно...

– Трудно.

– Как я могу помочь тебе?

Молчание.

– Есть ли способ облегчить твою участь? – повторила Гретта. – Или нет?

– Нет, – отозвался Берхард.

– Значит, ты должен справиться сам...

– Сам.

– Ну что ж. В таком случае, я буду просто любить тебя и ждать твоего нового прихода. Ждать, как ждёт верная жена своего супруга.

Берхард молча опустил взор, он выглядел печальным и усталым. Гретте безумно хотелось приласкать любимого, согреть, утешить. Хотя бы прикоснуться к нему, заверить, что он не одинок. Но Берхард почему-то запретил ей приближаться. И даже встал в тени. Это неправильно. Это глупо. И это больно. Гретта попробовала сделать шаг вперёд. Берхард не пошевелился. Лишь порыв ветра дыхнул влажной прохладой. Тогда Гретта осторожно прошла ещё на пару шагов. Берхард вскинул на неё тревожный взгляд и отступил. Ветер тоже занервничал, он закидывал в комнату дождевые капли, трепал пергамент на столе, дёргал девушку за платье, за локоны волос. Но Гретта не обращала на него внимания.

– Берхард, милый, – говорила она, медленно продолжая приближаться. – Позволь мне быть с тобою рядом. Не отдаляйся. Я принимаю тебя таким, каков ты есть. Ты не будешь одинок, Берхард. Я дам тебе поддержку, понимание, тепло моей любви. И ничего взамен не попрошу.

Подойдя к Берхарду совсем близко, Гретта остановилась.

Молодой человек не шевелился, лишь настороженно наблюдал за девушкой. Гретта с нежностью вглядывалась в его чёрные ястребиные глаза, любовно рассматривала черты его лица, и сердце её наполнялось блаженством. Ещё недавно она и не мечтала вновь увидеть родного Берхарда, а сейчас он стоит перед ней, смотрит, движется, говорит. Чудо, волшебство. И оно случилось именно с ними.

Гретта подняла руку и прикоснулась к щеке Берхарда. Прикоснулась и замерла. Кожа была холодной влажной и... и неестественно мягкой. Ну конечно, как она может быть иной, ведь Берхард не обычный человек, он – дух, призрак, его телом стал дождь. Ну и пусть. Гретта улыбнулась. Главное, что Берхард вернулся к ней, даже облик свой сохранил. А остальное уже не столь важно, пустяки.

Дверь приоткрылась, и в покои заглянула Лизхен. Гретта немедленно вышла на середину комнаты. Как не вовремя!

– В чём дело, Лизхен? – строго обратилась она к служанке, досадуя что её свидание столь бесцеремонно прервано. – Когда ты научишься стучаться, прежде чем входить?

– Простите меня, госпожа. – Лизхен, совершенно не смутившись выговором, вошла в комнату. – Я подумала, что вы обязательно должны это знать.

– Что случилось?

– Ой, в замке переполох. Говорят, что у господина Густава... у ландграфа снова приступ той самой болезни, которая случилась с ним недавно. И на этот раз приступ столь силь-

ный, что появились опасения за жизнь господина. В его покои никого не впускают. Там только ландграфиня и Аксел. Да за лекарем слуг послали.

Гретта обернулась – Берхард всё ещё стоял в тени угла и спокойно наблюдал за диалогом женщин. Безусловно, он причастен ко вновь вспыхнувшему приступу Густава, Гретта в этом не сомневалась. Ведь не зря громыхла такая злая гроза.

– Хорошо, Лизхен, – снова обратилась Гретта к служанке. – Спасибо, что сказала. Теперь ступай.

– А вы разве не пойдёте к Густаву? – удивилась Лизхен. – Он же ваш супруг...

– Я помню об этом, – резко прервала её Гретта. – Я зайду к нему позже. Сейчас его мать вряд ли будет рада видеть меня в его покоях. Ступай.

Лизхен терялась в догадках, почему хозяйка так настойчиво гонит её, и что же странного происходит в тёмном углу комнаты? Но молодой женщине ответы на вопросы свои получить было неоткуда, и любопытству её пришлось остаться неудовлетворённым. Поклонившись, расстроенная Лизхен покинула покои госпожи.

Гретта повернулась к Берхарду – тот был по-прежнему невозмутим и неподвижен.

– Это ты снова довёл Густава до приступа? – заговорила она. – Хотел довести брата до смерти?

– Смерти, – отозвался Берхард.

– Но Густав остался жив. Значит, твоя затея не удалась.

– Удалась.

Гретта удивлённо вскинула брови. Она приблизилась к Берхарду.

– Вот как? Так ты это сделал специально. Что же ты задумал, Берхард?

Призрак промолчал.

– Ты хочешь, чтобы Густав мучился? – вновь спросила Гретта.

– Мучился, – ответил Берхард.

Взгляд его был холодным, а лицо непроницаемым. При жизни Берхард всегда старался избежать войны, ссоры, мечтал о мире в семье своей, а теперь его душа жаждала крови, пыток. Неужели Густав своими злодеяниями всё-таки смог развить в ней настолько жгучую ненависть?

– Может, это и жестоко, но я не осуждаю тебя, Берхард, – тихо проговорила Гретта. – Густав причинил тебе много вреда. Он лишил тебя жизни. Он распространяет свою ненависть и на других. Графа Кроненберга и Кларка, друга твоего, он запер в темнице. О том, как Густав собирается поступить с ними, тебе ведомо?

– Ведомо.

– Им необходимо помочь, но я не знаю, как. Густав позволил мне выходить из комнаты и свободно перемещаться по замку. Однако за мной продолжают постоянно наблюдать и докладывают ему о каждом моём шаге. Густав по-прежнему

не доверяет мне. По сути, я осталась его пленницей. Берхард, лишь на тебя вся надежда. Ты должен спасти Кроненбергов, иначе они тоже погибнут. Я верю, ты сможешь. Ты освободишь их, освободишь меня.

Берхард молчал, но Гретта улыбнулась. С сердца её словно камень тяжёлый упал, таким лёгким и успокоенным оно стало. Девушка верила своему возлюбленному, верила в его силу, в силу, которую дала ему природная стихия, силу, которую обычный человек одолеть не сможет никогда.

– Какое счастье, что ты остался, Берхард! – пылко призналась Гретта, с обожанием глядя на любимого человека. – Вместе с тобой вернулась уверенность, вернулась любовь... Ты сумеешь победить зло. Я знаю. Ты восстановишь спокойствие в замке, сохранишь процветание Регенплатца и его мирную жизнь. Ты, и только ты – истинный ландграф фон Регентропф. И старания Густава доказать обратное глупы и бесполезны.

Гретта подошла к двери в покои молодого ландграфа и постучала. От мысли, что Густав находится при смерти, сердце девушки не щемило от тоски, и слёзы на глаза не наворачивались. Гретта пришла сюда только ради приличия. Дверь открыл Аксел. Как верный страж, он не впустил гостью, а выжидательно смотрел на неё, готовый выслушать причину её визита.

– Я пришла навестить своего мужа, – спокойно доложила

Гретта.

Аксел обернулся в комнату и, видимо получив разрешение, отступил в сторону, пропуская молодую госпожу. Бледный Густав лежал в кровати, покрытый одеялом. Дыхание его было тяжёлым, глаза закрыты. Спал ли он или находился в беспамятстве? Если и спал, то ему явно снился кошмар. Густав резко вздрагивал, мотал головой, а из горла его вырывались хриплые стоны и несвязные звуки. Возле кровати сидела Патриция. Время от времени она смачивала полотенце в тазу с холодной водой и прикладывала его ко лбу больного сына. На осунувшимся и лице женщины лежала печать материнского страдания. Однако ни слёз, ни рыданий не было, возможно, их запас уже исчерпался. Когда Гретта вошла, Патриция даже не взглянула в её сторону.

– Я зашла узнать, как самочувствие Густава, – произнесла Гретта, приблизившись к ложу супруга.

– Тебе интересно, скоро ли он умрёт? – тускло уточнила Патриция.

– Зачем вы так? – упрекнула Гретта. – Не стану притворяться, будто во мне вдруг вспыхнула любовь к вашему сыну, но Бог соединил нас браком, и отныне моё место рядом с моим мужем, каким бы он ни был, какие бы грехи ни совершил.

Душа Патриции немного смягчилась. В конце концов, что сделано, то сделано. Если её невесткой стала именно Гретта Хафф, нужно с этим смириться.

– Приступ уже прошёл, но осталась горячка, – пояснила Патриция. – А она не менее опасна. Поскорей бы лекарь пришёл. Присядь.

Женщина повернула голову, удостоив наконец невестку холодным вниманием. Она молча наблюдала, как Гретта придвинула стул, как присела, сохранив уверенную осанку, расправила платье, как скромно сложила руки на коленях.

– Я так и не могу понять, чем ты обольщаешь мужчин, – произнесла Патриция. – Какой дьявольской силой ты столь невзрачная зажгла огонь любви в сердцах обоих братьев. Ты внесла ещё больший раздор между ними. Из-за тебя Густав возненавидел Берхарда.

– Разве тому причина я? – невозмутимо отозвалась Гретта. – А по-моему, основной причиной их распрей был трон Регенплатца.

Патриция добавила в свой взгляд презрение. Как осмелела эта девчонка. Уж не почувствовала ли она себя хозяйкой в замке?

– Лучше бы они продолжали воевать за трон, а не за тебя, – спорила ландграфиня. – Берхард отказался от трона только ради тебя. Густав просто принял бы этот подарок и помирился бы с братом, но ему зачем-то понадобилась ещё и ты...

– Однако желание обладать мной вовсе не повод, чтобы брата убивать. – Гретта гордо вздёрнула подбородок и смело посмотрела в ледяные глаза свекрови.

– Ведьма, – тихо прошипела Патриция. – Ты не такая милая и скромная, какой пыталась казаться вначале. Я даже жалела тебя, защищала...

– Если бы я была ведьмой, то в могиле сейчас лежал бы не Берхард, – тем же тоном парировала Гретта.

Женщины уже не скрывали, что ненавидят друг друга. Их негромкий жёсткий спор был готов перерасти в ссору, как вдруг раздался короткий вскрик больного. Внимание собеседниц тут же было направлено в его сторону.

– Прочь! Иди прочь! – выкрикивал Густав кому-то в своём жутком сне, пытаясь отгородиться от ужаса рукой. – Прочь! Ступай в ад!

Патриция и Гретта молча переглянулись. Они обе догадались, кого именно Густав гнал от себя в привидевшемся кошмаре. Патриция смочила полотенце и приложила его к горячему лбу сына.

– Кто сказал тебе, что Густав слёг? – спросила Патриция.

– Лизхен, – ответила Гретта. – Она прибежала ко мне, как только узнала об этом от других слуг.

Тон женщин успокоился, обида и ненависть немного стихли, отошли в сторону.

– На этот раз у вас нет причин обвинять меня в его приступе, – заметила Гретта.

Патриция лишь повела бровью. Таковых причин у неё действительно не было, это она должна была признать. Бьющегося в припадке Густава нашёл Аксел, вовремя зашедший

в покое хозяина. У Густава появилась плохая привычка, отсылать караул от своих дверей. Но больше Патриция такого не допустит и станет лично проверять наличие стражника у покоев короля Регенплатца. Солдат непременно услышал бы шум и, возможно, сумел бы помочь господину. И смог бы рассказать, что произошло, из-за чего случился приступ болезни.

– Ты по-прежнему считаешь, что таковой причиной может быть призрак Берхарда? – вновь задала вопрос Патриция.

– Если бы вы видели Густава в ту ночь, то тоже не сомневались бы в этом, – сказала Гретта.

– А ты... Тебе самой призрак являлся?

Девушка опустила глаза. Она не хотела признаваться, что видела Берхарда, желала скрыть встречу с ним, словно то была встреча с любовником. Она более не считала Берхарда мёртвым.

– Нет, мне он не являлся, – сдержанно ответила Гретта.

– Получается, что видит его только Густав. Слуги тоже не видели его, зато слышали.

– Слуги? – изумилась Гретта. – Где слышали?

– В его покоях. Говорят, там слышны шаги и вздохи. Чернь напугана, и теперь в эту комнату вряд ли кто-нибудь согласится войти. И гостей не поселишь. Придётся запереть её, забить окна, дверь, и пусть там всё зарастает паутиной.

Гретту охватило радостное волнение. Так значит Берхард остался в замке, его можно слышать и, возможно, видеть...

Неужели она сможет встречаться с ним не только во время дождя! Нужно достать ключи от покоев Берхарда.

Патриция не смотрела на невестку, её сейчас больше интересовал несчастный сын, охваченный лихорадкой и бредом. А вот Аксел Тарф внимательно наблюдал за Греттой, и ему не понравилась её странная едва сдерживаемая улыбка.

Раздался негромкий стук. Аксел отворил дверь и впустил в покои лекаря Питера Гойербарга. Вошедший торопливо пробубнил приветствие и поспешил к постели больного.

– Снова приступ? – поинтересовался он, приложив ладонь к горячему лбу Густава.

– Снова, – подтвердила Патриция. – И на этот раз более скверный.

– Второй день подряд... Да ещё и жар...

Питер отошёл к столу, поставил на него свой обитый кожей сундучок и стал выкладывать необходимые микстуры.

– Я старалась унять жар холодными компрессами... – Патриция поднялась, уступая лекарю место у постели больного.

– Вы всё правильно сделали, ландграфиня. – Лекарь повернулся к ней и дружески улыбнулся. – Не переживайте, Густав обязательно справится с недугом. Да и я помогу ему.

Патриция понимающе покивала головой. Она доверяла Гойербаргу, была уверена в его мастерстве, однако тяжёлое чувство не желало оставлять её сердце.

– Я пришлю служанку вам в помощь, – сказала Патриция.

– Не нужно. Я один справлюсь. – Гойербарг уже суетился

вокруг Густава.

– Что ж, как вам будет угодно. Тогда не стаем вам мешать, гер Питер...

Но лекарь, поглощённый своим делом, уже ни на что не обращал внимания.

Патриция чувствовала себя крайне утомлённой. Выйдя из покоев сына, она обернулась к Акселу Тарфу и попросила:

– Остаься здесь, у дверей. Как только лекарь закончит, сообщи мне. Я буду у себя.

Даже не взглянув на невестку, Патриция побрела прочь по коридору, устало ссутулив спину и бормоча под нос молитву. Проводив её печальным взором и послав вслед сочувственный вздох, Гретта тоже хотела было уйти, однако её остановил окрик Аксела Тарфа.

– Я наблюдал за вами, Гретта. Вы рады, что Густава опять накрыл недуг. Вам доставляет удовольствие видеть его мучение.

Гретта не сочла нужным вести разговор со слугой, с прихвастнем своего мужа и, демонстративно повернувшись к нему спиной, вновь шагнула прочь. Только Аксел не желал отпускать её.

– Я чувствую, что вы что-то замышляете против Густава, – повысил он тон. – И этот призрак... Он наверняка ваших рук дело. Я уверен в этом и докажу. Я обязательно разоблачу ваше колдовство!

Но Гретту совсем не испугали ни рычание, ни угрозы вер-

ного пса Густава. Так и не удостоив его ответом, молодая ландграфиня, с достоинством расправив плечи, направилась своей дорогой.

Стемнело. Горячка угомонилась, жар сошёл, и теперь Густав спал спокойно. Дыхание его было ровным, лоб и виски более не покрыты капельками пота – болезнь отступила. Патриция поправила одеяло, прикрыв плечо сына. Она устала. Опять полдня провела она в тревоге и слезах, в тяжёлых думах и душевных переживаниях. И будет ли спокойным день завтрашний, не известно. Вдруг всё повторится? Сердце на миг оцепенело – вдруг снова приступ да ещё более опасный? Каждый приносил Густаву боль и страдание, каждый уносил с собой часть его жизненной силы. Раньше приступы были крайне редки. Столь редки, что о существовании недуга вообще забывалось. Но что же происходит теперь? В чём причина их постоянного возникновения?

Проклятие? Патриция вздрогнула. Ей вспомнилось гневное лицо чёрной женщины, лесной ведьмы Хельги. «Если вы всё-таки погубите Берхарда, то Густаву не прожить и трёх дней после его похорон!» Однако прошло уже четыре дня, а Густав жив. Болен, но жив. Нет-нет, то заклятие удалось обойти. А вот новое Хельга создала, сомнений больше не было. Она была в замке в тот день, когда умер Берхард, она заставила душу его остаться на земле для отмщения, и теперь эта душа терзает бедного Густава, ежедневно являя ему свой

ужасный образ. И будет терзать до тех пор пока...

Боже, какие ужасные мысли приходят ей в голову. Патриция встала и нервно заходила по комнате. Приведение – какая ерунда. Его не существует. Берхард получил по заслугам. Он был лишним в их семье, он занимал чужое место. Он должен был исчезнуть, рано или поздно ему суждено было умереть. Если бы приведение существовало, его наверняка видели бы и другие жители замка, его вой был бы слышен ночью. Никаких доказательств о поселившемся в замке Регентропф призраке Берхарда не было. А всё, что произошло – это просто совпадения. В первый раз до приступа Густава довела Гретта. Сегодня Густав попал под ливень и вполне мог простудиться. Резко подскочила температура тела, отчего он потерял сознание. А в покоях волчонка суеверная чернь слышала обыкновенный сквозняк. В темноте и тишине вечно что-нибудь мерещится, тем более, если в этой комнате недавно умер человек.

Патриция успокаивала себя, почти уговаривала. Однако душа никак не желала принимать какие-либо доводы. Осталось одно – пойти и самой осмотреть комнату Берхарда.

В ящике на столе Патриция нашла ключи. Глупо проверять существование призрака, но нужно было сделать это. Хотя бы ради своего спокойствия. Патриция решительно вышла в коридор, выхватила из держателя горящий факел и подошла к покоям, которые совсем недавно занимал Берхард. Едва распахнув дверь, женщина почувствовала неприятный

запах сырости. «Привидения не существует», – как можно убедительнее сказала себе Патриция и уверенно шагнула в крошечную тьму комнаты.

Свет факела выделил из темноты очертания предметов – кровать, стол, стулья, камин... Патриция огляделась. Кроме затхлости, ничего подозрительного она не заметила. Нужно открыть окна и проветрить. Женщина стала медленно проходить вглубь комнаты, продолжая осматриваться. На кровати она увидела древно потухшего факела, и это показалось странным. Кто-то заходил сюда? Может, Густав? Ведь ключи от этой комнаты хранятся у него. Но ни он, ни Аксел Тарф не рассказывали ей об этом. Впрочем, в последнее время Густав много чего скрывал от своей матери. Патриция приблизилась к кровати и осветила ложе. На покрывале чернело пятно прожжённой ткани. Значит, факел бросили зажжённым, однако огонь почему-то не спалил скань. Почему? Женщина прикоснулась к покрывалу и тут же отдернула руку. Покрывало было холодным и очень мокрым. Ничего не понимая, Патриция попятилась назад, наткнулась на стул и, едва не упав, оперлась на него. Но Боже, стул тоже оказался мокрым и склизким.

Страх суеверия закрался в задрожавшую душу женщины. Откуда взялось столько влаги? Со дня похорон в этой комнате никого не было. Да и кому бы в голову пришла б столь глупая идея поливать здесь всё водой? Патриция отступила. Казалось, весь воздух был пропитан этой влагой. Даже пла-

мя факела начинало подрагивать, борясь за свой свет. Нужно обязательно открыть окна и впустить сюда тёплый летний воздух. А с утра ещё и солнце взойдёт, комната просохнет, и тогда все убедятся, что никакого привидения здесь не обитает. Безрезультатно стараясь скинуть с души страх, Патриция вытерла ладонь о блио и попыталась возобновить нелёгкий путь к окну.

С громким стуком закрылась дверь. Патриция вздрогнула и резко обернулась. «Это сквозняк», – сказала она сама себе. И всё же сердце забилося беспокойнее. Женщина замерла, прислушиваясь, но тишину ничто не нарушало. Не было слышно ни ветра за окном, ни чьих-либо шагов в коридоре. «Несомненно, сквозняк», – вновь мысленно заверила себя Патриция. Однако мысль о том, чтобы проветрить комнату, она уже отбросила, решив поскорее покинуть это неприятное место.

Вдруг рядом, совсем близко, у левого плеча раздался странный звук: не то тихий стон, не то лёгкая усмешка. Патриция испуганно ахнула и ткнула факелом в темноту. Естественно никого она не увидела. Растущий страх подгонял сердце, вселяя в него панику. Этот звук, который явно походил на человеческий голос, уже нельзя было оправдать сквозняком.

«Мне показалось. Здесь никого нет», – дрожащим шёпотом убеждала себя Патриция. Но чей-то вздох вновь повторился за её спиной. И он был так близок, что женщина даже

почувствовала чужое дыхание на своей шее. Патриция развернулась, освещая слабеющим светом факела темноту. Рука её дрожала, из горла пытался вырваться крик ужаса, но у него хватало сил лишь на короткие стоны.

– Б-Берхард?.. – нервно пискнула напуганная женщина.

Ни шороха в ответ, ни шёпота, ни вздоха.

– Б-Берхард... Ты... здесь?..

– Здесь, – эхом разнёсся по комнате отчётливый ответ знакомого голоса.

Нервы Патриции сдали. Едва сдерживая крик, женщина бросилась к двери. Та поддалась не сразу, будто её кто-то запер, и от этого паника в сердце взорвалась острой болью. И всё же дверь открылась. Патриция выбежала в коридор и обессилено прислонилась спиной к прохладной стене. Так значит, это правда, значит, призрак Берхарда действительно существовал и обитал этой промозглой пропитанной влагой комнате. Женщина с трудом переводила дыхание, пытаясь успокоить сбивчивый ритм сердца. Существовал и мучил Густава, доводя его до жестоких приступов. Первое заклятие удалось обойти, но как избавиться от второго? Как угомонить призрак? Как выгнать его из замка?

Дверь шелохнулась. В порыве паники Патриция подбежала к ней и торопливо заперла на ключ. Естественно, это не остановит привидение, и всё равно от осознания, что дверь крепко заперта, душе становилось немного спокойнее.

Гретта задумчиво сидела перед зеркалом, пока Лизхен заканчивала хлопотать с её причёской. Тёплые лучи утреннего солнца рассеивали мягкий свет по комнате; за окном наперебой щебетали птицы, прячась в густой листве деревьев, воздух был наполнен ароматом цветов и свежестью раннего утра. Поддавшись летнему настроению, Лизхен старалась по-особенному красиво уложить волосы госпожи своей, украсила их жемчужным гребнем, живыми цветами. Но Гретту старания служанки не занимали, и на прелести утра она внимания не обращала. Её тусклый взор был направлен вглубь нерадостных мыслей, невесёлых размышлений.

– Ты смогла узнать, прибирает ли кто-нибудь покои Берхарда? – не выходя из своих раздумий, поинтересовалась Гретта.

– Ой, никто их не прибирает, – аккуратно вставляя голубой цветок в причёску госпожи, ответила Лизхен. – Со дня похорон никто из прислуги не входил в эту комнату. Оба ключа от неё хранятся у ландграфа Густава.

– Какие же слуги тогда слышали там присутствие призрака? Когда это было?

– Вчера и было. Ландграф приказал вынести из покоев всю мебель и все вещи и сжечь на заднем дворе. Четверо мужчин пошли. Вот они-то и рассказывают о призраке, как прогнал он их из своих покоев.

– Зачем же вещи сжигать?

– Да кто ж знает? – Лизхен выбрала розовый бутон и при-

ложила его к голове Гретты, примеривая, будет ли цветок уместен в причёске. – Участь слуг выполнять прихоти господ без рассуждений.

– И что же те мужчины рассказывали? – Гретта направила заинтересованный взгляд на отражение служанки в зеркале.

Лизхен решила, что ещё один бутон будет лишним, отложила цветок и, подправив пару локонов, отступила, критично оглядывая результат своего старания.

– Что рассказывали они, Лизхен? – подтолкнула Гретта служанку.

– Ой, да странности какие-то, – ответила молодая женщина; оставшись довольной созданной ею причёской, она подошла к госпоже поближе. – Говорят, сыро очень в комнате, мебель вся мокрая, воздух тяжёлый. В общем, жутко, как в склепе. Звуки слышны, будто ходит кто-то. Ходит и дышит. Но больше всего мужчины перепугались, когда дверь сама собой захлопнулась, заперев их в этой комнате. И только молитвы заставили её открыться.

– Я тоже хочу там побывать, – выдохнула Гретта. – Как же мне ключ добыть?

– Вы что, госпожа? – всплеснула руками Лизхен. – В логово призрака! Неужели не страшно вам?

– Совсем не страшно. Что сделает мне Берхард?

Но разговор был прерван. Дверь отворилась внезапно, резко, настезь. Молодые женщины даже вздрогнули от неожиданности. В комнату вошёл Густав. Бледный, с вскло-

коченными волосами, неряшливо одетый; взгляд его холодных синих глаз был тяжёл и не обещал ничего хорошего.

– Доброе утро, Гретта, – рывкнул Густав.

Стараясь сохранить невозмутимость и достоинство, девушка поднялась и сдержанно поклонилась в знак приветствия. Густав захлопнул за собой дверь и, пройдя, тяжело плюхнулся в кресло. Он был ещё слаб. Лекарь запретил ему вставать, хотя бы до полудня. Однако Густаву необходимо было увидеть супругу свою, дабы серьёзно с ней поговорить. И посему, едва оставшись в покоях один, без присмотра, он наскоро натянул штаны и туфли и направился к жене. В висках стучала тупая боль, тело чувствовало себя уставшим, но молодой человек не обращал на это никакого внимания. Его сейчас намного больше интересовало поведение Гретты.

– Я рада видеть, что хворь отступила, и вы чувствуете себя значительно лучше, – сухо произнесла Гретта.

– Не льстите мне, Гретта. И не лгите, – презрительно скривил губы Густав. – На самом деле вы мечтаете о скорой смерти моей. И моя болезнь вас только забавляет.

– Вы считаете меня настолько жестокой?

– Нет, вы не жестока. И всё же, несмотря на моё хорошее расположение к вам, вы ненавидите меня. А там, где ненависть, там и пожелание зла. К тому же вчера вы мне дали повод убедиться не только в вашем отвращении ко мне, но и в вашей способности к предательству.

В сердце Гретты вспыхнуло волнение.

– О чём вы? – спросила девушка.

– Зачем вы вчера ходили к Кларку Кроненбергу?

Гретта невольно опустила глаза. Значит, Густаву всё-таки доложили о её посещении темницы. А она-то надеялась, что этот её поступок останется им незамеченным.

Накануне, воспользовавшись случаем, когда Густав больной лежал в кровати, а Аксел остался ждать у его покоев новостей от лекаря, Гретта, освобождённая на время от контроля, решила навестить томящегося в заточении Кларка Кроненберга. Солдат, стоявший на карауле у входа в темницу, получил от господина своего чёткий приказ никого к пленникам не пропускать. Совсем никого, кроме самого ландграфа да его доверенное лицо Аксела Тарфа. Однако Гретте, принявшей уверенный вид и взявшей решительный тон, достаточно скоро удалось убедить стража, что ей, как супруге ландграфа, так же позволено посещать тюрьму и проверять в каких условиях содержатся заключённые. Солдат её пропустил, проводил до камеры, но не ушёл, а остался поблизости, наблюдая за ходом свидания. Предвидя это, Гретта заранее написала небольшую записку, в которой коротко поведала о поведении и болезни Густава, о письме лекаря Гойербарга к королю, которое он послал с сыном, и, конечно же, о призраке Берхарда. Она надеялась, что эти новости добавят Кларку и его отцу уверенности в их скором освобождении и торжества справедливости. Молодая ландграфиня говорила с Кларком сдержанно и сухо, поинтересовалась его

самочувствием, спросила о жалобах на содержание в заточении и, получив от пленника короткие и столь же бесцветные ответы, покинула темницу. Солдат не заметил, как Гретта во время разговора незаметно бросила сквозь решётку записку. А раз не заметил, значит, и не доложит своему господину.

Однако о самом её визите в тюрьму Густаву всё-таки стало известно.

– О чём вы говорили с Кроненбергом? – строго спрашивал Густав. – Что замышляете против меня? Или надеетесь помочь ему сбежать?

– Стражник присутствовал при нашем разговоре, – невозмутимо отвечала Гретта. – У него и спросите, о чём мы с Кларком говорили.

– Я уже спрашивал. Ничего интересного он мне не поведал.

– Значит, ничего «интересного» и не было.

– Солдат – хороший исполнитель приказов, но глуповат. Он мог не заметить каких-либо ваших знаков, не понять намёков...

– Так вы обвиняете меня в предательстве?

– Я не хочу, да вы заставляете это делать.

– Госпожа честная женщина. Зачем ей предавать вас, своего супруга? – подала голос Лизхен в защиту хозяйки.

Но она зря так поступила. Синие глаза Густава немедленно воспламенились гневом.

– Кто позволял тебе вмешиваться, чернь?! – гаркнул он. –

Пошла вон!

Душа бедной Лизхен сжалась в комок от испуга, и слёзы обиды подступили к глазам. Дабы оградить верную служанку свою от последующих вспышек гнева ландграфа, Гретта мягко попросила её уйти, оставить их с Густавом наедине. Лизхен выполнила просьбу, вышла из комнаты. Однако переживая за госпожу, она осталась в коридоре, подле закрытой двери, не подслушивая, но прислушиваясь к происходящему внутри комнаты разговору.

– Мне не нравится, что ты печёшься о судьбе моих врагов, – высказывал тем временем Густав.

– Кларк друг мне... – перечила Гретта.

– Мои враги не должны быть друзьями супруги моей!

– Кроненберги никогда не были против тебя. Это ты их сделал врагами! Ты обвинил их в своём же преступлении, ты заточил их в темницу и хочешь лишить жизни!

– Если не уничтожу их я, то они уничтожат меня!

– О брате своём ты так же рассуждал?

– Замолчи! – зло приказал Густав. – Я запрещаю тебе говорить о нём!

– Боишься, что призрак его снова появится?

Такой смелости от зависящей от него женщины Густав не ожидал. В гневе вскочил он и, шагнув к Гретте, крепко схватил её за плечи.

– Как смеешь говорить со мной так?! – кричал он, пронзая Гретту взглядом, полным негодования. – Как смеешь пле-

сти интриги за моей спиной?! Разве не предупреждал я тебя быть послушной мне?

– Не делай хотя бы из меня врага, Густав.

Девушка, казалось, совсем не боялась своего супруга, ни его грубых рук, ни его свирепого взгляда. Она смело смотрела ему в глаза, и это лишь сильнее злило Густава. Он желал видеть слёзы непокорной женщины, слышать её мольбы о пощаде. И так будет. Так обязательно будет. Ежедневно.

– Ты сама не хочешь быть моим другом, – процедил сквозь зубы Густав. – А значит, станешь моей рабыней.

Густав сжал Гретту в крепких объятиях, таких крепких, что девушка почувствовала боль и ахнула. Вот так-то лучше. Уже давно пора сделать эту бунтарку своей женщиной, показать ей, кто её хозяин. Голодным хищником Густав впился в губы девушки жадным поцелуем. Гретта пыталась вырваться, этот поцелуй ей был противен, этот мужчина ей был ненавистен. Но не получалось освободиться, слишком слаба она против сильных мужских рук. А Густав продолжал целовать, и желание наполняло его тело. Не оттолкнуть его, не вырваться.

К глазам подступили слёзы бессилия, и отчаяние затопляло сердце. Однако нельзя сдаваться, нельзя покоряться воле насильника. В порыве защиты чести своей, Гретта улучила момент и впила зубами в щёку противника. Взыв от боли, Густав ослабил объятия и схватился рукой за раненную щёку. Вот и момент для спасения. Гретта вырвалась и стрем-

глав выбежала из комнаты.

Она бежала по коридорам, спасаясь от погони, она бежала по крутым лестницам, задыхаясь от рыданий, бежала прочь от ужаса, от боли, от несчастной жизни своей. Распахнув дверь, Гретта наконец оказалась на воле, под тёплыми лучами солнца, вне каменных стен замка. В голове девушки пульсировала лишь одна мысль: «Бежать. Спасаться». И Гретта бросилась в конюшню.

И тут она остановилась. Куда она побежит? К отцу? И тем самым даст повод жестокому ландграфу начать войну? Да, Густав болен, но отдавать приказы он может. Нет, всё же придётся остаться. Отныне здесь её новый дом, её семья. И... здесь Берхард.

– Она вернулась? – поинтересовался Густав у Аксела, рассматривая в зеркало укус на своей щеке.

– Вернулась. Видимо, поняла, что скрыться от тебя невозможно, – отвечал верный слуга. – Сейчас Гретта в своих покоях вместе со служанкой.

Густав отошёл от зеркала. Он остался недоволен проявившимся на щеке синяком. Вот упрямая чертовка! Посмела восстать против него. Против её господина!

– Запри их и не выпускай никуда, – распорядился Густав. – Хватит с них и двух дней свободы.

Подойдя к кровати, он прилёг. Голова немного кружилась, и в теле ещё чувствовалась слабость.

– Вечером я сам поговорю с ней, – добавил Густав, закрыв

глаза. – И этот разговор уж точно будет последним.

Молодой ландграф ужинал в своих покоях, в обществе с Аксела Тарфа да пары свечей. Чувствовал себя он уже хорошо, и можно было спуститься в залу, вот только видеть ему никого не хотелось. Съев жирную фаршированную куропатку и пирог, Густав наелся, но опустошив две бутылки вина, не напился и приказал слуге принести ещё пару.

– И о чём ты будешь с ней говорить? – спрашивал Аксел, наполняя кубки вином.

– Уже ни о чём, – отвечал Густав. – Сначала хотел поставить ей условие: либо она подчиняется мне, либо переселяется в темницу. Но потом подумал, что гордая Гретта скорее выберет второе. А потому время на слова тратить не стану, а просто пойду и возьму её силой.

– А если опять сопротивляться станет?

– Прихвачу с собой хлыст или плётку для усмирения.

И представив себе эту картину подчинения, Густав глухо рассмеялся. Аксел последовал примеру друга. К женщинам он так же относился пренебрежительно.

– А может, мне помочь тебе придержать эту норовистую кобылку? – предложил он со злорадной усмешкой. – Помнишь, как ту рыжую упрямую бестию?..

Однако с Густава веселье внезапно схлынуло, и глаза его злобно сверкнули.

– Думай, что и о ком говоришь, чернь! – прикрикнул он. –

Как смеешь ты жену мою сравнивать с дворовой девкой!

Аксел, осознав свою ошибку, тут же скинул с губ усмешку.

– Я не хочу причинять ей боль, – говорил Густав. – Я повёл себя с ней честно. Женился, положил к её ногам мои богатые земли, саму жизнь мою! Но Гретта слишком упряма. Зачем-то продолжает хранить верность покойнику. Она была знакома с волчонком всего семь дней. Семь дней! Неужели её любовь к нему так окрепла за столь короткое время?

Густав осушил свой кубок и снова налил в него вина.

– Твои чувства тоже разгорелись быстро и не ослабевают до сих пор, – заметил Аксел.

– Да, я люблю Гретту, – признал молодой ландграф. – Я хочу дать ей счастливую жизнь, да только она мне не позволяет это сделать.

– Тогда, может, тебе лучше не отталкивать её насилием, а проявить терпение и показать, что и ты умеешь быть нежным и заботливым?

– Нежным и заботливым? – горько усмехнулся Густав. – Я не умею таким быть. Да и сколько мне терпеть прикажешь? Месяц? Год? До старости? А если ей вздумается хранить верность волчонку до самой смерти? Нет. Уж лучше сразу всё расставить на свои места. Я её муж, её господин. И Гретта, как моя законная жена, обязана мне подчиняться, нравится ей это или нет. Она должна делить со мной ложе и рожать мне детей.

Густав залпом выпил вино из кубка. В голове уже стоял

хмельной туман, и мысли постепенно начинали путаться, но молодой ландграф продолжал пить. Вот и ещё одна бутылка опустела, откупорена следующая.

– Опять дождь пошёл, – проговорил Аксел, наполняя свой кубок.

– Как он надоел уже, – проворчал Густав. – Скоро превратит Регентропф в болото.

– Говорят, что тучи висят только над замком. Ни в городе, ни в селениях дождя нет.

– Ерунда какая! По-твоему, у нас здесь проклятое место?

– Так, то не я говорю, а люди.

– А ты повторяешь за ними всякую чушь, дурак. Пойду я. Сегодня мне предстоит долгая ночь в объятиях любимой.

Густав допил вино в кубке, поднял глаза и вдруг застыл. Прямо перед ним за столом сидел Берхард. Сидел и спокойно наблюдал. Может быть, из-за этого спокойствия, а может, из-за того, что хмель притупил сознание, но Густав в этот раз не почувствовал страха. Напротив, он смог расслабиться, даже прямо взглянуть в глаза призраку.

– Явился, – усмехнулся он. – Будешь снова защищать свою вдовушку?

Услышав такие слова, Аксел насторожился, внимательно взглянул на друга. Неужели к нему снова пришёл призрак брата? Но где? Молодой человек огляделся и ничего не увидел.

– Что ты говоришь, Густав? – встревожено поинтересо-

вался он.

– У нас гости, Аксел, – просто отозвался тот. – Вон, справа от тебя. Разве не видишь?

Аксел Тарф резко повернулся вправо, но стул рядом с ним был пуст.

– Здесь нет никого.

– Волчонку ты неинтересен, вот он тебе и не показывается. Эй, убирайся! – рявкнул Густав призраку. – Я больше не боюсь тебя. И лечь в постель к моей законной жене ты мне более не помешаешь!

Берхард не шевелился и не отводил от брата спокойного взгляда. Спокойного до раздражения. Молодой ландграф нервно схватил бутылку и налил себе ещё вина.

– Успокойся, Густав, – волновался Аксел. – Здесь действительно никого нет. Смотри!

И в доказательство своих слов он постучал руками по сидению стоявшего рядом стула. Но Густав не обращал внимания на его усилия. Он пил вино и смело смотрел в глаза призраку.

– Я больше не боюсь тебя, – повторил Густав. – И, пожалуйста, даже разрешаю тебе остаться. Поглядишь, как я развлекаюсь с твоей милой вдовушкой.

И Густав издал издевательский смех. Но Берхард по-прежнему был неподвижен и бесстрастен.

– Видишь, Аксел, он мне больше не страшен, – пьяно храбрился парень. – Бестелесная мерзость, способная лишь

портить нервы. Пусть является, я просто перестану обращать на него внимание.

Однако Аксел Тарф беспокоился, состояние друга ему не нравилось. Как бы видение брата не вызвало новый приступ болезни. Хорошо бы никуда не пускать Густава, а уложить спать. Но разве он послушает? И всё-таки Аксел попробовал.

– Ты слишком много выпил, – сказал он. – Пожалуй, тебе лучше пойти к Гретте завтра.

Густав ткнул в друга уничтожающий взгляд.

– Не указывай мне! Я и так слишком долго откладывал. Вот сейчас допью вино и отправлюсь.

В два больших глотка молодой ландграф залил в себя остатки вина и со стуком поставил пустой кубок на стол. Облизав губы, он почувствовал что-то вязкое. Тыльной стороной ладони вытер рот, взглянул на руку – на ней осталось тёмное и густое пятно. Что это? А губы опять ощущали на себе грязь. Густав вытер рот другой рукой, посмотрел на неё – такое же тёмное пятно. Тёмно-красное. Юноша присмотрелся, и в нос ударил тяжёлый запах крови.

Крови?! Густав облизнул губы. Да, и вкус её! Но отчего? Откуда? Он начал нервно вытирать губы, которые, казалось, ещё больше пачкались. Руками, рукавами, подолом – и всё покрывалось тёмно-красными липкими пятнами. А Аксел наблюдал за другом с нарастающим страхом.

– Что с тобой, Густав?

– Откуда кровь? – взволновано выкрикнул Густав. – Ак-

сел, посмотри, у меня рана на лице? У меня губы треснули?

– У тебя ничего нет, – заверил Аксел. – Лицо твоё абсолютно чисто.

– Разве чисто? Видишь, как течёт, одежда уже вся в крови!

– И одежда твоя чистая, – заверял Аксел. – Нет крови на тебе!

Он резко встал, поспешил к метавшемуся в истерике другу и схватил его за руки.

– Успокойся, Густав, крови нет. Раны на лице нет. Одежда чистая!

– Не трогай меня! – вскричал Густав с выпученными от ужаса глазами. – Смотри, смотри, твои руки теперь тоже испачканы! И крови всё больше и больше! Откуда она, Аксел?!

И тут он поднял глаза. Прямо перед ним всё ещё сидел Берхард, и на его лице появилась злорадная усмешка. Так вот кто напустил поток крови на его лицо.

– Чего ты хочешь от меня? Убирайся отсюда! Убирайся в ад!! – кричал Густав призраку, и голос его срывался от нервов.

Но он был бессилен что-либо сделать, и это ещё больше угнетало его и мучило. Он выл, не в состоянии справиться с потоком крови с его лица. А Берхард, эта бестелесная тварь, смел наблюдать за ним и смеяться, смеяться! Во весь голос!

– Заставь его замолчать, Аксел! Уничтожь его!! – в панике выкрикивал Густав.

Однако Аксел смеха не слышал, призрака и крови не ви-

дел. Он лишь видел сошедшего с ума человека с безумными глазами, корчившегося в судорогах ужаса. И для него это было страшнее призрака.

И вновь Патриция сидела у постели больного сына, наблюдая за его беспокойным бредом, и меняя смоченное в холодной воде полотенце на его горячем лбу. Аксел без утайки поведал ей обо всём, что случилось за ужином: о призраке, о видениях, об истерике, после которой и случился этот приступ. Больше Патриция не сомневалась, что к Густаву приходит дух брата. Аксел – слишком надёжный свидетель, чтобы продолжать сомневаться.

Но что делать теперь? Как спасти сына? Отныне Берхард не тот враг, которого можно прогнать или убить. Отныне он – эфирное существо без тела, без жизни, однако имеющее силу и влияние больше, нежели живой человек. И никак не одолеть его.

Патриция встала и подошла к столу. В ящике лежал ключ от покоев Берхарда. Идея очень глупая. Но в столь безвыходной ситуации нужно испробовать всё, даже глупость. Взяв ключ, женщина вышла.

– Можешь быть свободен, – сказала она стражнику, стоящему на карауле у двери.

Лишние свидетели её глупости были не нужны. Дождавшись, когда солдат завернул за угол, Патриция сняла со стены факел и отправилась в соседнюю комнату.

В помещении по-прежнему было темно, душно и пахло сыростью. В тусклом свете факела предметы казались уродливыми и отбрасывали зловещие тени. Душа забилась мелкой дрожью, и сердце сбивалось с ритма от страха. Но Патриция всё равно проходила внутрь затхлой темноты.

– Берхард, – тихо позвала она. – Ты ведь здесь?

Ответом была тишина.

– Я знаю, что ты здесь. Смотри, я пришла к тебе сама. Пришла просить... Нет, умолять пощадить брата твоего. Ты доставил ему уже достаточно мучений и боли, остановись. Не отбирай жизнь у него! Прости его жестокость. Молю тебя.

И снова ни звука, ни шороха. Патриция огляделась. Это безмолвие пугало её больше, нежели вздохи и непонятные звуки.

– Уходи в свой мир, Берхард, – просила несчастная женщина, и голос её срывался. – Я стану молиться о душе твоей. И Густава заставлю делать это. А если уж тебе непременно нужно забрать кого-то с собой, так лучше заведи меня. Я принесла тебе больше страданий. Но брата своего пожалей. Пожалей.

Тишина не шелохнулась. Лишь слышно было, как сердце нервно отбивало ритм.

– Да здесь ли ты? Ответь мне! Заклинаю тебя, Берхард, оставь нас, покинь! Прочь уходи!

Патриции померещилось какое-то движение, и будто лёгкое дуновение щеки коснулось. В душе засуетилась паника,

готовая вот-вот вырваться наружу. Женщина вытянула вперёд руку с факелом, обвела вокруг – никого. И только сердце в груди заметалось, словно в клетке.

– Прочь уходи! Заклинаю тебя! В замке этом ты более не хозяин!

– Хозяин.

Патриция в ужасе вскрикнула и бросилась было к выходу, но остановилась. Не за тем она пришла сюда, не для того, чтоб показывать страх свой. Безрезультатно пытаясь уговорить сердцебиение и усмирить слёзы паники, Патриция заставила себя гордо выпрямиться и повернуться на голос.

– Уже ничего не исправить, Берхард. Обрато в жизнь тебе не вернуться. Живи в замке, но Густава не мучай больше. Не вреди живым душам. Что хочешь ты за своё спокойствие? Какую жертву? Жизнь?

– Жизнь.

– Возьми мою. Уничтожь меня, терзай мою душу! Но не трогай моего сына!

– Сына.

Голос прозвучал совсем близко. Так близко, что повеяло холодом. Патриция рванула факел в сторону – сердце остановилось. Свет огня выхватил из тьмы бледное лицо молодого юноши с тяжёлым взглядом чёрных глаз и тут же с шипением погас. Сдерживать панику сил больше не было. Откинув древко потухшего факела, женщина бросилась прочь из комнаты.

Вбежав в покои сына, Патриция захлопнула за собой дверь. Ужас охватывал сердце, душа заливалась слезами. Берхард выглядел словно живой, словно и не умирал он во все. Не воззвать его к жалости, не успокоить, из замка не выгнать. Патриция обернулась – Густав ещё был без сознания. Как уберечь ей сына от напасти, от мстительной души, вернувшейся из ада? Подойдя к кровати, женщина легла рядом с бившимся в горячке сыном и нежно обняла его.

– Не отдам тебя дьяволу, буду с тобой каждую минуту. Отгоню призрак злобный, успокою хворь. Душа моя тебя защитит. Ты будешь жить, сынок. Вопреки всем закланиям ты будешь жить.

Гретта стояла у окна и наблюдала за холодным моросящим дождём. Снова Берхард пришёл не к ней. Она не чувствовала его прикосновений, лишь бездушные капель, мелких и острых, будто ледяная пыль. Как хотелось попасть в комнату Берхарда, тогда стало бы возможным встречаться с любимым в любую погоду. Но ключ хранился у Густова. Да и сама Гретта вновь находилась под арестом.

Дождь закончен. Берхард так и не пришёл. Возможно, он опять навещал Густава, опять мучил его. Как это, должно быть, ужасно, когда неуспокоенная обиженная душа ежедневно напоминает о преступлении, пронизывает ненавистью, отнимая по частицам жизнь. Несчастный Густав. Он достоин жалости. Он болен, он бессилен, и кроме страданий

жизнь не принесёт ему более ничего.

Надо бы узнать, вдруг с Густавом снова случился припадок, и он лежит во власти лихорадки. Гретта открыла дверь с намерением попросить стражника позвать к ней Лизхен. Но выглянув в коридор, девушка обнаружила, что солдат сидел на полу, прислонившись к стене, и мирно спал, издавая тихий храп. Как странно. И вроде, время ещё не позднее. Видимо, обязанность была слишком скучна для этого солдата.

Осторожно, дабы не разбудить стражника, Гретта вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь. Путь свой она направила к покоям супруга. В замке девушка уже ориентировалась хорошо, шла по коридору уверенно. Завернув в восточное крыло, Гретта ещё издали заметила, что дверь в покои Берхарда приоткрыта. Её забыли закрыть или в комнате кто-то был?

Пройдя мимо покоев супруга, Гретта подошла к двери соседней комнаты. Осторожно заглянула внутрь. Но в крошечной темноте ничего не было видно. Гретта вынула из держателя на стене факел и вошла в покои. Страх она не испытывала, скорее душа дрожала от любопытства и предчувствия чего-то волшебного. Пахло сыростью, и ощущалась прохлада. Ещё несколько дней назад здесь всё было иначе. В окно дышал тёплый летний ветер, солнце протягивало яркие лучи. По вечерам горели свечи, а при их мерцании молодой хозяин комнаты, сидя за столом, склонялся над листом пергамента и создавал прекрасные рисунки. Молодой, красивый и

живой. Гретта не удержала печальный вздох. Ничего из этого больше не вернуть. Даже если открыть окно и впустить солнце, даже если избавиться от сырости, без своего хозяина эта комната всё равно уже будет не та.

– Берхард, – негромко позвала Гретта, проходя вглубь темноты. – Я пришла к тебе, мой милый. Не обижайся, что без спроса, не прогоняй меня, пожалуйста. Тоска по тебе меня угнетает.

По волосам скользнул ветерок. Гретта улыбнулась – здесь её возлюбленный, встретил её. Девушка протянула руку, почувствовала, как обволакивает её прохладная влага.

– Так необычны твои прикосновения, но они приносят счастье. Покажись мне, любимый. Какая радость знать, что могу видеть тебя не только во снах, но и наяву.

Во мраке показался знакомый силуэт, только к свету приближаться он не стал. Напротив, с его стороны донёсся поток влажного ветра, всколыхнул воздух, дёрнул подол платья, заставил нервничать пламя факела. Гретта встревожилась.

– Уж не прогоняешь ли ты меня, Берхард? Или тебя что-то беспокоит?

Однако призрак молчал. Новый поток ветра обдал холодом лицо и потушил огонь. И тут же со стороны двери раздался строгий голос:

– Кто здесь?

Гретта узнала голос Аксела Тарфа, а обернувшись, увидела в проёме открытой двери и его самого.

– Кто здесь? – требовал ответа молодой мужчина, протянув в помещение горящий факел. – Отзовись! Я видел свет, так что выходи сам по-хорошему. Эй, стража! – крикнул он в сторону.

Делать нечего, Гретта шагнула к выходу. Аксел продолжал звать стражу, но сам никуда не отходил. Девушка уже почти вышла из темноты на тусклый свет факела, как вдруг дверь перед ней захлопнулась. Гретта вздрогнула.

– Это ты сделал, Берхард? Ты хочешь меня спасти?

– Спасти, – ответил мрак.

По двери забарабанили нервные удары, и мужской голос выкрикивал ругательства.

– Но так ты меня не спасёшь? Аксел всё равно выломает дверь, обнаружит меня.

Раздались более тяжёлые и глухие удары, слышались ещё голоса.

– Открой, Берхард, – смирившись, попросила Гретта. – Они не уйдут, пока не снесут дверь, и что тогда станет с твоим прибежищем? Ты не должен покидать замок.

Однако дверь оставалась закрытой. А удары становились сильнее, слышался треск, будто топор применили.

– Открой, любимый. Аксел ничего мне не сделает без приказа Густава. А уж от его жестокости ты спасёшь меня непременно. Видишь, как я спокойна, ибо знаю, что так и будет.

И в этот раз Берхард внял просьбе. Дверь ослабла, и все те, кто рьяно рвался, кубарем вкатились в мрачное помещение.

Едва солдаты оказались в покоех призрака, суеверный страх охватил их души, и они, быстро вскочив, ринулись обратно в коридор. Аксел тоже пока не решался войти.

– Выходи! – приказал он. – Я уже догадываюсь, кто ты.

Гретта сделала ещё пару шагов и вышла в круг света от пламени.

– Гретта Хафф! – злорадно усмехнулся Аксел. – Вот я вас и поймал. Вот и уличил я вас в колдовстве! Теперь Густав добр с вами не будет. Арестовать её!

Но трое солдат топтались у порога, не осмеливаясь ступить в комнату.

– Арестовать её! – повторил Аксел свой приказ.

Гретта стояла и лишь улыбалась страхам сильных мужчин. Кого боялись они? Призрака? Ведьмы?

Аксела глупая нерешительность солдат тоже нервировала. Не дождавшись от них никакого действия, он сам вошёл в покои и, крепко схватив девушку за руку, вывел её в коридор. Вот теперь стражники вспомнили о своей обязанности и окружили пленницу.

– Отвести в темницу. Позже ландграф решит её участь. – Аксел повернулся к чёрной дыре покоев призрака и громко пригрозил. – Эй ты, жалкое приведение, если продолжишь сводить с ума Густава, твоей девчонке не жить. Так что оставь его в покое и сиди тихо в своей вонючей конуре, пока я её не сжёт.

Ничем не ответил мрак, будто был пуст. Преисполненный

собственным достоинством Аксел с силой захлопнул дверь и отправился следом за солдатами.

К утру горячка успокоилась. Густав открыл глаза. Юноша чувствовал себя таким усталым, будто провёл много утомительных бессонных дней. Повернув голову, он увидел рядом с собой спящую мать. Она обнимала его, прижав к себе, как бывало делала это в детстве, когда Густав болел. Неужели его приступы с каждым разом всё сильнее и сильнее? Это уже начинало беспокоить.

Густав потихоньку убрал с себя руку матери и попытался сесть. Да только головокружение уронило его обратно. Патриция немедленно проснулась.

– Густав, мальчик мой, – встревожилась она и, склонившись над несчастным сыном, приласкала его горячее лицо. – Жар ещё не стих. Но ты пришёл в себя, значит, недуг отступает.

– Где лекарь? – прохрипел Густав.

– Он должен прийти скоро. Я попросила его остаться в замке. Сейчас пошлю к нему кого-нибудь, чтобы его поторопили.

Патриция встала с кровати, и тут обнаружила спящего на большом сундуке Аксела Тарфа. Верный друг и слуга тоже всю ночь оставался при своём больном господине. Женщина подошла к парню и тронула его за плечо. Аксел вздрогнул, открыл глаза и тут же вскочил.

– Случилось что, ландграфиня? – обеспокоенно спросил он.

– Нет. Пока, слава Богу, ничего не случилось, – ответила Патриция. – Густав проснулся. Надо бы позвать лекаря Гойербарга. Да распорядиться насчёт завтрака. Впрочем... Завтраком я займусь сама.

Поняв распоряжение, Аксел поспешил к лекарю.

– Я не хочу есть, мама, – тихо проговорил Густав.

– Телу нужны силы. – Патриция поправила одеяло.

– Боюсь, они уже на исходе и никакая еда их не восполнит.

Какие странные речи для Густава, который всегда уверенно смотрел в жизнь, в будущее. Сердце Патриции заволновалось ещё больше.

– Что говоришь ты такое, Густав? С тобой случился обычный приступ. Уже к обеду ты встанешь с постели.

– А в ночь лягу снова. Он высасывает из меня жизнь. Постепенно, жестоко, настойчиво. Он не торопится, у него теперь времени много. Но дело своё он доведёт до конца, обязательно.

– Видимо, страшный сон ещё не покинул разум твой.

Патриция пыталась говорить спокойно, чтобы и у сына унять волнение, однако в груди её сердце обливалось слезами, слушая страшные откровения.

В покои вошёл лекарь Гойербарг и сразу направился к больному. Патриция не стала мешать ему. Вышла, отправилась в кухню. Повседневные заботы должны отвлечь от чёр-

ных мыслей.

Густав не позволил лекарю надолго задерживаться у его постели. Приняв от него лекарство, он попросил, даже потребовал, чтобы Гойербарг шёл заниматься своими делами. В покоях остался лишь Аксел. Он помог другу сесть, подложив ещё одну подушку под его спину.

– Зелье Гойербарга такое горькое, подай мне воды, – сказал Густав.

Аксел выполнил просьбу, протянул другу глиняную чашку с водой. Густав жадно осушил её.

– Зато это зелье быстро снимает с тебя тяжесть недуга, – заметил Аксел, принимая чашку обратно. – Без Гойербарга тебе с болезнью не справиться.

– Скоро и он будет бессилён.

– Не говори ерунды.

– Это не ерунда. Волчонок от меня не отстанет, пока не убьёт.

– Его не нужно бояться, вот и всё, – советовал Аксел. – Не общайся с ним, не разговаривай. А если снова увидишь, так сделай вид, будто не замечаешь.

– Легко говорить тебе, – угрюмо отозвался Густав. – Ты его не видишь. Его месть на тебя не распространяется. Всё, оставь эту мерзкую тему. Что там за окном?

– Раннее солнечное утро.

– Солнечное, это хорошо. Если к обеду встану, надо будет выйти на улицу. Хочу на воздух. Чуть позже позови ко мне

Гретту.

– Мне пришлось её арестовать, Густав, – доложил Аксел.

– Как арестовать? – удивился молодой ландграф. – За что?

– Вчера поздним вечером я застал её в покоях Берхарда.

Она там колдовала.

– Что делала? – ещё больше удивился Густав. – Это как?

Аксел рассказал всё, как было. Как он заметил приоткрытую дверь в покои, свет факела внутри комнаты. Правда, свет быстро погас, и потому Аксел не успел рассмотреть человека. К двери никто не вышел, однако она резко захлопнулась, да столь крепко, что открыть её оказалось невозможно, хотя никто и ничто не держало ее. Даже трое прибежавших на зов солдат не смогли справиться. Рассказал, как дверь потом так же резко открылась, а за порогом стояла Гретта и надменно улыбалась.

– Я велел отвести Гретту в темницу, – заканчивал свой рассказ Аксел. – Ты сам решай, что делать с ней. У дверей её комнаты я обнаружил спящего стражника. Наверняка, это она его усыпила. Ключа от покоев Берхарда в ящике нет – Гретта смогла выкрасть его, хотя в комнату не входила. А может быть, открыла дверь колдовством.

Густав слушал молча. Разочарование тяжёлым грузом давило на сердце, осознание предательства стучало в голове тупой болью. Как эта неблагодарная женщина осмелилась пойти против него? Против человека, который дал ей имя, титул, уважение, который, в конце концов, сохранил жизнь её

отцу-предателю!

И всё же не была Гретта похожа на колдунью. Глаза её хоть порой и наполнялись презрением, но не ненавистью, не коварством. В душе заёрзало неверие.

– Колдунья... – задумчиво повторил Густав. – Почему же тогда она не заставила ландграфа не только поменять старшему сыну невесту, но и оставить ему Регенплатц?

– Знала, что ты не уступишь трон без боя.

– Почему не подчинила меня? Не сковала мою волю и не сделала меня своим рабом?

– Ты не веришь мне? – настороженно уточнил Аксел.

– Просто никак не могу соединить Гретту с образом ведьмы. Нужно во всём разобраться. Приведи её ко мне. Но не сейчас. Позже. Когда я буду более-менее похож на здорового человека.

После лекарств Питера Гойербарга, материнской заботы и спокойного сна Густав к полудню настолько окреп, что смог подняться с постели. Одевшись, он вышел на улицу, погреться под тёплые лучи солнца и подышать свежим воздухом. Сюда он и попросил Аксела привести Гретту для разговора.

– О чём ты хочешь поговорить с ней? – поинтересовалась Патриция, не на шаг не отходившая от сына, чем слегка нервировала его независимость.

– Просто спросить, – неопределённо отмахнулся Густав.

– Снова что-то срываешь от матери своей, – упрекнула Патриция.

– Нечего мне скрывать от вас, матушка. Гретту обнаружили в покоях Берхарда. Хочу спросить, как она попала туда и что там делала?

Ландграфиня молчала, почувствовав слабый укус совести. Она-то поняла, как девушка попала в эту комнату. Патриция вспомнила, что выбежала из покоев пасынка, не помня себя от страха, и не заперла за собой дверь. Да и ключ от покоев до сих пор хранился в кармане её платья. И что делала там Гретта, тоже понятно. Наверняка надеялась увидеть любимого. Патриции не трудно было оправдать невестку, да только нужно ли это делать? Уж слишком много места Гретта занимает в сердце Густава. Да и трудно простить, что все несчастья и трагедии в замке Регентропф начались именно с её появлением. Может, лучше молчать и дальше? Пусть Густав рассердится, пусть разочаруется. Пусть отправит её прочь отсюда, куда угодно, но подальше.

Гретта предстала перед супругом гордая с холодом в светло-карих глазах. Вежливо поприветствовала его, свекровь и приготовилась к разговору.

– У вас усталый вид, Гретта, – насмешливо заметил Густав. – Плохо спали?

– Уверена, вы не для этого позвали меня из темницы.

– Да, не для этого. Простите, что пришлось поместить вас в столь неприятное место, но вы сами вынудили так поступить, сбежав из своей комнаты. И для чего... Чтобы проникнуть в запертые покои, где ложе едва остыло от тела покой-

ника. Вас привлекают склепы и запах смерти? Что делали вы вчера в покоях Берхарда?

– Мне стало любопытно, вот я и зашла. – Гретта оставалась совершенно спокойна.

– Но как вы открыли дверь?

– Она уже была открыта.

– Не может быть. Ключ хранится у меня, никто его не берёт. А я в ту комнату не заходил.

– Кто заходил туда, мне не известно. Но гость этот дверь за собой не запер. Я же просто воспользовалась его оплошностью.

– Хорошо, допустим, – отодвинул Густав вопрос на потом. – Тогда объясните другое. Как вы смогли столь быстро загасить пламя факела? Ведь он не свеча, на него не подуешь. Как дверь смогла сама собой закрыться? Да так, что четверо мужчин не в силах были открыть её?

– Ответ тоже прост. Меня не хотел отпускать Берхард, пытаясь защитить от вашего слуги.

– Берхард? – насторожился Густав. – Значит, вы общаетесь с ним?

– Так же, как и вы, Густав.

– Как смеешь так разговаривать с господином своим! – вспыхнула Патриция. – Уж не с твоей ли помощью происходит столь странное общение братьев?

– Хотите в колдовстве обвинить меня? – смело взглянула Гретта в гневные глаза свекрови. – Вы давно уже ищите при-

чины для подобного обвинения. Так к чему оправдываться перед вами, если вы всё равно все слова мои перевернёте и выставите в доказательство вины моей? Это всё, на что вы способны – убирать из вашей жизни людей неудобных, а после скидывать свои преступления на плечи невиновных.

Резкая пощёчина внезапно обожгла лицо девушки. Подобных оскорблений Патриция терпеть не желала да ещё от какой-то девчонки, которую приютили здесь лишь по прихоти Густава.

– Заткнись, ведьма! – вскричала женщина. – Ты приворожила моего сына. Ты напустила на него проклятье! Ты колдовством оставила дух волчонка на земле, чтоб он замучил Густава, чтоб убил его!

– Вы сходите с ума, ландграфиня. Для вас с вашим сыном Берхард всегда врагом был, врагом он для вас и остался. Это ваша ненависть его здесь оставила, ваше коварство!

– Вижу я, быть покорной супругой вы не желаете, Гретта, – мрачно высказал Густав. – Предпочитаете хранить верность покойнику, чем жить свободно и жизни радоваться?

– Да жизнь с вами аду подобна.

– Вот как. Не думал я, что вы столь глупы. – В горле Густава застрял ком обиды. – Я давал вам всё. Всё, о чём мечтают многие, всё, что желала бы моя супруга. Но вы хотите любить мертвеца, и холодный склеп для вас подобен раю. Что ж, пусть будет по-вашему, дорогая Гретта. Завтра же по обвинению в колдовстве вы будете сожжены на главной пло-

щади Крафтбурга. Завтра вы соединитесь со своим возлюбленным. Так что примите моё решение, как милость. Увести! – бросил он охране.

Патриция осталась довольна. Совесть немного скреблась, но её удалось быстро успокоить. Даже если б Патриция призналась, что это она оставила дверь в комнату Берхарда открытой, Гретту это не спасло бы. Доказательства в колдовстве налицо, в связи с призраком она сама призналась, супруг оскорблён предательством. Смерть на костре – возможно, слишком жестоко, однако поведение преступницы не оставляло выбора для иного наказания.

– Может, её просто изгнать из Регенплатца? – всё-таки попробовала предложить Патриция, возвращаясь в замок вместе с Густавом.

– Чтоб она распускала обо мне сплетни по всей стране? – хмуро отозвался Густав. – Чего мне бояться? Угроз со стороны её слабого отца?

– А волчонок?

– Что с вами, матушка? Вы же не верите в его призрак!

– Это неверие уже постепенно исчезает из души моей.

– Разве для него есть разница, за что мстить мне? Два раза ему меня не убить. Пусть лучше радуется, что я столь скоро соединю его с любимой женщиной.

К вечеру вновь заморосил дождь. Заточённая в холодной темнице Гретта не знала этого. Она молча лежала на тонком

соломенном тюфяке, слушала, как в углу шебаршатся крысы, и мечтала о новой встрече с Берхардом. Гретта не переживала о завтрашнем дне, не боялась казни. Она знала, что любимый непременно спасёт её. Он не допустит её смерти, а тем более смерти его дитя. И даже если вдруг его сил и магии не хватит, тогда они соединятся на небесах. И никакая разлука им более не будет страшна.

Густав слышал дождь. Он слышал его с самого начала, с первых тактов. После прогулки молодой ландграф вернулся в свои покои и уже не выходил оттуда. В душе его зияла пустота, в сердце горечью разливалось разочарование, разум был настолько забит мрачными мыслями, что не осталось места даже для самой крошечной надежды на просветление. Патриция пыталась остаться с Густавом, но тот настоял, чтобы она ушла, даже прикрикнул. И женщине ничего не оставалось, как исполнить желание сына.

Густав остался один. Он лежал на кровати, бездумно смотрел в потолок и слушал дождь. Слуга принёс обед, но молодой ландграф даже не взглянул на него. Какая-то апатия охватила его естество, равнодушие ко всему абсолютно, равнодушие к самой жизни. Позже Патриция ещё раз заходила, однако Густав лишь вяло сказал ей:

– Оставьте меня, матушка. Я хочу отдохнуть.

Патриция ушла, но тревожась за сына, оставила у дверей стражника и попросила Аксела Тарфа оставаться рядом со своим господином.

С парой бутылок крепкого вина Аксел вошёл в комнату друга. Густав покосился в его сторону.

– Я же сказал тебе не приходить, – проговорил он.

– Мне хочется выпить, но не с кем, – спокойно ответил Аксел, садясь за стол, на котором так и стоял нетронутый обед. – Поднимайся. Я отыскал в погребе вино, изготовленное в правление твоего деда. Нужно попробовать насколько крепким оно стало.

Вино – это хорошо. Вино – это можно. Густав лениво поднялся с кровати и подал знак, чтобы Аксел подал ему кубок. Тот исполнил просьбу. Сделав несколько глотков, Густав шумно перевёл дыхание. Вино тёплым потоком полилось внутрь организма. Однако чувства удовлетворения не появилось. Допив порцию, Густав попросил налить ещё, да и сам пересел к столу.

– Что тревожит тебя, Густав? – спросил Аксел. – Снова призрак беспокоит или теперь твои думы заняты Греттой?

– Обида гложет меня, – признался Густав. – Я всё дал этой женщине. И хотел дать ещё больше. Я спорил с матерью, я обрёл сильных врагов, я пренебрёг трауром по отцу. Я убил брата ради неё!

– Ради неё? Разве не ради трона?

– Ради неё, Аксел. – Густав залпом осушил кубок. – Трон волчонок отдал мне, но зачем-то забрал за это Гретту. Женщину, которую я полюбил по-настоящему. Понимаешь, по-настоящему, всем сердцем.

Густав налил себе ещё вина. Душа его изливала скопившиеся тяжёлые чувства, спеша скорее избавиться от них.

– Чем он был лучше меня? Говорил слова красивее? Крепче обнимал? Коль уж она приняла меня, возможно, я смог бы научиться нежности. У меня была надежда добиться расположения Греты, если не по-хорошему, то хотя бы по-плохому. Но после прошедших событий, после её предательства, я понял, что эта надежда бессмысленна. Я живой всё равно буду хуже его мёртвого.

Вместе с вином тоска затопляла сердце, и разум увязал в трясине мрачных мыслей.

– Завтра я её казню, – продолжал говорить Густав. – Я не очень верю в её умение колдовать. Я мог бы приковать её цепями к моей кровати и превратить в рабыню, в игрушку, в вещь. Только что это даст? Гретта, которая поначалу казалась робкой серой голубкой, оказалась гордой орлицей. Она отдаст мне тело, но никогда не отдаст душу. Я смогу заставить её улыбаться и преклоняться передо мной, но в тайне она ежеминутно будет меня проклинять. Мне тяжело расставаться с Греттой, тяжело осознавать, что больше не увижу её. Однако ничего другого не остаётся.

Аксел молчал, не мешая откровениям друга. Впервые он видел Густава в столь подавленном состоянии и не знал, как помочь ему или хотя бы утешить.

Ещё немного поковырявшись в своих мыслях, молодой ландграф встал, подошёл к навесному шкафчику в углу ком-

наты, что-то достал из него.

– Вот, – вернувшись, выставил он на стол прозрачный флакончик с чёрной крышкой, внутри которого колыхалась коричневая жидкость.

– Что это? – заинтересовался Аксел, вглядываясь в склянку в сумерках наступающего вечера.

– Это очень сильный яд.

– Яд? – молодой человек насторожился. – Зачем тебе яд?

– Мне привезла его сестра. – Густав занял своё место и налил себе вина. – Для того чтобы убить волчонка. Но я использовал другой яд, а этот остался.

– Зачем же ты достал его теперь?

– Завтра, перед тем, как разгорится костёр, я дам его Гретте. Чтоб не мучилась она перед смертью. Сделаю для неё последнее доброе дело. И на этот раз она должна оценить его по достоинству.

Аксел Тарф понимающе покивал головой, и всё же тревога не отпускала его.

– Хорошо. Но ты не сможешь сам это сделать, – сказал он. – Дай мне яд. Я угощу им Гретту, как только прозвучит приговор.

– Нет. – Густав зажал склянку в руке. – Я сам. Она увидит, что и я умею быть добрым.

В беседе повисла пауза. Парни пили, размышляя каждый о своём. Акселу не нравилось настроение друга, не нравились его слова, не нравилась затея с ядом. Густав вёл себя

так, будто перестал быть самим собой, будто его заставляли играть чуждую ему роль.

– Если не хочешь убивать Гретту, не убивай, – произнёс Аксел. – Оставь в темнице или отправь к отцу. Но прикажи ей унять призрак, чтоб он более тебя не тревожил.

Густав взглянул на друга, словно на глупца.

– Какую ерунду ты говоришь, Аксел, – поморщился он.

– А может, не ерунду. Смотри, сегодня дух волчонка не приходит к тебе. Вдруг он испугался за жизнь возлюбленной?

Но Густав лишь усмехнулся на это. Даже почти рассмеялся.

– Да разве может призрак за кого-то бояться или переживать? Вон он сидит себе спокойно за столом и наблюдает за нами.

Услышав столь неожиданное заявление, Аксел Тарф встрепенулся и напряжённо уставился в то место, куда кивнул его друг. Но там никого не было.

– Сидит здесь? И давно? – осторожно поинтересовался Аксел.

– Недавно.

– И тебя его появление совсем не беспокоит?

– Нет. Я уже устал беспокоиться.

Аксел снова покосился в противоположный конец стола и, чиркнув огнём, зажёл свечу в подсвечнике.

– Так это же хорошо, – сказал он. – Значит, ты можешь

не обращать на него внимания и вести прежний образ жизни! – Аксел улыбнулся и постарался добавить в свой голос побольше бодрости.

Однако друг не поддержал его оптимизма

– Ну же, Густав, взбодрись! К чему поддаёшься унынию? Где твой огонь жизни? Где смелые планы на будущее? Где твой смех над всеми невзгодами?

Густав пил и молчал. Казалось, его не только призрак перестал интересовать, но и собеседник.

– Густав. Густав... – позвал Аксел.

– Оставь меня, – вдруг попросил юноша.

– Не хочешь больше говорить?

– Оставь меня, – более требовательно повторил Густав.

– Да что с тобой вдруг? – не понимал парень.

– Уйди, я сказал! – с нервом рявкнул его друг.

Акселу это не понравилось. Как бы начало раздражения не окончилось новым приступом.

– Я не уйду, – заявил он. – Я обещал твоей матери не оставлять тебя. Да и сам не хочу этого.

– Ты не подчиняешься приказу твоего господина? – недовольно прорычал молодой ландграф.

– Беспокорство о моём господине сильнее послушания.

– А я тебе приказываю, пошёл вон! – прикрикнул Густав, и в глазах его сверкнули искорки гнева.

Да. Теперь он был не другом, но хозяином, и надо было подчиниться.

– Хорошо, – уступил Аксел. – Я выйду. Но от двери не отойду.

Молодой человек без всякого желания вышел из комнаты, закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной, прислушиваясь к звукам, оставшимся внутри. А их почти не было слышно. Стражник молча наблюдал за молодым человеком, не решаясь спросить объяснения его странному поведению.

Оставшись один, Густав осушил свой кубок и снова наполнил его. Берхард спокойно и неподвижно сидел за столом, не сводя с брата холодный взгляд чёрных глаз.

– Видимо, ты от меня уже не отстанешь, – устало вздохнул юноша, глядя с тоской на своего странного гостя. – За эти дни ты мне надоел больше, чем за всю жизнь. Но твой вид меня больше не пугает. Скорее, он утомляет меня. Всё моей смерти ждёшь?

– Жду, – откликнулось эхо голосом Берхарда Регентропфа.

– Ты всегда был терпеливым. Всегда усердным в делах. А теперь тебе и вовсе торопиться некуда. Ты оказался более жесток. Я не позволял тебе столь долго страдать. Почему ты не убьёшь меня сразу?

На этот вопрос ответа не последовало. Берхард продолжал сидеть неподвижно, и взгляд его был спокоен.

– Видимо, скорая месть тебя не устраивает, – согласно закивал Густав. – Ты желаешь меня мучить. Хочешь, чтоб жизнь из меня выходила постепенно. Я понимаю. Я вижу.

Чем слабее становлюсь я, тем сильнее становишься ты. Я прав?

– Прав.

– Вот-вот. Поэтому ты и не торопишься. Ты питаешься моей болью. Высасываешь из меня силы по глоткам, по каплям. Даже после смерти не желаешь мне что-либо уступить. Ни замок, ни женщину, ни саму жизнь. Завтра я казню Гретту. Разве ты не хочешь меня остановить? А? Не хочешь?

– Не хочу.

– Конечно. Знаешь, что, умерев, она станет твоей навсегда. Получишь свою девку и продолжишь меня терзать. Будешь набираться сил, расти, чтобы завладеть замком, чтобы всех изгнать отсюда.

Густав осушил кубок. В душе его ненависть обнажала нервы. Захмелевший взгляд остановился на стоявшем на столе маленьком флакончике с коричневой жидкостью.

– А что если я не доставлю тебе такого удовольствия? – мрачно усмехнулся Густав. – Я не стану казнить Гретту. Пусть гниёт в темнице. А ещё вот возьму да выпью яду. И тебе не с кого будет тянуть силы. Тебе некому будет мстить, волчонок! Некому! Твои планы рухнут, и ты исчезнешь. Ну, что так смотришь? Напрягся, волнуешься. Боишься? Или думаешь, я этого не сделаю?

– Не сделаешь.

– Считаешь, я трус?

– Трус.

Густав молча покачал головой, не отводя глаз от склянки с ядом. Верхняя губа его нервно подёргивалась, мысли уходили в темноту. Юноша был так углублён в свои мысли, что не заметил, как приоткрылась дверь. Это Аксел Тарф, борясь с нетерпением и переживая, что ничего не может расслышать, пропустил слух внутрь комнаты и напряг внимание.

– Я тебя ненавижу, волчонок, – услышал он глухое рычание Густава. – Ненавижу больше, чем при жизни. И я несколько не жалею, что убил тебя. Не раскаиваюсь в этом. Если бы тебя не существовало, я стал бы совсем иным человеком. И жизнь моя сложилась бы иначе. Отец гордился бы мной, я учился бы у него мудрости правления, и в душе моей не царили бы обиды и чувства унижения. Моя мать была бы счастлива. Да и я испытал бы разделённую любовь. Ты один виноват во всех бедах нашей семьи, в моих бедах. Ты подослан к нам дьяволом. И душа твоя задержана здесь чёрным колдовством. Но ты ещё слаб. И замок ещё не твой. Я знаю, после того, как ты потешишься со мной и выпьешь последнюю каплю моей жизни, ты начнёшь издеваться над другими, забирая себе и их силы. И так до тех пор, пока замок не опустеет, и ты не станешь его полноправным хозяином. Но сначала тебе нужен именно я, именно мои силы. Правильно?

– Правильно, – бесстрастно подтвердило эхо.

Аксел не видел, как Густав открыл флакон, только слышал:

– А я вновь разрушу твои планы, мерзкий волчонок. Я

уничтожу источник твоей силы. Смотри!

Притаившийся за приоткрытой дверью Аксел почувствовал поток холодного воздуха и увидел, как в комнате погас блёклый свет свечи. Душу его наполнила тревога.

– Нервничаешь, да?! – донёсся до Аксела злорадный возглас.

Молодой человек не выдержал и вошёл в комнату. В сумраке он с ужасом разглядел в руке Густава флакон с ядовитой жидкостью, а на лице юноши играла улыбка победителя.

– Густав! – крикнул Аксел.

Но друг его не слышал. Он смотрел в дальний угол стола, на того, кто был виден только ему.

– Возвращайся в ад! – провозгласил Густав и, прежде чем Аксел успел подбежать к нему, опрокинул в себя содержимое склянки.

В следующий же миг юноша схватился за грудь, резко вдохнул и безвольно повалился на стол. Его тело затряслось в мелких судорогах и вскоре замерло. Молодой ландграф фон Регентропф умер.

Аксел Тарф в оцепенении стоял возле своего друга и господина. Всё произошло столь скоро и неожиданно, что разум его никак не мог принять случившееся.

Новый порыв холодного ветра заставил парня очнуться. Нужно что-то делать. Прежде всего, Аксел подошёл к распахнутому окну и закрыл створки. Густав мёртв. Надо бы позвать лекаря и сообщить ландграфине. Она, несомненно,

будет убита горем. Но также и может впасть в гнев. В гнев на него, на Аксела, на лучшего друга её драгоценного сына, на человека, которого она оставила в качестве стражника, которому она наказала ни на миг не оставлять больного Густава без присмотра. Как бы со злости не приказала она казнить нерадивого слугу.

Долго Аксел Тарф рассуждать не стал. Без влиятельного покровителя в этом замке ему больше делать нечего. Никого судьба его более не заинтересует. Молодой человек прошёл за кровать. Здесь, у стены висел ключ от небольшого сундука, стоящего в дальнем углу комнаты. Содержимое этого сундука составляли личные вещи Густава. Аксел открыл обитую бронзой крышку. Из-под груды одежды он достал три мешочка наполненных золотыми монетами и запихнул их себе под рубашку. Затем, закрыв сундук и повесив ключ на место, Аксел Тарф спешно покинул покои ландграфа.

Первым делом Аксел зашёл к себе, торопливо собрал всё самое необходимое для дальней дороги. После он заглянул в покои, отведённые для лекаря, и сухо сообщил усталому мужчине:

– Прошу вас подойти к Густаву, гер Гойербарг. Он принял яд.

Лекарь в ужасе помчался в комнату молодого ландграфа. А Аксел Тарф тем временем направился к ландграфине.

С того момента, как Патриция оставила сына, её не по-

кидало беспокойство. Болезнь отступила, Густав не один, с ним верный Аксел, у дверей стража, и всё же сердце тревожилось. Патриция бродила по комнате, не зная, чем занять себя, чтобы отвлечься от нехороших мыслей. Хотела выйти в сад, но с серого вечернего неба вновь капал мелкий дождь. Может, заняться шитьём? Однако не было даже желания себя заставлять. И Патриция снова и снова просто ходила по комнате из угла в угол.

Открылась дверь. В комнату вошёл Аксел Тарф. Увидав его, Патриция замерла. «Новый приступ», – вспыхнуло предположение.

– Почему ты здесь? – строго спросила женщина.

Но прежде чем ответить, Аксел опустил на одно колено и склонил голову.

– Ваше сиятельство, госпожа ландграфиня, я принёс вам трагичную весть, – сообщил он.

Трагичную? Патриция прижала к сердцу ладонь, и дыхание её сбилось с ритма.

– Что случилось? – ахнула она. – Говори прямо!

– Густав... Он скончался.

– Нет! – Патриция схватилась за голову, будто пытаюсь не впускать в сознание смысл услышанного. – Нет! Этого не может быть!

Этого действительно не могло случиться. Да, Густав болен, но ведь не смертельно. Даже если вспыхнул новый приступ, он не мог столь скоро принести смерть. В сердце блес-

нула искорка надежды. Женщина спешно приблизилась к вестнику и подняла его с колен.

– Ты, видно, ошибся, – почти молила она. – Должно быть, Густав просто охвачен более жестоким приступом болезни.

Однако Аксел покачал головой, отвергая слабый блеск надежды.

– Я бы не сказал вам таких слов, госпожа, если б не был в них уверен. Густав принял яд.

– Яд? – Бедняжка никак не могла понять. – Какой яд? Откуда?

– Густав сказал, что сестра привезла ему. Маленький такой флакончик.

Патриция тут же вспомнила этот предмет – прозрачный, с чёрной крышкой с тёмной уничтожающей жидкостью. Маргарет говорила, что достаточно двух капель. И всё-таки непонятно.

– Густав не мог сам отравиться. Это какая-то бессмыслица. – В глазах женщины засуетилось подозрение. – Почему вдруг в его руках оказался яд?

– Густав достал склянку, чтоб показать мне. Он хотел завтра дать отраву Гретте перед казнью.

– А зачем дал себе? – В напряжённые нервы Патриции постепенно начала просачиваться злость. – И почему ты не остановил его?

Как Аксел и предполагал, вина за случившееся падёт именно на него. Он же последний, кто был с Густавом. Он не

остановил, а возможно, и сам отравил. Подозрения, приводящие к конкретным выводам, которые в свою очередь обязательно приведут к наказанию. Как хорошо, что вещи уже собраны.

– Позвольте мне объяснить, госпожа, – оправдывался Аксел. – Я и сам не ожидал, что всё так случится. Мы беседовали, пили вино, и вдруг Густав приказал мне выйти. Я отказывался, но он настоял. Буквально выгнал меня. Я вышел и остался за дверью. Из комнаты не доносилось ни звука. Тогда я дверь немного приоткрыл. Густав разговаривал с Берхардом. Правда! Я это понял, так как Густав называл собеседника «Волчонком». Он говорил спокойно и тихо... Я и половины слов не мог разобрать. Но неожиданно Густав крикнул: «Я уничтожу источник твоей силы! Возвращайся в ад!» И вот тут уж я вбежал в комнату. Только, к сожалению, поздно. Густав уже выпил из склянки.

Однако разум Патриции продолжал всё отвергать. Добровольно принять отраву после беседы с... С призраком?

– Да что за небылицы ты рассказываешь? – раздражённо возмутилась женщина.

– Знаю, что рассказ мой странен. И всё-таки он правдив. Мне нет надобности лгать вам, госпожа. Признаю, что сам я этого призрака не видел и не слышал. Даже не знаю, существует ли он на самом деле или живёт лишь в видениях Густава. Но уверен в том, что призрак тот в этот раз уже не пугал моего друга, а лишил его разума.

Патриция не выдержала. Слышать о том, что её несчастный больной сын ещё и лишился рассудка, она более не могла. Густав не сумасшедший. Он не самоубийца!

– Есть тебе выгода в жестоком наговоре или нет, но я тебе не верю, – заявила Патриция. – Что бы ни случилось, ты убил Густава уже тем, что оставил его одного! Ты нарушил мой приказ! Идём со мной. Я хочу видеть сына. Я хочу во всём разобраться!

Пылая гневом и задыхаясь от отчаянья, Патриция торопливо вышла из комнаты и поспешила... да почти побежала в покои сына. Аксел следовал за ней. Следовал, но не до конца. Посреди пути он завернул в свою комнату, схватил приготовленные вещи и отправился прочь из замка Регентропф. Да и вообще прочь из Регенплатца. Отвечать своей жизнью за чужое безумие парень не собирался.

Тем временем Патриция дошла до покоев сына. Открыла дверь. С помощью слуг лекарь Гойербарг уже уложил тело юноши на кровать. Заметив вошедшую ландграфиню, он склонил голову. Но женщина не смотрела на него. Взглянув на ложе, Патриция уже более никого и ничего не замечала. Её сын, единственный любимый сын, ради рождения которого она пошла на сделку с тёмными силами, за счастье которого боролась с несправедливостью супруга, ради жизни которого мирилась с присутствием ненавистного волчонка, её сын сейчас лежал мёртвый, убитый ядом. Убитый точно так же, как и его вечный враг Берхард.

Вот теперь её разум полностью осознал случившееся. Вот теперь её сердце приняло неизбежную горечь утраты. Вот теперь душа заревела от тяжести горя.

Патриция подошла к сыну. В мерцающем свете зажжённых свечей лицо Густава казалось спокойным и даже не бледным. Несчастливая женщина ласково провела ладонью по ещё тёплой щеке сына. Единственного сына, любимого сына, сына, которого больше нет в живых... Нет! Это сон. Это просто страшный сон! Это невозможно! Невозможно, что Густав больше никогда не взглянет на неё, пусть даже и зло. Невозможно, что Густав больше не скажет ей ни слова, пусть даже грубого. Невозможно, что Густав перестанет двигаться, дышать, существовать! Невозможно, что она должна хоронить сына!

Патриция и не пыталась сдерживать рыдания. Упав на грудь Густава, женщина заливалась горькими слезами. Она выла, сжимая в кулаках ткань одежды. Она тщетно молила вернуться самого дорогого, самого родного для неё человека. Она взывала к Богу, она взывала даже к дьяволу. Но Густав мёртв, и вернуть его ей никто не сможет: ни люди, ни ангелы, ни демоны.

Наконец рыдания исчерпали силы, мольбы потеряли смысл. Патриция молча лежала на груди сына и тихо плакала. Душа устала, разум опустел – ни чувств, ни мыслей. Весь мир для женщины стал сер и бесполезен. Обеспокоившись за состояние рассудка внезапно потерявшей сына матери, ле-

карь Гойербарг склонился к Патриции и, успокаивающе поглаживая её по плечу, постарался успокоить.

– Я понимаю ваше горе, госпожа. Но вам нужно продолжать жить. Примите моего лекарства, оно даст успокоение вашим нервам и душе.

Патриция подняла бездумный взгляд на обеспокоенного пожилого мужчину.

– Разве я смогу жить дальше? Генрих умер. Густав...

Не может быть. Всё равно не верилось. Патриция приподнялась и взглянула в расслабленное лицо сына.

– Неужели ты и вправду сам погубил себя? Но для чего? Ведь ты обрёл всё, о чём мечталось тебе. Трон, власть, свободу... Даже любимую женщину. Бессмысленно. Значит, убили тебя. Отравили. Заставили выпить яд. Но кто? Кто?

Патриция огляделась. Питер Гойербарг смотрел на женщину тревожно; двое молодых слуг стояли поодаль, скромно опустив головы.

– Где Аксел? – тихо спросила ландграфиня, утирая затихающие слёзы. – Он же пришёл со мной.

– Нет, он не приходил с вами, госпожа, – отозвался лекарь.

– Не приходил? Значит, сбежал. Значит, чувствует за собой вину. Его нужно остановить, наказать. Даже если он не убивал, то виновен уже в том, что не смог защитить.

– Но Густава не от кого было защищать, – сказал Гойербарг. – Я расспросил солдата, что стоял на карауле, и он признался, что в покоях ландграфа был только Аксел Тарф. Он,

правда, выходил на некоторое время, однако оставался у дверей и подслушивал. Солдат ещё удивлялся, что можно подслушивать, если человек внутри комнаты находится в одиночестве?

Всё так, как и Аксел рассказывал. Вот только оставался ли Густав совсем один? Неужели, призрак действительно навещал его? Если поверить в это, значит, можно признать, что призрак покойного брата и заставил Густава сократить дни своей жизни. Но это же глупо. Это так глупо.

– Аксел Тарф мог всё подстроить, – проговорила Патриция и смахнула со щеки последнюю слезинку. – Надо бы послать гонца к графу Норберту Регентропфу. Кто-нибудь из вас, – обратилась патриция к слугам, – позовите начальника стражи.

Один из слуг поспешил выполнить поручение.

– И нужно ещё госпоже Гретте сообщить, – напомнил лекарь.

– Я сообщу ей сама.

Патриция вновь обратила усталый взор на сына. На шесть дней он пережил брата своего, своего вечного врага и соперника. Всего на шесть дней. Подействовала ли сила заклятия? Или у Густава на самом деле повредился разум от бесконечных приступов? Патриция прикоснулась к руке юноши – она уже была холодной. Вот ещё один Регентропф покинул мир живых, и, провожая его, за окном во тьме позднего вечера снова шуршал дождь.

Со стороны казалось, что Патриция успокоилась. Она больше не плакала, голос звучал ровно, эмоции утикли. Такие перемены в поведении женщины сняли с лекаря волнение за её душевное состояние. Патриция встала с кровати, подошла к столу, села за него. Положила перед собой листы пергамента, взяла перо, открыла чернильницу. Женщина писала быстро и молча. Написав первое письмо, она отложила его в сторону и принялась за второе.

Вскоре в покои зашёл начальник стражи, рослый мужчина в лёгких латах и плаще. Взглянув на ложе, на котором лежал молодой ландграф, мужчина заволновался, однако спрашивать о чём-либо не решился.

– Вот, возьмите приказ, – обратилась Патриция к вошедшему. – Немедленно освободите из темницы Клоса Кроненберга и его сына Кларка и проводите их до замка Кроненберг. Они свободны. А так же выпустите ландграфиню Гретту Регентропф. Она тоже свободна. И срочно позовите ко мне гонца.

Воин поклонился и отправился исполнять приказы.

– Гретта в темнице? – удивился Питер Гойербарг. – Но почему?

– Густав обвинил её в колдовстве, – спокойно ответила Патриция. – Естественно, это обвинение глупо. Гер Питер, я прошу вас об услуге.

– Слушаю вас, госпожа.

– Сейчас я пошлю письмо графу Норберту, где сообщаю

ему о трагедии и прошу срочно прибыть в Регентропф. Когда он прибудет, встретьте его вместе с Греттой. И расскажите ему всю правду. Всю. Об убийстве Берхарда с помощью яда, об его истинном убийце.

– Я не понимаю...

– Вы всё понимаете, гер Питер. Вы же знаете, что Берхарда убил Густав. Скажите Норберту, что Гретта – законная жена Густава. Вы не знали? Ну, так я вам сообщаю это. Запись о браке есть в книге домового часовни. Пусть Норберт решит дела по закону, теперь он – наследник Регенплатца. Он наверняка отпишет обо всём королю. Пусть не скрывает правды. В нашей семье уже столько лжи скопилось, что пора от неё избавиться. Вы исполните мою просьбу, гер Питер?

– Да, конечно, – с готовностью ответил пожилой мужчина. – Только почему вы сами не встретите графа и не поговорите с ним обо всём?

– Мне... Мне будет стыдно.

В дверь постучали. Слуга открыл и впустил в комнату гонца. У молодого парня, увидевшего лежащего на кровати ландграфа Густава, также вспыхнула в глазах тревога.

– Ох! Наш господин снова болен? – не удержался он от вопроса.

Но ответом его никто не удостоил. Патриция запечатала письмо, встала из-за стола и подошла к гонцу.

– Очень быстро, сегодня же, доставь письмо графу Регентропфу, – приказала женщина.

Гонец взял письмо и, поклонившись, покинул покои.

Ну, вот и всё. Кажется, все дела завершены.

– Я пришлю сейчас служанок, чтобы они подготовили Густава к похоронам, – добавила Патриция.

Повернувшись к лекарю Гойербаргу, она слабо улыбнулась ему, подошла.

– Спасибо вам, гер Питер за ваше мастерство, – произнесла женщина. – За верную службу фамилии Регентропф. Вы всегда стояли на страже здоровья всей семьи. Отдельный поклон вам от меня за то, что помогли рождению сына моего.

– Я всегда был и остаюсь преданным слугой фамилии Регентропф, – поклонился лекарь, не совсем понимая, к чему сейчас вся эта речь.

– Прошу вас, продолжайте хранить жизни этой семьи и далее.

– Будьте в этом уверены, ландграфиня. Если хотите, я останусь и прослежу за работой слуг. А вам следует отдохнуть, постараться успокоить разум и сердце. Завтра предстоит трудный день.

– Да. Благодарю вас, добрый мой человек. Я отдохну, обязательно. Но сначала завершу ещё одно важное дело.

Патриция подошла к кровати. Теперь даже в слабом свете свечей была заметна бледность на лице Густава. Женщина провела ладонью по охладевшей щеке сына, наклонившись, поцеловала в холодный лоб.

– Я не покину тебя, сынок, – прошептала она.

Патриция больше не плакала и была спокойна. Может, слёзы иссякли, а может, душа устала. Женщина выпрямилась, отвернулась от ложа и, степенно ступая, покинула комнату сына.

Свернув в северное крыло, Патриция зашла в покои своей матери. Магда при помощи служанок уже готовилась ко сну. Кровать её была расстелена, седые волосы распущены.

– Как поздно ты зашла ко мне, Патриция, – заметила Магда Бренденбург, повернувшись к дочери. – Случилось ли что?

– Случилось, матушка, – тихо сказала Патриция. – Густав умер.

Старая графиня замерла. Эта страшная новость, словно тяжёлый снежный ком, обрушилась на неё. Что сказать, Магда не знала – слова исчезли из разума её. Что делать теперь, она не ведала – чувства оцепенели в душе её. Даже взор давно ослабших глаз покрыл серый туман. Женщина лишь прижала руку к застывшему сердцу и сгорбилась под тяжестью застрявших в горле рыданий.

– Прощайте, матушка, – словно издалека, донеслись до слуха Магды тихие слова. – Прощайте и простите.

Но старая женщина слишком глубоко утонула в трясине проявившегося горя, она уже не слышала.

Патриция закрыла дверь, вынула факел из держателя на стене и, освещая себе дорогу, направилась в тёмный проём к крутой лестнице, ведущей на залитую дождём площадку

северной башни.

День клонился к вечеру. Тяжёлый суетный день. Наконец-то он подходил к концу. Усталая Гретта сидела на скамье, прислонившись спиной к стене, и задумчиво перебирала складки своего чёрного траурного платья. Все принимавшие участие в похоронах разошлись по своим комнатам. Кроме Гретты в рыцарской зале остались лишь её отец, да граф Норберт фон Регентропф. Норберт стоял у окна и с бесконечной печалью в глазах всматривался вдаль. Долгое время в зале висела скорбная тишина, нарушаемая лишь щебетанием птиц за окном да шуршанием ветра в листве деревьев. Природа радовалась лету, теплу ласкового солнца, и ей не было дела до людского горя.

– Как ужасно... Как страшно... – произнёс Норберт, не отрывая взор от дали. – Буквально за несколько дней вымерла вся семья моего брата. Он с женой и двое его сыновей... Ужасная трагедия.

– Это я во всём виновата, – тихо отозвалась Гретта. – Если бы я не приехала сюда...

– Не наговаривай на себя, дочка. – Рюдегер Хафф приблизился к дочери и участливо положил руку ей на плечо. – Ты абсолютно ни в чём не виновата.

– Всё началось из-за меня...

– Всё началось очень давно, Гретта, – сказал Норберт. – В этом доме уже много лет царствовали ненависть и горь-

кая обида. Враждовали братья, враждовали супруги, враждовали родители и дети. Отсюда прогнали любовь. Закрыли дверь перед уважением и терпимостью. Кто в этом виноват? Да все понемногу. Даже я в какой-то степени повинен. В своё время не смог убедить Генриха оставить Берхарда на воспитание Ахиму Штаузенгу. Мне нужно было быть более настойчивым. Но теперь уж поздно об этом говорить.

Норберт утёр ладонью скатившуюся на щеку слезу. Его сердце и разум никак не могли смириться с мыслью, что семьи его родного старшего брата более не существует. Происходящее всё ещё казалось ему страшным сном, который обязательно скоро должен закончиться. Тяжело вздохнув, Норберт попытался скинуть с сутулых плеч горе и вернуться к жизни. К жизни, которая продолжалась, несмотря ни на что. Мужчина отвернулся от окна и прошёл к своим собеседникам?

– Как вы планируете продолжать жизнь свою, фрау Гретта? – поинтересовался Норберт у молодой женщины.

В ответ Гретта лишь пожала плечами. Она ещё не ставила перед собой такой вопрос.

– Вы, как законная жена Густава, можете остаться здесь, в Регентропфе, – продолжал Норберт, присев на другой конец скамьи. – Правление Регенплатцем переходит в мои руки, и я вынужден буду со всей семьёй переехать сюда. Но знайте, что вас я не гоню. Вы станете частью моей семьи. Однако если вас в этом замке мучают тяжёлые воспоминания, можете

выбрать любое поместье в Регенплатце...

– Я думаю, Гретте лучше всего вернуться домой, – предложил барон Хафф.

Однако, распрямив спину, Гретта вдруг твёрдо произнесла:

– Нет. Я останусь в Регентропфе. Отныне здесь моё место. Моё и моего ребёнка.

Мужчины изумлённо вскинули брови. Услышанная новость их потрясла.

– Ты... Ты в положении, дочка? – уточнил Рюдегер Хафф.

– Да. Я жду ребёнка от моего законного супруга.

– Как прекрасно среди потока трагедий узнать о чём-то радостном. – Норберт даже улыбнулся. – В таком случае вам даже необходимо остаться в замке, Гретта. И если родится мальчик, то после своего совершеннолетия он по праву займёт трон Регенплатца.

– Необходимо оповестить короля о событиях в Регенплатце, – заметил барон.

– Король Фридрих скоро лично прибудет сюда, – сказала Гретта.

– Разве ты уже послала письмо ему?

– Лекарь Гойербарг послал к королю своего старшего сына, чтобы тот рассказал Фридриху о смерти ландграфа и Берхарда. И ещё, чтобы попросить короля приехать в Регентропф и лично разобраться в свершившихся в замке злодеяниях.

– В каких злодеяниях? – встрепнулся Норберт. – Разве здесь совершались преступления? Берхард умер от лихорадки, Генрих – от остановки сердца, Густав от приступа падучей, Патриция... Она сама прервала жизнь свою.

– Вижу, гер Гойербарг ещё ничего не поведал вам.

– Так после похорон я ещё и не встречался с ним.

– Понимаю. Что ж, тогда я сделаю это, – вздохнула Гретта. – Вы очень многого не знаете, граф. Присаживайтесь поближе, я расскажу вам всю правду о прошедших в замке несчастиях.

Король Фридрих собрал всех в рыцарской зале. Слугам и караульным было велено удалиться. Приглашённые расселись вдоль длинного пустого стола и приготовились слушать. Сам Фридрих занял место хозяина – во главе. Все видели его, он видел всех: Норберта фон Регентропфа, Гретту, отныне по праву носившую ту же фамилию, её отца барона Хафф, графа Кроненберга и сына его Кларка, также лекаря Питера Гойербарга. По их рассказам Фридрих смог чётко представить огромную трагедию, произошедшую в замке Регентропф. Раздумья его были тяжелы, но решение он принял быстро.

– То, что случилось в замке – ужасно, – начал Фридрих с главного. – Погибла целая семья. Семья достойного честного человека, семья моего друга. Сердце моё плачет от горя, душа страдает. Гнев мой требует посылать проклятия жесто-

кому Густаву, который, безусловно, повинен в смертях родного отца и брата, однако сострадание просит его пожалеть. Ибо разум его был болен завистью и ненавистью. Именно болен, и Густав сам же страдал от этого. Признаю, будь он жив сейчас, мне было бы тяжело выбрать для него наказание. Но Густав снял с меня необходимость судить его. Он наказал себя сам, приняв яд, освободившись тем самым от угрызений совести. А я верю, совесть есть у каждого, даже самого подлого и жестокого человека. В благодарность, что Густав освободил меня от столь тяжкого суждения, я решил не объявлять о его преступлении, не клеймить братоубийством. На древнем имени Регентропф, которое веками было примером честности, благородства, верности, уважения к законам Божьим и людским такого пятна не появится! Генрих, Берхард и Густав умерли от болезней. И лишь на Патриции останется грех самоубийства. Я не могу вас заставить забыть о том, что произошло. Но я приказываю! Об истинных событиях молчать и никому не рассказывать. И в фамильную летопись не вписывать. Сплетни быстро развеются, слухи и домыслы растворятся во времени. Честь фамилии Регентропф останется чистой.

Королевский приговор все выслушали молча. Кто-то с ним согласился, кто-то был против, однако высказывать мнения своего никто не стал. Приказ короля они в любом случае обязаны исполнить. И они сделают это.

– И вот моё слово о Регенплатце, – продолжал Фридрих. –

Главой этих земель назначаю Норберта фон Регентропфа, родного брата Генриха и единственного его наследника. К вам, Норберт, переходят титул и власть. Если Гретта родит мальчика, то по праву прямого наследования в день своего совершеннолетия он примет от дяди регалии ландграфа и правление Регенплатцем. Если родится девочка, титул и Регенплатц останутся у Норберта и его потомков. И если вы скроете реальные события, то, кто бы ни родился, никто никогда не сможет сказать этому ребёнку: «Твой отец подлый убийца». Пусть новый член семьи Регентропф носит своё имя так же гордо и с тем же достоинством, как носили его предки.

Окончив речь, король Фридрих поднялся. Остальные поступили так же.

– Да благословит Господь семью эту! Да подарит ей благоденствия и процветания! Грехи её искуплены, преступления наказаны. Суд Божий свершён.

ЭПИЛОГ

Молодая женщина стояла на самой высокой башне замка и смотрела вдаль. Холодный ветер спутывал её волосы, трепал подол чёрного плаща. И всё же он был ласков, с ней был ласков. Ветер дул с Рейна, слетал с его холмов. Он нёс с собой влагу, гнал из-за дальних гор тяжёлые тучи. На Регенплатц надвигался ливень.

Женщина подставила ветру своё лицо. Она не ощущала

холод. Этот ветер был вестником не только стихии, но и грядущей радости. Её радости. Осталось подождать совсем немного.

Рейн потемнел, забурлил, занервничал. О берег бились волны, предупреждая рыбаков о шторме. И люди торопились убрать подальше от наступающей воды свои лодки и свернуть сети. Лес у подножия замка шумел, взволнованный резкими порывами ветра, и гул его сливался с ворчанием Рейна. И только Стиллфлусс, скромная застенчивая речка, огибая равнину, продолжала тихо и покорно нести свои воды своему господину, величественному Рейну, где они растворялись, навсегда исчезали в его глубинах, в его мощи. До Стиллфлусс стихия ещё не дошла.

Солнце нехотя собирало свои лучи, забирая тепло и уступая место грозе. Тени надвигающихся туч постепенно накрывали красные черепичные крыши города Крафтбурга. В его порту тревожно покачивались большие парусные корабли, нервничали торговые суда, суетились лодочки. Улицы опустели. Жители укрылись в домах, закрыли окна.

И люди, и природа трепетали перед стихией. Все и всё, но только не она. Фамилия Регентропф обязывала её быть сильной, стойкой, гордой. Сильной, как веками никем не покорённый Крафтбург, стойкой, как неприступные стены замка Регентропф, гордой, как могучий Рейн. Гретта стояла на самой высокой башне замка, вросшего в вершину самого высокого холма Регенплатца, она была ближе всех к небу, к

тучам, стояла в самой гуще ветра. Она ждала ливень. Она ждала его, своего любимого. Она знала, что он скоро придёт. Осталось подождать совсем немного.

Вот уже первая капля дождя коснулась её щёки. Гретта улыбнулась. Он всегда её так приветствовал, это его поцелуй. Через некоторое время ещё пара капель упала на её губы. Он уже здесь, уже совсем рядом. Они скоро встретятся, увидят друг друга.

Сердце радостно билось от предвкушения встречи. Гретта спешно покинула площадку башни, спустилась по лестнице, добежала до своих покоев. Она примет любимого здесь.

Плащ скинут и брошен на сундук, причёска наскоро поправлена, служанка и пожилая нянечка выпровожены из комнаты. Осталась только она. Она да её маленький сын, лежащий в колыбельке, малыш Берхард. Молодая женщина нагнулась к младенцу и нежно погладила его по покрытой чёрными пушистыми волосиками головке – малыш улыбнулся матери и радостно засучил ручками. Как же он был похож на своего отца! Те же ястребиные глаза, та же улыбка. Одеяльце сбилось, и мать заботливо поправила его, укутав сынишку. Но тот не пожелал быть запелёнатым и, недовольно кряхтя, вновь задёргал ручками и ножками, скидывая с себя одеяльце. Упрям. Упрям, как все Регентропфы. И всё же мать снова укрыла его ножки, расправила воротничок рубашечки, поверх которой блестела тонкая золотая цепочка с незатейливым жемчужным кулоном в виде капельки.

Вскоре малыша заинтересовало что-то у окна. Глазёнки его остановили любопытный взгляд на бледных лучах солнца. Мальчик посмотрел сквозь туманный свет и улыбнулся. Гретта знала, кого увидел сын. Она повернулась к окну, протянула руки навстречу.

– Здравствуй, Берхард, возлюбленный супруг мой. Добро пожаловать домой.